Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

Материалы XVII Международной научной конференции
Великий Новгород,
17–20 сентября 2019 года

Великий Новгород
2019

ББК 81.053.16
УДК 413.13
О-59

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 19-012-20052)

Редакционная коллегия:
В.Л. Васильев (отв. ред.), Т.В. Шмелева, Н.Н. Вихрова, В.И. Супрун

О-59 Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. – 560 с.

В сборнике представлены материалы XVII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», состоявшейся в г. Великий Новгород 17–20 сентября 2019 г. Рассматриваются теоретико-методологические аспекты основных направлений ономастики, ономастические источники, исследуются вопросы происхождения и функционирования топонимии многих регионов России и зарубежья, антропонимии в разных формах ее проявления, этнонимии, зоонимии и многих других разрядов имен собственных, изучается ономастический ландшафт современных российских городов, трактуются вопросы литературной и педагогической ономастики.

Сборник представляет интерес как для специалистов (филологов, историков, географов), так и для широкого круга читателей, интересующихся именами собственными.

ББК 81.053.16
УДК 413.13

Ответственность за аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

© Авторы статей, 2019
© В.Л. Васильев, составление, редактирование, 2019
© Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2019

ISBN 978-5-6041241-2-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *(В.И. Супрун, В.Л. Васильев)* ... 9

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бубнова Н.В. (Смоленск). Ономастические маркеры единого национального культурного пространства (на основе анализа смоленского материала) ... 14
Васильев В.Л., Вихрова Н.Н. (Великий Новгород). Формирование топонимических микросистем (на материале гидронимии исторических новгородско-псковских земель) ... 19
Васильева Н.В. (Москва). Александра Васильевна Суперанская (1929–2013): страницы жизни и творчества ... 25
Голомидова М.В. (Екатеринбург). Именование городских топографических объектов и проблемы экспертизы новых названий ... 29
Гордова Ю.Ю. (Москва). Единая база данных «Топонимия России» как способ интеграции региональных знаний ... 33
Дамбуев И.А. (Улан-Удэ). Прописная и строчная буквы в многокомпонентных топонимах ... 38
Джафаров Э.М. (Баку). Имена собственные в сфере электронного правительства ... 42
Калинкин В.М. (Донецк). Сумма поэтонимологии: филолософемы дилетанта. 3. Предыстория поэтонимологии ... 47
Климкова Л.А. (Арзамас). Микротопонимия в аспекте семантического проецирования ... 51
Ковалев Г.Ф. (Воронеж). Как понимать автобиографизм в литературной ономастике ... 56
Копач О.И. (Минск). К вопросу о базовом уровне категоризации в топонимии ... 61
Королева И.А. (Смоленск). Проблемы современной литературной ономастики ... 64
Крюкова И.В. (Волгоград). Коннотативная эргонимия ... 68
Кюршунова И.А. (Петрозаводск). Новые подходы в исследовании ономастических материалов ... 73
Левушкина Р. (Белград). Православный ономастикон в сербском языке и сербской лингвистике (пути дальнейших исследований) ... 77
Лесников С.В. (Санкт-Петербург). Аналитический обзор источников русских терминов ономастики и их систематизация и компьютерное ранжирование ... 82
Мезенко А.М. (Витебск). Эмотивность как составляющая номинации внутрипоселенческих линейных объектов ... 90
Русанова И.Ю. (Ижевск). Проблемы выявления и описания национально-культурного компонента в структуре значения эргонима ... 95
Супрун В.И. (Волгоград). Функциональная и ассоциативная ономастика ... 100
Шапошников А.К. (Москва). Ранняя этнонимия славян ... 105
Шмелева Т.В. (Великий Новгород). Ономастический портрет города как модель интегрального описания ... 112

ИСТОЧНИКИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анкудинов И.Ю. (Великий Новгород). О локализации топонимов новгородских поземельных актов XII–XV вв. ... 118
Бурыкин А.А. (Санкт-Петербург). Путеводители по Волге как источник поволжской ономастики ... 121
Верховых Л.Н. (Борисоглебск). Антропонимикон ревизских сказок как источник изучения особенностей развития русской фамильной системы ... 128
Гайдамашко Р.В. (Санкт-Петербург). Коми-Язьвинская ономастика (бассейн Вишеры, левого притока Камы) в трудах конца XIX – начала XX веков ... 132
Михайлова Л.П., Приображенский А.В. (Петрозаводск). Деловые документы 30-х–50-х гг. XX в. как источник изучения топонимии Карельского Поморья. ... 138
Мызников С.А. (Санкт-Петербург, Москва). Ономастика на страницах «Словаря русских народных говоров» ... 142
Копылов И.Л. (Минск). Историческая топонимика Беларуси. Современное состояние и перспективы развития ... 149

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА И МИКРОТОПОНИМИКА

Афанасьева А.А. (Петрозаводск). Ареальная дистрибуция карельских топонимных моделей в Сямозерье ... 154
Бакутов В.А. (с. Новые Параты). Структура и семантика ойконимов Большепаратского сельского поселения Волжского района Республики Марий Эл ... 159
Бекасова Е.Н. (Оренбург). К проблеме гетерогенности ономастического ландшафта Оренбуржья ... 165
Беленов Н.В. (Самара). Топонимическое пространство мокша-мордовского села Бахилово на Самарской Луке ... 169
Богатырев А.В. (Тольятти). Ряд топонимов из отчетов первой русской резидентуры в Речи Посполитой за 1673–1677 гг. ... 174
Васильев В.Л., Вихрова Н.Н. (Великий Новгород). Стратификация дославянской топонимии на Волжско-Двинско-Днепровском водоразделе ... 178
Гальцова Д.Н. (Воронеж). Гидронимы сёл Старый Курлак и Новый Курлак Аннинского района Воронежской области ... 185
Гусейнов Г.-Р.А.-К. (Махачкала). О названии Киева у Константина Багрянородного (952–954 гг.): аспекты историко-этимологической и ареальной интерпретации ... 190
Егорова А.С. (Чебоксары). Словообразовательные модели чувашских гидронимов ... 195
Ефименко И.В. (Киев). Специфика позднего ойконимикона юга Украины (на материале Николаевской и Херсонской областей) ... 199
Захарова Е.В. (Петрозаводск). Географические термины в топонимическом прочтении (по материалам словаря карельской народной географической терминологии) ... 204
Иваненко А.В. (Киев). Греческие легенды Крыма: *Ифигения*, *Дракон* и *Парфеница* ... 210

Исаев Ю.Н. (Чебоксары). Финно-угорский субстрат в топонимии южных районов Чувашской Республики 216
Каксин А.Д. (Абакан). К вопросу о моделях образования гидронимов (на примере ряда гидронимов финно-угорского происхождения)..... 219
Кузнецов А.В. (Тотьма). «Спорные» названия деревень Русского Севера..... 223
Макарова А.А. (Екатеринбург). Семантико-этимологические интерпретации некоторых ландшафтных терминов в субстратной топонимии Белозерья 230
Муллонен И.И. (Петрозаводск). Большие дворы – новгородское наследие в ойконимии Карелии..... 235
Неганова Г.Д. (Кострома). Хоронимы Костромского края через призму языка культурного ландшафта..... 240
Никитина Т.Г. (Псков). Поволжская топонимия в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров»..... 245
Попов С.А. (Воронеж). Воронежская топонимия в аспекте лексикографии..... 249
Сироткина Т.А. (Сургут). Ономастическое пространство ХМАО-Югры: актуальные направления исследования..... 253
Теуш О.А. (Екатеринбург). Наименования кустарника в диалектах и топонимии Европейского Севера России: заимствования из саамских диалектов..... 257
Торкар С. (Любляна). К этимологии топонимов *Колезия* и *Резия* 261
Цветкова Е.В. (Кострома). Костромская микротопонимия, связанная с животноводством (наименования пастбищ)..... 268
Шклярик В.А. (Минск). Екатерининский тракт на территории Беларуси по данным микротопонимии 273
Шульгач В.П. (Киев). К этимологии гидронима *Вязьма* 276

АНТРОПОНИМИКА

Волкова С.Н. (Москва). Прозвища в современной речевой коммуникации 281
Врублевская О.В. (Волгоград). Коннотативные антропонимы политического дискурса: динамический аспект (на материале имен советских политических лидеров) 286
Галиуллина Г.Р. (Казань). Новые имена в антропонимиконе татар..... 290
Ганжина И.М., Черненок М.Ю. (Тверь). Традиции именования в дворянском роде Бакуниных..... 295
Ганцовская Н.С. (Кострома). Личные имена собственные в ономастическом пространстве костромских говоров 300
Деникина А.Е. (Самара). Проблемы адаптации в русскоязычном дискурсе личных имён иностранных студентов 305
Кобыскан А.С. (Уфа). Псевдоимена-антропонимы в коммуникативном пространстве современного спорта (на примере футбольных и автогоночных прозвищ)..... 309
Кошелева Т.И. (Великий Новгород). Прецедентные имена в православном дискурсе (на примере богослужебных текстов Великого поста) 314

Мордань М. (Белосток). Отыменные фамилии с суффиксом *-ук/-чук* на польско-белорусском пограничье в 1891–1900 гг. (на материале метрических записей православного прихода в Райске) 318
Назаров А.И. (Алматы). Женский именник детей из национально-смешанных семей с участием татар (на примере Алматы) 324
Николаев Е.Р. (Якутск). Якутские антропонимы в контексте диалектологии 329
Пашаева Юнус Ф.Ш. (Карс). «Профессиональные» фамилии тюркского происхождения в русском и болгарском языках 333
Сулейманова Р.А. (Уфа). Башкирские фамилии, основанные на анимистических верованиях: лингвокультурологический и этимологический аспекты 338
Хазиева-Демирбаш Г.С. (Казань). Современные татарские личные имена в этнокультурном пространстве 343
Цепкова А.В. (Новосибирск). Метафорические модели прозвищ, характеризующих внешность (на материале прозвищ-антропонимов Новосибирской области) 347
Черногрудова Е.П. (Борисоглебск). О некоторых особенностях и принципах имянаречения древнерусских князей 352

УРБАНОНИМИКА И ЭРГОНИМИКА

Горлова Т.В. (Кострома). Структурные особенности современных годонимов малого провинциального города Центральной России (на примере города Нерехта Костромской области) 357
Горяев С.О. (Екатеринбург), Бай Шаньшань (Тунляо). Детская эргоурбонимия: русско-китайские параллели 362
Донскова Г.А., Утарова Н.Т. (Уральск). Эргонимия сферы туризма (на материале г. Казань РФ и г. Уральск РК) 366
Емельянова А.М. (Уфа). Реализация в названиях организаций досуга их тематических разновидностей 370
Железнова Ю.В. (Ижевск). Репрезентация социальных ценностей в эргонимах 373
Дорофеенко М.Л. (Витебск). Национально-культурное наследие в урбанонимии Беларуси и Франции 377
Заонегина В.В. (Торжок). Названия церквей и монастырей Торжка в исторической годонимике 382
Казнина Е.А. (Ярославль). Основные принципы номинации улиц малого города (на примере Углича) 386
Картавенко В.С. (Смоленск). Урбанонимический ландшафт: официальные, полуофициальные и неофициальные названия 390
Полежаева С.С. (Тирасполь). Имя собственное в полилингвистическом сообществе (на материале урбанонимов города Тирасполь) 394
Разумов Р.В. (Ярославль). Названия-ориентиры в городском онимическом пространстве 399
Рассадин А.П., Ильин В.Н. (Ульяновск). Необоснованные урбанонимы (на примере топонимической карты Ульяновска) 403

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Антонов А.В. (Ярославль). Знаки адресата в названиях кинофильмов для детей и подростков 410
Ахметова М.В. (Москва). Катойконимы в советской газетной риторике 1918–1960-х годов..... 413
Болеста-Врона Б., Врона Я. (Белосток). Ктематоним в рекламном тексте (на материале наименований часов российского производства) 418
Варникова Е.Н. (Вологда). Диахронические изменения в русской зоонимии..... 422
Генералова Е.В. (Санкт-Петербург). Функционирование имен собственных библейского происхождения в современном русском языке..... 427
Залужанская С.А., Попцова О.С., Шеремета Т.В. (Пермь). Употребление зоонимов в служебной кинологии..... 433
Калинин С.С. (Кемерово). О семантике этнонимов *хайдинцы* и *юги* 438
Лукина О.А. (Могилев). Своеобразие экклезионимов как особых онимных единиц (на материале названий культовых сооружений Беларуси)..... 443
Мухаметгареева Н.М., Яковлева Е.А (Уфа). «Имя собственное в имени собственном»: название картины с топонимическим элементом..... 447
Романова Т.П. (Самара). Коммуникативный потенциал самарских ивентонимов 452
Соколова Т.П. (Москва). Междисциплинарный подход к исследованию городских вывесок..... 456
Семенова В.И. (Иркутск). Лингвокультурологический аспект бурятских генонимов 461

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА

Батулина А.В. (Великий Новгород). Имя собственное как объект метаязыковой рефлексии (на материале массовой литературы)..... 467
Валиева М.Р. (Уфа). Башкирская фольклорная ономастика 472
Верещагина А.Н. (Ярославль). Функционирование имён собственных в лирике Г. Иванова 476
Верещагина О.Н. (Ярославль). Имя собственное в творчестве М.Ю. Лермонтова 481
Вихрова Н.Н. (Великий Новгород). Псевдонимы И.С. Аксакова в газете «День» (1861–1865)..... 485
Гиржева Г.Н., Заика В.И. (Великий Новгород). Антропоним как элемент образа персонажа (на материале сборника рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста»)..... 490
Комлева Н.В. (Вологда). Имена собственные в субъектной организации романа В.И. Белова «Кануны» 496
Летаева Н.В. (Одинцово). Поэтонимы в рассказе Е. Бакуниной «Шторм»..... 500
Милуд М.Р. (г. Алжир). Ономастический анализ рассказа «Тёмные аллеи» И.А. Бунина .. 505
Репенкова М.М. (Москва). Функция географических названий в романе Зюльфю Ливанели «Тревожность» (2017)..... 509
Садокова А.Р. (Москва). «Личные имена» камней и скал в японских народных преданиях.... 514

Федотова К.С. (Донецк). Онимное пространство произведений Николая Гумилева 518
Хвесько Т.В., Третьякова С.Ю. (Тюмень). Лингвопрагматический аспект антропонимов в художественном тексте 522
Шустова А.П. (Москва). Анализ антропонимического репертуара романа «Бесы» Ф.М. Достоевского 526

ОНОМАСТИКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Гезайли Н. (г. Алжир). Роль ономастики в преподавании русского языка как иностранного в алжирском университете 531
Головина Л.С. (Псков). Онимы в системе предвузовского обучения иностранных граждан 535
Рогалёва Е.И. (Псков). Учебные словари городской топонимии как лингвометодический ресурс подготовки учителя начальных классов 540
Орлова Е.О. (Великий Новгород). Культурологические начала изучения ономастики со студентами-педагогами 544
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 549

ПРЕДИСЛОВИЕ

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.9 ***В.И. Супрун, В.Л. Васильев***

В истории конференций «Ономастика Поволжья» были периоды стабильности, когда научные встречи проходили каждые два года в разных поволжских городах, но было и неустойчивое время, когда перерыв между разными заседаниями продолжался несколько лет. Для нестабильности имелись объективные и субъективные причины.

Первая конференция была проведена Владимиром Андреевичем Никоновым с 18 по 22 сентября 1967 г. на своей родине в Ульяновске. Ведущий лингвистический журнал страны «Вопросы языкознания» опубликовал подробный отчёт об этой конференции [Исаева, Ухмылина 1968]. Вторую конференцию по ономастике Поволжья было решено провести в Горьком в сентябре 1968 г., однако ее пришлось на полгода перенести. Конференция в этом волжском городе состоялась в апреле 1969 г. Затем дважды был соблюдён двухлетний цикл: Уфа (1971), Пенза (1973). Через год «Ономастика Поволжья» была проведена в Саранске. Казалось, что потребность в проведении подобных научных встреч была высокой, что регулярность проведения будет соблюдаться, однако Владимир Андреевич занялся своими другими проектами.

После пятой конференции в течение 15 лет ономатологи Поволжья не смогли организовать очередную научную встречу. Только в 1989 г. состоялась 6-я конференция «Ономастика Поволжья» в Волгограде, куда ранее приезжал Никонов для согласования вопросов о проведении научного форума. 13 марта 1988 г. он скончался, и конференция «Ономастика Поволжья» была посвящена памяти этого выдающегося организатора ономастической работы в СССР.

После кончины Владимира Андреевича организаторы конференции некоторые время пребывали в растерянности. А тут ещё пришли «лихие 90-е», когда учёные думали больше о выживании, чем о научных форумах. Тщетно поискав возможные места для проведения очередной конференции, оргкомитет пошёл по пути наименьшего сопротивления: последующие три «Ономастики Поволжья» также проходили в Волгограде (1995, 1998, 2002).

В относительно стабильном XXI веке и конференция обрела прежнюю стабильность. «Ономастика Поволжья» возвратилась к своей первоначальной форме проведения и к двухлетнему графику, двинувшись в путь по городам Поволжья: 2006 – Уфа, 2008 – Йошкар-Ола, 2010 – Казань, 2012 – Ярославль, 2014 – Тверь, 2016 –

Арзамас. Информацию о конференциях регулярно публиковали журналы «Вопросы языкознания», «Вопросы ономастики», вузовские вестники. К сожалению, с 2017 г. научный журнал «Вопросы языкознания» ликвидировал раздел «Научная жизнь» и не публикует хроникальных заметок о лингвистических конференциях.

XVI конференция несколько нарушила этот чёткий график: она состоялась в 2017 г., но причина была весьма веской: прошло ровно 50 лет со дня проведения первой «Ономастики Поволжья». На этой встрече ономатологи вспомнили не только энтузиаста ономастических исследований и инициатора многих конференций Владимира Андреевича Никонова, но и прежних участников «Ономастики Поволжья»: А.В. Суперанскую, Н.М. Шанского, Г.Ф. Саттарова, Н.Ф. Мокшина, Ф.И. Гордеева, В.Ф. Барашкова, Л.Л. Трубе, С.И. Зинина, А.С. Кривощекову-Гантман, Э.М. Мурзаева, Г.П. Смолицкую и др.

Сложилась традиция: на заключительном заседании конференции «Ономастика Поволжья» происходит символическая передача эстафеты следующему университету, который дал согласие провести очередной поволжский ономастический форум. При этом определялся и главный организатор будущей конференции. Без персонализации местного оргкомитета проводить научную встречу было сложно, практически невозможно. В Казани ношу организации следующей конференции взял на себя доцент Ярославского государственного педагогического университета Р.В. Разумов, через два года в Ярославле эстафету приняла доцент Тверского государственного университета И.М. Ганжина, затем за организацию последующих конференций отвечали профессор Л.А. Климкова из Арзамасского государственного педагогического университета (ко времени проведения конференции он стал филиалом Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского) и доцент С.В. Рябушкина (Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова).

Но в Ульяновске передачи эстафеты не произошло. Предварительное согласие дали два вуза, однако затем последовал в одном случае резкий, во втором – извинительный отказ, и дальнейшая судьба «Ономастики Поволжья» оказалась неясной. 2018 год, на который предварительно намечалась XVII конференция, прошёл без неё. Так бы, возможно, этот ономастический форум вступил в свой очередной кризисный период развития, но своё плечо подставил Новгородский государственный университет. Руководство Гуманитарного института НовГУ, кафедра филологии ответственно взялись за организацию конференции. Был определён местный оргкомитет, который возглавил профессор Валерий Леонидович Васильев, была подана заявка на грант РФФИ, которую фонд поддержал.

У некоторых прежних участников поволжской конференции возник вопрос: как связаны между собой Поволжье и Великий Новгород. Действительно, прямой гидрографической связи города Новгорода с Волгой нет: река Волхов, на которой стоит об-

ластной центр Новгородской области, вытекает из озера Ильмень, впадает в Ладожское озеро, которое через реку Неву течет в Балтийское море. А вот сам Новгородский край не только примыкает к Поволжью, но и отчасти принадлежит Волжскому бассейну. На территорию Новгородской области пришелся северный участок озера Селигер (Полновский плес Селигера), относящегося к системе Волги. Начало же самой Волги находится в глухой местности на пограничье Тверской и Новгородской областей. На востоке Новгородской области протекает крупная река Молога Волжского бассейна (общая длина 456 км), на ней стоит районный центр – город Пестово, большим новгородским притоком Мологи является Кобожа (184 км). Но особенно очевидна территориальная и культурно-историческая связь Поволжья с Новгородским краем в прошлом. В область средневековых новгородских пятин (т.н. внутренние земли Великого Новгорода) входили многие верхневолжские озера, протоки, ручьи, включая и сам исток Волги. Волга вытекала из волости Стерж древней Новгородской земли, и, более того, появилось достаточно уверенное предположение о том, что и сам гидроним *Волга* имеет новгородские корни (подр. об этом см. в статье В.Л. Васильева и Н.Н. Вихровой в настоящем сборнике). Издревле через новгородские земли были проложены озерно-речные пути и волоки, связывавшие Балтику с Волгой и Каспийским морем. Новгородский участок древнейшего пути «из Варяг в Арабы» шел через Неву, Ладожское озеро, Волхов, озеро Ильмень, реки Мсту и Цну, а далее через волок в Тверцу (сейчас там стоит город *Вышний Волочек*) и в Волгу. При Петре Первом средневековый торговый путь был благоустроен, на месте прежних волоков прорыли каналы, возвели плотины и шлюзы. Была создана первая в России Вышневолоцкая водная система, прочно объединявшая Новгород и новопостроенный Санкт-Петербург с Поволжьем. Система работала до конца XIX в. В начале XIX в. на территории Новгородской губернии были обустроены еще две водные системы – Тихвинская и Мариинская: первая связала Балтийский и Волжский бассейны через канал между Тихвинкой и Чагодой (неподалеку от Тихвина), вторая – через канал между Вытегрой и Ковжей. Тихвинская система фукционировала до конца 1970-х гг., а Мариинская, после модернизации в советское время, стала Волго-Балтийским водным путем, действующим до сих пор.

В сборник материалов XVII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» вошло 112 работ, принадлежащих 122 авторам из 33 российских регионов и 11 зарубежных стран. География регионов весьма обширна и выходит далеко за пределы собственно Поволжья. Российские регионы главным образом представлены участниками из центров областей, краев, республик и округов (Волгоград, Великий Новгород, Смоленск, Москва, Екатеринбург, Улан-Удэ, Воронеж, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Ижевск, Оренбург, Самара, Махачкала, Чебоксары, Абакан, Кострома, Псков, Сургут, Казань, Тверь, Уфа, Якутск, Новосибирск, Ярославль, Ульяновск, Вологда, Пермь, Кемерово, Иркутск, Тюмень), реже – из городов внутрireги-

онального подчинения и селений: Арзамас (Нижегородская область), Борисоглебск (Воронежская область), Одинцово (Московская область), Тольятти (Самарская область), Торжок (Тверская область), Тотьма (Вологодская область), с. Новые Параты (Республика Марий Эл), с. Прямухино (Тверская область).

В сборник вошли статьи авторов из целого ряда зарубежных стран Европы, Азии и Африки: Азербайджан (г. Баку), Алжир (г. Алжир), Беларусь (г. Минск, г. Витебск, г. Могилев), Донецкая Народная Республика (г. Донецк), Казахстан (г. Алматы, г. Уральск), Польша (г. Белосток), Сербия (г. Белград), Приднестровская Молдавская Республика (г. Тирасполь), Словения (г. Любляна), Турция (г. Карс), Украина (г. Киев).

XVII конференция «Ономастика Поволжья» продолжает формат ранее проводившихся поволжских конференций данной серии. Ономастическая проблематика, как всегда, представлена на ней во всем разнообразии. Тематика статей, поданных в сборник, позволила выделить 8 главных тематических блоков: 1) Теория и методы ономастических исследований; 2) Источники ономастических исследований; 3) Региональная топонимика и микротопонимика; 4) Антропонимика; 5) Урбанонимика и эргонимика; 6) Периферийные ономастические единицы; 7) Литературная и фольклорная ономастика; 8) Ономастика в образовательном пространстве. Количество работ, составивших данные разделы, показывает актуальный интерес исследователей к тем или иным ономастическим проблемам. В сборник 2019 г. вошло немало статей, осмысляющих общетеоретические и методологические аспекты основных направлений ономастики (раздел 1). Больше всего оказалось работ, посвященных топонимии отдельных регионов, часто трактуемой в историко-этимологическом ключе. Особенностью новгородского сборника стало большое количество статей, изучающих онимию современного города, прежде всего урбанонимы и эргонимы (раздел 5). Достойное место заняли исследования антропонимии в многочисленных формах ее проявления, исследования разнообразных периферийных онимных единиц (фильмонимов, мифонимов, ивентонимов и др.), онимии отдельных произведений литературы и фольклора.

В новгородской конференции «Ономастика Поволжья» участвуют 39 докторов наук, более 60 кандидатов наук, среди участвующих значителен процент работников различных научных институтов и центров. Проведение конференции и выход сборника ее материалов – это заметное событие в научной и общественной жизни страны, на котором поддерживается высокая планка встреч отечественных и иностранных ономатологов. Широкий межрегиональный охват благоприятствует развитию идей ономастической науки, не позволяя ей замыкаться в узко территориальных рамках.

В.А. Никонов в предисловии ко второй конференции отмечал: «Крупнейшими недостатками ономастических исследований в Поволжье остаются скудность теоретических работ и отсутствие практической “отдачи” – не видно участия топонимистов

в наименованиях и переименованиях населённых пунктов и улиц, не слышат совета антропонимистов органы ЗАГС и население при выборе имен, не говоря уж о том, что не получают никакой помощи работники, раздающие названия магазинам или клички животным, не имея для этого элементарной подготовки» [Никонов 1971: 3]. Думается, что в наше время эти проблемы обострились, особенно в эргонимии. Ономастика по-прежнему является востребованной и актуальной наукой, а научная конференция «Ономастика Поволжья» будет и впредь проходить в различных университетских центрах нашей страны.

Литература

Никонов В.А. Предисловие // Ономастика Поволжья. Горький, 1971.

Исаева Т.А., Ухмылина Е.В. [Хроникальная заметка] // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 155–157.

В.И. Супрун (Волгоград)
В.Л. Васильев (Великий Новгород)

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.14

Н.В. Бубнова
(Смоленск, Россия)

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЕДИНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СМОЛЕНСКОГО МАТЕРИАЛА)

В статье обозначена проблема создания и сохранения единого национального культурного пространства, ставшая особенно актуальной на фоне современных общеглобалистских процессов. Особое место в едином культурном пространстве занимают имена собственные, выполняющие функцию ономастических маркеров данного пространства. На основе анализа смоленского материала в работе предложен подход к определению перечня ономастических маркеров русского культурного пространства.

Ключевые слова: ассоциативно-культурный фон, ассоциативный эксперимент, единое национальное культурное пространство, имя собственное (оним), ономастический маркер, фоновые знания, языковая личность.

Оборотной стороной стремительных процессов глобализации XXI века является усиление чувства этнической, национальной, культурной самобытности. На наш взгляд, важнейшим условием существования нации является наличие **единого национального культурного пространства**. Центральным понятием, связывающим представителей культурного пространства, является понятие **ментальности**, которое в значительной степени основывается на категории **знания**, являющегося важнейшим личностнообразующим фактором. Следовательно, для сохранения и функционирования единого культурного пространства необходимо формирование и поддержание в его пределах определённого уровня знания.

Анализ макротекстов школьных учебников по разным дисциплинам, сделанный профессором Н.А. Максимчук и её учениками [Максимчук 2002], убедительно доказал, что основным средством выражения знания, наряду с терминами, являются имена собственные. При этом если термины могут быть как общенаучными, так и

узкоспециальными, знание ключевых имён культуры не должно зависеть от принадлежности языковой личности к той или иной профессиональной сфере. В связи с этим вспоминаются ставшие сегодня как никогда актуальными слова В.А. Солоухина: «Есть понятия, явления и проблемы, которые обязательны для каждого русского человека. Ты можешь <…> быть инженером, химиком, комбайнёром, футболистом, писателем <…> Но если ты русский человек, ты должен знать, что такое Пушкин, что такое "Слово о полку Игореве", что такое Достоевский, что такое Поле Куликово, Покров-на-Нерли, Третьяковская галерея, Рублёвская Троица, Владимирская Божья Матерь» [Солоухин 1972:133].

Ключевые для культуры имена выполняют функцию её **ономастических маркеров**, «сигнализирующих о принадлежности данной языковой единицы к данному культурному пространству, с одной стороны, и о принадлежности языковой личности к определённому культурному социуму – с другой» [Максимчук 2017: 226].

Поскольку общенациональное ономастическое пространство представляет собой совокупность региональных систем, изучение региональных онимов в лингвокультурологическом аспекте служит своего рода «фильтром», определяющим те прецедентные имена, те ономастические маркеры, уровень лингвокультурологической ценности которых не должен ограничиваться территорией отдельного региона.

В результате изучения имён собственных в структуре региональных фоновых знаний смолян методом масштабного ассоциативного эксперимента [Бубнова 2011] нами были определены общезначимые / прецедентные смоленские имена, к числу которых относятся следующие (для каждого онима в скобках указан индекс частотности): *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю.А. Гагарин* (596), *М.И. Глинка* (492), *А.Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М.В. Исаковский* (273), *Ф.С. Конь* (232), *М.К. Тенишева* (166), *Н.И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124).

На данном этапе работы мы исследуем, как представлены эти имена на общенациональном уровне. Для этого нами проведён ассоциативный эксперимент со студентами разнопрофильных вузов Москвы и Петербурга. Общее количество респондентов – 1617. В начале эксперимента участники заполняли анонимную анкету, а собственно эксперимент состоял в том, что в течение ограниченного времени испытуемым было предложено записать любые реакции, связанные с перечисленными выше онимами. Полученный материал был обработан в электронной базе данных, где в компактном и удобном для анализа виде представлен состав ассоциативно-культурного фона (АКФ) [Максимчук 2002: 166] каждого имени собственного. Наиболее распространённый разряд общезначимых смоленских онимов – антропонимы (7 из 12), на характеристике АКФ которых остановимся в настоящей работе.

Количественный анализ показал, что менее 10% «пустых» бланков зафиксировано для стимулов *Ю.А. Гагарин, М.И. Глинка, А.Т. Твардовский*. Большое количество

незаполненных бланков (от 36,1% до 55,7%), свидетельствующее об отсутствии имени в составе фоновых знаний значительной части респондентов, характеризует стимулы *М.В. Исаковский, Ф.С. Конь, М.К. Тенишева, Н.И. Рыленков*. В соответствии с количественным критерием можно заключить, что 3 из 7 общезначимых смоленских антропонимов перешли с регионального на национальный уровень ценности.

Качественный анализ онимов был сделан в результате их классификации по разным основаниям, возможности чего предоставляет электронная база данных. Наиболее показательной для описания АКФ имён как ономастических маркеров русского культурного пространства является их классификация с точки зрения когнитивной ценности. По данному критерию нами было выделено три типа реакций: 1) общезначимые: информативные, оценочные, формальные, ошибочные и «пустые»; 2) индивидуальные и 3) реакции с неясной / неоднозначной мотивационной основой.

Качественный анализ показал, что именно в составе АКФ антропонимов *Ю.А. Гагарин, М.И. Глинка, А.Т. Твардовский* преобладают информативные реакции, а в составе АКФ остальных онимов доминируют неинформативные реакции. В качестве примера приведём состав АКФ имён, называющих двух представителей Смоленской поэтической школы, – *А.Т. Твардовский* и *М.В. Исаковский*. Для каждой группы укажем количество формирующих её реакций / употреблений; для каждой реакции – индекс частотности.

Состав АКФ антропонима *А.Т. Твардовский* формируют 72 общезначимые реакции (1740 употреблений):

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 55 / 1664:

1. Сфера деятельности носителя имени 27 / 1166:

1.1. Профессия, род занятий: *писатель* 442; *поэт* 135; *русский писатель* 4; *журналист*, *литератор*, *советский писатель* 3.

1.2. Сфера творчества: *литература* 162; *стихи* 123; *поэзия* 53; *книги* 45; *книга* 36; *школа* 18; *стихотворения*, *творчество* 17; *поэма* 15; *проза*, *рассказы*, *чтение* 13; *искусство* 12; *произведение*, *произведения* 8; *буквы* 7; *классика*, *перо* 4; *культура*, *рассказ* 3; *повесть* 2.

2. Литературное творчество автора 20 / 472:

2.1. Поэма «Василий Тёркин»: *Василий Тёркин* 261; *Переправа...* 25; *солдат* 6; *гармошка*, *медаль*, *юмор* 2.

2.2. Военная тематика произведений: *война* 114; *ВОВ* 14; *стихи о войне* 9; *военные стихи*, *фронт* 4; *Вторая мировая война* 3; *военная тематика*, *военный писатель*, *победа*, *«Я убит подо Ржевом»* 2.

2.3. Другая тематика: *детство* 7; *дети* 5; *природа*, *река* 3.

3. Жизнь и личность носителя имени 4 / 13: *СССР* 6; *спокойствие* 3; *мужество*, *патриотизм* 2.

4. Память об А.Т. Твардовском 4 / 13: *кино* 5; *памятник*, *20 век* 3; *XX век* 2.

«ПУСТЫЕ» РЕАКЦИИ 8 / 45: *человек* 16; *известность*, *мужчина* 7; *личность* 5; *история* 4; *известный*, *Саша*, *творец* 2.

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 4 / 12: *музыка* 5; *режиссёр* 3; *актёр*, *сказки* 2.

ФОРМАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ 2 / 11: *твёрдый* 7; *твердь* 4.

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 3 / 8: *великий* 4; *величие*, *талант* 2.

Состав АКФ антропонима *М.В. Исаковский* формируют 53 общезначимые реакции (646 употреблений):

«ПУСТЫЕ» РЕАКЦИИ 26 / 358: *человек* 124; *мужчина* 51; *кто это?* 44; *?*23; *не знаю* 21; *неизвестность* 10; *деятель* 9; *история*, *нет ассоциаций* 8; *известный человек* 7; *имя* 6; *личность*, *нет* 5; *знаменитость*, *известный*, *неизвестный* 4; *кто-то*, *незнакомец*, *пустота* 3; *борода*, *живопись*, *Михаил*, *Миша*, *незнание*, *ничего* 2.

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 17 / 130:

1. Сфера деятельности носителя имени 14 / 123:

1.1. Профессия, род занятий: *писатель* 37; *поэт* 20; *советский поэт* 3; *русский поэт* 2.

1.2. Сфера творчества: *литература*, *творчество* 11; *искусство* 8; *книга* 7; *стихи* 6; *поэзия* 5; *книги*, *школа* 4; *песни* 3; *Катюша* 2.

2. Жизнь и личность носителя имени 3 / 7: *Россия* 3; *война, строгий* 2.

ФОРМАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ 6 / 129: *Исаакиевский собор* 67; *собор* 26; *Исаак* 15; *Ньютон* 10; *Исаак Ньютон* 6; *физика* 5.

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 4 / 29: *композитор* 11; *учёный* 10; *архитектура* 5; *картины* 3.

Полученные нами результаты обозначили ряд вопросов, среди которых: почему одни региональные прецедентные имена переходят на национальный уровень, а другие нет? прогнозируемо ли такое распределение по уровням?

На наш взгляд, одним из главных критериев является степень популяризации имени и увековечение памяти о его носителе. Прецедентными на региональном уровне являются те имена, которыми названы улицы, школы и другие объекты, их носителям поставлены памятники, в честь них открыты музеи и т.д. Языковая личность, «включённая» в региональный социум, непосредственно соприкасается с этими объектами, затем постепенно то / иное имя входит в состав её фоновых знаний. На национальном уровне респонденты лишены этой «зрительной опоры», которая является своего рода «импульсом» для экспликации многоплановой информации в содержании АКФ онима.

Распределение имён по уровням лингвокультурологической ценности, доказанное экспериментальным путём, не всегда заранее прогнозируемо. Представляется, что в наших материалах ярким примером этого является имя М.В. Исаковского, автора текстов по-настоящему народных песен.

Предложенный в работе подход к изучению имён собственных с точки зрения их лингвокультурологической ценности может быть использован исследователями из других регионов России с целью последующего описания национального ономастикона. Определение состава ономастических маркеров русского культурного пространства и разработка принципов организации культурного знания на основе анализа семантики онимов значимо для всех представителей нации и является одним из условий существования и сохранения единого культурного пространства многонациональной страны.

Литература и источники

Бубнова Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян: дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2011. 285 с.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х ч. Смоленск: СГПУ, 2002. Ч. 1. 204 с.

Максимчук Н.А. Ономастические маркеры единого культурного пространства в структуре общеобязательного научного знания // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей. Саров: Интерконтакт, 2017. С. 225–227.

Солоухин В.А. Чёрные доски // Солоухин В.А. Собрание сочинений в 5-ти т. М.: Русский мир, 2006. Т. 3. 672 с.

N.V. Bubnova
(Smolensk, Russia)

THE ONOMASTIC MARKERS OF THE INTEGRAL NATIONAL CULTURAL SPACE (BASED ON THE SMOLENSK ONOMASTIC DATA ANALYSIS)

The paper highlights the vital issue of forming and maintaining the integral national cultural space incorporated into the universal globalization process. Proper names, performing the function of onomastic markers, are considered to be prominent elements of the integral national cultural space. The paper provides an approach to making a list of onomastic markers based on the Smolensk onomastic data analysis.

Key words: associative and cultural background, associative experiment, integral national cultural space, proper name (onym), onomastic marker, background knowledge, linguistic personality.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.19

В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова
(Великий Новгород, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИХ МИКРОСИСТЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ГИДРОНИМИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ)

В статье рассмотрены различные аспекты микросистемности географических названий. Теоретические положения проиллюстрированы практическим анализом многих новгородских гидронимов и ойконимов, входящих в разные микросистемы. В частности, исследуется история формирования разветвленных микросистем с гидронимами *Перетно*, *Валдай*, *Кемоволожье* и др.

Ключевые слова: топонимическая микросистема, топонимические переносы, гидронимы, ойконимы, новгородско-псковские земли.

Топонимическая микросистема (далее ТМС) – это совокупность формально координированных топонимов, закрепленных за смежными или соседними объектами на местности. Элементы ТМС – топонимы – объяснимы один через другой. ТМС складываются благодаря преимущественно двум процессам: топонимической переходности (транстопонимизации) и топонимической аналогии. Оба процесса активно действуют и играют в формировании регионального топонимического ландшафта значительно бóльшую роль, чем кажется на первый взгляд.

В пределах одного региона транстопонимизация как перенос топонима от одного географического объекта на другой чаще всего реализована дистрибуцией топонимов с общей основой в отдельных микроареалах, на микротерриториях. Топонимическая аналогия, в отличие от транстопонимизации, проявляет себя в узкотерриториальной дистрибуции топоформанта, получившего повышенную продуктивность в микроареале по образцу оформления одного или двух топонимов. Ср., например, наличие близтекущих ручьев в верховьях р. Цны западнее Осташкова, называемых *Федьковец*, *Фешковец*, *Доривец*, *Прудивец*, *Пустынец*, *Пропастынец*, *Талец* при том, что в сопредельных местностях гидронимия на *-ец* единична. Таким образом, оба отмеченных процесса обнаруживают себя в умножении разных составных частей топонимической структуры: транстопонимизация – в переносе топооснов, топонимическая аналогия – в переносе топоформантов. Кроме того, нивелировке по аналогии в отдельных трудноуловимых случаях подвергаются и топоосновы.

Выявляемые на разных микротерриториях ТМС разнообразны. Их типология определяется конкретными моделями транстопонимизации, которые объединяют либо одну пару топонимов (двуэлементные ТМС), либо некоторое множество пар

топонимов (многоэлементные ТМС). В разветвленных, многоэлементных ТМС наблюдаются цепочки названий, которые в плане семантической мотивировки и деривации находятся в отношениях последовательного или параллельного подчинения. Транстопонимизация регулярно осложняется изменением формантной структуры топонима, реже встречается неморфологическая транстопонимизация, или топонимическая конверсия – перенос топонима без изменения его облика.

Раскрытие узловых моментов формирования больших, разветвленных ТМС – довольно сложная задача. Ее решение всегда требует обращения к современным крупномасштабным картам и планам для того, чтобы обнаружить ТМС в разных точках картографируемого пространства, воочию оценить сопряжение объектов на местности, поименованных топонимами. В историческом изучении ТМС поможет историческая документация, письменная и картографическая, относящаяся к данной конкретной микротерритории. Необходимо разобраться в иерархической структуре ТМС, определив направления и модели переносов. Важно обнаружить топоним, ставший источником переносов, в единстве его формы и денотата (по нашей терминологии, «опорный топоним»), остальные топонимы в микросистеме будут считаться перенесенными, или, иначе, «транстопонимами».

Наиболее сложные, разветвленные, издревле сложившиеся ТМС обязательно включают водные имена, поскольку реки и озера обычно являются самыми крупными и важными для людей географическими объектами, искони определявшими характер расселения и хозяйственного уклада местного населения. В исторических новгородско-псковских землях при формировании ТМС с участием названий рек и озер – потамонимов и лимнонимов – активны следующие модели трансонимизации: **потамоним > ойконим** (*Волхов* р. > *Волхово* д., *Скробот* руч. > *Скроботово* д.); **лимноним > ойконим** (*Щир* оз. > *Щирский* погост, *Колпино* оз. > *Колпино* д.); **ойконим > потамоним** (*Углы* д. > *Углянка* р.); **ойконим > лимноним** (*Жуково* д. > *Жуковское* оз.); **лимноним > потамоним** (*Зван* оз. > *Званка* р., *Нига* оз. > *Нижица* р.); **потамоним > лимноним** (*Холова* р. > *Холовец* оз., *Невраж* р. > *Неворожское* оз.); **потамоним > потамоним** (*Белка* р. > *Белочка* р., *Ижора* р. > *Большой Ижорец* р., приток *Ижоры*, > *Малый Ижорец* р., приток *Большого Ижорца*); **лимноним > лимноним** (*Годовик* оз. > *Малый Годовик* оз.). Цепочки перенесенных названий водоемов и селений часто дополнены названиями болот (тельмонимы) и/или названиями местностей (хоронимы). В составе гидронимно-ойконимных ТМС названия болот и местностей обыкновенно появляются через вторичные, хронологически поздние переносы по следующим моделям: **потамоним > тельмоним** (*Оскуя* р. > *Оскуйский Мох* бол.), **лимноним > тельмоним** (*Фальково* оз. > *Фальковское* бол.), **ойконим > тельмоним** (*Подмошье* д. > *Подмошское* бол.) и **ойконим > хороним** (*Язвищи* с. > *Язвицкий* погост-округ).

Рассмотрим формирование нескольких ТМС в исторических новгородских землях. Название оз. *Перетно* в Окуловском р-не Новгородской обл. существует не изолированно, а в комплексе локализуемых поблизости равноосновных топонимов на *Пер(е)т-*. С семантико-этимологической стороны, *Перетно* – ‘банное (озеро)’, адъективное образование от др.-новг. *пьрть* ‘баня’. Пожалуй, раньше всего лимноним распространился на смежную реку, которая стала именоваться по озеру: *Перетна* (*Перетня*), левый приток Мсты. В современной гидрографии принято считать, что истоком Перетны является оз. Заозерье (см. [http://textual.ru/gvr/index.php?card=151842]), но в древности понимали иначе: р. Перетна вытекает из одноименного оз. Перетно, тогда как Заозерье – это промежуточное озеро в течении Перетны. В паре названий *Перетно* оз. – *Перетна* р., различающихся лишь суффикс-флексией, первичен именно лимноним. Переносы от озерного начала реки на остальную реку вообще свойственны гидронимии Русского Северо-Запада, о чем уже приходилось писать (см. [Васильев 2017: 323–324]). Словообразовательная структура пары *Перетно* оз. – *Перетна* р. со временем эволюционировала от деривационного равноправия к деривационной производности: *Перетно* оз. – *Перетенка* р., что подтверждает приоритет лимнонима. Новый вариант названия реки *Перетенка* (*Перетёнка*) отмечен уже с конца XV в. [НПК II: 221, 235, 250, 272, 273], однако он не смог вытеснить старый вариант, оба варианта потамонима сосуществовали на протяжении всех последующих столетий и употребительны по сей день. Названия озера и реки были перенесены на средневековые прибрежные селения, построенные до XVI в. [Там же: 187, 188, 235, 248, 366]: это д. *Перетенка*, стоявшая при оз. Перетно и ныне исчезнувшая, д. *Перетенка*, стоявшая при р. Перетенка (приравнивается к современным дд. *Перетёнка-1* и *Перетёнка-2*), и с. *На озере на Перетне*, ставшее современной д. *Перетно* Окуловского р-на. Кроме того, лимноним *Перетно* стал мотиватором названия соседнего небольшого оз. *Заперечье* (*Запереть*е) как расположенного ‘за оз. Перетном’; рядом с этим озерком была поставлена д. *Запереть*цо [Там же: 249], поименованная по лимнониму. В писцовых книгах XV–XVI вв. данное озеро называется также *Пирьцо,* или *Пирцо* («в озере в Пирьце»; «в озере в Пирце» [Там же: 250, 360; ПКНЗ 4: 97]), по признаку относительной диминутивности: *Пирьцо* – это искаженно переданное **Пертьцо* со значением ‘маленькое Перетно’.

Второй пример. Название города *Валдай* в Новгородской обл. включено в ТМС, состоящую сегодня из следующих главных элементов: *Валдай* г. – *Валдайское* оз. – *Валдайка* р., дополнительными элементами гидронимно-ойконимного комплекса выступают наименования *Валдайского* р-на, *Валдайского* уезда, *Валдайской* возвышенности и др. Начало письменной истории данной ТМС прослеживается с 1-й пол. XII в. после находки берестяной грамоты № 740, представляющей собой фрагмент долговой расписки, в которой сохранилась форма местного падежа топонима *Вълъдаѣ*: *и Вълъдаѣ еі коунъ* ‘и на Валдае [взять] 15 кун’ [НГБ 2000: 38]. Возможно, здесь

сообщается о налогооблагаемой волости, местности в окрестностях Валдайского оз., судя по достаточно надежной этимологии имени: источником его видят приб.-фин. слово, продолженное в эст. *vald* ‘волость’, ‘владение’, лив. *vald*, *valda* ‘область, округ’, фин. *valta* ‘власть’, диал. ‘свобода’ и т.п. [Попов 1981: 63–64]. Ранний вариант *Вълъдаи* как раз и передает древнерусскую адаптацию приб.-фин. *а* в виде гласного *о*, который в XII в. мог легко смешиваться с ъ перед плавным: *Vald- > Волд- / Вълд-*. Смысл новгородского топонима *Валдай* раскрывается при помощи топонимов сходного облика, обнаруженных А.И. Поповым в иных локусах сопредельных северо-западных территорий. Прежде всего это названия смежных д. *Гора-Валдай* (по-фински д. *Harjavalta*) и оз. *Горовалдайское* в Ломоносовском р-не Ленинградской обл.; им соответствуют средневековые д. *Варьевалда* «надъ озеромъ *Варьевалдомъ*», по писцовой книге Водской пятины 1500 г. Названия села и озера близ Санкт-Петербурга в буквальном переводе означают ‘гористый округ; гористая местность’: к рус. *гора*, или приб.-фин. *vaara* ‘гора’ + *valda* ‘область, округ’. Кроме того, документ XVII в. сообщает об аналогичном топониме *Arewald*, или *Harewald*, в Эстонии: к эст. *hari* ‘гребень’, переносно ‘вершина горы’ + *vald*. Новгородский топоним *Вълъдаи* (> *Валдай*) является остатком этого же воспроизводимого древнего приб.-фин. сложения **Vaara-valda-* или **Harja-valda* ‘гористый округ’, в котором первый компонент впоследствии был переведен словом *гора*, а второй преобразован в форму *Волдай* (> *Валдай*) с финальным «йотом», закономерно появлявшимся при др.-новг. адаптации приб.-фин. имен, оканчивавшихся на гласный. На наш взгляд, указанное приб.-фин. сложение до сих пор сохраняется в полукалькированном виде в сочетании *Валдайские горы* – местном народном обозначении Валдайской возвышенности.

Современная микросистема, включающая названия г. *Волдай*, складывалась длительное время. Гидронимы, как обычно, устоялись раньше ойконимов, которые были менее устойчивыми, появлялись и/или утрачивались, меняя локализацию. С развитием ТМС множились топонимические варианты, возникавшие по разным причинам. Вначале название перенеслось с обозначения Валдайских гор на самое крупное озеро среди них; при переносе на водоем первая часть древнего сложения, обозначавшая гору, оказалась излишней и утратилась. Лимноним письменно зафиксирован с конца XV в. в раннем, непроизводном варианте *Волдай* (или *Woldai* в сочинении Герберштейна начала XVI в.), к XVIII в. – *Валдай*, затем его употребление существенно сузилось, но сохраняется по сей день (в Государственном водном реестре – оз. *Валдай*). С конца XV в. источники постоянно дают также и производный вариант: *Волдайское* (позднее *Валдайское*) оз. Ранний непроизводный лимноним закономерно перешел на вытекающую из озера речку, ставшую р. *Волдая*. Как показывают письменные материалы, потамоним *Волдая* употреблялся до конца XVI в., но в XV–XVI вв. уже конкурировал с новым суффигированным вариантом *Волдайца*, который к XVIII в.

окончательно заместился современным: р. *Валдайка*. Рядом с оз. *Волдай* писцовые книги 1495/96 г. отмечают д. *Волдайское Селище* и д. *Волдайское Селищо* Короцкого и Нерецкого погостов, поименованные по озеру. Судя по термину *селище* в названиях этих двух деревень, они были заложены на месте селений, запустевших задолго до даты письменного первого упоминания. В свою очередь по р. *Волдая* (*Волдайца*) были названы локализованные вдоль ее берегов средневековые д. *Волдая*, д. *Над Волдаею речкою*, д. *Над Волдайцою рекою* и д. *Волдайцы*, о которых сообщают те же писцовые книги конца XV в. Все перечисленные населенные пункты запустели уже во 2-й половине XVI в. и названия их не знакомы документации XVII в. (кроме д. *Волдайцы*, сохранявшейся как пустошь *Волдаец* в конце XVIII в.). Утратив эти малоизвестные ойконимы, рассматриваемая ТМС в 1-й половине XVI в. приобрела очень важное название ямской станции (*Волдайский ям*), обустроенной на дороге между Новгородом и Москвой на юго-западном берегу оз. *Волдай*; в XVI в. почтовая станция разрослась в дворцовое с. *Волдай* (*Валдай*), в XVII в. переданное Иверскому монастырю, с 1770 г. обращенное в г. *Валдай*, центр *Валдайского* уезда Новгородской губ. (исторические сведения даны из: [НПК; ПКНЗ; АИСМ; Поведский 1997: 21–25; ИАДП 2: 46–47; Васильев 2017: 71–72]).

Один и тот же географический объект зачастую принадлежит двум или нескольким ТМС, которые пересекаются, следовательно, своими денотатами, но не влияют одна на другую. Это выражается наличием параллельных названий у одного географического объекта, употребительных чаще всего в разные эпохи. Однако не исключены и факты контаминации двух топонимов, входящих в разные ТМС; в результате возникает особый топоним, который может стать опорным для своей ТМС. Такова, например, локализуемая на территории Бологовского р-на Тверской обл. микросистема названий оз. *Кемоволожье* (по исторической документации также *Кемеволожье*, *Кимоволожье*, *Кмаловожье*, *Кмоловожье*, *Кемово*) и средневековой д. *Къмаволожье* на его берегу; см. [Васильев 2017: 91]. Опорный лимноним в данной ТМС возник путем скрещения названия р. *Кемка* (*Кема*), в которую стекает оз. Кемоволожье, и названия оз. *Имоволожье*, расположенного к югу от оз. Кемоволожье и имеющего сток в р. Мсту.

При историческом исследовании ТМС этимология помогает распознавать опорные топонимы, раскрывать их основы и первичное значение. Что касается транстопонимов, то они обычно наследуют основы опорных топонимов и нуждаются не в этимологическом, а в историко-мотивационном анализе. Многие исследователи впадают в ошибку, начиная этимологически трактовать топоним без учета включенности его в ТМС и возможностей его транстопонимического (а не этимологического!) образования. Для того, чтобы исследовать региональную топонимию в плане эволюции микросистем, нужны тщательные, «узкоместные» историко-топонимические разыскания.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 19-012-00120 «Гидронимия исторических новгородско-псковских земель. Структурно-словообразовательное, этимологическое, ареальное и этноисторическое исследование»).

Литература и источники

АИСМ – Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собр. архимандритом Леонидом / Русская историческая библиотека, изд. Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1878.

Васильев В.Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 344 с.

ИАДП – *Фролов А. А., Пиотух Н. В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008.

НГБ 2000 – *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. 430 с.

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.

ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. М.: «Археографический центр»; «Древлехранилище», 1999. Т. 1; СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2; М.: Древлехранилище, 2001–2004. Т. 3–5.

Поведский Ю.Н. Валдайское Приселье. Историко-краеведческие очерки. Тверь: Старый город, 1997. 144 с.

Попов А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981. 205 с.

V.L. Vasilyev, N.N. Vikhrova
(Veliky Novgorod, Russia)

FORMATION OF TOPONYMIC MICROSYSTEMS (ON THE MATERIAL OF HYDRONYMY OF THE HISTORICAL NOVGOROD-PSKOV LANDS)

The article examines various aspects of toponymic mikrosystematics. Theoretical positions are illustrated by the practical analysis of few Novgorodian hydronyms and ojkonyms that belong to different microsystems. The history of the multipart microsystems, which include hydronyms *Peretno*, *Valday*, *Kemovolozhe* etc., is explored.

Key words: toponymic microsystem, toponymic transfers, hydronyms, ojkonyms, Novgorod-Pskov lands.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.25

Н.В. Васильева
(*Москва, Россия*)

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА СУПЕРАНСКАЯ (1929–2013): СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Доклад посвящен 90-летию со дня рождения А.В. Суперанской – ключевой фигуры отечественной ономастики. Биографические данные дополняются анализом малоизвестных трудов А.В. Суперанской, написанных в последние годы жизни, в том числе пока еще не изданной мемуарной прозы.

Ключевые слова: А.В. Суперанская, история отечественной ономастики.

Имя Александры Васильевны Суперанской, автора нескольких десятков монографий и словарей, сотен статей в научных и популярных изданиях, хорошо известно не только в филологическом сообществе. «Ушла из жизни “главная по именам” – языковед Александра Суперанская» – под таким заголовком вышел один из некрологов марте 2013 г. Это почетное народное звание – «главная по именам» – свидетельствует о признании неутомимой деятельности профессора А.В. Суперанской по ономастическому просвещению населения России и других стран.

Александра Васильевна Суперанская родилась 7 октября 1929 года в Москве. Александрой ее назвали в честь бабушки – Александры Григорьевны Суперанской, жены Михаила Федоровича Суперанского, литератора, первого биографа И.А. Гончарова. В своей неопубликованной книге Александра Васильевна, специально работавшая в архивах, пишет о своем предке, первом носителе фамилии *Суперанский*: «В 1830 г. у священника Исидора, служившего где-то в Карелии, родился сын Фёдор. В конце 30-х годов XIX века в Олонецкую духовную семинарию в Петрозаводске привезли мальчика по имени Фёдор Исидоров <…> Среди поступавших вместе с Фёдором был ещё один мальчик, не имевший фамилии, чей отец был дьяконом. Из сопоставления церковных должностей священника и дьякона решили, что первый располагается несколько выше в церковной иерархии, и сыну священника дали фамилию *Суперанский*, т.е. ‘превосходящий’ (чином). Второму мальчику дали фамилию *Гумилевский* (от латинского *гумилис* ‘низкий, вышедший из низов, скромный’)» (рукопись).

Первым местом работы для А.В. Суперанской, окончившей с отличием в 1952 г. Институт иностранных языков, стал Институт научной информации АН СССР, где она занималась вопросами передачи на русский язык иноязычных имён, фамилий, географических названий. После окончания аспирантуры в Институте языкознания АН СССР в 1958 г. Александра Васильевна успешно защитила кандидатскую

диссертацию «Процесс транскрибирования собственных имён и возможность его автоматизации» (научный руководитель А.А. Реформатский). В 1957–1958 гг. А.В. Суперанская работала в Секторе культуры речи Института языкознания АН СССР у С.И. Ожегова над темой «Ударение в заимствованных словах в современном русском языке». В конце 1958 г. единый Институт языкознания АН СССР разделился на Институт языкознания и Институт русского языка, куда отошёл Сектор культуры речи. А.В. Суперанская стала работать в Институте языкознания у А.А. Реформатского во вновь созданном Секторе структурной и прикладной лингвистики, одновременно продолжая сотрудничать с С.И. Ожеговым по теме «Ударение в заимствованных словах». Они вместе редактировали опубликованный в 1965 г. «Справочник личных имён народов РСФСР» (4-е изд., 1989). В результате теоретического обобщения всего материала родилась монография «Структура имени собственного: Фонология и морфология» (1969).

В 70-е годы XX в. внутри Сектора структурной и прикладной лингвистики Института языкознания выделилась Группа терминологии и ономастики, которой стала руководить Александра Васильевна, защитившая в 1974 г. докторскую диссертацию «Теоретические проблемы ономастики». В группу вошли кандидаты филологических наук Велта Эрнестовна Сталтмане, Наталия Владимировна Подольская, Хоршид Фазыловна Исхакова, Зоя Георгиевна Исаева. Каждая работала над своей индивидуальной темой, а все вместе – над коллективными сборниками и монографиями.

70-е годы XX в. были временем расцвета ономастики в СССР. Группа, руководимая А.В. Суперанской, выполняла функцию организующего центра не только внутри Союза, но и шире – в рамках Восточной Европы. Проводились совместные конференции, публиковались сборники «Восточнославянская ономастика» (1972 г. и 1979 г.). В это время Группой были также опубликованы сборники «Историческая ономастика» (1977), «Имя нарицательное и собственное» (1978). Для восточноевропейских ономатологов масштабным событием стала проведенная А.В. Суперанской и Н.В. Подольской 25–31 октября 1976 г. в Москве международная конференция «Перспективы развития славянской ономастики», в которой приняли участие представители не только славянских стран, но и ученые Восточной Германии (Э. Эйхлер, К. Хенгст, Г. Шлимперт, Т. Витковски). Том материалов конференции под таким же заглавием, включивший в себя более 50 докладов, вышел в 1980 г.

Тесные контакты с ономатологами в Лейпциге помогли А.В. Суперанской вместе с Э. Эйхлером и В. Фляйшером издать на немецком языке том «Советская ономастика» [SN 1975], в который вошли 16 работ известных лингвистов и ономатологов, в том числе А.А. Реформатского, А.П. Дульзона, Ю.А. Карпенко, В.Д. Беленькой, В.А. Никонова, О.С. Трубачева и самой А.В. Суперанской.

В 90-е годы XX в. А.В. Суперанская возобновила контакт с лейпцигскими ономатологами. При поддержке профессора Карлхайнца Хенгста, возглавлявшего тогда Отдел немецко-славянской ономастики, были изданы три брошюры А.В. Суперанской, содержащие суффиксы и конечные элементы русских фамилий, прозвищ и личных имен [Superanskaja 1997; 1999; 1999a]. Значение этих тоненьких брошюр в том, что они демонстрируют ни на что не похожий взгляд на структуру имен и фамилий и являются поэтому любопытным справочным пособием.

А.В. Суперанская читала на многих языках и всегда следила за новыми веяниями в ономастике. Она участвовала во многих конгрессах и конференциях, лично знала многих ученых из Европы и получала от них в дар книги, которые сразу же старалась сделать общенаучным достоянием. Она неустанно просвещала коллег, делясь статьями и монографиями; писала рецензии и обзоры. Так, в нескольких своих работах она подробно проанализировала концепцию собственного имени видного словацкого лингвиста, ономатолога и лексикографа Винцента Бланара (1920–2012) [Blanár 2001], см. [Суперанская 2002]. Привлек ее внимание и теоретик более молодого поколения Ричард Коутс [Суперанская 2008: 12–18], чья прагматическая теория проприальности (The Pragmatic Theory of Properhood, TPTP), в настоящее время углубленная и расширенная ее автором [Coates 2018], только сейчас получила отклик в европейской ономастике. Маленькая брошюра А.В. Суперанской «Ономастика начала XXI века», вышедшая десять лет назад очень малым тиражом [Суперанская 2008], охватывает животрепещущие для ономастики темы, как конкретные, например, терминология и новые разряды собственных имен, так и относящиеся к мировидению и к философии науки. Александру Васильевну очень волновала тема взаимопонимания ученых в эпоху глобализации и интернета, проблема сохранения ономастического богатства каждого народа.

А.В. Суперанская не жалела сил и времени на популяризацию науки. Более 40 лет она сотрудничала с журналом «Наука и жизнь». В 2012 г. вышли две ее замечательных популярных книжки: «Как назвать тебя, Малыш?» с подзаголовком «Каждому, кто хоть раз задумывался о своем имени» и «Юные любители слова: Языкознание для детей». Эти книги направлены на оздоровление общей информационной сферы, они очищают ее от псевдо- и паранаучных выбросов. С псевдонаукой А.В. Суперанская всегда неустанно боролась. Многочисленные книги про «тайны имени», активно публиковавшиеся в 90-е годы XX в., вызывали в ней горечь и протест. Она цитирует мнение по тому же поводу Александра Константиновича Матвеева [Матвеев 2004: 10] и сетует, что статья А.М. Матвеева была опубликована тиражом 300 экз., ее статья – 500 экз., а «таинственные книги» выходят тысячными тиражами [Суперанская 2008: 69]. Поэтому просветительский дар Александры Васильевны, подкрепленный владением огромным фактографическим материалом, вылился не только в многочисленные

словари имен и фамилий и научно-популярные книги, но и – особенно в последние годы – также в ответы на бесчисленные письма трудящихся и в беседы об ономастике на телевидении. А.В. Суперанская обладала феноменальной памятью и поэтому могла сразу дать необходимую справку или консультацию по именам. Александра Васильевна Суперанская олицетворяла собой великое трудолюбие, терпение, любовь к людям и доброжелательность. Судьбы таких ученых заставляют нас не только хранить о них благодарную память, но и задуматься о своем месте в науке.

Литература и источники

Матвеев А.К. Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 7–13.

Суперанская А.В. Ономастика начала XXI века / Отв. ред. Н.В. Васильева. М.: Институт языкознания РАН, 2008. 80 с.

Суперанская А.В. Эволюция теории имени собственного в Европе // Вопросы филологии. М., 2002. № 3 (12). С. 5–17.

Blanár V. Theorie des Eigennamens: Status, Organisation und Funktionieren der Eigennamen in der gesellschaftlichen Kommunikation. Hildesheim, New York: G. Olms, 2001. 207 S.

Coates R. Properhood // Language. 2006. 82 (2). P. 356–382.

Coates R. Meaningfulness in literary naming within the framework of The Pragmatic Theory of Properhood (TPTP) // Onomastica Uralica 14. Debrecen-Helsinki: Debrecen University Press, 2018. P. 191–201.

SN 1975 – Sovjetische Namenforschung / Hrsg. von E. Eichler, W. Fleischer und A.V. Superanskaja. Berlin: Akad.-Verlag, 1975. 226 S.

Superanskaja A.V. Suffixe und Endelemente russischer Familiennamen. Leipzig: Institut für Slavistik, 1997. 64 S.

Superanskaja A.V. Suffixe und Endelemente russischer Beinamen. Leipzig: Institut für Slavistik, 1999. 71 S.

Superanskaja A.V. Suffixe und Endelemente russischer Vornamen Leipzig: Institut für Slavistik, 1999a. 47 S.

N.V. Vasilieva
(*Moscow, Russia*)

ALEXANDRA VASILYEVNA SUPERANSKAYA (1929–2013): PAGES OF LIFE AND WORK

The paper is dedicated to the 90th anniversary of A.V. Superanskaya – a key figure in Russian onomastics. In addition to A.V. Superanskaya's biographical information, it presents the analysis of her little-known works written in the last years of her life, including the unpublished autobiographical prose.

Key words: A.V. Superanskaya, distinguished onomatologists, history of Russian onomastics.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.29

М.В. Голомидова
(Екатеринбург, Россия)

ИМЕНОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ И ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТИЗЫ НОВЫХ НАЗВАНИЙ

Рассматриваются проблемные вопросы современной именующей практики в отношении городских топографических объектов. Приводятся факты ошибочных и нецелесообразных номинативных решений в работе местных топонимических комиссий. Поднимается вопрос о разработке методик нейминговой экспертизы для оценки официальных городских топонимов. Определяются наиболее значимые направления экспертного анализа.

Ключевые слова: городские топографические объекты, топонимическая комиссия, городской топоним, переименование, нейминг, нейминговая экспертиза.

Вопросы именования и переименования городских объектов приобретают острое социальное звучание в контексте экономических, политических и социокультурных изменений постсоветского времени. С одной стороны, невозможно игнорировать тот факт, что изменение самого социального контекста номинативной деятельности диктует необходимость в совершенствовании теоретических и методических оснований для городской топонимической политики. С другой стороны, о насущной потребности в разработке ясных концепций и надежных обоснований в означивания объектов городского пространства свидетельствуют общественные дискуссии, которые нередко разворачивающиеся в публичном пространстве по поводу новых названий.

Присвоение официальных названий топографическим объектам, которые находятся в ведении муниципальной власти, составляет прерогативу органов местного самоуправления. Отсюда значительная доля ответственности ложится на топонимические комиссии, работающие под эгидой региональной или муниципальной власти.

Исходя из обзора нормативных документов и регламентов, действующих в городах-мегаполисах РФ в отношении порядка присвоения названий внутригородских объектов, а также тех практических решений, которые были вынесены в ряде городов в последние десятилетия, можно констатировать, очевидные расхождения в самом содержании и степени детализации Положений и Законов о названиях внутригородских объектов, а также факты нарушений уже имеющихся регламентов.

Тексты Положений, как правило, включают наиболее общие рекомендации по созданию новых топонимических обозначений. Это обстоятельство оставляет широкое пространство для маневров в принятии конкретных номинативных решений

и обусловливает высокую степень ответственности за них у городских Топонимических комиссий. Поспешные, недостаточно обоснованные номинативные действия чреваты провоцированием проблемных ситуаций и конфликтов, которые выходят в публичную сферу и вызывают негативный резонанс.

Так, в 2019 году в Екатеринбурге возникла спорная ситуация с названием *улицы Академика Тимофеева-Ресовского.* Решение о присвоении названия именно в такой форме было принято несколькими годами ранее при утверждении планировочного проекта микрорайона Академический. Идея номинативно связать территорию через комплекс семантически однородных названий отразить в именах улиц память об академиках Урала была понятна и вполне логична. Однако в случае с увековечиванием памяти знаменитого ученого-генетика Комиссия, к сожалению, не озаботилась вниманием к деталям его личной биографии. Уже после появления официальных урбанонимов на карте города администрация Екатеринбурга получила заявление от сотрудника УрО РАН, в котором сообщалось о необходимости изменить название *улицы Академика Николая Тимофеева-Ресовского,* исключив слово «академик» в связи с тем, что ученый не имел звания академика РАН, а получил статус члена академии «Леопольдина» в нацистской Германии [Uralweb.ru: сайт]. Топонимическая комиссия не удовлетворила ходатайство о переименовании, и как следствие сюжет стал достоянием новостей в региональных и городских СМИ – в первую очередь, в электронных, предоставляющих горожанам возможность высказывать свое мнение. Оно, к сожалению, свидетельствует о том, что, отказавшись от исправления фактической ошибки, Комиссия дала повод усомниться не только в своей компетентности, но и в качестве управленческих решений городской администрации.

Негативный резонанс приобрела в 2015 году история переименования в Казани *улицы Эсперанто* в *улицу Нурсултана Назарбаева*. Решение об изменении названия было принято без опроса жителей улицы об их согласии. Кроме того, желание власти транслировать некий политический месседж никоим образом не сообразовывалось с действующими на момент принятия решения нормами. В «Положении о Комиссии по топонимике муниципального образования города Казани» был прописан запрет на присвоение наименований в честь живых лиц, а также правило именования в часть выдающихся личностей в целях увековечивания их памяти только по истечении не менее 10 лет со дня смерти [Вечерняя Казань: сайт].

В коллективном письме жителей города на имя мэра Казани, в петициях, размещенных на городском сайте и на портале госуслуг Татарстана, акцентировался тот факт, что переименование незаконно. В Вахитовский суд города Казани был подан коллективный иск от инициативных граждан о нарушении их прав в области охраны их историко-культурных интересов. Однако иск не был удовлетворен. Специальное

экспертное заключение ни по предложению о переименовании, ни по оценке его правомерности для рассмотрения иска в суде не составлялось.

Исковыми заявлениями в суд сопровождалось переименование в уральском городе Верхняя Пышма. В 2015 году жители, возмущенные тем, что без их ведома и согласия администрация города в императивном порядке переименовала *улицу Советскую* и *проспект Ленина,* соединив их в один *проспект Успенский*, провели протестный митинг и подали исковые заявления в городской суд. Суд отклонил иски, однако прокуратура Верхней Пышмы встала на сторону заявителей. В надзорном ведомстве пришли к выводу, что постановление принято с нарушениями, и выписали на штраф на представителя мэрии [Накануне.ru: сайт].

В целом можно констатировать, что в отличие от объектов частной собственности, чьи имена попадают в зону действия федерального законодательства (см. часть 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, включающую перечень прав на фирменное наименование, и др.), имена топографических городских объектов общественного пользования, оставаясь в сфере локального нормативного регулирования, потенциально в большей степени подвержены влиянию субъективных факторов, которые сопровождают работу топонимических комиссий и местных администраций.

Подчеркивая роль и ответственность Комиссий, мы полагаем, что разработка технологий проведения экспертизы в отношении новых городских топонимов могла бы способствовать повышению качества работы этих совещательных органов.

Развитие направления, на наш взгляд, в целом необходимо связывать с технологической стороной современного нейминга как рациональной и целенаправленной деятельностью по созданию именных обозначений, отвечающих определенным параметрам номинативной ситуации, задачам позиционирования объекта и целям выбранной коммуникационной стратегии, семантическим и структурно-словообразовательным моделям обозначения в данной сфере денотации, а также правовым нормам, которые обеспечивают соответствующую сферу социальной активности.

В этой части необходимо подчеркнуть принципиальное различие понятий «нейминг» и «именование». Под именованием правомерно понимать любое действие, предполагающее наделение именем. В то время как понятие нейминга охватывает более широкое содержание, нежели собственно номинацию и/или закрепление имени за его носителем. По сути, нейминг представляет собой технологию, то есть целую цепочку процедур, которая, если представлять ее предельно кратко, начинается с комплексного исследования ситуации и формулировки прагматических задач онимической номинации, а заканчивается проверкой оптимальных вариантов на коммуникативную целесообразность и правовую чистоту, см. [Балахонская 2016: 160].

Как следует из этого описания, оценка результатов именотворчества в норме должна составлять необходимый этап нейминга. Однако жизненные реалии нередко

оказываются далеки от рекомендованной схемы. Не случайно специалисты в области судебной экспертизы справедливо подчеркивают актуальность развития теоретической и методической базы для независимой оценки результатов речевого творчества. Объясняя особый характер нейминговой экспертизы, Т.П. Соколова определяет ее как «процессуально регламентированное лингвистическое исследование нейма как речевого продукта, завершающееся дачей заключения по вопросам, решение которых требует применения специальных знаний в лингвистике, ономастике, судебном речеведении и судебной экспертологии» [Соколова 2016: 123].

Нельзя не отметить, что в настоящее время нейминг и нейминговая экспертиза соотносятся, прежде всего, со сферой создания имен коммерческих объектов. Но нет никаких сомнений в целесообразности их использования в отношении официальных городских топонимов. На наш взгляд, такие технологии должны формироваться с учетом специфики самих топореалий, семантических и структурных особенностей соответствующих имен собственных, их функционирования в речевой практике и роли в трансляции имиджа конкретных локаций, наконец, с учетом обязательной проверки фактической и правовой стороны номинативных решений. Понимаемая в широком смысле экспертиза новых названий распространяет свое действие и на случаи спорных номинативных решений, вызывающих конфликты между жителями и субъектами власти, и на аналитическую оценку номинативных версий на этапе отбора и закрепления именного обозначения. Она подразумевает владение в равной степени социологическим, культурологическим, лингвистическим, маркетинговым и юридическим знанием.

Проблемы, на которые выходит нейминговая экспертиза, образуют достаточно пространных перечень. Не претендуя по исчерпывающих характер его описания, назовем лишь некоторые актуальные направления специальных экспертных исследований: а) историко-культурная ценность возвращаемых старых топонимов; б) социокультурная значимость новых названий в аспекте создания имиджа объекта и портрета города в целом; в) семантическая уместность имени топографического объекта в связи с восприятиям городского пространства; г) структурно-словообразовательные и фонетические свойства новых городских топонимов в перспективе включения их в языковую среду города и его речевую коммуникацию; д) соблюдение нормативных оснований и процедурных регламентов присвоения именных обозначений.

Развитие нейминговой экспертизы, как нам представляется, должно способствовать совершенствованию региональной и муниципальной топонимической политики.

Примечание

При поддержке гранта РФФИ № 118-012-00586.

Литература и источники

Балахонская Л.В. Основные этапы нейминга // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 25–26 февраля 2016 года / под ред. проф. А.Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. С. 158–160.

Вечерняя Казань: сайт – Жители Эсперанто проснулись на улице Назарбаева // Режим доступа (свободный). URL: http://www.evening-kazan.ru/articles/zhiteli-esperanto-prosnulis-na-ulice-nazarbaeva.html [Дата обращения: 25.03.2019].

Накануне.ru: сайт – Возмущенные переименованием улиц жители Верхней Пышмы выходят на пикет и пишут Путину // Режим доступа (свободный). URL: https://www.nakanune.ru/news/2015/03/20/22392359/ [Дата обращения: 10.03.2019].

Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: монография / под ред. проф. Е.И. Галяшиной. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

Uralweb.ru: сайт – Мэрия Екатеринбурга назвала улицу в честь несуществующего академика // Режим доступа (свободный). URL: https://www.uralweb.ru/news/society/499506.html [Дата обращения 22.03.2019].

M.V. Golomidova
(Ekaterinburg, Russia)

NAMING OF URBAN TOPOGRAPHIC OBJECTS AND PROBLEMS OF EXPERT ANALYSIS OF NEW TOPONYMS

The article deals with the problematic issues of modern naming practice in relation to urban topographic objects. The author cites the facts of erroneous and inappropriate nominative decisions in the work of local Toponymic Commissions and raises the question of naming expertise for the evaluation of official city toponyms. Special attention is paid to the most important areas of expert analysis.

Key words: city topographic objects, Toponymic Commission, city toponym, naming, renaming, naming expertise.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.33

Ю.Ю. Гордова
(Москва, Россия)

ЕДИНАЯ БАЗА ДАННЫХ «ТОПОНИМИЯ РОССИИ» КАК СПОСОБ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Единая база данных «Топонимия России», функционирующая в сети Интернет с 2014 г., является одним из доступных способов интеграции региональных знаний. Анализ работы

ресурса за пять лет затрагивает такие вопросы, как круг пользователей, география участников проекта, надежность программного обеспечения, преимущества использования системы.

Ключевые слова: топонимия России, региональная ономастика, база данных по топонимике, интеграция знаний.

«Центробежные тенденции и развал СССР, ослабление прежних научных контактов, недостаток информации о новой литературе, отсутствие средств – все эти факторы оказали негативное воздействие на состояние российской ономастики, как и науки в целом», – так писала в 2009 г. московский топонимист Руфь Александровна Агеева [Агеева 2009: 297].

В 2014 году сотрудниками сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН была представлена модель единой и общедоступной базы по топонимии России для размещения в открытом информационном пространстве, в том же году система была размещена в сети Интернет на специализированном сайте «Ономастика». Главными целями создания ресурса стали преодоление региональной замкнутости, интеграция региональных знаний, предъявление обществу значимых результатов научных исследований в области ономастики, популяризация научных знаний.

Созданная информационная система включает две базы данных: базу географических названий и базу «Топонимисты России». База названий имеет унифицированную систему представления топонимов различной видовой, языковой и территориальной принадлежности и содержит комплекс лингвистической, внелингвистической, иллюстрационной информации, позволяющей получать научно обработанные сведения о географических названиях России и истории их изучения большому кругу пользователей.

Разработанная база данных позволяет модернизировать процесс обработки, хранения и обновления научной информации, кроме того, она дает возможность обобщать результаты многолетних научных исследований в области топонимики, делать их общедоступными, объединять усилия региональных ученых. Система снабжена сервисом «добавления топонимов», позволяющим размещать информацию о новых топонимах любому исследователю, в каком бы регионе он ни находился, путем заполнения (в режиме онлайн) соответствующих полей электронной карточки.

Вторая база в составе информационной системы содержит сведения об ученых-топонимистах, внесших вклад в изучение топонимии России. На странице, посвященной каждому ученому, приводятся основные биографические данные и наиболее значимые работы по топонимике. Подробно содержание, структура и составные элементы ресурса описаны нами в статьях 2014 г. [Гордова 2014 (1); 2014 (2)].

Пять лет функционирования системы в открытом информационном пространстве дают возможность подвести первые итоги и оценить ее востребованность и возможность дальнейшего развития. Отметим наиболее существенные, на наш взгляд, моменты.

1. *Круг пользователей.* Обращение к статистике показало, что наибольший интерес к ресурсу проявляют пользователи в возрасте от 25 до 34 лет (более 30%), на втором месте – пользователи в возрасте от 18 до 25 лет (24,5%), на третьем месте – пользователи от 45 лет и старше (21,8%); 12% составляют пользователи младше 18 лет (по данным Яндекс-Метрики за 2016 год: [https://metrika.yandex.ru/dashboard?group=week&period=2015-12-29%3A2016-12-28&id=27490013]). Можно констатировать, что ресурс востребован, информация о происхождении названий интересна разным возрастным группам.

Анализ поисковых запросов (по сайту в целом) показывает, что наибольший интерес, как ни странно, вызывают такие области ономастики, как зоонимика и космонимика. Частотны запросы о книгах по топонимике, с возможностью бесплатного скачивания их электронных версий.

2. *География участников проекта. Причины неучастия в проекте.* Реакция научного сообщества на создание единой базы данных и на предложение участвовать в проекте в общем была положительной. В наполнении системы приняли участие учёные разных регионов России: Москвы, Смоленска, Уфы, Волгограда, Рязани. Нельзя не отметить в этой связи, что наиболее отзывчивой и мобильной частью сообщества стали молодые ученые. При этом исследователи из некоторых регионов ответили вежливым отказом. Причины неучастия российских топонимистов в проекте (в случае информированности о нем) сводятся к следующим фразам: «У меня много своих проектов», «Не желаю участвовать в чужих проектах», «Я бы сделал лучше».

В этой связи хотим отметить, что заполнение полей таблицы через предлагаемую форму «Добавить название» при наличии материала (а он есть у любого опытного топонимиста) занимает 15–30 минут. Также эту работу могли бы выполнить сотрудники сектора при условии получения новых книг по топонимии от региональных ученых, ведь заполнение базы данных как раз и началось с ономастической литературы, имеющейся в Институте языкознания РАН. Уникальная в своем роде библиотека была сформирована в период работы д.ф.н. Александры Васильевны Суперанской, выдающегося филолога и ономаста, крупнейшего специалиста в области личных имен. Со всей страны на ее имя приходили книги, благодаря которым можно было оценить общую ситуацию в российской ономастике, тематику и направления исследований, узнать фамилии региональных ученых, аспирантов, одаренных студентов. Таким образом, налаженный обмен книжными новинками мог бы изменить ситуацию разобщенности, о которой писала Р.А. Агеева. Однако топонимисты

нашего времени не очень спешат делиться своими изданиями, а на просьбы обменяться литературой часто предлагают коллегам купить свои книги. Как кажется, это не способствует объединению региональных знаний и поддерживает тенденцию сохранения региональной замкнутости, регионального масштаба и, соответственно, региональной значимости своих работ.

Другая причина неучастия в проекте («Я бы сделал лучше») логично должна была привести к созданию более совершенных баз данных по российской ономастике. Однако других, аналогичных или альтернативных, визуализированных проектов, направленных на конструктивную интеграцию региональных знаний, в открытом информационном пространстве пока не появилось.

3. *Надежность программного обеспечения и преимущества интеграции.* Одной из проблем созданных информационных систем по ономастике является относительно быстрое устаревание программного обеспечения в связи с бурным развитием технологий и постоянным появлением на рынке новых, более совершенных и удобных продуктов. Это проблема касается и созданной нами системы. Пять лет ее функционирования в первоначальном виде на платформе *MODX Revolution* выявили слабые места системы управления содержимым (в частности, уязвимость скриптов сайта), что привело к необходимости перевода данных на более надежную платформу. С начала 2019 г. ведутся работы по модернизации программного обеспечения, но материалы для базы по-прежнему принимаются (eistr@yandex.ru).

В этом связи хотелось бы отметить, что создание и поддержание в работоспособном состоянии подобных ресурсов является весьма дорогостоящим занятием, а в ситуации «отсутствия средств» (также способствовавшего ухудшению состояния российской ономастики) осуществить задуманное бывает сложно. Уже созданная и функционирующая в открытом информационном пространстве единая база данных по топонимии России – это хорошая возможность для многих региональных ученых (без финансовых затрат со своей стороны) принять участие в общем, объединяющем проекте. Единая база данных разработана так, что в нее могут быть интегрированы (в виде отдельных кластеров) уже созданные «несетевые» областные топонимические базы данных (разработанные без возможности размещения в сети Интернет), а также сведения о топонимах тех областей, по которым региональные базы данных пока не созданы (по причине отсутствия средств или инициативы). К тому же статья в общей базе данных – это прекрасная возможность довести до широкого круга людей результаты своих исследований, рассказать о своих научных интересах, о своих книгах, найти своего читателя и почитателя.

В заключение хотим продолжить мысли Р.А. Агеевой, с которых мы начали статью, с учетом ситуации 2019 года: сплочение и объединение, восстановление прежних, укрепление существующих и установление новых научных контактов,

информированность о новой литературе и обмен книгами между регионами, возможность реализации важных и нужных обществу проектов, – все эти факторы окажут позитивное воздействие на состояние российской ономастики, да и нашей жизни в целом. Проект Единой информационной системы «Топонимия России» является одним из доступных способов (наряду со специализированным журналом, ономастическими конференциями, другими объединяющими проектами) на пути к этой цели и выведению российской ономастики на качественно новый уровень.

Литература и источники

Агеева Р.А. Уральская ономастическая школа // Вопросы географии / Моск. центр Русского геогр. о-ва; Ин-т геогр. РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука, 2009. Сб. 132: Современная топонимика / отв. ред. А.В. Барандеев; сост. Р.А. Агеева, А.А. Герцен. С. 297–316.

Гордова Ю.Ю. Единая информационная система «Топонимия России» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014 (1). № 12 (42): в 3 ч. Ч. 2. С. 54–57.

Гордова Ю.Ю. Карточка топонима в информационной системе «Топонимия России» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014 (2). № 12 (42): в 3 ч. Ч. 2. С. 58–61.

Ju.Yu. Gordova
(Moscow, Russia)

UNIFIED DATABASE “THE TOPONYMY OF RUSSIA” AS A METHOD OF INTEGRATION OF REGIONAL KNOWLEDGE

The unified database “The Toponymy of Russia” is an accessible way to integrate regional knowledge. The system has been operating on the Internet since 2014. Website analysis includes several questions: the range of users, the geography of the project participants, the security of the software, the advantages of using the system.

Key words: toponymy of Russia, regional onomastics, toponymy database, integration of knowledge.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.38

И.А. Дамбуев
(Улан-Удэ, Россия)

ПРОПИСНАЯ И СТРОЧНАЯ БУКВЫ В МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТОПОНИМАХ

В статье на материале Государственного каталога географических названий, нормативно-правовых актов и топографических карт анализируется употребление прописной и строчной буквы в многокомпонентных топонимах. Отмечается несогласованность в написании топонимов, вызванная кодификационными лакунами. Предлагается понятие квазитопонима в целях совершенствования действующих правил написания топонимов.

Ключевые слова: топоним, орфография, нормализация, варьирование.

В данной статье исследуется употребление прописной и строчной буквы в «производственных» топонимах. Этим термином мы обозначаем топонимы, образованные от наименований промышленных и хозяйственных предприятий и учреждений. Наш интерес к данной проблеме, регулярно поднимаемой на протяжении полувека, вызван нормализационными процессами, находящими отражение в Государственном каталоге географических названий (ГКГН).

В настоящее время в ГКГН более 100 топонимов являются несогласованными в связи с варьированием употребления прописной и строчной буквы. Из них большая доля приходится на «производственные» топонимы: п. *Охрового завода / Охрового Завода* (Воронежская обл.), с. *Слепцовское отделение / Слепцовское Отделение* (Калужская обл.), с. *Судоремонтная техническая станция / Судоремонтная Техническая Станция* (Дагестан), п. *Детского дома им. В.И. Ленина / Детского Дома им. В.И. Ленина* (Костромская обл.), п. *птицетоварной фермы / Птицетоварной фермы* (Красноярский край), п. *центральной усадьбы совхоза «Пугачевский» / Центральной усадьбы совхоза «Пугачевский»* (Воронежская обл.) и др. Чем больше компонентов у топонима, тем большую сложность представляет его написание. Например, в ГКГН дана форма п. *Подсобное Хозяйство Санатория им. Артема*, в законе Московской области от 21.01.2005 № 27/2005-ОЗ «О статусе и границах Солнечногорского муниципального района и вновь образованных в его составе муниципальных образований» – *Подсобное хозяйство Санатория им. Артема*, а в уставе сельского поселения Луневское – *Подсобное хозяйство санатория им. Артема*.

Все вариативные наименования будут со временем нормализованы, т.е. будет выбран и кодифицирован в качестве официального один из вариантов написания. В настоящее время нормализация наименований географических объектов осуществляется на уровне субъектов РФ и может находить различное решение в разных субъектах. Например, в законе Калужской обл. от 25.10.2013 № 497-ОЗ «О внесении

изменений в отдельные законы Калужской области в связи с уточнением написания наименований населенных пунктов» кодифицировано написание каждого компонента с прописной буквы: п. *Бабынинское отделение → Бабынинское Отделение*, д. *Подсобное хозяйство → Подсобное Хозяйство*, с. *Домашевского щебзавода → Домашевского Щебзавода*, с. *Березичская школа-интернат → Березичская Школа-Интернат*, д. *Межхозяйственной строительной организации → Межхозяйственной Строительной Организации*, п. *Калужская опытная сельскохозяйственная станция → Калужская Опытная Сельскохозяйственная Станция* и т.д.

В то же время наблюдаются и случаи кодификации употребления строчной буквы. На материале ГКГН можно привести следующие примеры: п. *Кирпичного Завода №1 → Кирпичного завода №1* (Астраханская обл.), п. *Отделения №3 Совхоза «Степной» → отделения №3 совхоза «Степной»*, п. *Учхоза Новоаннинского Сельхозтехникума → учхоза Новоаннинского сельхозтехникума*, п. *Валуевской Опытно-Мелиоративной Станции → Валуевской опытно-мелиоративной станции* (Волгоградская обл.), п. *Быстрицкий Тубсанаторий → Быстрицкий тубсанаторий* (Кировская обл.), п. *Базы Отдыха «Ласточка» → базы отдыха «Ласточка»*, п. *Северо-Кавказской Зональной Опытной Станции ВНИИЛР → Северо-Кавказской зональной опытной станции ВНИИЛР* (Краснодарский край) и др.

Такую несогласованность в написании топонимов можно объяснить наличием кодификационных лакун. Как отмечает Д.Ю. Ильин, «употребление прописной буквы в топонимии относится к нерешенным вопросам орфографической нормы» [Ильин 1997: 4]. Действительно, написание каждого из вариантов в приведенных примерах продиктовано разными правилами. Употребление прописных букв в каждом компоненте наименования оправдано действующими правилами: «§ 169. В географических и административно-территориальных названиях – названиях материков, морей, озер, рек, возвышенностей, гор, стран, краев, областей, населенных пунктов, улиц и т.п. – с прописной буквы пишутся все слова, кроме родовых понятий (*остров, море, гора, область, провинция, улица, площадь* и т.п.), служебных слов, а также слов *года, лет*» [Правила 2007: 171]. Употребление строчных букв в географических названиях в действующих правилах орфографии не предусмотрено, за исключением родовых понятий. Однако в § 169 имеется примечание 1, сформулированное следующим образом: «Нарицательные существительные в составных географических названиях пишутся с прописной буквы, если они употреблены не в своем обычном значении» [Там же: 172]. Эта формулировка косвенным образом допускает употребление нарицательных существительных со строчной буквы, если они употреблены в своем обычном значении. Идет ли здесь речь только о родовых понятиях, судить сложно из приведенных примеров, которых явно недостаточно для исчерпывающего понимания правила и его последовательного применения. Что касается

случая употребления строчной буквы в многокомпонентных наименованиях, то он подробным образом описан в «Правилах написания на картах географических названий СССР»: «В названиях населенных пунктов, не имеющих официального наименования, находящихся при промышленных и хозяйственных предприятиях, учреждениях, а также их участках и известных под именем данного предприятия, пишется с прописной буквы первое слово, например: Санаторий, Лесная школа, Пионерский лагерь, Распределительная станция, Школа механизаторов, Комсомольский лесной участок» [Правила 1967: 13]. Таким образом, употребление строчной буквы в таких названиях, как *Хлудневский карьер*, *Судоремонтная техническая станция*, *Быстрицкий тубсанаторий* и др., оправдано только указанным выше правилом. Варьирование прописной и строчной буквы у начального компонента поддерживается следующим положением из указанных правил написания на картах: «Если предприятие или учреждение, при котором находится населенный пункт, имеет индивидуальное наименование или обозначено числительным, то общее название (больница, санаторий, школа, лесной участок и т.п.) пишется со строчной буквы, например: лесная школа им. Горького, санаторий им. Войкова, школа механизаторов №2, лесной уч. 9-й километр, 3-я будка лесн. уч. квартала №68, подс. хоз. Педагогического института и т.п.» [Там же]. В подтверждение «работы» правила можно привести следующие примеры: п. *отделения №3 совхоза «Степной»* (Волгоградская обл.), п. *центральной усадьбы совхоза «Восток»*, п. *санатория «Агрия»* (Краснодарский край) и мн. др. Однако оно соблюдается далеко не всегда: п. *Отделения 2 совхоза «Зарайский»* (Московская обл.), п. *Центральной усадьбы совхоза «Воробьевский»* (Воронежская обл.), с. *Санатория «Восход»* (Калужская обл.) и др.

В настоящее время ситуация с написанием наименований географических объектов сложилась таким образом, что мы отмечаем результаты действия как правил орфографии в части написания географических названий, так и советских правил написания географических названий на картах. Если бы в правилах орфографии были четко сформулированы условия употребления строчной буквы в знаменательных компонентах географических названий, или хотя бы давался небольшой перечень типовых «производственных» названий в качестве иллюстративного материала, результаты нормализации, вероятно, не были бы столь противоречивыми. Если допустить дополнение правил орфографии изложенными выше положениями из правил написания географических названий на картах, то возникнет неизбежный вопрос о разграничении собственно топонимов, в которых с прописной буквы будет писаться каждый знаменательный компонент, и квазитопонимов, т.е. названий географических объектов (преимущественно ойконимов), известных под именем находящихся при них предприятий и учреждений, в которых возможно употребление строчной буквы.

Введение категории квазитопонимов, многокомпонентных дескрипций отэргонимического образования, употребляющихся в функции топонимов, могло бы способствовать решению вопроса употребления прописной и строчной буквы, примирив существующие правила и сложившуюся практику написания. В настоящее время известны два противоположных принципа написания топонимов. Согласно первому, получившему наибольшее распространение, «в топонимии с прописной буквы пишутся все знаменательные слова, кроме номенклатурных терминов» [Суперанская 1965: 38]. Этот принцип последователен, удобен для пишущего и основывается на семантической (морфологической) функции прописной графемы. Согласно второму, «в неоднословных географических собственных именах с прописной буквы пишется первое слово и все слова, являющиеся именами собственными до вхождения в состав данного географического собственного имени» [Ильин 1997: 23]. Этот принцип последователен, но неудобен для пишущего, потому что заставляет его задумываться о реальности или «ложности» семантики нарицательного компонента. Неудобен он еще и тем, что сближает написание топонимов с написанием названий предприятий, учреждений, объединений и прочих наименований, в которых «с прописной буквы пишется только первое слово (за исключением случаев, когда в состав наименований входят другие собственные имена)» [Правила 2007: 165], нарушая сложившееся выделение и написание имен собственных в узком смысле и наименований. Квазитопоним же компромиссно вписывается в категорию наименований, выполняя функцию топонима. Некоторые особенности квазитопонима очевидны. Например, он неудобен в использовании. Так, среди исключительных случаев переименования географических объектов находим: «при наличии у объектов наименований типа «Поселок №1 зерносовхоза Гигант», «Рабочий поселок при конторе Заготскот» и т.п.» [Практическое 1987: 12]. Еще одной особенностью квазитопонима является его нестабильность, нахождение между нарицательной и проприальной лексикой, подтверждением чему являются случаи топонимического варьирования: п. *центральной усадьбы маралсовхоза / Маралсовхоз* (Красноярский край), п. *психоневрологической больницы им. Карамзина / им. Карамзина* (Ульяновская обл.), д. *Коминтерновского льнозавода / Льнозавод* (Смоленская обл.) и т.д. Остальные особенности квазитопонима, равно как и необходимость его выделения, еще требуют описания и обоснования.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00170 «Нормализация топонимов в Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект».

Литература и источники

Ильин Д.Ю. Употребление прописной буквы в топонимии (проблема совершенствования орфографической нормы): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 25 с.

Правила 1967 – Правила написания на картах географических названий СССР / Глав. упр. геодезии и картографии М-ва геологии СССР. 2-е изд. М.: Недра, 1967. 27 с.

Правила 2007 – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Практическое 1987 – Практическое руководство по наименованию и переименованию географических объектов СССР. М.: ГУГК, 1987. 21 с.

Суперанская А.В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий // Орфография собственных имен. М.: Наука, 1965. С. 25-43.

I.A. Dambuev
(Ulan-Ude, Russia)

CAPITAL AND LOWER CASE LETTERS IN COMPOUND TOPONYMS

The article deals with the use of capital and lower case letters in compound toponyms on the material of the State catalogue of geographical names, legislative acts and topographic maps. It is revealed an inconsistency in writing of toponyms resulting from gaps in orthographic rules. The author suggests a notion of quasitoponym to improve orthographic rules and written practice.

Key words: toponym, orthography, standardization, variation.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.42

Э.М. Джафаров
(Баку, Азербайджан)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Электронное правительство – одно из новшеств виртуального пространства, которое с большим успехом все больше практикуется в различных странах мира. С этой точки зрения, изучение онимов в сфере электронного правительства становится весьма актуальным. В статье рассматриваются уникальные свойства и возможности имен собственных, используемых интернет-субъектами.

Ключевые слова: электронное правительство, имя собственное, сеть, виртуальное пространство, оним, интернет-субъект.

Идея электронного правительства все шире используется во многих странах, так как на практике она полностью себя оправдывает. Каждый год в различных странах вкладываются средства в реализацию и совершенствование проектов в сфере электронного правительства, которое повышает эффективность и результативность,

облегчает отношения между государственными органами и населением, деловыми кругами, неправительственными организациями и государственными учреждениями.

Функциональность механизма электронного правительства в первую очередь зависит от электронной идентичности участвующих субъектов, которые составляют самые разнообразные направления данной системы. Имена собственные, а также человеческие имена, отчества и фамилии представляют основной отличительный признак этих субъектов в реальной жизни. В этом отношении эти имена собственные также выполняют важную функцию в среде электронного управления. Поэтому решение ряда конкретных вопросов, связанных с именами собственными, имеет особое значение. Если своевременно не решить эти проблемы, это может помешать полному внедрению модели электронного правительства в обществе. Конкретные фонетико-морфологические, морфологические, семантические, синтаксические и технические нормы должны быть определены при регистрации и использовании имен. Это позволит именам собственным служить как защите, так и развитию национальных языков в контексте глобализации, а также эффективному функционированию модели электронного правительства. С этой точки зрения, изучение электронного пространство имен в настоящее время считается одним из наиболее перспективных направлений лингвистики. Ономастические единицы, используемые в электронном правительстве, а также в виртуальном пространстве в целом, обычно представляют собой номинативную структуру и соответствуют социальным и культурным изменениям. С другой стороны, формула имени выступает как хранитель информации, которая представлена в базе знаний носителя языка об индивидууме. Поэтому имя носит консервативный характер. Неразрывное развитие интернета порождает новые ономастические ситуации и выдвигает требования современных научных подходов при анализе имен собственных в виртуальном пространстве. «Виртуальная реальность сама устанавливает правила игры. Отношение к соответствующей форме такое же, как и отношение к обозначению. Здесь поток графических символов комбинируется с незначительными вариациями. Благоприятные условия виртуального пространства побуждают пользователей говорить символами, маскироваться, представляться в активном образе» [Голомидова 2005: 21].

Один из основных вопросов, стоящих перед учеными, исследующими область ономастики, – определить, являются ли ономастические единицы, используемые в виртуальном пространстве, новой функциональной формой конкретных имен, или они все же являются определёнными вариациями прошлого, включёнными в новую сферу речевой деятельности. Определенные недостатки в решении проблем растущей роли ономастических единиц в процессах виртуальной коммуникации – отсутствие комплексно-сравнительной исследовательской работы, необходимость

изучения структурных, семантических, гендерных особенностей ономастических единиц, используемых в виртуальных средах, обуславливает актуальность этой проблемы. В то же время актуальность темы исследования определяет новый лингвистический феномен – виртуальная ономастика или ономастическая информатика. Ономастическая информатика – это область, которая исследует весь спектр конкретных имен в Интернете. Сфера её охвата все еще остается неопределенной.

Е.А. Луговая рассматривает виртуальные ономастические единицы только как имена, которые имеют функциональность в Интернете. Локальную или внесетевую коммуникацию автор сюда не включает [Луговая 2006: 30]. Т.В. Аникина считает, что под виртуальной ономастикой следует понимать все электронные и связанные с ними ресурсы, т.е. все имена, которые так или иначе связаны с телефонными и локальными сетями [Аникина 2012: 58].

По нашему мнению, под ономастической информатикой следует понимать особую область функций, которые выполняют ономастические единицы в рамках компьютерных связей. Любые имена, которые мы используем во время электронных сообщений, в том числе в Интернете, могут быть сюда включены. Также сюда включается использование имен в электронном правительстве.

В.И. Супрун, один из выдающихся исследователей проблемы использования языка в Интернете, пишет: «Вся информация в интернете существует на ономастической базе. Собственные имена встречаются во всех текстах, имена выполняют функцию именования частей и элементов в сети» [Супрун 2004: 55]. Использование виртуальных собственных имен является специфической формой функций, выполняемых ономастическими единицами в реальном пространстве. Каждый пользователь интернета, субъект электронного правительства имеет определенное имя как в реальной системе социальных отношений, так и в виртуальном пространстве, и в виртуальной среде он представляется своим именем. Идентичность субъектов, которые являются участниками Интернет-пространства, обеспечивается с помощью виртуальных ономастических единиц. Любая личность, которая входит в виртуальное пространство, выбирает название для географической единицы, организации и продукта, о которых предоставляет определенную информацию. Вся информация по этим субъектам в Интернете централизуются этими именами.

В виртуальном пространстве имена выполняют номинативную функцию. Для идентичности пользователя в такой коммуникативной среде пользование именами является важным моментом. Но здесь выбранное имя, помимо средства идентификации, также является языковым кодом познания виртуальной личности. Своеобразные особенности этих имен дают обширный материал для разработки проблемы изучения социального взаимодействия в Интернет-пространстве. Оно определяет сущность индивида, составляет основную структуру виртуальной личности. Субъект, который

является участником виртуальных отношений, реализует самоидентификацию и коммуникативные взаимодействия с помощью выбранного для себя имени. Выбранное имя включает определенную семантику или экстралингвистическую информацию и играет ключевую роль в формировании образа виртуальной личности. Виртуальная ономастика требует определенного контекста и его организации. Поэтому при изучении языковых особенностей виртуальных онимов появляется необходимость изучать не только класс данных слов, но и его окружение. Здесь роль владельца имени как языковой личности также очень важна.

Как известно, имя собственное в реальной жизни, с одной стороны, указывает на индивидуальность объекта, а с другой стороны, действует как знак, определяющий характер именуемого объекта, т.е. как имя нарицательное. Тем не менее, имя нарицательное характеризует предмет с точки зрения его совместимости с предметами определенного класса [Суперанская 2007: 113]. Виртуальная ономастическая единица обозначает свойство объекта без обобщения. И.В. Луговая пишет: «… Виртуальный оним не идентичен реальности. Во-первых, он всегда мотивирован, т.е. всегда действует как продукт личного познания владельца имени. Во-вторых, он с самого начала имеет концептуальный характер. Потому что он был создан для выражений мыслей в пространстве второго мира» [Луговая 2006: 30].

Желание пользователя показать себя более независимым и передовым в интернет-пространстве выражается в содержании и форме выбранного им имени. Неограниченные возможности, предоставляемые виртуальным пространством для создания своего индивидуального имени, позволяют пользователям представить себя в воображаемо-желанном образе [Аникина 2012: 58]. Каждое виртуальное имя сочетает следующие особенности: имеет уникальное значение и стиль представления, имеет интерпретативно-оценочное воздействие; отражает психологические и социальные аспекты идентификации личности; исходит из коммуникативной потребности; имеет своеобразную стилистику.

Все это открывает широкие возможности для реализации виртуальной личности. Здесь также порождается творчество авторов имен и определяется индивидуальный стиль личности. В то же время исследование языковых единиц, используемых в качестве виртуальных имен, позволяет различить творческие и стереотипные стили. При выборе виртуальных имен и названий влияют следующие факторы: 1) возраст пользователя интернета; 2) уровень образования пользователя; 3) творческое мышление пользователя, креативные возможности; 4) соответствие тенденциям моды; 5) контакт с определенной социальной группой и т.д. Из-за высокого спроса на имена в виртуальном пространстве специфический потенциал языка для имен быстро исчерпывается. Следовательно, создать виртуальное имя без каких-либо орфографических или грамматических правил, используя любую речевую часть, вполне возможно.

Учитывая вышесказанное, надо отметить, что существует необходимость в разработке общих принципов эффективного использования имен в электронном правительстве и виртуальном пространстве.

Моделирование имен, формирование единых стандартов именования, идентификация именных компонентов, устранение типов искажений в именах, создание электронной базы данных имен и механизмов их использования, уточнение норм транслитерации имен, регулирование правил правописания имен и т. д. – одна из основных задач электронного правительства.

Литература и источники

Аникина Т.В. Виртуальный антропоним в системе современной коммуникации // Уральский филологический вестник. 2012. № 2. С. 56–60.

Голомидова М.В. Русская антропонимическая система на рубеже // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 11–22.

Луговая Е.А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория: дис. …канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 215 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 2007. 366 с.

Супрун В.И. Развитие ономастического пространства Интернета // Ономастика Поволжья. Материалы IX Международной конференции по ономастике Поволжья. М., 2004. С. 53–58.

E.M. Jafarov
(Baku, Azerbaijan)

NAMES IN THE ELECTRONIC GOVERNMENT SPHERE

E-government is one of the innovations of the virtual space, which with great success is increasingly practiced in various countries of the world. From this point of view, the study of onyms in the e-government sphere is a very actual topic. The article describes the unique properties and capabilities of proper names used by Internet subjects.

Key words: e-government, proper name, network, virtual space, onym, Internet subject.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.47

В.М. Калинкин
(Донецк, ДНР)

СУММА ПОЭТОНИМОЛОГИИ: ФИЛОЛОСОФЕМЫ ДИЛЕТАНТА. 3. ПРЕДЫСТОРИЯ ПОЭТОНИМОЛОГИИ

В комплексе предпосылок возникновения поэтонимологии как науки отчётливо выявляются, с одной стороны, факторы, обеспечившие превращение имени собственного в средство поэтики, а с другой – предшествующие собственно науке предпосылки теории, сформировавшиеся в процессе осмысления философами проблемы имени как категории мышления. Длительность и разнородность процессов взаимодействия и взаимовлияния творческой и рефлектирующей стихий составили тот конгломерат представлений о поэтике проприальных единиц, которые лежат в основе современной теории поэтонимологии.

Ключевые слова: оним, поэтоним, поэтонимология.

Идея подвести некоторые предварительные итоги работе, которой занимаюсь порядка 40 лет, «родилась» на юбилейной конференции «Ономастика Поволжья», посвящённой памяти В.А. Никонова, «приложившего руку» ко всем областям изучения собственных имён, включая и литературную онимию. Две публикации с подзаголовками «Апология метода» и «Истоки», предшествовавшие этой [Калинкин 2018a; 2018b], были посвящены соответственно обоснованию приёмов и методов «филолософствования» и рассмотрению истоков и первоначал использования собственных имён в качестве художественного средства. Необходимость изучения функционирования и свойств собственных имен в период завершения древнерусского этапа и рождения новой русской литературы обусловлена положением дел, осмысление которых может претендовать на статус филолософем поэтонимологии.

Размышляя о зарождении идей, которые составили основу приёмов использования собственных имён как средства поэтики, необходимо учитывать ряд факторов. Во-первых, немаловажное значение, в особенности для русской литературы, имеет сравнительно позднее её появление на европейской культурной арене, что, с одной стороны, способствовало длительному сохранению традиций древнерусской книжности, полной гениальных художественных и философских прозрений, а с другой, как будто не требовало «изобретения» приёмов и способов употребления собственных имён в качестве образного средства, но открывало возможности для использования образцов из других литератур, что далеко не всегда было подражанием, лишённым национально-языковой и культурной специфики. Во-вторых, как было сказано в «Апологии метода», «сколько бы мы ни пытались обходить молчанием философские аспекты осмысления Имени, переход <...> к глубокому погружению в историю вопроса “имя в философии” неизбежен <...> поскольку речь идёт о временах, когда

было сформулировано тонкое понимание различий между собственными и нарицательными именами (*Nominantur singularia, sed universalia significantur* – именуется единичное, а общее означивается), были введены понятия денотата (экстенсионала), сигнификата (интенсионала), значимости и значения, коннотации (интенции) и т.д.» [Калинкин 2018b].

Д.С. Лихачёв, посвятивший жизнь исследованию становления русской книжности в XI–XVII веках, ещё в самом начале 50-х годов, когда онимия литературных произведений ономастами, по сути, даже не изучалась, открыл несколько важных обстоятельств, сформировавших отличительные особенности использования собственных имён в древнерусской литературе. Одно из них касалось особенностей представления сильных характеров. Так, Н.М. Карамзин и В.О. Ключевский считали, что первым сильным характером в русской истории и в русской литературе был Иван Грозный. По этому поводу Д.С. Лихачёв процитировал в своей статье слова В.О. Ключевского: «Исторические памятники XIV и XV вв. не дают нам возможности живо воспроизвести облик каждого из этих князей. Московские великие князья являются в этих памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрия, Василия, другого Василия. Всматриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа» [Лихачёв 1951: 218 (цит.: «Курс русской истории» В.О. Ключевского. М.–П. 1923. С. 58–59)].

Мысль об «открытии» человеческого характера в древнерусской литературе лишь в начале XVII века высказала О.А. Державина [1946: 30]. В поисках истоков русской литературы об исторических характерах Д.С. Лихачёв исследовал более ранние источники древнерусской книжности и установил, что уже в XVI веке в русской литературе постепенно сформировался новый тип исторических сочинений, авторы которых стремились к проведению двух принципов: единства точки зрения на исторические события и единства темы сочинений об исторических событиях. Одновременно «уже XVI век дает себя знать и в пробуждении интереса к исторической личности. Именно историческая личность становится в центр повествования “Летописца начала царства”, “Истории о великом князе московском”, “Степенной книги”» [Лихачёв 1951: 221]. Но и он резюмировал, что XVI век «отмечен ростом интереса к историческим личностям, но этот рост – пока лишь количественный; качественно интерес этот остается все тем же. Новое понимание человеческого характера начинает складываться лишь в произведениях XVII в., посвященных “Смуте”» [Там же: 222].

Важнейшие черты древнерусской литературы, отмеченные Д.С. Лихачёвым в монографии «Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII веков»

[Лихачёв 1987], оказываются не просто значимыми для поэтонимолога, но позволяют высказать ряд утверждений, касающихся онимогенеза, приведшего, в конечном итоге, в русской литературе нового времени к превращению онимов в поэтонимы. Поскольку разрешённый организаторами конференции объём статьи исключает возможность подробного представления перипетий этих многосложных взамосвязанных процессов, ограничусь тезисным изложением сути проблемы и представлением возможных путей дальнейшего изучения этого периода развития науки о собственных именах в литературных произведениях.

Начну с афористического утверждения Д.С. Лихачёва: «Древняя русская литература – это <...> цикл <...>это эпос, рассказывающий историю вселенной и историю Руси. Ни одно из произведений Древней Руси <...> не стоит обособленно. Все они дополняют друг друга в создаваемой ими картине мира» [Там же: 14].

В целом ряде других работ Д.С. Лихачёв показал, как в процессе формирования новой литературы появляются и новые литературные персонажи, отмеченные «человеческими чертами характера», а собственные имена из «иероглифических знаков» и «эмблем» превращаются в имена литературных персонажей. Вся культурная жизнь русского Средневековья пронизана влиянием фольклора, исторической литературы и притчи. В повествовательной или аллегорической форме они преподносили поучения и нравоучения читателям, превращали культурную жизнь в целостное явление. Д.С. Лихачёв предложил называть этот проникнутый культурными влияниями мир **гомосферой** – человекоокружением. Именно её развитие позволило, с одной стороны, окончательно укрепить в сознании русского человека особое отношение к собственным именам («...В глазах человека средневековья имя играло существенно иную роль, чем в наше время. В получении имени по святцам, при крещении, часто видели предсказание грядущей судьбы ребёнка, а изменение социального статуса нередко вело к смене имени» [Ромодановская 1999: 3]), а с другой – возбудить интерес творческой части общества к возможностям имён накапливать разнообразнейшие представления об объектах именования.

Философы-любомудры стали понимать, что само по себе имя собственное представляет собой контейнер, обладающий свойством накапливать информацию об объекте именования. Опуская подробности этих размышлений, наблюдений и выводов, замечу, что именно на пересечении творческих поисков авторов литературных произведений и научных рефлексий учёных сформировалось то состояние ментальности русского человека, которое открыло ему путь «внутрь» собственного имени.

Через два столетия после «преображения» древнерусской литературы, мотивированный участием в борьбе за справедливое решение богословской проблемы *имяславия*, О. Сергий (Булгаков) написал свою, как он сам говорил «самую философскую книгу» – «Философию Имени». В ней он зафиксировал то состояние философской

мысли о собственных именах, к которому, в конечном счёте, пришли русские учёные к началу XX века: «Всякое имя в своём генезисе есть нарицательное, как возникающее от нарицания (именования), но оно же является непременно и собственным, если оно пристаёт к своему носителю как постоянный его предикат, так что носитель его именуется этим предикатом». «Отличием “собственного имени” <...> является его бессмысленность, отсутствие внутренней формы, так сказать, алгебраический характер. Но это же самое имя станет тотчас “нарицательным”, если мы наполним его содержанием, дадим ему внутреннюю форму, заимствовав её от носителя» [Булгаков 1998: 234, 235].

«Мы можем назвать предмет различными именами, иногда располагая сотнями синонимов, выразить его бесконечным количеством метафор, приписать ему и тем именовать его всевозможными свойствами, однако это именование не есть прихотливая кличка, но выявление потенциального содержания данного субъекта, его космической характеристики» [Там же: 238–239].

С этого момента начинается история развития филологической мысли о собственных именах, приведшая в конечном итоге к возникновению поэтонимологии как науки. Но это уже тема других опытов филолософствования, другая задача суммирования сделанного с целью выявления лакун и белых пятен в существующих разработках и формирования «экспедиций» для открытия новых материков в Океане Неизведанных Истин поэтонимологии.

Литература и источники

Булгаков С.Н. «Собственное» Имя // С.Н. Булгаков. Философия Имени. СПб.: Наука, 1998. С. 234–271.

Державина О.А. Анализ образов повести XVII века о царевиче Димитрии Угличском // Учёные записки Московского городского пединститута. Т. VII. Кафедра русской литературы. Вып.1. М., 1946. С. 28–34.

Калинкин В.М. Сумма поэтонимологии: филолософемы дилетанта. 1. Апология метода // Сталинградская гвоздика: Сборник материалов международной конференции / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Вып. 3. Волгоград: Фортесс, 2018. С. 221–228.

Калинкин В.М. Сумма поэтонимологии: филолософемы дилетанта. 2. Истоки // Русское Слово. Сб. научных трудов. Волгоград, 2018. С. 220–233.

Ковтун Л.С., *Колесов В.В.* Новый труд о древних теориях искусства слова на Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. Т. XXXVII. С. 391–400.

Лихачев Д.С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 218–234.

Лихачёв Д.С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // ИОЛЯ. 1956. Т. 15. Вып. 3. С. 201–214.

Лихачёв Д.С. Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII веков. М.: Современник, 1987. 301 с.

Ромодановская Е.К. К вопросу о поэтике имени в древнерусской литературе // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. LI. С. 3–8.

V.M. Kalinkin
(Donetsk, DPR)

THE SUM OF POETONYMOLOGY: THE DILETANT'S PHILOLOSOPHEMES. 3. PREHISTORY OF POETONYMOLOGY

In the history of the formation of poetonymology as a science factors that ensured the transformation of a proper name into a means of poetics and the beginnings of the theory of the name formed in scientific works are significant. The processes spectrum of interaction and mutual influence of creative and reflective elements in the complex and little studied period of poetonyms origination as a phenomenon of Russian culture at the stage of its semantic and semiotic transformation from the lexical means of Old Russian literary into the figurative means of modern literature is studied insufficiently and therefore is the subject of discussion in the article.

Key words: onym, poetonym, poetonymology.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.51

Л.А. Климкова
(Арзамас, Россия)

МИКРОТОПОНИМИЯ В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОЕЦИРОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме семантики единиц категории микро. На материале нижегородской окско-волжско-сурской микротопонимии автор показывает внутреннюю структуру онимов через призму семантического проецирования, в соответствии с такими явлениями, как мотивированность, производность, способ деривации. Утверждается, что благодаря многоаспектности семантического взаимодействия единиц создаются микротопонимы как предельно конкретные номинанты, в системе отвечающие всем дифференциальным признакам диалектной лексики.

Ключевые слова: микротопонимия, внутренняя структура, семантическое проецирование, мотивированность, производность, деривация, конкретность, детализированность.

В региональной онимической картине мира непременным, значительным компонентом является система единиц категории *микро*: микротопонимия и микроантропонимия как составляющие диалектных микросистем.

Несмотря на то, что теория ономастики в статусе отдельной самостоятельной науки стала активно разрабатываться с середины XX века и достигла значительных успехов, некоторые проблемы в ней не утратили своей актуальности. В их числе и та, что определена как *проблема «микро» и «макро» в ономастике*, в частности в соотношении микротопонимия – собственно топонимия – макротопонимия (микро- – мезо- – макро-), ср.: [Никонов 1965: 46–49; Суперанская 1973: 165–170]. В связи с ее решением выявлены, так или иначе обоснованы, скомпонованы дифференциальные признаки единиц названных категорий. В свое время мы рассмотрели разные мнения относительно сущности микротопонимов и их отличительных признаков, предложив наиболее рациональный, с нашей точки зрения, их комплекс, см.: [Климкова 2007: 75–82, 103–104]. Тем не менее стоит обратить особое внимание на семантический аспект этих единиц.

На фоне научных споров о понятийности / непонятийности / особой понятийности имен собственных в целом признание понятийности микротопонимов воспринимается более спокойно, ср. утверждение о «бытовой понятийности микротопонимов, географической понятийности макротопонимов и непонятийности собственно топонимов» [Суперанская 1973: 168]. Однако наблюдения (в частности, за нижегородской, окско-волжско-сурской онимией) показывают, что и микротопонимы в этом отношении не однородны, будучи обусловленными такими явлениями, как мотивированность, степень мотивированности / немотивированность, производность / непроизводность, способ деривации.

Так, немотивированные, непроизводные единицы имеют лишь денотативное значение, в плане же сигнификативности проявляют связь лишь с предельно общим значением ‘место’, ‘объект пространства’, входя в статический компонент микросистемы, в «мысленное досье» (А.Д. Шмелев) её пользователей, лишь по своей референциальной сущности, вне отличительных, характеризующих признаков объекта, которые отражались бы в самом названии. Для представителей иносистемы вне дискурса такие единицы не имеют и денотативной определенности, в чем и проявляется сущность микротопонимии как феномена. Такие единицы имеют или получают некую информативность в соответствии с фонетической ассоциативностью частей основ как своеобразных субморфов. При этом возникает гипотетическая мотивированность и соответственно гипотетическая связь с некими единицами и их семантикой. Например: ***Лисúха***. Лес. *Эт лес так назывался у нас. По лисам, наверно*. (Мигалиха Вад.) (полный адрес микросистем см.: [Климкова 2007: 393; 2008: 260]). ***Шаманú-ха***. Участок леса. *В Ближнем лесу эта Шеманиха. Не знай, за што назвали. Поди, какáнетó Шаманиха была, баба. А можат, Шаманов какой-нето был, и лес-ат ёво был. Хто теперь знат? Нехто. Не узнашь уж* (Селякино Арз.). ***Грузни́к***. Лес. *Што так зовут – не знам. Груздей там вроде сроду не водилось. Рай грузили чо-нетó там, лес, поди-ка, и грузили* (Селякино Арз.).

Иную семантическую наполненность имеют микротопонимы с производной, мотивированной, причем с полной прямой мотивированной основой (ср. шкалу мотивированности в области апеллятивной лексики в: [Ширшов 1995: 50–53]). При этом значение производных аффиксальных единиц складывается из нескольких семантических компонентов: проприального, референциального, идентифицирующего, и понятийного, спроецированного от апеллятивной производящей базы. Например: ***Мокру́ша***. Улица. *Сыро там всегда, мокро, вода после дождя стоит, вот все и зовут Мокруша* (Стрелка Вад.); ср.: мокрый ‘пропитанный влагой; сырой’ [МАС, II: 289]. ***Оба́евка***. Часть села. *Гаваруны там жили: любова агаварят, абают, вот и Абаевка* (Суворово Див.)*;* ср.: обаять ‘оговорить’, баять ‘говорить’. ***Оси́нка***. Ручей. *Она из осинника шла, из леса (Сосновка Серг.);* ср.: осинка – осина. ***Отре́з***. Лес. *Эт атрезок ат Двярянсково леса, вот и Атрез* (Аносово Б.-Болд.); ср.: отрез – отрезать.

При метонимии, приводящей в том числе к тезоименности, производящая база-оним целиком проецируется на производное: ***Мали́новка.*** Дорога. *В Малиновку ведёт она, вот и Малиновка* (Мокрый Майдан Серг.). ***Ныркú.*** Овраг. Дорога. Пруд. *Идёшь, идёшь к оврагу ныряшь и ныряшь как бы в ёво, вот и назвали Нырки. – А вот дальше там вершина Ныркú. Да мы не знам, што так назвали. Авраг Нырки и дарога к нему тоже Нырки. – На вершине Ныркú есь пруд Нырки* (Суворово Див.). В последнем случае, как в целом при плюрализации, появляется сема ‘множество’, ‘множественность’ или ‘пространственная протяженность’.

Метонимические единицы как вторичные онимы имеют непосредственную связь с производящими, мотивирующими онимами и опосредованную – с апеллятивной производящей базой первичного онима: *Нырки* (дорога), *Нырки* (пруд) – *Нырки* (овраг) – *нырять* ‘двигаться, передвигаться по неровной поверхности, то опускаясь, то поднимаясь’; разг. ‘исчезать из виду, быстро войдя, въехав куда-л., скрывшись среди кого-, чего-л.’ [МАС, II: 516].

Еще более сложная семантическая структура в составных, неоднокомпонентных микротопонимах, образованных синтагматическим способом, в частности атрибуцией, см.: [Климкова 2008: 221–240].

При этом географические термины входят в составное именование целиком, со всей своей понятийной сущностью, приобретая дейктический, идентифицирующий семный комплекс ‘вот именно этот’ (объект). Атрибут же в составе биноминанты как аналог согласованного или несогласованного определения выражает дифференциальный, характеризующий признак объекта через проецирование значения, заключенного в производящей базе, координируясь с ней через сему ‘отношение’ (к лицу, предмету, живому существу): ***Попóв луг.*** *Попу принадлежал* (Четвертаково Арз.). ***Семáгина вершина.*** Место в лесу. *Сёмáгины там раньше пчельник имели* (Нехорошево Лук.). ***К Маякý дорога.*** *Мая́к – эт у нас станция. По этой дороге мы ходим на эту*

станцию к поезду. Вот так назвали К Маяку дорога (Селякино Арз.). ***Ко́зий луг.*** *На Козьем луге адне козы пасутся. Всю жизнь там пасём* (Силино Шатк.) и др.

Если же объект той или иной пространственной сущности получает наименование только через географический термин, то в его семантическую, семную структуру входит, помимо географического понятия, сема, семный комплекс ‘единственный’, ‘единственный в своём роде’, например, *Озеро* называется так потому, что оно одно, единственное в населенном пункте и его окрестностях (с. Селякино Арз.).

При атрибуции на базе качественных прилагательных-полисемантов происходит проецирование на микротопоним одного из их лексико-семантических вариантов, одного семного комплекса или одной семы. Мы это уже продемонстрировали на примере единиц с адъективами *Зеленый*, *Золотой*, *Красный*, *Белый – Черный*, *Светлый – Темный*, *Сухой – Сырой*, *Мокрый*; Теплый – *Холодный*, *Студёный*, см.: [Климкова 2008: 218].

При тезоменности, параллелизме внешне одинаковые единицы имеют часто разную мотивированность и, соответственно, разную семантическую (семную) проекцию. Так, в парадигме единиц с корнем *-глад-*: ***Гладенький овраг*** (Саблуково Арз.), ***Гладкая дорога*** (Большое Туманово Арз.), ***Гладкий луг*** (Новоселки Воз.), ***Гладь.*** Луг (Шилокша Кул.), ***Гладенькая.*** Дол. (Смирново Шатк.) – спроецированным от производящей базы является значение ‘без выступов, впадин и шероховатостей; ровный’ [МАС, I: 313]. В микротопониме ***Гладенькое болото.*** *Вода в нем гладенька-гладенька, как зеркало* (Никольское Арз.) реализованы метонимические семы ‘спокойная’, ‘неподвижная’, ‘прозрачная’, относящиеся к воде; ***Гладенькая.*** Пруд. *Дол там называтся Гладенька, пруд там вырыли тоже Гладенька назвали.* (Смирново Шатк.). – метонимическая мотивация, реализована пространственная сема смежности ‘на’, потому пруд тоже ***Гладенька***.

Кстати, во всех приведенных единицах с *-еньк-* этот суффикс передает, проецируя, экспрессему ‘очень’. Название колодца – ***Гладенький*** – появилось в результате трансонимизации: *Белов колодец-ат строил, Белова-то Гладеньким прозвали. Он щас уж помер, а колодец-ат так и прозывают Гладенькай* (Нехорошево Лук.). В этом случае произошло изменение семного статуса, перевод гиперсемы ‘лицо’ (от прозвища) в гипосему на фоне иной гиперсемы – ‘пространственный объект’, с сохранением и проецированием коннотативной семы. Такая картина является типичной для микротопонимии.

При проецировании собственно переносного значения актуализируется сема сравнительности, что ведет к метафоризации номинанты, особенно яркой при онимизации словосочетания, типа: ***Жаворо́нкин Хвост.*** Овраг. *Потому как похож на хвост жаворонки* (Успенское II Арз.). ***Бара́ньи Рога́.*** Овраг. *Уж больно похож на бараньи рога* (Кетрось Бут.). Немало подобных единиц и среди однокомпонентных микротопонимов типа: ***Вертишейка.*** Тропинка (Красный Бор Шатк.), ***Горо́шина.*** Место в лесу (Измайловка Ард.), ***Спя́щий мо́стик.*** Мост (Салганы Кр.-Окт.), ***Стуча́лочка.*** Овраг (Александровка Лук.) и др.

Таким образом, приведенные и подобные примеры свидетельствуют о понятийности производных, мотивированных единиц в микротопонимии, обусловленной таким явлением, как проецирование понятий, семных комплексов или отдельных лексико-семантических вариантов и их сем от производящей базы. Спроецированные семные компоненты вместе с формирующимися в самом микротопониме создают объем, богатство его внутренней структуры, поддерживающиеся сохранением в памяти микросистемы всего событийного ряда, связанного с выделением микрообъекта и наделением его собственным именем.

При таком многоаспектном взаимодействии и пересечении семантики создаются предельно конкретные единицы микротопонимического пространства (отражающего освоенное физическое, природное пространство) как компонента лексики соответствующей диалектной микросистемы с такими ее чертами, как конкретность, детализированность, стремление к мотивированности, привязанность к окружающей среде, сопряженность человека с природой, бытом.

Литература и источники

Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. Арзамас: АГПИ, 2008. 261 с.

МАС – Словарь русского языка / АН ССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т. М.: Русский язык, 1981–1984.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 180 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. № 1. С. 41–54.

L.A. Klimkova
(Arzamas, Russia)

MICROTOPONYMY IN TERMS OF SEMANTIC MAPPING

The article is devoted to the problem of micro unit semantics. The author shows the inner structure of proper names in the toponymy of Nizhny Novgorod region, in Volga, Oka and Sura interfluve area. The units are described in terms of semantic mapping, reflecting the phenomena of motivation, derivation, ways of word-building. The author argues that due to the multidimensionality of the units' semantic interaction microtoponyms are coined as nominative units of utmost concreteness, and, as a system, having all the differential features of dialect vocabulary.

Key words: microtoponymy, inner structure, semantic mapping, motivation, derivation, word-building, concreteness, detailization.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.56

Г.Ф. Ковалев
(*Воронеж, Россия*)

КАК ПОНИМАТЬ АВТОБИОГРАФИЗМ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКЕ

Статья посвящена проблеме изучения литературной ономастики с позиций автобиографизма. Обычно задается вопрос: а что же такое биографизм или автобиографизм? Ведь все читали почти одни и те же книги, одни и те же газеты. Однако, что очень важно, каждый творческий автор воспринимает такую информацию индивидуально, выделяя для себя из, казалось бы, общего для всех текста свои подтексты, своеобразно осмысляя их, зачастую основательно преобразуя их. Всё это потом и становится тем черновым материалом, откуда выходят потом знаменитые писательские идеи, образы или чисто лирические описания. В статье обращено особое внимание на различие мнений писателей. Представлены также мемуарные заметки современников пишущих авторов, мнения исследователей, представляющих литературоведение и языкознание.

Ключевые слова: литературная ономастика, имя собственное, автобиографизм, прототип, понимание автобиографизма.

То, что биография писателя с необходимостью накладывает отпечаток на все его творчество, не вызывает никаких сомнений. Собственно, это и составляет суть автобиографизма писательской ономастики. Частным случаем автобиографизма являются мемуары самих писателей и собственно автобиография. Писательских автобиографий в истории отечественной литературы было написано довольно много. Например, самой первой в Древней Руси оказалась автобиография, написанная князем-писателем Владимиром Мономахом.

Поэтому, конечно, хорошо, если есть хоть какие-то документы (не важно, это заметки, черновики самого автора или воспоминания других людей, контактировавших с ним), касающиеся того, каковы были планы автора, как он сам понимал тот или иной образ, кто мог послужить прототипом или протономеном его персонажа, они обязательно прольют определенный свет и приоткроют завесу тайн творческой лаборатории автора.

Крайне важна в литературной ономастике и работа с писательской перепиской. Здесь открывается возможность документирования ономастических фактов [Михеичева 2008: 241–245]. В работах по литературной ономастике следует прислушаться и к словам выдающегося слависта Романа Якобсона: «Нельзя, естественно, впадать ни в вульгарный биографизм, рассматривающий литературное произведение как воспроизведение ситуации, из которой оно возникло, и выводящее из текста произведения то или иное событие, ни в вульгарный автобиографизм, догматически отрицающий

любую связь между литературным произведением и жизненной ситуацией» [Якобсон 1987: 146]. Правда, выдающийся славист, как нам кажется, дав точные дефиниции, все же подобрал в качестве антонимов неудачную пару терминов.

Показательно мнение писателя И.А. Гончарова: «*То, что не выросло и не созрело во мне самом*, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, – то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний – и я писал только то, *что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал*, – словом, писал *и свою жизнь и то, что к ней прирастало*» [Гончаров: 193].

Ю.Н. Тынянов прозорливо писал: «Биография и даже “родословная” у поэтов не только существует, но “вызывается” и даже меняется в итоге смены лирического героя: освещается часть биографии, важная в этом смысле. Так, Лермонтов долго воссоздавал и менял свою генеалогию, переходя от шотландца Лермонта к испанцу Лерме» [Тынянов 2001: 142].

Анализ многих терминов и понятий, касающихся тем биографии и автобиографизма писательского творчества, привел нас к триединой формуле, подсказанной В.С. Листовым, длительно работавшим над творчеством А.С. Пушкина: «В поле нашего зрения должно попасть самое широкое пограничье между тремя основными стихиями мира Пушкина – творчеством, реальным жизненным путем и автобиографически направленным воображением. Последнее можно было бы назвать “биографией души”» [Листов 2005: 11].

Говоря о персонажах А.С. Грибоедова, М.О. Гершензон настаивал: «… Есть два способа приблизиться к пониманию художественного смысла, руководившего поэтом; прямой путь – это путь непосредственного изучения его образов и творческих средств; но ценные услуги в этом деле может оказать и косвенный путь – ознакомления с той действительностью, которая служила художнику прообразом его создания. Самое малое, что мы можем добыть на этом втором пути – осязательность минувшей жизни, непосредственное погружение в ее быт и психику, – уже большая и притом самостоятельная ценность» [Гершензон 2016: 4].

Директор музея-заповедника «Спасское-Лутовиново» Е. Левина отметила важность родовой усадьбы в творчестве И.С. Тургенева как элемент автобиографизма: «На самом деле многие его произведения – родом отсюда: “Фауст”, “Рудин”, “Дворянское гнездо”, “Новь”. Даже находясь далеко от Спасского, Тургенев мысленно возвращался в родные места, вспоминал детство, юность, людей, которые ему были дороги, и тех, к кому сложно относился…» [Левина 2017: 5]. Показательны также свидетельства воспоминаний Е.В. Панаевой-Дягилевой о И.С. Тургеневе в Париже: «Он особенно настаивал на том, что природа лишила его всякого воображения, что он никогда не был способен сочинить что-нибудь, что всех лиц, им описанных, он знал лично…

“Вот Базаров, например…” – и он рассказал встречу с молодым человеком, послужившим ему образцом для Базарова.

Он познакомился с ним в вагоне, едучи из Москвы в Петербург, и всю дорогу пробеседовал с ним, увлеченный его умом и крайне заинтересованный новым типом только что появившимся в нашем быту. Приехавши в Петербург и прощаясь со своим спутником, Иван Сергеевич осведомился об его имени и адресе.

– А на что Вам? – был ответ.

– Желал бы продолжить приятно начатое знакомство.

– А я так совсем этого не желаю.

Иван Сергеевич, предполагая, что молодой человек не знает, с кем имеет дело, назвал себя: “Я Тургенев”. – “Знаю, что же из этого?” – отрезал нигилист и удалился, вероятно, торжествуя (это уже мое замечание), что удалось ошеломить “великого человека”.

О том, что он, тем не менее, не терял из виду своего спутника и перевоплотил его в Базарова только тогда, когда узнал об его смерти, – Тургенев прибавил в конце рассказа как-то неопределенно и нехотя» (см. [Мурыгин: 122]).

Интересны мысли, которые высказал С.Д. Довлатов по поводу связи биографии и творчества Ф. Кафки: «Разумеется, Кафка не выдумал для себя такую скромную биографию, но если бы она была иной, то и Кафка был бы совершенно другим явлением – ведь писатель и его биография нерасторжимы. Отсутствие внешних потрясений в личной жизни Франца Кафки с избытком возмещается неослабевающим напряжением “приключений” внутренних» [Довлатов 2016: 153].

Так что же составляет автобиографизм автора в его творчестве? Да практически всё: все тексты автора порождены его жизнью, его начитанностью, его наблюдательностью.

Кажется, можно найти даже общие направления у автобиографизма и хронотопичности. Прав был А.Ф. Одоевский, когда в своих «Психологических заметках» отмечал взаимозависимость эпохи и социума: «Напыщенный XVII век любил идиллическую поэзию, нежных пастушков и пастушек. Век грубого терроризма гонялся за придворным утонченным волокитством; наш коммерческий век – век расчета и сомнения – требует в литературе кровавых страстей и фанатизма. “Лукреция Боргиа” на сцене – и газеты, такие, которые наполняется известиями, например, о том, каким образом однажды поутру банкир Ротшильд, завертывая пакет, засунул куда-то сверток ассигнаций, – эти явления отвечают друг другу, они не могли случиться в разные века» [Одоевский 2006: 398].

Принято считать, что писатели придумывают имена своим героям. Это отчасти действительно так, однако гораздо чаще писатели лишь выбирают фамилию или имя персонажа из того богатого наследия, что составляет национальную и мировую антропонимию.

Нет гарантий, что Ф.М. Достоевский не использовал готовых имен и фамилий, взятых из его будничной жизни и переписки. Если говорить о романе «Идиот», то необходимо напомнить о том, что муж сестры Федора Михайловича – Куманин – владел банком (отсюда деньги перепадали великому писателю), а в банке работал некий Рогожин, а его женой была некая Настасья Филипповна [Кувалдин 1996: 3].

Л.Б. Сукина более подробно изучила связи Ф.М. Достоевского с семейством Куманиных. Куманины были старинным переславским купеческим родом. Нам же важен наиболее известный Куманин Алексей Алексеевич: «В Москве он стал купцом первой гильдии, коммерции, дворянином, бургомистром Московского магистрата (1792–1795) и московским городским головой (1811–1813) <…> В 1814 году в семью Куманиных вошла старшая сестра матери Федора Михайловича Достоевского, ставшая женой Александра – среднего сына Алексея Алексеевича. Отец писателя М.А. Достоевский был домашним врачом в семьях Куманиных и их близких.

Федор Михайлович Достоевский с раннего детства стал бывать в фамильном доме Куманиных на Ордынке, а позднее описал его в романе «Идиот» как дом купцов Рогожиных, перенеся место действия в Петербург. Родная тётка писателя стала в романе матерью Парфёна Рогожина. Основой сюжета романа послужила история личной жизни племянника Алексея Куманина – Константина Константиновича. Даже имена героев романа Достоевский позаимствовал из окружения куманинской семьи. Управляющим московской конторы Государственного Коммерческого банка был Е.Г. Рогожин, а его жену звали Настасья Филипповна. Чета Рогожиных была вхожа в дом К.А. Куманина, бывшего директора банка» [Сукина 1990: 3].

И.А. Бунин записал признание Л.Н. Толстого: «В молодости я вел очень дурную жизнь, а два события этой жизни особенно и до сих пор мучают меня... Эти события были: связь с крестьянской женщиной из нашей деревни до моей женитьбы, – на это есть намек в моем рассказе “Дьявол”. Второе – это преступление, которое я совершил с горничной Гашей, жившей в доме моей тетки. Она была невинна, я ее соблазнил, ее прогнали, и она погибла», – как Катюша Маслова в “Воскресении”» [Бунин 1967: 108–109].

Исходя из нашего опыта, и работая в рамках Воронежской ономастической школы, мы в данном исследовании используем, как один из принципов (по В.С. Листову) принцип поиска следов «автобиографически направленного воображения» в ономастическом наследии творчества русских писателей.

Литература и источники:

Бунин И.А. Освобождение Толстого // Собр. соч. в 9 т. М., 1967. Т. 9.

Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. Мудрость Пушкина. М.: Книга по требованию, 2016. 166 с.

Гончаров – И.А. Гончаров-критик / Вступит. статья и коммент. Е.А. Краснощековой. М.: Советская Россия, 1981. 236 с.

Довлатов С.Д. Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб.: Азбука, 2016. 288 с.

Кувалдин Ю. Книжная лавка в «Ахматовском центре» // Литературная газета. 1996. № 44.

Левина Е. «Дворянские гнезда китча не выносят» // Культура. 2017. № 27.

Листов В. Пушкин: жизнь в воображении // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 11–60.

Михеичева Е.А. Письма как комментарий к роману И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И.А. Бунина. Воронеж, 2008.

Мурыгин – Воспоминания Е.В. Панаевой-Дягилевой о Тургеневе / Е.В. Панаева-Дягилева, публ. Г.И. Мурыгина // Русская литература. 1972. № 4. С. 121–123.

Одоевский В.Ф. Записки для моего праправнука. М., Русскій міръ, 2006. 544 с.

Сукина Л.Б. Писатель Достоевский и купцы Куманины // «Коммунар». Переславль-Залесский, 1990, 1 дек.

Тынянов Ю.Н. История литературы: Критика. СПб.: Азбука, 2001. 512 с.

Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

G.F. Kovalyov
(*Voronezh, Russia*)

HOW TO UNDERSTAND THE AUTOBIOGRAPHISM IN LITERARY ONOMASTICS

The article is devoted to the study of literary onomastics from the standpoint of autobiographism. Usually the question is: what is biographism or autobiographism? After all, everyone read almost the same books, the same newspapers. However, very importantly, every creative author takes in information individually, selecting from a seemingly common to all of the text, its subtexts, a kind of reflecting them, often converting them thoroughly. All this then becomes the rough material, from which then the famous writers' ideas, images or purely lyrical descriptions. The article pays special attention to the difference of writers' opinions. Also presents the memoirs and notes of his contemporaries-writers, authors, opinions researchers from literary studies and linguistics.

Key words: literary onomastics, proper name, autobiographical, prototype, positions of autobiographism.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.61

О.И. Копач
(Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О БАЗОВОМ УРОВНЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ТОПОНИМИИ

Уровни категоризации топонимии определяются в статье через соотнесенность грамматических показателей имен с их функциональной предназначенностью, продуктивностью и способностью сохранять «живые» связи с системой, которой принадлежат. Предшествующая традиция выявления единиц базового уровня определяется как связанная с традиционным исследованием топонимов в русле лексикологии.

Ключевые слова: категоризация, концептуализация, базовый, субординатный, суперординатный уровни, апеллятив, оним, прецедентное имя.

Понятие «категоризация» начинает активно употребляется лингвистами-топонимистами в связи с когнитивным поворотом современной науки. Наряду с «концептуализацией» оно входит в число терминов, связанных с отражением классификационной деятельности сознания человека, разбивающего видимый мир на единицы субъективного опыта и объединяющего их в более широкие группы [КСКТ: 42]. Дистанцирование от классического подхода к категории как объединению сущностных и обязательных характеристик явления в сторону естественной категоризации, которая допускает существование степеней близости категоризуемого явления прототипу и выделяет базовый уровень категоризации как основной в определенном виде деятельности, сначала осуществилось в рамках философии и психологии (Ч.С. Пирс, Л. Витгенштейн, Э Рош и др.), а затем перекочевало в лингвистику.

В работах топонимистов (А.Н. Беляев, А.А. Казанкова, О.Т. Молчанова и др.) выявление уровней восприятия объектов человеком связывается с концептом ПРОСТРАНСТВО и идентификацией субъектом объекта в этом пространстве. Так, А.Н. Беляев представляет создание топонима как «процесс, состоящий из двух ментальных операций: категоризации называемой реалии и поиска дифференцирующего признака» [Беляев 2018: 339], понимая под топонимной категоризацией, следовательно, процесс соотнесения субъектом топонима и его денотата. О.Т. Молчанова относит к числу базовых географические апеллятивы типа *река, гора, лес* и т.д., поскольку статус объекта фиксируется наделением этого объекта нарицательным именем [Молчанова 2006: 8]. А.А. Казанкова, описывая региональное бытие топосистемы, распределяет топонимы по трем уровням (базовому, суб- и суперординатному). Базовыми в последней теории являются самые ценные для ориентации официальные имена реалий, субординатными – народные топонимы с мотивацией на основе ассоциаций, созвучия и т.д.,

а суперординатными – представления народа о пространстве вообще [Казанкова 2013], т.е. распределение по уровням категоризации происходит в зависимости от меры опыта социальной жизни индивида.

Данные примеры реализации терминологии теории прототипов позволяют сделать вывод о преимущественном интересе к описанию лексической стороны топонимной категоризации, что объяснимо: собственные имена по традиции рассматриваются в рамках лексикологии. Между тем как структура топонима, так и логика номинации географических объектов позволяют по-иному распределить уровни категоризации и интерпретировать их содержательный компонент с позиций грамматики, чему способствует статус словообразования как грамматики лексикона.

Анализ топонимного материала показывает, что с позиций грамматической денотатики роль базисного уровня выполняют единицы, которые при своем создании сочетают показатели категорий предмета и признака: поле *Лазо́ўка*, река *Чарну́ха*, озеро *Гліне́ц*, болото *Узрэ́чча,* деревня *Саво́леўка* и др. Такие имена нельзя назвать структурно простыми элементами топосистемы, и с их помощью невозможно обрисовать границы явления, подлежащего обозначению в апеллятивной лексике (те же *река, гора, лес* и т.д.). Однако индивидуализирующая функция, которую выполняют топонимы в обществе, также коренным образом отличается от функции апеллятивов. Как статистические (50–75% во всех топонимных полях), так и логические основания номинации (индивидуализация онимов в противовес генерализации апеллятивов) единичности как класса вынуждают признать за подобными комплексами базисного для топонимов статуса. Именно они определяют работу системы, являясь для нее «средним классом», по которому судится и оценивается степень топонимизации остальных единиц.

Очевидно, что слова типа *болото, лес, озеро* и т.д., которые, безусловно, являются базовыми по отношению к другим лексическим средствам, реализующим близкие значения (например, реалия *балота* в белорусском языке может обозначаться также лексемами *мох, чысцік, багна, гала* и др.), не будут таковыми для топонимов с грамматической точки зрения. Способность таких слов осуществлять референцию к **единичному объекту проприальной номинации** и логически, и статистически стремится к нулю по мере перехода от микротопонимов к собственно топонимам. Вместе с тем нельзя не отметить их роль на этапе становления топосистемы, о чем говорит их относительная продуктивность в микротопонимии: лес *Бор*, лес *Дубро́ва*, дорога *Сці́нка* ‘дорога за стенами домов’, часть деревни *Сяло́*, поле *Пу́стка* ‘заросший, запущенный участок поля’ и т.д. Всё это позволяет нам определить подобные примеры в субординатный класс потенциальных единиц топонимии, которые ограничены ареалом использования и формальным совпадением с местными географическими апеллятивами.

Суперординатный уровень составляют прецедентные имена. Объекты, исключительные как своей салиентностью, выделенностью в ландшафте, так и определяющей ролью для человеческой жизнедеятельности во все времена, будучи репрезентированы в названиях самых крупных и значимых объектов местности, часто перестают восприниматься как членимые единицы и перестают участвовать в «живом» функционировании современной системы, приобретая статус символа определенной территории: *Дзвіна, Дняпро, Неман, Сож, Магілёў, Гомель* и др. О подобном «нефункциональном» статусе могут свидетельствовать как значительная роль этимологически непрозрачных белорусских названий крупных рек, так и возможность только названий крупных или значимых объектов ландшафта местности проявляться в именах естественных и искусственных объектов вторичного образования. Так, названия трех рек, протекающих в пределах Витебска отразились в ряде названий объектов. Вот лишь некоторые из них: ресторан *Дзвіна*, гостиница *Лучоса*, вафельный батончик *Віцьба* и т.д.

Стоит заметить, что четкого распределения видов объектов между этими тремя уровнями категоризации нет. Как более значимые для человека объекты иногда называются именами более характерными для субординатного уровня (река *Рэ́чка,* часть деревни *Сяло́*), так и незначительные по размеру объекты изредка оказываются в ряду суперординатных (*Віцьба*). Большая часть имен всех видов объектов попадает в зону базовой категоризации.

Таким образом, вопрос о базовом уровне категоризации, который обычно рассматривается лингвистами в соотнесенности лексических характеристик имен с денотатом (базовыми в этом случае являются географические апеллятивы) или со степенью владения уровнями информации об объекте (базовые – официальные имена в противовес народным), может также исследоваться с точки зрения соотнесенности грамматических показателей имен с их функциональной предназначенностью, продуктивностью в топосистеме и способностью сохранять «живые» связи с топонимной системой, которой принадлежит. Базовый уровень в таком случае репрезентируется типичными для топонимов сочетаниями показателей объекта и его признака, а суб- и суперординатный уровни – соответственно именами, структурно равными географическим апеллятивам, и названиями крупных и значимых объектов.

Литература и источники

Беляев А.Н. Топонимы как источник историко-лингвистической и культурологической информации. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 395 с.

Казанкова А.А. Топонимы в региональной ономастической системе: автореф. дис. … канд. филол. наук / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2013. 22 с.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 248 с.

Молчанов О.Т. Проприальная номинация в свете когнитивизма // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 7–18.

A.I. Kopach
(Minsk, Belarus)

TO THE PROBLEM OF THE BASIC LEVEL OF CATEGORIZATION IN PLACE NAMES

Levels of categorization of toponymy are defined in the article through the correlation of grammatical indicators of names with their functional role, productivity, and ability to maintain "live" connections with the toposystem they belong to. The previous tradition of identifying units of the basic level is defined as associated with the traditionally lexicological orientation of place names studies.

Key words: categorization, conceptualization, basic, subordinate, superordinate levels, appellative, onym, precedent name.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.64

И.А. Королева
(Смоленск, Россия)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ

В статье рассматривается одно из актуальных направлений ономастических исследований – литературная ономастика – в свете современной проблематики изучения. Акцент делается на введение в научный оборот новых жанров художественных текстов, исследование прецедентных и аллюзивных имен, лексикографирование имен собственных. Обращается внимание на смежный характер литературной ономастики. Подчеркивается постоянно растущий интерес к проблематике изучения имени собственного в художественном тексте.

Ключевые слова: литературная ономастика; проблема; направление; прецедентное и аллюзивное имя; лексикографирование.

Литературная ономастика как особое направление ономастических исследований в последние десятилетия выходит на приоритетные позиции в науке об именах собственных (ИС). Она рассматривается в рамках лингвистики текста, так как еще академик В.В. Виноградов отметил, что онимы – неотъемлемая часть любого художественного произведения и воспринимаются исследователем в сложной и образной перспективе прочтения [Виноградов 1954: 18]. По наблюдениям Г.Ф. Ковалева, на 2014 год около четырех с половиной тысяч научных работ разного рода издано в русле литературной ономастики [Ковалев 2014: 26].

Так как литературная ономастика – смежная область знания (литература и язык), находящаяся на стыке со стилистикой, поэтикой, лингвистикой текста, то для

исследования онимов в художественном тексте (как прозаическом, так и поэтическом) достаточно большое значение имеет проблема жанра и литературного направления. Так, на сегодняшний день ИС в произведениях русских классиков исследованы достаточно глубоко и всесторонне (Д.И. Фонвизин, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и др.). Многочисленны работы по изучению ИС в текстах советской литературы (М. Горький, М. Булгаков, М. Шолохов, М. Зощенко, В. Шукшин, В. Астафьев, Е. Замятин, Ф. Абрамов, И. Бродский, С. Есенин, А. Твардовский, М. Исаковский, В. Высоцкий и т.д.) [Ковалев 2014; Родионова 2018]. Несомненно, исследования системы онимов произведений названных мастеров слова актуальны, но наше время требует введения в ономастический контекст анализа ИС в текстах художественных произведений постперестроечного этапа в развитии русской литературы.

Пока проявляются лишь отдельные статьи по изучению ИС в произведениях Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой, В. Пелевина, наиболее известных в литературном мире современных авторов; все работы написаны после 2000 года. Некоторые популярные жанры (например, тексты жанра фэнтези) до самого последнего времени вообще находились вне поля зрения ономастов. И лишь в 2018 году появились две серьезные диссертационные работы по анализу ИС в творчестве Д. Емца [Чугунова 2018] и А. Белянина [Родионова 2018]. Отметим попутно, что О.В. Врублевская, исследовавшая языковую моду в русской ономастике последних лет, отметила, что среди самых модных у современных читателей жанров находится именно жанр фэнтези [Врублевская 2017: 14]. О необходимости обращения к жанрам фантастики и фэнтези писал еще в конце XX века философ и литературовед Ц. Тодоров [1997]. Нам представляется, что сегодня названные жанры литературы востребованы, о чем свидетельствуют молодежные читательские блоги, интернет-объединения, поэтому изучать фантазийные тексты необходимо в лингвокультурологическом отношении. И если раньше в учебниках лингвокультурологии (напр.: [Маслова 2004]) об именах собственных вообще не говорилось, то сегодня, как нам представляется, введение в исследовательское поле литературной ономастики новых жанров и их актуализация позволяет говорить о лингвокультурологическом аспекте в изучении ономастикона, в первую очередь, антропонимов, топонимов и мифонимов.

В связи с приходом в ономастику лингвокультурологических методов исследования возникает проблема изучения прецедентных и аллюзивных имен собственных в рамках интертекстуального подхода в стилистике текста. На наш взгляд, необходим комплексный анализ всей системы прецедентных и аллюзивных ИС в одном или нескольких художественных текстах одного или нескольких авторов того или иного литературного направления, чтобы выявить их роль в семантической и

структурной текстовой организации, в реализации авторских интенций, определить в выражении идейно-тематического содержания текста, определить также роль ИС в выражении авторской позиции и авторской оценки героев, событий, мест действия и пр. Обращение к прецедентности и аллюзивности ономастической системы позволяет найти особые стилистические приемы автора текста, используемые им для реализации творческого замысла. Таким образом, прецедентные и аллюзивные имена в художественном тексте должны в свете интертекстуальности рассматриваться как своеобразные маркеры культурного пространства определенной языковой общности.

Сегодня исследования в литературной ономастике прецедентных и аллюзивных онимов – одно из новых направлений и одна из сложных для реализации проблем, так как введение их в текст связано с трудностью понимания. И автор, и читатель должны обладать обширными языковыми и энциклопедическими знаниями, чтобы «раскодировать» информацию, заложенную в таких онимах. И прецедентное, и аллюзивное имя представляют собой имена собственные со свернутой информацией, содержащейся в их основах, полученной из предшествующих текстов, и являются одним из способов реализации скрытого смысла. Прецедентные имена связаны с широко известными текстами или ситуациями, которые знакомы большинству представителей той или иной нации.

Аллюзия может быть рассмотрена как особый стилистический прием автора. Аллюзивное имя – это свернутая информация, полученная читателем из других текстов, на которые делается авторский намек в виде качественной (поведение, внешность и пр.) или количественной (соотнесение с каким-либо объемом, размером и т.д.) характеристики. Естественно, автор переносит на аллюзивное имя эти характеристики своеобразного «прототипа» образа (героя), и в сознании читателя появляются ассоциации, служащие основой для возникновения метафорического переноса. Аллюзия – стилистическое средство, используемое для наиболее полного раскрытия писательского замысла по воплощению образа героя или иного элемента художественного текста. Интерпретация аллюзии должна «совмещать» автора и читателя. Таким образом, должна быть реализована цепочка «писатель – имя – текст – читатель» [Королева 2016].

В качестве еще одного направления в развитии современной литературной ономастики следует назвать составление ономастических словарей одного автора или одного произведения. Работает в этой сфере Воронежская ономастическая школа. Так, Е.С. Обухова в 2005, 2009 годах издала два тома словаря ономастических единиц в творчестве А.С. Пушкина (лицейская лирика, Петербургский период). С.А. Коротких в 2004 году издала словарь ономастических единиц романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». В 2007 году В.В. Вязовская монографию посвятила

исследованию ИС лишь одного романа Н.С. Лескова – «Соборяне» [Ковалев 2014: 19]. Развивается это направление и в других регионах.

Проблем много: не выработаны принципы подачи ономастического материала; не разработана единая структура словарной статьи, что упростило бы издание подобных ономастических словарей; не един даже жанр описания собранного материала – словарь, монография, словарь-справочник и т.д. Однако ономасты приветствуют подобную современную ономастическую линию – лексикографирование ИС писателя или текста. В 2011 году в Донецке В.И. Рогозина издала «Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова» [Ковалев 2014: 19]. В Иванове К.С. Федотова выпустила монографию «Собственное имя в поэзии Николая Гумилева: материалы к словарю языка писателя» [Федотова 2016]. Эти работы вызывают интерес в ономастическом мире.

По-прежнему актуальна проблема выбора имени персонажа, проникновение в творческую лабораторию писателя. В этой сфере рассматриваются такие частные вопросы, как звукопись имени, реальный и выдуманный именник писателя, приемы создания комического в именованиях героев литературных произведений и многие другие.

Все очерченные проблемы свидетельствуют, на наш взгляд, о важности литературной ономастики как направления исследований и о смежном характере этой ономастической области. И, естественно, о ее важности и актуальности в настоящее время в сфере гуманитарного знания.

Литература и источники

Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 3–26.

Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 40 с.

Ковалев Г.Ф. Библиография русской ономастики по 2010 год. Воронеж: Научная книга, 2014. 346 с.

Королева И.А. Модально-оценочный потенциал имен собственных в художественном тексте // Категория модальности в речевой коммуникации. Сб. научн. тр. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 119–123.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.

Родионова Л.П. Прецедентные и аллюзивные имена собственные в ранних романах А.О. Белянина: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2018. 22 с.

Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997. 144 с.

Федотова К.С. Собственное имя в поэзии Николая Гумилева: материалы к словарю языка писателя. Иваново: Листос, 2016. 216 с.

Чугунова К.С. Языковые особенности идиостиля в художественной прозе Дмитрия Емца: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 21 с.

I.A. Koroleva
(Smolensk, Russia)

PROBLEMS OF MODERN LITERARY ONOMASTICS

The article discusses one of the current areas of onomastic research – literary onomasticism - in the light of modern research issues. The emphasis is on introducing into the scientific circulation of new genres of artistic texts, the study of precedent and allusive names, and the lexicography of proper names. Attention is paid to the related character of literary onomastics. Emphasizes the ever-growing interest in the issue of the study of a proper name in an artistic text.

Key words: literary onomastics; problem; direction; case and allusive name; lexicography.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.68

И.В. Крюкова
(Волгоград, Россия)

КОННОТАТИВНАЯ ЭРГОНИМИЯ

В статье уточняется объем понятия «эргоним» и выделяются три типа коннотаций, общие для коммерческих и некоммерческих эргонимов: доонимические, онимические и постонимические. Показана потенциальная способность эргонимов с постонимическими коннотациями служить инструментом социальной оценки.

Ключевые слова: эргоним, коннотация, языковая рефлексия, прецедентное имя, социальная оценка.

Под общим термином *эргоним* рассматривается большая и разнородная группа имен. Согласно часто цитируемому определению Н.В. Подольской, эргоним – это «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка», а эргонимия – «совокупность эргонимов» [Подольская 1988: 151]. При цитировании зачастую не обращается внимание на примеры эргонимов, которые приводит автор: *Малый театр, комбинат «Правда», спортивное общество «Спартак», музыкальный кружок «Могучая кучка»* и др. [Там же]. Как следует из приведенного определения и примеров к нему, эргонимы – это не только названия коммерческих организаций. Однако детальному исследованию в последние три десятилетия подвергаются преимущественно коммерческие эргонимы разных городов России, наиболее привлекательные для выявления разнообразных структурно-семантических и прагмалингвистических признаков онимов данного разряда. В условиях «номинационного взрыва»,

произошедшего уже после выхода «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, внимание к коммерческой эргонимии вполне закономерно.

Между тем российская некоммерческая эргонимия остается практически неисследованной областью. Эта часть эргонимии достаточно неоднородна, она может быть подразделена на общественно-политическую (названия политических партий, организаций, объединений), культурную (названия музыкальных групп, творческих объединений, учреждений культуры), спортивную (названия спортивных команд, фан-клубов, турниров, стадионов) и т.п., ср. [Галковский 2015; Захарова-Саровская 2018]. Кроме того, современная эргонимия охватывает сферы не только реальных, но и виртуальных объединений людей. Таковы, например, названия групп в социальных сетях и других интернет-сообществ.

Несмотря на разницу в денотативной отнесенности, общими свойствами эргонимов можно считать способность номинировать некий коллектив, объединенный на коммерческих, идеологических, социокультурных и иных основаниях, и выполнять социально-значимые функции – рекламную, агитационную, мемориальную и др. Сложность номинируемого объекта определяет многоуровневость семантики эргонима, она включает в себя: значения слов и словосочетаний, положенных в основу названия, которые сознательно сохраняются и поддерживаются, иначе эргоним не сможет выполнять свои функции в социуме (первый уровень семантики); сведения об именуемом объекте, т.е. возможность соотносить эргоним с конкретным деловым объединением людей (второй уровень семантики); в-третьих, коннотации эмоционально-оценочного плана, сопровождающие первый и второй уровни семантики эргонима.

Под коннотативным онимом, или коннотонимом, вслед за Е.С. Отиным, понимаем «собственное имя (антропоним, топоним, реже – эргоним, хрононим и др. онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [Отин 1999: 279]. Говоря о коннотациях эргонима, имеем в виду, с одной стороны, социальный, культурно-исторический или эмоциональный фон самого онима, безотносительно к его внутренней форме, а с другой стороны, коннотативные компоненты значения слова, положенного в основу онима при его создании [Крюкова 2011: 139].

Поскольку многие эргонимы размещаются на вывесках, плакатах, рекламных щитах, они часто служат ориентиром в городском пространстве, что определяет близость семантики эргонимов и топонимов. В.А. Никонов на примере топонимии выделяет 3 типа значений имен собственных, которые отражают диахроническое движение имени в обществе: 1) доонимическое (этимологическое, апеллятивное); 2) онимическое (указательное); 3) постонимическое, выражающее ассоциации, связанные с именем собственным [Никонов 1965: 45]. Все три типа значений характерны и для

подвижной семантики эргонимов. Соответственно возможно выделение у эргонима доонимических, онимических и постонимических коннотаций.

Однако жизненный цикл большинства эргонимов, по сравнению с топонимами, небольшой, изменения коннотативной семантики происходят достаточно стремительно, они зависят от степени известности именуемого объекта и эмоционального к нему отношения носителей русского языка и культуры на каждом этапе диахронического движения эргонима. В представленных ниже эмоционально-оценочных высказываниях актуализируются три типа коннотативных значений, общих для коммерческих и некоммерческих эргонимов.

Доонимические коннотации связаны с актуализацией коннотативных возможностей слова или словосочетания, положенного в основу эргонима при его изобретении. Как правило, коннотации этого типа наблюдаются у новых эргонимов или эргонимов, ранее неизвестных автору речи. О наличии доонимических коннотаций можно судить по языковой рефлексии носителей русского языка. Языковая рефлексия, по определению Т.В. Шмелевой, – это осознание, осмысление собственного языкового поведения и языковой жизни общества, а также устройства языка и его отдельных языковых фактов. Она определяет особый тип отношения к языку, предполагающий осмысленное пользование им, языковые наблюдения, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом [Шмелева 2003: 810]. По нашим наблюдениям, языковая рефлексия на новые имена собственные возникает чаще, чем на имена нарицательные [Крюкова 2013: 8].

Иногда это всего лишь короткая реплика, часть фразы, включенная в более сложное речевое произведение с иными задачами, состоящая из эргонима и согласованного с ним оценочного определения: *лирическое название «Руслан и Людмила», многообещающее название общества «Надежда», ностальгическое название «Спорткультовары», сентиментально-патриотичная «Партия Великое Отечество» , авторитарное название «Модельное агентство Сергея Нагорного»*, *непонятные буквы «SQ»* и т.п. Языковое сознание чутко реагирует на нарушения логических связей в названии (*смешное название «Узбек Коля»*), правил орфографии (*безграмотное название кафе «Шиколад»*), благозвучия (*непроизносимые РУП «БРТПЦ» и УО «НЦХТДМ»*), оригинальности (*безликое название Protex*). Доонимические коннотации определяют прагматическую перспективу дальнейшего функционирования эргонима.

Онимические коннотации эргонима связаны с возможностями названия соотноситься с деятельностью конкретных организаций. Для формирования онимических коннотаций значимым является фактор известности эргонима, за каждым названием закрепляется определенный объем информации о денотате. Однако эргоним зачастую приобретает способность не только номинировать какое-либо известное объединение людей, но и вызывать эмоционально-оценочные реакции, связанные с данным объединением.

Проиллюстрируем функциональные возможности эргонимов с онимическими коннотациями на примере коротких высказываний, зафиксированных в последние двадцать лет в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ]. Например, онимические коннотации названия партии *«Яблоко»* в словосочетаниях *старейшая демократическая сила*, которая *смерти не боится*, *всегда готова возродиться* (коннотативная сема ‘политическое долголетие’); или название *«Газпром»* с определителями *крупнейшая компания-налогоплательщик*, *крупнейший монополист, «бездонный кошелек»* (коннотативная сема ‘богатство’) и т.п. При диахроническом движении эргонима в обществе возможно кардинальное изменение онимических коннотаций, связанное с изменением эмоционально-оценочного отношения к объекту номинации. Например, у названий предприятий советского времени, продукция которых со временем утратила былую привлекательность, наблюдается переход от коннотативных сем ‘высокое качество’, ‘престижность’ к коннотативным семам ‘низкое качество’, ‘отсталость’. Ср.: *Вдруг устраивается лотерея на прекрасные туфли «Скороход» с модными открытыми носками* (В. Каверин. Открытая книга. НКРЯ) и *Все юноши нашей группы напялили самые затрапезные одежки: ботинки фирмы «Скороход» и рубашки фабрики «Рассвет»* (В. Панюшкин. Яма, которую мы потеряли. НКРЯ).

Постонимические коннотации связаны с возможностями эргонима номинировать конкретные качества, приложимые к некоторому множеству объектов. Такие эргонимы входят в состав прецедентных имен, к ним относятся, к примеру, названия-историзмы, ставшие символами террора и репрессий (*ГУЛАГ, НКВД*), обмана населения (*МММ, Властилина, Хопёр-Инвест*), названия-глобализмы (*Макдоналдс, Диснейленд*) и т.п. Как известно, «при переходе имени в разряд прецедентных происходит генерализация характеристик того «культурного предмета», на который оно указывает; последний начинает восприниматься как типичный, выступает как эталон, образец свойств, присущих целой группе объектов, но не теряет при этом своей индивидуальности» [Гудков 1999: 77].

У эргонимов с постонимическим конотациями отмечается полный набор грамматических признаков прецедентного имени:

– приспособленность к функции семантического предиката: *Предложение «Справедливой России» – это банковский ГУЛАГ, средневековье какое-то* (Известия, 2008.10.31. НКРЯ);

– использование со специальными определителями (*второй, новый, будущий, местный, свой* и под.) и употребление в форме множественного числа: *Требования к частным управляющим компаниям будут предъявлены жесткие, чтобы на этот рынок не попали какие-то новые МММ* (Российская газета, 2003.07.15. НКРЯ);

– замена прописной буквы на строчную: *Как-то незаметно прошла реформа высшего образования, разом превратившая его из собственно образования в интеллектуальный макдоналдс* (Литературная газета, 2012.15.11. НКРЯ).

Приведенные примеры эргонимов с постонимическими коннотациями демонстрируют возможности использования названий деловых объединений людей в качестве инструмента социальной оценки объектов и явлений российской действительности, коннотативные эргонимы пополняют фонд оценочных средств русского языка, формируемых широким кругом разноуровневых единиц.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00578.

Литература и источники

Галковский А. К вопросу о диапазоне хрематонимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Международной научной конференции. Екатеринбург, 2015. С. 76–77.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.

Захарова-Саровская М.В. К вопросу об эргономии // Вестник КемГУ. 2018. №3 (75). С. 187–191.

Крюкова И.В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филол. науки. 2011. № 8 (62). С. 139–142.

Крюкова И.В. Собственное имя как объект языковой рефлексии: направления исследований // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 8–11.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа (свободный). URL: http://www.ruscorpora.ru/ [Дата обращения: 01.03.2019].

Отин Е.С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Отин Е.С. Избранные труды по языкознанию. Донецк, 1999. С. 279–285.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.

Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 810–811.

I.V. Kryukova
(Volgograd, Russia)

CONNOTATIVE ERGONYMY

The study clarifies the scope of the ergonym as a term of linguistics and defines three types of connotation, which are common for both commercial and non-commercial ergonyms: pre-onymic, onymic, and post-onymic. It is shown that ergonyms with post-onymic connotations can serve as a media of social evaluation.

Key words: ergonym, connotation, reflection, precedent name, social evaluation.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.73

И.А. Кюршунова
(*Петрозаводск, Россия*)

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Рассмотрен вопрос о возможности включения антропонимических материалов, представленных в региональных письменных источниках донационального периода, в этнолингвистическое, антропоцентрическое, аксиологическое, когнитивное исследовательское поле, в котором научная доминанта сконцентрирована на изучении особенностей языкового сознания, духовного мира личности и социума в целом, на выявлении парадигмы ценностных ориентиров, ключевых понятий, запечатлённых в картине мира через репрезентацию различных ономастических единиц.

Ключевые слова: региональный ономастикон, этнолингвистика, антропоцентризм, аксиология, Карелия, письменные источники.

В последнее время в изучении имён собственных наметилась определенная тенденция их введения в когнитивные, этнолингвистические, антропоцентрические, аксиологические научные изыскания, которые проводятся как в отдельно выбранном аспекте, так и в объединённом, полипарадигмальном направлении.

Наиболее востребованы в этом плане современные ономастические материалы, особенно топонимические. Данная ономастическая группа – неотъемлемая сфера этнолингвистики, поскольку топонимы, по свидетельству Е.Л. Березович, имеют способность устойчиво сохранять внеязыковые сведения, минимально трансформируясь во времени, и нередко обнаруживают следы архаичных представлений о мире, которые могут быть утрачены другими культурными кодами [Березович 2010: 5].

В меньшей мере привлекаются к такому изучению антропонимы, особенно исторические региональные именования. В последнее время они вообще уходят с арены обследования, даже в традиционных подходах изучения, применяемых к ним: ономатологического, лексико-семантического, грамматического, этимологического. Однако без классического анализа, позволяющего увидеть в именнике систему, способы, мотивы, принципы индивидуальной номинации достаточно трудно построить полипарадигмальное изучение антропонимических единиц, зафиксированных в памятниках письменности определённого исторического периода, и ономастикона в целом.

Введение антропонимов в новые направления исследования более чем обосновано, поскольку специфика рассматриваемой категории имён собственных заключается в том, что они теснее других групп онома связаны с человеком, человеческим обществом и предельно полно отражают эту связь, а потому логично их использование во взаимосвязанных, не исключающих друг друга ракурсах: антропоцентрическом,

этнолингвистическом, аксиологическом, когнитивном. Тезисно представим каждое из них.

Именно человек как отправная точка анализа обуславливает органичность антропоцентрического подхода в исследовании именований. Когнитивная сторона амбивалентно репрезентирует сложнейшие мыслительные процессы, стоящие за индивидуальной номинацией, и тем, как эти процессы можно интерпретировать через комплекс информации, содержащейся в имени. Так вырисовываются ценностные ориентиры всего общества, которые представляют его духовный мир и значимые культурные коды человека и социума. Перефразируя Е. Бартминьского, отметим, что через анализ имени мы пытаемся «прийти к человеку, его способам понимания мира» [Бартминьский 2005: 23].

Сказанное можно представить серией вопросов, показывающих связь каждого направления с антропонимией:

для когнитивной лингвистики важно знать: какое знание о человеке несёт ономастическая система?

для антропоцентрической лингвистики – как через антропонимическую систему представлен человек и общество, в котором он живёт?

для этнолингвистики – как в антропонимических единицах отражается духовная культура? Какие антропонимические единицы наиболее полно отражают это знание? Какие фрагменты картины мира представлены в антропонимических единицах?

для аксиологии – какие ценностные ориентиры, свойственные человеку и обществу, отражены в антропонимах?

для всех направлений – какие наиболее важные понятия закодированы в языковой картине мира через антропонимы?

Решение поставленных вопросов апробируется на примере анализа антропонимикона Карелии XV–XVII вв. В исследуемом именнике кодируется информация о значимых сторонах духовной жизни, культуры отдельного жителя и социума, в котором он живёт и выстраивает систему ценностей. С заявленных позиций анализируется место каждой антропонимической единицы в мировоззренческом процессе прошлого.

Некалендарные личные имена отражают прежде всего семейные ценности, особый статус ребёнка, что отразилось в способах и мотивах номинации новорождённого в прошлом. Можно предполагать, что это универсалия русской культурной традиции в целом, поскольку такие единицы, как *Вешняк, Ждан, Истома, Малой, Меньшой, Невзор, Нечай, Первой, Поздей, Третьяк* (и модификаты от них) отмечены в ономастиконах разных регионов Древней Руси вплоть до конца XVII века. Работа с мотивационной базой таких именований позволила сделать предположении о существовании дополнительных (имплицитных) мотивов номинации новорождённого,

контаминирующихся с теми, которые прямо вытекают из внутренней формы имени. Мотивационный полиморфизм позволяет реконструировать фрагменты взглядов средневекового человека на мир, свойственный прежде всего семейному социуму.

Календарные имена – это также универсалия, но массово заимствованная, адаптированная под носителей русского языка, включая неславянских жителей края, тесно контактировавших с русскими в пределах региона. «Победа» календарного именника (88,5% всех употреблений) является знаковой и отражает переход на христианский вектор номинации. Однако репертуар имён, прежде всего не входящий в ядро (ядро стабильно для всей территории Руси: *Иван, Василий, Григорий, Петр, Фёдор, Яков, Семен, Михаил, Андрей, Тимофей, Степан, Павел*), отличается по регионам. Более того, чем дальше территория удалена от центров, тем у́же календарный репертуар.

Прозвища, благодаря тесной связи с апеллятивной лексикой, наиболее эксплицитны в представлении человека, нежели также близкие к нарицательной лексике некалендарные личные имена. Важным показателем изменения сознания и возникновения новой оценки окружающего мира являются антропонимизированные экспрессивы, названия лиц метафорического характера (*Квашня, Кережа, Кисель, Колокол, Кокора, Лулак, Мянда, Обух* и под.). Эти и другие группы прозвищ отражают стремление к норме, идеалу, показывают приоритет трудовых коллективных действий, демонстрируют особенности общения разноязычных народов, проявление архетипического противопоставления «свой ~ чужой». Прозвище наиболее показательно в изображении значимых фрагментов языковой картины мира, характеризующих как сходные, так и её отличительные составляющие. Не случайно самыми объемными группами прозвищ являются те, в лексическом значении которых отражаются полнота, неаккуратность, возраст человека, его морально-этические качества: глупость, лень, болтливость и негативные способы общения (скандальность, сварливость) и др. Напротив, отдельные группы имен, соотносимые с нарицательными в значении ‘пьяница’, ‘смелый человек’, ‘трудолюбивый человек’, ‘молчаливый человек’, ‘умный человек’ и др. могут быть небольшими не только потому, что некоторые из них напрямую отражают норму в поведении, внешности, но и представляют особенности общения с другими этносами. Наполнение этих групп по другим регионам может быть иным, поскольку иначе может быть увидено денотативное пространство.

Аналогичную информацию несут восходящие к отмеченным выше именам собственным патронимы и посессивные ойконимы. Их основное назначение – обозначить принадлежность, отношение человека к семейному социуму (для патронимов) и к определённой территории (для географических посессивов). Патронимы и посессивные ойконимы становятся предельно актуальными в случаях, когда личные имена (некалендарные и календарные) и прозвища не зафиксированы как самостоятельные антропонимические единицы. Более того, наличие в ономастической системе

патронимов – это ещё один атрибут (косвенный) реформации культурного сознания и признак смещающихся центров в антропонимической системе именования лиц в направлении от имени, как единственной единицы номинации представления человека, к комплексу моделей и структурных формул индивидуализации лица. По всей очевидности, эта черта проявлялась не только в деловой письменности, но и в речевом узусе старорусской языковой системы. Таким образом, появляется ещё один способ привлечения материалов для изучения ономастикона в этнокультурном, аксиологическом, антропоцентрическом, когнитивном контекстах.

Желательно, чтобы имя рассматривалось на географически широком и фактологически объёмном пространстве, предоставляя исследователю достаточное количество доказательств об информационной ценности антропонимов и возможности их ввода в новые исследовательские парадигмы, когда видны особенности как отдельного именования, так и группы имён, объединённых по определённым параметрам.

Итак, региональные антропонимы, представленные в письменных источниках донационального периода, являются яркими культурными маркерами, этноисторическими знаками, демонстрирующими разносторонний духовный мир человека, позволяют увидеть самобытный исторический образ эпохи, этническую психологию, верования, нравственные и этнические ценности.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

Литература и источники

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с пол. / Сост. и отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 527 с.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства: монография / Под ред. А.К. Матвеева. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS: КомКнига, 2010. 235 с.

I.A. Kyurshunova
(Petrozavodsk, Russia)

NEW APPROACHES IN THE RESEARCH OF ONOMASTIC MATERIALS

The question considers the possibility of including of anthroponymic materials, presented in the regional written sources of pre-national period, in ethnolinguistic, anthropocentric, axiological, cognitive research field where research dominant is concentrated in the study of linguistic consciousness features, the spiritual world of person and society in general, in exposing of paradigms

of value orientation, key concepts, impressed in the world picture through representation of different onomastic units.

Key words: regional onomasticon, ethnolinguistics, anthropocentrism, axiology, Karelia, written sources.

HTTPS://DOI.ORG/10.34680/2019.ONOMASTICS.77

Р. Левушкина
(Белград, Сербия)

ПРАВОСЛАВНЫЙ ОНОМАСТИКОН В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ И СЕРБСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (ПУТИ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В данной статье на основе существующей классификации и терминологии сербского православного ономастикона предлагаются некоторые приёмы, пути и методы его дальнейших исследований в сербской лингвистике, с целью его более подробного описания в будущем и развития как сербской ономастики и лексикологии, так и сербской теолингвистики и лингвистики вообще.

Ключевые слова: сербский православный ономастикон, ономастика, теолингвистика, сербская лингвистика, методы и приёмы исследований.

В работах, посвященных ономастике сербского языка (см., например, [Шћепановић 1997; 1998]), православная сербская ономастика не рассматривалась. В некоторой степени эта проблематика исследовалась фрагментарно, с лингвокультурологических позиций и главным образом на материале антропонимов, в работе К. Кончаревич [Кончаревић 1998а]. Исследователи сербской ономастики в первую очередь занимались различными лингвистическими исследованиями антропонимов и топонимов, среди которых есть и христианские имена, см., например, [Јовановић 1996; Ћупић 1998]; анализ сербских ономастических работ с 1979 по 2011 г. см. в [Стојковић 2013]. Подробное описание сербского православного ономастикона как введения для дальнейшего изучения данной категории имен было предложено нами примерно 10 лет назад [Бајић 2010]. Это первая и, насколько нам известно, до сегодняшнего дня единственная работа на сербском языке, посвященная данному пласту лексики в целом. Отдельные типы, особенно эортонимы, рассматривались в рамках анализа церковной и церковнославянской лексики в народных говорах [Јовановић 1989], с лексикографической, диалектологической и этнокультурологической точек зрения [Бајић 2007; Спасојевић 2009], а также и в аспекте лингвокультурологии, см. [Кончаревић 1998б].

В настоящей статье мы продолжаем исследование сербского православного ономастикона, указывая на возможные пути, по которым следовало бы идти сербским теолингвистам и/или ономатологам. За основу мы взяли методику ономастических исследований, предложенную А.В. Суперанской и ее соавторами, в первую очередь Н.В. Подольской, см. [ТМОИ: 180–230].

Основу систематическим исследованиям сакральной ономастики заложила И.В. Бугаева. По её определению, *агионимы* – это названия лиц и объектов, на которых почивает благодать Божия или святость посредством чина прославления и освящения, см. [Бугаева 2007: 9, 112]. Автор предлагает следующую классификацию агионимов: *теонимы, агиоантропонимы, эортонимы, иконимы, агиотопонимы* (если в качестве основы топонима агиоантропоним, такой топоним можно назвать *агиоантропотопоним)* и *экклезионимы*. К этой классификации мы ранее добавили еще две группы: *ангелонимы* и *теотоконимы* [Бајић 2013: 197, 195, 222], оставляя, таким образом, термин *теоним* для обозначения имён только Бога, подр. см. [Левушкина 2013: 168]. Кроме того, в сербской православной ономастике выделяются также *епархионимы* как отдельная группа, относящаяся не к агионимам, а к топонимам.

Работая над упомянутым исследованием, опубликованном на сербском и русском языках [Бајић 2010; Баич 2010], мы попытались собрать большое количество материала. В частности, были собраны названия около 350 сербских монастырей, но это лишь часть названий сакральных объектов Сербской Православной Церкви (СПЦ), т.е. экклезионимов. Кроме того, собрано и 119 епархионимов [Бајић 2010: 231]. Тем не менее, **собирание ономастического материала** по-прежнему остаётся главной задачей сербских теолингвистов и/или ономатологов, поскольку это один из первых шагов к дальнейшему подробному описанию рассматриваемого пласта лексики. В настоящее время собирать необходимый материал стало довольно легко, ввиду наличия разных списков и перечней как в интернете, так и в печатных изданиях, см., например, [Плећевић 2007]. Что касается конкретно агиоантропонимов, то их можно извлечь также из Календаря СПЦ. Календарь СПЦ – единственный релевантный источник, когда речь идёт о сербских святых. Но поскольку Календарь СПЦ содержит для каждого дня наименования только самых главных, двунадесятых и других, праздников и святых, то материал можно расширить, пользуясь, помимо *Охридского пролога* святителя Николая (см. [Велимировић 1999]), более подробными списками из календарей на других языках. Если имена древних и/или новопрославленных святых (равно как икон, епархий, монастырей и др.) других Церквей исследователю надо добавить в список сербского языка, то понадобится информация о языках, из материала которых были взяты онимы, ср. [ТМОИ: 198]. Это способствует лучшей адаптации онимов, внесенных в сербский язык. Также, важно соблюсти существующие в сербском правописании правила транскрипции. Последнее примыкает к сфере

прикладной ономастики, для которой, на наш взгляд, сербский православный ономастикон является широким полем работы.

Можно ожидать, что основная классификация, которую мы здесь изложили, будет меняться в связи с инвентаризацией материала. Как известно, класификации в ономастике могут осуществляться по различным принципам и их поиски продолжаются [Там же: 203]. Православная ономастика сербского языка не является исключением. **Дифференциальный и генетический анализ** теоретически также может применяться и к именам, которые являются редкими и по этой причине не исследованы ранее, поскольку отсутствуют в списках антропонимов. То же самое относится к **этимологическому и словообразовательному анализам**, а также к **реконструкции имён** и их форм.

Необходимым и продуктивным методом исследования православного ономастикона (а, по словам Подольской, скорее приёмом, чем методом, см. [ТМОИ: 207]) нам видится **структурный анализ**, поскольку агиоантропонимы, как и некоторые другие православные онимы – это по бóльшей части сложные апелятивно-онимные лексические единицы, микротексты (например *Свети Доситеј Загребачки Исповедник; Икона Пресвете Богородице Тројеручице*). Такой анализ в упомянутой монографии об агионимах уже сделала Бугаева для русского языка. Частично он сделан и для сербского языка на материале агиоантропонимов, см. [Бајић 2013: 226–263]. Но большая часть работы все ещё ждёт исследователей. Как справедливо замечает Н.В. Подольская: «Такой анализ не может существовать сам по себе, без подкрепления культурно-историческими фактами» [ТМОИ: 208]. Кроме культурно-исторических, необходимы и богословские факты, и поэтому важно, чтобы данной частью сербского ономастикона занимались именно теолингвисты, имеющие знания как лингвистические, так и богословские. Это особенно касается исследования теонимов, где необходимы познания из области догматики и триадологии. При изучении теонимов в сербском языке считаем продуктивным и **словообразовательный анализ** [Левушкина 2013: 173–175].

Для дальнейшего изучения сербского православного ономастикона интересным и полезным является научно-технический приём **ономастического картографирования**. Такого рода карты уже существуют, и они важны для инвентаризации онимов. Как известно, в основе приёма ономастического картографирования лежит диалектологический подход к подаче материала [ТМОИ: 209]. Однако, взяв географическую карту, теолингвист может наносить на неё различный ономастический материал не только для диалектологических целей. Например, можно составить карту святых мощей на территории и самой Сербии, и других стран, где живет много сербов (это относится прежде всего к Черногории, Боснии и Герцеговине). На такой карте будут отмечены не только собственно сербские святые, но и все те святые, чьи мощи

хранятся в Сербии, например св. вмч. Фёдор Тирон, св. муч. Феврония. Это всего лишь один из многих возможных вариантов. Такой приём кажется нам особенно продуктивным и с точки зрения **выявления ономастических универсалий**. Например, в очень многих странах имеются храмы в честь свт. Николая Мирликийского, что позволяет изучать экклезионимские универсалии. Кроме того, сербы, например, называют этого святого *свети Никола,* а праздник – *Никољдан,* тогда как официальное название праздника в Календаре СПЦ: *Свети Николај, Архиепископ Мирликијски Чудотворац – Никољдан*. Можно сравнивать данное имя и название праздника с соответствующими онимами в других языках и выявлять варианты и универсалии как агиоантропонима, так и эортонима. Тесно связаны с приёмом ономастического картографирования также **географический** и, в меньшей степени, **исторический аспекты** ономастических исследований.

По мере изучения ономастических явлений сербского православного ономастикона будет развиваться и **теоретическая ономастика.** Однако, чтобы достичь бóльшего, в первую очередь следует развивать **описательную ономастику** сербского православного ономастикона. Интересным кажется и рассмотрение православной ономастики в художественых текстах. Данный раздел ономастики принято называть **поэтической ономастикой** [ТМОИ: 219–220]. Можно, например, исследовать все онимы, которые в своих трудах (во всех или в некоторых) использовал свт. Николай Сербский. В таком случае, в зависимости от того, что покажет материал, на наш взгляд, можно говорить и об **авторской ономастике.**

Добавим ещё, что сербский православный ономастикон, по нашему мнению, прежде всего нужно описывать с **лексикологической стороны**, как часть лексики сербского языка в целом. Думается, что такой дескриптивный анализ, на данный момент недостаточно развитый, мог бы внести некоторые новые факты, уточнения и т.п. в лексикологию сербского языка. Работа по указанным и иным направлениям, не рассмотренным по причине ограниченности объёма статьи, безусловно приведёт к дальнейшему развитию и обогащению сербской теолингвистики и лингвистики в целом.

Литература и источники

Баич Р.С. «Светосавле» в лексике современного сербского языка // Проблемы изучения религиозных текстов: Межвузовский сборник научных трудов. Вол. 1. № 1 / Ур.: Е.В. Плисов. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 112–131.

Бајић Р. О православним празницима у Речнику Матице српске и Речнику српскохрватског књижевног и народног језика САНУ // Шездесет година Института за српски језик САНУ: Зборник радова. II. Београд, 2007. С. 9–20.

Бајић Р. Светосавље кроз лексику савременог српског језика. // Српски језик. XV. Београд, 2010. С. 229–244.

Бајић Р. Лексика сфере православне духовности у српском језику и њена лексикографска обрада / Неопубликованная д-р. диссертация. Београд: Филолошки факултет, 2013 // Режим доступа (свободный). URL: http://www.doiserbia.nb.rs/phd/fulltext/BG20130903BAJIC.pdf [Дата обращения: 31.03.2019].

Бугаева И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ. М.: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К. А. Тимирязева, 2007. 139 с.

Велимировић свт. Николај. Охридски пролог, Београд: Штампарија Српске патријаршије, 1068 с.

Јовановић Г. Црквена и црквенословенска лексика у народним говорима и њена адаптација. Хрватски дијалектолошки зборник. 8. Загреб, 1989. С. 41–53.

Јовановић Г. Дистрибуција хришћанских имена на поседима дечанског властелинства, Ономатолошки прилози. XII. 1996. С. 9–15.

Кончаревић К. Из проблематике конфронтационе лингвокултурологије (ономастика и православна култура). Српски језик. III, св. 1–2. Београд, 1998. С. 71–99.

Кончаревић К. Руска лексика из религијско-црквене сфере и њена лексикографска обрада. Конфронтациони лингвокултуролошки приступ // Творбена и лексичка семантика у српском и другим словенским језицима. Подгорица: Црногорска академија наука и умјетности, 1998. С. 205–218.

Левушкина Р. Теоними у савременом српском језику / Теолингвистичка проучавања словенских језика / Ур.: Ј. Грковић-Мејџор, К. Кончаревић. Београд: Одбор за српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија САНУ, 2013. С. 167–177.

Плећевић Н. Српски светачник. Словенско слово. Београд. 2007. 288 с.

Спасојевић М. О називима верских празника у ресавском крају / Дијалекат – дијалекатска књижевност // Лесковац: Лесковачки културни центар, 2009. С. 203–214.

Стојковић Ј. Ономастикон Србије у «Ономатолошким прилозима», рукопис, Универзитет у Нишу, Филозофски факултет // Режим доступа (свободный). URL: https://www.academia.edu/15258164/Onomastikon_Srbije_u_Onomatolo%C5%A1kim_prilozima_The_Onomasticon_of_Serbia_within_journals_of_Onomatolo%C5%A1ki_prilozi [Дата обращения: 31.03.2019].

ТМОИ – *Суперанская А.В., Салтмане В.Э., Подольская Н.В. Султанов А.Х.* Теория и методика ономастических исследований. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Ћупић Ж. Савремена лична имена у грађи «Ономатолошких прилога» – статистичка обрада // Ономатолошки прилози. XIV. 1998. С. 73–153.

Шћепановић М. Ономастичке категорије и српска ономастичка терминологија. Реферати са XI конгреса Савеза славистичких друштава Југославије, Будва, 15–18. X 1997 // Књижевност и језик. XLV/2–3. 1997. С. 65–70.

Шћепановић М. Категоризација врста ријечи у ономастичкој номинацији // Научни састанак слависта у Вукове дане. Књ. 27/2. С. 289–297.

R. Levuškina
(Belgrade, Serbia)

ORTHODOX SPHERE ONOMASTICON IN SERBIAN LANGUAGE AND LINGUISTICS (FURTHER RESEARCH)

On the basis of the existing classification and terminology, in this paper we indicate approaches, methods and techniques for further Serbian Orthodox onomasticon research. The aim of the further research is to describe Serbian Orthodox onomasticon (hagioanthroponyms, ecclesionyms, theonyms, heorthonyms etc.) in more detail, in order to expand and enrich Serbian onomastics, lexicology and Serbian theolinguistics and linguistics in general.

Key words: Serbian Orthodox onomasticon, onomastics, theolinguistics, Serbian linguistics, research methods and techniques.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.82

С.В. Лесников
(Санкт-Петербург, Россия)

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ РУССКИХ ТЕРМИНОВ ОНОМАСТИКИ И ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КОМПЬЮТЕРНОЕ РАНЖИРОВАНИЕ

В данной статье дается краткий аналитический обзор источников русских терминов ономастики и их систематизация и компьютерное ранжирование с необходимым и достаточным библиографическом описанием. В результате использования методики вычисления веса базисных терминов по первоисточникам получен результат ранжирования оцифрованных словарей русских терминов ономастики.

Ключевые слова: ономастика, словарь, терминология, русский язык, вес термина, базисная лексика, гизаурус.

Словари терминов ономастики – разновидность отраслевых терминологических словарей. Отдельно, как один из типов такие словари были выделены в следующих изданиях: [Розенталь, Теленкова 1975; Потиха, Розенталь 1987; Козырев, Черняк 1989; Козырев, Черняк 2000; Протченко 1996; Лесников 2002]. Ниже перечислены оцифрованные нами словари ономастики, словари терминов топонимики, а также некоторые источники русской терминологии ономастики, непосредственно снабженные небольшими терминологическими словариками, предметными указателями и/или краткими перечнями лингвистических терминов.

Басик С.Н. Общая топонимика. Мн.: БГУ, 2006. 200 с. (термины по тексту размечены нами).

Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с. (термины по тексту, указатель терминов сделан нами по цифровой версии).

Воробьев В.М. Тверской топонимический словарь. Названия населенных мест. М.: Русский путь, 2005. 472 с. (Краткий терминологический словарь, с. 457–458).

Гаршин И. Ономастика. Этимология собственных имен. 2018. (www.garshin.ru/linguistics/lexicology/onomastics/)

Жиленкова И.И. Топонимы Белгородской области. Системный лингвоанализ названий населенных пунктов. 124 с.

Жучкевич В.А. Общая топонимика. Мн.: Вышэйш. школа, 1968. 432 с. (Указатель топонимических терминов, с. 427–429).

Иванова Е.Э. По Чусовой: топонимический словарь. Екатеринбург: УрГУ, 2014. 160 с. (Лингвистические термины на с. 128–130).

Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 264 с. (Термины, употребляемые в словаре, с. 255–257).

Калинкин В.М. Литературная ономастика, или Поэтика онима. Донецк: ДНУ, 2002. 41 с. (Краткий толковый словарь терминов литературной ономастики, или поэтики онима, с. 38–41).

Кузнецов А. Словарь гидронимов Вологодской области. (Обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озёр). Тотьма-Грязовец: Грязовецкая типография, 2010. 289 с. (Краткий перечень лингвистических и топонимических терминов, с. 276–279).

Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы. Якутск: Офсет, 2005. 72 с. (термины топонимики во введении, с. 3–6).

Лесников С.В. Базовая терминология русской ономастики. СПб., 2019. (рукопись в печати).

Матвеев А.К. Географические названия Урала. Топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008. 352 с. (Лингвистические термины, с. 342–345).

Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с. (термины по тексту, указатель терминов сделан нами по цифровой версии).

Мезенко А.М., Генкин В.М., Деревяго А.Н. Ономастика. Витебск: ВитебскГУ, 2012. 152 с. (термины по тексту размечены нами).

Мурзаев Э.М. География в названиях. М.: Наука, 1979. 168 с. (Избранная терминология, с. 8–13).

Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 282 с. (Терминология, с. 7–27).

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с. (Лингвистические термины, употребляемые в словаре, с. 496–499).

Отин Е.С. Топонимия Донетчины. Донецк: Юго-Восток, 2013. 117 с. (Используемые лингвистические термины, с. 4–7).

ОТО 2012 – Основные термины ономастики [planeta-imen.narod.ru/terminy.html].

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.

Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М.: Профиздат, 2000. 224 с. (Специальные термины, встречающиеся в тексте словаря, с. 207–208).

Поспелов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1998. 504 с. (Специальные термины, встречающиеся в тексте, с. 7–8).

Поспелов Е.М. Географические названия Московской области: топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2008. 608 с. (Специальные термины, встречающиеся в тексте, с. 116-117).

Поспелов Е.М. Топонимический словарь. М.: Астрель: АСТ, 2005. 229 с. (Специальные термины, встречающиеся в тексте словаря, с. 44–45).

Поспелов Е.М. Туристу о географических названиях. М.: Профиздат, 1988. 190 с. (Краткий словарь топонимических терминов).

Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. Географические названия. М.: Армада-пресс, 2002. 416 с. (Специальные термиины, с. 15–16).

СРТО 2019 – Словарь русской терминологии ономастики. 2019. (рукопись в печати).

Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с. (Терминологический словарь, с. 174–176).

Супрун В.И. Размышления над ономастической терминологией // Филологические науки. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические, филологические, социально-экономические науки и искусство. №8 (62) 2011. С. 133–138. (термины ономастики по тексту словаря размечены нами).

ТГНОТ 2012 – Топонимы. Географические названия. Основные термины. 2012 [planeta-imen.narod.ru/toponim/toponim.html].

Трубачев О.Н. ред. Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М.: Школа-Пресс, 1994. 288 с. (термины ономастики по тексту словаря размечены нами).

Тычинский А.А. Ономастика в учебных словарях Прагмалингвистический аспект: дис. … канд. филол. наук. МГУ, 2003. 238 с. (Дефиниции. С. 38–44).

Усманова М.Г. Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа: Китай, 1994. 272 с. (Краткий словарь ономастической терминологии, с. 237-241).

Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988. 269 с. (Лингвистические термины, 2 с.).

Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области Вологда: 1993. 475 с. (Лингвистические термины, с. 427–428).

Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М.: Учпедгиз, 1959. 128 с. (термины по тексту, указатель терминов сделан нами по цифровой версии).

Шмелева Т.В. Ономастика. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с. (Терминологический словарь, с. 143–152).

Яротов А.Е. Общая топонимика: практикум. Мн.: БГУ, 2013. 33 с. (Краткий словарь основных топонимических терминов, с. 23–29).

Перечисленные источники оцифрованы и имеются в компьютерной форме в нашем распоряжении для конструирования гизауруса метаязыка лингвистики [Лесников 2017а; 2017б], а также для интерактивного лексикографического корпуса «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века» [Лесников 2019б: 34–42] как важной составляющей академического словарного корпуса русского языка [Лесников 2019а: 213–214], что позволит посредством соответствующей классификации и систематизации, дигитализации и ретродигитизации толковых словарей русского языка структурировать и объединить лексикографические материалы, обеспечив тем самым их оперативный ввод в научный оборот с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии.

В философии (логике) под базисными терминами понимаются такие, из которых определяются все остальные, при этом сами эти термины не имеют строгих определений и, в сущности, являются «размытыми» понятиями, которые вводятся остенсивно. «Термины, входящие в собственный словарь науки, считаются точными, если: 1) данный термин может быть сведен к базисным терминам или сконструирован из базисных; 2) указаны все средства такого сведения и конструирования; 3) все вспомогательные термины, то есть относящиеся к словарям других наук, участвующие в конструировании или редукции данного термина, рассматриваются как точные и однозначно определенные в своих словарях. Одновременное выполнение всех трех условий является обязательным» [Ракитов 1971: 96].

В лингвистике базисный (базовый) словарь – набор наиболее частотных слов и необходимых для их активного усвоения и общения на изучаемом языке, как правило, неродного, которые включаются в учебники и пособия и предназначаются для активного усвоения [Цейтлин и др. 2006; Стариченок 2008: 79]. Под базовым словом понимают также слово, являющееся источником деривации при образовании другого слова. В случае прямой деривации базовое слово совпадает с тем, которое является

производящим в данной словообразовательной модели, а в случае обратной деривации совпадает с производным. При заменительной деривации задействованы обе модели, причем базовое слово, как и образованное от него, являются – с точки зрения отношений в словообразовательном гнезде – кодериватами (равнопроизводными).

В компьютерной (инженерной) лингвистике формальную модель, представляющую собой сокращенное описание естественного языка, при этом включающую наиболее существенные его элементы и связи, называют «машинным базовым языком», а когда указанная модель используется не для компьютерной обработки корпуса текстов, а, например, для оптимизации преподавания языка и т.п., то такую модель называют «базовым языком» [Пиотровский 1975: 58].

В науке известно понятие «вес слова» (подсчёт числа вхождений данного слова на странице; определение расстояния от начала текста; присутствует ли данное слово в названии, ключевых словах, метатегах; учёт оформления, например, размер и тип шрифтовых выделений. См., например, «вес слова» в Яндексе [http://www.seomax.ru/dialog2.htm]), или «вес термина» (англ. IDF – "inverse document frequency") – обратная частота документа, то есть инверсия частоты, с которой слово встречается в тексте. Следовательно, чем реже употребляется слово в тексте, тем больше вес этого слова для данного текста), «вес знака» («вес знака – заранее определенное место знака, его функция и ценность относительно других знаков» [Соломоник 2011: 214]).

Для вычисления веса слов можно учитывать:

1) число появлений слова в данном тексте (бóльший вес получат слова из больших текстов;

2) F_T – частота появления слова в тексте. Число появлений нормализуется по суммарному количеству слов в тексте. При этом длинные документы недооцениваются, так как в них средняя частота получается ниже из-за наличия бóльшего числа различных слов (в сравнении с короткими текстами), поэтому используют нормализованную величину $0.5+0.5*(F_T / A_{Ft})$, где A_{Ft} – средняя частота слова в исследуемом тексте;

3) логарифм частоты вхождения слова в текст. Вес слова = $1 + \log(F_T)$. После нормализации для текстов различного объема вес слова = $(1+\log(F_T))/(1+\log(M_{Ft}))$, где M_{Ft} – максимальная частота слова в тексте [wiki.liveinternet.ru/IR/VesSlova?show_files=1].

Лексикографический источник, в котором термин запроса встречается чаще, обычно считается более релевантным запросу. Однако простой подсчет частоты термина имеет серьезный недостаток, так как при таком подходе при ранжировании источника по запросу все термины считаются одинаково важными, что, конечно, неправильно, например, для служебной лексики. Можно скомбинировать частоту термина в документе (term frequency) и обратную документную частоту (inverse

document frequency), чтобы получить вес каждого термина в каждом источнике [Маннинг и др. 2011: 134–135].

В нашем случае вес термина вычисляется на основе тех первоисточников, которые используются для конструирования гипертекстового информационно-поискового тезауруса метаязыка лингвистики, см. [Лесников 2001; 2018а; 2018б]. В качестве первоисточников, прежде всего, берутся лингвистические словари, справочники, энциклопедии, глоссарии и тезаурусы, предметные указатели и др. источники, в которых термины определены эксплицитно, т.е. явным образом. Для некоторых источников, например, в которых термины используются и/или определяются по тексту, указатель терминов для компьютерной обработки и загрузки в компьютерную информационно-поисковую лексикографическую базу (в виде гизауруса) сделан нами по цифровой версии первоисточника.

Вес термина вычисляется по следующей формуле:

j = номер термина (вокабула, заголовок словарной статьи) в общем словнике тезауруса;

i = номер словаря (то есть первоисточника, из которого сформированы словники каждого первоисточника, а на их основе общий, генеральный словник терминов);

$$\text{Первоначальный вес словаря} = \frac{\text{Кол-во терминов словаря}}{\text{Кол-во терминов в списке словарей}}$$

$$\text{Коэффициент(i)} = \frac{1}{\text{число терминов в левой части словаря}} + \frac{\text{частота термина j во всем словаре}}{\text{число всех слов в словаре}}$$

(т.е. учет того, сколько раз термин используется для определения др. терминов)

$$\text{Вес термина j} = \sum_{i=1}^{\text{кол-во словарей}} \text{Коэффициент(i)} * (\text{вес словаря i})$$

$$\text{Вес словаря(i)} = \sum_{k=1}^{\text{кол-во терминов в словаре}} (\text{вес термина k словаря i})$$

Далее итеративно пересчитывается вес каждого термина.

Вес словаря (первоисточника) на каждой итерации пересчитывается с учетом весов всех терминов соответствующего словника первоисточника.

При вычислении веса термина учитываются следующие параметры: а) тип словаря; б) объем словаря; в) число словарей одного типа; г) частота встречаемости вокабулы (заголовочного слова, терминологизма) в правой части словаря (дефиниции), но пропорционально общему числу словоформ в конкретном словаре.

В результате использования описанной методики вычисления веса базисных терминов по первоисточникам мы получили следующий результат ранжирования оцифрованных словарей стилистических терминов в таблице:

ранг	Источник	терминов	Словоформ	вес источника
01	Лесников 2019	99	1363	0,008618599
02	Поспелов 2008	14	189856	0,006420509
03	Смолицкая 2002	20	93104	0,005854254
04	Поспелов 2005	13	84093	0,005223882
05	Поспелов 2000	18	62486	0,005091253
06	Поспелов 1998	18	233331	0,005091253
07	Поспелов 1988	22	42191	0,005042264
08	Инжеватов 1987	28	103292	0,004585504
09	Чайкина 1993	21	69333	0,004173706
10	Чайкина 1988	21	55661	0,004172098
11	Жиленкова 2012	24	28111	0,003896271
12	ТГНОТ 2012	22	480	0,003675052
13	Матвеев 2006	159	88443	0,003551912
14	Иванова 2014	28	23806	0,003457012
15	Усманова 1994	109	77586	0,003378825
16	Чичагов 1959	33	35194	0,002935609
17	Матвеев 2008	38	94193	0,002899365
18	Курилов2005	34	14022	0,002863168
19	Кузнецов 2010	36	110514	0,002770369
20	Шмелева 2013	103	53265	0,002072257
21	Отин 2013	44	28886	0,002061558
22	ОТО 2012	54	564	0,002015913
23	Воробьев 2005	58	366983	0,001895509
24	Мурзаев 1979	35	2774	0,001882749
25	Суперанская 1984	73	51133	0,001699785
26	Мурзаев 1974	58	99162	0,001579656
27	Яротов 2013	84	6889	0,001531448
28	Никонов 1966	64	145066	0,001475519
29	Гаршин 2018	34	1468	0,001428439
30	Тычинский 2003	28	47540	0,001253880
31	Васильев 2012	118	323229	0,001076070
32	Басик 2006	100	40753	0,001061136
33	Мезенко 2012	93	38507	0,000863680
34	Подольская 1978	701	28526	0,000779876
35	СРТО 2019	1444	68259	0,000670210
36	Жучкевич 1968	111	109856	0,000420711
37	Калинкин 2002	42	8888	0,000249436
38	Трубачев 1994	17	21712	0,000240279
39	Супрун 2011	20	2839	0,000153600

На вопрос «как словарь (Лесников 2019) оказался первым?» ответ простой: словарь (Лесников 2019) создавался с учетом веса терминов и их источников, и поэтому

в словарь «Лесников С.В. Базовая терминология русской ономастики. 2019» были включены такие термины, вес которых был, как правило, наибольший. Все источники в оцифрованной форме для научных и учебных целей можно запросить по адресу: serg@lsw.ru.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00494.

Литература и источники

Козырев В.А., Черняк В.Д. Слово в системе словарей русского языка. Л.: ЛГПИ, 1989.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. 356 с.

Лесников С.В. Конструирование гипертекстового генерального свода лексики русского языка: русский гизаурус / Международная научная конференция «Язык и культура». М.: Вопросы филологии, 2001. С. 280–281.

Лесников С.В. Словарь русских словарей. М.: Азбуковник, 2002. 334 с.

Лесников С.В. Фрагмент словаря базовых терминов метаязыка лингвистики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2017. СПб.: Наука, 2017. С. 335–360.

Лесников С.В. Конструирование словника словаря терминов метаязыка лингвистики с помощью методики вычисления веса базисных терминов метаязыка лингвистики // Социально-когнитивное функционирование языка. Кемерово: КГУ, 2017. С. 155–170.

Лесников С.В. Конструирование гипертекстового свода лексики народных говоров русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 148–149.

Лесников С.В. Конструирование информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ) // Лексический атлас русских народных говоров 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 226–257.

Лесников С.В. Академический словарный корпус русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. МГУ, 2019. С. 213–214.

Лесников С.В. Аналитический реферативно-аннотированный обзор оцифрованных словарей и справочников новых слов и значений для цифрового лексикографического корпуса «Лексико-семантическая неология в РЯ начала XXI века» // Сб. научных статей по итогам работы Междунар. научного форума «Наука и инновации: совр. концепции». Т.3. М.: Инфинити, 2019. С. 34–42.

Маннинг К, Рагван П, Шютце Х. Введение в информационный поиск. 2011. 511 с.

Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. М.: Наука, 1975. 328 с.

Потиха З.А., Розенталь Д.Э. Лингвистические словари и работа с ними в школе. М.: Просвещение, 1987. 128 с.

Протченко И.Ф. Словари русского языка. М.: Изд-во РОУ, 1996. 128 с.

Ракитов А.И. Курс лекций по логике науки. М.: Высшая школа, 1971. 176 с.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1975. 399 с.

Соломоник А. Парадигма семиотики: Очерки по обшей семиотике (с приложением словаря семиотических терминов). Минск: МЕТ, 2006. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 336 с.

Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 812 с.

Цейтлин С.Н., Погосян В.А., Еливанова М.А., Шапиро Е.И. Язык. Речь. Коммуникация: Междисциплинарный словарь. СПб.: КАРО, 2006. 128 с.

S.V. Lesnikov
(Saint-Petersburg, Russia)

ANALYTICAL REVIEW OF RUSSIAN TERMS ONOMASTICS AND THEIR SYSTEMATIZATION AND COMPUTER RANKING

This article provides a brief analytical review of the sources of Russian terms of onomastics and their systematization and computer ranking with the necessary and sufficient bibliographic description. As a result of using the method of calculating the weight of basic terms from primary sources, the result of ranking the digitized dictionaries of Russian terms of onomastics is obtained.

Key words: onomatology, dictionary, terminology, Russian language, term weight, basic vocabulary, gizaurus.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.90

А.М. Мезенко
(Витебск, Беларусь)

ЭМОТИВНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НОМИНАЦИИ ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье обозначена направленность использования эмотивной составляющей в онимных текстах, представлены результаты анализа особенностей употребления эмотивной лексики в белорусских ономастиконах, определено место и роль эмотивности в процессе номинации внутрипоселенческих линейных объектов. Утверждается, что эмотивная лексика служит одной из составляющих не только нашего ежедневного общения, но и текстов различных стилей, в том числе онимных.

Ключевые слова: эмотивность, эмотив, номинация, ономастикон, урбаноним, виконим, хортенсионим.

Важным компонентом когнитивной деятельности человека, поведения, общения с внешним миром и другими людьми являются эмоциональные переживания, которые входят в психоэмоциональную сферу человека. Эмоции и чувства – это реакции на ситуации и события, которые происходят в жизни. Они руководят поступками, формируют мировосприятие и мысли. Несмотря на активный поиск все новых и новых способов развития исследований в этой области, проблема изучения эмоций продолжает оставаться одной из актуальных в современной лингвистике.

Слова, в том числе названия улиц, переулков, проспектов и т.п., являются определенным средством выражения человеческих эмоций. В первую очередь, урбанонимы, виконимы и хортенсионимы (собственные имена линейных и территориальных топографических объектов в пределах садоводческого товарищества) представляют собой способ обмена географической и социальной информацией, переработки приобретенных знаний и их дальнейшей передачи следующим поколениям. При этом все перечисленные действия сопровождаются различными чувствами, желаниями, что делает их важным аспектом изучения ономастики.

Цель доклада – выявление особенностей употребления эмотивной лексики в белорусских ономастиконах, определение места и роли эмотивности в процессе номинации внутрипоселенческих линейных объектов. Материалом для исследования послужили названия улиц, переулков, проездов, линий, проспектов и других внутригородских, внутрисельских и внутрисадоводческих объектов. Источник материала – Государственное кадастровое агентство Республики Беларусь, информация специальных сайтов [Конкурс; О наименовании].

Ключевые понятия данного исследования – *эмотивность* и *эмотив*. Под первым из них вслед за В.И. Шаховским понимаем «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [Шаховский 2008: 5]. В речи эмотивность реализуется через специальные языковые средства – эмотивы, языковые единицы, с эмоциональным компонентом в семантической структуре в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения, благодаря чему эти единицы адекватно используются всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения или состояния говорящего [Шаховский 1987: 24].

Названия улиц являются памятниками не только языка, но и истории, культуры, географии. Неслучайно они приравниваются к архитектурным памятникам, историческим документам. Годонимы заключают в себе самую разнообразную информацию, связанную с духовной и материальной культурой, и могут воскрешать в памяти даже те особенности линейных объектов и легших в основу их номинации событий и фактов, которые в настоящее время уже исчезли. Нередко внутрипоселенческие названия репрезентируют опосредованную образную номинацию внутригородских объектов через метафорическое осмысление внутренних отличительных признаков улицы, переулка и др.

Онимный текст, или ономастикон, – это сложная система, состоящая из представлений об объективном мире часто не одного, а группы авторов (будем учитывать факты номинации объекта и возможной реноминации), отражение которого они пытаются передать, поэтому цель этого типа текста заключается в том, чтобы оказать эмоциональное воздействие на пользователей этим текстом (людей, живущих на определенной улице, проспекте и т.п., и тех, кто пользуется называемым объектом в других целях). Так происходит прагматическое воздействие на пользователя, что является одной из важнейших функций категории эмотивности.

Несмотря на то, что главной функцией любого названия улицы является указание адреса, у урбанонима, виконима, особенно хортенсионима рядом с основным довольно часто существуют дополнительные созначения, благодаря которым эти номинативные единицы используются для выражения эмоционального отношения не только номинаторов, но и других коммуникантов (пользователей). Иными словами, названия, содержащие коннотативные эмотивные смыслы, кроме номинативной, выполняют и эмоционально-экспрессивную функцию. В этой связи в семантике годонимов присутствует *эмотивный* компонент, представляющий собой способ отражения эмоций в слове.

Номинации внутрипоселенческих объектов весьма разнообразны в эмотивном отношении. Объяснением этому в определенной степени может служить тот факт, что номинатор в процессе именования данных объектов испытывал те или иные эмоции, негативные или позитивные. И, находясь во власти собственных настроений, отражал свое состояние в географических названиях.

Исходные базовые эмоции в пределах годонимии варьируются в полюсах одобрения / неодобрения, что заметно ограничивает набор выражаемых чувств. Не только в пределах садоводческих товариществ, которые, как правило, связываются в сознании владельца участка с отдыхом, приятным времяпровождением, но и в пределах города и села эмоциональное отношение, выражаемое к обозначаемому линейному объекту, соотносится в первую очередь с чувствами-отношениями типа «восхищение», «восторг» или, наоборот, «неодобрение», «ирония» и др.

Положив в основу классификации наличие / отсутствие в семном составе лексического значения слов, послуживших базой при образовании годонимов, оценочных сем, все номинативные единицы можно дифференцировать на 1) связанные с положительными эмоциями и 2) связанные с отрицательными эмоциями.

К первой из них, кроме семи ранее указанных групп (с семами 1) ‘приятный, вызывающий в ком-либо радостное настроение, связанный взаимным согласием, внушающий полное доверие, сулящий счастье’ типа *Радужная ул., Дивная ул., Отрадный пер.*; 2) ‘предпочитаемый остальным’: *Любимая ул.; 3)* ‘сверкающий, украшенный, праздничный’: *Алмазный пер., Роскошная ул.; 4)* ‘исполненный доброты,

задушевности, доброжелательности': *Сердечная ул., Хлебосольная ул.*; 5) 'чистый, свободный, просторный': *Вольная ул., Просторная ул., Чистая ул.; 6)* 'спокойный, тихий, такой, в котором приятно находиться': *Тихий пер., Соловьиная ул.; 7)* 'характеризующийся изобилием': *Хлебная ул., Урожайная ул.*) (см.: [Мезенко 2012: 82]), относятся также годонимы:

- с семой 'любящий мир, согласие, не склонный к вражде, ссорам' – *Мирная ул., 1-й Мирный пер., 2-й Мирный пер., 3-й Мирный пер., Мирный проезд*, *ул. Мира, ул. Дружбы*, *Дружная ул., Дружный пер., ул. Згоды, Сябровская ул.;*
- с семой 'хорошо освещенный, наполненный светом»' – *Светлая ул., Светлый пер., Рассветная ул., Лучистая ул., Утренний пер., Ясный пер., Солнечная ул., Солнечный пер.;*
- с семой 'способствующий прогрессу, инновационный'– *Авангардная ул., Авангардный пер., Молодежный пер., ул. Новаторов, Современная ул.*

Анализ белорусских ономастиконов свидетельствует о значительном превалировании данной группы годонимов над названиями, связанными с отрицательной семантикой. Так, помимо номинаций, приведенных нами в указанной статье (с семами 1) 'находящийся на большом расстоянии, на краю, неудобный': *Дальняя ул., Дальний пер., Крайняя ул.; 2)* 'безлюдная, пустая': *Пустынная ул.; 3)* 'давно используемый, утративший от долготы свои свойства': *Старая ул.; 4)* 'недостаточно широкий, имеющий ограниченные пределы': *Узкая ул.*), к данной группе можно отнести также годонимы, восходящие к лексемам

- с семой 'безвыходный' – *Тупиковый пер., Тупиковая ул.*
- с семой ' неприятный, неуютный' – *Мокрый пер., ул. Черная Вода, ул. Черный Брод.*

Таким образом, эмоциональная языковая картина мира формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания при ментальном освоении действительности. Эмоции, являясь специфическими формами взаимодействия человека с окружающей средой, вербализуются, семантизируются языком и в пределах ономастикона демонстрируются сознательно, помогая нам познавать мир и определять свое место в нем.

Эмотивная лексика сложно поддается истолкованию, поскольку внутренние переживания, чувства лишь в незначительной степени доступны наблюдению и фиксации. При этом она служит одной из составляющих не только нашего ежедневного общения, но и текстов различных стилей, в том числе онимных. В этом отношении остается актуальной высказанная нами ранее мысль, в соответствии с которой процесс номинации линейного объекта не может быть изолирован от субъективной оценки его с точки зрения номинатора [Мезенко 2012: 85]. Поэтому эмотивность

может рассматриваться как составляющая номинации внутрипоселенческих линейных объектов.

Литература и источники

Конкурс – *Конкурс* «Назови улицы СНТ» // Режим доступа (свободный). URL: http:// www. forum.m-veteran.ru›archive/index.php/t-24.html [Дата обращения: 01.08.2014].

Мезенко А.М. Эмотивная лексика в урбанонимии Витебщины и Смоленщины: представленность, особенности функционирования // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города). Сб. статей по материалам докладов и сообщений конференции (Смоленск, 4–5 октября 2012 года). Смоленск: Маджента, 2012. С. 81–85.

О наименовании – О наименовании элементов улично-дорожной сети в садоводческих товариществах // Режим доступа (свободный). URL: http://www. pravo.by›main.aspx?guid=3871&p0=D914v0063758&p1=1. [Дата обращения: 01.08.2014].

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

A.M. Mezenko
(Vitebsk, Belarus)

EMOTIVITY AS A COMPONENT OF NOMINATION OF INTRA-SETTELEMENT LINEAR OBJECTS

The report indicates the direction of the use of emotive component in onymic texts; presents results of analysis of peculiarities of use of emotive vocabulary in the Belarusian onomasticons; determines the place and role of emotivity in the nomination of intra-settlement linear objects. It is argued that emotive vocabulary serves as one of the components of not only our daily communication, but also of texts of various styles, including onymic ones.

Key words: emotivity, emotive, nomination, onomasticon, urbanonym, viconym, hortensionym.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.95

И.Ю. Русанова
(Ижевск, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ЭРГОНИМА

В статье рассматриваются проблемы выявления и описания национально-культурного компонента в структуре значения эргонима. Автор работы освещает вопрос, связанный с определением понятия национально-культурный компонент и определяет разновидности данного компонента в структуре эргонима. Другой задачей исследования становятся способы репрезентации национально-культурного компонента в эргонимах.

Ключевые слова: эргоним, национально-культурный компонент, региональный компонент, этнический компонент, реалия.

Целью данной статьи является выявление и описание национально-культурного компонента эргонима на материале эргонимов Удмуртской республики. В настоящее время изучая имена собственные, а именно эргонимы, становится возможным понять не только специфику семантики, функционирования, механизмов их формирования, но обнаружить и описать лингвокультурную информацию.

Актуальность настоящей работы обуславливается рядом причин. Прежде всего, эргонимы представляют собой разряд слов широкой узуальности. Они фигурируют в СМИ, рекламе, деловом и повседневном общении. В условиях современного экономического роста городов названия новых деловых объединений пополняют ономастикон региона с завидной регулярностью. Деловые наименования призваны привлечь определенную группу потребителей и поддержать бренд предлагаемых товаров и услуг. В этой связи интерес представляет изучение именно эргонимов с национально-культурным компонентом. Эргоним несет в себе не только актуальную информацию относительно сферы деятельности организации или предприятия, предлагаемых услугах или товарах, вместе с тем он транслирует социально-историческую, культурную информацию, а также информацию регионального, национального и этнического характера. Такой вид информации будет составлять национально-культурный компонент смысловой структуры эргонима.

Проблема выявления национально-культурного компонента эргонима представляет определенные сложности для исследователей, поскольку существуют различные подходы к описанию самого понятия национально-культурный компонент. Заметим, что отсутствие четкого определения привело к возникновению разнообразных терминов. Так, например, Г.Д. Томахин говорит о «национально-культурной семантике языковых единиц», которая помогает понять их содержание, оттенки и коннотации

[Томахин 1995: 55]. В.И. Карасик, отмечая разную степень семиотической глубины языковых единиц, выделяет национально-культурный компонент значения, который, по его мнению, является вторичным [Карасик 1992]. В.Н. Телия и Е.О. Опарина пишут о «культурной коннотации», как об интерпретации денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры [Телия, Опарина 2011: 145]. В.В. Ощепкова в своей работе выделяет национально-маркированный элемент [Ощепкова 2004]. Несмотря на такое разнообразие в описании данного понятия исследователи сходятся в том, что культурно значимая информация является неотъемлемой частью языковых единиц.

Другой проблемой становится определение вида национально-культурного компонента эргонима. В настоящее время получают большую популярность эргонимы, которые представляют собой значимые или широко известные онимы в контексте общемировой культуры. Они легко заимствуются, переходят из одного языка в другой, не вызывая сложностей в интерпретации, поскольку актуальны и для других языковых коллективов. Когда возможна апелляция к мировому культурному наследию, мы говорим об интернациональном характере эргонима. Этому способствуют с одной стороны процессы глобализации, интенсификации общественных, социально-политических, культурных связей, а с другой стороны – тенденция следования определенной языковой моде в номинации.

Специфика эргонимов проявляется в том, что они репрезентируют культуру, обусловленную национально-историческими традициями, в этом случае они имеют общенациональный характер. Многогранность общенациональной культуры заключается в том, что она представляет собой достижения, как правило, не одного народа, а нескольких народов и этносов. При таком понимании возникает вопрос разграничения общенационального и этнического характера национально-культурного компонента.

Говоря об этнической и национальной культуре, В.М. Межуев полагает, что в отличие от этнической культуры, которая носит культовый, сакральный характер, гомогенна по своему составу, коллективна, национальная культура носит светский, инновационный характер, является продуктом индивидуального творчества интеллектуальной элиты нации, а не народа [Межуев 1977: 40]. Поскольку этническая культура охватывает в основном сферу быта, обычаев, фольклора, то в этом случае компонент этнического характера эргонима будет отражаться в соответствующих реалиях. Для подобных эргонимов будет свойственна местная ограниченность (так как этническая культура меняется от одной местности к другой), достаточно жесткая локализация и обособление в социальном пространстве.

Большинство современных национальных культур полиэтничны. Однако национальная культура не может быть представлена как сумма этнических культур,

при этом некоторые наиболее ее значимые элементы становятся символами самобытности народа, патриотической привязанности к его историческому прошлому. Для эргонимов с национально-культурным компонентом будет характерна территориальная распространенность и однозначное их понимание всеми членами данной языковой общности. Эргонимы с этим компонентом будут репрезентировать признак принадлежности к данной общности людей, ценностям народа, уважительного отношения к истории, отражать национальные традиции, любовь к родине.

Также возникает вопрос выявления национально-культурного компонента регионального типа. Прежде всего, региональный компонент присутствует в виде идентификатора, позволяя определять территориальную принадлежность к тому или иному региону. Отметим, что по нашим наблюдениям в эргонимии в последнее время широкое применение получают названия, включающие код региона.

Вообще, под регионом понимается обширный район, с едиными экономико-географическими, культурно-историческими или другими особенностями и условиями жизнедеятельности. Для региона свойственна сложившаяся в данной среде социально-территориальная общность людей, имеющая собственные интересы [Кузнецов 2009: 480].

В настоящее время можно обратить внимание на рост числа эргонимов, отражающих признак региональной идентичности, хотя еще совсем недавно наблюдался процесс нивелирования и ухода от региональной самоидентификации. Появление таких наименований позволяет говорить о желании жителей региона чувствовать свое культурное и территориальное пространство.

Таким образом, национально-культурный компонент эргонима проявляется и через обращение к символике региона или края, культурным традициям, через элементы, отражающие региональную специфику и другие особенности развития края.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем тот факт, что национально- культурный компонент может быть разного вида (интернациональный, общенациональный, этнический, региональный), при этом возможно наложение одного вида национально-культурного компонента на другой.

Другим вопросом в отношении национально-культурного компонента эргонимов является проблема его репрезентации. Дискутируя о национально-культурной информации, заключенной в слове, исследователи сходятся в следующем: во-первых, культурно значимая информация присутствует эксплицитно или имплицитно во многих, но не во всех словах; во-вторых, она присутствует на уровне денотата или коннотации; в-третьих, национально-культурное содержание информации вычленяется при сопоставлении с другими языками. Все сказанное в полной мере относится и к эргонимам.

Особый интерес представляет национально-культурный компонент, который выражен эксплицитно и представлен чаще всего разного рода реалиями. В исследовании мы воспользовались тематической классификацией слов-реалий В.С. Виноградова, который выделяет бытовые, этнографические и мифологические реалии, реалии природного мира, государственного строя и общественной жизни, ономастические реалии-антропонимы и топонимы, ассоциативные реалии [Виноградов 1978].

Среди бытовых реалий в эргонимах находим такие: *магазин «Копеечка»*, *кулинария «Сабантуй»*, *ресторан «Хохлома»*; к этнографическим и мифологическим реалиям можно отнести следующие эргонимы: *кафе «У Тол Бабая»*, *магазин канцелярских и хозяйственных товаров «Домовенок»*. Реалии затрагивающие элементы государственного строя и общественной жизни – *бар «СССР»*, *магазин хозяйственных товаров «ВДНХ»*.

Отметим, что среди представленных видов реалий в эргонимии большей популярностью пользуются, безусловно, ономастические реалии – антропонимы и топонимы, например, *кофейня «Чайkoffский»*, *торговый дом «Дом Бодалева»*, *торговый дом «Ижевск»*, *салон мягкой мебели «Москва»*, *ресторан «Позимь»*, *ресторан «Кама»*.

Также весьма активно номинаторы обращаются к ассоциативным реалиям: *магазин «12 Стульев»*, *магазин «Три толстяка»*, *магазин товаров для рукоделия «Марья-Искусница»*, *база отдыха «Лукоморье»*.

Кроме реалий национально-культурный компонент может быть выражен специфическими концептами, которые свойственны лишь данной национальной культурной общности, так мы находим следующие наименования *ООО «Авось»*, *продуктовый магазин «Душевный»*.

Другим видом репрезентации данного компонента будет использование фразеологических единиц, например, *кафе «На посошок», база отдыха «С легким паром», салон красоты «Альтер Эго»*.

Еще одним способом репрезентации национально-культурного компонента будет использование специальных маркеров, включающих конкретизирующий признак, который может относится к информации разного уровня, общенациональной, региональной, этнической и т.п. В таком случае в эргонимы включены конкретизирующие лексемы, например, русский, российский, удмуртский, татарский и т.п. (*кафе «Русская тройка», магазин текстиля и тканей «Русские ситцы», кафе «Русские блины», магазин «Удмуртские продукты»*). В подобных названиях национальная или региональная идентичность усиливается этими лексемами. Именно наличие лексемы-конкретизатора влияет на информативность эргонима и обуславливает наличие национально-культурного компонента.

Таким образом, можно говорить о том, что национально-культурный компонент эргонимов эксплицитно выражается реалиями, специфическими концептами, фразеологическими единицами, а также с помощью специальных лексем-маркеров.

В заключение отметим, что к какому бы виду не принадлежал национально-культурный компонент эргонима и какими бы средствами он не был представлен, важно, что его использование предполагает творческий аспект интерпретации и понимание его адресатом, имеющим достаточный культурный опыт. Также важную роль в актуализации национально-культурного компонента играют ассоциативные механизмы, фоновые знания и устойчивые образы.

Литература и источники

Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978. 172 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИЯЗ, 1992. 329 с.

Кузнецов В.Н. Геокультурная энциклопедия – 2009: Культура развития через культуру безопасности. М.: Книга и бизнес, 2009. 700 с.

Межуев В.М. Культура и история: Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма. М.: Политиздат, 1977. 199 с.

Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. СПб.: КАРО, 2004. 335 с.

Телия В.Н., Опарина Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Вестник культурологии. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 145–148.

Томахин Г.Д. От страноведения к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании // Русский язык за рубежом. 1995. № 1. С. 54–65.

I.Y. Rusanova
(Izhevsk, Russia)

PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND DESCRIPTION OF THE NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF ERGONYM

The article deals with the problems of identification and description of the national-cultural component in the structure of ergonyms. The author covers the issue related to the definition of the concept of the national-cultural component and determines the types of this component in the structure of ergonyms. Another objective of the research is the ways of representation of the national-cultural component in ergonyms.

Key words: ergonym, national-cultural component, regional component, ethnic component, realia.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.100

В.И. Супрун
(Волгоград, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И АССОЦИАТИВНАЯ ОНОМАСТИКА

В статье на основании ассоциативного эксперимента определяется, что в лингвосознании русскоязычного человека одновременно, параллельно функционируют разноразрядные онимы, относящиеся к определённому фрагменту картины окружающего мира. Центральное место в возникшем онимическом поле, как и в целом в языке, занимают антропонимы, остальные имена собственные распределяются в зависимости от главной темы, слова-стимула, вызывающего ассоциации.

Ключевые слова: разряд, ассоциативный эксперимент, антропоцентризм, антропоним, топоним, окружающая среда.

В современной ономастике изучение имён собственных традиционно осуществляется по разрядам. Термин *разряд* обычно используется в общеязыковом значении ‘группа, род, категория каких-л. предметов, людей, явлений, сходных между собой по тем или иным признакам’ [БТС: 1082]. Уточняется, что в ономастический разряд входят крупные объединения онимов, которые именуют денотаты в определённой сфере жизнедеятельности человека [Мадиева, Супрун 2016: 76]. В словаре Н.В. Подольской этот термин используется при дефиниции наиболее общих типов имён собственных: *антропоним, идеоним, топоним* ‘разряд онимов’ [Подольская 1988: 31, 61, 127], в других случаях в определении используется термин *вид*: *гидроним* ‘вид топонима ’, *комоним* ‘вид ойконима’, однако и *зооним* ‘вид онима’ [Там же: 48, 66, 59].

Главной функцией, предназначением имени собственного является обозначение единичных предметов реального или мнимого мира, вербализация ментальных представлений о том или ином важном для человека объекте и потому получающих воплощение в слове. Номинативная функция ингерентно антропоцентрична. Всё, что существует в мире, окружающем человека, и возникает в его фантазиях, получает наименование только потому, что имеет значение для человека, оказывается в центре его дел, интересов, мечтаний.

У онимов специфически проявляется категории единичности и множественности: множественное число встречается у тёзок, однофамильцев, членов одной семьи, животных с одинаковыми кличками, одноимённых топонимов и географических названий pluralia tantum и пр. Обнаруживается связь между антропонимами и топонимами в форме множественного числа: географические объекты получают наименования в форме pluralia tantum, «восходящие к топонимически закреплённым во множественном числе наименованиям потомков по имени или прозвищу общего предка», к наименованиям зависимых людей «по имени, прозвищу или по обозначению

социального статуса владельца» или к именованию жителей [Васильев 2005: 232, 286]. Имена собственные причисляют к словам singulalia tantum, однако семантически и функционально они существенно отличаются от собирательных, отвлечённых и вещественных существительных [Грамматика 1960: 113].

Помимо номинации, имя собственное осуществляет идентификацию объекта, оно непосредственно указывает на него в ряду подобных. Третьей главной функцией имени собственного определяют дифференцирующую, выделение определённого объекта из ряда ему подобных [Бондалетов 1983: 20–21]. В словаре Н.В. Подольской эти три функции объединены в одну номинативно-идентификационно-дифференцирующую [Подольская 1988: 145], поскольку они реализуются неразрывно друг от друга.

Выделяются также дополнительные и факультативные функции онимов: информационная, экспрессивная, познавательная, аккумулирующая [Там же], социальная, эмоциональная, дейктическая (указательная), функция «введения в ряд», адресная, эстетическая, стилистическая [Бондалетов 1983: 21] и др. Такое многообразие функций говорит о том, что их список не завершён и каждое новое рассмотрение функциональной природы имён собственных и их совокупностей выявит новые функции и предназначенности имени собственного. Возникает также понимание, что у единиц разных разрядов набор функций может различаться, порой существенно.

Однако следует учесть, что в языковом сознании онимы объединяются не только по разрядам, но и по тому фрагменту окружающей человека среды, к которому они относятся. В этом случае разрядная отнесённость имени становится второстепенной, на первое место выходит потребность номинировать объекты, соотнесённые друг с другом экстралингвально, тематически, лингвокультурно, ассоциативно и пр. Следовательно, у онимов проявляется циркумстантно-дескриптивная функция (от лат. circumstantes ‘окружающие’ [Петрученко 1994: 96]), которая реализуется с помощью использования имён разных разрядов.

Для выявления лингвальной реализации данной функции был проведён направленный ономастический ассоциативный эксперимент, целью которого было определение онимической составляющей различных фрагментов внеязыковой действительности, которые можно отнести к восприятию человеком окружающего мира – одной из «суперкатегорий, репрезентирующих лексическими средствами основные фрагменты картины мира» [Бабенко 2007: 475].

Было опрошено 185 информантов, которым предложили записать по три онима на слово-стимул из разных сфер культурной и социальной в целом жизни человека. Возраст информантов – от 18 до 63 лет, в основном студенты и преподаватели педагогического вуза, большинство женщин, преимущественно русские. В качестве слов-стимулов были предложены лексемы: *кино, живопись, родина, книга, война,*

политика, страна, наука, Россия, образование, государство, музыка. Они отражали наиболее общие социальные и культурные фрагменты действительности, были доступны всем носителям языка, могли в той или иной степени вызвать разноразрядные онимические реакции. Максимально могло быть получено 555 слов-реакций на каждый стимул, однако в реальности ответы составили 71–94 % от этого числа, поскольку отмечались отказы от ответа (полные или частичные), апеллятивные реакции (особенно много на стимул *наука*), неразборчивые и эпатажные ответы и т.д.

Исходя из закономерностей функционирования онимов в лингвосознании и языкоречи, мы предположили, что в значительной степени будут во всех случаях представлены антропонимические реакции. Для реакций на слово-стимул из сферы искусства и культуры ожидались в качестве реакций идеонимы (артионимы, библионимы, фильмонимы и пр.).

Приведём данные реакций на два стимула, в которых подтвердились отмеченные выше тенденции функционирования онимов в лингвосознании. Слова-реакции даются в той форме, которую записали информанты, ошибки не исправлялись. При наличии нескольких ответов выбиралась форма, наиболее близкая к правильной.

Таблица 1. Онимические ассоциации на слово-стимул *война*

Ранг	Тип ассоциации	Количество	%	Примеры с цифровыми данными
1.	Антропоним	174	33,3	Сталин И.В. 31, Жуков Г.К 29, Гитлер А. 24, Наполеон Бонапарт 18, Кутузов М.И. 12, Рокоссовский К. 8, Суворов А.В. 7, Ленин В.И. 5, Чуйков В.И. 5, Левитан Ю.Б. 5, Толстой Л.Н. 5, Космодемьянская Зоя 4, Паникаха Михаил 4, Ватутин 3, Мересьев 3, Чингиз-хан 3, Пугачёв 2, Шолохов М.А. 2, Королёв С.П. 1, Пётр I 1, Столыпин 1, Василий Тёркин 1
2.	Хрононим	149	28,5	Великая Отечественная война 40, Гражданская (в России) 22, Вторая мировая 16, Первая мировая 15, Отечественная 1812 года 15, Русско-японская 5, Троянская 3, Холодная 3, Столетняя 2, США за независимость 2, Французская революция 1, 1945 1, Кавказская 1, Священная война (поход крестоносцев) 1; Сталинградская битва 5, Курская дуга 5, Ледовое побоище 4, Мамаев курган 2, Бой при Ватерлоо 1
3.	Топоним	121	23,2	Сталинград 35, Ленинград 12, Сирия 9, Берлин 8, США 8, Германия 6, Украина 5, Бородино 5, Чечня 4, Афганистан 4, Висла 4, Донбас 4, Брест 3, Освенцим 3, Косово 2, Москва 2, Севастополь 2, Иран 1, СССР 1, Россия 1, Карабах 1, Кавказ 1

4.	Идеоним (библионим и фильмоним)	60	11,5	«Война и мир» (… и мир) 26, «Судьба человека» 8, «А зори здесь тихие» (фильм) 4, «Они сражались за Родину» 4, «Иди и смотри» (фильм) 3, «День Победы» (песня) 3, «В окопах Сталинграда» 3, «Список Шиндлера» 2, «Отец солдата» 2, «Тихий Дон» 2, Друнина Юлия, «Знаешь, Зинка» 1, «Сашка» 1, «От героев былых времён» 1
5.	Хрематоним	10	2	«Катюша» 4, Т-34 3, Знамя Победы 1, Матерь человеческая 1, «Правда» 1
6.	Эргоним	8	1,5	ГКО 3, Смерш 2, Белая гвардия 2, Волгоградский мужской педагогический лицей 1
Итого		522	100	94 % от максимального числа ответов

Таблица 2. Онимические ассоциации на слово-стимул *кино*

Ранг	Тип ассоциации	Количество	%	Примеры с цифровыми данными
1.	Антропоним	270	58,8	Тарковский Андрей 26, Цой Виктор 18, Гайдай Л. 16, Михалков Никита Сергеевич 15, Ди Каприо Леонардо 14, Бондарчук Сергей 12, Рязанов Э. 10, Тарантино Квентин 10, Бондарчук Ф. 9, Депп Джони 8, Козловский 7, Лановой В. 6, Никулин Юрий 6, Орлова Любовь 5, Леонов Евгений 5, Миронов Евгений 5, Петров Александр Андреевич 5, Хичкок А. 5, Лукас Джордж 5, Бодров Сергей 4, Шукшин В. 4, Тихонов 4, Герасимов С. 4, Феллини Ф. 4, Балабанов 4, Линч 4, Машков Владимир 3, Эйзенштейн 3, Питт Бред 3, Мордюкова Н. 3, Быстрицкая 3, Говорухин 3, Бессон Люк 3, Форман Милош 2, Спилберг Стивен 2, Гурченко Л. 2, Джоли Анджелина 2, Кубрик Стенли 2, Миронов Андрей 2, Безруков С. 2, Шахназаров 1, Тодоровский 1, Урсуляк 1, Фёдоров П. 1, Финчер Д. 1, Макконахи М. 1, Полищук Любовь 1, Прилучный Павел 1, Раневская Фаина 1, Румянова 1, Рыбников Н. 1, Панкратов-Чёрный 1, Оникиенко 1, ДиазК. 1, Долан Ксавье 1, Круз Том 1, Кэмерон Джеймс 1, Курцын Роман 1, Бертон Тим 1, Андрусенко Анна 1

2.	Фильмоним	129	28,1	Любовь и голуби 23, Ирония судьбы (С лёгким паром) 13, «Титаник» 11, «Девчата» 9, Белое солнце пустыни 7, Москва слезам не верит 6, Большая перемена 6, Идиот 6, Кавказская пленница 5, Офицеры 5, Движение вверх 5, Иван Васильевич меняет профессию 5, Семнадцать мгновений весны 4, Мстители 4, Один дома 4, Джейн Эйр 4, Авиатор 3, Безымянная звезда 3, Бриллиантовая рука 3, Летят журавли 3, Ералаш 3, Чародеи 3, Белый Бим 3, Карнавальная ночь 3, Фитиль 2, Обыкновенное чудо 2, Брат 1, В бой идут одни старики 2, Ёлки 2, «Властелин колец» 2, Волга-Волга 2, Сталкер 2, «Гоголь» 2, Викинги 1, Горько! 1, Дом, который построил Джек 1, Дурак 1, Игла 1, Санта Барбара 1, Сверхъестественное 1, Семь невест Сбруева 1, Солярис 1, Пила 1, Приключение Шурика 1, Тайный поклонник 1, Теория большого взрыва 1, Уличные танцы 1, Ури 1, Чёрное зеркало 1, Чемпионы 1, Москва на Гудзоне 1, Между небом и землёй 1, «Время» 1, Майло 1, Мастер 1
3.	Эргоним	35	7,6	Мосфильм 14, Голливуд 8, Союзмульфильм 5, Одесская киностудия 3, Киномакс 1, Фонд Кино 1, Родина (кинотеатр) 1, Амедия-фильм 1, Марвел 1
4.	Имя персонажа	17	3,7	Гарри Поттер 6, Малифисента 4, Адалин 1, Хатико 1, Форгат 1, Шарик 1, Шурик 1, Капитан Джек Воробей 1, Мухтар 1
5.	Топоним	8	1,8	Москва 4, США 3, Жигули 1
Итого		459	100	82,7 % от максимального числа ответов

Эксперимент подтвердил одновременное, параллельное функционирование в лингвосознании русскоязычного человека разноразрядных онимов, относящихся к определённому фрагменту картины окружающего мира. При этом центральное место в возникшем онимическом поле, как и в целом в языке [Супрун 2000: 17], занимают антропонимы, остальные имена собственные распределяются в зависимости от главной темы, слова-стимула, вызывающего ассоциации. Для стимула *война* околоядерное пространство занимают хрононимы, относящийся к именованию военных событий, для стимула *кино* – фильмонимы.

Литература и источники

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереот. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Бабенко Л.Г. Идеографическое описание русской лексики как способ выявления базовых категорий и ключевых концептов // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и матери / Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 475.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2005. 468 с.

Грамматика русского языка / Ред. кол.: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов. Том I: Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 720 с.

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теоретические основы ономастики: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. Алматы: Қазақ университеті, 2016. 266 с.

Петрученко О.А. Латинско-русский словарь. Репринт IX-го изд. 1914 г. М.: Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. 810 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

V.I. Suprun
(Volgograd, Russia)

FUNCTIONAL AND ASSOCIATIVE ONOMASTICS

In the article on the basis of the associative experiment it is determined that in the linguistic consciousness of the Russian-speaking person simultaneously, in parallel, there are different-digit onyms related to a certain fragment of the picture of the world. Central to arose onomastic field, as in all language, is a proper people's names, other proper names are distributed depending on the main theme, a stimulus word, the calling of the association.

Key words: word category, associative experiment, anthropocentrism, anthroponym, toponym, environment.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.105

А.К. Шапошников
(Москва, Россия)

РАННЯЯ ЭТНОНИМИЯ СЛАВЯН

В статье представлены этимологические толкования 60 ранних зап.-слав. этнонимов (около 820 г.) на фоне др.-новг. ономастики и праслав. этимологии. Несмотря на очевидно

инновационный характер производящих основ, преобладают архаичные словообразовательные модели (этнонимы на *-ьсі* от гидронимов, на *-(j)ane* от топонимов, на *-ji, -i* и *-itji* от гипокористик сложных антропонимов). Специфика ареального словообразования: конфиксация на *ob-...-ьсі* от гидронимов.

Ключевые слова: этноним, эпоним, топоним, гидроним, гипокористика, антропоним, этимология.

В декабре 820 г. во Франкфурте-на-Майне Imperator Caesar Ludovicus I Augustus (Імператоръ Каїсарь Лодоїкос А´ Севастъ) созвал сход первенцев своих восточных подданных, которые пришли с дарами, были все переписаны и внесены в списки подданных империи. Вероятно, именно эти списки (опись) и сохранены для нас известным текстом Баварского Географа (Анонима) – Geographus Bavarus. По палеографическим и кодикологическим признакам текст происходит из скриптория монастыря Св. Марии на о-ве Райхенау.

Предположение об авторстве паннонского епископа Мефодия [Назаренко 1993: 7–51; Он же 1994: 35–40, 53–60; Он же 2001: 51–70; Он же 2009: 167–168] представляется мне маловероятным, так как этнонимическая номенклатура этого текста явно старше эпохи Мефодия (860–880-е гг.) и не получила никакого отражения ни в византийской книжности, ни в цслав.-ст.-болг. книжности Охрида и Преслава. Во время трудов Константина Философа и Мефодия в Бельграде Паннонском в 860-е гг. ими был использован другой репертуар этнонимов: белые сербы некрещеные, белые хорваты некрещеные, моравии, славяне / словене, бойки и т. п. Он обрёл продолжение в этнонимическом репертуаре Константина Багрянородного (940-е гг.) Этнонимы Баварского Географа имеют очевидные признаки др.-в.-нем. фонетической и графической адаптации, Мефодий же пользовался этнонимами, усвоенными либо напрямую от славян, либо через грекоязычную книжную традицию.

В списке сначала с севера на юг перечисляются славянские этносы, которые в начале IX в. считались пограничными с Датским королевством и Франкской империей (включая Паннонию).

Далее идёт перечисление этносов в юго-восточном направлении от Восточно-Одерской Померании до Северо-Восточных Карпат, т.е., обретавшихся на территории современной Польши (Великой Польши). К сожалению, не совсем ясно, следуют ли перечисленные народы с северо-запада на юго-восток строго один за другим или группами в широтном направлении. Скорее, последнее. Конечный пункт этого описания вызывал некогда дискуссию. Некоторые из предлагавшихся толкований этнонима *Zerivani* неубедительны: С. Закревский, Б. Горак и Д. Травничек отождествили с terra Zeurini vel Banatus Szoereny, albo terra regalis Severinensis ст.-венг. традиции, т.е. с областью Турну-Северин на границе Баната и Олтени; О. Трубачев — с иначе не известными

северянами в том же Банате [Трубачев 2017: 425]. Пространственно эти *зериване* крайние на юго-востоке, так как западнее расположен другой последний этноним *угаре* (бассейн р. Вягрь / Угръ, Стрывягрь). Весьма вероятна локализация в Северо-Западном Прикарпатье, как некогда думал Нидерле, т.е. в ареале археологической культуры карпатских курганов.

Достигнув Карпат, составитель «Описи» вновь начинает перечисление этносов от устья Одры в юго-восточном направлении, с некоторым большим отступом к востоку, достигая на сей раз долины р. Вягръ (*Wiąhr*, *Wiar* = **Vęgrъ*) на водоразделе рек Сана и Днестра и долины р. Стрвяжъ (*Strviąż* = **Strivęžь*). Отсюда вектор перечисления этносов резко поворачивает к Висле, Силезии, Ополью.

Представим ранние зап.-слав. этнонимы в алфавитном порядке реконструктов с минимальным этимологическим комментарием:

**akaciri / *oxociri: Caziri* – др.-в.-нем. передача аланск. этнонима **akatz-ir(ōn)* (*Acatzirorum,* οχοτζήρων) ‘мужи Акаца, Акациевы иронцы’;

**besǫžane / *bysunjane: Besunzane* – этноним на *-jane, -janinъ* от топонима **Be(z)sǫgъ* (по глаг. **be(z)sęgati*, ср. **dosǫgъ* < **dosęgati*) или от несохранного гидронима *Bysuń*, ср. *Bytoń jez* [HW, I, № 587]?

**bruzi / *brъzi: Bruzi* – этноним в форме мн. ч. эпонима *Brudz* < **Brud-* (*Brusovo* 1252, *Bruzev* 1299, *Brudzewo* 1331, *Brud* 1466) [Rymut 1987; 41; Idem 1991: 89] или форма мн. ч. кельтск. **Brugъ / *Brъgъ*?

**bryščane / *bryžžane: Prissani* – этноним на *-jane, -janinъ* от основы гидронима (?) **bryskъ / *bryzgъ* ‘первая вешняя оттепель; пена на волнах; вытекание, медленное течение’ [ЭССЯ, 3: 67], ср. польск. гидронимы *Spod Bryszcza, Brzyszcze* [HW, I, №№ 169, 174];

**bužane / *bъžane: Busani* – этноним на *-jane, -janinъ* от основы географического термина **buga, *bugaj* ‘zakręt rzeki’ или фитонима **bъzъ*, ср. польск. *Busko-Zdrój* (*Buzsk* 1190, *Buszko* 1325-27) производное с суф. *-sk-* от корня **bug-* (и.-е. **b^{h}eug^{h}-* ‘гнуть’) [Rymut 1987: 44; Idem 1991: 91];

**bytěmare: betheimare* – этноним (собират. имя деятелей) на *-are, -arinъ* от основы гипокористики **Bytěmъ* < **Bytiměrъ*, ср. польск. топонимы *Bytom Odrzański* (castrum *Bytom* 1105, *Bitom* 1175) и *Bytom (Katowicki)* (*Bitom* 1123-5, 1136), производные с притяж. суф. *-jь* от гипокористики *Bytom* < *Bytomirъ, Bytomysl* [Rymut 1987: 45–46];

**bytynьci: bethenici* – этноним с суф. *-ьci, -ьcь* от основы гидронима **Bytyni (-jь?)*, ср. польск. *Bytyń* (poznański) nad jez. *Bytyńskim* (*Bitino* 1322, *Bythyn* 1348) [Rymut 1987: 46];

**bъlgare: Vulgarii* – лат. переоформление этнонима (собират. имени деятеля) на *-are, -arinъ* от **bъlga* (от лат. *bulga* ‘кожаный мешок’?);

**dědosъšane: Dadosesani* – этноним на *-jane, -janinъ* от гидронима **Dědosъxъ*, ср. польск. гидронимы *Dziadusiów Potok, Dziadek staw* [HW, I, № 65, 281], *Dziedzice* (*Dziedzicz* 1427, *w Dziedzicach* 1480) [Rymut 1987: 67], ИС *Dziad* 1410, *Dziadosz* XII v. [Rymut 1987: 55; Idem 1991: 113];

**dolomenьci: talaminzi* – этноним на *-ьci, -ьcь* от основы географического термина **dolomenь* 'низина'? Ср. польск. ИС *Dal* (1136) < *Dalemir* [Rymut 1991: 105]?

**dьrivane: Zerivani* – этноним на *-ane, -aninъ* от топонима (?) **Dьrivъ, *Dzierzawy*, ср. польск. гидронимы *Dziorawy, Dziura staw, Dziury Potok* [HW, I, №№ 65, 281, 770], *Dziurawiec* XVIII в. [Rymut 1991: 114];

**golęžitji: Golensizi* – этноним на *-itji, -itjь* от основы эпонима **Golęzъ*, ср. польск. ИС *Gałęza, Gałęzowic* (1399) [Rymut 1991: 119];

**gopl'ane: Glopeani* – этноним на *-jane, -janinъ* от топонима **Gopъlo*, ср. польск. гидроним **Gopło (staw)* [HW, I, №№ 289, 301, 303];

**gorьne / *vyshe pole: hehfeldi* – нем. калька этнонима, отвлечённого от топонима **Gorьnopole*, ср., впрочем, польск. *górne* и гидронимы *Werchstaw, Wierch staw; Wierchomla* [HW, I, №№ 111, 228];

**kozirozi: Chozirozi* – этноним в форме мн. ч. на *-i* от эпонима **Kozirogъ* или **Kozirodъ*, ср. польск. ИС *Koziorożec, Koza* (1390) [Rymut 1991:159–160] и *Kozierady* < *Kozierad*, *Ostroróg* (*Ostrorogo* 1398/9), производное от ИС *Ostroróg, Ostrorogów* [Rymut 1987: 113, 117, 176, 202];

**l'ubiglā: Lupiglaa* – этноним на базе собирательной формы эпонима-гипокористики *L'ubigla,* ср. польск. ИС *Lubiec* 1463 [Rymut 1991: 174], др.-новг. гипокористики *Любигъ, Любегъ, Любля, Любѧта* к *Любигость* [Васильев 2012: 93, 114, 164, 165, 191, 198, 243, 245, 263, 264, 561, 562, 668, 676] на праслав. фоне [ЭССЯ 15: 172]; корень **gla-*, впрочем, может быть результатом усечения некой основы ИС;

**l'udi: liudi*. – скорее всего, др.-в.-нем. передача формы мн. ч. праслав. **l'udъ/ь*; ср. польск. ИС *Ludo* 1343 [Rymut 1991: 175];

**lęditji: Lendizi* – этноним на *-itji, -itjь* от гипокористики **Lęd'a* древнего композита *Лѧдимѣръ* [Васильев 2012: 69, 201, 208, 232, 233, 234, 317, 326, 520, 676] «пренебрегай судьбой» с прецедентной глаг. основой **lęditi* 'оставлять пустовать; не обрабатывать землю; пренебречь, -гать' на фоне праслав. апеллятива **lęda, *lędo* [ЭССЯ 15: 57–59]. Ср. польск. МН *Lędziny* (villam *Leziny* 1242, *Lenzin* 1295) от кашуб. *lędina* 'sciernisko, rżysko', *lędo* 'невозделанная земля' [Rymut 1987: 130];

**linaja / *linava: Linaa* – этноним на базе собирательной формы на *-aja, -ava* от гидронима **Lina*? Ср. польск. ИС *Lin* (1418) от *lina* 'лён' [Rymut 1991: 173];

**lǫžitji : Lunsizi* – этноним на *-itji, -itjь* от эпонима **Lǫzъ*?

**lugol'ane: Lucolane* – этноним на *-jane, -janinъ* от адаптации субстратного топонима **Lugolь*? Ср. польск. МН *Okół* (*Okol* 1336) [Rymut 1987: 169];

**mar(u)harja-: marharii* – аллоэтноним, словосложение гидронима *Marus* и герм. *harja-* 'воинство';

**merekane: merehanos* – этноним на *-ane, -aninъ* от топонима **merekъ* 'пограничная марка', ср., впрочем, польск. гидронимы *Smerek, Smereczek, Smerekowka* [HW I, №№ 15, 107, 178, 179];

**miljane: Milzane* – этноним на *-jane, -janinъ* от топонима **Milь* или гидронима **Milica* [HW, I, № 784], ИС *Milan* 1416 [Rymut 1991:191];

**milozi / *miloši: Miloxi* – этноним в форме мн. ч. эпонима гипокористики **Milogъ*, ср. др.-новг. гипокористики *Милогъ, Миложѧта, Милько* к *Милогостьь* [Васильев 2012: 99, 105, 165, 166, 191, 192, 195, 198, 675] 'милый гость', или **Miloxъ*, ср. польск. *Miloch*, *Miluch* к *Milochóc* [Rymut 1987: 191];

**moričane / *morižane: morizani* – этноним на *-jane, -janinъ* от гидронима **Morica / *Morigъ*? Ср. польск. МН *Moryń* (*Morin* 1298) < **mor-* 'вода' [Rymut 1987: 154];

**nĕrivane: Nerivani* – этноним на *-ane, -aninъ* от гидронима **Nĕrivъ* (*Narew*) [HW I], МН *Narew* (*Nareff* 1282, *Nara* 1290, *Narow* 1300, *w gorodie Narewie* 1528, *po Narwi ricce* 1514) [Rymut 1987: 158];

**ob(o)drьci (*polnъkt'ьni): nortabtrezi* – нем. полукалька этнонима-конфиксации (преф. *ob-* и суф. *-ьci*) гидронима **Odrъ*;

**ob(o)drьci (*vъzxodьni): Osterabtrezi* – нем. полукалька этнонима-конфиксации (преф. *ob-* и суф. *-ьci*) гидронима **Odrъ*;

**obpolini: Opolini* – этноним на *-ini, -inъ* от топонима **obpolьje (Opole), Opole* (castrum et oppidum *Opol* 1222), *Opole Lubelskie* (*de Opol* 1325-7) от термина территориальной общины *opole* [Rymut 1987:173];

**obtaradьci: Eptaradici* – этноним-конфиксация (преф. *ob-* и суф. *-ьci, -ьсь*) основы субстратного гидронима **Taradъ*, см. след.

**obtorodji: Attorozi* – этноним-конфиксация (преф. *ob-* и суф. *-ji*) основы субстратного гидронима **Torodъ*, см. пред.

**obturьčane: Aturezane* – этноним-конфиксация (преф. *ob-* и суф. *-jane, -janinъ*) от гидронима **Turьсь*, ср. польск. гидронимы *Tur = Tureczno jez. Zatoka-Tur, Turau Fliess* [HW, I, №№ 387, 464, 516, 737];

**ǫgare: Ungare* – этноним на *-are, -arinъ* от гидронима **Ǫgъ (Wiąhr, Wiąż)*, ср. прусск. *wange* и лит. *vìngis* 'речной меандр';

**ǫlitji: Unlizi* – этноним на *-itji, -itjь* от эпонима **Ǫlъ*, ср. др.-русск. *Ѫличи*, *Ѫланъ, Ѫлѣбъ* [Тупиков];

**pěsn'utji: Phesnuzi* – этноним на основе притяж. формы *-ji, -jь* от основы **pěsn'utъ(jь)*, ср. польск. ИС *Pieśniak* [Rymut 1991: 211] и ВН *Dzwierzut See, Dzwierzutno, Dzwierzuty jez.* [HW, I, № 529];

**pragane: Fraganeo* – этноним на *-ane, -aninъ* от топонима **Praga*, ср. польск. ИС *Praga* (1265) будто бы от сущ. *praga* 'opał, pragnienie' [Rymut 1991: 220];

**predьnъ(ji) l'udi: Forsderen. liudi*. – нем. полукалька слав. **perdьnъ(je) *l'udi*, ср. полукалька сложного гидронима *Vorder Pogobien, Pogauer See* [HW, I, № 514];

**presity: Fresiti* – этноним в форме мн. ч. эпонима *Presitъ*, ср. др.-рус. *Переѣсвѣтъ, Пересвѣтъ* [Тупиков];

**rudsi: Ruzzi* – этноним в форме мн. ч. эпонима **Rudsъ(jь)*, ср. польск. *rusy* ‘русые’, ИС *Rus* 1136 [Rymut 1991: 233] и др.-новг. *Русогость* [Васильев 2012: 183, 189, 195];

**sidicy: Sittici* – этноним в форме мн. ч. от топонима *Sidica;*

**smьldęzь: smeldingon* – слав. адаптация производного на *-ing-* то ли от и.-е. диал. основы **smeld-* ‘soft’, то ли от **(s)meld^{h}-* ‘молить(ся)’ (германизм);

**stadicy: Stadici* – этноним в форме мн. ч. от топонима *Stadica*?

**sъbyrodji: Sebbirozi* – этноним на *-ji* от эпонима *Sъbyrodъ*, ср. др.-рус. *Събыславъ Ярославичь* (1171) и *Събыслава Святопълкова* (1102) [Тупиков];

**sъrbi: surbi* – безусловно, этноним **Sьrbъ*;

**sьlężane: Sleenzane* – этноним на *-jane, -janinъ* от топонима **Sьlęzь(ja zemja)* < герм. **siling-*, ср. польск. ИС *Ślężek* 1415, *Ślązak* 1442, *Śledź* 1381 [Rymut 1991: 267];

**tadesi: Thadesi* – этноним в форме мн. ч. эпонима *Tadexъ*, ср. др.-новг. *Тагость* [Васильев 2012: 184, 192];

**topьnězi*: *Thafnezi* – этноним в форме мн. ч. эпонима *Topiněgъ*, ср. др.-рус. *Томинѣга* ‘томи негой’;

**traušo: Trauso* – др.-прусск. этноним, соответствующий лит. *traušus* ‘ломкий, хрупкий’, *traũšiai* мн. ч. ‘хвощ’, ст.-лтш. ФИ *Trousz*, производное от прилаг. *traušs* ‘хрупкий’, сродни позднепраслав. **trûχъ*, ср. чеш. *trouch* ‘лесная почва’, ст.-русск. ЛИ *Триха*, *Тришь*, ст.-русск. *трихъ* 'ленивый, печальный, мрачный' [Дуриданов 1976: 129];

**veletji / *vilzi: Vuilzi* – этноним на *-ji, -jь* от эпонима **Veletь*, ср. др.-новг. *Велѣтъ* [Васильев 2012: 287] или в форме мн. ч. ВН **Vilga*, ср. польск. гидроним *Wilga (Wilka* 1407), *rzeki Wilgi* [Rymut 1987: 263];

**velunjane: Velunzani* – этноним на *-jane, -janinъ* от топонима **Velunь*, ср. польск. *Wieluń* (*Velun* 1262), производное от гипокористики *Wielun* композита *Wielislaw* [Rymut 1987: 262], ср. др.-новг. *Велѣс(лав)ъ* [Васильев 2012: 337, 338, 339, 340], польск. гидронимы *Wielonka, Wielnianka* [HW, I, № 10, 374];

**verižane / *vьrt'ane: Verizane* – этноним на *-jane, -janinъ* от топонима **Veriga* 'вереница, нанизанное на нить', ср. др.-новг. *Верягъ* [Васильев 2012: 42, 343, 344, 345] или **Vьrtь*, ср. польск. гидронимы *Wiercioch jez. Wiercoch See, Wierczach See, Wrzecionek* jez. [HW, I, №№ 523, 601, 717];

**vidunьběri: Vuizunbeire* – редкий сложный этноним с гидронимом **Viduny* в составе, ср. польск. *Widuń jez. Widyń* [HW, I, №№ 586, 763];

**vilerodji: Vuillerozi* – этноним с суф. *-ji, -jь* от эпонима **Vilerodъ*, ср. др.-новг. ИС *Вильгость* [Васильев 2012: 181, 668] и польск. топонимы с основой *wiel-*: *Willenberg* [Rymut 1987: 262];

**visl'ane: Vuislane* – этноним на *-jane, -janinъ* от гидронима **Visla, Wisła* [HW, I, №№ 1, 53, 300, 748, 799, 802];

**zabrozi*: *Zabrozi* – этноним в форме мн. ч. эпонима *Zabrogъ*?

**žeravьci: Seravici* – этноним на *-(ьс)i* от топонима **Žeravьcь*, ср. польск. гидронимы *Żurawiec, Żurawia, Żurawica* [HW, I, №№ 124, 223];

**žvir'ane / *zvir'ane: Zuireani* – этноним на *-jane, -janinъ* от гидронима *Żwir / Zwir / Zwór, Żwirko staw* [HW, I, №№ 170, 176, 218, 282], ср. *Dzwierzut See, Dzwierzutno, Dzwierzuty jez.* [HW, I, № 529];

**žьnětalьci: Znetalici* – этноним на *-ьци, -ьць* от сложной основы **žьnětalь* с **žьněja* в составе, ср. польск. *Żniejn, Żniejna, Żniejno* (*Znein* 1136, *Zneyna* 1233), *Żnieno, Żnien, Żniena* (*Sneno* 1370, *Znen* 1450, *Znena* 1517) [Rymut 1987: 284].

Несмотря на очевидно инновационный характер производящих основ (преимущественно гипокористики старых антропонимов-композитов и адаптации субстратно-адстратной топонимии) преобладают архаичные словообразовательные модели (этнонимы на *-ьci* от гидронимов, на *-(j)ane* от топонимов, на *-ji, -i* и *-itji* от гипокористик сложных антропонимов). Отметим специфику ареального словообразования конфиксаций на *ob-...-ьci* от гидронимов.

Примечание

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по проекту 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

Литература и источники

Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.

Дуриданов И. Езикът на траките. София: Изд-во на БАН, 1976.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.: Тексты, перевод, комментарий // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993. С. 7–51.

Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1991 год / Ин-т всеобщей истории. М.: 1994. С. 35–40, 53–60.

Назаренко А.В. Империя Карла Великого: идеологическая фикция или политический эксперимент? // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 51–70.

Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год) / Ин-т всеобщей истории. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 167–168.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.: Академический проект, 2017. 540 с.

Тупиков *Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Наука, 2004.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва, А.Ф. Журавлёва, Ж.Ж. Варбот. Вып. 1–41. М.: Наука, 1974–2018.

HW – Hydronimia Wisły. Cz. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod redakcją Przemysława Zwolińskiego. Wrocław, Warszawa, Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1965. 470 s.

Rymut K. Nazwy miast Polski. Wydanie drugie uzupełnione. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Lódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo, 1987. 292 s.

Rymut K. Nazwiska Polakow. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo, 1991. 316 s.

A.C. Shaposhnikov
(Moscow, Russia)

EARLY ETHNONYMY OF THE SLAVS

The article presents etymological interpretations of 60 early West-Slavonic ethnonyms (about 820 AD) against the background of Old-Novgorod onomastics and Common Slavonic etymology. Despite the obviously innovative nature of the productive bases, archaic word-formation models prevail: ethnonyms on *-ьci* from hydronyms, on *-(j)ane* from place names, on *-ji, -i* and on *-itji* from hypocoristics of composita-names. The specific feature of the areal derivation is confixation (*ob -...- ьci*) of hydronyms.

Key words: ethnonym, eponym, toponym, hydronym, hypocoristics, anthroponym, etymology.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.112

Т.В. Шмелева
(Великий Новгород, Россия)

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГОРОДА КАК МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

Предлагается модель описания городской ономастики, которая представлена как ономастический портрета города. Модель включает три компонента: описание городских имен отдельных фрагментов городского пространства (хоронимы, годонимы и т д.); лингвистическое

описание городских имен в плане их временных и стилистических характеристик; описание городского ономастикона как поликодового феномена. Эффективность предложенной модели показана на материале Великого Новгорода.

Ключевые слова: ономастика, город, портрет, ономастическое пространство, городские имена, поликодовость, Великий Новгород.

Судя по тому, что о городских именах разных городов опубликовано более 500 работ, ономастика города стала одним из популярных направлений лингвистических исследований. При этом очевидно: большинство работ отличаются фрагментарностью, их содержание сводится к описанию одного типа имен – в рамках одного города, как, например, [Разумов 2010], или ряда городов [Разумов 2010а; 2014]. Между тем имеющихся теоретических идей и фактических данных уже достаточно для того, чтобы поставить вопрос о выработке моделей интегрального описания городского ономастикона [Подольская 1988: 98]. Одной из таких моделей может стать предлагаемый здесь ономастический портрет города.

Портретирование как исследовательская стратегия используется в лингвистике с 1980-х гг. Тогда появляются публикации, в названии которых фигурируют термины *языковой, речевой, звуковой, орфоэпический портрет*. В целом эта стратегия состоит в том, что для портретируемого объекта вырабатывается набор параметров, а затем они «примеряются» к данным конкретного объекта, что позволяет зафиксировать конкретные черты объекта, и в итоге – черта к черте – складывается портрет [Шмелева 2010]. Что касается ономастического портрета города, то его можно представить как три ряда черт.

Первый из них составляет «пофрагментное» описание городского ономастикона. Важнейший фрагмент – **имя города**, оно не только обозначает город, но и пронизывает массу городских названий в виде прилагательного или абброморфа. Кроме того, множество городов имеют онимическую биографию, что отражается в именовании различных объектов, такая история тоже оказывается частью ономастического портрета.

В городском ономастиконе первичны топонимы, или онимы **природного ландшафта** – названия рек или моря, островов, гор, оврагов. Природный ландшафт – это тот холст, на котором возникает картина города как культурного ландшафта. А имена его элементов часто служат производящими для имен городских объектов. Часто имя города – производное от топонима (*Москва, Вологда, Курск, Красноярск*).

Топонимам противопоставлены урбанонимы [Подольская 1988: 139], или имена культурного ландшафта, именующие всё, что составляет городскую среду. Первым из них может быть имя города, как в случае с Новгородом, Петербургом, Братском и др.

Среди урбанонимов любого города важнейшее место занимают **пространственные** – названия **территорий** (районов города, кремля, монастырей, парков,

кладбищ), **линейных** объектов (улиц, проспектов, набережных, мостов, шоссе) и «**точечных**» (площадей, остановок транспорта и станций метро, отдельных зданий, в том числе церквей, и памятников). Им противостоят и во многом зависят от них названия городских **институций** – разнообразных предприятий, учреждений, заведений.

Соотношение урбанонимов, сквозные имена, исторические изменения и переименования, – всё это характеризует городской ономастикон. Важно подчеркнуть, что такое описание для некоторых фрагментов может выглядеть как двойное: официальные имена часто сопровождаются неофициальными. Уже само это перечисление говорит о том, что первая часть ономастического портрета весьма объемна.

Следует отметить, что для разных типов урбанонимов сложилась ономастическая терминология, основная часть которой представлена в [Подольская 1988], другие предложены в ходе изучения городского ономастикона. Однако хорошо известно, что терминология городской ономастики требует обсуждения в научном сообществе и подготовки нового словаря [Разумов 2015, 2016; Мадиева, Супрун 2017]. Работа над ономастическим портретом города выявляет в сложившейся терминологии лакуны и избыточность для некоторых фрагментов городского ономастикона (например, заведений еды).

Второй ряд черт ономастического портрета города может составить собственно лингвистическая характеристика городских имен; при этом важно противопоставление онимических терминов и онимической лексики с учетом того обстоятельства, что одни могут становиться другими. Описание онимической лексики предполагает ее характеристики по таким параметрам, как апеллятивность / онимичность, новизна / архаичность, исконность / заимствованность, узуальность / окказиональность. В последние годы наряду с лексикой в качестве урбанонимов используется предикативные единицы, что важно отметить, предъявив список таких конструкций и их прецедентность [Шмелева 2017]. В этой части портрета получат отражение приемы языковой игры, характерные для данного города.

Третий ряд черт онимического портрета города составит описание городского ономастикона как поликодового феномена, т.е. представит взгляд на городские имена с позиций коммуникативистики и культуры. Здесь важно показать, какие коды представлены в ономастиконе конкретного города: персонный, ценностный, растительный, зоокод и др.; основы такого подхода изложены в [Шмелева 2019].

Таким образом, разграничение трех рядов черт в ономастическом портрете города позволяет увидеть и сам город, и лексику, и культурно-коммуникативные аспекты городских имен; при этом три аспекта городской ономастики позволяют видеть ее разные стороны; так предлагаемый подход обнаруживает дифференцирующие и интегрирующие стороны.

Продемонстрирован такой подход к описанию городского ономастикона будет на примере Великого Новгорода, что возможно сделать в рамках серьезного монографического описания. В данной работе можно привести конспекты двух начальных фрагментов этого описания – «Имя города» и «Хоронимы».

Имя *Новгород* относится к ономастическим универсалиям, эта модель реализуется во множестве стран. Однако стоит отметить, что исходно это двусловное наименование, в котором вплоть до XIX века склонялись обе части: *в Нове Городе*, *Нову Городу*. При этом существует и церковнославянская версия имени – *Новоград*, используемая в церковной словесности, в частности, в именовании митрополита Великого Новограда и Старорусского. Семантика новизны обязывает указывать точку предшествовавшего городу поселения, и этот не очевидный вопрос решается в пользу Рюрикова городища, что лингвистически подтверждается семантикой слова *городище* – ‘место, где был город’ (ср. *Ярославово дворище*). Сегодня семантика новизны создает смысловой эффект контраста, поскольку город – самый древний, т.е. старый в стране.

Имя *Новгород* известно с летописных упоминаний, за 1160 лет истории города оно никогда не менялось. Однако онимическая история у него есть – это история обретения, утраты и возвращения «титулов» *Господин Государь Великий*. Последний титул – свидетельство значительных размеров средневекового города (ср. Великие Луки, Великий Устюг), возвращение его городу в 1999 г. – дань памяти о прошлом. *Господин* означал независимость города, а *Государь* – его господство над обширными территориями (от этого слова образован и термин *государство*). Утрата титулов – языковое свидетельство потери Новгородом независимости и особого значения в государстве; подробнее в [Шмелева 2012].

Современный Великий Новгород официально не делится на районы, однако части города именуются в самых разных текстах. Термины такого именования различаются для старой и новой частей города. Старый город делится на *стороны – Софийскую и Торговую* (редкий хоронимический термин *сторона* находим еще в Старой Руссе и Петербурге – *Введенская сторона, Петроградская сторона*; интересно, что, если в Петербурге говорят *Петроградка*, в Великом Новгороде не используют универбов от названия сторон). Термин *сторона* – довольно старый, но его нельзя считать древним: в древности город делился на концы (*Плотницкий, Людин конец*).

По отношению к новым (послевоенным) частям города используют термин район / микрорайон – *Западный, Северный, Луговой, Псковский*, в последнее время появляются субстантивные названия – *Ивушки, Европа, Аркажи*. Кроме того, в состав города входят бывшие слободы, деревни и поселки, следовательно, появляются хоронимы *Антоново, Колмово, Деревяницы, Кречевицы, Волховский, Волховец*, что подтверждает общую тенденцию перехода ойконимов в хоронимы.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Новгородской области в рамках научного проекта № 18-412-530002 "Ономастический портрет Великого Новгорода: диалектика древнего и актуального".

Литература и источники

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. № 2. 2017. С. 115–125 // Режим доступа (свободный). URL: http://onomastics.ru/sites/default/ files/doi/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014.pdf [Дата обращения: 01.04.2019].

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Разумов Р.В. Топонимическая система дореволюционного Ярославля // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2010. Т. 1. № 2. С. 169–173.

Разумов Р.В. Названия городских районов в постсоветскую эпоху // Ономастика и общество: язык и культура. Материалы Первой Всероссийской научной конференции. Тамбов, 2010а. С. 121–124.

Разумов Р.В. Эволюция ономастической ментальности федеральной власти (на примере городских хоронимов 1930–1960-х гг.) // Ярославский педагогический вестник / Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2014. Т. 1. № 1. С. 115–122.

Разумов Р.В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2015. № 2. С. 14–19.

Разумов Р.В. Проект словаря русской ономастической терминологии "городское онимическое пространство" // Человек и мир в контексте современной лексикографии: межвузовский сборник научных статей. Науч. ред. В.В. Волков; отв. ред. И.В. Гладилина; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2016. С. 65–69.

Шмелева Т.В. Портретирование как стратегия лингвистического исследования // Записки Филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: Материалы международной научно-практической конференции. Великий Новгород: Филиал РГГУ в г. Великий Новгород, 2010. С. 193–197.

Шмелева Т.В. История государства Российского в названиях Великого Новгорода и его площадей // 1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории: Москва, 18 декабря 2012 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; сост. В.Б. Перхавко; Отделение историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2012. С. 321–333.

Шмелева Т.В. Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. 2017. № 5 (265). С. 14–18 // Режим доступа (свободный). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30508426 [Дата обращения: 03.03.2019].

Шмелева Т.В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. № 1. С. 49–66.

T.V. Shmeleva
(Veliky Novgorod, Russia)

ONOMASTIC PORTRAIT OF THE CITY: VELIKY NOVGOROD

A model of describing urban onomastics is proposed, which is presented as an onomastic portrait of the city. A model of onomastic portrait of the city, including three components: a description of the city names of the individual fragments of urban space (hodonimy etc.); linguistic description of city names in terms of their temporal and stylistic characteristics; description of the city onomasticon as policedog phenomenon. The effectiveness of the proposed model is shown by the material of Veliky Novgorod.

Key words: onomastics, city, portrait, onomastic space, city names, polycode, Veliky Novgorod.

ИСТОЧНИКИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.118

И.Ю. Анкудинов
(Великий Новгород, Россия)

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ТОПОНИМОВ НОВГОРОДСКИХ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ АКТОВ XII–XV ВВ.

В статье обосновывается необходимость локализации топонимов новгородских поземельных актов XII–XV вв. не только как точечных, но и как площадных объектов. Следует стремиться к очерчиванию (хотя бы приблизительному) границ земельных участков и нанесению их на современную крупномасштабную карту.

Ключевые слова: акты, грамоты, Новгородская земля, топонимика.

Общее количество сохранившихся новгородских актов периода независимости (до 1478 г.) составляет немного менее 400. Из них около 250 относятся к категории поземельных актов, фиксировавших различные сделки с земельными угодьями (купчие, данные, меновные, духовные и другие разновидности актов). По территориям эти акты распределены крайне неравномерно. Например, если с территории Подвинья происходит 150 актов, то от центральных районов Новгородской земли сохранилось лишь около сорока. Крайняя ограниченность источниковой базы по периоду XII–XV вв. (особенно для первых двух столетий этого периода) требует особенно тщательного анализа каждого из сохранившихся актов. Особенно важна для понимания проблем землевладения локализация всех топонимов, содержащихся в акте. Как писал С.З. Чернов, «поземельные документы нельзя считать полностью прочитанными пока не идентифицирована содержащаяся в них географическая номенклатура» [Чернов 1987: 9].

Хотя это требование относится к категории само собой разумеющихся, следует заметить, что исследователи обычно ограничиваются лишь соотнесением топонимов, содержащихся в конкретном документе, с теми или иными географическими объектами, даже не всегда показывая их на карте. (Правда, «традиция» обходиться в историко-географических исследованиях без карт была, во многом, обусловлена

требованиями цензуры советского времени и ограничениями, накладывавшимися на публикацию карт и планов. В последние десятилетия она активно преодолевается). Но даже в тех случаях, когда локализация топонимов доводилась до нанесения их на картографическую подоснову, исследователи чаще всего ограничивались нанесением их в виде точечных объектов (см., например, работу: [Марасинова 1966: 97–162]), не пытаясь очертить площади, соответствовавшие тем или иным географическим объектам. Исключения из этой общей тенденции немногочисленны (в качестве таких работ можно назвать, прежде всего, труды В.Л. Янина и С.З. Чернова [Янин 1977; 1981; Чернов 1989: 413–488; Чернов 1998] и др.).

Земельные угодья, являющиеся объектом сделок в поземельных актах, это почти всегда площадные объекты. Определение не только их примерного местоположения, но и общей площади и входящих в них видов земельных угодий, способно дать ценную дополнительную информацию по истории землевладения и земледелия периода средневековья.

Если в грамоте содержится описание границы, следует обязательно стремиться к такому результату исследования, каким является нанесение этой границы на современной крупномасштабной карте. Несомненно, какие-то участки границы земельного владения может оказаться невозможным локализовать с достаточной степенью точности. Но и в этом случае нельзя ограничиться лишь констатацией этого обстоятельства, а следует гипотетически показать разные варианты прохождения такой границы.

Но в большинстве сохранившихся поземельных актов описание границ участков отсутствует. Акты чаще всего лишь ограничиваются указанием на объект сделки без указания межевых ориентиров (типичная формулировка: «а межи – по старым межам»). Как представляется, в этом случае следует показать общую территорию и условные границы земельного владения в соответствии с материалами Генерального межевания конца XVIII в. (если нет более ранних картографических материалов). В качестве основных источников в этом случае следует использовать планы земельных дач, составлявшихся, как правило, в масштабе 100 саженей в дюйме (примерно 1:8400). Конечно, границы земельных владений, зафиксированные Генеральным межеванием, являются плодом длительного исторического развития, и совершенно не обязательно должны соответствовать границам средневекового времени, но они все же позволяют более конкретно представить размер земельного участка в период составления акта. Сведения писцовых книг конца XV–XVII вв. частично позволяют понять, насколько этот размер мог измениться за прошедшие столетия.

Кроме определения размеров земельного участка, локализация его границ дает сведения и о характере его ландшафта. Рельеф местности, характер почв, гидрорежим

местности и другие ландшафтные показатели относятся к категориям, мало меняющихся на протяжении нескольких столетий. Поэтому такая локализация (даже приблизительная) позволит дополнительно привлечь современные естественнонаучные данные, превратив их в полноценный новый исторический источник. Не говоря уже о том, что появляется возможность соотнести сведения письменного акта с данными археологии.

Именно на основе таких принципов я проводил работу по локализации топонимов актов центральных районов Новгородской земли [Анкудинов 1999; 2000; 2011; 2016; 2017]. Несмотря на трудоемкость работы, результаты себя полностью оправдывают, ибо дают новые материалы для понимания социально-экономической истории Новгородской земли XII–XV вв.

В заключение отмечу, что именно таких же принципов – стремления к полноте локализации и нанесения на карту не только точечных и линейных, но и площадных объектов – следует придерживаться и при локализации топонимов берестяных грамот и писцовых книг.

Примечание

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-01-00123 «Акты Новгорода и Новгородской земли XIII–XV вв. (новгородско-княжеские докончания, Обонежье, Вага, Подвинье): исследование и подготовка публикации».

Литература и источники

Анкудинов И.Ю. Историко-географический комментарий к грамоте Славенского конца новгородскому Савво-Вишерскому монастырю // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Материалы научной конференции, посвященной памяти В.И. Поветкина. Новгород, 25–27 января 2011 г. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 347–356.

Анкудинов И.Ю. Историко-географический комментарий к новгородской берестяной грамоте № 390 // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Т. 10. М.: Русские словари, 2000, С. 123–132.

Анкудинов И.Ю. Материалы к историко-географическому комментарию к грамотам Спасского Верендовского монастыря // Новгородский архивный вестник. Вып. 13. Великий Новгород, 2016. С. 3–13.

Анкудинов И.Ю. О землевладении Антониева монастыря в XVI в. (Материалы к комментарию к «купчей Антония Римлянина») // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 100–112.

Анкудинов И.Ю. Рядная крестьян сельца Робичицы с новгородским Юрьевым монастырем. Материалы к комментарию // Новгородский архивный вестник. Вып. 14. Великий Новгород, 2017. С. 3–11.

Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Московский университет, 1966. 213 с.

Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: Институт археологии РАН, 1998. 543 с.

Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа: Происхождение и семантика // Памятники культуры: Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 413–488.

Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта: по материалам древнего Радонежского княжества. М., 1987.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981. 296 с.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977. С. 40–79.

I.Yu. Ankudinov
(Veliky Novgorod, Russia)

LOCALIZATION OF TOPONYMS OF XII–XV CENTURIES NOVGOROD LAND ACTS

The article grounded necessity of XII–XV centuries Novgorod Land Acts toponymy localization on accurate individual and certain territorial section levels. The goal is – to outline (even approximately) the borders of historical land lot on modern large scale map.

Key words: acts, charters, Novgorod land, toponymy.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.121

А.А. Бурыкин
(Санкт-Петербург, Россия)

ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО ВОЛГЕ КАК ИСТОЧНИК ПОВОЛЖСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Путеводители по Волге, издающиеся с середины XIX века, в плане географической информации в основном являются компилятивными изданиями. Однако они представляют большую ценность как источник исторической информации о поволжских городах и их топографии – старые названия улиц, названия исчезнувших храмов, имена купцов и промышленников, названия предприятий и учреждений в основном тексте и рекламных приложениях, названия ныне не существующих географических объектов.

Ключевые слова: топонимика, ойконимы, эргонимы, личные имена, улицы, храмы, лексика, путеводители.

Путеводитель по определению должен быть источником ономастики и прежде всего топонимии описываемого региона. Путеводители по Волге, которые известны нам по изданиям с 1854 по 1941 г., содержат множество топонимов разных разрядов, часть которых ныне не существует по разным причинам: объекты исчезали (населенные пункты, храмы, природные объекты, относящиеся к бассейну Волги, разнообразные предприятия и учреждения) или подвергались переименованиям (населенные пункты, улицы). Одним из первых авторов путеводителя по Волге был известный художник-маринист А.П. Боголюбов (1824–1896), один из авторов книги «Волга от Твери до Астрахани» [Боголюбов 1862].

Попытаемся перечислить интересующие нас издания: [Судоходный дорожник 1854; Нейдгардт 1862; Кучин 1870; Турбин 1875; Рагозин 1880; 1881; Лендер 1889; Хренов 1893; Монастырский 1884; Виноградов 1897; Демьянов 1898; Лавров 1902; Безчинский 1903; Москвич 1903; Краткий путеводитель 1906; Петров 1908; Макарьевский 1907; Андреев 1910; Батуев 1915; Поволжье 1926; Макаров 1928; Поволжье 1930; Средняя Волга 1939; Путеводитель 1909; Путеводитель 1940]. Они информативны в разной степени и имеют индивидуальные особенности, однако по обилию объема содержащейся в них информации ни один из них несопоставим с современным аналогичным изданием [Буланов, Петрова 2005], которое им по всем статьям уступает.

Огромный объем историко-географической информации, содержащийся в путеводителях, относится к городам Поволжья: Ржев, Зубцов, Старица, Тверь, Корчева, Кимры, Калязин, Углич, Мышкин, Молога, Рыбинск, Тутаев, Ярославль, Кострома, Плес, Кинешма, Юрьевец, Балахна, Нижний Новгород, Макарьев, Васильсурск, Козьмодемьянск, Чебоксары, Свияжск, Казань, Тетюши, Симбирск (Ульяновск), Ставрополь (Тольятти), Самара, Сызрань, Хвалынск, Балаково, Вольск, Саратов, Камышин, Царицын, Астрахань. В статьях, посвященных городам, перечисляются отдельные части городов, церкви и монастыри (с историческими сведениями), различные учреждения, в том числе образовательные учреждения разного уровня, промышленные предприятия (часто с указанием владельцев), названия местных периодических изданий, гостиницы и рестораны. В большой массе эргонимов – названий промышленных и торговых предприятий, представленных как в статьях путеводителей, так и в рекламе, в изобилии помещаемой в некоторых путеводителях (в особенности в путеводителях общества «По Волге» (издавались с 1900 по 1909 г.) приводятся названия городских улиц, далеко не всегда соответствующих современным названиям.

Большую ценность представляют списки ойконимов – названий населенных пунктов на берегах Волги [Судоходный дорожник 1854; Боголюбов 1862; Кучин 1870; Рагозин 1880; Монастырский 1884; Виноградов 1897; Демьянов 1898; Москвич

1903; Безчинский 1903; Краткий путеводитель 1905; Поволжье 1930]. Во-первых, населенные пункты, которые обозначают многие ойконимы, в настоящее время не существуют или переименованы. Во-вторых, часто от этих ойконимов образуются названия других объектов.

Специфическая особенность путеводителей по Волге – описания и названия пристаней, названия пароходов, изменения в составе которых можно проследить почти на 100 лет, многочисленные названия мелей и перекатов, утратившие актуальность после строительства гидроэлектростанций. Издания этого типа содержат также интересные своды тематической лексики – названия товаров, названия мелких поволжских судов и т.п.

Названия порогов и мелей часто соотносятся с названиями ближайших населенных пунктов: «Мелких порогов от бейшлота до Ржева насчитывается 32, от Ржева до Твери – 8. Крупнейшие из них – Рог – в 35 верстах ниже бейшлота, и Бенский (35 саженей) в 49 верстах. Из прочих наиболее опасными считаются: Горышин, Луково, Конек, Водоприха, Бобровский остров, Старая голова, Федос, Чертов угол и Ржевский» [Безчинский 1903: 37]; «На 286 версте находится мель Балуевская. Здесь, для улучшения судоходства чрез мель, устроена плотина из рогоженных кулей, набиваемых землею. Она поддерживается обществом пароходства Самолет и исправляется крестьянами деревни Балуевой. На этой мели в мелководие стоят лошади для протаскивания чрез нее пароходов» [Боголюбов 1862: 65]; «Рыбинская пристань тянется на несколько верст и подразделяется на 9 частей. Первая находится в Рыбинске при соединении Шексны с Волгою и тянется по правому берегу последней до устья р. Черемхи. Вторая Пески при городской выгонной земле с частью городских строений. Третья Бутырская прилегает к земле купца Меншакова. Четвертая Тоговщинская при двух деревнях того же имени. Пятая Мягкинская при деревне Мягкой. Шестая Васильевская при селе того же имени. Седьмая Петровская при селе Петровском. Осьмая Абакумовская при селе Абакумове и девятая Никольская – при селе Никольском. Из них 1, 7 и 8 занимают главное место» [Боголюбов 1862: 72]. Таблица волжских мелей и порогов приведена в [Рагозин 1800: 351–359], описания их есть в [Судоходный дорожник 1854: 58, 60]; [Кучин 1870, 22, 40, 48, 72, 73, 90].

Наименования мелей и перекатов обозначаются соответствующими терминами. «На Волге много мелей. Те из них, которые тянутся на большое расстояние, преграждая течение во всю ширину реки, называются россыпями; мели, образующиеся при изгибах русла, носят название перекатов, а лежащие при берегах побочней; небольшие мели по середине реки именуются середками; подводные массы глины – печинами, а наносы мелкого камня – огрудками» [Нейдгард 1862: 4–5]. «Во многих местах при берегах Волги, повыше уровня воды, образовались песчаные косы,

а между ними и берегами заливы, называемые затонами. Волжские заливы также носят название заводей и проранов. В иных местах на дне русла попадаются древесные пни, именуемые карчами. На Волге множество островов, особенно в нижней ее части. Проливы между ними и берегами материка называются воложками. Протоки, соединяющие между собою воложки, именуются ериками, а протоки, отделяющиеся один от другого и теряющиеся в песках – подстебками» [Там же].

Далеко не все термины, встречающиеся в источниках, фиксируются региональными словарями, хотя многие из них вошли в терминологию речного судоходства [Неуструев 1914].

Путеводители по Волге содержат описания и названия типов судов и плавсредств, использующихся на Волге. А.П. Боголюбов в их числе называет *беляны*, *расшивы*, *ладьи*, или *межеумки*, *мокшаны*, *бакинки*. Кроме этих судов, ходят еще *унженки*, *коренные*, *бархоти*, *шитики*, *барки*, *полубарки*, *коломенки*, *суряки*, *асланки*, *паромы*, *кладные*, *тихвинки*, *соминки* и многие другие [Боголюбов 1862: 18]. Также этот автор приводит термины *кусовая*, *реюшка*, *живодная кусовая*, *ловецкая кусовая*, *эмбенская*, *бударка* [Там же: 401–402].

Вот интересный перечень волжских судов: «Въ этомъ году пришло къ Астрахани и разгрузилось судовъ: Белян – 1S. Асланок – 49. Прорезей – 3. Ботик – 1. Морских лодок – 27. Досчаников – 88. Завозень – 14. Морских кусовых – 109. Лодок – 87. Легко-парных – 1. Сплавных – 9. Барок – 50. Шитиков – 7. Бархотов – 1. Коломенок – 30. Расшив – 241. Кладушек – 40. Тихвинок – 19. Паромов – 2. Барж – 127. Полубарок – 18. Подчалков – 24. Полулодок – 1. Гусянок – 6. Мокшанов – 4. Свойских лодок – 7. Барханов – 8. Лодей – 14. Плотов – 3. Межеумок – 1. Каюков – 1, Пароходов – 20 – Всего 1,030 судов» [Там же: 404–405].

В Путеводителях по Волге содержатся интереснейшие материалы по названиям волжских пароходов: «Великая Княгиня Мария Павловна», «Пушкин», «Лермонтов», «Некрасов», «Тургенев». [Лендер 1889: 259], названия пароходов «25 октября», «17 год», «Парижская коммуна», Урицкий», «Академик Тимирязев», «Карл Либкнехт», «Ильич», «Володарский» и почтовой: «Гражданин», «Воронеж», «В. Молотов», «И. Сталин», «Колхозник» [Поволжье 1930: 78] В этом же издании упомянуты пароходы «М. Лядов», «Коммунистка», «Социализм», «Тифлис», «Красный Профинтерн» «Байрам-Али», «Кашгар», «Маргелан», «Наманган», «Социальная революция», «Бухара», «Иосиф Сталин» (б. Графиня), «Коммунистка» (б. Княгиня), «Волга», «Кама», «Нева», «Большевик» (б. Рязань), «Мантурово», «Успех», «Г. Успенский» [Поволжье 1930: 244].

Есть указания на названия пароходов, принадлежащих разным обществам. Вот что сказано об обществе «Самолет»: «В настоящее время общество обладает 31 пассажирским пароходом, которые совершают постоянные рейсы по всей

длине Волги, разбиваясь на три плеса. Между Тверью и Рыбинском (верхний плес) ходят: «Щедрин-Салтыков» (новый пароход американского типа, сооружен в 1902 г.), «Серов», «Даргомыжский», ««Глинка», «Юнона», «Сильфида», «Дриада» и «Наяда». Отъ Рыбинска до Нижнего – (средний плес) американского типа: «кн. Василий Костромской», «кн. Андрей Боголюбский», «кн. Юрий Суздальский», «кн. Михаил Тверской», «кн. Скопин Шуйский», «кн. Федор Ярославский» и однодечные (однопалубные) «Поспешный», «Проворный» и «Быстрый». Между Нижним и Астраханью (нижний плес) – «Гоголь», «Геннадий Ратьков-Рожнов», «Островский», «Гончаров», «Достоевский», «Александръ Грибоедов», «Гр. Лев Толстой»», «Владимир Ратьков-Рожнов», «Тургенев», «Некрасов», «Пушкин», «Лермонтов», «В. Кн. Мария Павловна» и «Жуковский» – все американского типа» [Москвич 1903: 380].

Пароходы общества «Кавказ и Меркурий»: Пароходы эти следующие: скорые (почтовые) – ««Императоръ Александръ II», «Фельдмаршал Суворов», ««Цесаревич Николай», «Цесаревна Мария», «Вел. Кн. Ольга Николаевна», «Константин Кауфман» и пассажирские – «Вел. Кн. Ксения», «Императрица Екатерина II», «Вел. Кн. Владимир», ««Владимир Мономах», «Святославъ». «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Петр Великий» и «Олег Вещий» [Там же: 384].

Пароходы общества «По Волге»: «В настоящее время флот общества состоит из 4 буксирных пароходов – «Волга», «Самсон», «Геркулес», «Жуковский Затон» и 18 пассажирских – «Имп. Николай II», «Имп. Александра», «Императоръ», «Императрица», «Самодержецъ», «Государь», «Царь», «Царица», «Князь», «Княгиня», «Царевич», «Царевна», «Боярин», «Боярыня», «Дворянин», «Дворянка», «Крестьянин» и «Крестьянка», 11 барж и 34 плавучих пристаней» [Там же: 385–386].

Пароходы общества «Надежда»: «Ломоносов», «Карамзин», «В. К. Алексей», «В. К. Кирилл». «П. Чайковский», «Хр. Колумб», «Ориноко», «Ниагара», «Миссури». «С. Витте», «Северъ», «Дмитрий», «Зарубин» (по имени судовладельца М.П. Зарубина), «Рыбинск», «Усердный», «Бр. Дерюгины», «Конструктор Тюрин» (переименован в «Олег» в 1915 г, в «Рылеев» в 1934 г. списан в 1957 г., см. [http://www.oldriver.ru/ships/index.php?mode=s&Lt=&ID=633&IID= Библиотека корабельного инженера Е.Л. Смирнова; http://www.oldriver.ru/SB/Ships.html]), «Коммерсантъ», «Аризона», «Флорида», «Кострома», «Трудолюбивый». «Отважный», «Каменецъ», «Митя», «Теорий», «Зевеке», «Бриллиантъ», «Жемчужина», «Рубин», «Алмазъ» «Онтарио», «Россия», «Изумруд», «Алабама», «Аляска», «Мушъ», «Ванъ», «Бамбак», «Батум», «Мерв», «Пир-Базар», «Дагестан», «Дуэль», «Атрек», «Севанъ», «Эвелина», «Ани», «Алесгер» и «Занг» [Там же: 390].

Система названий волжских пароходов на вторую половину XIX – начало XX веков включает августейших особ – государя, государыни и великих князей,

наименования фамильных титулов, причем наряду с нетитулованными сословиями («Крестьянин», «Крестьянка»), имена выдающихся людей России, внесших вклад в политику, науку, культуру, а также топонимы, так или иначе связанные с Поволжьем. Географические названия США использовались для наименования пароходов американского типа. Примерно по тем же принципам выстраивался состав названий волжских пассажирских пароходов до настоящего времени.

В путеводителях часто встречается специфическая прибрежная и городская топонимика – термины *затон*, *съезд*, *элеватор*, а также, как мы отмечали, многие термины, относящиеся к характеру берегов и рельефу речного дна.

Путеводители по Волге второй половины XIX – первой половины XX вв. представляют собой оригинальный, ценный и весьма интересный источник по истории и культуре России, в частности, поволжского региона. Ономастика, представленная в них, разнообразна по своим разрядам и, без сомнения, должна учитываться при исследовании топонимии Поволжья, в особенности топонимии городов, при изучении антропонимии как основе эргонимических моделей для русского языка XIX – начала XX вв., при изучении состава эргонимов Поволжья этого периода.

Литература и источники

Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме: С видами городов и достопримечательностей. М.: Типо-лит. т-ва В. Чичерин, [1910]. 296, [23] с.

Батуев А. Волга от Твери до Астрахани. М.: Т-во «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», 1915. 142 с.

Безчинский А. Путеводитель по Волге. М.: Т-во И. Н. Кушнерева и Ко, 1903. 374 с.

Боголюбов Н.П. Волга от Твери до Астрахани. СПб.: Изд. О-ва «Самолет», 1862. VIII. 415 с.

Буланов С., Петрова И. и др. Речные круизы по Волге. М.: Аякс-Пресс, 2005. 165 с.

Виноградов В.И. Иллюстрированный спутник по всей Волге. Нижний Новгород: Типо-литография И.М. Машистова, 1897. [14], 160 с.

Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге (от Твери до Астрахани) 1898. Изд 4-е Н.В. Клюкина. Нижний Новгород, 1898. 359 с.

Краткий путеводитель 1906 – Краткий путеводитель по Волге. С.-Петербургская Компания «Надежда». СПб.: Компания "Надежда", 1906. 144 с.

Кучин Я.П. Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью / Сост. Я. Кучин. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: изд. Я.П. Кучина, 1870. [6], 258 с.

Лавров С.Е. Справочно-коммерческий спутник по городам Поволжья и центральной России / Сост. и изд. двор. С.Е. Лавров, чл.-соревнователь Попечительства о домах трудолюбия и работн. домах в С.-Петерб. Вып. 1. Самара: Земск. тип., 1900. 124, [2] с.

Лендер Н. Волга. Очерки и картины. СПб.: изд. Пароходного общества Самолет, Типография А.С. Суворина, 1889. 299 с.

Макаров Н.Н. На лодке от Москвы до Астрахани. М.: Молодая Гвардия, 1928. 56 с.

Макарьевский Ф.И. Иллюстрированный путеводитель по Волге: Тверь – Астрахань. [Нижний Новгород], 1907. 121 с.

Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге. Иллюстрированный спутник по Волге. Казань: Типо-литография Ключникова, 1884. 512 с.

Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Одесса, 1903. XXVI, 425 с.

Нейдгардт П.П. Путеводитель по Волге / Сост. П.П. Нейдгардт. СПб.: тип. В. Безобразова и К., 1862. 18, 102, 120 с.

Неуструев С.П. Словарь волжских судовых терминов: объяснение современных и старинных слов, в связи с историей волжского судоходства: с рисунками в тексте [старинных и современных судов и портретом автора]. Н. Новгород: Типо-лит. Г. Искольдского, 1914. 320 с.

Петров А.П. Вся Волга. Путеводитель, Справочник и Адрес-Календарь 1908 год. Казань, 1908. 208 с.

Поволжье 1926 – Поволжье. Путеводитель по Волге Оке, Каме, Вятке и Белой / Под ред. В.П. Семенова Тян-Шанского. Л.: Волж. гос. пароходство и Транспечать НКПС, 1926. VIII, 591 с.

Поволжье 1930 – Поволжье. Справочник-путеводитель 1930 г. / Сост. Ю.М. Бочаров, Г.Г. Ситников, И.И. Феденко. М.: Издание Управления Волжским государственным речным флотом, 1930. 296, [2] с.

Путеводитель 1909 – Путеводитель по реке Волге. Пароходного Общества 1843 г. СПб., 1909. 127 с.

Путеводитель 1940 – Волга. Путеводитель по рекам Волжского бассейна на навигацию 1940 года. М.: Речиздат, 1940. 273 с.

Рагозин В. Волга. Том 1. Географическое описание. От истока Волги до слияния ее с Окой. СПб.: Типография К.К. Ретгер, 1880. 411 с.

Рагозин В. Волга. Том 2. От Оки до Камы. СПб.: Типография К.К. Ретгер, 1881. 469 с.

Средняя Волга 1939 – Средняя Волга. Справочник-путеводитель. Куйбышев: Газета «Сталинец», 1939. 194 с.

Судоходный дорожник 1854 – Судоходный дорожник Европейской России, издаваемый главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Ч. 1. Река Волга от Астрахани до Рыбинска. СПб., 1854. IX, CLXXX, 271 с.

Турбин С.И. Волга и Поволжье / сост. С. Турбин. СПб.: Общественная польза, 1875. 111 с.

Хренов А.П. По Волге (от Нижнего Новгорода до Астрахани). СПб.: Типо-литография Э. Аргольда, 1893. 124 с.

A.A. Burykin
(Saint-Petersburg, Russia)

VOLGA GUIDES AS A SOURCE OF THE POVOLZH'E ONOMASTICS

Volga guides, published since the middle of the XIX century, in terms of geographic information are mainly compilation editions. However, they are of great value as a source of historical information

about the Volga cities and their topography – old street names, names of lost temples, names of merchants and industrialists, names of enterprises and institutions in the main text and advertising applications, names of nowadays existing geographic objects.

Key words: toponymy, oikonyms, ergonyms, personal names, streets, temples, vocabulary, guidebooks.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.128

Л.Н. Верховых
(Борисоглебск, Россия)

АНТРОПОНИМИКОН РЕВИЗСКИХ СКАЗОК КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ФАМИЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматривается антропонимикон ревизских сказок по Новохоперскому уезду Воронежской губернии начала XIX века. На основании анализа фамилий устанавливаются особенности формирования фамильной системы в Воронежском крае, отражающие влияние как собственно языковых, так и общественно-исторических процессов. Изучаемый антропонимический материал свидетельствует о незавершенности процесса формирования фамильной системы в воронежском антропонимиконе начала XIX века.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, ревизские сказки, Воронежская область, русская фамильная система.

Особое значение в исследовательской деятельности по изучению имен собственных приобретают ревизские сказки, сохраняющие уникальный фонд именований человека. Антропонимикон ревизских сказок – это своего рода ключ к пониманию сложного процесса становления русской фамильной системы, обусловленного как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Архивные данные наиболее ярко демонстрируют связь фамилий с общественно-историческими процессами, историко-культурным наследием.

Анализ антропонимикона ревизских сказок, в которые вносились сведения о составе жителей населенных пунктов, позволяет говорить о том, что фамилии крестьянства действительно формируются в XIX веке, как о том пишет В.А. Никонов [Никонов 1970: 91–92].

Ревизские сказки Новохоперского уезда Воронежской губернии начала XIX века – интереснейший источник изучения особенностей развития русской фамильной системы. Нами изучен антропонимикон ревизских сказок за 1816 год по деревне Елань (Княжая), селу Елань и селу Красное (Красненькое) Новохоперского уезда

Воронежской губернии с целью установления особенностей формирования русской фамильной системы.

Ревизские сказки отражают разные типы именований человека, включая не только личные имена, но и номинации, указывающие на родственные отношения между членами семьи, – патронимы, двойные патронимические номинации, родовые прозвания.

Проведенный анализ позволил установить значительное влияние экстралингвистических факторов на формирование фамилий. Влияние социума на развитие антропонимикона проявилось в том, что обладателями фамилий в наиболее ранние периоды развития русской фамильной системы становились привилегированные классы людей, а крестьянство получало фамилии значительно позже.

Рассматриваемый языковой материал в основном представлен именованиями крестьян, данные о помещиках единичны. Следовательно, изучая антропонимикон ревизских сказок, можно говорить об особенностях формирования фамильной системы крестьянства в XIX веке.

Фамильная система ярко отражает региональные языковые и общественно-исторические процессы, взаимодействие языков и культур. Данную особенность отмечает В.И. Супрун: «В фамилиях находят отражение фонетические, словообразовательные, лексико-семантические черты русских говоров, с помощью антропонимии могут быть восстановлены лакуны в русской диалектологии. В антропонимах всех видов обнаруживается межъязыковое и межкультурное взаимодействие» [Супрун 2000: 8].

Именования XIX века дают представление об особенностях жизни, быта человека того времени, о его миропонимании. Г.Ф. Ковалев пишет о том, что русские фамилии несут в себе ценнейшую историческую информацию, с помощью фамилий можно узнать, «какие профессии здесь бытовали, что ели наши предки, что было для них образцами красоты или уродства», «с помощью фамилий можно узнать не только наиболее вероятных первопоселенцев, но и узнать, откуда они пришли» [Ковалев 2014: 242].

В ревизских сказках обнаруживаем фамилии, основа которых содержит указание на род деятельности человека: *Бондарев* [ГАВО, И-18, оп. 1, д. 205, л. 746, 830, 842 (далее будем указывать только номера листов)], *Гончарев* [л. 787, 863, 897, 849] и *Гончурев* [л. 787], *Ковалев* [л. 820, 854], *Кучерев* [л. 771, 869], *Мельников* [л. 870], *Мирошников* [л. 803], *Певоваров* [л. 794], *Писаренков* [л. 828], *Резников* [л. 899], *Решетников* [л. 777, 865, 873], *Соляников* [л. 734], *Ткачев* [л. 800, 854, 855, 860], *Чебаной* [л. 734], *Чумаков* [л. 833] и др.

Видимо, ранее (до начала XIX века) в населенном пункте были широко представлены такие ремесленники, как бондарь, гончар, кучер, мельник, решетник, ткач,

чумак, пивовар, писарь, резник (мясник), соляник (мастер соляного дела), чабан (пастух овец), чумак и др.

Исторические источники подтверждают наличие данных ремесел в Воронежской губернии в XIX веке. Например, в «Материалах для географии и статистики России…», собранных В. Михалевичем, указано, что среди промыслов и ремесел в Воронежской губернии широко распространены ткацкий и вязальный, сапожное мастерство, прасольство (откорм волов для дальнейшей продажи), плотничество, каменотесное и гончарное дело, кузнечное дело, канатноверевочное производство, извозничество и чумачество (перевозка различных товаров, продажа сушеной или вяленой рыбы, соли), бурлачество, личный наем, содержание постоялых дворов [Материалы 1862: 246–249].

Антропонимикон ревизских сказок по селу Красное довольно четко дает возможность проследить взаимовлияние русской и украинской языковых культур. Если влияние украинского языка на русский отразилось на фонетическом, лексическом и словообразовательном уровнях, а именно в наличии в лексеме украинского корня или украинского суффикса *-енк-(о)* и в особом произношении звуков (см. *Зозулин* [ГАВО, л. 883] от *зозу́ля* ‘кукушка’, *Жевтиков* [л. 830] от *жо́**в**тий* ‘желтый’, *Жучилин* [л. 830] от *жу́ковий* ‘очень черный’, *Калюжной* [л. 805, 899] от *калю́жа* ‘лужа’ и др.; *Аврам**енк**ов* [л. 881] *Агафон**енк**ов* [л. 813], *Васильч**енк**ов* [л. 765], *Гаврил**енк**ов* [л. 747], *Глущ**енк**ов* [л. 733, 817, 818, 819, 912] и др.), то влияние русского языка на фамилии малороссиян (украинцев) состояло в постепенном процессе русификации фамилий с суффиксом *-енк- (о)*.

В ревизских сказках отражены уже русифицированные лексемы с двумя фамильными суффиксами: *-енк- и -ов-/-ев-*: *Белашенков* [ГАВО, л. 891], *Василенков* [л. 805], *Ермолаенков* [л. 871], *Игнатенков* [л. 768], *Ильенков / Ильченков* [л. 768, 786, 907], *Глущенков* [л. 733, 817, 818, 819, 912], *Рыженков* [л. 768, 837], *Рыбальчинков* [л. 755], *Сильченков / Сильчинков, Соколенков* [л. 877, 878] и др.

Главной особенностью русской фамильной системы начала XIX века, по данным ревизских сказок Воронежской губернии, является продолжающееся формирование фамильной системы. Данный процесс формирования в воронежском антропонимиконе в начале XIX века еще не был завершен.

В ревизских сказках по селу Красное именование главы семейства включает два патронима (по-видимому, один из них дан по деду), имеющие фамильные форманты; сыновья же главы семьи могут записываться как через указание только на отца (*Никитин сын Иван*), так и через указание на отца и деда (*Наума Матвеева сын Григорий*). При записи третьего поколения также включается указание на деда, при этом один из патронимов отца не используется: *Никита Федоров Туренков, Никитин сын Иван, Ивана Никитина сын Федор, Илья Федоров Туренков, Ильин сын Барис, Василий Федоров Туренков, Васильев сын Давид* [ГАВО, л. 716] и др.

В ревизских сказках по деревне Елань (Княжая) при записи главы семьи фиксируется только один патроним: *Федор Иванов, Федора Иванова сын Лаврентий, Лаврентия Федорова сын Савватий* [ГАВО, л. 392]; *Игнат Васильев, Игната Васильева сын Петр, Петра Игнатова дети Сафрон, Тит, Андрей, Иван. Игната Васильева другой сын Ипатя* [л. 495]. Здесь также члены одной семьи записаны с разными именованиями: *Федор Иванов – Лаврентий Федоров, Игнат Васильев – Петр Игнатов* и др.

В записях по селу Елань двойное именование по отцу и деду встречается один раз: *Семен Степанов сын Гончаров* [ГАВО, л. 400–403], но при этом следующее именование этого же человека не содержит слова *сын*: *Семена Гончарова дети Гарасим, Григорий* [Там же], так же, без использования слова *сын,* употреблен и патроним *Семенов*: *Иван Семенов, Ивана Семенова дети Автамон, Семен, Сафрон, Михаила* [Там же]. В этом случае мы сталкиваемся с переходным этапом в употреблении антропонима: патроним приобретает признаки фамилии, указывается родовая принадлежность человека и при этом не употребляется слово *сын*.

Приведенные примеры дают понимание о пока еще неустойчивости русской фамильной системы в данный период времени: члены одной семьи – дед, сын и внук – имеют разные именования: *Никита Федоров Туренков, Никитин сын Иван,* он же *Иван Никитин, Ивана Никитина сын Федор; Григорий Иванов Склярев, Григория Иванова сын Андрей,* он же *Андрей Григорьев, Андрея Григорьева сыновья Павел, Петр, Семен Григорьев Склярев, Яков Федоров Склярев, Якова Федорова брат Никита, Григорий Петров Склярев* и др.

Отмечены случаи функционирования патронима и во втором поколении: *Григорий Иванов Склярев, Григория Иванова сын Андрей, Андрея Григорьева сыновья Павел, Петр, Семен Григорьев Склярев* [ГАВО, л. 731], что дает возможность говорить о начальном этапе складывания категории фамилии в воронежском антропонимиконе. Приведенный пример позволяет уже отнести антропоним *Склярев* к фамилиям, поскольку он относится к представителю старшего и младшего поколения. По В.А. Никонову, «требование «не меньше двух поколений» – единственный способ отличить фамилию от скользящего дедичества или второго отчества (образованного из второго имени отца)» [Никонов 1974: 177].

Таким образом, антропонимикон ревизских сказок является надежным источником для изучения особенностей развития русской фамильной системы.

Литература и источники

ГАВО – Государственный архив Воронежской области, ф. И-18. Оп. 1. Д. 205. Ревизские сказки по г. Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии, 10 марта – 6 августа 1816 г. Д. Елань, Княжая и с. Елань. Лл. 392–495. С. Красное. Лл. 716–915.

Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.

Материалы 1862 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. Сост. В. Михалевич. СПб., 1862. 416 с.

Никонов В.А. До фамилий // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 83–93.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 279 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. в виде науч. доклада… докт. филол. наук. Волгоград, 2000. 77 с.

L.N. Verkhovykh
(Borisoglebsk, Russia)

ANTHROPONYMY OF REVIZSKAYA SKAZKA AS A SOURCE OF STUDY OF THE FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAMILY SYSTEM

The article deals with the anthroponymicon of Revizskaya skazka in Novokhopyorsk district of Voronezh province of the beginning of the 19th century. Based on the analysis of surnames, the author establishes features of formation of the family system in Voronezh region. These features reflect the influence of both the actual language and socio-historical processes. The studied anthroponymic material testifies the process of forming the family system in the Voronezh anthroponymy of the beginning of the 19th century is incomplete.

Key words: onomastics, anthroponymy, Revizskaya skazka (Revision list), Voronezh region, Russian family system.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.132

Р.В. Гайдамашко
(*Санкт-Петербург, Россия*)

КОМИ-ЯЗЬВИНСКАЯ ОНОМАСТИКА (БАССЕЙН ВИШЕРЫ, ЛЕВОГО ПРИТОКА КАМЫ) В ТРУДАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В настоящей заметке рассмотрена возможность изучения ономастики язьвинских пермяков на материале печатных трудов конца XIX – начала XX вв. (авторы С. Нюман, А. Генетц, Н.П. Белдыцкий, И.Я. Кривощеков). Показано, что эти труды имеют высокий потенциал для изучения исторической ономастики язьвинских пермяков, содержат ценные сведения социолингвистического и этнокультурного характера, а также уникальные варианты онимов.

Ключевые слова: историческая ономастика, ономастика Прикамья, Пермский край, Красновишерский район, Соликамский район, финно-угорские языки, пермские языки, коми языки.

1.1. Бассейн реки Язьвы (левый приток Вишеры, левого притока Камы), водосборная площадь которого занимает 5900 км^2, поделен между двумя районами Пермского края (Красновишерский и Соликамский). В среднем течении реки, ныне полностью в пределах Красновишерского района, на значительном расстоянии от двух основных коми языковых массивов проживает этнолокальная группа язьвинских коми (иначе – коми-язьвинцы, язьвинцы, язьвинские пермяки), еще не окончательно ассимилированных русскими и забывших родной язык. При этом очевидно стремительное угасание коми-язьвинского идиома – численность коми в бассейне Язьвы за три четверти столетия (от Всесоюзной переписи 1926 г. до Всероссийской переписи 2002 г.) сократилась более чем в семь раз – с 3163 до 436 [Народы 2014: 238].

1.2. История целенаправленного изучения коми-язьвинцев насчитывает всего около 130 лет. Несмотря на то, что языку и традиционной культуре язьвинских пермяков посвящено значительное количество работ (уже в 2002 г. Г.Н. Чагин насчитывал почти 120 специальных публикаций [Чагин 2002: 4], и даже эта цифра кажется нам заниженной), коми-язьвинская ономастика и поныне собрана крайне неравномерно и исследована в недостаточной степени. Из сочинений, в которых непосредственно анализируется язьвинская ономастика, прежде всего необходимо назвать соответствующие разделы книг В.И. Лыткина [Лыткин 1961: 4–21], А.К. Матвеева [Матвеев 2008: 58–59, 72, 219–220, 334] и Г.Н. Чагина [Чагин 2004: 46–47], а также статьи [Миролюбова 1983; Смолина 1984; Мусанов 2008; Смирнов 2012: 74–75]. Не угасает интерес к теме и в наши дни, см., например, [Боброва 2018]. Как правило, исследователи рассматривают ономастику язьвинских пермяков преимущественно в синхронном аспекте. Меж тем известно об изобилующих материалом публикациях до начала XX вв., которые могут быть полезны при сопоставлениях в диахронном аспекте (приближение к теме см. в статье [Тимохова 2002]).

1.3. В настоящей заметке рассматривается возможность изучения ономастики язьвинских пермяков на материале печатных трудов конца XIX – начала XX вв. Изучение материалов этих трудов позволяет проследить за историческим развитием ономастической системы региона. Картографические материалы и разнообразные рукописи более раннего времени (например, писцовые и переписные книги, юридические и имущественные акты XVI–XIX вв. и др.) оставлены за пределами рассмотрения.

Представляемые материалы не претендуют на предельную полноту, поэтому будут уточняться и дополняться. Если в ссылке в квадратных скобках дан(ы) только номер(а) страниц(ы), значит, она отсылает к соответствующему источнику, обсуждаемому в разделе.

2.1. Первым опубликованным текстом, посвященным язьвинским пермякам, можно считать путевые заметки, вышедшие из-под пера Северн Нюмана (*Severi Nyman*, 1865–1924). В поездке к язьвинцам, удмуртам и мордве весной и летом 1889 г. доцента Хельсинкского университета А. Генетца (см. далее в 2.2) в качестве спутника и помощника сопровождал студент Северн Нюман, который напечатал свои путевые наблюдения в виде писем в главной в то время финской газете «*Uusi Suometar*» (всего со 2 июня по 15 августа было опубликовано 4 письма о язьвинцах и удмуртах). В 2004 г. эти письма были изданы под одной обложкой на русском языке [Nyman 1889 (2004)] (то же самое см. в [Лаллукка, Чагин 2005]; также ранее были опубликованы два первые письма, касающиеся коми-язьвинцев [Лаллукка, Чагин 2002]).

Заметки С. Нюмана имеют в основном историческую и этнографическую ценность, хотя в них встречаются и язьвинские онимы: д. *Антипина* [10], село *Верх-Язьва* [6, 7, 9, 10], д. *Паршакова* [6, 7, 9, 10], житель Паршаковой *Филипп Куприянович* и его дочь *Маша* (в доме которых С. Нюман и А. Генетц жили во время экспедиции) [11], р. *Язьва* [7, 10].

2.2. Сами язьвинские пермяки первым собирателем и исследователем своего языка считают финского исследователя, поэта, педагога и политика Арвида Генетца (*Arvid Oscar Gustaf Genetz*, 1848–1915), который в течение примерно месяца, с начала мая по начало июня 1889 г. записывал материал в деревне Паршаковой [Korhonen 1986: 115–116] и опубликовал результаты экспедиции в журнале Финно-угорского общества в виде отдельного оттиска на 57 страниц [Genetz 1897]. Это сочинение на немецком языке состоит из трех разделов: 1) глоссарий (*Wörterverzeichnis*) [5–33], 2) образцы речи с переводом (*Sprachproben mit Übersetzung*) — две сказки и две песни [35–45], 3) грамматический (*Grammatikalisches*) [47–57].

Предуведомление к этому сочинению [3–4] содержит два язьвинских онима: *Dorf Parschakowa* (д. Паршакова) и *Wolost Werch-Jaswa* (Верх-Язьвинская волость) [3]. Во втором разделе в одной из песен упоминается гидроним *Pult* (Пулт – правый приток Язьвы), антропонимы *Fíĺa* (Фи́ля) и *Yŕína* (Ири́на? Ӱри́на? — в транскрипции А. Генетца *y* – огубленный гласный верхнего подъема средне-переднего ряда, который позже традиционно стали обозначать буквой *ӱ*) [39], в другой песне – антропоним *Dúda* (Ду́да) и название загадочной местности *Áńćuška* (Анчушка): *Dúda, te, Dúda, Kətəń, Dúda, vőĺin? – Áńćuškan vőĺi* (Дуда, ты, Дуда, Где, Дуда, был? – В Анчушке был) [39].

2.3. Упоминаются язьвинские онимы и в произведениях Николая Петровича Белдыцкого (1869–1928), пермского журналиста и писателя, в служебных поездках хорошо изучившего Чердынский уезд и Прикамский Север в целом. Его путевой очерк о поездке на Вишеру первоначально был опубликован на страницах газеты «Пермские губернские ведомости», а позже издан отдельной брошюрой [Белдыцкий 1899]. Хотя сам Н.П. Белдыцкий в этом путешествии не заезжал

к язьвинцам, в своем очерке он приводит некоторые ономастические данные, относящиеся к бассейну Язьвы (в том числе извлеченные им из местных рукописей): с. *Верх-Язьва* [27], *Егор Андреев Соловаров*, «ясашный новокрещенный вогул», сотник, житель с. Верх-Язьвы в 1775 г. [27], *Иосиф Собянин*, священник в Верх-Язьве в 1775 г. [27], д. *Колчим* [8], *Кондратий Семенов Бахтияров*, «ясашный новокрещенный вогул», житель с. Верх-Язьвы в 1775 г. [27], *Рождественская церковь* в Верх-Язьве [27], *Терентий Б-в*, т. н. «вишерский князь», уроженец д. Колчим [8], р. *Язьва* [3].

2.4. Грандиозный ономастический материал содержится в известном труде коми-пермяцкого краеведа и географа Ивана Яковлевича Кривощекова (1854–1916) «Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии» [Кривощеков 1914]. Только на две первые буквы алфавита словарь содержит следующие примеры разных типов коми-язьвинских онимов.

Гидронимы: р. *Выдерка* [190], р. *Колчим* [176, 178, 188, 190, 227], р. *Мель* [192, 198], р. *Молмас* [176, 178, 188, 190, 192, 229, 246] (вариант *Молмос* [227]), р. *Пудья* [176], р. *Пульт* [229] (совр. *Пулт*), р. *Чепел* [192, 229, 246] (совр. *Цепел*), р. *Шудья* [192, 229], р. *Язьва* [176, 178, 188, 190, 192, 194, 198, 217, 227, 229, 245, 246].

Оронимы (имеют точную географическую привязку и нередко сопутствующую информацию историко-культурного характера): *Антипинская гора* (высокая гора правого берега Язьвы, где расположены Верхняя и Нижняя Антипина) [188], *Бабушка-Из* («береговая скала, стоящая одиноким чурком несколько вдали от реки, в полуверсте от д. Коноваловой») [194], *Балабан*/*Балбан* (береговая скала на правом берегу Язьвы в версте ниже д. Сюиба) [198], *Володина грива* (скалистый выход известняка в версте выше Антипиной по Язьве, обрываемый поймой Язьвы; «была местом гульбища чуди») [188], камень *Кудакул* (около устья р. Мель) [198].

Антропонимы: *Бычин Лаврентий* [190], *Бычин Петр* [190].

Комонимы: выс. *Абрамов* [176, 178], д. *Аксенова* [178], д. *Антипина* [189, 217, 227], д. *Арефина* (= поч. *Орефин на Язьве*, 1579 [190]) [190, 227], выс. *Артамонов* [192], выс. *Болото* [217], д. *Большая Шелеметьева* («население деревни полуобруселые пермяки, уже забывающие свой родной язык») [229], д. *Большое Заполье* («население деревни полуобруселые пермяки-старообрядцы») [227], *Бычина* [246], поч. *Бычков* [246], *Верхняя Антипина* [188], д. *Верхняя Бычина* (= *Маркова* [245]) [245, 246], село *Верх-Язьвинское* [188, 189, 246], д. *Коновалова* [194], *Малая Шелеметьева* [229], *Нижняя Антипина* [188], д. *Нижняя Бычина* [245, 246], д. *Паршакова* [190, 207, 227], *Пудья* [191], д. *Сюиб* [198], *Шелеметьева* [229], д. *Шереметьева* [192].

Административные хоронимы: *Верх-Язьвинская волость* [176, 178, 188, 190, 192, 198, 207, 217, 227, 229, 245].

Экклезионимы: *Верх-Язьвинская церковь* [229].

3. Данный краткий обзор показывает, что печатные труды конца XIX – начала XX вв. имеют потенциал для изучения исторической ономастики язьвинских пермяков, содержат ценные сведения социолингвистического и этнокультурного характера (к примеру, о степени «обруселости» пермяков в том или ином населенном пункте, об их местах отправлений религиозного культа, о том, что еще в конце XVIII в. манси жили на Средней Язьве и пр.), а также уникальные варианты онимов (например, названия рек *Молмос*, *Пульт*, *Чепел* и др.).

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097(офи_м).

Литература и источники

Белдыцкий Н.П. Очерки Вишерского края. Пермь: Типо-Литография Губернского Правления, 1899. 54 с.

Боброва М.В. Наименования частей населённых пунктов Верх-Язьвинского сельского поселения Пермского края // Вопросы географии : Сб. Вып. 146 : Актуальные проблемы топонимики = Urgent problems of place-names studies / Отв. ред. А. В. Барандеев. М.: Издательский дом «Кодекс», 2018. 311 с. : ил., цв. ил. С. 154–159.

Кривощеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии: с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. Пермь: Труд, 1914. III, 839 с. : ил.

Лаллукка С., Чагин Г.Н. Чердынско-Язьвинский край в конце XIX в. глазами финского студента Севери Нюмана // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья : Материалы международной научно-практической конференции / [Науч. ред. Г. Н. Чагин]. Пермь: [Пермский государственный университет], 2002. 160 с. С. 61–73.

Лаллукка С., Чагин Г.Н. Письма Севери Нюмана из Восточной России // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2005. № 7. С. 232–250.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008. 352 с.

Миролюбова Г. С. Заметки о структурных типах и географическом распределении гидронимов бассейна Вишеры // Методы топонимических исследований. Сборник научных трудов / [Отв. ред. А.К. Матвеев]. Свердловск: Изд. УрГУ, 1983. 136 с. (Вопросы ономастики. Вып. 16). С. 101–104.

Мусанов А.Г. Гидронимия Средней Язьвы // Onomastica Uralica. 2008. Vol. 7. С. 37–50.

Народы 2014 – Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник / Под ред. А.В. Черных, М.С. Каменских, А.А. Субботиной, С.В. Неганова. СПб.: Изд-во «Маматов», 2014. 416 с.

Смирнов О.В. Субстратная мансийская топонимия на территории былого проживания манси // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12). С. 43–79.

Смолина Л.С. К этимологическому изучению коми-язьвинских субстратных топонимов // Этимологические исследования. Сб. науч. тр.: [Вып. 3] / [Отв. ред. А. К. Матвеев]. Свердловск: Изд. УрГУ, 1984. 169 с. С. 119–124.

Тимохова Т.В. Из истории изучения коми-язьвинских пермяков в XIX–XX вв. // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья : Материалы международной научно-практической конференции / [Науч. ред. Г.Н. Чагин]. Пермь: [Пермский государственный университет], 2002. 160 с. С. 153–157.

Чагин Г.Н. Коми-язьвинские пермяки — древний народ Северного Урала. Красновишерск: Издательство ОГУП «Соликамская типография», 2002. 16 с.

Чагин Г.Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 100 с.

Genetz A. Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1897. 57 s. (Journal de la Société Finno-Ougrienne. XV, 1).

Korhonen M. Finno-Ugrian Language Studies in Finland 1828–1918. Helsinki: Finnish Society of Sciences, 1986. 226 p., 2 maps. (The History of Learning and Science in Finland 1828–1918. Vol. 11).

Nyman 1889 (2004) – [*Нюман С.*] Поволжье и Прикамье конца XIX века глазами финского студента Севери Нюмана / [Предисл. С. Лаллуки и Г. Чагина]. Helsinki: Институт России и Восточной Европы, 2004. 18 с. (Финляндские тетради. Вып. 5).

R.V. Gaidamashko
(*Saint-Petersburg, Russia*)

KOMI-YAZVA ONOMASTICS (BASIN OF VISHERA, LEFT INFLOW OF KAMA) IN THE WORKS OF THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The present article considers the possibility of the study of Komi-Yazva onomastics on the material of the printed works of the late 19th – early 20th centuries (under the authorship of Severi Nyman, Arvid Genetz, N. P. Beldytskiy, I. Ya. Krivoshchekov). It is shown that these works have a high potential for the study of the historical onomastics of the Yazva Permyaks, contain valuable sociolinguistic and ethno-cultural information, as well as unique versions of the proper names.

Key words: historical onomastics, onomastics of the Kama region, Perm krai, Krasnovisherskiy district, Solikamskiy district, Finno-Ugric languages, Permic languages, Komi languages.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.138
Л.П. Михайлова, А.В. Приображенский
(Петрозаводск, Россия)

ДЕЛОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ 30-х–50-х гг. XX в. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИИ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

В статье рассматриваются акты Национального архива Карелии, которые содержат наименования пахотных, сенокосных, рыболовных угодий, пастбищ населенных пунктов Поморского и Карельского берегов Белого моря. Сопоставление архивных материалов с топографическими картами и памятниками письменности дает основание предполагать, что уже к XVI–XVII вв. территории вблизи сел Кереть и Черная Река были хорошо освоены русским населением.

Ключевые слова: Карелия, Карельское Поморье, топонимия, деловые документы.

Значительный топонимический материал хранится в фондах Национального архива Карелии. Большую ценность представляют собой документы 30–50-х гг. XX в. – акты по утверждению внешних границ землепользования колхозов, закреплению сельскохозяйственных угодий, межхозяйственному землеустройству. В них содержатся списки и ведомости пахотных и сенокосных угодий населенных пунктов Поморского и Карельского берегов Белого моря.

В исследуемом материале имеются названия полей, покосов, реже – островов, рек, озёр, заливов вблизи поморских сел Сумский Посад, Вирма, Колежма, Нюхча, Сухое, Шижня, Шуерецкое, Гридино, Поньгома, Калгалакша, Кереть, Черная Река, городов Беломорска и Кеми. При этом значительно преобладают микротопонимы – названия пахотных и сенокосных угодий, пастбищ, часто не используемых в настоящее время местным населением. Отсутствие ударений в названиях, неразборчивое написание некоторых из них не снижают их важности для исследователя-топонимиста и историка.

Для правильной интерпретации топонима требуется дополнительная информация о смысловом наполнении наименования. Многие из этих сведений мы можем почерпнуть из указанных архивных материалов. Так, в них содержатся данные о типе географического объекта (поле, покос, пастбище, рыболовная тоня и проч.), его площади / величине в гектарах, указывается расстояние от объекта до центральной усадьбы колхоза. В каждом документе одновременно фиксируются несколько десятков наименований (более 50) отдельной микросистемы села, нередко приводятся планы и схемы расположения земельных участков, островов и проч. Для интерпретации отантропонимических наименований важны имеющиеся в каждом деле списки колхозников, рабочих и служащих – владельцев приусадебных участков. В некоторых

списках содержится информация о характере сенокосного угодья – *морское*, *полевое* и *теребовое*. Последние участки (тереба) разрабатывались по берегам рек и в лесах. Кстати, и информанты, и отдельные архивные материалы [ДПМ] свидетельствуют об особой питательной ценности сена с морских покосов по сравнению с материковым. Кроме того, с покосов только одного острова Мягостров жители Колежмы получали половину всего скашиваемого сена.

Основным занятием жителей поморских сел была рыбная ловля. Из архивных источников следует, что только в Нюхче высевали ячмень и озимую рожь. В Колежме, Вирме и других селах Поморья на колхозных полях выращивали картофель, овес и турнепс. Фиксация в названиях пахотных и сенокосных угодий фамилий жителей поморских сел, которые бытуют на их территории и сегодня, свидетельствует о том, что данные объекты появились в доколхозный период и нередко делились по хозяевам.

Одним из существенных недостатков архивных документов следует признать отсутствие данных о значении географических названий от самих носителей топонимической микросистемы. Подобные объяснения топонимов информантами можно получить только в ходе полевых исследований.

Для получения более полной информации о местных географических наименованиях необходимо сопоставить архивные источники с топографическими картами и памятниками письменности. Проведенное нами сравнение показало, что указанные материалы значительно дополняют друг друга. Так, многие топонимы вблизи поморских сел Кереть и Чёрная Река фиксируются писцовыми и переписными книгами уже с 1563 г.: остров *Кереть*, *Красный Наволок*, *Чупская Губа* (в XVI–XVIII вв. – *Чюпская губа*), *Кивгуба*, *Лушов остров*, *Олений остров*, *Пояконда* (*Паяконда*), *Жемчужный ручей*, *Соколья Варакка* (*Варока*), *Кемь Луды*, река *Пулонга*, остров *Кузокотский* (*Кузокатка*, *Кузокатцкий*, *Кузокоцкий*), *Кузокоцкая Губа*, *Глубокая Губа*, *Соностров*, *Сонрека*, *Дорохова Губа*, *Девичья Губа*, *Воронья Губа*, река *Кивиканда* и др. Именно в этих местах жители волостей Кереть, Черная Река, Чупа и приезжие варили соль, косили сено, ловили рыбу, сплавляли лес, в каменных горах били слюду, на реке Кереть промышляли жемчуг.

Наименования озер, рек, морских заливов, островов, мысов Керети, Черной Реки и Чупы в письменных источниках XVI–XVII вв. входили в состав описательных обозначений солеварен, мест рыбной ловли (*тоней*), покосов, новых лесных росчистей под сенокосные угодья (*теребков*, *теребов*), включавших и имена их владельцев. Приведем их параллельно с современными топонимами и названиями из архивных документов: в *Кив-губе* варница Шемяки Оверкеева, 1563 [СГКЭ: 447] – залив *Кивгуба* [ЗКРК, л. 22]; в *Кузокатцком становище* варница Бориска Брянцова, 1563 [СГКЭ: 447] – покос *Кузокоцкий* [ЗКРК, л. 22], мыс *Кузокоцкий* [ТКРК: 10]; на *Лушове*

острову варница Карпикова ж да Васкина, 1563 [СГКЭ: 447] – остров *Лушов* [ТКРК: 10]; у *Красного Наволока* варница Овдотки, Кормановской вдовы, да сына ее Пашка, 1563 [СКГЭ: 446] – мыс *Красный* [ТКРК: 10], покос *Красный Наволок* [ЗКРК, л. 22]; в *Девичьей Губе* варница Иванка Юдина, 1563 [СГКЭ: 447], ср. озеро *Девичье* [ТКРК: 17]; в *Дорохове Губе* варница Данилка Игумнова, 1563 [СКГЭ: 447], ср. озеро *Дорохово* [ТКРК: 17]; в *Вороньей Губе* варница Васки Иванова сына Химряка, 1563 [СГКЭ: 447], ср. мыс *Вороний* [ТКРК:17]; тоня *Илейкина*, промеж *Пельякою* и *Девичьею*, 1563 [СГКЭ: 444], ср. озеро *Илейкино*, гора *Илейкина*, озеро *Девичье* [ТКРК: 17]; в *Жемчужном ручью* да за *Сокольею Варокою* да на *Оленьем острову* в *Пулонской Губе* теребки Якуша Медведчикова, 1563 [СГКЭ: 449] – покос *Жемчужинские Тереба* [ЗКРК, л. 1], остров *Олений*, поселок *Нижняя Пулонга* [ТКРК: 9–10].

В Писцовых книгах 1574–1575 гг. зафиксированы сенокосные угодья в заливе Бабье Море, на Великом острове, на Березовом Наволоке, у ручьев Пузаима и Кумья, в Нильмогубе, которые косили жители села Черная Река: пожня Сенки да Ортемка Шуигиных на *Бабье море* от *городка* до *Великого Камени*; пожня Игнашка Брянцова на *Бабье море* на *Великом острову* от *Кумья ручья*, да за волоком в островках да в *Нилмогубе*; пожни в *Сухой салме*, да в *Черном Наволоке*, да в *Паяконде* от *Рушениковского места* до *Пузаимы* ручья да в *Шагине Губе*; пожня Павелка Бранцова на *Бабье море* на *Великом острову*; пожня Васьки Фетиньина на *Березовом Наволоке*, 1574–1575 [СГКЭ: 456]. В архивных и современных источниках сохранились многие из этих топонимов: порог *Городецкий*, залив *Бабье Море*, остров *Великий*, озера *Кумяжьи* [ТКРК: 9], покос *Бабье Море* [ЗКБЧ, л. 1], покосы *Лупинска Пузаима*, *Кондрашинска Пузаима*, *Мухинска Пузаима* [ЗКБЧ, л. 1], мыс *Березовый Наволок* [ТКРК: 9].

Хозяйственным освоением данной территории занимались не только местные жители, но и выходцы из Каргополя, Сумского Посада, Кеми, Онежского берега Белого моря и даже Москвы, на что указывают компоненты именований людей: варница в Черном Наволоке Кирьянка Васильева да Малышки, *Каргапольцов*, 1574–1575 [СГКЭ: 458]; пожня Олферка Ромши и в Кив-губе Кирьянка Васильева да Малышки, *Каргапольцов*; пожня *Каргопольца* Верещаги Евсеева в Паяконде на Мандре на Ковской стороне; пожня *Каргопольца* Охлопкова в Белой Губе на Бабье Море, 1574–1575 [СГКЭ: 457]; двор пуст Оникейка Степанова, *Московского жильца*, *Каргопольского сведенца*, 1574–1575 [СГКЭ: 460]; три луки Михалка *Сумлянина* да брата его Левы, 1574–1575 [СГКЭ: 455]; двор Ондрюшки *Кемлянина* в нижнем концы, 1607 [СГКЭ: 466]; в Чупской же губе теребы Кормановские, что купили Соловецкие старцы у Кирила Григорьева, *Онежанина*, 1608–1609 [СГКЭ: 477]. В памятниках письменности XVI–XVII вв., относящихся к Керети, Чупе и Черной Реке, встречаются лишь отдельные представители карелов и саамов, ср. Ивашка *Корелин* полчетверти лука, Васка *Лопин* да Карпик, 1563 [СКГЭ: 445]. Переписные книги 1710 г. также фиксируют в

Керети карельские семьи [СКГЭ: 559–581]. В архивных источниках представлены наименования сенокосных угодий Керети и Черной Реки, восходящие к карельским антропонимам: *Коргуевские Тереба*, *Тиммиевы поля* [ЗКБЧ, л. 1]. Есть основания предполагать, что уже к XVI–XVII вв. районы Керети, Черной Реки и Чупы были хорошо освоены русским населением.

По данным Д.В. Кульмина и О.Л. Карловой, карельские поселения вновь возникли здесь не ранее 50-х гг. XIX века (Нильмозеро), а некоторые (Сонострова, Нильмогуба, Верхняя Пулонга, Чупа) лишь в начале XX века, а переселенцы восприняли от местного русского населения русские топонимные модели и элементы [Кузьмин, Карлова 2005: 190; Кузьмин 2007: 82]. Видимо, поэтому на схемах колхозов карельских селений Нильмогуба, Чупа, Верхняя и Нижняя Пулонга встречаются русские географические наименования, а на чертежах землепользования деревни Воронская даются переводы карельских наименований на русский: *Избяное болото – Пиртышу*, *Еловая Губа – Кужлакс*, *Березовая Лощина – Койвулома*, *Избяная Река – Пиртыёки* [ТДВ, л. 23].

Таким образом, топонимический материал из фондов Национального архива Карелии является ценным историко-лингвистическим источником. Сопоставление архивных материалов с памятниками письменности и современными топографическими картами дает основание предполагать, что уже к XVI–XVII вв. территории вблизи сел Кереть и Черная Река были хорошо освоены русским населением.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810 «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI вв.)».

Литература и источники

ДПМ – Документы по передаче острова «Мягостров» Колежемской волости Кемского уезда в пользование УСЛОН // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 265. Оп. 1. Ед. хр. 13/148.

ЗКБЧ – Землепользование колхоза «Буря» Чернореченского с/с Лоухского района Карельской АССР, 1955 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1602. Оп. 8. Ед. хр. 2/20.

ЗКРК – Землепользование колхоза «Красный рыбак» Керетского с/с, 1950 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1602. Оп. 8. Ед. хр. ¼.

Кузьмин Д.В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. С. 20–89.

Кузьмин Д.В., *Карлова О.Л.* Экспедиция на Карельский берег Белого моря // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 189–193.

СГКЭ – Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 2. Л.: Издательство Академии Наук, 1929. II, 968 стлб.

ТДВ – Техническое делопроизводство по делу установления внешних границ и точных размеров землепользования колхоза «Новая жизнь» при д. Воронская Боярского с/с Лоухского района Карельской АССР, 1936 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1602. Оп. 2. Ед. хр. 1/9.

ТКРК – Республика Карелия: Топографическая карта. Масштаб 1:200000. М., 1997.

L.P. Mihajlova, A.V. Priobrazhenskij
(Petrozavodsk, Russia)

BUSINESS DOCUMENTS FROM THE 30s TO THE 50s XX c. AS A SOURCE OF STUDYING THE TOPONYMY OF THE KARELIAN POMORYE

The article is devoted to the business acts of the National archives of the Republic of Karelia, which contain the names of fields, fishing grounds, pastures of settlements of the Pomor and Karelian coasts of the White Sea. Comparison of archival data with topographic maps and monuments of writing indicates that in the XVI–XVII centuries the areas near the village of Keret and the Chernaya Reka were well developed the Russian population.

Key words: Karelia, Karelian Pomorye, toponymy, business documents.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.142

С.А. Мызников
(Москва, Россия)

ОНОМАСТИКА НА СТРАНИЦАХ «СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»

В данной работе представлен краткий обзор некоторых ономастических единиц, представленных на страницах «Словаря русских народных говоров». В некоторых случаях данные словаря сопоставляются с материалами полевого лингвогеографического обследования автора. Отмечается, что на страницах словаря представлены сотни ономастических единиц, которые можно использовать в различного рода исследованиях.

Ключевые слова: ономастика, прозвище, кличка, гидроним, апеллятив.

«Словарь русских народных говоров», выходящий с 1965 года, представляет собой свод русской диалектной апеллятивной лексики более чем за двести лет. Однако в словник словаря включались и единицы, которые можно рассматривать как ономастические. В проекте словаря отмечается, что «собственные имена, как правило, в

Словарь не включаются. Но в конце словарных статей в качестве дополнительного иллюстративного материала [при наличии нужных сведений в нашей картотеке] могут приводиться собственные имена, образованные от имен нарицательных, толкуемых в Словаре. В виде исключения включаются в Словарь отдельные собственные имена, представляющие особый историко-лингвистический интерес. В Словаре помещаются нарицательные слова, образованные от собственных, а также прозвища, клички и т. п., имеющие и нарицательное значение» [СРНГ, 1: 7].

В СРНГ по материалам 51-го выпуска зафиксировано 1706 прозвищ, незначительная часть из них была нами рассмотрена, см. [Мызников 2016]. Широко представлены коллективные прозвища, под которыми понимаются неоттопонимические характеризующие именования жителей какого-либо населенного пункта или региона, см. [Воронцова 2002].

Большей частью прозвища представляют собой единицы с прозрачной внутренней формой. Выделяются единицы по внешнему виду (толстого, худого, высокого, низкорослого человека).

Ма́сло. Прозвище толстого, жирного человека. Макар. Костром., 1895–1896 [СРНГ, 18: 13].

Дощ́ан. Прозвище толстяка. Эва, какой дощан! Тороп. Пск., 1899 [СРНГ, 8: 166].

Ва́лик. … 2. Прозвище толстого, небольшого роста человека. Мещов. Калуж., 1905–1931 [СРНГ, 4: 26].

По полевым данным фиксация какой-либо прозвища, может сочетаться с апеллятивными данными, например: **мя́нда** 'прозвище толстого человека, 'толстый низкорослый человек' Медвежьегор. (Великая Нива, Пабережье), Кондопож. (Горка) [ПЛГО]. **Мянда́** 'то же' Вытегор. (Ошта) [ПЛГО]. Ср.: **Мя́нда** 'сосна с толстым слоем заболони' Вытегор. (Мегра), Медвежьегор. (Ламбасручей, Загубье, Великая Губа, Сенная Губа), Кондопож. (Тулгуба, Лижма), Прионеж. (Суйсарь, Ялгуба), Сегеж. (Валдай, Вожма Гора), Плесец. [ПЛГО]. Вероятно, представляет собой метафорический перенос от **мянда** 'сосна', хотя и имеются сходные прибалтийско-финские данные, ср., вепс. *mändakaz* 'имеющий толстую заболонь (о дереве)' [СВЯ: 345]. Обосновывается как метафорический перенос Сенкевич-Гудковой [Сенкевич-Гудкова 1970: 138].

Коллективные прозвища часто мотивированы по особенностям хозяйственной, трудовой деятельности.

Хому́тники. Прозвище жителя г. Твери (от бурлацкой лямки). XIX в. [СРНГ, 51: 260].

Белому́ченик. Прозвище рыбинских торговцев пшеницей, не имевших прибыли от торговли ею. Яросл. [СРНГ, 2: 222].

В СРНГ представлено значительно число кличек домашних животных, скота и т.п. – 264 единицы.

Бури́шка. Кличка поросенка. Пск., Осташк. Твер., 1855. Пск. [СРНГ, 3: 288].

Зю́ра. Кличка свиньи. Пск. Пск., 1902–1904 [СРНГ, 12: 44].

Буркас [удар.?]. Кличка собаки. Холм. Пск., 1897 [СРНГ, 3: 289].

Ворожéюшко. Кличка лошади черной масти. Онеж. Арх., 1931 [СРНГ, 5: 110].

Весьма многочисленны также микротопонимы, которые в ряде случаев весьма близки к апеллятивам. Причем нередко по толкованиям не всегда понятен ономастический или апеллятивный характер единицы, представленной в СРНГ. Ср., например: **Уго́льник.** ... 15. Место в лесу. Окулов. Новг., 1995. || Поляна. Поддор. Новг., 1995 [СРНГ, 46: 233]. **Гарь**. …5. Место в лесу, расчищенное для сенокоса. Пск., 1919–1934. || Луг на выгоревшем участке леса. Ср. Урал, 1961. || «Сенокосное место в лесу». Шадр., Осин. Перм., Миртов [СРНГ, 5: 149]. **Глажéвник**. …2. Место в лесу, где растет много морошки. Тихв. Новг., 1852. Новг., Пск. [СРНГ, 6: 183].

В ряде случаев, довольно сложно однозначно трактовать ту или иную единицу, помещенную в СРНГ, поскольку в толковании представлена несомненная ее апеллятивная природа, при том, что исходя из логики бытования слова, вполне вероятно его функционирование как микротопонима.

Армань. Березовый лес у реки (употребляется как собственное имя). Селино Дубен. Тул., 1933 [СРНГ, 1: 276].

Балва́н. Место в озере, небольшой залив, заросший тростником и тиной. Опоч. Пск. [СРНГ, 2: 79].

Верхо́вка. Место в озере с набросанными сухими ветками и деревьями, засоряющими дно. Пск., 1904–1918 [СРНГ, 4: 165].

Тиходо́л. Место в озере, защищенное от ветров. Пск., Осташк. Твер., 1855 [СРНГ, 44: 144].

Плутомо́й. Место в реке, озере, где полощут белье. Весьегон. Калин., 1936 [СРНГ, 27: 167].

Халти́на. Ягодное или грибное место в лесу. *Целу халтину ягод седни нашла, хороша халтина. Где грибов много, тоже халтиной зовут*. Режев. Свердл., 1987 [СРНГ, 49: 263].

Имеются случаи помещения в словник СРНГ иноязычных топонимических единиц терминологического характера.

Лудэм [удар.?]. «Высокая сухая терраса реки с редколесьем из ели и березы, можжевельника и с лишайниковым покровом». Коми АССР, Мурзаевы, 1959 [СРНГ, 17: 180]. При коми. *луд* 'лужайка' [КЭСКЯ: 163], форма, вероятно, возникла по влиянием формы местного падежа, ср. коми присыкт. *лудын*: *лудын йиырсьыны* 'пастись'; ср. также *лудӧ лэдэны* 'выпустить на пастбище' [ССКЗД: 205].

Паэ [удар.?]. Каменистые гряды, образованные выходами коренной породы. Печора, Мурзаевы, 1959 [СРНГ, 25: 309]. Сопоставляется с ненец. *пэ*, при сельк. *пу*

'камень', фин. *pii* 'кремень', юкаг. *pie* 'камень', 'скала, гора', хант. диал. *пай* 'бугор, остров' [Мурзаев 1984: 426].

Пор и **порр**. Гребень горы, хребет с острым углом. Кольск., Мурзаевы, 1959 [СРНГ, 30: 28]. Ср. фин. *porras* 'терраса, уступ'.

Куду́к. Колодец без сруба; степной колодец. Оренб., 1858. «Употребляется по всей азиатской границе нашей, в Крыму и пр.». Даль. Урал., Иссык-Кульск. Киргиз. ССР. Доп. «Очень распространенный термин, входящий в состав географических названий Монголии, Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии, юга Украины, Поволжья». Мурзаевы, 1959 [СРНГ, 16: 16]. При данных из других словарей: **Куду́к**, **худу́к** 'колодец без сруба, вырытый на низком месте для водопоя и полива': – *В кудуке полно воды. Мыу себя в огороде вырыли кудук*. Р. Урал [Малеча 2: 304]. **Кадýк** 'то же' Р. Урал [Малеча, 2: 146]. Ср. құдық 'колодец' [Бектаев КРС: 297]. По другим источникам уже рассматривалось как тюркизм, ср.: уйг., чагат., киргиз. *kuduk* 'колодец' [Радлов, 2: 1002; Фасмер, 2: 401].

Хамыры. «Мысообразные выступы круто обрывающихся возвышенностей, падающих на восток к Сарпинской низменности». Ниж. Поволжье, Мурзаевы, 1959 [СРНГ, 49: 286].

Байца [удар.?]. «Крутые отвесные скалы, среди которых бурно протекает река или речка в узком ущелье». Вост.-Сиб., Мурзаевы, 1959 [СРНГ, 2:57].

Абаканда. «Название некоторых пожен». Петрозав. [Муромля] [СРНГ, 1: 188]. Слово представляет собой композит, первая часть которого восходит к карельским диалектам, ср. кар. тихв., валд. салм. *abai* 'место рыбной ловли неводом' [KKS, 1: 60], ливв. *abai* 'тоня, место рыбной ловли закидным неводом' [СКЯМ: 15], люд. *abai* 'тоня', вепс. *abai* 'то же' [SKES: 20], при водск. *apaje* «морской заливчик» [VKMS], водск. *apaja* 'низкое сырое место, илистая, заросшая река, ручей' [VKSR, 1: 112]. эст. *abaja, abajas* 'узкий, морской залив' [SKES: 20], фин. *apaja* 'место ловли неводом', 'количество рыбы, выловленное за одну тоню', 'обширное пространство леса, земли', 'большой ручей', саам. норв. *vuop'pe* 'небольшой замкнутый речной или озерный залив, небольшая бухта' [SKES: 20]. *Aba* фиксируется в топонимии: поле *Apajalakši*, тоня *Nottojapaja*, тоня *Juurikkaapaja* (Калев.), покос *Abait*, поле *Abai*, покос *Abainn'itüt* (Олонец.) [ПФГЛК: 22]. Источник для второй части композита – ливв. *kandu* 'основание, подошва, полозья саней', люд. 'пятка', 'каблук', вепс. *kand* 'пятка'. Сюда же, вероятно, относится название тони **Канда** 'тоня' Сегеж. (Валдай) [ПЛГО]. **Канда** 'верхняя часть залива, кут губы, где расположено селение и происходит перевалка грузов' (Карел.); Э.М. Мурзаев возводит это слово к фин. *kanta*, кар. *kanda* 'основание, голова, верхушка' [Мурзаев 1984: 253]. Н.Н. Мамонтова приводит *Abaǐ* 'место для ловли рыбы неводом, тоня' [Мамонтова 1982: 69], что определяет происхождение первой части топонима **Абаканда**.

Нередко топонимические данные приводятся в качестве дополнительного материала, например: **Кувши́н**. Остров [округлой или конической формы] с крутыми берегами. Беломор., Арх., Олон., Север. Доп. «Остров Кувшин в Кольском заливе, у Мурманского побережья Баренцева моря; в северной части Белого моря». Мурзаевы, 1959 [СРНГ, 15: 330].

Буго́р. Доп. В топонимических названиях: Уранов бугор, Мамаев бугор. Сарат. [СРНГ, 3: 237].

Буда́н Доп. 1. Название озера. Дон. 2. **Буданы**. Кличка жителей с. Будаева, находящегося в 10 верстах от Братска. Брат. Смол., 1854 [СРНГ, 3: 240].

Фиксируются в СРНГ этнические прозвища, извлечённые из русских диалектных лексикографических источников, входящих в перечень источников «Словаря русских народных говоров», см. [Мызников 2018]. Прозвищный этноним традиционно рассматривается как разновидность коллективного прозвища, неофициального наименования какой-л. этнической общности. Причем достаточно часто эта единица может содержать указание на некоторые характеризующие данную общность признаки. Когда речь идет о прозвищных этнонимах, несомненна их диалектная характеристика, нередко узко локальное бытование. В большинстве случаев эти единицы имеют явную негативную коннотацию, причем должен иметься нормативный этноним, который противопоставлен прозвищному, бытующий в живом устном общении.

Так, например в русской речи валдайских и тихвинских карел фиксируется наименование **го́рма** 'русский' [ПЛГО] (в [СРНГ, 7] не представленное). Причем имеются многочисленные фиксации апеллятива **го́рма** 'растение иван-чай' Подпорож., Лодейноп., Тихв. Ленингр., Пудож., Кондоп., Медвежьегор., Прионеж., Беломор. Карел., Вытегор. Волог. [ПЛГО]; Кандалакш. Мурман. [КСРГК]. *Сейчас колхозу горму сбирают*. Кандалакш. [Меркурьев 1979: 35]. См. [СРГК, 1: 372]. **Го́рма** 'таволга' Лодейноп. (Алеховщина), Подпорож. (Курпово, Ульино) (ПЛГО). **Го́рма** 'растение Spirea ulmaria L., сем. розанных; лабазник вязолистный' [Куликовский]. Арх., Новг. (Анненков). **Го́рма** 'таволга' Маловиш. (Карпина Гора, Шиляиха), Валд. (Борцово, Поддусье, Гагрино, Полосы, Середея) [ПЛГО]. Демян., Валд., Маловиш. [НОС, 2: 44]. **Го́рма** (произносится: [γо'рма]) Маловишер. (Замостье, Сосницы), Лодейноп. (Кяргино) [ПЛГО]. Я. Калима выводит вариант **горма** из кар. *horma* 'растение сем. кипрейных' [Kalima 1915: 93]. Ср. также саам. *xōrma* 'кипрей' [Itkonen 1958: 41], кар. *horma* 'кипрей', 'таволга' [KKS, 1: 311], кар. тихв., сев. *horšma* 'кипрей' [KKS, 1: 311], кар. твер. *horma* 'кипрей, иван-чай' [СКЯП: 56], ливв. *hormu* 'кипрей, иван-чай' [СКЯМ: 72], вепс. *hörmhiĭn, hormehiĭn* 'кипрей, иван-чай', *horhāmed* 'то же' [СВЯ: 143], эст. *vorm*, *vormikene* 'лабазник, таволга', фин. *formu*, *vormu* 'кипрей', люд. *horm* 'иван-чай' [SKES: 81]. См. также: [Фасмер, 1: 442]. Распространение слова преимущественно в Обонежье и в новгородских говорах позволяет говорить

о вепсско-карельской этимологии, причем значение 'таволга' имеется только в карельских диалектах, отсутствуя в вепсских. В новгородских говорах по данным ПЛГО фиксируется на месте начального прибалтийско-финского [*h*] -Гидронимия представлена в СРНГ единичными примерами, которые большей частью базируются на источниках XIX – начала XX века.

Ермочóк. «Название ручья». Черепов. Новг., 1910 [СРНГ, 9: 30]

Бóтальница. Название реки. Шенк. Арх., 1854 [СРНГ, 3: 130].

Брусна. Название озера на месте старого русла реки Оки. Дубровичи Ряз. Ряз., 1902 [СРНГ, 3: 206].

Таким образом, хотя в СРНГ не предполагалось помещать обширные ономастические данные, однако по результатам составления словаря такого рода материалы составляют в нем весьма обширный пласт, который требует всестороннего анализа.

Литература и источники

Бектаев КРС – *Бектаев Калдыбай*. Казахско-русский и русско-казахский словарь. Алма-Ата, 1995. 703 с.

БШКРС 1996 – Башкирско-русский словарь: 32000 слов. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З.Г. Ураксина. М., Дигора, Рус. яз., 1996. 884 с.

Воронцова Ю.Б. Коллективные прозвища в русских говорах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».

Куликовский – *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1898.

КЭСКЯ – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство 1999. 430 с.

Малеча – *Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.

Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР. (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982. 213 с.

Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 184 с.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, Издательство ОГПУ, 2010. 192 с.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М.: Географгиз, 1959. 304 с.

Мызников С.А. Прозвища на страницах «Словаря русских народных говоров» // Ономастика Поволжья. Материалы XV Международной научной конференции. Арзамас, 13–16 сентября 2016 г. Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. С. 104–108.

Мызников С.А. О происхождении некоторых прозвищных этнонимов в русских говорах Северо-Запада России // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Сб. научных статей. Ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. С. 115–120.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород: Изд-во Новгородского пединститута, 1992–1995.

ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русских говорам и финно-угорским языкам).

Радлов – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899–1911.

СВЯ – Словарь вепсского языка. Сост. Зайцева М.И., Муллонен И.И. Л.: Наука, 1972. 745 с.

Сенкевич-Гудкова В.В. Семантическая структура переносных значений в русских говорах Карелии // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов. Череповец, 1970. С. 137–140.

СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск: «Карелия», 1990. 495 с.

СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск: «Карелия» 1994. 396 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–51. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2019.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.

Толбина Т.В. Микротопонимия Воронежской области. (Особенности номинации): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 199 с.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: «Прогресс», 1964–1973.

Itkonen T. I. Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1–2 // LSFU, XV. Helsinki, 1958.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 // LSFU, XVI, 1–6. Helsinki, 1968–2005.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden kirjapaino, 1958–1981. 2293 s.

SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1992–2000.

VKMS – *Tsvetkov D.* Vatjan kielen Joenperän sanasto. Helsinki, 1995.

VKSR – Vadja keele sõnaraamat. T. 1–6. Tallinn, 1990–2010.

S.A. Myznikov
(Moscow, Russia)

ONOMASTICS ON PAGES “DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK DIALECTS”

This paper presents a brief overview of some onomastic units presented on the pages of the “Dictionary of Russian folk dialects”. In some cases, the data of the dictionary are compared with the materials of the author’s field linguogeographical survey. It is noted that the pages of the dictionary present hundreds of onomastic units that can be used in various kinds of research.

Key words: onomastics, nickname, ethnonym, hydronym, appeals unit, appeal vocabulary.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.149

И.Л. Копылов
(Минск, Беларусь)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА БЕЛАРУСИ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассказывается об исследованиях старобелорусской топонимии (ойконимии, микротопонимии, гидронимии) по материалам памятников деловой письменности XIV–XVIII вв. Определяются перспективы развития исторического направления топонимических исследований: изучение топонимии древних письменных источников отдельных белорусских регионов, древних карт, лексикографическое описание старобелорусских собственных географических названий в виде словарей-топонимиконов и как результат создание историко-лингвистического свода «Древнебелорусская топонимия».

Ключевые слова: ономастика, топоним, старобелорусские письменные источники, лексикографическое описание.

Интенсивное развитие белорусской ономастики в последние десятилетия в значительной степени позволило углубить ее теоретические основы, усовершенствовать методологический аппарат, принципы и методы научных исследований, расширить проблематику и пополнить фактическую базу. Это достигнуто в результате планомерного изучения разных онимных разрядов не только в рамках традиционных лингвистических подходов, ориентированных на выявление лексико-семантических и структурно-семантических особенностей собственных имен, но и в русле относительно новых аспектов – когнитивного, лингвокультурологического, социолингвистического, прагмалингвистического и др. При всем богатстве и разнообразии работ,

посвященных многоаспектным исследованиям онимов, по-прежнему актуальным остается историческое направление, ориентированное на установление связи между возникновением собственных географических названий и общественно-историческими явлениями и социально-лингвистическими факторами, обусловившими их формирование.

Материал, содержащийся в памятниках письменности, позволяет дать глубокое и всестороннее объяснение ономастическим явлениям. Историко-культурное наследие белорусов насчитывает огромное количество письменных источников XIV–XVIII вв., включающих тексты художественных, научных, публицистических, религиозных, юридических и других жанров древней письменности. Наиболее информативны тексты канцелярско-юридического жанра (делопроизводственные записи городских, земских, замковых и копных судов, инвентари имений, декреты сеймов, вводные и завещательные листы, ревизионные акты, льготные, мировые грамоты, купчие): они содержат большое количество топонимов, точно датированных и территориально локализованных, а также в силу своей специфики (многие записи осуществлялись со слов местных жителей населенных пунктов) отражают наиболее объективные формы названий.

Впервые в белорусской ономастике учеными Института языкознания имени Якуба Коласа проведена работа (выполнен проект «Старажытны беларускі тапанімікон як крыніца лінгвістычнай і культурна-гістарычнай інфармацыі») по сбору древней топонимии методом сплошной выборки из старобелорусских памятников деловой письменности (основными источниками исследования послужили памятники старобелорусской деловой письменности, опубликованные в крупнейших серийных многотомных изданиях документов по истории восточных белорусских земель XVI–XVIII вв. («Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской», вып. 1–32); истории Беларуси, Украины и Литвы XIV–XIX вв. («Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею», тт. 1–39); политической, церковной и социально-экономической истории Украины и Беларуси с 1361 по 1678 г. («Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. 1–15), истории Беларуси, Украины и Литвы XIV–XVII вв. («Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. 1–5).

В результате был создан реестр древних белорусских географических названий (около 10 тысяч наименований), проведена строгая фиксация и систематизация всех форм топонимов и их анализ с учетом социально-экономических и языковых изменений на протяжении исторического периода XIV–XVIII вв. Анализ топонимов, зафиксированных на разных территориях Великого Княжества Литовского, позволил установить закономерности и продуктивность топооснов и словообразовательных

средств в разные хронологические периоды, сделать вывод о типичности определенных моделей, о частотности или раритетности разных топонимических основ, их связи с историческими условиями, проследить языковые и исторические связи между древнебелорусскими регионами и землями других государств, а также уточнить вопросы формирования диалектов.

Однако данный реестр не может претендовать на полноту, поскольку до настоящего времени не введен в научный оборот богатый топонимический материал, содержащийся в летописях (Барколабовская летопись конца XVI – начала XVII вв., «Хроника» М. Бельского начала XVII в., Летопись по списку Быховца конца XVI – начала XVII в., Летопись по списку Красинских конца XVI в., Литовская метрика. Переписи войска литовского, Супрасльский список летописи 1519 г., «Хроника» М. Стрийковского начала XVII в. и др.).

Актуальной остается задача исследования топонимии письменных памятников отдельных древних регионов Беларуси, например, Полесья. Такая работа проведена только частично: на основе издания хозяйственно-юридической документации государственных и частных владений Великого Княжества Литовского середины XVI в. – «Рѣвизии пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ Великомъ княжествѣ Литовскомъ…». Данный письменный источник содержит описание государственных пущ в южной Украине, южной и западной Беларуси и Литве с обозначением их границ на карте, составленное Г. Воловичем по поручению великого князя литовского и короля польского Жигимонта II Августа (1559), а также актовые книги, содержащие привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета (1554). В ходе исследования установлен полный реестр географических названий памятника, рассмотрен процесс онимизации апеллятивов и их словообразовательных средств на одном из ранних этапов формирования белорусской топонимии, выявлены языковые и внеязыковые факторы, влиявшие на этот процесс, установлен лексико-семантический состав и структурные типы топонимов [Міцкевіч 2011]. Ценным источником по социально-экономической истории, исторической географии и ономастике Полесья является «Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегою, с присовокуплением актов Браславского земского суда, относящихся к Кобринской Архимандрии», которая до настоящего времени не была объектом научного анализа. Издание содержит книгу с результатами проведенной в 1563 году ревизии волочной реформы, фиксирует названия 98 господарских сел и большое количество древних микротопонимов.

До настоящего времени не получил должного научного осмысления топонимический материал, содержащийся в польскоязычном 15-томном словаре «Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich», изданном в 1880–1904 годах в Варшаве. Уникальность издания заключается в том, что в нем содержится

подробное описание городов, местечек, деревень, рек и озер бывшей Речи Посполитой, собранное этнографами (А. Ельским, А. Хмарой, В. Налковским, Ю. Лабунским, Ф. Суриным, А. Мошинским и др.) во время этнографических экспедиций с участием местной интеллигенции (врачей, адвокатов, священников, учителей, специалистов по сельскому хозяйству и др.). Топонимический материал в словаре дается в контексте сведений о социально-экономической истории населенных пунктов, физической географии, этнографии, антропогеографии, а также с учетом сложившихся в то время национальных, языковых, религиозных и экономических отношений. Энциклопедический характер словарных статей в достаточной степени позволяет установить происхожение названий многих географических объектов Беларуси.

Насущной задачей остается сбор топонимии, зафиксированной на древних картах («Карта Туровского и Городецкого районов в половине XVI в.» А. Грушевского, «Указатель населенных пунктов, обозначенных на карте "Беларусь" в конце XVI в.» М. Спиридонова, «Мара: Powiat Kobryński II poł. XVI w.» Я. Ахманского, «Мара: Wielkie Ksenstwo Litewskie w połowinie XVI w.» Я. Якубовского и др.).

Особую ценность в проведении исследований в области исторической топонимики представляет четырехтомное издание «Вялікі гістарычны атлас Беларусі» (завершено в 2018 году), в котором содержится комплексная информация о многочисленных населенных пунктах Беларуси: приводятся варианты ойконимов, существовавшие в разные исторические периоды, указывается дата первого упоминания поселения, его административно-территориальная принадлежность, тип собственности (государственное, шляхетское, церковное или монастырское), имена владельцев. В Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы в настоящее время завершается еще одно уникальное издание – многотомная энциклопедия «Гарады і вёскі Беларусі», в котором на основе новейших архивных источников отражена история всех административно-территориальных единиц Беларуси – 6 областей, 118 районов, а также всех населенных пунктов каждого района, в том числе переставших существовать.

Кроме того, одной из первоочередных задач белорусской ономастики является создание словарей-топонимиконов отдельных исторических периодов и отдельных территорий, которые в дальнейшем послужат базой для создания «Топонимического словаря Беларуси». Начальным этапом данной лексикографической работы должен стать «Словарь-топонимикон старобелорусских памятников XIV–XVIII вв.». Необходимость подготовки такого типа словаря обусловлена тем фактом, что ономастическая лексика не включена в «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» в 37-ми выпусках (словарь отражает лексический состав старобелорусского языка XIV–XVIII вв., издание завершено в 2017 году). Одной из причин отсутствия топонимов и антропонимов в данном фундаментальном лексикографическом справочнике объясняется разными подходами к лексикографической обработке онимной и апеллятивной

лексики. Кроме того, по мнению авторов-составителей словаря, применительно к старобелорусской письменности задача включения собственных имен в реестр словаря усложнялась тем, что значительную часть его источников составляют переводные произведения – хроники, хронографы, конфессиональные тексты, насыщенные в большом количестве иноязычным ономастическим материалом (иностранными именами и географическими названиями), не имеющим существенного значения для истории словарного состава белорусского языка [ГСБМ, I: 20]. Создание словаря старобелорусской топонимии позволит не только зарегистрировать и систематизировать собственные географические названия, зафиксированные в памятниках письменности, но и показать особенности становления белорусской топонимии на широком лингвоисторическом фоне.

Таким образом, создание полного реестра древнебелорусских собственных географических названий на основе строгой фиксации и систематизации всех форм топонимов и их анализа с учетом социально-экономических и языковых изменений в ходе исторического процесса XIV–XVIII вв., а также их лексикографическое описание может стать началом создания историко-лингвистического свода «Древнебелорусская топонимия», который обобщит малоизученное наследие духовной и материальной культуры белорусов.

Литература и источники:

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1. Мінск: Навука і тэхніка, 1982. 296 с.

Міцкевіч В.У. Тапанімія “Рѣвизии пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ Великомъ княжествѣ Литовскомъ…”: лексіка-семантычны і структурна-граматычны аспекты: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2011. 24 с.

I.L. Kapylou
(Minsk, Belarus)

HISTORICAL TOPONYMICS OF BELARUS. CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article describes the studies of Old Belarusian toponymy (oikonymy, microtoponymy, hydronymy) based on the materials of business writing texts of the 14th – 18th centuries. Prospects for the development of the historical direction of toponymic research are determined: the study of the toponymy of ancient written sources of individual Belarusian regions and ancient maps; the lexicographical description of Old Belarusian geographical names in the form of toponymic dictionaries and, as a result, creation of the historical and linguistic corpus *The Old Belarusian Toponymy*.

Key words: onomastics, toponym, old Belarusian written sources, lexicographical description.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА И МИКРОТОПОНИМИКА

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.154

А.А. Афанасьева
(Петрозаводск, Россия)

АРЕАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ КАРЕЛЬСКИХ ТОПОНИМНЫХ МОДЕЛЕЙ В СЯМОЗЕРЬЕ

В статье рассматриваются ареалы карельских топонимных моделей на территории южной Карелии, в Сямозерье. В разное время эта область была подвержена вепсскому, русскому, собственно-карельскому влиянию. Применение ареально-типологического метода исследования заключается в выявлении в массе топонимического материала тех моделей именования, которые имеют ареальные и хронологические рамки бытования, с последующим их картографированием и анализом полученных ареалов. Применение его к топонимии Сямозерья позволило увидеть разные этапы в заселении волостных территорий, выявить иноэтничное влияние, проникшее из-за пределов данной этнолокальной зоны, а также уточнить историческую семантику лексем, выступающих в качестве топооснов.

Ключевые слова: карельская топонимия, топонимные модели, ареал, Карелия, карелы-ливвики, ареально-типологический метод.

Регион Сямозерья сформировался на территории южной Карелии вокруг обширного озера Сямозера (бассейн р. Шуя). Располагаясь на перекрестке транзитных водных путей, Сямозерье на протяжении столетий испытывало разноязычное и разноэтничное влияние. Здесь проходит граница трех карельских диалектных ареалов: собственно карельского, ливвиковского и людиковского. При этом два последних сохраняют значительные следы вепсского языкового субстрата. Сямозерье на разных этапах истории оказывалось также в зоне непосредственного или опосредованного русского языкового воздействия. Каждый из колонизационных потоков приходил сюда со своими традициями именования мест и использовал их для называния географических объектов в Сямозерье. В результате топонимические данные, для которых характерна значительная устойчивость во времени, позволяют реконструировать

главные этапы и пути освоения территории. Основным инструментом для такой реконструкции служит ареально-типологический метод исследования, который заключается в выявлении в массе топонимического материала тех моделей именования, которые имеют ареальные и хронологические рамки бытования, с последующим их картографированием и анализом полученных ареалов. Метод успешно применен к исследованию топонимической карты Финляндии и Карелии [Kiviniemi 1975; Kiviniemi 1990].

Он основан, во-первых, на том, что топонимы рождаются по определенным моделям, образцам, в ряду подобных и поэтому вписываются в определенные типы – как структурные, так и лексико-семантические. Так, далеко не любое слово может закрепиться в топонимии, о чем свидетельствует анализ типовых топооснов в финской [Кивиниеми 1990], вепсской [Муллонен 1994], карельской [Кузьмин 2014] топонимии. Так же избирательна топонимия и в выборе суффиксов: из всех именных словообразовательных формантов топонимия использует, как правило, менее десятка [ТМОИ]. При этом большинство моделей характеризуется определенными хронологическими рамками бытования, мода на модель приходит и уходит.

Убедительным примером хронологических границ в бытовании моделей являются ойконимы – названия отдельных деревень, входящих в состав исторических волостей. Анализ показывает, что их возраст разнится. Названия деревень, составляющих исторический центр сямозерского села Вешкелицы, т.е. хронологически наиболее ранних, использовали традиционную прибалтийско-финскую ойконимную модель с суффиксом *-lu* (в русской интерпретации *-ла*): *Арькойла, Хошкойла, Никкойла, Маккойла, Ваччойла*. В прибалтийско-финской, в том числе в карельской, топонимии такие названия поселений вырастают из первоначальных наименований домов. Иначе говоря, это первоначальные однодворные поселения, названные по имени основателя: *Hoškoilu*, рус. *Хошкойла*, от карельского *Hoškoi*, которое восходит к рус. православному мужскому имени *Осип*.

Примечательно, что поселения, возникавшие в более отдаленной округе, практически не назывались таким образом. Судя по списку деревень Вешкельского прихода конца XVIII века (1795 г.), деревни получали свои названия по тем природным объектам, в черте которых располагаются: озерам (*Кангозеро, Корбозеро, Нялмозеро*), их мысам и заливам (*Сяргилахта* и *Инжунаволок* на западном берегу Сямозера), а также сельгам: *Канчинсельга, Лухтансельга, Масельга, Нинисельга, Подкусельга, Чалкойсельга.* Этот список свидетельствует о широком распространении в XVIII–XIX веках т.н. сележного типа поселений – своеобразной внутренней миграции, появлении и развитии сельскохозяйственных поселений на сельгах.

Рубеж XIX–XX веков характеризуется появлением еще одного типа населенных мест, связанным с рождавшимися в это время хуторами и выселками,

отпочковавшимися от родовых деревень. В их названиях закрепляется имя или прозвище основателя поселения в чистом виде, без какого-либо суффиксального оформления. Примером могут служить хутора с названием *Aksentii (Аксентий), Barti (Барти), Bul'a (Буля), Bogdi (Богди), Dekku (Декку), Mikkoi (Миккой), Mul'ugu (Мулюга), Juplu (Юплу)*. Часть этих названий восходит к карельским вариантам православных имен, в других же закрепились прозвища, родовые именования: хутор с забавным названием *Korotkoi (Коротькой)* сохраняет память о человеке с соответствующим прозвищем, имеющим русские корни: короткий – видимо, небольшого роста человек. Таким образом, сама модель топонима является маркером его возраста, а также типа объекта называния.

Вторая составляющая ареально-типологического метода – это ареальность. Топонимные типы или модели привязаны к территориям. Человек вместе с языком усваивает систему окружающих его топонимов. У него формируется представление о том, каким должно быть название места, и когда он сам оказывается в роли имядателя, он опирается на эти знания и представления. Существующая система названий оказывается моделью (образцом) для создания новых топонимов. Соответственно, осваивая новую территорию, человек переносил на нее традиционную для него систему названий. В результате, за ареалом модели стоит важное историко-культурное содержание, он позволяет наметить колонизационные пути, границы этнических территорий, центры инноваций.

В говорах Сямозерья понятие 'родник' выражается двумя терминами: *lähte* (отглагольное имя, ср. *lähtie* 'выходить, идти') и *nouzemu* (отглагольное производное от *nousta* 'подниматься') и из которых первое имеет общие прибалтийско-финские истоки, а второе является ливвиковской инновацией. Они не дистрибутируются ареально, поэтому остается предположить, что в прошлом между ними существовала определенная семантическая разница, которая со временем смазалась. На южной окраине Сямозерья в нескольких топонимах фигурирует топооснова *Purde-* (напр., озеро *Purdoilambi ~ Purdolambi* – рус. *Пурдо*, бол. *Purdosuo,* поле *Purdepeldo ~ Purdegenpeldo,* поле *Purde*, родник *Burde*), при этом центр ареала находится значительно южнее, на вепсской языковой территории, а сама основа возводится к вепсскому термину *burde* 'родник', неизвестному карелам-ливвикам, в том числе и населяющем Сямозерье. В совокупности с рядом других «вепсизмов» данная топооснова явно отражает приток вепсского населения на север и участие вепсского языкового компонента в формировании южных карельских наречий [Mullonen, Zaitseva 2017: 108].

В контексте ареальной дистрибуции существенно и то, что на западной окраине Сямозерья, в Вешкельской волости, письменными источниками XIX в. зафиксирован топоним *Гетте суо* [Сведения], в котором просматривается карельский оригинал в

виде **Hettesuo* (*-suo* ‘болото’). В нем отразился собственно карельский термин *hete* (основа косвенных падежей *hettehe-*) ‘ключ, родник’ [СКГК: 96], не свойственный ливвиковскому наречию и неизвестный в вешкельском говоре. Топоним явно отражает собственно карельское топонимическое влияние в Западном Сямозерье, распространившееся из географически смежного Северного Приладожья. Таким образом, просматривается определенное ареалирование, распространение в Сямозерье с юга вепсских типов, а с запада – собственно карельских, которые, однако, являются для Сямозерья маргинальными и не разрушают целостности данной локальной зоны южной Карелии. Последний вывод подтверждается в целом и другими подпирающими с юга вепсскими моделями, не оставившими здесь существенного следа, в то время как западные собственно карельские инновации закрепились здесь очень убедительно и позволяют говорить о прочных этнокультурных связях с Приладожьем.

Далее рассмотрена ситуация двух типовых топооснов, выраженных синонимичными лексемами и не разнесенных ареально. В карельских ливвиковских говорах используется несколько лексем для выражения значения ‘место’: *kohtu*, *paikku*, *sija*, *tila*. Из них в топонимии нашли использование две первых: луда *Hongusuarenkohtasluodo* (Нижняя Салма), пастбище *Pekinkohtu* (Метчелица), поле *Šopotinkohtu* (Метчелица), тоня *Suarenkohtasabai* (Угмойла), поля *Kohtanaidu* (Клещейла), зал. *Kohtanguba* (Сяргилахта), г. *Kohtankangahat* (Сяргилахта), луда *Kohtanluodo* (Миинойла), поля *Kohtanpellot* (Черная Ламба), луда *Kohtuluodo* (Сяргилахта), г. *Kohtupaikanmägi* (Павшойла), угод. *Kohtuselgy* (Вешкелица), о. *Kohtusuari* (Павшойла), бол. *Kohtusuo* (Акимово), зал. *Kohtusuonguba* (Новая Заживка); поле *Kangaspaikku* (Угмойла), поле *Kohtupaikku* (Сяргилахта), поле *Laččupaikku* (Пенгисельга), бол. *Lagipaikansuo* (Савиново), поле *Lagipaikku* (Черная Ламба), поле *Ristupaikku* (Клещейла), пок. *Torapaikku* (Метчелица), бол. *Torpaikansuo* (Метчелица). Полагаем, что термины, выступающие в топонимах, не были полными синонимами, однако семантическая дистрибуция нивелировалась со временем. Топонимическое бытование, кажется, позволяет ее реконструировать. Здесь стоит обратить внимание, прежде всего, на то, что термин *paikku* (пок. *Heinypaikat*, поле *Kangaspaikku*, поле *Kohtupaikku*, поле *Laččupaikku*, оз. *Kuuropaikku*, поле *Lagipaikku*, поле *Ristupaikku*, пок. *Torapaikku* и др.) использован исключительно в роли основного элемента сложных топонимов, в то время как *kohtu* представлен и в качестве атрибута: поля *Kohtanaidu*, зал. *Kohtanguba*, г. *Kohtankangahat*, луда *Kohtanluodo*, поля *Kohtanpellot*, угодье *Kohtuselgy*, бол. *Kohtusuo*, о. *Kohtusuari* и др. Сама привязка топонимов к местам, расположенным напротив деревни (т.е. *Kohtupeldo* перед домами деревни, остров *Kohtusuari* соответственно в озерном заливе напротив поселения), что характеризует, очевидно, разное семантическое наполнение: *kohtu* обозначало прежде всего ‘место напротив’, в то время как *paikku* не имело такой семантики. Примарная семантика

лексемы *kohtu* подтверждается и наречием *kohtas* ‘напротив’, которое представляет собой застывшую падежную форму слова *kohtu*. Возвращаясь к топонимам с детерминантом *-paikku*, следует отметить, что подавляющее большинство их привязано к сельскохозяйственным угодьям – полям и покосам, и это не случайно. Такое использование актуализирует вторичную семантику лексемы *paikku* ‘полоса, участок поля’, зафиксированную словарем KKS в ливвиковских говорах [KKS, 4: 104]. Иначе говоря, отсутствие ареальной оппозиции в данном случае оказывается на самом деле видимостью. Каждый из терминов, выступающий в роли топоосновы, характеризовался исторически более четко обозначенным смысловым оттенком в ряду семантически однородных терминов, и топонимы позволяют реконструировать эти исходные позиции.

Итак, модельность, т.е. бытование определенных моделей, характеризующихся временными и ареальными рамками использования и направляющих процесс называния, является одной из основополагающих принципов топонимии. Применение его к топонимии Сямозерья позволило увидеть разные этапы в заселении волостных территорий, выявить иноэтничное влияние, проникшее из-за пределов данной этнолокальной зоны, а также уточнить историческую семантику лексем, выступающих в качестве топооснов.

Примечание

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

Литература и источники

Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.

Сведения – Сведения о сенокосах в крестьянских хозяйствах Петрозаводского уезда (площадь, характеристика) // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 27. Оп. 2. Д. 50/839. Л. 21.

СКГК – Словарь собственно-карельских говоров Карелии / Сост. В.П. Федотова, Т.П. Бойко. Под общ. ред. В.П. Федотовой. Петрозаводск, 2009. 750 с.

ТМОИ – Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов; отв. ред. А.П. Непокупный. М.: Наука, 1986. 254 с.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.

Kiviniemi E. Paikannimien rakennetyypeistä. Helsinki: SKS, 1975. 82 s.

Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä. Helsinki: SKST 516, 1990. 243 s.

Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. 346 s.

Mullonen I., Zaitseva N. Areal Distribution of Veps Topographical Vocabulary // Linguistica Uralica. Tallinn, 2017. T. 53. № 2. Pp. 106–123.

A.A. Afanaseva
(Petrozavodsk, Russia)

THE AREAL DISTRIBUTION OF THE KARELIAN TOPONYMIC MODELS IN LAKE SYAMOZERO TERRITORY

The article points the areas of Karelian toponymic models on the territory of South Karelia, in Lake Syamozero territory. At different times this area was subject of Veps, Russian, Proper Karelian influence. The application of the areal-typological method of research is to identify in the mass of toponymic material those naming models that have areal and chronological framework of existence, then to map and analyze of the areas. Applying this method to the toponymy of Lake Syamozero territory allowed to see the different stages in the population of the areas of volosts, to identify the impact of migrants of different ethnicity, penetrated from outside the ethnic-local areas, as well as to clarify the historical semantics of lexemes acting as a toponymic stems.

Key words: Karelian toponymy, toponymic models, areal, Karelia, Livvi-Karelians, areal-typological method.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.159

В.А. Бакутов
(с. Новые Параты, Республика Марий Эл, Россия)

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ОЙКОНИМОВ БОЛЬШЕПАРАТСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности, этимология и специфика номинации современных и исторических названий населённых пунктов Большепаратского сельского поселения Волжского района Республики Марий Эл.

Ключевые слова: ойконимы, структура, словообразование, семантика, марийский язык, русский язык.

Среди обширного ряда топонимов особого внимания заслуживают ойконимы – названия населённых пунктов. Ойконимия, как и все другие онимы, является продуктом длительного исторического развития. По мысли А.В. Суперанской, она тесно связана с общественной жизнью и языками народов, населяющих те или иные территории. В них ярко отражаются ценные сведения о территории расселения и миграции этносов, о тех или иных исторических событиях, об особенностях ландшафта, об эволюции типов жилищ и поселений, исторической географии, истории народа, его

этногенеза и языка. Поэтому ойконимия представляет исследовательский интерес, как в качестве культурологического материала, так и как лингвистический источник.

Данная статья посвящена анализу ойконимов Большепаратского сельского поселения Волжского района Республики Марий Эл. В состав сельского поселения входят 13 населённых пунктов: с. Новые Параты (Шарача), д. Старые Параты (Черкысола), д. Бизюргуб (Пызьыргуп), д. Васюткино (Ватынъер), д. Вахоткино (Бакутсола), д. Китунькино (Кытынсола), д. Иманайкино (Кожлалӱвал), д. Отымбал, д. Очаково (Йыранъял), д. Урняк (Кызыл багана, Йошкар меҥге). В 2004 году, согласно Закону Республики Марий Эл от 28 декабря 2004 года № 62-З «О составе и границах сельских, городских поселений в Республике Марий Эл», в состав поселения были включены д. Микушкино (Мучашъер), д. Ашланка (Куэрласола) и хут. Воскресенский, выведенные из состава Эмековского сельского совета. Такие названия, как Пондашево, Коновалово, Томскино, Янциткино, Качейкино с карты Большепаратского поселения исчезли в прошлом веке в результате объединения населённых пунктов: д. Янциткино и д. Томскино стали частью с. Новые Параты, д. Качейкино присоединено к д. Бизюргуб, а околотки Пондашево и Коновалово образовали населённый пункт – д. Ашланка ещё в начале прошлого века. В ходе исследований анализу подвергались 47 ойконимов: официальные, народные, вышедшие из употребления, а также названия исчезнувших населённых пунктов, упоминаемых в различных источниках.

Географические названия на каждой исторически или географически выделяемой территории образуют определенную систему. Большое значение при изучении этой системы отводится принципам номинации и лексико-семантической классификации. Как известно, ойконимы – это, прежде всего лингвистические единицы, поэтому неотъемлемой частью любого топонимического исследования является анализ структуры (определение количества компонентов, входящих в топоним) и особенностей словообразования, что позволяет в дальнейшем определить их семантику и этимологию. Структура, по мнению А.В. Суперанской, – это та форма, в которой отражается содержание онима и при помощи которой топоним выполняет номинативную и дифференцирующую функцию, т.е. структура является одним из способов номинации [Суперанская 1973: 89].

По структурным особенностям официальные названия населённых пунктов исследуемой нами территории можно разделить на следующие группы: Простые: непроизводные: *Урняк,* производные (суффиксально-оформленные): *Ашлан**ка**, Вахотк**ино**, Воскресен**ск**ий, Китунько**ино**, Иманайк**ино**, Микушк**ино**, Очак**ово***. К простым производным также относятся упразднённые *Коновал**ово***, *Пондаш**ево**, Качейк**ино***, *Томск**ино***, *Янциткино*, вышедшее из употребления *Дмитриевское*, исчезнувшие *Пихтер**ев**, Ишейк**инъ**, Юрк**ино***.

Сложные, состоящие из двух или трёх компонентов: *Отымбал* < *ото* ‘роща’ + *ӱмбал* ‘над’, *Бизюргуб* < *Биз/без* + *ер / юр* ‘озеро’ + *куп* ‘болото’. Составные являют собой сочетания двух слов: *Старые Параты*, *Новые Параты*, вышедшие из употребления *Параты Русские, Параты Черемисские, Ачакасинский околоток, Китункина Гора*.

В отличие от официальных, большинство неофициальных названий являются сложными образованиями, состоящими из двух или трёх компонентов: *Ватынъер, Йыранъял, Кожлалӱвал, Куэрласола, Кытынсола, Мучашъер*, *Пызьыргуп, Черкысола, Чапайсола.* Составными являются *Пызьыргуп кутыр, Изи Пызьыруп, Кости кутыр, Кызыл багана, Йошкар менге*. Из неофициальных названий простыми являются *Шарача* (официальное – с. *Новые Параты*) и *Кутыр* (официальное – хут. *Воскресенский*).

Как показывает анализ, если основной способ образования официальных названий населённых пунктов – суффиксация, то в неофициальных названиях, которые являются сложными образованиями, выделяют нарицательную часть (детерминант, апеллятив) и именную часть (атрибутив). Например, *Бакутсола* > атрибутив-антропоним *Бакут* + апеллятив *сола* ‘деревня, селение’. В роли именной части употребляются антропонимы и геоботанические термины. В качестве детерминанта могут употребляться марийские географические термины, указывающие на тип объекта номинации, тип поселения, или марийские лексемы с локально-пространственным значением: *ер* ‘озеро’, *сола* ‘село, деревня’, *ял* ‘деревня’, *ӱмбал* ‘верх, поверхность; в топонимии около или за чем-либо’, *лӱвал* (литер. *йымал*) ‘низ, под’.

Название любого географического объекта включает в себя определённый признак, который лежит в основе самого названия. В топонимической системе исследуемой нами территории нашли отражение следующие мотивы наименования населённых пунктов. Так, из 20 официальных названий населённых пунктов, в том числе ныне не существующих, 13 имеют отантропонимное происхождение. Ещё А.М. Селищев, анализируя современную русскую топонимию, подчёркивал, что в «огромном большинстве случаев пункты поселений названы по личному имени, по прозвищу, по фамилии» [Селищев 1968: 46]. Но далеко не всегда можно с уверенностью сказать, от личного имени или от фамилии образовано конкретное название. Трудность при определении производящей основы представляют ойконимы: *Васюткино*, исчезнувшие еще в начале XIX века *Пихтеревъ (Ищейкинъ)* и *Юркино* [Износков 1885, VI: 12], в XX веке – *Пондашево*, – названия, которые могли произойти как от личных имён, так и от фамилий. Официальные названия *Вахоткино, Иманайкино, Качейкино, Китункино, Очаково,* неофициальные – *Бакутсола, Кытынсола, Чапайсола* и не существующие ныне *Ищейкинъ, Томскино, Янциткино* образованы от марийских мужских личных имён. От русских антропонимов образованы д. *Микушкино* и неофициальное название хут. Воскресенский – *Кости кутыр* ‘Константинов

хутор’. С уверенностью можно сказать, что только в основе не существующего ныне ойконима *Коновалово* лежит русская фамилия. Данный факт свидетельствует о том, что в названиях населённых пунктов первично имя человека, и лишь затем фамилия.

Село *Дмитриевское*, в прошлом параллельное официальное название села Большие Параты (ныне д. Старые Параты), а ныне вышедшее из употребления, произошло от названия церкви [Износков 1885, VI: 12; ССКГ: 10]. Производящей основой названия стало не официальное наименование храма *«Церковь святого великомученика Димитрия Солунского»*, а его устно-речевая форма. Неофициальное марийское название *Черкысола* (‘Село с церковью’) указывает на наличие в населённом пункте церкви.

Официальные названия *Ашланка*, *Бизюргуб, Новые Параты, Старые Параты,* и неофициальные названия *Ватынъер* ‘Женское озеро’*, Мучашъер* ‘Конечное озеро’*, Кӱшыл Шарача, Руш Шарача, Ӱл Шарача* с основой финно-угорского происхождения *шар* ‘река’, образованы от гидронимов. Неофициальное название д. Очаково – *Йыранъял,* по мнению И.С. Галкина, связано с гидронимом *Яранга (Яран)* [Галкин 1985: 64], В.В. Кузнецов считает, что ойконим представляет собой название-метафору, которое указывает на поселение с упорядоченной уличной застройкой: *йыраӈ* ‘ряд, грядка’ + *ял* ‘деревня’ [Кузнецов 1985: 8]. Мы же предполагаем, что в основе неофициального названия *Йыранъял* лежит широко распространённый орографический термин *яр* ‘высокий крутой берег, обрыв’. Данный термин встречается во многих языках, в том числе и языках финно-угорской группы: марийск. *йар, яр* ‘обрыв, крутой берег’, удмуртск. *йар, яр* ‘крутой берег, обрыв’, татарск. *яр* ‘берег’, башкирск. *яра* ‘канава’, *ярына* ‘берег’, *йырын* ‘овраг, в славянских языках *яр* ‘овраг, балка, лог’. Сопоставив данные можно сказать, что *Йыранъял* – это ‘деревня на берегу оврага или обрыва’, т.е. в названии отражены физико-географические реалии места расположения.

Ойконим *Урняк* (татарск. *Урнәк*) представляет собой идеологическое название, возникшее в первой половине XX столетия на основе татарской лексемы *Урнәк* ‘образец, пример’ без изменения внешней структуры. Вышедшие из употребления неофициальные названия – татарское *Кызыл багана* и марийское *Йошкар меӈге* – образованы от обозначения сооружения, являющегося продуктом человеческого труда, установленного на месте основания деревни, и в переводе на русский язык означают ‘Красный столб’.

Вторичными названиями, возникшими в результате метонимии (переноса наименования на основе смежности именуемых объектов по близости расположения), являются официальные названия *Ашланка* ← р. *Ашланка*, *Урняк* ← *сельхозартель «Урняк»* и неофициальные – *Ватынъер* ← оз. *Ватынъер, Мучашъер* ← оз. *Мучашъер.*

Остаётся открытым вопрос по этимологии официального названия хут. *Воскресенский*, которое могло произойти от наименований или церковного праздника Воскресение Христово, или дня недели *воскресенье*, когда, возможно, произошло переселение. Неофициальные названия *Пызьыргуп кутыр, Изи Пызьыргуп* являются отойконимными и появились в результате компактного переселения жителей д. Бизюргуб (*Пызьыргуп*) на новое место, т.е. даны по «материнскому» населённому пункту.

Некоторые официальные и неофициальные названия можно назвать «объективными» в том смысле, что мотивы наименований присущи данной местности в соответствии с её природными, географическими и другими свойствами. Так, в вышедшем из употребления названии д. *Китунькино – Китункина Гора*, используемом в начале прошлого века [ССКГ: 13], отражены физико-географические особенности места расположения. Неофициальные названия *Куэрласола* ‘Деревня у березняка’, *Кожлалӱвал* ‘Под ельником’, *Отымбал* ‘Над/за рощей’ несут информацию о растительном мире и окружающей населённый пункт местности, т.е. раскрывают «образ края». В неофициальных названиях *Кӱшыл Шарача* ‘верхняя Шарача’ и *Ӱл Шарача* ‘Нижняя Шарача’ атрибутивная часть выражает пространственные отношения, характеризующие расположение по отношению друг к другу.

Проявляется в ойконимах и такой вид парадигматических отношений, как полионимия, т.е. наличие у одного объекта нескольких названий. Например, официальные названия: *Китунькино* ↔ *Китункина Гора* (до начала XX века), *Большие Параты* ↔ *Старые Параты, Параты Черемисские, Дмитриевское* [Износков 1885, VI: 12], *Параты Новые* ↔ *Параты Русские, Очаково* ↔ *Ачакасы, Ачакасинский околоток* (использовались в начале XX века [ССКГ: 6]), исчезнувший в начале XIX столетия населенный пункт *Пихтерев* ↔ *Ишейкино* [Износков 1885, VI: 12], неофициальные названия хут. Воскресенский ↔ *Пызьыргуп кутыр, Изи Пызьыргуп, Кости кутыр, Кутыр,* д. Урняк ↔ *Кызыл багана, Йошкар меҥге*.

По результатам анализа фактического материала можно сказать, что процесс формирования ойконимов исследуемой нами территории происходил в течение длительного времени в сложных историко-географических и лингвистических условиях. Ойконимическое пространство складывается из двух основных хронологических пластов: марийского и русского, исключение составляет единственный ойконим татарского происхождения, появившийся в 30-х годах XX века. По своей структуре ойконимы могут быть простыми, сложными и составными. По способу выражения семантической мотивированности ойконимы можно разделить на следующие группы: названия, связанные с антропонимами (с именами, фамилиями); названия, связанные с природно-географическими особенностями, т.е. отражающие специфику ландшафта; названия, отражающие этнический характер населения и названия с

абстрактно-идеологическим значением. В основе большинства названий, как официальных, так и неофициальных, лежат древнемарийские личные имена, а именно мужские, что позволяет говорить о слабой роли женщины в общественной жизни в прошлом. В устной речи жители сельского поселения придерживаются народных названий, но в последнее время наблюдается тенденция, особенно среди молодёжи, использования только официальных названий, что со временем может привести к утрате народных названий, а следовательно, пласта историко-культурной памяти.

Литература и источники

Галкин И.С. Тайны марийской ономастики. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 96 с.

Износков И.А. Список населённых мест Казанского уезда с кратким их описанием. Казань. 1885.

Кузнецов В.В. Названия населённых пунктов Волжского района Марийской АССР (историко-этимологический анализ) // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 5.

Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М. Избранные труды. М., Просвещение, 1968. С. 45–96.

ССКГ – Список селений Казанской губернии / Оценоч.-стат. бюро Казан. губ. земства. Казань: Типолитография И.Н. Харитонова. Вып. 1: Казанский уезд. 1910. 32 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.

V.A. Bakutov
(Novye Paraty, Republik of Mari El, Russia)

THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF THE OIKONYMS OF THE BOLSHEPARATSK RURAL SETTLEMENT OF THE VOLGA REGION OF THE REPUBLIC OF MARI EL

This article discusses the structural and semantic features, etymology and specificity of the nomination of modern and historical names of settlements in the Bolsheparatsk rural settlement of the Volga region of the Republic of Mari El.

Key words: ojkonyms, structure, word formation, semantics, the Mari language, Russian language.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.165

Е.Н. Бекасова
(Москва, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ГЕТЕРОГЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ОРЕНБУРЖЬЯ

На территории Оренбуржья – своеобразных евразийских ворот – многочисленными этносами были оставлены названия географических объектов, среди которых по своей значимости и сохранности в ономастическом ландшафте выделяются гидронимы. Их освоение, а также возникновение новых названий водных объектов создают особую гетерогенную систему, которая преломляется и трансформируется в разных языках. Лексико-семантические характеристики и тематические мотивации дают основание рассматривать гидронимический ландшафт Оренбуржья как особый системный феномен.

Ключевые слова: ономастика, ономастический ландшафт, гидронимы, гетерогенность системы гидронимов, Оренбургская область.

Территория Оренбуржья, представляя так называемые евразийские ворота, отличалась не только пёстрым этническим составом своего населения, но и большим количеством проходящих по ней кочевых этносов. Народы не только контактировали между собой, но и оставляли следы своей хозяйственной и культурной деятельности на тех землях, которые давали им приют или ими осваивались.

Считается, что савроматы, саки, массагеты, угро-самодийские племена с I в. н.э. сменились аланами, уграми, гуннами, аланами, гузами, обрами, тюркютами. В IX в. сюда пришли печенеги, в XI в. – тюрки, половцы, башкиры, волжские булгары, кыпчаки, в XIII в. – монголы-татары, которых сменили ногаи, татары, киргиз-кайсаки (казахи) [Энциклопедия 2000: 11–12]. С XVI в. на этой территории появились казаки, и началось освоение огромного края, которое в 1734 г. было интенсифицировано деятельностью Оренбургской комиссии под руководством И.К. Кирилова и созданием через десять лет обширной Оренбургской губернии – от Хивы и Каспийского моря до Исети. Первый историограф Оренбургского края П.И. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» [Рычков 1999], за которую автор получил по инициативе М.В. Ломоносова звание первого в России члена-корреспондента Российской Академии наук, на основании многочисленных преданий и свидетельств представителей разных народов утверждал, что новая губерния устраивается не на пустом месте, а имеет древнюю историю, дающую ей право «*причтеся*» на равных к другим древним частям Российской империи [Бекасова 2013].

В этом плане наиболее показательны гидронимы, которые являются не только наиболее древней составляющей топонимичского ландшафта, но и в силу своей значимости независимо от своего статуса (макрогидронимы, микрогидронимы)

нередко мотивируют названия других топонимов – чаще всего населённых пунктов, например: астионим *Акбулак* возник от названия реки *Акбулак*, которое в переводе с тюркского языка (казахского) обозначает ‘белый источник, родник’ по цвету воды впадающих в него родников и ручьёв, сбегающих с меловых гор. Ср. также: г. *Бугуруслан* < р. *Бугуруслан*; г. *Бузулук* < р. *Бузулук*, п. *Губерля* < р. *Губерля*, п. *Донгуз* < р. *Донгуз*, с. *Ветлянка* < р. *Ветлянка*, г. *Орск* < р. *Орь*, *Блявтамак* < устье р. *Блява* (по башкирски – *Блявтамак*) и т.п.

Соответственно языковые пласты, отложившиеся в названиях водных объектов на указанной территории, множатся в других топонимических названиях, создавая впечатление, что большинство названий Оренбуржья – тюркские (подробнее об этом: [Бекасова 2016а)]), тем более, что гидронимы, как наиболее древний класс топонимов, трудно поддаются идентификации по языку. В связи с этим весьма показательна история названия главной реки Оренбуржья – Урала, которое появилось в результате замены первоначального названия реки Яик указом Екатерины II в 1775 г. При этом распространёнными являются версии об Урале как башкирском названии (*Каменный Пояс,* или по имени богатыря башкирского эпоса Урал-батыра), однако они являются несостоятельными в этимологическом плане и ошибочными в мотивации, поскольку название реки является вторичным – по названию Уральских гор, откуда она берёт своё начало, см.: [Халитов 2002: 83]. Тем не менее данные гидронимии являются непременным атрибутом аксиом об автохтонности тюркоязычных народов (прежде всего башкир и казахов на территории Оренбуржья). Нередко такие построения не учитывают уважительное отношение этносов к субстратным гидронимам и их трансформацию в языке пришедших на определённую территорию народов. В этом плане весьма показательны многочисленные «присвоения» названий русскоязычными переселенцами, например: *Кос-Истек* (‘башкирская кибитка’) > *Косой исток*, или косо текущая река; р. *Ток* (тюркское – ‘сытая, полноводная’) в названиях других географических объектов представлена в типичном для морфонологической системе русского языка виде – *Точки*, р. *Тоцкая*, районный центр *Тоцкое* и т.п.

История заселения края указывает на то, как разные этносы использовали уже сложившиеся названия водных объектов, особенно крупных, имеющих важное хозяйственное значение и протекающих по территориям, заселённых разными этносам. Для Оренбуржья в этом плане типично появление по указу Оренбургской губернском канцелярии слободы *Бугуруслан*, получившей своё название по р. *Бугуруслан*. Слобода первоначально заселялась беглыми людьми: преступниками, крепостными крестьянами, уральскими рабочими, дезертирами [Моисеев 2016: 52]. Затем поселение перенесли на р. Кинель, но старое название сохранилось, а первичное поселение стало называться *Мордовский Бугуруслан* по заселившей его мордве. Безусловно, подобные трансформации порождают различного типа мифы и ложную этимологизацию,

представленную, например, в объяснении: «Почему Бугуруслан? Потому что что он *Богу русскому дан*» [Моисеев 2016: 53]. Аналогичны версии по поводу названия «трижды зачатого, но единожды рожденного» г. Оренбурга, на наш взгляд, исторически и лингвистически несостоятельные [Бекасова 2016б: 32].

Древнейшие водные названия на территории Оренбуржья – иранского и финно-угорского, затем тюркско-иранского и тюрко-монгольского происхождения, которые в результате многовекового существования могли подвергаться изменения в другом этническом окружении. Всё это обусловливает споры вокруг языковой принадлежности названий типа *Самара*, *Сакмара* (иранский / тюркский / финно-угорский пласты). Достаточно сложна языковая дифференциация названий *Ирикла* (башкирское / татарское / казахское), *Блява* (финно-угорское / башкирское). Принято считать, что башкирские и татарские названия преобладают на севере, казахские – в центральных и южных районах Оренбургской области [Халитов 2003].

Если макрогидронимы достаточно проблематично идентифицировать в языковом отношении, то микрогидронимы, как правило, относятся к более позднему периоду заселения (обычно их характеризуют как «русские напластования») и достаточно гибко реагируют на изменения окружающего мира, нередко теряя бесследно свои названия и приобретая новые.

Но в любом случае мы имеем дело с языковым разнообразием – в местах компактного проживания какого-либо этноса сохраняются традиционные наименования, а в условиях двуязычия наблюдается корреляция русского и традиционного наименований. В частности, распространённые двухосновные модели гидротопонима часто переводятся на русский язык, например: *Татар чишмасе – Татарский родник, Казак койосо – Колодец казаха*, *Карабулак – Чёрный родник, Бояр Лисьма – Родник Боярина* и т.п. [Бекасова, Халитова 2017: 40].

Подобные двойные названия – явление не только последнего времени, поскольку имеются сведения о сосуществовании параллельных названий одного водного объекта на разных территориях, например: р. *Черталык* (финно-угорское ‘Щучья’ река) – *Суртанлык* (башкирское), *Чуртанлык* (татарское); р. *Блява* в архивных документах 1871 г. называлась *Бляу* (финно-угорское), но в результате активной хозяйственной деятельности башкир получила современное название и др. Б.А. Моисеев объясняет наличие подобного разнообразия на примере рек *Буртя, Урта-Буртя*, *Кияла-Бурта* [Моисеев 2016: 67–70], на территории которых после башкир пришли казахи, имеющие в этот период чёткую родовую градацию, вследствие чего «разные роды киргиз-кайсаков давали одному и тому же географическому объекту свои названия» [Моисеев 2016: 70].

Следует также отметить определённую языковую избирательность в гидронимии Оренбургской области в представлении основных тематических классов. Как

правило, гидронимы, отражающие природно-географические особенности, относятся к древним языковым пластам освоения края, тогда как гидронимы более позднего периода связаны с практической деятельностью человека. Например, название р. *Блява* (*Брусок*-река, *Оселковая* река) тесно связано с нахождением на её берегах точильного камня, что и зафиксировано в соответствующей башкирской легенде [Моисеев 2016: 745–46]. В этом плане также показательны славянские наименования, которые имеют, как правило, отантропонимическую мотивацию – по именам первопоселенцев, садчиков, фамилиям владельцев и проч., например: р. *Герасимовка*, р. *Ампелейка* (< *Ампилей+к+а*), озеро *Гороховое* (< фамилия лесника).

С другой стороны, появляется новое направление номинаций – от названия поселения к названию водного объекта: п. *Херсонка* (основано переселенцами из херсонской губернии в XIX в.) > р. *Херсонка* (приток Блявы), п. *Бранцлавский* (по родине переселенцев) > родник *Бранцлавский*.

В целом гидронимия Оренбургского края представляет особую систему, в которой начиная с I в. н.э. сложно переплетаются, трансформируются и по-разному преломляются названия гидронимов в условиях освоения водных объектов разными этносами. Вариантность номинаций, параллельное сосуществование, а также их смена по объективным и субъективным причинам позволяет считать, что гидронимический ландшафт Оренбуржья, наряду с универсальными характеристиками, имеет собственную «сетку» номинаций, формирующую особый гетерогенный феномен.

Литература и источники

Бекасова Е.Н. Оренбургский Нестор (к 300-летию со дня рождения П.И Рычкова) // Материалы заседания Научного совета ГБУ «ГАОО» «Первый член-корреспондент РАН, исследователь Оренбургского края П.И. Рычков: его эпоха и современность / Под ред. В.А. Ильиной, Е.Н. Новокрещеновой, И.А. Даниловой. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. С. 25–34.

Бекасова Е.Н. О системном подходе к описанию топонимического пространства // Региональная онтолингвистика: проблемы и перспективы исследования, сборник научных статей / сост. А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П.С. Машерова, 2016а. С. 46–48.

Бекасова Е.Н. Проблемы и перспективы изучения языкового пространства Оренбуржья // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: в 2 ч. Ч. 1. Материалы Международной научной конференции. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 14 октября 2016 г. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. Оренбург: ООО Издательство «Оренбургская книга», 2016б. С. 28–33.

Бекасова Е.Н., Халитова Г.У. О некоторых особенностях номинации микрогидронимов Оренбургской области // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвящённой 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В.А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред.

С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. В 2 т. Т. 1. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. С. 288–295.

Моисеев Б.А. Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание [послесл. Е.Н. Бекасовой]. Оренбург: Изд-во «Оренбургская книга», 2016. 416 с.

Энциклопедия 2000 – Оренбуржье: энциклопедия / гл. ред. И.А. Бехтерев. Калуга: Золотая аллея; Оренбург: Оренбург. лит. агентство, 2000. Т. 1: Природа. 159 с.: ил., карты, схемы.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Капитал, 1999. 310 с.

Халитов Р.Я. Гидронимия Оренбуржья (Лингвистический анализ): дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2002. 185 с.

Халитов Р.Я. Основные принципы номинации гидрообъектов Оренбуржья // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института истории народов Оренбуржья имени Мусы Джалиля. Вып. 4. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С. 38–51.

E.N. Bekasova
(Orenburg, Russia)

TO THE PROBLEM OF HETEROGENEITY OF THE ONOMASTIC LANDSCAPE IN THE ORENBURG REGION

In the territory of Orenburg region – peculiar Eurasian gate – numerous ethnoses left different names of geographical objects among which on the importance in an onomastic landscape hydronims are distinguished. Their development and also emergence of new names of water objects create a special heterogeneous system which is refracted and transformed in different languages. Lexico-semantic characteristics and thematic motivations give the grounds to consider a hydronymic landscape of Orenburg region as a special system phenomenon.

Key words: onomastics, onomastic landscape, hydronyms, heterogeneity of hydronymic system, Orenburg region.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.169

Н.В. Беленов
(Самара, Россия)

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МОКША-МОРДОВСКОГО СЕЛА БАХИЛОВО НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

В статье анализируется топонимическая номенклатура окрестностей села Бахилово на Самарской Луке. Данное село принадлежит самобытной группе мордовского

этноса – самаролукской мордве, время и исторические обстоятельства появления которой на данной территории остаются предметом дискуссий. Анализ проводится с учётом характерных особенностей бахиловского говора мокша-мордовского языка, которые значительно отличают его как от известных мокша-мордовских диалектов, так и от соседних мокша-мордовских говоров, бытующих на Самарской Луке в рамках самаролукского диалекта мокша-мордовского языка: торновского и шелехметского. Работа выполнена на основании полевых материалов автора.

Ключевые слова: топонимика, топонимическое пространство, мокша-мордовский язык, мордва, Бахилово, Самарская Лука.

Мордовское население Самарской Луки представляет собой особую, изолированную, как минимум, на протяжении пяти веков от носителей иных мордовских диалектов, этническую группу, характеризующуюся рядом уникальных этноязыковых и социокультурных особенностей. В языковом аспекте мордва Самарской Луки является носителем особого, самаролукского диалекта мокша-мордовского языка, по основным признакам приближающегося к так называемому смешанному мокша-мордовскому диалекту [Феоктистов 1990: 99], но, вместе с тем, значительно от него отличающегося по ряду характерных признаков. В составе самаролукского диалекта в настоящее время выделяется три говора мокша-мордовского языка: торновский, шелехметский и бахиловский. Автором настоящей статьи на протяжении полевого сезона 2018 года в рамках проекта «Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки, грант № 18-412-630002\18» проводилось исследование топонимической номенклатуры мокша-мордовского населения Самарской Луки. Некоторые результаты данных исследований – в той части, которая относится к топонимическому пространству мокша-мордовского села Бахилово, мы публикуем в настоящей работе.

Под топонимическим пространством мы понимаем совокупность географических названий на той территории, которую его жители традиционно считают «своей». Данная территория очень часто (на практике – почти всегда) не совпадает с современными административными границами (районными границами, границами сельских поселений и т.д.), поскольку административное районирование преследует сугубо утилитарно-хозяйственные цели, понятие же «своей» территории формировалось у этнотерриториальной группы веками – с момента освоения ими этих земель.

Ниже даны избранные географические названия топонимического пространства села Бахилово и их этимология.

Алкурай. Нижняя часть улицы Советской, полное название – *Алкурай кереметь*, связанное с расположенным в этой части села прудом. Зафиксированная этимология: *Нижнее озеро*, где *ал* – ‘низ; нижний’, *кур / кура / курай* в бахиловском говоре мокша-мордовского языка – ‘озеро; пруд’ (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, село Бахилово, 2018). Вероятно, ранее значение данного названия было

иным – ‘нижняя улица’, где *курай* – местная форма мокшанского диалектного *курня* – ‘улица’. Косвенно это подтверждает наличие термина *куре* в старобинарадском говоре мокша-мордовского языка в значении ‘деревенька’: значительную часть мокша-мордовского населения Старой Бинарадки составили переселившиеся в первой половине XVIII века на левый берег Волги выходцы из Бахилово (ПМА, Самарская область, Красноярский район, село Старая Бинарадка, 2019). Д.В. Цыганкин выделяет в топонимии Мордовии схожий термин – *кярь / керь*, который возводит к обозначению древесной коры в мордовских языках. В топонимии же, по мнению учёного, данный термин выступает в значениях ‘группа домов на отшибе’, ‘небольшая деревушка’ [Цыганкин 2005: 109]. В бахиловском говоре мокша-мордовского языка семантика термина изменилась: так стали называть пруды и озёра, – вероятно, в связи с расположением прудов в концах улиц и, одновременно с заимствованием для обозначения улиц русского термина, который здесь имеет форму *ультя* (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, село Бахилово, 2018). Также надо отметить, что основа *кур* имеет достаточное распространение и в финно-угорской гидронимии, а также бытует и в ряде русских говоров, как заимствование из финно-угорских языков, в составе термина *курья*. Как представляется, обе группы терминов могут восходить к архаичной финно-угорской лексеме с основой *кур*, имеющей семантику собирательности. Так, в материалах Х. Паасонена по мордовской диалектической лексике, можно найти лексемы *kurinka* в значении ‘часть деревни’, ‘участок улицы, порядок’; *kuro* – ‘участок улицы’, ‘место скопления (обычно ягод, деревьев или кустарников)’ [Paasonen 1993: 133]. Возможно, это общее, архаичное значение термина *кур*, а также гидронимические параллели с данной основой сыграли существенную роль в изменении семантики термина *курай* в бахиловском говоре мокша-мордовского языка.

Веркурай. Верхняя часть улицы Советской, полное название – *Веркурай кереметь*, связано с расположенным в этой части села прудом. Название, вместе с *Алкурай кереметь*, входит в дуалистическую сакральную систему села Бахилово. Топоним этимологизируется как *Верхнее озеро*: *вер* – ‘верхнее’ (в письменно-литературном мокша-мордовском языке – *вярдень, вярци*) и *курай* – в бахиловском говоре мокша-мордовского языка ‘озеро; пруд’. *Кереметь* – распространённый у ряда поволжских народов термин, означающий ‘место проведения языческих молений’ либо являющийся именем собственным языческого божества. В системе языческих представлений бахиловской мордвы все окрестные пруды являются обиталищем *матушки Кереметь*, которую здесь также называют *Озёрной старухой* (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, село Бахилово, 2018).

Куднелейка. Ручей в Бахилово, называемый здесь рекой, в районе современной улицы Полевой – которая, по некоторым данным, ранее также называлась *Куднелейкой*. Топоним представляет особенную этноисторическую ценность, так как,

единственный на Самарской Луке, содержит мордовский гидроформант *лей* (в мокшанском письменно-литературном языке – *ляй*, в эрзянском – *лей*; здесь, в соответствии с фонетическими особенностями бахиловского говора мокша-мордовского языка, общими для всех самаролукских говоров, произошёл переход [*а/я*] в [*е/э*]). В торновском и шелехметском говорах мокша-мордовского языка лексема *ляй / лей* не встречается ни в разговорной речи, ни в топонимии (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, Шелехметь, 2018).

Местные жители этимологизируют топоним как *Домашняя речка*: *кудне* – ‘домик’ + *лей* – ‘река’ (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, село Бахилово, 2018). Отметим, что гидронимы с подобной семантикой имеют достаточно широкое распространение как в мордовской, так и в смешанной русско-мордовской этноязыковых средах, являясь – как представляется – своеобразным маркером мордовского компонента в соответствующем топонимическом пространстве. Можно привести следующие примеры гидронимов с подобной семантикой с территории Самарского Поволжья: *Жилой ручей, река Домашка* [Беленов 2018: 147].

Пачкарайка. Название пруда в окрестностях села Бахилово, сооружённого в советское время для полива. По свидетельству И.В. Мордвиновой, раньше там был отвершек оврага с небольшим родником (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, село Бахилово, 2018). Название привлекало внимание авторов «Самарской топонимики», которые предложили свою версию его происхождения. Ю.Н. Смирнов отмечал, что топоним двусоставный. Для компонента *райка* учёный предлагал этимологии от русских диалектных терминов *рай* – ‘рига; овин’, *райа* – ‘граница; рубеж’, *райник* – ‘большой обширный лес’. Относительно компонента *пачка* авторы «Самарской топонимики» замечали, что точно этимологизировать его не представляется возможным, однако предполагали, что здесь имеет место какое-то чувашское слово, представляющее собой передачу иноязычного термина [Барашков, Дубман, Смирнов 1996: 115].

Данный топоним действительно сложен для этимологизации. Признавая вероятность приведённой выше гипотезы, отметим, что, с нашей точки зрения, учитывая, что топоним относится к топонимическому пространству мокша-мордовского села, логичнее этимологизировать его с помощью мокша-мордовского языка, опираясь на особенности местного бахиловского говора и местной топонимной лексики. Пруды и озёра в бахиловском говоре обозначаются термином *кур / кура / курай*. Таким образом, верным, на наш взгляд, будет следующее членение топонима: *пач+курай+ка*, где *пач*, по нашему мнению, является искажённой формой общемордовского флоронима *пиче* – ‘сосна’, *курай* – ‘пруд’, *ка* – распространённая в географических названиях Самарской Луки, не только мордовских, финаль: *Кочкарка, Чуракайка, Куднелейка* и др. Её происхождение можно объяснить как процессом русификации топонимии, так

и собственно мордовской аффиксацией уменьшительности – *ке*. Таким образом, топоним *Пачкарайка* можно этимологизировать как *Сосновый пруд* [Беленов 2019: 74].

Большинство современных жителей села уже не может этимологизировать название, вследствие чего среди них популярно его объяснение с помощью «народной топонимики»: от слова *пачкаться* (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, село Бахилово, 2018).

Примечание

Работа выполнена при поддержке РФФИ и Правительства Самарской области проект «Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки», грант № 18-412-630002\18.

Литература и источники

Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1996. 192 с.

Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. Самара: Порто-принт, 2018. 200 с.

Беленов Н.В. Этимология топонима «Пачкарайка» на Самарской Луке // Инновационные исследования. Пермь: Аэтерна, 2019. С. 72–74.

ПМА – Полевые материалы автора.

Феоктистов А.П. Диалекты мордовских языков // Mordwinisches Worterbuch. Bd. l. Helsinki: Salais-Uguomrilainen Seura, 1990. S. LX–LXXXV.

Цыганкин Д.В. Память, запечатлённая в слове. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 432 с.

Paasonen X. Mordwinische Wörterbuch. T. 1–3. Helsinki: Fenno-Ugristarum, 1990–1995.

N.V. Belenov
(Samara, Russia)

TOPONYMIC AREA OF MOKSHA-MORDOVIAN VILLAGE BAHILOVO ON THE PENINSULA SAMARSKAYA LUKA

The paper analyzes a toponymic nomenclature surrounding village Bahilovo on the peninsula Samarskaya Luka (Samara Bend). This village belongs to the unique ethnoterritorial group of the Mordovian ethnos – the Mordva of Samara Bend, the time and historical circumstances of the appearance of which in this territory remain the subject of discussion. The analysis is carried out taking into account the characteristic features of the Bahilovsky dialect of the Moksha-Mordovian. It is significantly different from known Moksha-Mordovian dialects. Also it is different from neighboring Moksha-Mordovian dialects, occuring on the Samarskaya Luka peninsula, namely Tornovsky and Shelehmetsky. The work is based on the author's field materials.

Key words: toponymy, toponymic area, Moksha-Mordvin language, Mordovians, Bahilovo, peninsula Samarskaya Luka.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.174

А.В. Богатырев
(Тольятти, Россия)

РЯД ТОПОНИМОВ ИЗ ОТЧЕТОВ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ЗА 1673–1677 ГГ.

Устанавливаются современные названия и местоположение объектов в сообщениях московского дипломата В.М. Тяпкина – *Торнов*, *Решов*, *Устя город* и др. Выстроен маршрут передвижения резидента из Яворова в Краков на коронацию Яна III Собеского в 1676 г. Рассмотренная в статье информация конкретизировала для заинтересованных россиян топонимику воеводств, в особенности Русского и Сандомирского, «приметы» внутренней планировки двух важнейших городов Речи Посполитой – Варшавы и Кракова.

Ключевые слова: имена собственные, география Речи Посполитой XVII столетия, города и предместья, урбанонимы, В. Тяпкин, его «авизы».

Прошло немало времени с момента публикации работы, затрагивавшей вопрос политико-географического кругозора приближенных Федора III. Из известных данной категории, наряду с иными, назывались города близлежащей Речи Посполитой: Варшава, Львов, Яворов, Белая Церковь, Вильно, Гродно, Гданьск, Краков [Шамин 2011: 277]. Более обстоятельно к проблеме информированности в Московском царстве о географии Польско-Литовского государства, насколько мы знаем, до настоящего момента не обращались. Осмелимся сделать это, основываясь на «посланиях» русского резидента в Речи Посполитой Василия Михайловича Тяпкина – бесспорно, доклады дипломатов не оставляли без внимания в Боярской думе.

Ожидаемо содержат географические «достопримечательности» описания движения россиянина по землям Речи Посполитой. Рассказывая о «выезде» на коронационные торжества Яна III Собеского (1676 г.), он объяснял: *Из Яворова поехал… до Кракова… на Ярославль… на Решов, на Сендишев, на Денбицы, на Торнов…* [РГАДАа: 519об.]. Не трудно догадаться: *Ярославлем* именуется польский город *Ярослав* (*Jarosław*), под *Решов* подразумевался *Жешув* (*Rzeszów*) [Malec 2002: 213], *Сендишев – Сендзишув* (*Sędziszów*) [Malec 2002: 216]. Деревня (отныне – город) *Денбицы* (*Dębica*) [Malec 2002: 67] до этого случая была замечена в данном написании в труде Н.Г. Устрялова, рассматривавшего события 1698 г. [Устрялов 1858, 3: 151]. В конечном итоге, встречающийся у Тяпкина *Торнов* легко распознается как *Тарнув* (*Tarnów*) [Rymut 1987: 245]. Соотнесение с «дневником» польского путешественника Станислава Освенцима [Oświęcim 1907: 63] приводит нас к выводу, что дипломат довольно точно «вычертил» карту своих переездов.

Внимателен был «московит» и к перемещениям иных персон, в первую очередь, государя Речи Посполитой. Не осталось незамеченным посещение им Золочева [ГУ 1990: 153], даются географические координаты: *Поехал в маетность свою в* ***Злочево****, которое ото Львова в девяти милях…* [РГАДАб: 175]. Сталкиваемся с первым документально подтвержденным на настоящий момент фактом использования онима в русской речи – прежде Тяпкина привечаем его в бумагах Петра I [ЖПВ 1770, 1: 312, 325].

С «фронта» польско-турецко-татарского конфликта 1672–1676 гг. Тяпкин переслал донесение польского «информатора»: *Ни платежем ни зимовищем посилено не было, сверх того развлечены и несобрены, и от того великие нашествия и наезды дворов шляхецких, грабежи и по деревням…* [РГАДАв: 79об.]. Место отправки помечено *Усть (Устя) город – полской при Днестре* [РГАДАв: 78], но что это за пункт? Заглянем в словарь: *город* в XVII столетии значит ‘ограда, крепостная стена, линия укреплений’, ‘укрепленное поселение, крепость’ [СлРЯ 1977, 4: 90]. Посему, скорее всего, имеется в виду *Uście* на Днестре (в 3 милях от Галича), славное оборонным замком [Stupnicki 1849: 77].

Географические представления дипломатического агента и «читателей» его сообщений до некоторой степени проясняют приводимые в текстах титулы, звания и пр. Ян III, например, имеет прозвание *меренского, стрийского, калуского* [РГАДАб: 34об.], согласно записи на «обрание» монарха (1674 г.), отправленной из резидентуры в Посольский приказ. *Меренский* (*Меренского*) зовется Леопольд I Австрийский в московских «делах» 1661 г. [ПДС 1856, 4: 1351]. В случае с польским королем подразумеваются владения, выделявшиеся заслуженным людям – *panis bene* ***merentium*** (*królewczyzny*) [Jabłonowski 1877: LXXIV], а не какой-либо топоним.

Показателен прикрепленный к отчетам Тяпкина список лиц, заверивших государственный документ: он подписан *Михаилом Друцким Саколинским, моршалком* ***ошмянским*** *(Ошмяны в Виленском воеводстве, позже в Гродненской обл. Беларуси. – А.Б.)* [ГБ 1984: 163, 287]*, с Петром Апалинским, старостою* ***можерским*** *(от города Мозырь. – А. Б.)* [ГБ 1984: 255]*, с судиею* ***саноцким*** *(город Санок. – А.Б.)* [Malec 2002: 127, 214]*, с Мартином Хелминским, подстолием* ***сендомирским*** *(Сандомир, Сандомеж. – А. Б.)* [Malec 2002: 23]*, с Конзтянтином Яном Вулским, с писарем земским* ***брестянским*** *(следует отнести к Бресту. – А.Б.)* [РГАДАа: 108–109об.].

Добрая часть перечисленных географических объектов находилась в тогдашних Русском и Сандомирском воеводствах, которые стали знать лучше, однако «шероховатости» в написании топонимов показывают: некоторые места данных административно-территориальных подразделений Речи Посполитой отдельными московскими «служащими» еще представлялись слабо.

Вполне заслуженно обласканы вниманием Тяпкина нынешняя и прежняя

столицы – Варшава и Краков, окружавшие их предместья, юридики. Интерес к ним был связан с военными делами, церемониальными акциями, размещением «на житье» дипломата. В частности, он записал: *В Варшаве вытрубка… за Вислою на* ***Праге*** *и на* ***Скарытове****…* [РГАДАв: 122об.]. *Прага* (*Praga*), небольшое скопление строений (*osada*), появилась близ Варшавы в XVII в. [Mórawski 2003: 398], а *Skaryszew*, обозначенный *Скарытове,* изначально был деревней [Mórawski 2003: 86]. Поминается «местечко» *Leszno* [Mórawski 2003: 86], *Лешня* видим в связи с польско-литовским посольством в Москву 1569 г. [КПМ 1843, 1: 291]: *На* ***Лешне*** *улице в самом долнем месте… от двора королевского, в самом худом дворишке шинкавском…* [РГАДАб: 27об.]. Именуется, как и в 1768 г. [АЮЗР 1864, 3: 657], «улицей», хотя вернее его было бы включить в число варшавских юридиков [Brańska 1965: 10].

Интересны сведения о краковских «пригородах». *Из замку, нарицаемого* ***Промника****, отстоящего от Кракова за полмили…* [Иванов 1850: 311], – вычитываем в бумагах дипломата о поселении, предместье Кракова *Промник* (*Promnik, Prądnik*, одноименная река) [Beniarzówna, Małecki 1984: 159]. Вдобавок дополнено: *Выезд учинился… из некоторого городка каменного…* [РГАДАг: 65]. Таким образом, *Промник* окрестили *городком* – ‘укреплением’, ‘укрепленным поселением’, ‘населенным пунктом, городком’, ‘огражденным участком земли’ [СлРЯ 1977, 4: 93, 94].

Упоминается россиянином фрагмент сегодняшнего Кракова *Казимеж* (*Казимер, Казимировское, Kazimierskie*) [Beniarzówna, Małecki 1984: 563]: *А для коней… отведен был другой двор, в другом месте, нарицаемом* ***Казимере****…* [Иванов 1850: 311], *особно дворы в краковском предместье в* ***Казимере*** *записаны и послы идут изо всех немецких государств к Кракову…* [РГАДАг: 37–37об.]. Почему-то считавшийся тогда самостоятельным город дипломат назвал предместьем (или же это намек на Краковскую улицу *Казимежа*). Натыкаемся у него на *Страдам* [РГАДАа: 519об.], которым он величал краковский «район» *Stradom* [Beniarzówna, Małecki 1984: 563].

Присутствуют и урбанонимы, попытки исследования которых нам неизвестны. В связи с Варшавой возникает знаковое место – поле на *Воли* (*Wola*), где проходили «обряды» избрания польского государя: *Яко трубою вострубленною и воздвиженному благости знамению посторонних государей хотения и желания на* ***поли волности*** *полские…* [РГАДАб: 29]. Затрагивая варшавские «частности», резидент упомянул *Нове Място* (*Nowe Miasto*) [Mórawski 2003: 392]: *Чрез рынок и* ***новое место****…* [Иванов 1850: 308].

О «магистралях» «стольного града» Тяпкин оставил нам немного, отмечая, например, что их четыре [РГАДАв: 122об.], есть у него и о *Краковской улице* [РГАДАа: 184] (*Krakowskie przedmieście*) [Mórawski 2003: 399]. Касаясь Кракова, резидент писал, намекая на *Гродзкую улицу* (*Grodzka*) [Beniarzówna, Małecki 1984: 11]: *В Кракове в самом месте на* ***Градцкой улице*** *двор стоялой...*, затем *с наемного своего*

двора перевезся со всеми великого государя людми… на постоялой двор на ***Градцкую улицу***… [Иванов 1850: 311]. Впрочем, дипломат уточнял элементы внутренней планировки не только «столичных» городов. Повествуя о *Казимеже*, Тяпкин написал – *на* ***Висляной улице***… [Иванов 1850: 311], назвав незафиксированный в таком виде краеведами урбаноним. Вероятно, подразумевалась область *Старой Вислы*, один из рукавов реки в Кракове, тем более что *Bulwary Wiślane* [Krasnowolski 1992: 50] появились значительно позже. Или же имелось в виду прежнее название улицы *Gazowa* [Krasnowolski 1992: 54].

Информация о географии Речи Посполитой подпитывалась, прежде всего, личным опытом Тяпкина, ее сохранение было продиктовано потребностями миссии, необходимостью отчитаться за израсходованные средства, объяснить расстояниями «некорректности» в сообщаемых данных. Но пополняли географический «багаж» и за счет других каналов, используя государственные документы, попавшие к резиденту письменные материалы. Окинув все общим взглядом, приходим к парадоксальному, как кажется, выводу – представления даже о таких близких к России территориях Речи Посполитой на тот момент были еще далеки от исчерпывающих.

Литература и источники

АЮЗР – Архив Юго-Западной России. Киев: Федоров, 1859–1914. 37 т. 907 с.

ГБ – География Белоруссии. Минск: Вышэйшая школа, 1984. 302, [2] с.

ГУ – Города Украины: экономико-географический справочник. Київ: Вища школа, 1990. 279 с.

ЖПВ – Журнал или Поденная записка… государя императора Петра Великаго. СПб.: Имп. Акад. наук, 1770–1772. Ч. 1–2. [7], 460 + 763 с.

Иванов П.И. Описание государственного архива старых дел. М.: Тип. С. Селивановского, 1850. 392 с.

КПМ – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М.: Унив. тип., 1843. Кн. 1–2. 482 + 285 с.

ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1856. Т. 1–10. [6] с., 1436 стб.

РГАДАа – Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Д. 161а.

РГАДАб – Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Д. 163.

РГАДАв – Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Д. 164.

РГАДАг – Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Д. 178.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 1–30. 403 с.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. Т. 3. 662 с.

Шамин С.М. Куранты XVII столетия. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 352 с.

Bieniarzówna J., Małecki J.M. Dzieje Krakowa. Kraków w wiekach XVI–XVIII. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1984. 666 s.

Brańska E. Materiały do dziejów Warszawy w warszawskich archiwach państwowych. Warszawa: s. l., 1965. 79 s.

Jabłonowski A.W. Lustracye królewczyzn ziem Ruskich Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej połowy XVII w. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1877. 226 s.

Krasnowolski B. Ulice i place krakowskiego Kazimierza. Kraków: UJ, 1992. 216 s.

Malec M. Słownik etymologiczny nazw geograficznych Polski. Warszawa: PWN, 2003. 290 s.

Mórawski K. Warszawa: Dzieje miasta. Warszawa: Książka i Wiedza, 2003. 455 s.

Oświęcim S. Dyaryusz 1643–1651. Kraków: Akademia Umiejętności, 1907. 427 s.

Rymut K. Nazwy miast Polski. Wyd. 2. Wrocław: Ossolineum, 1987. 290 s.

Stupnicki H. Galicya pod względem geograficzno-topograficzno-historycznym. Lwów: Ossolineum, 1849. [3], 176 s.

A.V. Bogatyrev
(Togliatti, Russia)

TOPONYMS FROM REPORTS OF THE RUSSIAN PERMANENT EMBASSY IN POLAND FOR 1673–1677

The modern names and location of the objects in the messages of the Moscow diplomat V.M. Tyapkin – *Tornov*, *Reshov*, *Ustya Gorod*, and others. The resident's route from Jaworów to Kraków in 1676 was lined up. The information considered in the article specified for the interested Russians the toponymy of voivodships, especially Ruskie and Sandomierskie, in particular the internal planning of the two most important cities of the Commonwealth – Warsaw and Kraków.

Key words: proper names, geography of Rzeczpospolita, XVII century, towns and suburbs, urban names, V. Tyapkin and his "advises".

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.178

В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова
(Великий Новгород, Россия)

СТРАТИФИКАЦИЯ ДОСЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИИ НА ВОЛЖСКО-ДВИНСКО-ДНЕПРОВСКОМ ВОДОРАЗДЕЛЕ

В статье освещена географическая и культурно-историческая специфика водораздела Волги, Западной Двины и Днепра, кратко охарактеризованы главные слои дославянской топонимии (прибалтийско-финского, балтийского и древнеевропейского происхождения) в этом микрорегионе. Приведены этимологические трактовки некоторых древних названий.

Ключевые слова: Волга, Западная Двина, Днепр, водораздел, топонимы, гидронимы, топонимические слои.

Волжско-Двинско-Днепровское междуречье приходится на западную часть Валдайской возвышенности, а по современному административно-территориальному делению, на районы Тверской области к западу от Селигера и верхнего течения Волги до Ржева. Местность можно обозначить как Великий водораздел крупных европейских рек, текущих на юго-восток, юг, северо-запад и север: отсюда начинают свое течение р. Волга бассейна Каспия, р. Западная Двина бассейна Балтийского моря, р. Днепр Черноморского бассейна, а также не столь большая р. Пола, связанная с Балтикой через Ильмень-Волховский бассейн. Великий водораздел имел большое значение для древних народов, продвигавшихся по речным магистралям через волоки, благодаря чему он отмечен устоявшимся древнерусским названием *Оковский Лес* и удостоился известного сообщения в Повести временных лет: «Днѣпрь бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же лѣса потече Волга на въстокъ...» [ПВЛ: 11–12].

Имена двух великих рек Волги и Двины тоже вышли отсюда, распространившись с истоков (в отличие от Днепра, имя которого, напротив, поднялось с юга на север). Обильный материал показывает, что в древних новгородско-псковско-тверских микросистемах, образуемых названиями озера и вытекающей из озера реки, первичны как правило названия озер, перенесенные потом на реки. Такая ситуация типична для микросистем древнего типа, показывающих деривационное равноправие лимнонима и потамонима: оз. *Нево* – р. *Нева,* оз. *Клетно* – р. *Клетна,* оз. *Березай* – р. *Березая,* оз. *Меглино* – р. *Меглина* и т.п. (см. [Васильев 2017: 322–324]); в данный ряд вписываются оз. *Волго* – р. *Волга* и, может быть, оз. *Двина* (позднее *Двинец*) – р. *(Западная) Двина.* Есть и этимологические аргументы. Так, *Двина*, похоже, др.-слав. гидроним (от диал. праслав. **dъvina* ‘двойня, пара’), первоначально относившийся к озерному истоку реки; мотивом номинации, по нашему мнению, стало то, что Двина вытекает из озера, разделенного на две части узкой перемычкой, т.е. парного, *двойного* озера (недаром в межевых материалах конца XVIII в. это озеро носит два названия, соединенные союзом: *Охват и Жаденье*), подр. об этом [Васильев 2019 (в печати)].

Существенная физико-географическая особенность Великого водораздела – наличие огромных по площади лесных массивов, что самоочевидно отражено в самом имени *Оковский Лес*. В древнерусское время эти лесистые места, судя по распространению курганов, были заселены главным образом вдоль рек и на волоках, которых здесь, по подсчетам Л.В. Алексеева [1974: 7 (карта)], было не менее шести. До сих

пор данный микрорегион преимущественно глухая лесная провинция, особенно в его северной части. Отчетливой культурно-исторической чертой микрорегиона является его издревле переходный, периферийный характер относительно этно-археологических ареалов, а в более позднее время – относительно границ государственно-территориальных образований. В этом видится прямая связь с местной гидрографией – сближением истоков крупнейших рек, по которым продвигалось древнее население и останавливалось либо у истока одной реки, либо перебиралось на водоразделе из одного речного бассейна в другой. Отсюда не исходили импульсы диалектных изоглосс, но при этом, как отмечалось ранее, «в целом именно ареал, очерчиваемый границами верховья Западной Двины, – Торопец, Холм, Селигер, озеро Волго, Старица, Ржев, – представляет собой узел сплетения множества изоглосс» [Булкин, Герд 1992: 6], надвигавшихся с запада, севера и юга.

Физико- и историко-географические особенности Великого водораздела, разумеется, отразились на местном топонимическом ландшафте, в развитии которого ожидаемы две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, свойственная этому микрорегиону ареальная периферийность позволяет надеяться на сохранение в нем топонимической архаики, но, с другой стороны, подвижность и пересечение историко-археологических границ, членивших пространство в разных направлениях, ведет к этнолингвистической нивелировке топонимии. Топонимия лучше сохраняет этнолингвистическую специфику в устойчивых культурно-исторических зонах, но для данной территории более характерно размежевание, нежели единство на протяжении тысячелетий.

В общем виде дославянская топонимия Волжско-Двинско-Днепровского междуречья подразделяется на несколько слоев (страт), связанных с разными этносами и эпохами.

Прибалтийско-финский субстрат в междуречье Волги, Полы, Западной Двины и Днепра представлен скудным количеством гидронимов. Название главного местного озера – *Селигер* (с вытекающей из него р. *Селижаровка*) – давно получило вполне надежную приб.-фин. этимологию, как и потамоним *Тихвина*, приток Селижаровки. Имена приточных озер Селигера – оз. *Сабро* с прот. *Сабровка (Сабрица)* и оз. *Сиг* с прот. *Сиговка* – находят соответствия в приб.-фин. этноисторическом пространстве.

Первое из них – *Сабро* (из **Сябро,* с отвердевшим согласным) – корреспондирует с названием оз. *Сяберо (Саберское),* которое через р. *Сяберка (Саберка)* впадает в р. *Саба* на западе Ленинградской обл., сюда же и р. *Сяберка,* правый приток Плюссы на севере Псковщины. Имена оз. *Сяберо (Саберо)* и р. *Саба* гидрографически смежны, что позволяет подозревать в элементе *-ер-/-р-* приб.-фин. термин со значением ‘озеро’.

К приселигерскому оз. *Сиг* ср. сев.-рус. *Сигозеро* бассейна Ояти, наряду с *сиг*, обозначением рыбы, попавшем в русский язык из приб.-фин., а в приб.-фин. – из скандинавских языков. Форма лимнонима *Сиг* (в виде прямого закрепления обозначения рыбы) не свойственна русскому языку, в котором ожидался бы адъектив *(Сиговое* оз.), однако при законченном русском освоении субстратной двухчастной приб.-фин. структуры с детерминантом озеро (типа **Sigajärvi)* появление формы *Сиг* совершенно предсказуемо. Хотя в Селигере рыба сиг не замечена, местное население порой называет *сигом* форель (тоже семейства лососевых) и хариуса, которые водятся в верхневолжских водоемах и в сопредельном Полавском бассейне. Менее вероятно сравнение лимнонима *Сиг* с фин. *sika,* эст. *siga* ‘свинья’.

Название протекающей через Великий водораздел р. *Туд* (здесь же волости *Молодой Туд, Старый Туд,* жители *тудовляне)* соотносимо с сев.-рус. *Тудозеро* бассейна Онежского оз.

Все эти водные имена относятся к истокам Волги – восточной части Великого водораздела. Восточнее и северо-восточнее Селигера, особенно в верховьях Мсты и Мологи, приб.-фин. слой становится более заметным. Напротив, к западу от Верхневолжья противоположная картина: по наблюдению В.Н. Топорова [1990: 106], финноязычный элемент отличается «характерным разрежением на водоразделе верховьев Днепра, Волги и Зап. Двины». Ряд гидронимов на западе Тверской обл., которые ранее объясняли из приб.-фин. (*Серёжа*, *Кудь*, *Кезенка*, *Меглино, Пелешка, Свирица* [Агеева 1989: 216–227]), сегодня надежнее трактуются из балт. или слав.

Малоперспективны поиски в Волжско-Двинско-Днепровском междуречье **волжско-** и **пермско-финских гидронимических следов**. Если таковые реликты столь отдаленных к востоку языков и сохраняются здесь, то они, надо полагать, снивелированы более поздними этноязыковыми наслоениями. А.П. Афанасьев трактует название оз. *Охват* в истоках Западной Двины из коми **Охтвад* ‘волоковое озеро’, поскольку из этого озера действительно был проложен древний волок к волжскому оз. Пено [Афанасьев 1979: 58, 59]. Гипотеза беспочвенна, ибо озерный термин *вад* в новг.-пск.-твер. землях не известен, а лимноним *Охват* хорошо объясним из рус.: озеро, разливаясь, действительно охватывает нижние участки русел трех небольших двинских притоков. При трактовке *Кудь* р. неподалеку от оз. Охват отсылка к марийск. *кудо*, *куд* ‘дом, усадьба, двор’ [Агеева 1989: 218] тоже излишняя на фоне многочисленных проявлений основы *Куд-* в балтийской водной номенклатуре. Несколько речных имен на *-ма* на Великом водоразделе (*Половизьма*, *Нетесьма*, *Тюдьма*, *Сергасьма*) вроде бы сближают его с обобщенно финно-угорским этноисторическим пространством, где гидронимы на *-ма* нередки; вместе с тем выясняется, что основы перечисленных имен (кроме *Тюдьма*) хорошо трактуются на балт. почве, да и сам исход *-ма* не чужд балтизмам.

Балтийский субстрат представлен самым большим числом дославянских гидронимов, покрывающих все пространство Великого водораздела, а также отдельными не-водными названиями. Таковы речные и озерные имена *Говшица*, *Допшо*, *Межа*, *Вережуни*, *Верхиты*, *Залвинское*, *Куденец*, *Жаберка*, *Жукопа*, *Атальское*, *Обша*, *Слено*, *Липшо*, *Половы*, *Пола*, *Пено*, *Туросна*, *Торопа*, *Волкота*, *Стерж*, *Стергут*, *Исня*, *Журедайно*, *Руна* (дважды), *Орча*, *Отолово*, *Симовля*, *Лобно*, *Льба*, *Бросно*, *Окча*, *Лучеса*, *Берёза*, *Нача*, *Ночная*, *Велеса*, *Мезгитня*, *Ордовское* и др. По наиболее достоверной этимологии, название р. *Волга* тоже балтизм, как и польск. р. *Wilga*, чеш. р. *Vlha*: это образование от глагола типа лит. *vilgti*, *vilgyti* ‘мочить; делать влажным’ [Ан. РЭС 8: 126]. Балтизмом оказывается и древнее название самого Великого водораздела – *Оковский Лес*: по мысли О.Н. Трубачева, это калька с др.-балт. **Akū(n) medjas* ‘Родниковый лес’; более поздние варианты *Волоковский* (*Волконский*) *Лес* не что иное, как славянские переосмысления (в связи с местными волоками) прежнего балтизма [Трубачев 2005: 111, 116]. Прочие трактовки *Оковского Леса* (от фин. *joki* ‘река’, т.е. ‘Лес рек’ [Алексеев 2006: 8] или от лит. *alkas* ‘жертвенная, святая гора, место для жертвоприношений’ (А. Дзермант, см. [http://www.diary.ru/~Tverzha/p177662611.htm?oam]) лингвистически не состоятельны. В рассматриваемом микрорегионе можно встретить отдельные ойконимические балтизмы: с. *Оковцы* Селижаровского р-на (обычно связывают с *Оковским Лесом*, но не исключена самостоятельная деривация от др.-балт. слова со значением ‘родник’), с. *Свапуще* Осташковского р-на, д. *Москва* Пеновского р-на.

Высокая степень историко-топонимической «балтизации» Волжско-Двинско-Днепровского междуречья позволяет подразделить отдельные названия этого микрорегиона на зап.-балт. (прусские) и вост.-балт. (латышско-литовские). С одной стороны, на прусском языковом материале объяснимы, в частности, имена местных речек *Жукопа* (‘Рыбная река’: к прус. *suckis* ‘рыба’ и *аре* ‘река’, в отличие от лит. *žuvis*, лтш. *zuvs* ‘рыба’ и лит. *upė*, лтш. *upe* ‘река’) и *Стабёнка* (‘Каменная’: к прус. *stabis* ‘камень’ при наличии у литовцев и латышей иного корня для обозначения камня) [Топоров 1962: 46, 48]; сюда же, похоже, отходят имена местных оз. *Пено*, р. *Торопа* (и г. *Торопец*), р. *Нетороповка* и др. С другой стороны, бесспорны следы восточных балтов; ср. наличие д. *Латыгола* конца XV в., локализуемой примерно в 10 км севернее истока Волги (к XVIII в. – пустошь *Латыгоры*) [ИАДП, 1: 209]: данный ойконим прямо указывает на поселение латгалов (др.-рус. *латыгола*, *летьгола*) – др.-вост.-балт. народности, сложившейся на востоке Латвии и участвовавшей после XIII в. в этногенезе латышей.

Древнеиндоевропейская гидронимия. На изучаемой территории встречаются гидронимы, которые находят топонимические соответствия не только у балтов, но и в более широком лингвотерриториальном масштабе – в разноязычных регионах

остальной Европы. Это названия с индоевропейскими корнями и структурными основами, первичная апеллятивная семантика которых относится к обозначению качеств воды и водных объектов. Создателями гидронимии с отдаленными транс-европейскими связями (или «древнеевропейской гидронимии», по Х. Краэ) традиционно считают древних индоевропейцев Европы до разделения их на известные ныне европейские народы. В междуречье Волги, Полы, Западной Двины и Днепра и в самих верховьях перечисленных рек данный страт составлен названиями оз. *Серемо* (с р. *Серемуха*), оз. *Ольтечко*, р. *Морея*, р. *Пола*; подр. см. [Васильев 2009]. Например, *Серемо* и *Серменок*, названия двух приточных озер Селигера, отражают и.-е. **ser-* ‘течь, плыть’ с расширением *-m-*: **Ser-m-*, наряду с *Sermas* (*Serma*) р. в Литве, *Sermenza* р. в Италии, *Sermane* р. в южной Франции, *Strjama* (< **Serma*) р. в Болгарии, *Sirmium* р. в древней Дакии, *Церем* р. на северо-западе Украины, иллир. *Срем* местность в Среднем Придунавье и др., сюда же др.-инд. *sarmah* ‘течение’ [Там же: 272–273]. Гидроним *Орча* притока Волги на Великом водоразделе может содержать и.-е. **or-* ‘двигаться, шевелиться (о воде)’; ср. др.-инд. *árnah* ‘поток, ручей’ и имена рек *Arinas* в Литве, *Ara* в Испании, *Ahr* в Германии, *Ahre* в Англии и др. (параллели из [Vanagas 1981: 47]). Немного восточнее, у Твери, впадает в Волгу р. *Тьмака*, название которой имеет структурное соответствие в известном с I в. н.э. названии *Тимок* (*Timachus* у Плиния) притока Дуная на границе Сербии и Болгарии: вероятно, к и.-е. **Tem-akwā* ‘Темная вода’ (кстати, рядом с *Тьмакой* протекает еще р. *Тьма*, с тождественным названием, которое в процессе адаптации утратило второй компонент приведенного и.-е. сложения).

Тот факт, что пан-европейские межъязыковые параллели древнеевропейской гидронимии почти всегда обнаруживаются и в материале собственно балтийских языков, позволяет считать данную гидронимию протобалтийской, т.е. оставленной тем индоевропейским населением, из которого позднее обособились и сами балты, и другие родственные им народы Европы. Ранними индоевропейцами в Прибалтике и средней полосе России, по единодушному мнению, были носители культур шнуровой керамики (прибалтийской, фатьяновской) начала II тыс. до н.э. Прослеживаемых археологически древних индоевропейцев логично считать создателями древнеевропейской гидронимии, но остается открытым вопрос: исконны ли такие гидронимы для тех мест, где они известны сегодня в верховьях Волги, Двины и Днепра, или же столь древние водные имена были созданы и усвоены где-то в других регионах, южнее и западнее, а затем перенесены сюда более поздними волнами уже собственно балтийского населения?

Большое количество топонимических балтизмов в Волжско-Двинско-Днепровском междуречье свидетельствует о том, что балты плотно заселяли Великий водораздел и длительно существовали на всем его пространстве до прихода

славян. Под влиянием мощного балтийского элемента финноязычные названия здесь отчасти исчезли, отчасти нивелировали специфику. Отсюда, из окрестностей Селигера, балты продвинулись далее на север – к оз. Ильмень и к р. Волхов, севернее Новгорода: это доказывается высокой плотностью балтизмов во всем бассейне реки Полы и на юго-восточном побережье Ильменя, равно как наличием известного с древности Селигерского пути, проложенного, надо полагать, древними балтами. Балты стали также хранителями и разносчиками более древней местной древнеевропейской гидронимии. Славяне, пришедшие во 2-й половине I тыс. н.э. на Великий водораздел, тоже испытали сильное влияние балтийского субстрата, превратившись здесь в кривичей, в языке и топонимии которых очень многое объяснимо балтийским вкладом. После возобладания на Великом водоразделе славян балты продолжали долго помнить свое прежнее местожительство, взимая дань (черную куну) с ряда новгородских и смоленских волостей, отвоевав это пространство от Руси в эпоху усиления Великого Княжества Литовского (до конца XV в.), в чем, быть может, они видели смысл реконкисты – отвоевания утраченного своего.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01583 (К) (18-00-00838).

Литература и источники

Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Наука, 1989. 256 с.

Алексеев Л.В. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 5–11.

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.: Наука, 2006. 289 с.

Ан. РЭС 8 – *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 8 (*во* I – *вран*). М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014.

Булкин В.А., *Герд А.С.* Очерк древнейшей истории района озера Селигер // Вопросы изучения среднерусских говоров. Тверь: Тверской гос. университет, 1992. С. 4–13.

Васильев В.Л. Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Балто-славянские исследования. XVIII. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 262–278.

Васильев В.Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 344 с.

Васильев В.Л. Еще раз о происхождении названий рек Волги, Западной Двины и Днепра // Материалы Междун. науч.-практ. конф. «Северная Европа, Псков и Ганзейский союз в прошлом и настоящем» (Псков, 21–23 мая 2019 г.) (в печати).

ИАДП – *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.–СПб.: Альянс-Архео, 2008.

ПВЛ – Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.

Топоров В.Н. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Вопросы географии. Сб. 58. М.: Государственное издательство географической литературы, 1962. С. 41–49.

Топоров В.Н. О характере древнейших балто-финноугорских контактов по материалам гидронимии // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции, 18–20 июня 1990 г. Ч. 1. М.: Наука, 1990. С. 101–108.

Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 286 с.

Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius: Mokslas, 1981. 408 p.

V.L.Vasilyev, N.N.Vikhrova
(Veliky Novgorod, Russia)

STRATIFICATION OF PRE-SLAVIC TOPONYMY ON THE VOLGA-DVINA-DNIEPER WATERSHED

Article characterizes physico-geographical and cultural-historical specificity of the territory at the Volga-Dnieper-Western Dvina river watershed and briefly describes the main layers of the Pre-Slavic toponymy (Baltic-Finnish, Baltic and Old Indo-European placenames) in this microregion. Etymological interpretations of some ancient names are given.

Key words: Volga, Dnieper, Western Dvina, river watershed, toponyms, hydronyms, toponymic layers.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.185

Д.Н. Гальцова
(Воронеж, Россия)

ГИДРОНИМЫ СЁЛ СТАРЫЙ КУРЛАК И НОВЫЙ КУРЛАК АННИНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается гидронимия сёл Старый Курлак и Новый Курлак Аннинского района Воронежской области. Проводится классификация собранных гидронимов. Делается вывод о сохранности гидронимов в исследуемых сёлах, отмечается сохранение традиционной системы номинации по определённым мотивировочным признакам.

Ключевые слова: ономастика, гидронимия, гидронимы, мотивировочные признаки, система номинации.

Сёла Старый Курлак и Новый Курлак расположены на берегах реки Курлак. Село Старый Курлак возникло в 1701 году, когда сюда были переселены дворцовые крестьяне из удалённых уездов России. Своё название село получило по реке, сначала оно называлось *Курлакская слобода* [Анна 1998: 432]. В 1740 году на противоположном берегу реки обосновались переселенцы из северных уездов России. Тогда сёла и получили свои современные названия. Курлакская слобода стала называться *Старым Курлаком*, а вновь появившееся селение получило наименование *Новый Курлак* [Прохоров 1973: 216–217].

Гидронимия сёл Старый Курлак и Новый Курлак представляет интерес, так как включает в себя большое количество народных названий, отражающих особенности гидрографических объектов. Гидронимию исследуемых населённых пунктов составляют названия русла реки Курлак, мест на реке, а также названия прудов, озёр и болот.

Материал собран в результате спровоцированных и неспровоцированных бесед с информантами, которые являются коренными жителями данных сёл и представляют традиционные для них говоры.

Главный гидроним обоих населённых пунктов – название реки *Курлак*. Данное название тюркского происхождения. Тюркское слово *куралак* имеет два значения: 1) ‘ручей’; 2) ‘сырой, влажный’ [Радлов 1964, II, 1: ст. 923].

Наряду с официально закреплённым названием *Курлак* в речи жителей присутствует и однокоренное слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ок-*: *Курлачок*. Чаще всего оно также является названием всей реки, однако иногда так называют не всю реку, а только ее старое русло.

Курлак имеет множество ответвлений и изгибов, каждое место на реке в речи местных жителей получило своё наименование. Собранные гидронимы можно разделить на группы в зависимости от мотивировочных признаков.

1. Гидронимы, мотивированные антропонимами.

Ва́ськин У́гол (Н. Курлак). В этом месте на изгибе реки, который называют *угол* (также у Г.Ф. Ковалева [2017: 318]), утонул житель Нового Курлака дед Васька, после чего все стали именовать данную часть реки *Васькиным Углом*.

Корыпа́евка (Ст. Курлак). Это место на реке находится за огородами, раньше к нему не было прохода, вдоль берега росли камыши. Житель Старого Курлака Корыпаев первым прорубил эти камыши и построил там деревянный мостик. Все стали ходить туда купаться, а за местом закрепилось название, образованное от фамилии этого человека.

Ку́зькин У́гол (Н. Курлак). В этом месте житель Нового Курлака Кузьма Курзанов зимой переезжал реку, лёд проломился, он утонул вместе с лошадью. По его имени и стали называть часть реки. Угол образован коленом реки Курлак.

Турчи́хино (Ст. Курлак). Старожилы села рассказывают, что житель Старого Курлака Егор Бабенков после русско-турецкой войны привёз турчанку, так как ему за заслуги разрешили взять домой невесту. Турчанка была хороша собой, умела обращаться с оружием, лечила людей травами и заговорами. В селе её прозвали Турчиха. Жили они с мужем недалеко от речки. Теперь то место на реке называют по её прозвищу.

Яи́цкое озеро (Ст. Курлак). Название связано с фамилией помещиков Яицких, которые жили недалеко от этого озера.

2. Гидронимы, мотивированные обозначениями растений.

Ба́рыня (Н. Курлак). Номинация мотивирована словом *барыня*, которое в говорах Старого и Нового Курлаков имеет значение ‘боярышник’. В СРНГ отмечается лексема *барыня* в данном значении: ‘растение Crataegus oxyacantha L., сем. розанных; боярышник колючий’. Слово имеет пометы Самар., Ворон., Курск., Белг. [СРНГ, 2: 125]. Место для купания получило такое название, так как на берегу росли кусты барыни.

Гру́ша (Н. Курлак). У этого места на берегу реки растёт большая раскидистая груша.

Поддуо́бное (Ст. Курлак). У этого места на реке раньше была улица, на которой росли большие дубы. Во время Великой Отечественной войны эти дубы спилили, позже жители переселились оттуда, место пришло в запустение, однако за частью реки сохранилось прежнее название.

3. Гидронимы, мотивированные обозначениями животных.

Бара́ний Куст (Ст. Курлак). В имении помещика Станкевича, владевшего Курлаками, разводили много овец и *баранов*. Их пасли в том месте, где было небольшое озеро, по берегам которого росли кусты. Сюда овец и баранов приводили на водопой, купали тоже здесь, поэтому местечко и назвали *Бараний куст*. В настоящее время этот водоём почти пересох.

Гуси́ное (Н. Курлак). Около этой старицы раньше был колхозный птичник. В половодье водоём разливался, соединялся с рекой Курлак, в этом месте плавало много гусей. Сейчас нет птичника, соответственно, нет гусей, но название сохраняется по традиции.

Ужи́ное озеро (Ст. Курлак). В этом месте всегда было большое количество ужей и змей, что и определило его название.

4. Гидронимы, мотивированные цветовыми обозначениями.

Белозёрка (Ст. Курлак). Это место реки довольно мелкое, имеет песчаное дно. Вода в нём чистая, прозрачная, белая.

Чёрное озеро (Ст. Курлак). Данное место на реке на самом деле озером не является, такое название получило, потому что в этом месте река расширяется и закругляется, визуально становясь похожа на озеро. Прилагательное *чёрный* связано с цветом воды. В этом месте река углубляется, образуется котловина, поэтому вода в ней кажется тёмной, чёрной. Информанты дают и другое объяснение данному названию. Топонимическое предание гласит, что когда-то здесь на берегу жил разбойник Кудеяр, творил много зла, совершал чёрные дела, поэтому озеро и прозвали *Чёрным*.

5. Гидронимы, мотивированные признаками формы.

Оле́ньи Ро́жки (Ст. Курлак). Номинация объясняется тем, что в этом месте река разветвляется, по форме становится похожа на рога оленя. Существует и другое объяснение данному названию. Информанты отмечают, что недалеко от этого места когда-то нашли сброшенные оленьи рога.

Пы́шкино (Ст. Курлак). В этом месте река огибает сушу так, что она получается закруглённая, похожая на пышку.

6. Гидронимы, мотивированные географической лексикой.

Бучи́ло (Ст. Курлак). Название образовано лексико-семантическим способом от слова *бучило* в значении ‘глубокое место на реке; яма’

Зало́м (Ст. Курлак). Название образовано лексико-семантическим способом от слова *залом* в значении ‘изгиб реки, резкий поворот’.

Стре́лица (Ст. Курлак). Название образовано лексико-семантичеким способом от слова *стрелица* в значении ‘часть реки’ или ‘небольшое озеро около берега реки, оставшееся после разлива’ [Дьякова 2009: 303].

7. Гидронимы, мотивированные обозначениями частей тела.

Голо́вка (Ст. Курлак). Название связано со словом *голова* в значении ‘начало’, данное место является началом оврага в истоках реки.

Синему́дье (Ст. Курлак). В этой старице всегда холодная вода, так как здесь подземные воды выходят на поверхность, образуются родники. Первый корень гидронима *(-син-)* связан *с* посинением частей тела от холодной воды. Старица неглубокая, в разлив уровень воды в ней не выше пояса взрослого человека, что объясняет второй корень *(-муд-)*. *Мудо* (обычно в форме *муде*) имеет значение ‘мошонка’ [Фасмер 1967, II: 669]. Данный корень *(mude, muda)* может обозначать и половой орган вообще (чаще мужской), но первично это обозначение мошонки [Ковалёв 2014: 329]. Можно сравнить с приводимым М.М. Пришвиным народным названием травы: «Кувшинки ещё не цветут, торчат острые резаки (мудорез)…» [Пришвин 2004: 76].

8. Гидронимы, мотивированные лексикой с предметным значением.

Ба́ника, или *Турби́на* (Н. Курлак). Первая номинация объясняется тем, что раньше у этого места на реке была *баня* купцов Расторгуевых. Второе название более

позднее, оно связано со строительством на этом месте в 1947 году электростанции для нужд колхоза. В народе построенную электростанцию стали называть *Турбина*. Она проработала два года, потом прорвало плотину, вода ушла, электростанция перестала существовать, а название охраняется по традиции и используется параллельно с первым – *Баника*.

Крестóвые болотá (Ст. Курлак). Данное название является общим для нескольких маленьких болот, располагающихся рядом друг с другом. Раньше там была практически непроходимая топь, многие люди тонули, поэтому болота воспринимались как могила, откуда и следует ассоциация с крестом. Возможно, номинация связана с устойчивым сочетанием *быть у креста* в значении ‘умереть’.

Ýгольное (Н. Курлак). По берегу росли берёзы, из которых делали древесный уголь, отсюда и название.

Таким образом, современная гидронимия сёл Старый Курлак и Новый Курлак сохраняет традиционную систему номинации, связанную с характеристикой гидрографических объектов по антропонимам (фамилиям, именам, прозвищам), флоре, фауне, форме, цвету. Присутствуют образования от географических апеллятивов, а также от имён нарицательных с предметным значением.

Гидронимы сёл Старый Курлак и Новый Курлак – богатый источник исторических, географических и лингвистических сведений о Воронежском крае.

Литература и источники

Анна 1998 – Анна. За веком – век / Под. ред. А.Н. Акиньшина Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1998. 541 с.

Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. 344 с.

Ковалёв Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.

Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области. Т. II. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017. 418 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1928–1929. Книга шестая. М.: Русская книга, 2004. 544 с.

Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973. 366 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. М.; СПб.: Изд-во вост. лит., 1964, [1899]. Т. 2. Ч. 1. 1052 стб.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. Вып. 1–49. М., Л./СПб.: Наука, 1965–2016.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.). М.: Прогресс, 1967. Т. 2. 671 с.

D.N. Galtsova
(Voronezh, Russia)

THE HYDRONYMS OF THE VILLAGES OF OLD KURLAK AND NEW KURLAK OF ANNINSKY DISTRICT OF THE VORONEZH REGION

The article examines the hydronyms of the villages of Old and New Kurlak of Anninsky district of the Voronezh region. The classification of the collected hydronyms is carried out. It is concluded that the hydronyms in the studied villages are preservated as is the traditional system of nomination on certain motivational grounds.

Key words: onomastics, hydronymics, hydronyms, motivation features, the system of nomination.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.190

Г.-Р.А.-К. Гусейнов
(Махачкала, Россия)

О НАЗВАНИИ КИЕВА У КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО (952–954 гг.): АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ И АРЕАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена некоторым аспектам историко-этимологической и ареальной интерпретации топонима Σαμβατάς, традиционно отождествляемого с Киевом, из трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (952–954 гг.). В результате произведенного анализа предложена его новая булгарская этимология на основе его соотнесения с известным в Дагестане ойконимом *СунбатIул* / *СуммматIул* / *СумбатIул*, который имеет аналогичное происхождение.

Ключевые слова: название Киева, Константин Багрянородный, историко-этимологическая и ареальная интерпретация, Дагестан, ойконим *СунбатIул* / *СуммматIул* / *СумбатIул*.

В известном труде византийского императора Константина Багрянородного «De administrando imperio» («Об управлении империей») (952–954 гг.) получила отражение лексема Σαμβατάς с неясным звуковым значением β в основе: САМБАТЪ или САМВАТЪ [Толкачев 1962: 47]. Ввиду того, что в этом источнике, наряду с передачей через β восточнославянских топонимов с историческим анлаутным [*v*], отразились также формы Βογου (БОУГЪ) и Βορίσης (БОРИСЪ – царь Болгарии), она интерпретируется некоторыми авторами (при чтении: [*Самбат*]) как одно из наименований Киева, образовавшееся от названия реки, «на которой он был расположен или которая протекала поблизости от города» [Архипов 1984: 224, 240].

Известно и другое чтение: «киевская крепость Самватас», интерпретируемое как «возможное место обитания еврейско-хазарской общины, давшей крепости свое наименование» [Петрухин 2017: 77]. Примерно к этой же эпохе может быть отнесена аналогичная, известная со времен Ягича проблема чтения (через [*b*] или [*v*]) в Пространном житии Климента Охридского (около 840–916 гг.) топонима Βελίτζα в связи с предполагаемой его славянской этимологией [Ван-Вейк 1957: 29]. Однако во всех этих случаях не учитывается, что чтение через звук [*v*] является позднейшим, так как появление нового губно-зубного звука [*v*] наблюдается в новогреческий (с XV в.) период истории греческого языка, когда обозначавшая его буква β («бета»), передававшая [*b*], стала именоваться «вита» [Больш. энц. сл. 1998: 118, 119, 120].

Слово обычно считается гапаксом, и название Киева рассматривается, в частности, украинскими исследователями как подтверждение того, что город мог находиться определенное время под хазарским влиянием или контролем. Об этом может свидетельствовать, на их взгляд, именование князей киевских «каганами народа Рос» [Самбат].

Они также полагают, что данный ойконим является альтернативным наименованию Киева и специальным названием Киевского детинца или крепости на окраине Киева. На их взгляд, ни одна из версий его происхождения (иранская, славянская, тюркско-хазарская, гебрайско-хазарская, балтийская и т.п.) не является общепризнанной. Как полагают эти исследователи, в древнераввинской и средневековой еврейской литературе известен гидроним *Самбатион* (от *созвучного* [выделено нами – Г. Г.-Р.] др.-евр. названия субботы) – наименование сказочной реки, протекающей на границе неведомой страны, в которой живут Десять колен Израилевых. Эта река в будни бурлит и кипит, а по субботам покоится, см. [Самбатион].

С этой рекой ассоциировался в районе Киева Днепр, считающийся западной границей Хазарии [Гадло 2004: 184; Петрухин 1995: 85–88], и обе реалии оказываются тем самым за пределами левобережной территории. Специально анализировавший это «субботнее» название Киева А.А. Архипов обратил внимание на то, что Днепр был труднопроходим на порогах, располагавшихся по течению ниже Киева и описанных тем же Константином Багрянородным. Именно здесь бурлящая между скал вода могла напоминать *Самбатион*. По его мнению, «ассоциирование Днепра и порогов с легендарной рекой было естественным для еврейско-хазарской общины Киева, обретавшейся “на краю ойкумены”» [Архипов 1995: 71].

Однако при этом не учитывается, что названию субботы в древнееврейском *šabbāt* [Фасмер, 3: 792] отвечает др.-греч. σάββατον, но известно лишь греч. диал. *sámbaton* при [ново]греч. лит. *sávvaton* [Хабургаев 1986: 274], в то время как у Константина Багрянородного – Σαμβατάς. Кроме того, в силу более позднего, отмеченного выше чтения β как [*v*] не могло бытовать в эпоху Константина Багрянородного

и форма *Самватас*. Трудно предполагать и то, что последнему могло быть известно древнераввинское и средневековое еврейское предание о гидрониме *Самбатион*.

При всей известности (см. выше) тюркско-хазарских и гебрайско- (еврейско)-хазарских вариантах этимологизации рассматриваемого топонима обращает на себя внимание их лакско-булгарский аналог, отложившийся ойкониме *СунбатIул / СуммматIул / СумбатIул*, локализуемом в долине одного из притоков реки Казикумухское Койсу (Дагестан) [Сумбатль]. При известной насыщенности лакского языка булгаризмами [Джидалаев 1990] ему не присуще чередование *н*//*м*.

В первой части данного булгарского ойконима исходным является *-н-*, поддерживаемое названием хазарского города *Xamlïx*, восходящего к *xan balïx* ‘город правителя’ [Эрдаль 2005: 136]. Компонент **с΄ам-* носит вторичный (позднебулгарский) характер и отразился в названии столицы Хазарского каганата *Семендер / Самандар* [Гусейнов 2002 / 2003: 24] при более позднем в отношении вокализма чув. *с΄ум* ‘место, находящееся рядом с чем-нибудь’. При этом булгарский по происхождению переход *-п->-т-*, присущий чувашскому языку, имеет место при образовании древнего эндоэтнонима (**qon-> qom-uq*) кумыков [Гусейнов 2009: 69]. О том, что данный переход мог быть присущ булгарским диалектам, ареально смежным региону нижнего Поднепровья, говорит его известность как булгаризма венгерского, так и старославянского, а также русского извода церковнославянского языков [Гусейнов 2014: 23].

Вторая (корневая) часть может быть возведена к обще- и межтюрк. *bat* ‘погружаться’ (при чув. *put* ‘погружаться (в воду), тонуть, вязнуть’, где наблюдается процесс **-а->-и-*, как и в пратюрк. **s΄am-* > чув. *s΄um*, который также носит закономерный характер [Севортян 1978: 78; СИГТЯ: 679, табл. 3]. Конечный компонент *-ул* может рассматриваться в качестве общетюркского аффикса (возвратно-)страдательного залога (наряду с *-ыл* и *-л*, а также с вариантом на *-н*) и характеризуется отсутствием лица или предмета, от которых исходит действие, и дополнения в винительном падеже [Щербак 1981: 106–107]. Практически тот же аффикс *-ăл (-ĕл)* наряду с *-ăн (-ĕн)* с редуцированными гласными отмечается и в чувашском языке [Андреев 1966: 54].

При этом в булгарском языке (при известной чрезвычайной ограниченности наличия памятников письменности) исследователями отмечены залоговые формы, которые характеризуют действие с точки зрения действия субъекта [Хакимзянов 1997: 50]. Последнее отнюдь не исключает, в принципе, бытования в нем страдательного залога, который, имея, как было отмечено, общетюркский характер, характеризуется отсутствием лица или предмета, от которых исходит действие.

Таким образом, можно полагать, что совокупная семантика рассматриваемого ойконима указывает на его расположение рядом с водоемом (рекой Днепр), где можно утонуть при погружении в воду. И речь, следовательно, идет о главном объекте Киевской инфраструктуры в X веке (вплоть до конца X в. киевские поселения, пер-

вым из которых был известный с начала X в. Подол, существовали как автономные единицы) – Почайне (приток Днепра), где формировались караваны для отправки в Византию [Котышев 2019: 133–134]. Именно так (*Самбат*) могли называть это место по-булгарски еврейско-хазарские купцы, находившиеся в Киеве. Об их пребывании здесь свидетельствует и известное Киевское письмо – документ хазарских евреев Киева X в. [Голб, Прицак 2003: 18–96].

Литература и источники

Андреев И.А. Чувашский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. 2. С. 43–65.

Архипов А.А. Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древнейший период. М.: Изд. МГУ, 1984. С. 224–240.

Архипов А. По ту сторону Самбатиона. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI вв. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1995. 296 с.

Больш. энц. сл. 1998 – Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М.: Изд. иностр. лит., 1957. 368 с.

Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Университетская книга, 2004. 364 с.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2003. 259 с.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Еще раз о городе Семендере, хазарах и их языке // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2002/2003. Вып. 8–10. С. 19–25.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Древние булгары на Балканах и Кавказе: область исходного расселения и происхождение этнонима. К протолингвоэтногенезу зихов, балкар (малкар) и кумыков // Вопросы тюркологии. Махачкала, 2009. Вып. 4. С. 60–71.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Сравнительный анализ булгаризмов языков венгерского, Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном аспекте // Российская тюркология. 2014. № 2. С. 20–26.

Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. М.: Наука, 1990. 245 с.

Котышев Д.М. Киев в X веке: формирование политического центра в Среднем Поднепровье // Материалы конференции «Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации». М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. С. 133–137.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.

Петрухин В. Хазарское начало русской истории // Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 43–85.

Самбат – *Самбат* [Электронный ресурс] // Режим доступа (свободный). URL: http://www. uk.wikipedia.org/wiki/ [Дата обращения: 10. 04. 2019].

Самбатион – *Самбатион* [Электронный ресурс] // Режим доступа (свободный). URL: http://www. cyclowiki.org/wiki/ [Дата обращения: 10.04.2019].

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1978. 350 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 2002. 767 с.

Сумбатль – *Сумбатль* [Электронный ресурс] // Режим доступа (свободный). URL: http://www. ru.wikipedia.org/wiki/ [Дата обращения: 10.04.2019].

Толкачев А.И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio» (в связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему) // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 45–62.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 3.

Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986. 288 с.

Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 206 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л.: Наука, 1981. 183 с.

Эрдаль М. Хазарский язык // Хазары. Евреи и славяне. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2005. Т. 16. С. 125–139.

G.-R.A.-K. Guseinov
(Makhachkala, Russia)

ABOUT THE NAME OF KIEV AT CONSTANTINE PORPHYRIGENITOS (952–954): ASPECTS OF HISTORIC–ETYMOLOGICAL AND AREAL INTERPRETATION

The article is devoted to some aspects of historical and etymological and areal interpretation of the toponym *Σαμβατάς*, traditionally identified with Kiev, from the treatise by Constantine Porphyrigenitos “About management of the empire” (952–954). As a result of the made analysis its new Bulgar etymology on the basis of its correlation with known in Dagestan ojkonyms *Sunbatiul / Summatiul / Sumbatiul* who has similar origin is offered.

Key words: name of Kiev, Constantine Porphyrigenitos, historical and etymological and areal interpretation, Daghestan, ojkonym *Sunbatiul / Summatiul / Sumbatiul.*

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.195

А.С. Егорова
(Чебоксары, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЧУВАШСКИХ ГИДРОНИМОВ

В статье проведен структурно-словообразовательный анализ чувашской гидронимии. Выявлены и описаны словообразовательные модели чувашских гидронимов, анализированы их частотность и продуктивность.

Ключевые слова: гидронимы, модели гидронимов, простые гидронимы, составные гидронимы.

Анализ структуры и особенностей словообразования названий географических объектов является важнейшей частью в любом топонимическом исследовании. Чувашские гидронимы по структуре можно разделить на простые и составные.

1. Простые гидронимы.

Простые гидронимы подразделяются на непроизводные и производные.

1.1. Простые непроизводные гидронимы.

Простые непроизводные топонимы существуют «без специальных ономастических формантов» [Суперанская 1969: 93]. Способ их образования – топонимизация или трансонимизация.

При топонимизации «источником имени географического служит имя нарицательное» [Подольская 1983: 5]. В чувашском языке в гидроним обычно переходит географический термин: гелоним *Лачака* < чув. ‘болотце, топкое место’; лимноним *Пĕве* < чув. ‘пруд’.

При трансонимизации «источником нового имени собственного служит любое другое имя собственное» [Там же: 5–6]. В чувашской гидронимии в большинстве случаев наблюдается переход антропонима в гидроним: потамоним *Ахтай* < чув. яз. имя *Ахта, Ахтай*.

1.2. Простые производные гидронимы.

Простые производные гидронимы образуются от нарицательных имен с помощью аффиксов. В чувашской гидронимии простые производные наименования встречаются редко. В тюркских языках еще не выявлен ни один аффикс, который бы использовался только для образования географических названий [Донидзе 1980: 90]. В чувашском языке к словообразовательным аффиксам, участвующим в образовании гидронимов, можно отнести *-лăх / -лĕх, -лă / -лĕ, -сар.*

Аффикс *-лăх / -лĕх* в основном присоединяется к названиям различных деревьев, растений и называет места, изобилующие ими: лимноним *Ăвăслăх* < чув. *ăвăс* ‘осина’; гелоним *Мăклăх* < чув. *мăк* ‘мох’.

Аффикс *-сар* в чувашском языке является непродуктивным, образует от именных основ существительные со значением обилия, сосредоточения названных в основе объектов'. Нами зафиксированы потамонимы *Юмансар* (< чув. *юман* 'дуб'), *Ăвăслăх* (< чув. *ăвăс* 'осина'), но не оказалось ни одного гидронима, образованного по модели «название рыбы или другого обитателя водных объектов + *сар*». Скорее всего, *Юмансар* и *Ăвăслăх* называли местности около речек, а при наименовании водных объектов в своем составе имели географические термины *çырма* 'овраг, речка' или *шыв* 'вода, речка'.

Гидронимы, образованные при участии аффикса *-лă / -лĕ,* немногочисленны. Например, потамоним *Çирĕклĕ* < чув. *çирĕк* 'ольха'; потамоним *Уйранлă* < чув. *уйран* 'пахта'.

Собранный материал показывает, что в чувашской гидронимии простые наименования встречаются редко. Они составляют всего 18% от общего количества гидронимов.

2. Составные гидронимы.

Наиболее распространенный тип чувашской гидронимии – составные названия, состоящие из двух или более слов. Основой таких названий служит второй компонент, чаще всего географический термин, указывающий на род и вид географического объекта. В чувашском языке имеются десятки гидрографических терминов, которые активно участвуют в наименовании водных объектов: *кӳлĕ* 'озеро', *пĕве* 'пруд, плотина', *çăл* 'ключ, родник, колодец', *çырма* 'овраг, ручей', *шур* 'болото', *шыв, шу* 'речка' и др.

2.1. Двухкомпонентные гидронимы.

2.1.1. Модель «существительное + географический термин».

2.1.1.1. Гидронимы, образованные по модели первого типа изафета.

Небольшое количество чувашских гидронимов образовано по модели первого типа изафета, например, потамоним *Чол каç* < чув. *чол (чул)* 'камень', *каç* 'перекладина, мостки'.

2.1.1.2. Гидронимы, образованные по модели второго типа изафета.

Второй тип изафета в чувашском языке имеет очень большой диапазон распространения. Назывная часть в таких гидронимах может выражаться: 1) антропонимами (*Тени кӳлли* < языческое мужское имя *Тени, кӳлĕ* 'озеро'); 2) названиями животных и птиц (*Карăк шор* < чув. *карăк* 'глухарь', *шор* 'болото'); 3) названиями растений и деревьев (*Хурăн шурĕ* < чув. *хурăн* 'береза', *шур* 'болото'; 4) географическими терминами (*Вăрман çăлĕ* < чув. *вăрман лес, çăл* 'источник'); 5) названиями искусственных объектов, связанных с процессом труда (*Йĕтем пĕви* < чув. *йĕтем* ток, гумно', '*пĕве* 'пруд'); 6) топонимами (*Кăнар кӳлли* < потамоним *Кăнар*, *кӳлĕ* 'озеро'); 7) названиями различных религиозно-культовых реалий (*Чӳк варĕ*

<чув. название обряда жертвоприношения *чӳк*, *вар* ‘овраг, балка’); 8) обозначениями почвы, грунта (*Тӑм кӳлли* < *тӑм* ‘глина’, *кӳлӗ* ‘озеро’) и др.

2.1.1.3. Гидронимы, образованные по модели третьего типа изафета.

Собранный нами материал показывает, что в гидронимах, образованных по данному типу, назывная часть выражена антропонимами в форме множественного числа: *Александрсен кӳлли* < *Александр* + *-се-* + *-н*, чув. *кӳлӗ* ‘озеро’ (озеро находится возле дома, где живут Александр и его семья); *Адюковсен тараси* < *Адюков* + *-се-* + *-н*, чув. *тараса* ‘колодец’ (колодец Адюковых). В гидронимах имена собственные в форме множественного числа обычно указывают на группу лиц, состоящую из членов одного семейства.

Гидронимов, образованных по третьему типу изафета и назывная часть которых выражена нарицательным именем, немного: *Пӗвесен çырми* < чув. *пӗве* ‘пруд’, *çырма* ‘овраг, речка’*, Газовиксен пӗви* < русск. *газовик*, чув. *пӗве* ‘пруд’.

2.1.2. Модель «имя прилагательное + географический термин».

В чувашской гидронимии широко распространены наименования, первая часть которых выражена прилагательными: *Çавра кӳл* < чув. *çавра* ‘круглый’, *кӳл* ‘озеро’; *Сивӗ çӑл* < чув. *сивӗ* ‘холодный’, *çӑл* ‘ключ’.

2.1.3. Модель «имя числительное + географический термин».

Определяющая часть сложных гидронимов может выражаться и именем числительным: *Виҫӗ çӑл* < чув. *виҫӗ* ‘три’, *çӑл* ‘ключ, родник’: *Çичӗ çӑл* < чув. *çичӗ* ‘семь’, *çӑл* ‘ключ, родник’. Порядковые числительные характеризуют гидронимы позднего происхождения. С их помощью обычно производится дифференциация соседних водных объектов: *Пӗрремӗш пӗве* < чув. *пӗрремӗш* ‘первый’, *пӗве* ‘пруд’: *Иккӗмӗш пӗве* < чув. *иккӗмӗш* ‘второй’, *пӗве* ‘пруд’.

2.1.4. Модель «глагол + географический термин».

Назывная часть чувашских глагольных гидронимов может выражаться:

1) причастием настоящего времени (*Шӑхӑракан авӑр* < букв. ‘свистящий омут’); 2) причастием прошедшего времени (*Вилнӗ Сӗнче* < букв. ‘умершая Сульча’; 3) деепричастием (*Йӗре кӳлӗ* < букв. ‘плачущее озеро’).

В нашей картотеке имеется гидроним *Çӗр çӑтнӑ вырӑн* (< букв. ‘место, где проглотила земля’), который по словам информаторов, часто употребляется без слова *вырӑн* ‘место’. В последнем варианте с точки зрения структуры гидроним *Çӗр çӑтнӑ* (< букв. ‘земля проглотила’) является двусоставным предложением.

Итак, наиболее распространенный тип чувашской гидронимии – двухкомпонентные названия. Они составляют 71% от общего числа гидронимов.

2.2. Трехкомпонентные наименования.

Среди чувашских сложных гидронимов немало и трехкомпонентных наименований. Но «каковы бы ни были размеры именной синтагмы, она

всегда остается двучленной: один из двух членов будет определяемым, другой определяющим» [Андреев 1968: 90]. Обычно выделяют три типа сложных именных синтагм.

2.2.1. Модель «простое словосочетание + географический термин».

Связь определяющего члена с определяемым в таких гидронимах осуществляется в основном аффиксами: а) принадлежности: *Лаша вити пĕви* < букв. ‘пруд конюшни’; б) принадлежности и родительного падежа: *Кĕтерин Валлисен пĕви* < букв. ‘пруд дочери Катерины Валентины’; в) выделения: *Клуб хыçĕнчи пĕве* < букв. ‘пруд за клубом’.

2.2.2. Модель «имя прилагательное + простое словосочетание».

Трехкомпонентные гидронимы такого типа встречаются редко: *Мăн хура шыв* < букв. ‘большая черная река’; *Пĕчĕк хура шыв* < букв. ‘маленькая черная река’.

Трехкомпонентные названия составляют 9% от общего количества гидронимов, зафиксированных в нашей картотеке.

2.3. Четырехкомпонентные гидронимы.

2.3.1. Модель «сложное словосочетание + географический термин».

Выявленные нами четырехкомпонентные гидронимы (в нашей картотеке их всего несколько) относятся к сложным именным синтагмам первого типа: *Ик ял хошшинчи пĕве* < букв. ‘пруд между двумя селами’; *Тăхăр çырма пуçĕнчи çăл куç* < букв. ‘родник в начале девяти оврагов’.

2.3.2. Модель «предложение + географический термин».

Среди четырехкомпонентных нами зарегистрированы гидронимы, назывная часть которых строится как предложение: *Майра шыв ĕçекен çăл* < букв. ‘родник, из которого пьет русская женщина’; *Виçĕ шыв пĕрлешнĕ вырăн* < букв. ‘место, где соединяются три речки’.

2.4. Пятикомпонентные гидронимы.

Гидронимы, состоящие из пяти компонентов, встречаются редко*: Кĕçĕн Тукташран юхса анакан шыв* < букв. ‘речка, вытекающая из деревни Малые Тукташи’.

Небольшое количество многословных гидронимов можно объяснить с тем, что сложные названия в гидронимии, как и в топонимии вообще, имеют тенденцию к сокращению. Как подчеркивает В.А. Никонов, сложные формы названий в речевом обиходе не удерживаются [Никонов 1962: 32].

Таким образом, основная часть чувашских гидронимов является составной, где определяемым компонентом выступает географический термин. Большая часть гидронимов состоит из двух компонентов и образована по модели второго типа изафета.

Литература и источники

Андреев И.А. Структура именных синтагм в чувашском языке // Труды Чуваш. науч.-исслед. ин-та. Чебоксары, 1968. Вып. 39. С. 78–106.

Донидзе Г.И. Об аффиксальном словообразовании в тюркской топонимии // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 89–96.

Никонов В.А. Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М.: Географгиз, 1962. С. 17–33.

Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы (словообразовательный анализ). М.: Наука, 1983. 160 с.

Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 208 с.

A.S. Egorova
(Cheboksary, Russia)

DERIVATIONAL MODELS OF THE CHUVASH HYDRONYMS

The article conducted a structural-word-formation analysis of the Chuvash hydronimy. The word-formation models of the Chuvash hydronyms are identified and described, their frequency and productivity are analyzed.

Key words: hydronyms, models of hydronyms, simple hydronyms, compound hydronyms.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.199

И.В. Ефименко
(*Киев*, *Украина*)

СПЕЦИФИКА ПОЗДНЕГО ОЙКОНИМИКОНА ЮГА УКРАИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НИКОЛАЕВСКОЙ И ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Статья посвящена формированию ойконимикона двух южных областей Украины (Николаевской и Херсонской), специфика которого связана с процессами заселения этой территории.

Ключевые слова: история, колонизация, ойконимикон, ойконим, антропоним.

Территория современных Николаевской и Херсонской областей заселялась издавна: в разные исторические периоды она входила в состав различных государственных образований – древних греческих колоний, Киевской Руси, Великого кня-

жества Литовского, Османской и Российской империй. Однако основной массив поселений и их названий значительно моложе ойконимиконов других украинских областей. Большая часть современных населённых пунктов Юга Украины возникла в XVIII–XIX вв., после его инкорпорации в состав Российской империи.

Определяющую же роль в становлении ойконимии исследуемых областей сыграла аграрная колонизация, которую условно можно разделить на народную и государственную.

Народная колонизация представляла собой процесс стихийного заселения «вольных земель» беглыми крестьянами с различных территорий, основывавшими т. н. казенные сёла преимущественно с украинским населением: *Верхній Рогачик*, *Станіслав*, *Малі Копані*, *Горностаївка* [IMCXpc.: 17–18]; *Анатолівка*, *Веселинове*, *Галицинове*, *Карлівка* [IMCMк.: 14].

Во II пол. XVIII в. начинается централизированное заселение южных степей – т. н. государственная колонизация, в результате которой помещиками на огромные земельные площади, подаренные им царским правительством, переселялись крепостные из разных украинских и российских губерний. Так возникли помещицкие сёла со смешанным населением: *Рибальче*, *Понятівка*, *Осокорівка* [IMCXpc.: 17–18], *Велика Мечетня*, *Єланець*, *Казанка* [IMCMк.: 15].

После того, как правительством был принят ряд мер, стимулировавших приток мигрантов, в массовое освоение причерноморских степей были вовлечены иностранцы (греки, болгары, сербы, молдаване, поляки, шведы, немцы и др.), которым в этой местности были выделены значительные наделы земли. Многие из них создали в регионе разветвлённую сеть колоний.

Наибольшее количество колоний было основано немцами, ср. (на Николаевщине): *Рорбах*, *Ландау*, *Ватерлоо*, *Карлсруе* и др. [Шкварець 1994: 54–55]; (на Херсонщине): *Розенталь*, *Нейфельд*, *Кронау*, *Тіге* и др. [IMCXpc.: 18].

В 20-е гг. XIX в. в рамках правительственной политики аграризации еврейства на исследуемой территории выходцами из Галичины, а также из польских и белорусских губерний, основан ряд еврейских земледельческих колоний, например, *Новоберислав*, *Львове* (Xpc.) [IMCXpc.: 168], *Нейгейм*, *Явкине* (Нк.) [Лобода 1976: 220, 230].

Часто новые поселения возникали на месте существовавших ранее. Так, в середине XIX в. на Херсонщине вместо аулов ногайцев, выехавших в Турцию, появились поселения государственных крестьян [Водотика 2003: 13]: *Новогригорьївка* – вместо бывшего аула *Ялнич-Агач*; *Новотроїцьке* – вместо бывшего аула *Сарабулат* и др.

Таким образом, современный ойконимикон Юга Украины формировался в условиях непрерывных миграционных процессов, межъязыковых и межэтнических контактов. В свою очередь, течение миграционных процессов на исследуемой территории не могло не отразится на местной ойконимии, за триста лет прошедшей все

этапы развития, известные ойконимии в целом, и повторяющей, точнее моделирующей, общеславянский процесс становления ойконимных систем [Лобода 1974: 108; Карпенко 1974: 13].

Основной массив ойконимов территории позднего заселения начинает формироваться в период, когда частнособственические отношения были определяющими в социальной жизни общества, что отразилось на названиях населенных пунктов. Именно поэтому в ойконимии исследуемой территории Николаевщины (Нк.) и Херсонщины (Хрс.) наблюдается повышенная роль антропонимов в качестве образующих основ. Отантропонимные ойконимы образуются от фамилий (имен) землевладельцев, ср.: *Дар'ївка* (Хрс.) – от имени помещицы *Дар'ї* Гур'євої; *Томарине* (Хрс.) – от фамилии помещика *Томари*; *Афанасіївка* (Нк.) – от имени помещика *Афанасія* Сойманова; *Врадіївка* (Нк.) – от фамилии помещика *Врадія*; либо от имен, прозвищ, а позже и фамилий первых поселенцев, ср.: *Костогризове* (Хрс.) – от прозвища казака *Костогриза*; *Боловне* (Нк.) – от фамилии первого поселенца *Баловного*.

Для территорий позднего заселения характерно называние населенного пункта по местности, откуда были родом переселенцы, например: *Чернігівка* (Хрс.) (ср. г., центр губернии *Чернігів*), *Полтавка* (Нк.) (ср. г., центр губернии *Полтава*), *Володимирівка* (Нк.) (ср. г., центр губернии *Владимир*).

Ряд ойконимов отражает внутренние миграционные процессы, в ходе которых рядом с уже существующими возникали новые населенные пункты, к названиям которых добавляли диференционный компонент *Нов*(*о*)-: *Новокаїри* < *Каїри*, *Новокам'янка* < *Кам'янка*, *Новотягинка* < *Тягинка* (Хрс.), *Новогригорівка* < *Григорівка*, *Новолазорівка* < *Лазорівка* (Нк.) и др.

К типичным для ойконимии исследуемого края относятся и разного рода отгидронимные образования, например: *Білозірка* (Хрс.) < р. *Білозі́рка* в басс. Днепра [СГУ: 56]), *Арбузинка* (Нк.) < р. *Арбузинка* в басс. Юж. Буга [СГУ: 128]) и др.

Некоторые из исследуемых ойконимов образованы от местных географических терминов, ср.: *Поди* (Хрс.) < *під* 'низинная местность, долина', *Кринички* (Нк.) < *крини́чка* 'выкопанная яма, наполняемая водою из родника', *Солончаки* (Нк.) < *солонча́к* 'почва, содержащая много легкорастворяемых солей'.

На территориях позднего заселения довольно часты ойконимы, образованные от названий церквей: *Архангельське*, *Благовіщенка*, *Вознесенка* (Хрс.), *Покровка*, *Троїцьке* (Нк.), *Петропавлівка* (Нк., Хрс.).

В ойконимиконе Юга Украины наблюдаются также названия с позитивной семантикой, среди которых засвидетельствованы как исторические названия, ср.: *Веселе*, *Дивне*, *Щасливцеве* (Хрс.), так и новообразования советского периода, ср.: *Благодатівка*, *Миролюбівка* (Хрс.), *Мирне*, *Щасливе* (Нк.).

Одно из заметных мест в ойконимообразовании советского периода занимают эргонимы, ср.: *Східне* (~ колхоз «Східний»), *Республіканець* (~ артель «Республіканець») (Хрс.); *Агрономія* (~ совхоз «Агрономія»), *Тімірязєвка* (~ «радгосп ім. Тімірязєва») (Нк.).

Ойконимикон исследуемой территории почти не содержит как славянской, так и неславянской архаики. Его составляют преимущественнно поздние образования, отражающие украинскую лексику или украинско-русское лексическое взаимодействие.

Впрочем отголосок греческого поселения первых веков н.э. *Емигея* прослеживатеся в ойкониме *Мигія* (Нк.) < др.-греч. εμε ‘я’ + γαια ‘земля, суша’, буквально ‘моя земля’ [Лобода 1976: 123]. А след летописного нижнеприднепровского ойконима *Олѣшьє* (XI в.), сохранивший остатки контакта с геродовским αύλαίος ‘лесная страна’ и мотивированный псл. **olьšьje* ‘ольховый лес’ [ЭССЯ, 32: 83], виден в названии населеного пункта *Олешки* (ныне райцентр Хрс.).

До начала XX в. исследуемый ойконимикон, наряду с подавляющим большинством славянских названий, имел значительный процент неславянских образований тюркского и германского происхождения, а также вкрапления иврита. Однако на современных картах Николевщины и Херсонщины иноязычные названия в чистом виде отсутствуют. Практически вся неславянская ойконимия исчезла вследствие целенаправленной политики царской и советской власти [Водитика 2003: 13]. Так, немецкие названия поселений во время Первой и Второй мировых войн и после их окончания были заменены славянскими, например: *Тіге* (Хрс.) → *Кочубеївка* (1915), *Нейфельд* (Хрс.) → *Високе* (1946); *Вільгельмсталь* (Нк.) → *Василівка* (1914), *Карлсруе* (Нк.) → *Степове* (1946).

Также в современном ойконимиконе южной Украины не сохранились названия бывших еврейских колоний, образованные на основе иврита, например: (*Велика*) *Сейдеминуха* (ныне пгт *Калинівське* Хрс.) < ивр. *саде* ‘поле’ + *менуха* ‘отдых’, буквально ‘поле отдыха’ [ЕЗК]; *Єфінгар* (ныне с. *Плющівка* Нк.) на р. Ингуле < ивр. *яфе* ‘красивый’ + *нагар* ‘река’, буквально ‘красивая река’ [Там же] и др.

Было заменено и большинство тюркских ойконимов. Часть во время заселения этих земель (см. выше), другая – в советский период: *Кегенлі* → *Воскресенка* (1923), *Мустопой* → *Петрівка* (1927) *Келегеї* → *Гладківка* (1946), *Казе* → *Лимани* (1946), *Аджіяска* → *Рибаківка* (1946) и др.

Отдельные иноязычные ойконимы калькировали на русский язык, а затем – украинизировали, ср.: тат. *Юзкуї* → *Стокопані* (1820), нем. *Шлагендорф* (< *Шлянгедорф*) → *Зміївка* (1915).

Ныне на исследуемой территории прослеживаются лишь единичные ойконимы, отражающие лингво-этническое взаимодействие. Прежде всего, это тюркско-славянские гибридные названия, ср.: *Геничеськ* (Хрс.) < тюрк. основа *ceniçe* ‘тонкий’ [Бу-

шаков 2003: 204] + слав. суфф. *-ськ*; *Очаків* (Нк.) < тюрк. основа *açiq* ‘открытый’ [Там же: 109] + слав. суфф. *-ів* (< *-ов*); *Єланець* (Нк.) < тюрк. основа *yılan* ‘змея’ [Там же: 233] + слав. суфф. *–ець*.

Для ойконимикона позднего образования характерно также большое количество одноименных населенных пунктов, например: *Миколаївка* (6), *Іванівка* (5), *Петрівка* (5), *Федорівка* (5), *Садове* (4), *Ясна Поляна* (4), *Калинівка* (4), *Олександрівка* (4) и др. В связи с одноименностью названий возникает вопрос об их идентификации в письменных источниках, поскольку большое количество таких ойконимов при отсутствии географической локализации существенно усложняет этот процесс.

Несмотря на то, что населенные пункты исследуемого региона относительно молоды, значительная их часть была переименована, причём некоторые по нескольку раз, ср., например: *Іванівка* (1780) → *Шкадовка* (I пол. XIX в.) → *Білозерка* (кон. XIX в.), *Мала Воронцовка* (1828) → *Іванівка* (1917) → *Миролюбівка* (1964), *Криничка* (1859) → *Маковіївка* (1916) → *Ново-Костянтинівка* (1946).

Исторические условия заселения территории, а также последующая государственная миграционная политика способствовали образованию ойконимов на русской лексической основе, ср.: *Надеждівка*, *Одрадівка*, *Степне* (Хрс.), *Красне*, *Крива Пустош*, *Первомайськ* (Нк.).

Из словообразовательных средств в ойконимиконе исследуемых территорий наиболее продуктивной была модель с суфф. *-івк*(*а*) (< *-овк*(*а*): *Анатолівка*, *Баратівка*, *Лукашівка* (Нк.), *Біляївка*, *Каховка*, *Кочубеївка* (Хрс.) и др. Отметим, что под влиянием этой словообразовательной модели образованы не только отантропонимные названия, но и ряд ойконимов иного происхождения: *Благодатівка*, *Подівка* (Хрс.), *Царедарівка*, *Широколанівка* (Нк.), *Миролюбівка* (Хрс., Нк.).

Таким образом, анализ ойконимии позднего образования позволяет констатировать, что решающую роль в её формировании играли экстралингвистические факторы, обусловленные прежде всего характером заселения территории Юга Украины.

Литература и источники

Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. К., 2003. 320 с.

Водотика С.Г., *Сінкевич Є.Г*. Історія Херсонщини: навч. посіб. Херсон: Айлант, 2003. 202 с.

ЕЗК – Еврейские земледельческие колонии Юга Украины и Крыма // Режим доступа (свободный). URL: http://evkol.nm.ru/colony_names.htm [Дата обращения: 01.03.2019].

ІМСМк. − Історія міст і сіл УРСР. Миколаївська область / Гол. ред. кол. П.Т. Тронько. К.: Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1971. 771 с.

ІМСХрс. − Історія міст і сіл УРСР. Херсонська область / Гол. ред. кол. П.Т. Тронько. К. Гол. ред. УРЕ АН УРСР, 1972. 688 с.

Карпенко Ю.О. Актуальні проблеми вивчення топонімії Північного Причорномор’я //

Питання ономастики Південної України. Доповіді та повідомл. V Республ. міжвузів. оном. конференції (Миколаїв, травень 1974 р.) / Відп. ред. К.К. Цілуйко. К.: Наукова думка, 1974. С. 9−15.

Лобода В.В. Вплив антропонімії і гідронімії на творення сучасної ойконімії Північного Причорномор'я // Питання ономастики Південної України. Доповіді та повідомл. V Республ. міжвузів. оном. конференції (Миколаїв, травень 1974 р.) / Відп. ред. К.К. Цілуйко. К.: Наукова думка, 1974. С. 107−112.

Лобода В.В. Топонімія Дніпро-Бузького межиріччя. К.: Вища школа, 1976. 231 с.

СГУ − Словник гідронімів України / Відп. ред. К.К. Цілуйко. К.: Наук. думка, 1979. 780 с.

Шкварець В.П., *Мельник М.Ф*. Миколаївщина: погляд крізь століття. Нарис історії. Миколаїв: Вид-во Миколаївськ. пед-ту, 1994. 386 с.

ЭССЯ − Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва, А.Ф. Журавлёва. М.: Наука, 1974. Вып. 1. 214 с.

I.V. Yefimenko
(Kiev, Ukraine)

SPECIFICS OF THE LATE OJKONYMICON IN THE SOUTHERN PART OF UKRAINE (BASED ON THE MATERIAL OF NIKOLAYEV AND KHERSON REGIONS)

The article deals with forming of two Southern Ukrainian (Nikolayev and Kherson) regional ojkonymicon and its specifics, connected with those territories colonization process.

Key words: history, colonisation, ojkonymicon, ojkonym, anthroponym.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.204

Е.В. Захарова
(*Петрозаводск, Россия*)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОЧТЕНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ КАРЕЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

В статье сквозь призму топонимии рассматриваются географические термины карельского языка, представленные в рукописи «Словаря карельской народной географической терминологии». Выявляются и анализируются группы терминов, не использующихся в системе номинации географических объектов, устанавливается важная роль интерпретации апеллятивного и топонимического бытования данной группы лексики.

Ключевые слова: карельский язык, географические термины, топонимия, топонимы, топонимический ареал.

Рукопись «Словаря карельской народной географической терминологии» (сост. Д.В. Кузьмин, отв. ред. И.И. Муллонен) подготовлена к изданию в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН и включает более 1400 словарных статей. Основой словаря являются экспедиционные материалы по территории Карелии и сопредельных областей, данные лексикографических, картографических и архивных источников.

Географическая терминология, описывающая гидрографические (люд. (святоз.) *lanzi*, **luanzi* ‘небольшой залив’), орографические (ск. *huura* ‘глубокий овраг или ложбина со скалистыми (каменистыми) склонами’), геоботанические (ск. (ухт., ругоз.) *šilvettö* ‘участок хвойного леса с тонкоствольными деревьями’) особенности природных ландшафтов, а также типы поселений (ск., ливв. *hieru*, *hiaru*, ливв. (конд.) *hiero*, люд. *hier*, *hieru* ‘деревня, деревня в составе более крупного поселения’) и сельскохозяйственных угодий (ск. *huuh(t)i*, *huuhta*, ск. (шуез.) *huuho*, ск. (тихв.) *huuh(h)i*, ливв. *huuhtu*, люд. *huuht*, *huuhte* ‘пожог; (засеянная) подсека; поле, пашня; место бывшей подсеки’), производственно-географические реалии (ск. (твер.) *parkizikko* ‘место, где заготавливали дубильное корье’) и проч., представляет обширный пласт не только в лексической системе карельского языка, но и в карельской топонимии.

Особенностью данного словаря является включение топонимов в качестве иллюстративного материала в состав словарных статей терминов, отразившихся в названиях географических объектов. Топонимическая часть словаря (около 10 тысяч топонимов) является своего рода свидетельством языкового осмысления природного ландшафта и использования его особенностей в хозяйственно-экономической жизни. Кроме того, топонимические примеры демонстрируют, какие термины оказались востребованными топосистемой языка, какие оказались непродуктивными.

Анализ представленного в словаре материала показывает, что примерно треть карельских географических терминов не участвует в образовании топонимов. К таковым относятся термины, характеризующие состояние дорог, почвы, отдельных участков (ск. (порос.) *juhkura* ‘ухабистая дорога’; ливв. *jäh(ä)leikkö* ‘ухабистое место (с ямами, буграми)’; ск. (суйст.) *čopakka* ‘неплодородное, сухое и каменистое место (или почва)’); временные географические реалии (ливв. (салм.) *laikku* ‘растаявшее место среди весеннего льда, крупная полынья’; ск. (твер.) *lumikko*, ливв. *lumižikko* ‘место с большим количеством снега (напр., весной)’).

В группу непродуктивных также входит часть терминов, относящихся к промысловой деятельности карелов (ск. (кест.) *korjuš* ‘запруда из камней, предназначенная для ловли выдр в речных порогах’; ливв. *rauhnu* ‘охотничье место, куда для приманки хищников приносили падаль’). Следует отметить, что все-таки основная

часть промыслово-географической терминологии широко использовалась в топонимии Карелии.

Термины обозначенных выше типов описывают непостоянный признак местности, временное состояние или использование природного объекта, вследствие чего не могли употребляться в системе номинации, которая призвана отражать устойчивые, постоянные свойства называемых географических объектов.

Малопродуктивными в топосистеме карелов оказались термины, обозначающие места с определенным видом растительности (ск. *ohtahikko*, ск. (суояр.) *ohtoižikko*, ливв. *ohtoižikko* ‘место, поросшее осотом’; ливв. *virvelikkö* ‘место, поросшее пушицей’; ск., ливв. *sammalikko*, *šammalikko*, *sammalžikko*, люд. *sammalikk(o)* ‘место, поросшее мхом’), в названиях географических объектов вместо них, как правило, выступают лексемы с обозначением видов растений, мхов, лишайников. Исключение составляют лишь наиболее распространенные термины со значением ‘ельник’, ‘сосняк’, ‘березняк’, востребованные и на апеллятивном, и на топонимическом уровне.

К топонимически непродуктивным следует также отнести ряд терминов, связанных с обозначением разновидностей сельскохозяйственных угодий (ливв. *azelmo*, *azelmus* ‘невспаханный и незасеянный участок поля’; ливв. (сямоз.) *pyöhäkkö* ‘небольшое угодье (округлой формы), напр., поле’; ск. *kulokko*, ск. (корп., суояр.) *kulozikko*, *kuloižikko*, ливв. *kulokko*, *kuložikko* ‘нескошенный с прошлого года луг; место, поросшее засохшей прошлогодней травой’; ливв. (сямоз.) *luho* ‘подсека, оставшаяся неспаленной’), разного рода возвышенностей (ливв. *muguru* ‘небольшая горка’; ск. (суояр.), ливв. (сямоз.) *ylävikkö* ‘возвышенность’; ск. *kiipakka* ‘холм, пригорок, обрыв’; ск. (суйст.) *jyhärmö*, ливв. *jyhärmö(ne)* ‘небольшая гора, холм’; ск. (ухт.) *kinkamo* ‘крутая гора’). При этом, например, термины ск. *nurmi*, ливв. *durmi*, *nurmi*, люд. *nurm’*, *nur’m* ‘покос; лужайка, поляна’ и ск., ливв., люд. *mägi*, *mäki* ‘возвышенность, холм, горка’ оказываются, наоборот, довольно продуктивными в топосистеме карелов.

Такая ситуация обусловлена функционированием топонимов на локальном уровне – в пределах одной деревни – с конечным числом географических объектов, для номинации которых оказывается достаточным использование наиболее распространенных родовых терминов (*oja* для обозначения ручьев, *järvi* / *d’ärv(i)* – озер, *suo* – болот и т. д.). В таких условиях не возникает необходимости в более подробной дифференциации географических объектов, поэтому часто лексемы, детализирующие виды и типы ландшафтов, оказываются невостребованными на топонимическом уровне, в противоположность апеллятивной лексике карельского языка.

Содержащееся в словарной статье указание на наречие карельского языка (а в случае бытования лишь в отдельных говорах – на говор) дает представление о территории функционирования термина на апеллятивном уровне. В то время как при-

веденная к каждому топониму административная привязка очерчивает топонимический ареал отдельных терминов, что дает возможность проследить вероятные пути их проникновения и дальнейшего распространения на территории карельского расселения, установить языковые истоки. Так, например, топонимическое бытование термина ск. *polgamo*, *pougama*, *pougamo*, *poukamo*, ск. (суйст., суояр.) *bougamo*, ск. (финл.) *poukkama* ‘небольшой залив, бухта; углубление, яма на дне озера; основание речного колена’ зафиксировано лишь в ареале карельских говоров Финляндии, что, видимо, указывает на финские истоки термина, представленного в собственно карельских говорах карельского языка.

В ряде случаев географические названия становились единственным свидетельством бытования терминов в карельском языковом ареале, и благодаря топонимическим данным составителю словаря удалось реконструировать ряд терминов, утраченных к настоящему времени говорами карельского языка (дополнительным критерием для реконструкции являлось наличие термина в родственных языках). Ниже приведем пример словарной статьи с реконструированным термином:

ск., ливв. ***lapakko** ‘сырое место; болотистая местность’. Словарями карельского языка слово не фиксируется, реконструируется на основе топонимов и бытования в фин. говорах термина *lapakka* ‘небольшое озерко на болоте; сырое место; болотистая местность; торфяная яма’.

♦ уг. *Lapakko* (Сегоз, Сяргозеро), берег *Lapakko*, оз. *Lapakki* (Сегоз, Паданы), оз. *Lapakkajärvi* (Сегоз, Каличий Остров), уг. *Lapakko* (Сямоз, Большая Руга), уг. *Лапаки* (Кондоп, Тулгуба) [СКНГТ].

На материалах словаря выявляются географические термины, которые фиксируются во всех диалектах карельского языка, они формируют общий пласт карельской географической терминологии (*joki* ‘река’, *järvi* ‘озеро’, *niemi* ‘мыс’). Кроме того, проявляются узколокальные термины, детализирующие географические реалии конкретной территории и возникшие в том числе в результате языковых контактов:

ск. (твер.) **muittine** (dem.), **muitos** ‘арендованное сенокосное угодье’. Производ. от кар. *muittie* ‘отдавать или брать в аренду на определенный срок сенокосные угодья’, который является рус. заимствованием: (твер.) *мытить* ‘брать в аренду’, *мы́то* ‘аренда; пошлина (за товар, за проезд, за провоз); акциз, сбор’ [СКНГТ].

ск. **mukka** ‘поворот; излучина реки’. Заимств. в северные говоры Беломорской Карелии из саам. *mohkki*, *mokke* ‘излучина, поворот, изгиб’.

♦ ур. *Mešanmukka* (Кест, Оланга), мыс *Malinamukka* (Кест, Коштоварака), тоня *Ul’l’ananmukka* (Кест, Боровская), тоня *Mukanapaja* (Кест, Чипринга), пор. *Mukkakoški* (Лоух, Пильдозеро), возв. *Rajamukkavuara* (Ухт, Кушеванда), оз. *Mukkalampi* (Ухт, Луусальми), оз. *Мукозеро* (Повен, Тихвин Бор) [СКНГТ].

Сбор, систематизация и сравнительно-сопоставительное изучение такого рода терминов представляет большую ценность как для собственно лингвистических, так и для топонимических исследований, поскольку сквозь призму географической терминологии высвечиваются не только ландшафтные особенности территории, но и этапы освоения края разными этноязыковыми коллективами и их взаимодействие.

Таким образом, словарь, представляющий карельскую географическую терминологию в наиболее полном виде, с привязкой к диалектам и топонимическим контекстом, является ценным источником информации, связанной с освоением карелами природных ландшафтов, их традиционной культурой, видами хозяйственной деятельности, а также способствует сохранению и использованию данного пласта лексики в том числе в топонимических исследованиях.

Примечание

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (АААА-А18-118012490344-5).

Литература и источники

СКНГТ – Рукопись Словаря карельской народной географической терминологии / сост. Д.В. Кузьмин, отв. ред. И.И. Муллонен (хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск).

Сокращения

географические объекты

возв. – возвышенность
оз. – озеро
пор. – порог
уг. – угодье
ур. – урочище

районы Карелии
(по административному делению 1926 г.)

Кест – Кестеньгский
Кондоп – Кондопожский
Лоух – Лоухский
Повен – Повенецкий
Сегоз – Сегозерский
Ухт – Ухтинский

языки, диалекты, говоры, наречия

кар. – карельский язык
кест. – кестеньгский говор карельского языка
конд. – кондушский говор карельского языка
корп. – корписелькский говор карельского языка

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
люд. – людиковское наречие карельского языка
порос. – поросозерский говор карельского языка
ругоз. – ругозерский говор карельского языка
рус. – русский язык
саам. – саамский язык
салм. – салминский говор карельского языка
святоз. – святозерский говор карельского языка
ск. – собственно карельское наречие карельского языка
суйст. – суйстамский говор карельского языка
суояр. – суоярвский говор карельского языка
сямоз. – сямозерский говор карельского языка
твер. – тверской говор карельского языка
твер. – тверские говоры русского языка
тихв. – тихвинский говор карельского языка
ухт. – ухтинский говор карельского языка
фин. – финский язык
финл. – группа собственно карельских и ливвиковских говоров Финляндии
шуез. – шуезерский говор карельского языка

E.V. Zakharova
(Petrozavodsk, Russia)

GEOGRAPHICAL TERMS IN TOPONYMICAL CONTEXT (BASED ON THE MATERIALS OF THE DICTIONARY OF KARELIAN FOLK GEOGRAPHICAL TERMINOLOGY)

The article considers the geographical terms of the Karelian language presented in the manuscript “Dictionary of Karelian Folk Geographical Terminology” through the prism of toponymy. The author identifies and analyzes a set of terms that are not used in the nomination system of geographical objects, establishes the important role of interpretation of the appellative and toponymic areas of this group of vocabulary.

Key words: Karelian language, geographical terms, toponymy, place names, toponymic area.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.210

А.В. Иваненко
(*Киев*, *Украина*)

ГРЕЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ КРЫМА: *ИФИГЕНИЯ*, *ДРАКОН* И *ПАРФЕНИЦА*

В статье рассматривается происхождение таврической легенды о *Парфенице-Ифигении* и связанных с нею местных топонимов *Аю-Даг*, *Дракон*, *Ифигения*, *Парфениты*. Анализируемая легенда отражает специфический местный колорит, возникший в результате смешивания в местной этнической среде мифологических сюжетов об Ифианассе-Ифигении и походе аргонавтов. События легенды отражают важный в истории Таврики этап освоения греками Северного Причерноморья.

Ключевые слова: ономастика, оронимия, топонимия, семантическая реконструкция, этимология.

Онимное пространство древней Таврики занимает исследователей давно. Самобытность этого пространства проступает в легендах жителей, населявших полуостров в прошлом и населяющих его в наши дни. Среди греческих легенд Таврики наше внимание привлекла приводимая И.Х. Кондараки «эллино-греческая легенда об Ифигении, дошедшая до Крыма в изустных рассказах».

Согласно легенде, у одного царя из далеких от Тавриды краев была единственная дочь – *Парфеница*. Была она так прекрасна, что даже звери и птицы следовали за ней покорно. Как достигла она совершеннолетия, съехались к ее отцу другие цари – просить руки девушки. Не зная, кого из них предпочесть, предложил он им соревноваться за руку дочери в войне между собою. И когда из тринадцати царей остался один герой, а до победы ему – один день, налетел вдруг дракон и похитил *Парфеницу*. Отнес ее за Черное море и поселился в безлюдном краю на прибрежной скале нынешнего Аю-Дага.

Всячески угождал он своей пленнице и для этого пролетал даже огромные расстояния. Никого не подпускал он к ней, заставляя ее рубить головы мореходам, спасшимся в крушениях. Однажды, чтоб угодить *Парфенице*, предложил он принести ей фруктов из ее далеких краев и полетел за ними на Медведь-Гору. В это время увидела *Парфеница* прилетевшую из элладских краев чайку. С нею она, написав кровью на обрывке одежды послание, отправила его своему отцу.

И вот как-то с вершины Аю-Дага заметила она двух вооруженных людей: один из них оказался ее братом, а другой – молодым царем, покорившим в войне за нее других монархов. Она укрыла их до поры в пещере, а тем временем выспросила у вернувшегося дракона, где его слабое место. А было оно в центре его хвоста. И вонзила она ему в хвост кинжал. И когда стал дракон беззащитен, усыпила *Парфеница*

его ласковыми словами. Затем отрубили все втроем ему голову и убежали на корабле жениха, стоявшем за Аю-Дагом [Кондараки 1873, II: 66–68].

В основе крымской легенды – известный сюжет: во время жертвоприношения *Артемиде*, богиня пожелала себе в жертву дочь царя Агамемнона – *Ифигению*, но в последний момент вместо нее на жертвеннике оказалась лань, а саму *Ифигению* Артемида перенесла в Тавриду. Много лет спустя туда прибыл брат *Ифигении* Орест, чтобы отвезти в Грецию статую Артемиды, и Ифигения убежала вместе с ним [Любкер 1885: 66–68].

В другой таврической легенде *Ифигения* – жрица *Артемиды* у тавров, приносящая в жертву чужаков, а в Тавриду приезжают Пилад и брат Ифигении *Орест*. В итоге, всем троим удается сбежать на корабле [ЛК 1996: 113–115].

Первоначальный сюжет этих легенд несколько иной. Во время Троянской войны – отсюда упоминание в крымском сюжете о 13 царях и их битве между собою, действительно, проводилось жертвоприношение, но о его человеческом характере, по-видимому, сказано лишь намеком [Гомер, I: 106–108; примечания 430]. При этом у Гомера упомянута дочь Агамемнона – *Ифианасса* и ее брат *Орест* [Гомер, IX: 140–145]. *Ифигенией* дочь Агамемнона стала уже в произведениях позднейших авторов.

Сюжет же об умерщвлении дракона *Парфеницей* и почитавшимися в Таврике *Диоскурами* в крымской легенде перекликается с сюжетами о походе Аргонавтов и Троянской войне.

Так, сцена змея-дракона, обвившего дуб с золотым руном, отдаленно напоминает сцену жертвоприношения из «Илиады» [AP, IV: 125–126; 143–159]: во время гадания об успехе Троянской войны из-под алтарного подножья корней явора, под которым производился обряд, выполз и взвился на дерево кровавый и пестрый дракон [Гомер, II: 308–319]. Но в случае, когда Ясону приходится вступить в единоборство с обвившим дерево с золотым руном драконом, Медея усыпляет того сонным зельем [AP, IV: 143–159]. По другой версии, Ясон сам убивает дракона [Hulse 2015: 120].

Вскрыв литературно-мифологическую подоплеку крымских легенд, далее нам остается лишь вписать их в крымское онимное пространство, а анализ событий легенды позволяет привязать их к конкретным географическим объектам на карте Таврики.

Теоним ***Парфеница*** и сама легенда дошли до наших времен в румейско-новогреческой обработке, о чем говорит форма теонима – *Παρθενιτσα: деминутивный формант -ιτσα отмечен в румейском и новогреческом языках, а на территории Крыма – в тюркских формах румейских топонимов [Бушаков 2003: 70]. Внутренняя форма теонима прозрачна и связана с др.-греч. *παρθένος ‘дева, девица, девушка’, также являющимся эпитетом богини *Артемиды*, *Ифигении* и неназванной богини [Liddel 1996: 1339], а в Гермионе *Артемида* называлась *Ифигенией* [Любкер 1885: 164].

Топоним ***Парфениты*** (ныне поселок Партенит в Алуштинском р-не) впервые упоминается между 791–972 гг.: ‘ἐμπορίου λεγομένου Παρθενιτῶν’ – ‘торжища, названного Партенитами’ [ЖИГ: 21, 8]. При этом именование в легенде Ифигении *Парфеницей* и привязка событий легенды именно к *Аю-Дагу* позволяет предполагать, что гурзуфский топоним *Партенит* намного древнее своей первой фиксации в исторических документах и мог существовать еще в эллинские времена. Также не исключено, что в прошлом населенный пункт имел (не отмеченную в доступных нам источниках) форму *Παρθενιτςα.

Соответственно, первоначальная мотивация топонима *Парфениты* могла быть ‘торжище племени, почитающего Деву (Артемиду Таврическую)’ или ‘торжище переселенцев из *Парфения* (провинции Понт)’ [Шапошников 2011: 371]. Менее вероятно, полагаем, объяснение топонима *Παρθενιται как ‘жители поселения (с храмом, посвященным) Богоматери’ ‹ Παρθένος ‘Богоматерь’ [Бушаков 2003: 71, 64].

Ороним ***Дракон*** обозначает горный хребет, расположенный около населенного пункта Мелас и тянущийся от горы Кильсе-Бурун к морю. Второе название этого хребта – *Ай-Иори* (*Ай-Юри*) [ЯЗ, III: 292], а его появление связано с церковью *Св. Георгия*, руины которой обнаружены примерно в 5 км от Алушты [http://isar.org.ua/malenkaya-krepost/isar-aj-jori-sv-georgij.html].

Средневековое название *Ай-Иори* можно рассматривать как косвенное подтверждение дохристианского характера оронима *Дракон*: христианские храмы часто воздвигались рядом или прямо на месте языческих святилищ. Неслучаен и выбор святого покровителя для храма: на горе *Дракон* был заложен монастырь в честь победителя змея-дракона – *Св. Георгия*, что должно было символизировать победу христианства над язычеством.

При этом ялтинский ороним *Дракон* может быть греческого происхождения и иметь «золоторунные» аналогии: в греческой топонимии «названиями Δράκων, *Draco* прежде всего обозначаются извилистые реки: <...> река в Колхиде, с названием, видимо, навеянным мифом о золотом руне <...> Известная в Лидии гора Δράκων между лидийским Олимпом и Тмолом <...> видимо, была обязана своим названием своей необычной форме» [Калужская 2002: 16–17].

Характерно, что «подобные топонимы вовсе не встречались в материковой Греции, но все были привязаны к отдаленной периферии греческого мира (сюда не относятся названия прибрежных наблюдательных пунктов в разных местах: Δράκανον, Δρέκανον, скорее всего, связанные происхождением с греч. δέρκομαι ‘смотреть’, δράκος ‘глаз’)» [Там же: 17].

Ялтинский хребет *Дракон*, однако, вполне пригоден для наблюдательного пункта и, следовательно, его название может быть обусловлено не только сходством хребта с зубами дракона (ср. миф о золотом руне) или с его шипастым хвостом, но и связью

с др.-греч. δράκος ‘глаз’ (см. выше). Переосмысление же названия наблюдательного пункта *Δράκος в связи с δράκων ‘дракон, змея’ может быть результатом вторичного народноэтимологического сближения.

Ороним ***Ифигения*** обозначает расположенную в западной части населенного пункта Кастрополь (Береговое) [ЯЗ, III: 312] стодвадцатиметровую скалу, напоминающую раскрытую пасть дракона с большими острыми зубами. Этот западный отрог скалы *Ифигения* многие называют *Драконом* [http://ukraina-krym.com/load/skala_ifigenija/25-1-0-27].

При этом на Аю-Даге или в непосредственной близости действительно должно было существовать некое святилище Девы-Ифигении-Артемиды: здесь, «по преданиям, находился храм Дианы, где нашла убежище Ифигения ...» [Харузин 1890: 1]. И, вероятно, именно потому народная молва поселяет *Парфениц*у именно там и именно оттуда ее увозят Орест и Пилад. Впрочем, не исключено, что та же молва могла поселить ее на скале *Дракон* или *Ифигения*. Можно лишь предполагать, что на одной из них в прошлом располагалось святилище таврской *Девы*, а затем – *Артемиды*.

Топография легенды требует некоторых разъяснений. Чтобы удовлетворить вкусы *Парфеницы*, дракон летит за фруктами далеко – аж на Аю-Даг. Если это так, то *Парфеница* на Аю-Даге жить вряд ли могла. В крайнем случае, она могла жить на верхней, береговой части горы, напр., в районе урочища Осман, где археологами обнаружен культурный слой античного времени, датируемый IV в. до н.э. – IV в. н.э., а также обнаруженный поблизости культурный слой I–III вв. При этом не исключено, что в урочище Осман располагалось святилище античного времени [Лысенко 2002: 78]. Или, напротив, святилище Девы могло располагаться в нижней, носовой части горы, где найдены остатки лепной керамики «таврского» облика (об этих находках см. [Там же: 86]).

Необходимо также отметить, что и в современном ороними *Аю-Даг* – ‘Медведь-Гора’ можно усматривать связь с греческой *Ифигенией-Артемидой*, если предположить, что татарский ороним калькирует некое греческое «медвежье» название вроде *Ἄρκτος: ср. др.-греч. ἄρκτος ‘медведь, медведица’, ‘«медведица» (девочка, принимавшая участие в празднике Βραυρώνια)’ [Дворецкий 1958, I: 235–236]. Как известно, Βραυρώνια – один из эпитетов той *Артемиды*, которой приносились человеческие жертвы. Иначе см.: [Шапошников 2011: 300].

Следует учесть и тот факт, что рядом с Аю-Дагом в прошлом располагался ἐμπόριον – порт / торжище *Партенит*. Согласно П.К. Робинсону, традиция использования этих прибрежных торговых факторий в качестве святилищ отмечена, в частности, в Ионии [Robinson 2016: 76–82], откуда, в основном, в Таврику прибывали первые колонисты. Более того, и в самом Партените, задолго до появления здесь базилики Иоанна Готского, могло существовать святилище Девы-Артемиды-Ифигении,

давшее со временем свое название поселению [Фирсов 1990: 140]. С другой стороны, в Гурзуфском Седле, выше Партенита, сравнительно недавно также обнаружено святилище *Девы*.

Посему не исключено, что Аю-Даг в прошлом мог иметь «девичье» название. Например, греч. *Παρθενα, которое, в свою очередь, могло калькировать некое более древнее, вероятно, таврское, название. В качестве такового могло выступать **Dia* (реконструкцию последнего см.: [Трубачев 1999: 235]).

***

Подытоживая сказанное выше, отметим, что анализируемая легенда о *Парфенице* имеет вполне определенную местную специфику, возникшую в результате «творческой переработки» в местной среде многократно зафиксированных в античной литературе мифологических сюжетов. События легенды отражают процесс освоения греками Северного Причерноморья, активизировавшегося в VI в. до н.э. в связи с разорением Греции (и прежде всего Ионии) вследствие Пунических войн.

История же крымского оронима *Дракон*, позволяет связать его с греческой этнокультурной средой, расширяя, таким образом, ареал греческих «драконьих» названий на Северное Причерноморье и вписывая крымский приморский топонимикон в канву типично греческой типологии номинации. Впрочем, отсутствие древних документальных фиксаций для оронимов *Дракон* и *Ифигения*, с одной стороны, и пересечение сюжета легенды с сюжетами исторических произведений (ср. известия Геродота о культе *Девы* у тавров: «... Они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море <…> Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона Ифигения» [Геродот, V: 103]) – с другой, вынуждают нас допускать возможность их искусственного происхождения под влиянием местной легенды о *Драконе* и *Парфенице* уже в достаточно позднее время.

Литература и источники

АР – *Аполлоний Родосский*. Аргонавтика / Изд. подг. Н.А. Чистякова. М.: Ладомир; Наука, 2001. 237 с.

Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. К., 2003. 320 с.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

Гомер. Илиада. Перевод Н.И. Гнедича / Изд. подг. А.И. Зайцев. Л.: Наука, 1990. 572 с.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. Т. I–II.

ЖИГ – *Могаричев Ю.М.*, *Сазанов А.В.*, *Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: АнтиквА, 2007. 348 с.

Исары Горного Крыма. Сакмы Лукоморья // Режим доступа (свободный). URL: http:isar.org.ua/malenkaya-krepost/isar-aj-jori-sv-georgij.html [Дата обращения: 01.01.2019].

Калужская И.А., *Цымбурский В.Л.* Беллер помимо Беллерофонта. (Фрагмент мифологической культуры Северных Балкан и Древней Европы) // Colloquia classica et indogermanica III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 87–140. // Режим доступа (свободный). URL: http://morebo.ru/images/zoo/Cum/01_tsum_balaur.pdf [Дата обращения: 01.01.2019]

Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. М.: Типография В.В. Чичерина, 1883. Т. II. С. 66–68.

ЛК 1961 – Легенды Крыма / Ред. Г. Таран. Симферополь: Крымиздат, 1961. 246 с.

ЛК 1996 – Легенды Крыма / Сост. М. Филатова. Симферополь: Бизнес-информ, 1996. 320 с.

Лысенко А.В., *Тесленко И.Б.* Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. К.: Стилос, 2002. С. 59–88.

Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под ред. Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. СПб.: Издание Об-ва классической филологии и педагогики, 1885. 1550 с.

Отдыхающим в Крыму. Ваш туристический путеводитель // Режим доступа (свободный). URL: http://ukraina-krym.com/load/skala_ifigenija/25-1-0-27 [Дата обращения: 01.01.2019].

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск: Наука, 1990. 472 с.

Харузин А. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (на Южном Берегу Крыма) // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском Университете. Том LXIV. Труды Антропологического отдела. Том XI, вып. 1. М.: Типография Т-ва А. Левинсон и К°, 1890. Кол. 1–48.

Шапошников А.К. Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011: Сб. статей / Сост. Ю.А. Беляев. Симферополь: Универсум, 2011. С. 275–442.

ЯЗ – *Язык земли*. Историческая топонимия Крыма. Словарь-справочник. Симферополь: НАТА, 2012. Т. III. 376 с.

Hulse, *Peter*. The Argonautica of Apollonius Rhodius, Book 4, 1–481. PhD thesis, University of Nottingham, 2015. Режим доступа (свободный). URL: http://eprints.nottingham.ac.uk/30589/1/Final.pdf. [Дата обращения: 01.01.2019].

Liddel, Scott – A Greek-English Lexicon compiled by *Henry George Liddel* and *Robert Scott*, revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with the cooperation of many scholars. With a revised Supplement. Oxford, 1996. 2436 p.

Robinson P.K. Trading Goods – Trading Gods. Greek Sanctuaries in the Mediterranean and their Role as *emporia* and 'Ports of Trade' (7th–6th Century BCE) // Distant Worlds Journal. 2016. № 1. P. 75–98.

A.V. Ivanenko
(Kiev, Ukraine)

THE GREEK LEGENDS OF CRIMEA: *IPHIGENIA*, *DRACON* AND *PARPHENITSA*

The article deals with the origin of Taurian legend on Parphenitsa-Iphigenia and some assosiated local toponyms *Ayu-Dag*, *Dracon*, *Iphigenia*, *Parphenity*. The legend that analyzed reflects specific local flavour, which originated as the result of mixing in the local ethnic cultural medium two mythological plots on Iphianassa-Iphigenia and the Argonauts hike, and the legend on Parfenitsa developments reflecting such important stage of Taurian history, as the Nothern Black Sea Shore colonization by Greeks.

Key words: etymology, onomatology, toponymy, oronymy, semantic reconstruction.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.216

Ю.Н. Исаев
(Чебоксары, Россия)

ФИННО-УГОРСКИЙ СУБСТРАТ В ТОПОНИМИИ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

На основе анализа топонимов южных и юго-западных территорий Чувашской Республики автор статьи приходит к выводу о наличии множественных финно-угорских элементов в наименованиях населенных пунктов и географических объектов в Батыревском, Алатырском, Комсомольском и Порецком районах.

Ключевые слова: топонимия, потамонимы, чувашский, мордовский, марийский языки, топоформант.

В топонимии Чувашского Поволжья Н.И. Егоров устанавливает пять основных генетическо-хронологических стратов: 1) индоевропейская (индоиранская) (конец III тыс. до н. э. – середина II тыс. до н. э.); 2) иранская (середина II тыс. до н. э. – начало I тыс. до н. э.); 3) финно-угорская (начало I тыс. до н. э. – XIV в. н. э.); 4) тюркская (с VIII в. н. э.); 5) восточнославянская, или русская (с середины XV в. до наших дней) [Егоров 2002: 21–24].

Финно-угорский пласт составляют географические названия, которые вошли из марийского и мордовского языков. Мы в нашей статье аргументируем наличие топонимов мордовского и марийского происхождения в южных и юго-западных районах Чувашской Республики.

Мордовский топоформант *ляй* / *лей* являлся продуктивным узуальным элементом при формировании идентификации территорий или географических объектов. Ученые насчитали свыше сорока наименований, где главным топоэлементом является *ляй* / *лей*. В лексикографических памятниках данный формант исторически обладал значением ‘долина’. Только в поздний период, не ранее XVII века, состоялся переход значения с раннего ‘долина’ на более поздний узус ‘река’ [Беленов 2018: 79].

Названия населенных пунктов Чуварлей и Явлей Алатырского района имеют топоформант *лей*: *шувар* (*чо(у)вар*) ‘песок’ + *лей* ‘овраг, река’ = ‘песчаная река’ [6, 507, 495]; *яв*, * юв*(*ев*) ‘вода’ + *лей.* В Порецком районе с таким же конечным топоформантом есть потамонимы *Крамшлей, Пекшлей*. Название *Пекшлей*, возможно, образовано от эрзянск. *пеки* ‘липа’ +*лей* = ‘липовая река’.

Название реки *Киря* (Порецкий район), правого притока реки Сура, по нашему мнению, возникло из-за утилитарного использования возможностей водного объекта: эрзянск. *керь* ‘лубок, кора’ [Вершинин 2005: 134]. Потамоним *Кармала,* возможно, произошел от эрзянск. *кармала* ‘речка, размывающая берега’.

Значимым символом территорий Алатырского, Порецкого, Шумерлинского, Красночетайского и Ядринского районов Чувашской Республики является река *Сура* (чув. *Сăр*). Этимология потамонима, его принадлежность к какому-нибудь этносу до сих пор вызывают научные дискуссии. Существуют версии тюркского, финно-угорского, славянского происхождения данного наименования. Есть реки с аналогичным названием в местах проживания финно-угорских народов. Появилась интересная версия значения топоосновы *Сур / Suuri- ~ Šuuri-* с семантикой ‘большой’. Она представлена в вепсских и карельских наименованиях, выступая при этом как в названиях макрообъектов, так и в микротопонимии Карельского региона [Захарова 2018: 33].

До сих пор является дискуссионным вопрос об этимологии названий деревень Старые и Новые Чукалы Шемуршинского района. Существуют разные версии происхождения онима *Чукалы*. Надо признать, населенные пункты с таким названием присутствуют на территориях проживания мордвы. В Мордовии несколько населенных пунктов, которые именуются *Чукал* (*Чукало, Ало Чукало, Вере Чукало*), в Нижегородской области имеется река *Чека* [Инжеватов 1987: 243].

Территории Алатырского и Порецкого районов Чувашской Республики изобилуют озерами, названия которых, возможно, следует объяснить при помощи эрзянского языка: *Пичалэрьке* < *пиче* ‘сосна’ + *эрьке* ‘озеро’ [Вершинин 2009: 368]; *Валдэрьке* < *валдо* ‘светлый, чистый’ + *эрьке* ‘озеро’ [Вершинин 2004: 38].

А.С. Егорова при помощи картирования доказывает, что реки с названиями марийского происхождения сосредоточены в северной части Чувашии [Егорова 2010: 138–142]. Наличие марийских онимов на территории юга Чувашской Республики связано с привнесением топонимов миграционными потоками самих чувашей.

После разгрома Волжской Булгарии татаро-монголами выжившая часть чувашского населения поднялась вверх по Волге, осела на восточных и юго-восточных территориях современной Чувашской Республики. Аккумулировав энергию этноса в течение какого-то времени, чуваши начали осваивать новые территории. Приняв множественные топонимические инонародные названия, начали переносить некоторые онимы на новые территории. В частности, название села *Нăрваш Шигали* Батыревского района связано с названием реки *Норваш*, протекающей на территории Янтиковского района.

Оним *Норваш Шигали* состоит из двух самостоятельных частей. *Норваш* образован от гидроформанта *-нор*, *-нар*, *-нер*, восходящего к марийскому апеллятиву *энгер* ‘река, водный поток», и марийск. *вож, важ* ‘корень, развилка’. *Шигали* – антропоним арабского происхождения, состоит из араб. *шигый* ‘сторонник секты четвертого халифа Али и его сыновей, шиит’ и *али* ‘возвышенный, высокий’ [Исаев 2014: 11].

Надо признать, топонимы марийского происхождения, за исключением вышеуказанного примера, редко встречаются на территориях Комсомольского, Яльчикского, Батыревского, Шемуршинского районов. Территории Алатырского, Порецкого районов изобилиует мородовскими топонимами, так как на данных территориях дисперсно, очень малочисленно проживает чувашское население. Эту территорию «своей» исконно считает мордва, которая на ней исторически постоянно проживала. А.С. Егорова пишет, что реки с названиями мордовского происхождения сосредоточены в юго-западной части Чувашии [Егорова 2010: 144].

Южные территории Чувашской Республики обладают богатой палитрой наименований географических объектов. Топонимы разных этносов появились и сохранились до настоящего времени. Юго-запад республики насыщенно представлен мордовскими онимами, юг и юго-восток представлен чувашскими, татарскими, арабо-персидскими именами географических объектов. Чуваши, мигрируя в сторону дикого поля пользовались своими онимами, благо никем не занятая в большинстве территория была безымянна. Марийский субстрат, представленный широко и богато в северной части Чувашской Республики, не смог так активно проникнуть на южные территории Республики. Наша работа носит предварительный характер, так как без составления топонимического словаря Чувашской Республики, без сплошной выборки языкового материала трудно делать объективные выводы.

Литература и источники

Беленов Н.В. Формант *ляй* / *лей* в мордовской топонимии // Этническая культура в современном мире: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции / БОУ ВО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии; ред. кол.: Н.И. Баскакова (гл. ред.) и др. Вып 2. Чебоксары: Плакат, 2018. С. 77–79.

Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Том I. Йошкар-Ола: ООО «СТРИНГ», 2004. 123 с.

Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Том II. Йошкар-Ола: ООО «СТРИНГ», 2005. 239 с.

Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Том IV. Йошкар-Ола: ООО «СТРИНГ», 2009. 468 с.

Егоров Н.И. Историко-этимологическая верификация генезиса и хронологическая стратификация топонимикона Чувашского Поволжья // Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы регион. конф. Чебоксары, 2002. С. 19–24.

Егорова А.С. Чувашская гидронимия. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 198 с.

Захарова Е.В. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте / Под. ред. И.И. Муллонен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 272 с.

Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов / Под. ред. В.А. Никонова и Д.В. Цыганкина. 2-е изд., испр. и доп. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 264 с.

Исаев Ю.Н. Из истории села Норваш Шигали (Нӑрваш Шӑхаль) Батыревского района Чувашской Республики // В.Л. Кузьмин и вопросы археологии, историографии и истории Чувашии: материалы региональной научно-практической конференции (Чебоксары, 4 марта 2014 г.) / Сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. С. 9–27.

Y.N. Isaev
(Cheboksary, Russia)

THE FINNO-UGRIC SUBSTRATE IN THE TOPONYMY OF THE SOUTHERN REGIONS OF THE CHUVASH REPUBLIC

Based on an analysis of the toponyms of the southern and southwestern territories of the Chuvash Republic, the author of the article concludes that there are multiple Finno-Ugric elements in the names of locality and geographical objects in Batyrevsky, Alatyrsky, Komsomolsky and Poretsky districts.

Key words: toponymy, potamonymy, Chuvash, Mordovian, Mari languages, topoformant.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.219

А.Д. Каксин
(Абакан, Россия)

К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ГИДРОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ РЯДА ГИДРОНИМОВ ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Образование ряда гидронимов, распространенных на Севере Европейской части России трактуется как следование одной из первообразных моделей образования топонимов на

территориях распространения финно-угорских языков. Основой первых способов номинации рек и озер является использование простых определений, эпитетов и – реже – метафор. На взгляд автора, все первоначальные гидронимы имеют отношение к способу познания мира древними людьми.

Ключевые слова: когнитивные модели, первообразные эпитеты, финно-угорские названия рек и озёр, уральская языковая семья.

В данной работе хотим дать трактовку происхождения ряда гидронимов Европейской части России (бассейна Камы и северных рек) в аспекте первоначальной, когнитивной, мотивации, исходившей из способа мышления древних. Иными словами, мы пытаемся понять, какими мотивами они руководствовались, когда давали рекам и озерам те или иные названия. Наш взгляд сводится к тому, что такие названия, в общем случае, не бывают случайными: за ними стоит способность (и возможность) давать названия, подсказанные знанием об окружающем мире. Вообще, суждение о детерминации содержания языковых знаков познавательными способностями человека и спецификой различных культур содержится, в той или иной форме, в работах многих современных лингвистов, см., напр.: [Кронгауз 2001: 313–315; Муллонен 2007: 135; Алпатов 2012; Болдырев 2014: 43; Цыганкин 2014: 94–96; Васильев 2016: 25, 32–34].

Выдающийся советский (российский) лингвист А.К. Матвеев сформулировал свои постулаты следующим образом: «Выбор объекта номинации предопределяется потребностями и интересами людей, звуковой комплекс – возможностями языка, семантика названий и сфера их употребления – спецификой порождающего коллектива» [Матвеев 2008: 130].

Другими словами, определенный разряд географических названий (именно – гидронимы) можно интерпретировать в русле когнитивной лингвистики, одним из направлений которой является исследование и описание фрагментов языковой системы в неразрывной связи с когнитивной (познавательной) функцией и мыслительной деятельностью. Это значит, что мы пытаемся понять возникшие в древности модели объективации окружающей действительности, способы отражения результатов познания в слове, в словах (в том числе – в именах собственных).

Говоря иначе, считаем необходимым детальнее интерпретировать форму и содержание отобранных названий и сделать определенные выводы по языковой принадлежности и мотивационной основе древних гидронимов северо-востока Европейской части России. При этом мы с самого начала предполагаем, что они отражают культуру аборигенных этносов (во всех ее проявлениях). Проверяя эту гипотезу, опираясь на работы специалистов по ономастике и компаративистов, мы сочли возможным соотносить названия рек с базовым словарем языковой семьи. В данном случае, говоря о ряде рек севера и северо-востока Европейской части России (и присоединя-

ясь к одной из предложенных ранее этимологий), мы ориентируемся на списки Сводеша [https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение: Списки_Сводеша] и общие работы в области финно-угроведения, в частности, см. [Основы 1974]. Предполагаем, что там, в числе других, содержатся слова, которые были использованы в качестве первого компонента при номинации рек (или других водоемов).

Сылва: название, по общепринятому мнению, произошло от коми-пермяцких слов *сыл* ‘талая’ и *ва* ‘вода; река’. Древний корень со значением ‘талый’ получил развитие в большинстве финно-угорских языков:

**sula* > финск. *sula* ‘талый’, *sula-* ‘таять’, эстонск. *sula* ‘жидкий’, ‘талый’, *sula-* ‘таять’, удмуртск. *сылмы-* ‘развариться (например, о картошке)’, ‘растаять’, ‘раствориться’, коми *сыл-*, *сыв* ‘талый’, *сыл-* ‘таять’, ‘растаять’, хантыйск. *lŏlə* ‘талый’, ‘незамерзший’, *lŏla-* ‘таять’, мансийск. *tal-* ‘таять’, венгерск. *olvad-* ‘таять’, ‘растаять’ [Основы 1974: 414].

Появление этого определения, применительно к реке, можно объяснить следующим образом: вода в ней – как будто только что растаявшая, т.е. темная, мутная, с грязью. Добавим, что к этому же корню, вероятно, восходят и два других слова современного хантыйского языка: *śal* ‘жидкий’ и *sŏlk* ‘подтаявший, с льдинками’.

Чусовая: изначально, по мнению А.К. Матвеева, финно-угорское слово звучало как *čusva*. Первый компонент в этом названии воспринимается как вариант финно-угорского слова со значением ‘тощий; тонкий’:

**čupa* > финск. *hupa* ‘быстро уменьшающийся’, ‘недостаточный’, ‘удобный’, ‘веселый’, эстонск. *huba*, *hubane* ‘уютный’, ‘приятный’, ‘удобный’, эрзянск. *човине* ‘тоненький’, мокшанск. *шуваня* ‘тонкий’, венгерск. *sovány* ‘худой’, ‘тощий’ [Основы 1974: 421]. В данном случае семантическое развитие шло, видимо, по линии: ‘худой’ (тощий)’ > ‘тонкий’ > ‘острый’ > ‘быстрый’ > ‘проворный; стремительный’ > ‘река с быстрым течением’.

По другим названиям также наблюдаются соответствия в современном звучании (в большинстве случаев, уже полностью русифицированном) и предполагаемом исходном (финно-угорском). В упоминавшихся списках (см., например [Основы 1974: 398–433]) содержатся слова с такими простыми значениями, как ‘волна’, ‘камень’, ‘твердый’, ‘замерзать’, ‘левый’, ‘правый’, ‘большой’, ‘грязный’, ‘прямой’, ‘желтый’, ‘жир’, ‘болото’, ‘озеро’. Все они могли послужить основой при создании названий рек *Кама*, *Москва*, *Протва*, *Колва*, *Адзьва*, *Ижма, Молома, Колыма, Кострома, Мурома* и других. Речь не о том, что теперь необходимо отказаться от устоявшихся этимологий (или придумывать новые версии): таким образом можно дополнить, конкретизировать и уточнить традиционные, общепринятые трактовки. В частности, прибегая к такому анализу, развивая данное представление о моделях образования гидронимов, можно выявить первообразные эпитеты, послужившие

основой таких неясных названий, как *Казым*, *Сорум*, *Мозям*, *Лыхма*, *Лахсум* [Дмитриева 2005: 527].

Анализ языкового материала позволяет понять, какие воззрения древних финно-угров отразились в тех названиях, которые они дали окружающим их рекам, речушкам, озерам. Если анализировать корни искомых слов (второй элемент, действительно, воспринимается как апеллятив со значением ‘вода’ / ‘река’), достаточно легко приходит мысль о том, что они (эти корни) – суть определения или эпитеты, называющие ту или иную характерную особенность конкретной реки.

Источники происхождения топонимов на искомой территории многообразны, но есть некоторые общие свойства (черты), характеризующие их. У каждого отдельно взятого наименования есть формальная и содержательная сторона, которые существуют в диалектическом единстве. Каждое из этих слов представляется двусоставным: есть постоянный семантический элемент со значением ‘река’ (со свойственной ему формальной вариативностью). Переменным является корень, он вариативен в семантическом смысле. Вариативность корня – более широкая, все же и она имеет свои рамки. Корень, являющийся определением или эпитетом, выбирается из круга слов, которые могут с какой-либо стороны характеризовать реку: обычно это слова типа ‘короткая’, ‘длинная’, ‘мелкая’, ‘глубокая’, ‘каменистая’, ‘изогнутая’, ‘рыбная’, ‘медвежья’, ‘лосиная’.

Как видим, продуктивные модели первоначальных гидронимов северо-востока Европейской части России, отражающие мировидение древних народов, дошли до наших дней. Итак, модели первоначальных гидронимов – предельно простые. Превалирует создание названий путем подбора адекватного определения (более или менее точно отражающего характерный признак той или иной реки). И, каким бы одним словом (или словосочетанием) мы ни назвали эту группу слов («мир изначальный», «первые константы»), приведенный выше материал заслуживает описания и в качестве концепта. Однако осмысление искомого лексического фрагмента в плане концептуальной репрезентации будет возможно в результате более глубокого анализа фактического материала.

Литература и источники

Алпатов В.В. Комплексная модель мотивации топонимов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международной научной конференции. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 / ред. кол.: Е.Л. Березович (отв. ред.) и др. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. С. 63–64.

Болдырев Н.Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. Выпуск XVIII. С. 42–48.

Васильев В.Л. Еще раз о происхождении названий реки *Вятка* и города *Вятка* (совр. *Киров*) // Вопросы ономастики. 2016. № 2. С. 23–39.

Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 580 с.

Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 399 с.

Матвеев А.К. Эволюционные процессы в ономастике // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 130–136.

Муллонен И.И. Рецензия на монографию: Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 580 с. // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 134–137.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

Цыганкин Д.В. История в топонимии (разговор с картой Республики Мордовия) // Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. Сборник избранных статей. Часть 4-ая. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2014. С. 92–102.

A.D. Kaksin
(Abakan, Russia)

TO A QUESTION OF WATER-NAMES FORMATION MODELS (ON EXAMPLE OF FINNO-UGRIC WATER-NAMES)

Formation of a number of the rivers and lakes extended in the north of the European part of Russia is treated as following to primitive models of formation of earth-names in territories of distribution of Finno-Ugric languages. A basis of the first ways of the nomination of the rivers and lakes is use of simple definitions, epithets and – is more rare – metaphors. In the author's opinion, all initial names of rivers and lakes are related to a way of knowledge of the world by ancient people.

Key words: cognitive models, primitive epithets, Finno-Ugric names of the rivers and lakes, Ural language family.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.223

А.В. Кузнецов
(Тотьма, Россия)

«СПОРНЫЕ» НАЗВАНИЯ ДЕРЕВЕНЬ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье на базе анализа памятников деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков приводятся примеры «спорных» названий деревень и пустошей. Даётся их классификация, рассматриваются возможные этимологии ойконимов. Выявлены экономические и административные причины существования таких названий в указанный период.

Ключевые слова: ойконимы, «спорные названия», писцовые, переписные, дозорные книги, Русский Север.

Иногда говорят, что топонимы «крепче камня», имея в виду удивительную «стойкость» географических названий, их способность долго оставаться в том же виде, в той же форме, что и много веков назад. Действительно, работая с памятниками деловой письменности XV–XVII веков, неоднократно убеждаешься, что названия большинства деревень в них не отличаются от современных форм ойконимов. Например, писцовая книга Тиксненской волости Тотемского уезда зафиксировала в 1623 году следующие деревни: *Быково*, *Фоминская*, *Светица*, *Топориха*, *Комарица*, *Боярская*, *Ивакина*, *Петрилово*, *Угрюмиха* [Колесников 1971: 34–35]; в Тотемском р-не Вологодской обл. все эти деревни существуют до сих пор, а ойконимы звучат точно так же, как и четыре века назад. Иногда, правда, менялась «мода» на форманты: скажем, в источнике XVII века названия деревень оказывались записаны с окончанием *-ская*, а спустя два века их по какой-то чиновничьей прихоти фиксировали с окончанием *-ское*. Встречаются также чисто фонетические изменения: *е* > *и*, *а* > *о* и др.

«Каменную» устойчивость ойконимов можно объяснить чисто экономическими причинами – деревни были земельными владениями, на которые юридически оформлялось право наследства, к тому же государственная власть собирала с жителей подати, размер которых также скрупулёзно фиксировался в писцовых и переписных книгах. Переписи проводились в старину нерегулярно, но при проведении нового дозора писцы всегда сравнивали его результаты с предыдущей переписью. В этих случаях очень важно было установить преемственность земельных владений, что достигалось, в том числе и за счёт идентификации имён людей и названий деревень. Иными словами, ойконимы и антропонимы из одной писцовой книги переносились в другую без всяких изменений, за чем ответственные лица следили строго. Тем не менее, среди сотен и тысяч названий деревень, починков и пустошей со временем могли появляться ошибочные или «спорные» варианты. Что же в этом случае делали писцы? По правилам составления писцовых книг и иных актов они были обязаны занести в новый текст оба названия (было и по 3–4 «спорных» ойконима), чтобы в будущем избежать споров и недоразумений.

На это явление в своё время обратил внимание один из основоположников советской топонимической школы А.И. Попов. Работая с топонимами из Угличских писцовых книг XVII века, учёный выделил такие «спорные» названия деревень, как *Лахотино – Вахутино*, *Моровино – Муравино*, *Дешка – Вешка*, *Зыково – Зайково*, *Безино – Бедино* и др. По этому поводу А.И. Попов писал: «Во многих случаях повинны ошибки писцов, составлявших тот или другой документ; чаще всего они нечаянные,

неизбежные при копировании старинных купчих, дарственных, жалованных грамот, а иногда были и преднамеренные – в чью-либо пользу» [Попов 1965: 24–25].

При подготовке данной статьи были проанализированы писцовые, переписные, дозорные и сотные книги XVI–XVII веков по территориям Устюженского, Белозерского, Вологодского, Тотемского, Устюжского, Яренского, Важского, Каргопольского, Двинского, Кеврольского уездов, а также Устьянских волостей и Чарондской округи. В этих источниках удалось обнаружить более 300 «спорных» названий деревень. Чаще всего подобные ойконимы фиксировались в писцовых книгах уездов, где было развито помещичье землевладение (например, Устюженский, Вологодский уезды), а реже – в книгах черносошных уездов (например, Каргопольского, Кеврольского) или в сотных на монастырские владения, так как в последних отмечались в большинстве своём недавно возникшие деревни и починки. Ещё одна особенность «спорных» названий та, что они редко встречаются у старожильческих деревень (источники XVI века), но обычны для бывших пустошей, и новых деревень, возродившихся на месте заброшенных ранее (источники XVII века).

Исходя из собранного материала, можно сделать некоторые выводы по классификации «спорных» ойконимов. Для каждого типа приводятся лишь по одному-два примера из многих выявленных в источниках.

1 тип: Замена гласных звуков.

Деревня ***Бойлово*** или ***Буйлово*** в Белозерском уезде (из писцовой книги 1628 года [РВД: 146]). В настоящее время это деревня *Бойлово* Кадуйского р-на Вологодской обл. Прозвище *Бойло* связано с диалектным *бойло* – ‘битьё, побои, драка’ [СРНГ, 3: 67]. Однако есть и слово *буйло* – ‘лось’ или ‘большой, здоровый человек’ [СРНГ, 3: 261]. Учитывая современную форму ойконима, исходным названием нужно считать *Бойлово*.

Деревня ***Шестово*** или ***Шастово*** в Устьянских волостях (из писцовой и межевой книги 1645 года [УВПМ, л.154]). Ныне это деревня *Шастов Починок* в Устьянском р-не Архангельской обл. В указанном выше источнике в соседней деревне Левонтьевская отмечено отчество *Шастов* [УВПМ, л.132об.], которое происходит от прозвища *Шастый*, ср. *шастать* – ‘шататься, бродить, шляться без дела’ [Даль, 4: 623]. Следовательно, форма *Шестово* была ошибочной.

2 тип: Замена согласных звуков.

Пустошь, что была деревня ***Дурово*** или ***Курово*** в Вологодском уезде (из переписной дозорной книги 1589 года [МИЕС: 45]). Сейчас – деревня *Куровo* Шекснинского р-на Вологодской обл. Прозвище *Дур* связано с диалектным *дур* – ‘дурачество, блажь, сумасбродство’ [СРНГ, 8: 262], а прозвище *Кур* происходит от слова *кур* – ‘петух’ или ‘чёрт’ [СРНГ, 16: 106, 107], но, судя по современной форме названия, вариант *Дурово* был записан в книгу 1589 года ошибочно.

Деревня ***Рошково*** или ***Рожново*** в Устюженском уезде (из писцовой книги 1628 года [Устюжна, 4: 197]). В наши дни – это деревня *Рожнево* Устюженского р-на Вологодской обл., в основе названия которой лежит прозвище *Рожня*, ср. *рожня* – ‘берёзовый кол для зимней ловли налимов’ или ‘раздвоенная палочка’ [СРНГ, 35: 154]. Интересно, что «спорный» вариант ойконима также в своей основе может содержать идею «раздвоенности»: *Рошково* < *Рожково* – от прозвища *Рожок*, ср. *рожок* – ‘разветвление чего-либо’ [СРНГ, 35: 154].

3 тип: Перестановка звуков и слогов.

Деревня ***Мошкинская*** или ***Мокшинская*** в Кеврольском уезде (из купчей грамоты 1517 года [ИИИС: 126]). Позднее деревня была заброшена. В грамоте 1562 года в том же уезде отмечено отчество *Мокшин* [ИИИС: 130] (ср. *мокшить* – ‘плакать; выпрашивать’ [СРНГ, 18: 214]), поэтому правильной формой нужно считать *Мокшинская*.

Пустошь ***Михачиха*** или ***Химачиха*** в Устюженском уезде (из писцовой книги 1628 года [Устюжна 2000: 165]). *Михачиха* – от *Михач*, как вариант мужского имени *Михаил*. Антропоним *Химач* в источниках не обнаружен.

4 тип: Выпадение звуков и слогов.

Деревня ***Левашово*** или ***Лошово*** в Устюжском уезде (из писцовой книги 1623 года [Баданин 2012: 51]). Ныне это деревня *Лашово* в Никольском р-не Вологодской обл. Прозвище *Леваш* связано с диалектным *леваш* – ‘левша’ [СРНГ, 16: 306]. Слова *лаш* и *лош* в словарях русского языка не отмечены, в связи с чем первичным вариантом ойконима было *Левашово*.

Деревня ***Оксилово*** или ***Окилово*** в Устюжском уезде (из писцовой книги 1623 года [Баданин 2012: 38]). Позднее деревня запустела. *Оксило* – это народный вариант мужского имени *Авксентий*. В то же время антропоним *Окило* толкования не находит.

5 тип: Вставка звука или слога.

Деревня ***Ботово*** или ***Болотово*** в Белозерском уезде (из переписной книги 1678 года [ГББУ: 293]). Ныне это *Ботово* в Кирилловском р-не Вологодской обл. Прозвище *Бот* связано с одним из значений слова *бот* – ‘длинная палка, с помощью которой загоняют рыбу в сети’, ‘лодка-долблёнка’ или ‘ботва растений’ [СРНГ, 3: 127, 128]. В переносном смысле так могли назвать длинного, худого человека. Однако имя *Болот* также встречалось в памятниках письменности XVI–XVII веков [Кузнецов 2011: 39] как возможное заимствование из татарского языка. Впрочем, отталкиваясь от современной формы ойконима, за начальный вариант нужно принять *Ботово*.

Деревня ***Куркинская*** или ***Куракинская*** в Вологодском уезде (из переписной книги 1678 года [АИЕС: 359]). В XX веке – деревня *Куркинская* Усть-Кубенского р-на Вологодской обл. Исходное прозвище *Курка* сопоставимо с диалектным *курка* – ‘курица, наседка’, в то время, как для прозвища *Курака* есть только менее убедительное *курак* – ‘курильщик’ [СРНГ, 16: 110, 130].

6 тип: Варианты имён и прозвищ в основах названий деревень.

Деревня ***Криволаповская*** или ***Косолаповский Починок*** в Тотемском уезде (из писцовой книги 1623 года [Колесников 1971: 61]). В XX веке – *Криволаповская* в Тотемском р-не Вологодской обл. Дериваты *Криволап* и *Косолап* оказались отражены в двух вариантах названия деревни на равных правах.

Деревня ***Павлово*** или ***Павликово*** в Вологодском уезде (из переписной книги 1678 года [АИЕС: 355]). *Павлик* – это вариант церковного мужского имени *Павел*, поэтому оба названия имели право на существование.

7 тип: Варианты народных географических и исторических терминов в основах названий деревень.

Пустошь, что была деревня ***Дора*** или ***Дорок*** в Устюженском уезде (из писцовой книги 1628 года [Устюжна 2000, 4: 176]). Ныне – деревня *Дора* в Устюженском р-не Вологодской обл. *Дора* и *дорок* – это варианты народного термина *дор* – ‘расчищенное в лесу место, где деревья выдраны с корнями’ [Д, 1: 475].

Деревня ***Заречье*** или ***Зародничье*** в Вологодском уезде (из переписной книги 1678 года [АИЕС: 319]). Позднее была заброшена. По отношению к другим деревням Засодимской волости была расположена *за рекой* или *за родником*.

8 тип: Изменения в формантах.

Деревня ***Тереховская*** или ***Тереховатица*** в Устюжском уезде (из писцовой книги 1622 года [РВД: 188]). Ныне – *Тереховица* в Кичменгско-Городецком р-не Вологодской обл. Формант *-ица* характерен в первую очередь для названий рек, поэтому, можно предположить, что деревня *Тереховская* возникла на берегу речки *Тереховица* (*Тереховатица*). В течение веков шла борьба двух вариантов ойконима, но «победило» в итоге «речное» название.

Деревня ***Шепелиха*** или ***Шепелево*** в Вологодском уезде (из переписной книги 1678 года [АИЕС: 325]). Замечено, что формант *-иха* появлялся в названиях деревень, прошедших через стадию пустоши. Ю.И. Чайкина писала: «Наиболее активно процесс формирования ойконимов на *-иха* протекал в XVI – первой половине XVII веков. Многие пустоши в этот период имеют двойные названия, причём с помощью форманта *-иха* оформляется обычно второе, более позднее название» [Чайкина 2005: 103].

9 тип: Заведомые ошибки при подготовке и публикации документов.

Пустошь ***Холохолец*** в Устюженском уезде (из писцовой книги 1628 года [Устюжна 1995, 3: 305]) была расположена на месте нынешней деревни *Колоколец* в Устюженском р-не Вологодской обл. Ошибка могла быть совершена ещё в XVII веке писцом.

Деревня ***Родное*** в Тотемском уезде при публикации писцовой книги 1623 года [Колесников 1971: 65] превратилась в *Ровное*. Дело в том, что в русской скорописи

XVII века буква *д* была похожа в написании на современную *в*, что и вызвало ошибку в указанном издании.

10 тип: Искажения в иноязычных ойконимах.

Починок ***Шошки*** или ***Ошкин*** в Яренском уезде (из писцовой книги 1585 года [АИЕС: 426]. Здесь на починках чересполосно с русскими жили зыряне.

Деревня ***Батран*** или ***Ватрам*** в Белозерском уезде (из переписной книги 1678 года [АИЕС: 365]). В XX веке называлась *Батрам*. Так как это финно-угорское название, где начальный согласный *б* невозможен, то исходным вариантом был всё же *Ватрам*.

11 тип: Замена пейоративных названий.

Деревня ***Раковская***, «что преж была ***Сракинская***», в Важском уезде (из ландратской книги 1717 года [ВЖУ, л. 83]). Писцы и подьячие получали указания о том, чтобы «срамные названия» в писцовых, переписных книгах и других актовых материалах записывать «по-иному».

Пустошь, «что была деревня ***Жепиха***» в Вологодском уезде (из переписной книги 1589 года [МИЕС: 114]). Писцы заменили букву *о* на *е*.

12 тип: Замена названия на схожее по звучанию.

Деревня ***Грунцово*** или ***Кузнецово*** в Устьянских волостях (из писцовой и межевой книги 1645 года [УВПМ, л. 288об.]). В XX веке использовались оба ойконима: *Грунцово* (*Кузнецова*) в Устьянском р-не Архангельской обл. Преобладающая фамилия жителей в ней – *Кузнецовы* [Кузнецов 2010: 34], поэтому изначальным вариантом нужно признать *Кузнецово*.

Деревня ***Боровская*** или ***Вороновская*** в Устюжском уезде (из писцовой книги 1622 года [РВД: 186]). В XX веке – *Воронинская* в Кичменгско-Городецком р-не Вологодской обл., поэтому вариант *Боровская* явно был ошибочным.

Литература и источники

АИЕС – Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда: [б. и.], 1970. 607 с.

Баданин Д.Д. Родословие никольской деревни. Кичменгский Городок: Ред. газ. «Заря Севера», 2012. 192 с.

ВЖУ – Ландратская перепись Верховажской четверти Важского уезда 1717 года // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1072.

ГББУ – Извлечения из переписных книг, сост. Е.Е. Замысловским. Город Белоозеро и Белозерский уезд, 1678–1679 год. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 8. СПб., 1888. С. 223–307.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: «Русский язык», 1998.

ИИИС – Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вып. 7. Вологда, 1979. 164 с.

Колесников П.А. Северная Русь. Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. Вологда: Областная тип., 1971. 208 с.

Кузнецов А.В. Именослов Устьянских волостей. Происхождение названий деревень, рек, озёр и фамилий устьяков. Тотьма; Вологда: [б. и.], 2010. 184 с.

МИЕС – Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда: [б. и.], 1972. 484 с.

Попов А.И. Географические названия. Введение в топонимику. М.; Л.: Наука, 1965. 182 с.

РВД – Родословие вологодской деревни. Список древнейших деревень – памятников истории и культуры / Сост. П.А. Колесников, Т.М. Димони. Вологда: ВГПИ, 1990. 264 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2018.

УВПМ – Писцовая и межевая книга земель Устьянских волостей письма и межевания писцов стольника Ивана Иевлевича Загряжского и подьячего Семена Тимофеева 154 (1645–1646) гг. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 510. Л. 1–584.

Устюжна – Устюжна. Краеведческий альманах. Вып. 3, 4. Вологда, 1995, 2000. 496 с., 346 с.

Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда: Русь, 2005. 258 с.

A.V. Kuznetsov
(Totma, Russia)

“DEBATABLE” NAMES OF THE VILLAGES OF THE RUSSIAN NORTH

In the article numerous examples of “debatable” names of the villages and heaths are revealed on the basis of Russian North business manuscripts of the XVI–XVII century’s analysis. The author gives classification of “debatable” names and considers possible etymologies of the oikonyms. Also the article identifies economic and administrative reasons for “debatable” names existence in the period of issue.

Key words: oikonyms, “debatable” names, scribe books, census books, sentinel books, Russian North.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.230

А.А. Макарова
(Екатеринбург, Россия)

СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ЛАНДШАФТНЫХ ТЕРМИНОВ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ БЕЛОЗЕРЬЯ

В статье рассматриваются ландшафтные термины, засвидетельствованные в субстратной топонимии Белозерья, этимологизация которых представляет определенную проблему: несоответствие предполагаемой семантики в языке-источнике и/или в севернорусских говорах виду географического объекта; необходимость выбора из нескольких омонимичных этимонов и др. Выявляются семантические группы, которые наиболее часто пополняют состав ландшафтной терминологии в топонимии: лексика, связанная с обозначением формы; метеорологическая лексика. Рассматриваются продолжения предполагаемых этимонов в современных прибалтийско-финских языках и севернорусских диалектах, что позволяет лучше эксплицировать семантическую историю исследуемых слов.

Ключевые слова: топонимия, субстрат, Белозерье, ландшафтная терминология, семантическая реконструкция, этимология.

Исходной точкой предпринятого семантико-этимологического исследования является наличие ряда топонимов, в составе которых содержатся ландшафтные термины субстратного происхождения, использованию которых в топонимии, вероятно, предшествовало усвоение в апеллятивной лексике. Особенностью рассматриваемых ландшафтных терминов является то, что их предполагаемые этимоны в языке-источнике нередко имеют значения, не связанные напрямую с ландшафтом. В ходе исследования выявляются регулярные семантические связи такого типа и проводится их систематизация с целью определения семантических групп, которые чаще всего выступают донорами для ландшафтной топонимической лексики Белозерья, что, как нам представляется, будет способствовать более успешной этимологизации субстратной топонимии Белозерья.

Материалом исследования являются данные полевых картотек Топонимической экспедиции Уральского университета (Екатеринбург), собранные в ходе экспедиций 1961–2017 гг. Некоторые из ландшафтных терминов, используемые в качестве детерминантов в топонимии Белозерья, рассматривались ранее [Матвеев 2001; Субботина 1987; Чайкина 1977; Захарова, Макарова, Муллонен 2016; и др.]. Мы остановимся только на тех из них, этимологизация которых представляет определенную проблему: несоответствие предполагаемой семантики в языке-источнике и / или в севернорусских говорах виду называемого объекта, обозначенного соответствующим топонимом; необходимость выбора из нескольких омонимичных этимонов и др.

Типичным способом преобразования семантики слов лексико-семантических групп, исходно не имевших ландшафтных значений, является метафора.

Метафора по форме: 'угол' → 'залив', 'пролив'

1) *курья* 'речной или озерный залив, заводь (нередко узкой, вытянутой формы)' [СГРС, 6: 307–310] и некоторые другие значения < фин. *kuru* 'длинное узкое углубление; залив или ложбина, ущелье или русло с крутыми берегами, борозда, складка; угол, проулок' и т.п., эст. *kuru* 'угол, уголок', 'узкий проход' = саам. норв. *gurrâ* 'отверстие, ущелье, углубление, дырка', Луле *kurra* 'отверстие; узкое углубление (проход) в горной тундре', Йоканьга *kurr* (= фин. *kuru*) [SKES: 247]: бол. *Курья* (Баб), поле *Курья* (Бел), глубокие места на реке *Ваничева Курья*, *Греблова Курья*, *Егоркова Курья*, *Немкова Курья*, *Петрякова Курья*, *Худкова Курья*, г., лог, пок. *Курья*, покосы *По Кубене Курья*, *Сосновая Курья* (Вож), залив *Грязная Курья*, пожня *Курья* (Карг), пок. *Курья* (Кир, Череп), заливы *Верхняя Курья*, *Воробьёвская Курья*, *Зайцева Курья*, *Малая Курья*, *Молчановская Курья*, *Нижняя Курья*, *Островская Курья*, пок. *Воронья Курья*, *Демидовича Курья*, *Катькина Курья*, *Кислая Курья*, *Красная Курья*, *Курья*, *Курья Россоховка*, *Попова Курья*, *Симакова Курья*, яма в р. *Соляная Курья*, бол. *Яграхина Курья* (Кон). В топонимии термин *курья* известен в северо-западной части Белозерья. Среди географических объектов преобладают названия заливов, также встречаются названия болот и покосов, нередко расположенных в излучине реки либо имеющих изогнутую форму.

2) арх. *потча* 'залив' [Даль, III: 360], 'старица', 'маленькое озеро, мало отличающееся от лужи', 'сырое, вязкое место' (Нянд, Плес), 'залив в озере' (Нянд); *потша* 'староречье' (Плес) [КСГРС]; олон. *поча* 'лужа, болото, старое русло реки' [Куликовский 1898: 91], 'сырая низина, заболоченное место (чаще около реки или озера)' (Вин, В-Т, Нянд, Он; Ваш), 'низкий берег реки, весной заливаемый водой' (Вин, В-Т), 'залив у реки или у озера' (Вин, В-Т, Нянд, Он, Тарн), 'небольшое заросшее озеро' (Вин, Нянд), 'старица' (Вин, В-Т, Нянд, Ваш), 'обсохшее болото' (Вин), 'болото; вязкое, топкое место, зыбун' (Ваш); *почча* 'староречье' (Нянд, Плес), 'бывший залив озера, отделившийся от него' (Нянд), 'маленькое озеро' (Плес), *почша* 'старица' (Плес) [КСГРС] < ср. приб.-фин. *pohja* 'дно, конец', саам. *boaš'šo*, *poašš* (< **põššō*) 'задняя часть, задний угол саамского чума' [SSA]: пок. *Потша* (*Потшева*, *Потшево*), заводь *Почта* (Бел), залив, р. *Поча* (Ваш). Термин распространен в Архангельской области, в Белозерье известен только в центральной части (это справедливо и для лексики, и для топонимии).

3) *чупа* 'топкое место, лужа, болото' (Баб, Бел), 'залив, заводь, изгиб реки' (Баб, Бел, Ваш), 'мыс, конусообразный участок суши, вдающийся в водоем' (Баб, Бел), 'край покоса, болота', 'отрезок, участок какого-л. географического объекта' (Ваш), 'полоса в поле', 'ровное место, часть местности без деревьев' (Кад), 'непроходимое

место, густой лес (чаще ельник)’ (Баб) [КСГРС], ср. люд. *čирр*, *čирре*, *čирри*, вепс. *čир* ‘угол, тупик’ [Муллонен 2008: 51]: лужи *Кузнецова Чупа*, *Фёклина Чупа*, бол., лес, пок. *Чупа* (Баб), лес, пок. *Чуп*, бол. *Чупа*, ур., место *Чупка* (Бел), заливы *Ониськинская Чупа*, *Сивковская Чупа*, части бол. *Матвеевская Чупа*, *Островская Чупа*, болота *Пушторская Чупа*, *Чупа*, ягодное место *Чивчинская Чупа* (Ваш), пок. *Чупа* (Выт), места на бол. *Антонова Чупа*, *Ваничева Чупа*, *Лёшкина Чупа*, грива на бол. *Якимова Чупа*, часть бол. *Конёва Чупа*, покосы *Мохинская Чупа* (*Мухинская Чупа*), *Черновская Чупа*, *Чудинская Чупа*, урочища *Лёвушкина Чупа*, лес, пок., часть д. *Чупа* (Кад), ур. *Чупа* (Шексн). В топонимии термин *чупа* известен в западной части Белозерья, преимущественно в названиях различных мест на болоте и вокруг него, а также в названиях покосов, расположенных на краю болота или леса. Названия, скорее всего, мотивированы формой объектов, ср. показательные контексты: «Чупа – место такое, почему и называют, что клином в болото входит» (Баб, Харино), «И она в углу туды, в угол там, в лесу», «Типа как залив такой был, чупа, выкашивали» (Кад, Куракино) [КСГРС].

Метафора по консистенции: ‘иней’, ‘снег на деревьях’ → ‘заболоченное место’

Результатом метафорического переноса значения по признаку консистенции является использование лексики из сферы метеорологии в качестве источника для номинации разнообразных низких, сырых, заболоченных мест.

1) *куфтырь* ‘зыбкое место’ (Бел) [СГРС, 6: 324]: оз. *Куфтейка*, бол. *Куфтеешное* (Бел). Названия, скорее всего, связаны с формами типа *куфта*, *кухта* и т. п. [СГРС, 6: 323–325]: *кукта* ‘изморозь, иней’, *кухта* ‘снег на ветвях деревьев’ (в том числе с.-двин.), *кухта* ‘иней на ветвях деревьев’ (в том числе волог.), *куфта* ‘густой иней, снег на ветвях деревьев’ и т. п., коми *тукта*, *кукта* ‘слежавшийся снег на деревьях’ [Аникин: 314–315].

2) *пóхта* ‘болото’ (Бел, Выт), ‘топкое, зыбкое место на болоте’ (Бел, Ваш, Выт, Пин), ‘низкий заболоченный берег реки или озера, топкое место около озера’, ‘обмелевшее и заросшее травой озеро’, ‘болотная кочка, которая держится на воде, как плавучий островок’ (Бел), ‘болото, заросшее травой (Ваш), ‘болото, поросшее мелким лесом’, ‘окно воды на болоте’ (Бел, Ваш), ‘заболоченное место, сырая низина’ (Баб, Бел, Ваш) [КСГРС], ‘более высокое место в болотистой местности, на котором растет мох’ (Бел) [СРГК, 5: 124]; *нáхта* ‘болото, лишенное растительности’ (В-Т, Пин, Холм), ‘мох, растущий на деревьях’ (Вель, Лен, Пин, Шенк), ‘нарост на стволе’ (Пин), ‘торф’ (Холм); арх. *пахта* ‘болото (сырое и сухое, заросшее и не заросшее травой, кустарником, лесом)’; ‘покос на болоте’; ‘заросшее русло реки’ [КСГРС]: д. *Большая Пельпахта* (Баб), болота *Нешпахта*, *Перпахта* (Карг), р., руч. *Пошпахта*, бол. *Тинпахта* (Кон); болота *Похта*, *Савкинская Похта* (Бел), болота *Большая*

Похта, *Маленькая Похта*, *Вешкомская Похта*, *Ковжинская Похта*, *Похта*, *Соколья Похта*, *Ярбозерская Похта* (Ваш), бол., ур. *Похта*, *Ужельская Похта* (Выт). Подавляющее большинство топонимических фактов – названия болот в северо-западном Белозерье. Названия, аналогичные каргопольским, известны также в Пудожском районе Карелии: *Валдапахта*, *Гойпахта*, *Лайпахта*, *Лепахта*, *Чистая Пахта* и др. [Захарова 2012: 187].

В ряду близких лексических фактов, которые могут входить в этимолого-словообразовательное гнездо рассматриваемого термина, необходимо отметить *пу́хта* ‘метель, вьюга’ (В-Т), ‘снег на деревьях’ (Вель, К-Б, Уст; К-Г, Ник), ‘мох на старых елях’ (Уст) [КСГРС], известные в аналогичных значениях на Урале и в Сибири [СРНГ, 33: 165], ср. *пухмá* ‘узкий залив озера, небольшая бухточка’ (Карг), соотносимое с вепс. *poht* ‘небольшой залив озера или реки’ (Пондала) [СВЯ: 426]. Вепсское слово, в свою очередь, может быть заимствованием из саам. Патсйоки *pokk* ‘самое узкое место озера или реки’, Сонгельск *poakk* ‘низина, ложбина (между двумя возвышенностями)’, *pohk* или *poht* ‘узкое место в реке между скалами’ [KKLS: 391].

В финских говорах известно *pahta* в значении ‘крутой утес’; ‘утес’, ‘скала’, которое используется в топонимии в качестве детерминанта в названиях гор: *Korppipahta*, *Mustapahta*, *Ortapahta* и др. Вероятно, заимствовано из саам. *bak’te* ‘скала’ [SSA, 2: 288] (что подтверждается и его географией в финской топонимии) и из саамского перешло в русские говоры в значении ‘прибрежная скала’. В ряду слов, которые могут относиться к этимолого-словообразовательному гнезду *похта*, есть и такие, которые снова демонстрируют связь значений ‘угол’ и ‘залив’: ср. фин. *puhti* ‘угол’, ‘петля’, ‘залив’, ‘подъем’, ‘выпуклость’ и т. п., диал. *pohti* в значении ‘залив’, ‘петля’ и т. п., а также кар. *puhta* ‘угол’, ‘петля’, ‘залив’ и др. [SSA, 2: 416].

В ходе исследования намечены некоторые семантические закономерности, связанные с переходом слов некоторых семантических групп в состав ландшафтной топонимической лексики. Так, отмечается переход в ландшафтные термины метеорологической лексики: ‘снег, иней’ → ‘зыбкое место’ (*куфтырь* ‘зыбкое место’, *похта* ‘болото’); лексики, связанной с обозначением формы: ‘угол’ → ‘залив’ (*поча* ‘болото, старое русло реки’, *чупа* ‘топкое место, залив’) и др. В ряде случаев потенциал для развития полисемии заложен еще на уровне прибалтийско-финского этимолого-словообразовательного гнезда, но чаще закрепление ландшафтного значения происходит на уровне субстратной лексики севернорусских говоров, а его дальнейшее функционирование поддерживается повторяемостью ландшафтного термина в топонимии.

Примечание

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 17-18-01351 «Контактные и генетические связи северорусской лексики и ономастики».

Литература и источники

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. Т. 1. 368 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

Захарова Е.В. Субстратные географические термины в топонимии Восточного Обонежья // Труды КарНЦ РАН. № 4. Сер. Гуманитарные исследования. 2012. Вып. 3. С. 185–190.

Захарова Е.В., *Макарова А.А.*, *Муллонен И.И.* В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопр. ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 7–29.

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, г. Екатеринбург).

Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1898.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера: в 4 ч. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 346 с. 7 карт.

Муллонен И.И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2008. 242 с.

СВЯ – *Зайцева М.И.*, *Муллонен И.И.* Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1. 252 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22), Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42), С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 1.

Субботина Л.А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья // Формирование и развитие топонимии: сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. С. 95–109.

Чайкина Ю.И. О субстратных топонимах с формантом *-гумзь* (*-гумезь*) в Белозерье // Вопросы ономастик. Вып. 12. Русская топонимия и географическая терминология / отв. ред. А.К. Матвеев. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 119–123.

KKLS – *Itkonen T.I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958. O. I–II. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XV).

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7 / toim. E. Itkonen, A.J. Joki, R. Peltola. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XII).

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).

A.A. Makarova
(Yekaterinburg, Russia)

THE SEMANTIC AND ETYMOLOGICAL INTERPRETATIONS OF SOME LANDSCAPE TERMS IN THE SUBSTRATE TOPONYMY OF BELOZERYE

The report examines landscape terms, evidenced in substrate toponymy of Belozerye, etymology of which caused a problem: the discrepancy between the intended semantics in the source language and the object, denoted by the place name, and/or appellative semantics in Northern Russian dialects; the necessity to choose from several homonymous etymons, etc. Semantic groups are identified which are most often added to the composition of landscape terminology in the toponymy: weather vocabulary; the vocabulary related to the naming of shape. The report discusses alleged continuations of the proposed etymons in modern Finnic languages and Northern Russian dialects, which enables better explicate semantic history of the studied lexems.

Key words: toponymy, substrate, Belozerye, landscape terminology, semantic reconstruction, etymology.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.235

И.И. Муллонен
(Петрозаводск, Россия)

БОЛЬШИЕ ДВОРЫ – НОВГОРОДСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ОЙКОНИМИИ КАРЕЛИИ

В статье рассматривается генезис и функционирование на территории Карелии ойконимов *Большой Двор* в контексте событий социальной истории и становления системы расселения в крае. Анализируется ареальное противостояние моделей *Большой Двор – Великий Двор*, истоки которого предлагается искать в их разной хронологии.

Ключевые слова: ойконимия, термины землевладения, ареальная дистрибуция, Карелия, Новгород.

В топонимии Карелии сохранилась память о целом ряде терминов – обозначений разного рода сельских поселений, бытовавших в прошлом. В Карелии – районе активного языкового и этнокультурного контактирования – сложились две терминологических системы – прибалтийско-финская и русская. При этом их взаимовлияние носит разноуровневый характер. В то время как карело-вепсская терминология оставила след только в топонимии «русской» Карелии (напр., неоднократно дер. *Конда* или *Кондуша*: карел. *kondu*, вепс. *kond* ‘крестьянский двор с прилегающим участком

земли’), некоторые русские термины – в силу официального статуса языка – были заимствованы в прибалтийско-финские языки (напр., вепс. *posad* ‘деревня’ ← рус. *посад*). В топонимии закрепились вышедшие из активного бытования *боярщина, волость*, *займище*, *погост*, *посад, посиденье*, *починок*, *пустошь, селище*, *слобода*, *усадище* и некоторые другие. При этом подавляющее большинство их появилось на территории Карелии уже после новгородского этапа ее истории, т.е. присоединения новгородских земель к Москве в 1478 году. Считается, к примеру, что даже такой ординарный для названия сельского поселения термин как *деревня* принесен в бывшие новгородские земли составителями московских писцовых книг. Актовый материал XIV–XV веков Новгородской земли именовал их *селами* или *селищами* [Кочин 1965].

В статье рассматривается топонимическое наследие новгородского термина землевладения *большой двор*. Топонимы *Большой Двор* (в документах *Болшой Двор*), называющие селения – в прошлом центры боярских владений, куда свозился оброк из подвластных деревень – яркие маркеры домосковской истории Карелии, хранящие память о временах новгородского боярского владычества. В документах писцового дела по территории Обонежской пятины, относящихся уже к московскому этапу, XV–XVII вв., зафиксировано около двух десятков *Больших Дворов*, при этом подавляющее большинство их локализуется вокруг Онежского озера (погосты Шуйский, Шунгский, Толвуйский, Кижский, Пудожский, Андомский, Вытегорский). Собственно, Обонежье представляло собой северо-западную окраину обширного ареала этой топонимной модели, которая широко бытовала (в определенной степени бытует и сейчас) в землях Великого Новгорода с той лишь оговоркой, что за пределами собственно Обонежья наравне с ней, а на самом деле значительно шире использовалась синонимичная модель *Великий Двор* (о Белозерье см., например, [Макарова 2014]). А вот за западными окраинами Обонежья на территории Карелии, тяготеющей к Приладожью, исторические источники отмечают лишь единичные *Большие Дворы* в окрестностях старинного Олонца. Такая дистрибуция вызвана, очевидно, разной владельческой принадлежностью земель в Обонежье и восточном Приладожье: в то время как земли Обонежья принадлежали разным боярским домам и в меньшей степени монастырям (которые тоже имели свои большие дворы), подавляющее большинство западных погостов имели одного владельца – новгородского архиепископа [Жуков 2013]. Эта ситуация, естественно, не предполагала такого множества центров, как при боярском владении.

Привлечение актов, берестяных грамот и других источников, а также археологическое обследование трех мест (в низовьях реки Шуи, на Кижском острове и в заонежской Толвуе), где размещались боярские большие дворы, позволило доказать, что последние существовали уже в XIII–XIV вв. [Спиридонов и др. 2012; Спиридонов 2004; 2014: 119]. В свою очередь, документы писцового дела однозначно

свидетельствуют, что *Большие Дворы* располагались, как правило, непосредственно рядом с погостами, причем их могло быть несколько, как, например, в центре Шунгского или Кижского погостов. Новгородские землевладельцы, имевшие волостки в нескольких погостах на восточном берегу Онежского озера, размещали великие / большие дворы, в которые свозился оброк, в Андомском погосте, поскольку он стоял на важной торговой трассе [Соболев 2010: 192–195].

После присоединения Новгорода к Москве и конфискации боярских земель в 1478 г. большинство *Больших Дворов* перестало быть центрами боярского владычества. Несмотря на это топоним продолжает исправно фиксироваться в документах московского писцового дела еще на протяжении нескольких сот лет. Однако время делает свое дело, и к XIX веку остаются единицы, из которых до XX в. доживает только *Большой Двор* в составе заонежской волости Шуньга, а также две деревни с названием *Великодворская* на восточном берегу Онежского озера – одна в составе с. Гакукса, другая – с. Каршево [СНМ 1926]. Что стало с остальными? Уже материалы писцового дела показывают, как рядом появляются отантропонимные названия, восходящие к именам крестьян, которые поселяются на месте бывших боярщин, в большинстве своем отошедших в дворцовое ведомство. Так, в 1563 г. *Большой Двор* в заонежской Кузаранде назван параллельно деревней *Васильевской* – очевидно, по Васюку Тихонову, двор которого отмечен в документе. Через сто с небольшим лет, в 1678 г., она уже известна как «дер. на Кузаранде Большой Двор, Тихновщина тож»: с большой долей вероятности в топониме сохраняется память о том же Васюке Тихонове. Дальше следы ее теряются. Вторые отантропонимные топонимы полностью вытесняют со временем *Большой Двор* из структуры ойконима, как это случилось в заонежской Сенной Губе: ряд «на Сенной Губе Большой Двор, словет у часовни Михайловская» (1563 г.) преобразуется к 1616 г. в «дер. У часовни Михайловская» и позднее в «дер. Михайловская» (1720 г.) [Витов, Власова 1974: 74]. В свою очередь, деревню «на Кижском острове Большой Двор у часовни» удалось отождествить с дер. Васильево, и сейчас существующей на Кижском острове [Воробьева 1991: 89]. В бывшей Сунской волости деревня «на усть Суны реки Большой Двор словет в Яншин поле» [ПКОП: 126] доживает вплоть до конца XVIII в. как «дер. Янишъ поле Болшой двор тожъ» [Карта 1970], однако ко второй половине XIX в. остается только Янишъ-Поле [СНМ 1873: 7]. В отличие от более южных новгородских владений в Обонежье лишь единичные *Большие Дворы* оказываются в московское время переданы в помещичье владение. Видимо, именно с ними, а не с бывшими боярскими владениями связаны топонимы *Боярщина* в округе Олонца, Кижей, *Боярский Конец* в олонецкой Обже, *Боярская Гора* в Вытегорье на Тудозере.

На карте владений Новгородской республики просматривается явное противостояние моделей *Большой Двор* и *Великий Двор*. При этом северная граница *Великих*

Дворов проходит по юго-восточному Обонежью, по мере отступления от него к Белозерью и на восток – в районы современной Архангельской и Вологодской областей они становятся преобладающей, а в ряде районов единственной моделью (по данным картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета). В свое время Ю.И. Чайкина на материале деловых документов предположила бóльшую древность термина *великий двор* по сравнению с *большой*, отметив, что первоначально, в XII веке, первый использовался только для обозначения усадьбы великого князя, распространив затем свое функционирование и на обозначение боярских усадеб. К XV в. он исчезает из документов как новгородской письменности, так и Московской Руси, ей на смену приходит *большой двор*, доживающий до XVI в. [Чайкина 1977: 133–135]. Дальнейшее исследование показало, что топонимы *Великий Двор и Большой Двор* являются индикаторами новгородской боярской колонизации. При этом показательно, что на реках Сухоне, Уфтюге, Кокшеньге (притоки Северной Двины), где проходила граница Новгородской республики и Московского княжества, наблюдается противостояние двух систем административных терминов землевладения, маркированных новгородскими топонимами *Великий Двор,* иногда *Большой Двор* и московскими *Княщина, Княжево* [Кузнецов 2013]. В свою очередь, ареальное распределение *Великих* и *Больших Дворов* накладывается в целом на маршруты новгородского продвижения на северо-восток – к Онеге и Северной Двине, которые на первых этапах (X–XII вв.) проходили через Белоозеро и Шекснинско-Сухонский водораздел, и лишь с усилением ростово-суздальской колонизационной волны переключились на Свирско-Онежский путь, что и повлекло за собой формирование Заонежья как административной области к середине XIII в. [Макаров 1997: 166–168; Жуков 2013: 151–157]. На более ранних маршрутах превалируют *Великий Дворы*, в то время как в Заонежье предпочтение отдается *Большим Дворам*. Надо полагать, что в это распределение укладываются и *Великие Дворы* южного Обонежья (совр. Вытегорский район), которые тяготеют к транзитному водно-волоковому пути, связывавшему издревле Белое и Онежское озера. Очевидно, смена модели произошла где-то на рубеже XII–XIII веков и была вызвана тем, что прилагательное *большой* начинает употребляться в форме положительной степени прилагательного [ЭССЯ, 2: 193–194].

Определенные указания на специфику (хронологическую?) в новгородском освоении Обонежья на фоне Белозерья и Подвинья просматриваются и в ареальных предпочтениях некоторых других топонимных моделей. В качестве примера сошлемся на дистрибуцию «речных» формантов *-ина* и *-ица*, из которых первая характерная для Присвирья и западного побережья Онежского озера (*Аштина, Савина, Марина, Ивина, Чебина* и др.), в то время как вторая (*Тамбица, Шалица, Возрица*) обходит Присвирье с юга и достигает Обонежья с восточного берега – так сказать, «в обход»,

если иметь в виду путь из новгородской округи. При этом модель *-ица* господствует на Русском Севере. В эту дистрибутивную схему укладывается, например, и гидронимия реки Мсты, рано включенной в маршруты новгородского продвижения в Белозерье, в которой потамонимы с концовкой *-ина* единичны на фоне массовой модели *-ица*, см. [Васильев 2017].

Примечание

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ 19-012-00068 «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

Литература и источники

Васильев В.Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 344 с.

Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1974. 190 с.

Воробьева С.В. Опыт идентификации исторических поселений о. Кижи и его окрестностей по писцовым материалам и документам XVIII–XIX столетий // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Тез. докл. Петрозаводск. 1991. С. 86–91.

Жуков А.Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 492 с.

Карта 1790 – План Генерального Межевания Петрозаводского уезда. Масштаб межевой карты 4 версты в дюйме. 1790. // Режим доступа (свободный). URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/ [Дата обращения: 15.04.2019].

Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского государства (конец XIII – начало XVI в.). М.; Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1965. 462 с.

Кузнецов А.В. Внутриволостные системы названий деревень Кокшеньги и соседних земель // Тарнога: Кокшеньгий край. Вологда, 2013. С. 232–258.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.

Макарова А.А. Терминология землевладения в топонимии Белозерья // Ономастика Поволжья. Материалы XIV Международной научной конференции. Тверь, 10–12 сентября 2014 г. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 122–125.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.: Наука, 1930. 254 с.

СНМ 1873 – XXVII. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Обработан старшим редактором Е. Огородниковым. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1879.

СНМ 1926 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года). Петрозаводск: Статистическое управление, 1928.

Соболев А.И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах его освоения // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Изд-во ВГПУ, 2010. С. 185–296.

Спиридонов А.М. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Вып. 9. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. С. 281–303.

Спиридонов А.М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 162 с.

Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 165 с.

Чайкина Ю.И. Из истории административной терминологии (слова с общим значением ‘усадьба феодала’) // Русская историческая лексикология и лексикография. 2. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. С. 133–141.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 2. Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. 238 с.

I.I. Mullonen
(Petrozavodsk, Russia)

BOLSHOI DVOR AS ANCIENT NOVGORODIAN MARK IN THE OIKONYMS OF KARELIA

The article discusses the genesis and existence of the place name *Bolshoi Dvor* ‘big yard’ in Karelia in the context of social history and the establishment of a settlement system in the region. The areal opposition of models *Bolshoi Dvor – Velikiy Dvor* is analyzed, the sources of this opposition are proposed to be found in their different chronologies.

Key words: ojkonymy, terms of land tenure, areal distribution, Karelia, Novgorod.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.240

Г.Д. Неганова
(Кострома, Россия)

ХОРОНИМЫ КОСТРОМСКОГО КРАЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Рассматриваются наименования станов и волостей, представляющие в костромской топонимии исторический пласт, охватывающий период с XV до конца XVIII в. Выявляются структурные особенности исторических хоронимов и закономерности их функционирования. Особое внимание обращается на существование топонимических вариантов, отражающих народную речь жителей конкретной территории.

Ключевые слова: историческая административно-территориальная единица, станы и волости костромского края, административный хороним, топонимический вариант, культурный ландшафт.

Хороним, по классификации Н.В. Подольской, собственное имя любой имеющей границы территории – административно-территориальной единицы или природно-ландшафтной области [Подольская 1978: 160]. Объектом наших наблюдений стали административные хоронимы Костромского края, наименования исторических административно-территориальных единиц – станов и волостей. Рассматриваемые хоронимы представляют в костромской топонимии исторический пласт, охватывающий период с XV до конца XVIII в. Станы и волости – самые мелкие административно-территориальные единицы в российской административно-территориальной системе XIV–XVIII вв. Первоначальное значение терминов было различным, но впоследствии эти различия нивелировались. Хотя «происхождение этих терминов не до конца ясно», К.А. Аверьянов полагает, что их «исторические корни» следует искать в особенностях управления: «Территория, совместно управлявшаяся <…> делилась исключительно на станы, в то время как земля, находившаяся в единоличном обладании одного из князей, разбивалась только на волости» [Аверьянов 1989: 114, 121–122]. (В ходе Екатерининской реформы 1775 г. существовавшее ранее административно-территориальное деление на территории России было отменено, и в XIX – начале XX в. стан уже являлся не административно-территориальной, а административно-полицейской единицей).

Цель работы – исследование структурных особенностей и закономерностей функционирования отобранных топономинаций. Источниками послужили: материалы для историко-географического словаря Костромской губернии «Старинные волости и станы в Костромской стороне», подготовленные по рукописи костромского краеведа XIX в. М.Я. Диева и опубликованные в 1909 г. [Диев 1909]; материалы по Галичской, Костромской, Плесской, Солигаличской и Унженской десятинам, собранные В. И. и Г. И. Холмогоровыми по документам XV–XVIII вв. [Материалы, 1–5].

Методом сплошной выборки из источников было извлечено более двухсот топонимических единиц. С учетом систематизирующей роли, которую играет географический термин в русской топонимии, собранный ономастический материал объединен в две группы: 1) хоронимы, включающие географический термин, идентифицирующий объект; 2) хоронимы, не включающие географический термин, идентифицирующий объект.

Основная часть рассматриваемых топономинаций относится к 1-й группе. Все они являются составными хоронимами, состоящими из определяемой части, которая

называет географический объект, – существительное *стан* или *волость*, и определяющей части. Подавляющее количество хоронимов – двухсоставные с определяющей частью, выраженной прилагательным: *Андомский стан, Андроников* (*Ондроников*) *стан, Арменов* (*Орменов*) *стан, Атыев* (*Атуев*) *стан, Березниковская волость, Большесольская волость, Боршинская волость, Борщин стан, Бушневская волость, Валовская волость, Валуевская волость, Валутин стан, Васютин стан, Верхняя волость, Верховская волость* (от с. *Верхи*), *Ветлужская волость, Вожевальский стан, Воскресенский стан, Вятский стан, Дмитровцев стан, Дуплехов стан, Еметский стан, Иванчужский стан, Козурский стан, Колдомская волость, Котогорский стан, Коряковская волость, Куецкая волость, Курганов стан, Ладыченкая волость, Ликургская / Ликурская волость, Логинов стан, Матницкий стан, Мериновская волость, Мерский стан, Минский стан, Ногатин стан, Немецкая волость, Нерехотская волость, Нерехотский стан, Никольский стан, Осетский / Осецкий стан, Парская волость, Плесский стан, Плоскинин стан, Понизовская волость, Понизовский стан, Потрусовская волость, Пурков стан, Ровдин стан, Сидоровская волость, Сорохотский стан, Сотский стан, Сущев стан, Хоругванов стан, Черный стан, Чернякова волость, Чижев стан, Шахонская волость, Шачебальский стан* и др.

Трехсоставных хоронимов, включающих географический термин, идентифицирующий объект, небольшое количество: *Егорьевских починков волость, Парфеньевская окологородная волость, Серапионовы пустыни волость, Сокольских гор волость, Солигаличский окологородный стан, Троицкий Черный стан, Усольска яокологривская волость, Федковской слободы волость, Филисовская дворцовая волость, Чухломский окологородный стан*. Хоронимы с большим количеством компонентов единичны. М.Я. Диев приводит пятисоставный: «Колдомская волость писалась Костромского уезду. Названа от реки Колдомы, текущей по луговой стороне и впадающей в Волгу 11 верстами ниже Плеса. <…> Иногда писали: *Костромская Колдомская Дуплехова стану волость*» [Диев 1909: 22].

Большая часть хоронимов, относящихся ко второй группе, представлена однословными именованиями, выраженными существительным: *Аргашма, Березовец, Борок, Волочек, Выдамь, Елнать, Емстна, Залесье, Иледам, Илейдома, Комела, Корега, Корзла, Куекша, Кушка, Лахость, Ликурга* (*Ликура*), *Немда, Обнора, Осек, Письма, Служня, Совьюга*, *Сорохта, Соть, Сурожик, Углец, Унжа, Чутца, Шаслово, Шачебал* (*Шачебол*), *Шиленга* и др. Выявлен также хороним, выраженный субстантивированным прилагательным, – *Лучинское* (именование волости). Следует отметить, что ряд именуемых данными онимами объектов упоминаются и под двухсоставными именованиями, например: *Вига – Виговская волость, Вичуга – Вичуская волость, Владычня – Владычная волость, Кубань – Кубанская волость, Кулига – Кулижская волость, Кусь – Кусская (Куская) волость* и *Кусицкая волость* и др.

В данной группе онимов представлены также двусоставные хоронимы: *Большая Соль, Великая пустыня, Верхняя Пустыня, Железный Борок, Малая Соль, Никольская слобода, Новые городки, Подольский дворец, Сокольская лука, Рыболовская лука, Стольничий путь, Чашничий путь* и др. На такого типа топонимы обращает внимание И.С. Просвирнина, рассматривая структуру составного топонима как трехчленную (квалификатор – определяемая часть, дифференциатор – определяющая часть, идентификатор – географический термин, идентифицирующий объект): «…Необходимо учитывать и обозначение вида объекта, географический термин, идентифицирующий объект, – идентификатор, который может оставаться за пределами собственно топонима, лексически не совпадать с квалификатором» [Просвирнина 2001: 35]. Для всех этих именований квалификатор выражен существительным, дифференциатор –прилагательным. Идентификатором является географический термин волость / стан, который находится за пределами хоронима, но безусловно подразумевается.

Наблюдения показывают, что в Костромском крае, как и в Московской и других губерниях, в основном именования станов и волостей давались по названию рек и населенных пунктов. Например, от гидронимов образованы хоронимы *Андоба, Андомский стан* – р. Андоба, *Виговская волость* – р. Вига, *Вичуга волость* – р. Вичуга, *Воцкая волость* – р. Воча, *Емена* – р. Емена, *Ерская волость* – р. Ержа, *Куекша* – р. Куекша, *Немда* – р. Немда, *Письма* – р. Письма; от ойконимов – *Березницкая волость* – с. Березникова, *Белогородье* – с. Белогородье, *Валовская волость* – с. Валы, *Егорьевская волость* – с. Егорьевское на Воче, *Верховская волость* – с. Верхи, *Владычня* – с. Владычня, *Солигаличский окологородный стан* – г. Солигалич и многие другие. Выявлены также именования, образованные от названия монастыря – *Верхняя Пустыня* и *Верхняя волость*.

Все рассмотренные хоронимы являются естественными, мотивировочные признаки соответствуют реальным свойствам объектов, модели отражают сложившиеся закономерности в именовании станов и волостей.

При изучении стана / волости как культурного ландшафта, который исследователи, при существовании различных подходов к его пониманию, рассматривают как природный, освоенный человеком, природно-культурный территориальный комплекс, хороним представляет его лингвистическую составляющую. Особую ценность имеют топонимические варианты, которые отражают особенности живой народной речи, включая фонетические особенности говоров, например: *Андроников* (*Ондроников*) *стан* и *Арменов* (*Орменов*) *стан*, *Боршинская волость* и *Борщинский стан*, *Андоба* и *Андома* («Из слов договорной грамоты, писанной 1433 года при уступлении галичским князем Юрием великого княжения племяннику своему, государю Василию Васильевичу: “Что ми ся отступил от великого княженья Костромских волостей: Андомы, Кореги, Борку, Березовца с Залесьем, да Шиленги”…» [Диев 1909: 57]) и др.

За хоронимом, как и за всяким топонимом, стоит экстралингвистическая информация, позволяющая получить сведения об истории формирования культурного ландшафта. Так, в семантике хоронима *Мерский стан* «читается» этноним *меря* – финно-угорское племя, жившее в данной территории до славян. Хоронимы *Стольничий путь* и *Чашничий путь* – отапеллятивные хоронимы: «стольничим путем назывались поместья, данные на пропитание чиновникам, имеющим чин стольника», чашечним путем – «поместья, данные на пропитание чашникам, чиновникам царского двора…» [Диев 1909: 48, 53]. *Верхняя Пустыня* и *Верхняя волость,* вероятно, «названы от монастыря Верхняя пустыня, основанного на реке Виге проп. Авраамием Чухломским по выходе его из Великой пустыни» [Там же: 7]); волость Волочек, предполагает М.Я. Диев, это «Лежский волок близ Грязовиц» [Там же: 10].

Дальнейшее исследование исторических хоронимов может выявить новые сведения как о формировании культурных ландшафтов Костромского края, так и об особенностях народной речи местных жителей.

Примечание

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края».

Литература и источники

Аверьянов К.А. Московские станы и волости XIX–XVI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М.: Наука, 1989. С. 114–122.

Диев М.Я. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для историко-географического словаря Костромской губернии. М.: Печатня А. Снегиревой, 1909. XV, 62, IV с.

Материалы, 1–5 – Материалы для истории Костромской епархии: в 5 вып. Кострома: Губ. тип.; М.: Тип. Ф.И. Филатова: Тип. рус. тов-ва, 1895–1912.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.

Просвирнина И.С. Особенности семантики русских составных топонимов // Известия Уральского ГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. № 20. С. 35–48.

G.D. Neganova
(Kostroma, Russia)

THE NAMES OF TERRITORIES IN THE KOSTROMA REGION THROUGH LANGUAGE OF CULTURAL LANDSCAPE

The article considers the administrative-territorial units of the Kostroma region in the historical period from the XV to the end of the XVIII century. The structural features of these historical

administrative-territorial units and the regularities of their functioning are revealed. The author pays special attention to toponymic variants reflecting the folk speech of the inhabitants of a particular territories.

Key words: Kostroma region, historical administrative-territorial unit, toponymic variant, cultural landscape.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.245

Т.Г. Никитина
(Псков, Россия)

ПОВОЛЖСКАЯ ТОПОНИМИЯ В «ПОЛНОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»

В статье представлена концепция репрезентации в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров» оборотов с топонимическим компонентом. Показано, как в проектируемом словаре раскрывается фраземообразовательный потенциал топонимов, культурный фон фразеологизмов и особенности их функционирования.

Ключевые слова: топонимия, фразеология, фразеография, фразеологический словарь, словарная статья, русские народные говоры.

«Полный фразеологический словарь русских народных говоров», в соответствии с замыслом его составителей – фразеологов Санкт-Петербургского и Псковского университетов, объединит материал различных регионов России, представленный в отечественных диалектных словарях и паремиологических сборниках XVIII–XXI веков: фразеологизмы-идиомы, образные сравнения, пословицы. В состав словника, объем которого превышает 140 тыс. единиц [Мокиенко 2019], вошли сотни фразеологизмов разных типов с топонимическим компонентом. Широко представлена в народной фразеологии поволжская топонимия, фраземообразовательный потенциал которой на данный момент изучен фрагментарно [Никитина 2014; 2016]. Материалы «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» (ПФСРНГ) позволят исследовать фразеологизмы с компонентами – топонимами Поволжья в полном объеме. В картотеке ПФСРНГ зафиксировано 95 фразеологизмов, включающих гидроним *Волга*, астионимы – названия поволжских городов (*Астрахань, Казань, Кострома, Нижний Новгород, Саратов, Тверь, Углич, Ярославль*) и производные от топооснов.

Описания отдельных фразем собраны в макростатьи под общим образным стержнем. Такая система расположения материала в словаре позволяет проследить

фраземообразовательную активность каждого топонима. Наиболее продуктивным в этом плане является стержневой компонент *Волга.* Макростатья с этим заголовком включает 35 фразеологизмов. Среди астионимов наибольшую фраземообразовательную активность проявляют *Казань* (макростатья включает 16 единиц) и *Астрахань* (10 единиц).

Материал макростатьи ПФСРНГ дает возможность реконструировать образ топообъекта в народном сознании, представление о его качествах и их оценку. Так, фразеологический портрет Волги, включает физические характеристики реки, которые во фразеологии становятся эталонами качеств, задают мотивы переноса значения. Представим наиболее ярко выраженные из них:

- Волга широка, ее трудно переплыть:

Нос – через Волгу мост. Народн. Шутл. О длинном носе [БСРП: 449].

На словах Волгу переплывает, а на деле – ни через лужу. Народн. Неодобр. О хвастливом человеке, краснобае [МНН: 823].

- Волга имеет большую протяженность:

Волга – плыть долго [ДП, 1: 270].

Волга-матушка широка и долга [ДП, 1: 270].

- Волга – многоводная река:

Льётся беда как Волги вода. Народн. Фольк. Беды следуют одна за другой, постоянно [МНН: 41].

Много на Волге воды, много и беды [МНН: 138].

- В Поволжье теплее, чем во многих других регионах России:

Божья коровка, полетай на Волгу: там тепленько, здесь холодненько [ДП, 1: 268].

Прием персонификации в пословицах и поговорках позволяет в полной мере передать отношение к великой реке:

Волга – всем рекам мать [ДП, 1: 270].

Волга – матушка-кормилица **[**МНН: 41].

Выражение *Волга-матушка*, использованное в народной песне и переосмысленное в современном контексте, также будет представлено в макростатье «Волга» по схеме, разработанной для фразеологических трансформов [Никитина 2017]:

Вниз по матушке по Волге. *Прост. Эвфем. Шутл.-ирон.* 1. [**посылать / послать, отправлять / отправить** *кого*]. Грубо ругать кого-л., пытаясь отделаться, избавиться. 2. Куда-нибудь подальше. < Зачин старинной русской народной песни, появившейся в купеческой среде. Первая запись песни сделана фольклористом М.Д. Чулковым в 1770 г. Первое знач. – каламбурная ассоциация с выражением *посылать по матушке* кого-л. [БМШ: 85].

Культурный фон фразеологизмов макростатьи «Волга» отражает особенности быта, социальные реалии исторического прошлого, характерные для Поволжского

региона: тяжелый труд бурлаков и разгул преступности, на что указывают первые «социокультурные» словарные комментарии, разработанные В.И. Далем:

На Волге вино по три деньги ведро: хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся. < Похвальба бурлаков [Д, 1: 205].

Когда нечем заплатить долгу, [к] ехать (идти) [будет] за (на) Волгу. < Либо в бурлаки, либо на разбой [ДП, 1: 268; ДП, 2: 17, 39].

Ср. ироническую характеристику жителей Поволжья у В.И. Даля и наименование злостного нарушителя общественного порядка в уголовном жаргоне конца XX века:

Люди честные, поволжане. *Народн. Шутл.-ирон.* Разбойники [БСРП: 376].

Иван с Волги. *Жарг. угол.* Дерзкий хулиган [БСРП: 263].

Фразеологизмы с компонентом *Волга*, отражающие факты побега заключенных, свидетельствуют о наличии в Поволжье большого количества острогов и советских лагерей принудительного труда в более поздние периоды:

Приезжий из Волги. *Жарг. угол., арест.* Беглец [БСРП: 533].

Из Волги приехать. *Жарг. угол., арест*. Самовольно вернуться из колонии [БСРП: 96].

Крылатое выражение *За Волгой для нас земли нет* (клятва защитников Сталинграда отстоять город, расположенный на правом берегу реки) возвращает нас к событиям Великой Отечественной войны, как и шутливое переосмысление хрононима *Битва на Волге*: оно фиксируется в речи школьников, говорящих о ситуации в школьном гардеробе [БСРП: 41].

Комментарий, отражающий конкретный механизм фраземообразования, сопровождает в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров» еще один оборот с компонентом-гидронимом:

Когда Волга вверх потечёт. *Народн.* Никогда [БСРП: 96]. <Образовано по «формуле невозможного», ср.: *когда курица петухом запоет, когда петух яйцо снесет* – ‘никогда’.

Народная фразеология дает меткие характеристики поволжским городам, отражающие нравы местного населения или географическое положение населенных пунктов (точкой отсчета при этом является Москва):

Кострома блудливая (весёлая) сторона [ДП, 1: 264].

Новгород Нижний – сосед Москве ближний [МНН: 598].

Казань-городок – Москвы уголок [МНН: 395].

Ярославль-городок–Москвы уголок [ДП, 1: 262].

Географические характеристики топообъектов находим и в прямом указании на их удаленность или в обозначении расстояния между пунктами для иллюстрации большой протяженности:

Астрахань далече, а Сибирь и дале того [МНН: 23].

От Астрахани до Казани пообедали, а нам не сказали [МНН: 23].

Фразеологизмы с компонентами-астионимами представляют природные богатства регионов:

В Астрахани и коровы рыбу едят [ДП, 1: 268; Д, 1: 268].

Богата Астрахань осетрами, а Сибирь соболями [ДП, 2: 112].

Астрахань арбузами, а мы голопузами [ДП, 1: 268]. < *Голопуз* – ‘человек (чаще – ребенок) с оголенным животом’; перен. пренебр. ‘голодранец, нищий’.

Прототипы многих фразеологизмов, включенных в «Полный фразеологический словарь русских народных говоров», содержат оттопонимические дериваты – имена прилагательные, указывающие на принадлежность реалий к поволжскому региону (*астраханская селедка, астраханская чайка, саратовская гармонь*). В процессе фразеологизации они метафорически переосмысляются:

Астраханская селёдка. *Прост. Пренебр.* Об очень худой женщине [БСРП: 604].

Астраханская чайка. *Жарг. мол. Неодобр.* Попрошайка [БСРП: 729].

Материалы ПФСРНГ позволят проследить роль Поволжских топонимов в рифмо-ритмической организации пословиц и поговорок, где они образуют рифмо-пары с апеллятивами или другими онимами:

Муж в дверь, а жена в Тверь [ДП, 1: 293].

Пиши долг на двери, а получай (получать будешь) в Твери [Д, 1: 418].

Ехал в Казань, а заехал в Рязань. *Народн. Ирон. или Неодобр.* О поступке бестолкового человека [МНН: 395].

Таким образом, «Полный фразеологический словарь русских народных говоров», наряду с традиционными лексикографическими параметрами, представляет поволжскую топонимию в новом, на данный момент не разработанном аспекте – как фраземообразующее языковое средство, обладающее мощным лингвокультурологическим потенциалом.

Примечание

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Литература и источники

БМШ – *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Астрель-АСТ, 2000. 624 с.

БСРП – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 784 с.

Д – *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. Тт. 1–4. М.: ГИС, 1955.

ДП – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Изд. 3. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1984.

МНН – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Мокиенко В.М. Русская народная фразеология в лексикографическом освещении // Режим доступа (свободный). URL: http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/proekt-rnf-17-18-01062.htm [Дата обращения 16.02.2019].

Никитина Т.Г. Народная фразеология в современной интерпретации: к концепции словарного описания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9. С. 131–134.

Никитина Т.Г. Пословицы с компонентами-астионимами: лакунарность и межъязыковой параллелизм // Вестник ПсковГУ. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014. № 4. С. 111–115.

Никитина Т.Г. Устойчивые сравнения как объект фразеологического лингвокраеведения (к концепции учебного словаря для иностранных студентов) // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. СПб.; Грайфсвальд: СПбГУ – Universitat Greifswald, 2016. С. 262–265.

T.G. Nikitina
(Pskov, Russia)

THE TOPONYMY OF THE VOLGA REGION IN “COMPLETE PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK DIALECTS”

The article deals with the concept of representation of phraseological units with toponymic component in the "Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects". The author shows how the projected dictionary reveals the phraseo-formation potential of place names, the cultural background of phraseological units and the peculiarities of their functioning.

Key words: toponymy, phraseology, phraseography, phraseological dictionary, dictionary entry, Russian folk dialects.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.249

С.А. Попов
(Воронеж, Россия)

ВОРОНЕЖСКАЯ ТОПОНИМИЯ В АСПЕКТЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Многочисленные региональные топонимические исследования в субъектах Российской Федерации нуждаются в лексикографической фиксации; в статье рассматривается

воронежская топонимия в аспекте лексикографии, приводится краткий обзор топонимических словарей Воронежской области, подготовленных историками, журналистами, лингвистами и изданных в 1966–2018 годах.

Ключевые слова: лексикография, региональная топонимия, топонимические словари Воронежской области, лингвокраеведение.

Многочисленные региональные топонимические исследования, проводившиеся в прошлом и продолжающиеся в настоящее время, нуждаются в лексикографической фиксации. В связи с этим в ряде субъектов Российской Федерации изданы региональные топонимические словари, поскольку «в настоящее время возрастает роль словарей не только в духовной жизни общества, в осмыслении культурного наследия человечества, но и в деловом общении социума, когда лексикографические источники становятся необходимыми для работы органов власти и управления, образовательных и социокультурных учреждений» [Ильин, Сидорова 2014: 8].

Не стала исключением и Воронежская область. Местная топонимия имеет более чем четырехсотлетнюю историю. На данной территории в течение длительного времени смешивались, взаимодействуя, пласты лексики различных языковых групп, отразившиеся в географических названиях. Воронежские топонимы многоплановы как по времени появления, так и по языковому происхождению (кроме славянских, – иранские, финно-угорские и тюркские языки), словообразованию и семантике.

Отражая основные этапы освоения и заселения данной территории, топонимическая система региона претерпевала как количественные, так и качественные изменения: одни названия сохранились неизменными на протяжении веков, другие исчезали вместе с населенными пунктами, третьи названия продолжили жизнь, но уже в качестве других типов объектов. Некоторые населённые пункты получили новые именования по идеологическим соображениям.

Как отмечает В.И. Супрун, «первые региональные топонимические словари созданы географами и любителями-краеведами. В них обычно отсутствует лингвистическая характеристика описываемого объекта» [Супрун 2018: 266].

За последние десятилетия опубликованы топонимические словари по областям, граничащим с Воронежской областью: Белгородской (до 1954 г. часть региона входила в состав Воронежской области) [Осыков 1990; Жиленкова 2012.], Волгоградской [Крюкова, Супрун 2009; Ильин, Сидорова 2015], Курской [Ономастикон 1999], Липецкой (до 1954 г. часть региона входила в состав Воронежской области) [Прохоров 1981; Щеулина 2001; Щеулина 2003; Щеулина 2007], Саратовской [Козинец 2013], Тамбовской [Дмитриева, Щербак 2001; Дмитриева, Щербак 2002; Олейникова 2011]. Некоторые словари охватили топонимию Центрального Черноземья [Прохоров 1977; Щербак, Бурыкин 2013].

Топонимические процессы, происходившие на территории Воронежской области, в разное время исследовались историками, географами, лингвистами, фольклористами, журналистами.

Первая лексикографическая публикация по воронежской топонимии, подготовленная историком В.П. Загоровским, увидела свет в 1966 году [Загоровский 1966], в 1973 году он издал еще один историко-топонимический труд [Загоровский 1973]. В указанных работах содержатся сведения по истории возникновения и заселения населенных пунктов, о народах, населявших территорию Воронежской губернии. Лингвистическое толкование топонимов не являлось целью данных исследований, поэтому объектом их стала не вся масса названий населенных пунктов региона, а лишь те из них, этимология которых наиболее прозрачна.

Журналист и краевед В.А. Прохоров в 1973 году опубликовал историко-топонимический словарь Воронежской области, содержащий 1200 ойконимов [Прохоров 1973]. Автор привел этимологии известных ему названий, его как журналиста больше интересовали достопримечательности населенного пункта (исторические хроники, известные люди – уроженцы этих мест), нежели языковая сущность ойконима. Не все имеющиеся на карте Воронежской области названия попали на страницы издания.

В 2003 году воронежский краевед и журналист П.А. Попов опубликовал словарь названий улиц г. Воронежа [Попов 2003]. В издании рассматривается история происхождения и смены названий всех улиц областного центра.

В 2003 году опубликована монография «Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин» [Попов 2003], в качестве приложения к которой приведен «Словарь названий населенных пунктов Воронежской области», содержащий около 2000 словарных статей.

В 2009 году увидел свет «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» [Дьякова, Хитрова 2009], в котором подробно рассматривается географическая лексика апеллятивного происхождения, являющаяся основой многих воронежских топонимов. Профессор ВГУ Г.Ф. Ковалев в 2007 и 2017 годах опубликовал словари микротопонимов региона, содержащие более 20000 словарных статей [Ковалев 2007; Ковалев 2017].

В 2018 году опубликована книга «Топонимия Воронежского края» [Попов, Пухова, Грибоедова 2018], состоящая из двух разделов: «Словарь названий населённых пунктов Воронежской области» (содержит 1731 словарную статью – по количеству официально существующих населенных пунктов региона), и «Воронежские топонимические предания». В издании представлена информация об административно-территориальной принадлежности всех населённых пунктов Воронежской области, времени их возникновения, прежних названиях, владельцах и первопоселенцах, времени и причинах переименований, этимологию названий, норму их произношения.

Таким образом, региональные топонимические словари фиксируют результаты многолетних исследований местной топонимии, способствуют популяризации краеведческих сведений среди жителей региона, туристов и содействуют патриотическому воспитанию молодёжи.

Литература и источники

Дмитриева Л. И., Щербак А.С. Ономастика Тамбовской области. Опыт энциклопедии. Ч. 1–2. Тамбов: Изд-во ТГУ. 2001–2002.

Дмитриева Л.И., Щербак А.С. Топонимы Тамбовской области: культурно-социальный аспект. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 51 с.

Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: ВГУ, 2009. 343 с.

Жиленкова И.И. Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов): учебное пособие по лингвокраеведению. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 124 с.

Загоровский В.П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1966. 111 с.

Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. 136 с.

Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г. Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2014. № 3 (22).

Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г. Топонимические наименования Волгоградской области: функционально-семантические и ортологические особенности: учебно-методическое пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. 81 с.

Ковалев Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь. Воронеж: Артефакт, 2007. 407 с.

Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017.

Козинец С.Б. Топонимический словарь Саратовской области. Саратов: Саратовский источник, 2013. 206 с.

Крюкова И.В., Супрун В.И. Реки и водоемы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. 349 с.

Олейникова С.Д. Моршанск в именах и названиях. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 224 с.

Ономастикон 1999 – Ономастикон Курской области (ойконимы и гидронимы) / сост.: Ж.В. Бабичева, Н.А. Волкова, С.П. Праведников. Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1999. 87 с.

Осыков Б.И. Белгородский алфавит. Краткий краеведческий справочник. Воронеж: Центр.-Черноземное изд-во, 1990. 208 с.

Осыков Б.И. Города и реки Белгородчины. Белгород: Б. и., 1990. 56 с.

Попов П.А. Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж: Кварта, 2003. 447 с.

Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2003. 285 с.

Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского края. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2018. 336 с.

Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: историко-топонимический словарь. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. 367 с.

Прохоров В.А. Липецкая топонимия. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1981. 160 с.

Прохоров В.А. Надпись на карте: Географические названия Центрального Черноземья. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1977. 192 с.

Супрун В.И. Сколько экстралингвистики может быть в топонимическом словаре?: Взгляд географа, историка и лингвиста // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции 14–16 февраля 2018 г. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 266-268.

Щербак А.С., Бурыкин А.А. Названия населенных пунктов Центрального Черноземья: словарь. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2013. 355 с.

Щеулина Г.Л. Словарь микротопонимов Липецкого края. Ч. 1–2. Липецк: ЛГПУ, 2007–2008.

Щеулина Г.Л. Словарь ойконимов Липецкого края. Липецк: ЛГПУ, 2003. 282 с.

S.A. Popov
(Voronezh, Russia)

THE VORONEZH TOPONYMY IN ASPECT OF THE LEXICOGRAPHY

Numerous regional toponymic researches in territorial subjects of the Russian Federation need lexicographic fixing. In this article the Voronezh toponymy in aspect of a lexicography is considered, the short review of the toponymic dictionaries of the Voronezh region prepared by historians, journalists, linguists and published in 1966-2018 is provided.

Key words: lexicography, regional toponymy, toponymic dictionaries of the Voronezh region, linguistic regional studies.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.253

Т.А. Сироткина
(Сургут, Россия)

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ХМАО-ЮГРЫ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье на примере имен собственных, образующих ономастикон ХМАО-Югры, рассматриваются актуальные направления исследования ономастического пространства региона.

Делается вывод о том, что исследование ономастического пространства Югры – актуальный вопрос настоящего, который по мере сил и возможностей решается учеными Ханты-Мансийска и Сургута, однако требует привлечения еще больших научных ресурсов, поскольку территория округа довольно обширна, а единицы, образующие его ономастикон, очень разнородны и разнообразны.

Ключевые слова: ономастическое пространство, ХМАО-Югра, топонимы, антропонимы, регион.

Термин «ономастическое пространство» не является новым в современном языковедении. По формулировке А.В. Суперанской, «ономастическое пространство – это сумма имен собственных, употребляющихся в языке данного народа для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов» [Суперанская 1986: 9]. Проблемам анализа ономастического пространства отдельных регионов России посвящены работы [Агеева 2004], [Галиуллина 2012], [Жеребило 2017], [Ильин 2013], [Яковлева 2006] и многих других исследователей. Как справедливо полагают лингвисты, ономастическая «летопись» региона является основой объективного описания национального ономастического пространства [Бубнова 2015: 46]. В настоящей статье рассмотрим, каковы актуальные направления исследования ономастического пространства ХМАО-Югры.

Одним из таких направлений, безусловно, является описание региональной топонимии. Как справедливо отмечает Т.В. Давыдова, «народы Севера, являясь древнейшими цивилизациями Сибири и Азиатско-Тихоокеанского региона, от которых практически не сохранилось письменных источников, несмотря на свою малочисленность, сконцентрировали в топонимике глубокие знания о природе, экологии, окружающей среде, выверенные на протяжении многих веков. Благодаря этому, они сумели создать своеобразную топонимику оленеводов, охотников, рыболовов и морских зверобоев, топонимику, которая проходила апробацию в течение многих веков, прежде чем войти в употребление» [Давыдова 2003: 5]. По наблюдениям А.К. Матвеева, «географическая номенклатура ныне функционирующих агглютинативных языков коренного населения образует вместе с коми и русскими названиями верхний слой топонимии Тюменского Севера, под которым находится нижний (субстратный) слой неизвестного происхождения» [Матвеев 1997: 7].

Так, на территории современного расселения ненцев вдоль берегов Северного Ледовитого океана в тундрах и лесотундрах Ямало-Ненецкого автономного округа распространена ненецкая топонимия, в которой наиболее употребительными являются географические термины *яха* – ‘река’ (*Ер яха* – ‘Средняя река’, *То яха* – ‘Озерная река’), *то* – ‘озеро’ (*Хэхэ то* – ‘Озеро идолов’, *Ямб то* – ‘Длинное озеро’), *саля*, или *сале* в русской передаче, – ‘мыс’ (*Тибей саля* – ‘Гнилой мыс’, *Ябто саля* – ‘Гусиный мыс’).

В бассейне реки Таз распространена селькупская топонимия, в которой часто повторяются географические термины *кы* – ‘река’ и *то* – ‘озеро’, а также суффикс принадлежности *-ль*, ср. *Пюль кы* – ‘Каменистая река’ (*пю* – ‘камень’, *пюль* – ‘каменистый’, *кы* – ‘река’).

На правобережье Оби, а также в Ямало-Ненецком округе обычны хантыйские названия, в которых используются географические термины *ёхан* – ‘река’, *эмтыр* – ‘большое озеро’, *тор*, *лор* – ‘поемное озеро’, ‘сор’, *курт*, *пухыл* – ‘селение’. В бассейнах Северной Сосьвы и Конды распространены мансийские наименования, для которых наиболее характерны географические термины *я* – ‘река’, *тур* – ‘озеро’, *павыл* – ‘селение’, ‘деревня’, ср. *Вор я* – ‘Лесная река’, *Ялпынг тур* – ‘Святое озеро’, *Тимка павыл* – ‘Селение Тимофея’. С переселением в Приобье отдельных групп коми-зырянского населения здесь появилась коми-топонимия, для которой характерны географические термины *ю* – ‘река’, *ва* – ‘вода’, *кар* – ‘городок’, *горт* – ‘дом’.

В конце XVI века на Тюменском Севере появляются русские топонимы, которые ничем не отличаются от русских названий материнских говоров Европейского Севера (*Белогорье*, *Перегребное*). Вместе с тем русские широко заимствовали местную географическую номенклатуру (*Обдорск*, *Сургут*), нередко очень ее изменяя (*Шеркалы*).

Классификаций топонимов, составляющих определенное ономастическое пространство, существует достаточно. В топонимии исследуемого региона можно выделить, например:

1. Имена собственные, репрезентирующие характеристики именуемого объекта. Примером подобных именований являются местные ойконимы и гидронимы. Так, название села *Азов* произошло от хантыйского *Ас ов*, в котором *Ас* – р. Обь, а *ов* – ‘дверь’, ‘ворота’, ‘устье’. Сами ханты переводят это как ‘Ворота Оби’ или ‘Усть-Обь’. Название города *Белоярский* дано по светлому песчаному берегу, который ханты называют *Новы сангхым* – ‘Белый яр’. Населенный пункт *Березово*, основанный русскими казаками в 1593 году, как утверждают ханты и манси, получил свое название по близлежащей березовой роще. Название озера *Варчато* происходит от ненецких слов *варцясь* – ‘быть чистым’, *варцяда* – ‘чистый’, *то* – ‘озеро’, т.е. в переводе обозначает ‘Чистое озеро’.

2. Имена собственные, репрезентирующие полиэтнический состав населения региона. Например, правый приток реки Пур носит название *Айваседапур*. В русской передаче *Айваседа* – название одного из родов лесных ненцев.

3. Имена собственные, репрезентирующие географические объекты Югры как удобные или неудобные для использования их человеком. Так, правый приток реки Казым, *Атымъюган*, имеет в основе названия хантыйское *атым* – ‘плохой’, *ехан* – ‘река’, т.е. именуется ‘Плохой рекой’. Местные ханты считают эту речку плохой, так как зимой она застывает, а вода уходит, и под лед можно провалиться.

4. Географические названия, отражающие заслуги конкретных людей в становлении и развитии региона. Мыс *Боткина* назван в 1895 году начальником гидрографической экспедиции А.И. Вилькицким в честь сотрудника экспедиции Александра Сергеевича Боткина.

Еще одно особенно актуальное направление исследований – описание региональной антропонимии. Ведущим исследователем местных имен и фамилий является профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета Нина Никифоровна Парфенова. Переехав из Тюмени в Сургут в 1997 году, Нина Никифоровна с этого времени активно занимается изучением местного ономастического пространства. Ее ученики, принимая участие в работе спецкурсов и спецсеминаров, пишут курсовые и дипломные работы, посвященные исследованию собственных имен; магистранты и аспиранты также увлечены ономастическими проблемами, так, например, успешно защитила кандидатскую диссертацию по топонимии хантыйского и мансийского происхождения Юлия Валерьевна Исламова. В 2001 году в Сургуте увидела свет монография Нины Никифоровны «Русские фамилии конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья)». Данная работа послужила основой ее докторской диссертации, защищенной в 2002 году в Институте русского языка РАН. В 2005 году в Москве был издан «Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья)».

Кроме вышеназванных топонимии и антропонимии, исследованиям должна подвергаться местная этнонимия, эргонимия и другие разряды ономастической системы.

Таким образом, исследование ономастического пространства Югры – актуальный вопрос настоящего, который по мере сил и возможностей решается учеными Ханты-Мансийска и Сургута, однако требует привлечения еще бóльших научных ресурсов, поскольку территория округа довольно обширна, а единицы, образующие его ономастикон, очень разнородны и разнообразны.

Литература и источники

Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / отв. ред. Н.И. Толстой. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Бубнова Н.В. Ономастическая «летопись» региона – основа объективного описания национального ономастического пространства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филологические науки. 2015. № 5. С. 46–51.

Вэлла Ю. Река Аган со притоками: опыт топонимического словаря бассейна реки Аган. Часть 2. Топонимика притоков реки Аган. Ханты-Мансийск, 2012. 187 с.

Галиуллина Г.Р. Диалог культур в ономастическом пространстве современного полиэтнического города // Филология и культура. 2012. № 2. С. 32–34.

Давыдова Т.В. Топонимика северных народов Сибири и Дальнего Востока России: историографический аспект: дис. … канд. ист. наук. Петропавловск-Камчатский, 2003. 190 с.

Жеребило Т.В. Интегративное ономастическое пространство регионального варианта русского языка в условиях билингвизма // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 2. С. 111–128.

Ильин Д.Ю. Региональный топонимикон в функционально-семантическом аспекте лингвистики и лингводидактики: Мат-лы Междунар. науч. конф-и. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 32–40.

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера: Краткий топонимический словарь. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1997. 192 с.

Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 254 с.

Яковлева Е.А. Ономастическое пространство как составляющая часть «языка города» и его основные единицы (на примере эргонимов г. Уфы) / Е.А. Яковлева, А.М. Емельянова // Вестник Башкирского университета. 2006. № 3. С. 84–87.

T.A. Sirotkina
(Surgut, Russia)

ONOMASTIC SPACE OF KHMAO-UGRA: CURRENT DIRECTIONS OF RESEARCH

The article examines the actual research directions of the onomastic space of the region using the example of proper names that form the onomasticon of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra. The study of the onomastic space of Ugra is an urgent issue of the present, which, to the best of its capabilities, is solved by scientists from sities Khanty-Mansiysk and Surgut. However, it requires the involvement of even larger scientific resourses, since the territory of the district is quite extensive, and the units that form its onomasticon are very diverse.

Key words: onomastic space, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra, toponyms, anthroponyms, region.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.257

О.А. Теуш
(Екатеринбург, Россия)

НАИМЕНОВАНИЯ КУСТАРНИКА В ДИАЛЕКТАХ И ТОПОНИМИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ СААМСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Статья посвящена наименованиям кустарника в диалектах Европейского севера России. Выявляются заимствования из саамских диалектов. Весь комплекс лексем анализируется с точки зрения происхождения слов и их семантических связей.

Ключевые слова; лексема, семантика, значение, заимствование, русский язык, саамский язык.

Кустарник – это жизненная форма растений: в отличие от деревьев кустарник не имеет главного ствола, а состоит из многих или нескольких стеблей, растущих от одного корня. Кустарники севера Европейской части России образуют непроходимые заросли низкорослой формы. Ряд названий кустарника и его зарослей и топонимов, образованных от таких названий, заимствован из саамских диалектов.

К саамскому, ср. ин. *vuačču* ‘длинное, узкое болото или залив’, норв. *vuoč'čo* ‘болото, которое образуется водой текущего ручья’ [SKES, 6: 1825], *vuočču* ‘болото, которое образуется при понижении уровня воды в ручье (при пересыхании ручья)’ [KKLS, 1: 1072], восходит (при учете соответствия саам. *v* ~ русск. *б*) севернорусское *боча́г* ‘сырое место, заросшее кустарником’ (Карел.: Кем.) [СРГК, 1: 102], *буча́г* ‘то же’ (Влг.: Бабуш.) [КСГРС], *бача́жник* ‘густые заросли кустарника’ (Яр.: Пош.) [КСГРС]. Вторично к пока не зафиксированному **шульга́* ‘речка’ (< саам., ср. колт. *šulgg* ‘журчащий, струящийся, текущий (о реке)’ [KKLS, 1: 562]) *шульга́* ‘ивовая заросль, ивняк’ (Морд.) [СРГРМ, 2: 1537], *шульга́* ‘кустарник или дерево ива’ (Морд.) [СРГРМ, 2: 1537]. Топонимия сохраняет исчезнувший апеллятив: р. *Шульга* является притоком р. Ловать (Новг.).

Для лексем *е́рма*, *ерма́* значение ‘труднопроходимые заросли ивняка на берегу реки’ (Арх.: Вин.) [КСГРС] следует рассматривать как вторичное к гидронимическому. Слово сопоставимо с саам. колт. *jērʲm* ‘омут, яма (в воде)’ и норв. *jârem* ‘небольшое расширение в реке’ [SKES, 1: 132]; лул. *jårrē* ‘небольшая долина; глубокая яма в озере или реке’, *jårēm* ‘небольшая замкнутая котловина; небольшой круглый залив в реке или ручье; маленькое лесное озеро, через которое протекают река или ручей; небольшое круглое озеро или лесное озеро’, норв. *jârem* ‘небольшое расширение в реке’, колт. *jērʲm* ‘омут, яма (в реке)’ [SKES, 1: 128]. Производным от *ерма́* с реконструируемой формой **ермо́вник* нужно считать *ердо́вник* ‘заросли кустарника, обычно – прибрежного ивняка’ (Арх.: Карг.) [АОС, 13: 122], частотное в топонимическом употреблении (*Ердо́вник* – неоднократно отмеченное название покосов (Арх.: Карг.) [ТК СТЭ]).

Наименование *ло́поть* ‘кустарник’ (Влг.: Ник.) [КСГРС] < саам. норв. *lâp'po*, швед. *lappo*, петс. *lâh'po*, лул. *lahppō* ‘бородатый лишай’ [SKES, 2: 314; SSA, 2: 112]. Бородатый лишай или кладония представляет собой кустистый лишайник беловатого, пепельно-серого, зеленовато-серого цвета. Имеет выросты различной формы, сильно ветвящиеся у одних видов, не ветвящиеся или почти не ветвящиеся – у других. Выглядит как высокий ветвистый пышный куст, цветет. Растет в хвойных лесах, на болотах и на скалах. В топонимии отмечено производное образование: *Лопоча́жник*, бол. (Влг.: Ник.) [ТК СТЭ].

От заимствованного из саамского наименования ольхи **лян-* (ср. сонг. *leʹǯ̆ǯ̆ɔpp̄*^{E}, им. *leäp* ‘ольха’ [KKLS, 1: 211]) производны *ляпишни́к* ‘место, поросшее частым кустарником’ (Арх.: Нянд.) [КСГРС], *ля́пка* ‘участок мелкого кустарника среди поля’ (Влг.: Сок.) [СВГ, 4: 64]. Ольха представляет собой род деревьев и кустарников семейства березовых, предпочитает богатые, но влажные почвы. Ольхой нередко зарастают не возделываемые низины на сельскохозяйственных угодьях, ложбины в лесу, травянистые болота. Образования от корня *лян-* многочисленны в топонимии, однако, возможна множественность этимологических интерпретаций основы.

Лексема *у́кола* ‘густые заросли ивняка или другого кустарника’ (Влг.: Сямж.) [КСГРС] находит соответствие в саам. кильд. *иөks*, терск. ^{v}*ǯ̆ɔ̄kse̮* (~ фин. *oksa*) ‘ветвь, ветка’, ‘сук’ [SKES, 2: 424; KKLS, 1: 313]. Финаль *-ла* отражает прибалтийско-финско-саамский суффикс *-la*. В отношении семантики и словообразования показательны родственные мар. *укшер* ‘хворост’, ‘крона дерева’, *укшора* ‘хворост’, производные от *укш* ‘ветвь’, ‘сук, сучок’ [МРС: 627].

Саам. *tsuɔ̀ɔ̀*^{a}, уменьш. *tsu*^{b}*pɔ̀n*^{á}*t́š́* ‘крошка’ [KKLS, 1: 639] в основе русского *чепчи́га* ‘густые непроходимые заросли кустарника с большим количеством валежника’ (Влг.: Бабуш.) [КСГРС]. В основе заимствования собирательная форма. Топонимическая реализация представлена с упрощением аффрикаты: *Чепши́га*, лес (Влг.: Бабуш.) [ТК СТЭ].

Значение лексемы *на́ча* сформулировано так: ‘разновидность ивы, кустарник со светлыми листьями и стволом’ (Печор.) [СРГНП, 2: 17]. На территории Архангельской области отмечается *на́чки* ‘кусты’ (Арх.: Пин.) [КСГРС], *На́чка*, лес (Арх.: Пин.) [ТК СТЭ]. Вероятно, наименования соотносятся с вербой – так чаще всего называют наиболее распространенный вид ивы – иву ломкую (Salix fragilis), которая имеет сильно опушенные почки желтоватого цвета с черным поясом при основании. При цветении на длинных волосистых ножках появляются серёжки, имеющие длину 4-7 см., ширину 2-3 см. Форма соцветия полностью подобна форме еловой шишки. Эти ботанические характеристики позволяют интерпретировать лексему как заимствование из саам. нот. *pɑ̄ɔ̀ts̀*^{A} ‘шишка’ [KKLS, 1: 346].

В новгородских диалектах функционирует *пещу́га* ‘кустарник, мелколесье’ (Новг.: Бат.) [СРГК, 4: 505]. При учете варианта *пичу́га* ‘хвойный лес на болоте’ (Влг.: Бел.) [КСГРС] (ср. также *Пичу́га*, лес (Влг.: Бел.) [ТК СТЭ]) слово рассматривается [Субботина 1988: 18] как заимствование из саамского языка, ср. кильд. *pieDt̨ʂ*^{E}, йок. *pieDt̨ʂe̮* ‘сосна’ [SKES, 3: 534]. Колебания вокализма и консонантизма возникли в процессе адаптации лексемы.

Саамские истоки имеют *ра́пша* ‘низкий кустарник’ (Карел.: Медв.) [СРГК, 5: 443], *робочня́га*, *робочня́к* ‘заросли ивы или другого мелкого кустарника’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], *ро́поч* ‘проход между кустами’ (Влг.: Влгд.) [КСГРС]: < саам. патс.

ra̮ˀ̄ˀpp̆es̭ кильд. *rāᵇpes̭ rāɔrp̆as* ‘неровный, негладкий (о местности, по которой трудно передвигаться вперед из-за камней, деревьев, валежника)’ [KKLS, 1: 422]. Результатом народной этимологии (аттракция к *ку́ра* ‘курица’ (Арх.) [КСГРС]) является *куроптя́жник* ‘мелкий кустарник’ (Арх.: Пин.) [КСГРС].

В целом, саамские элементы, номинирующие кустарник и места его произрастания узколокальны, встречаются в различных регионах Европейского севера России. Топонимические ареалы лексем, как правило, совпадают с лексическими.

Литература и источники

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–. М.: Издательство Московского университетата, 1980–.

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

МРС – Марийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 864 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–11. Вологда: Издательство Вологодского гос. пединститута, 1983–2007.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005.

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории республики Мордовия. Ч. 1–2. СПб.: Издательство Мордовского гос. университета, 2013.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко. Т. 1–2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003–2005.

Субботина 1988 – *Субботина Л. А.* Саамские элементы в географической терминологии Белозерского края // Этимологические исследования. Вып. 4. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1988. С. 18–22.

ТК СТЭ – Топонимическая картотека Севернорусской топонимической экспедиции (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ).

KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. LSFU, XV. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden kirjapaino, 1958. 1236 s.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden kirjapaino, 1958–1981. 2293 s.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1992–2000.

Сокращенные названия языков и диалектов: мар. – марийский язык, горн. – горно-марийский диалект, саам. – саамский язык, фин. – финский язык. Диалекты саамского: им. – Имандра, ин. – Инари, йок. – йоканьгский, кильд. – кильдинский, колт. – колтовский, лул. – Луле, норв. – норвежский, нот. – нотозерский, патс. – Патсйоки, петс. – Петсамо, сонг. – сонгельский, терск. – терский, швед. – шведский саамский язык.

O.A. Teush
(Yekaterinburg, Russia)

NAMES OF THE SHRUBS IN THE DIALECTS AND TOPONYMY OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA: BORROWING FROM THE SAMI DIALECTS

The article is devoted to the names of shrubs in the dialects of the European North of Russia. Borrowings from Sami dialects are revealed. The whole complex of lexemes is analyzed from the point of view of the origin of words and their semantic connections.

Key words: token, semantics, value; borrowing, Russian language, Sami language.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.261

С. Торкар
(Любляна, Словения)

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМОВ *КОЛЕЗИЯ* И *РЕЗИЯ*

Люблянский квартал *Колезия* получил свое имя от названия мельницы, которое мы выводим из собирательного существительного *kolésje* (< **kolesьje*). Выдвигается предположение, что и хороним *Rézija* образовался из формы **Résje* (от фитонима *vrés* или *résa*, по-русски *вереск*) преобразованием суффикса *-je* в *-ija* и озвончением *-s-* > *-z-*.

Ключевые слова: словенский язык, словенские топонимы, этимология, языки в контакте, гибридные имена, *Колезия*, *Резия.*

Колезия

Колезия – название люблянского городского квартала на реке под названием Градащица, входящее в число старейших люблянских топонимов. Наименование квартала возникло в результате трансонимизации от названия купальни, существовавшей у одноименной мельницы. Мельница, работавшая вплоть до 1884 г. [Vrhovnik 1933], появляется в исторических источниках конца XV века в качестве одной из двух люблянских мельниц. В документе 1496 г. ее владельцем числится люблянский горожанин Hainreich Reitten Esell, а когда-то она принадлежала владельцу, которого звали *Kolesa* [Vrhovnik 1905; GZL 1968]. Сохранился документ 1518 г., свидетельствующий о том, что Peter *Kolleſia*, мельник на Градащице, продал свою мельницу Ахацу Печахеру [Vrhovnik 1905]. Мельница на Градащице в источниках фигурирует в конце XVI в. как *Colesia müll*, *müll an der Kholesia* [Demšar 1988], затем в 1623 г. в

люблянских метрических записях упоминаются Якоб и Юрий *Halasar »is Kolesiae«* [Vrhovnik 1933], а в конце XVIII в. в книге объявлений венчаний Трновского прихода встречаются записи *na Kolesje* и *v' Koleſsije* [Vrhovnik 1896/4].

Если помимо уже приведенных выше исторических источников привлечь еще некоторые другие (см. [GZL 1963], а также: [http://zal-lj.splet.arnes.si/files/delightfuldownloads/2015/03/Register_kristofove_bratovscine.pdf.]), то можно прийти к выводу, что в период с 1490 по 1518 г. в Любляне жили четыре человека с фамилией *Colesia* или *Kollesia*, также *Colesy*, *Kholesy*.

Мельница *Колезия* или фамилия *Colesia* в начале своего существования предстают в источниках в следующем виде:
1490 *Achatz Colesia* (в районе Na Bregu),
1496 *Kolesa* (упоминается как бывший владелец мельницы на Градащице)
(1497 мельник *Peter*),
1508, 1513, 1514 лодочник *Thomas Colesia*, 1515 *Tomass Colesy* (скорее всего, одно и то же лицо),
1517 *Vrsa des Jernne Kholesy verlasen wittib* (в районе Vodmat),
1518 *Peter Kolleſia*, мельник на Градащице.

Учитывая факт, что в то время фамилии еще не были повсеместно распространены, не удивляет, что мельник Петр, у которого в 1497 г. еще не было фамилии, со временем получил прозвище по названию мельницы *Kolleſia*. Эту запись скорее всего следует читать **Kolésje*. Лексема *kolesje* впервые засвидетельствована в Немецко-словенском словаре М. Цигале [Cigale 1860]. В пользу такого чтения говорят также записи *na Kolesje* и *v' Koleſsije* в конце XVIII в. Значение нарицательного имени *kolésje* – ‘несколько функционально взаимосвязанных колес’, что в средневековой крестьянской культуре могло относиться почти исключительно к мельнице. Кажется, что **Kolésa* и **Kolésje* представляли собой метафорические наименования мельницы с несколькими мельничными колесами (в 1830 г. у мельницы было семь приводных колес) [Demšar 1988].

Языковед Перушек [Perušek 1911] считал, что *Kolesia* представляет собой фамилию *Koleša*, записанную на итальянский манер. Однако, фамилию *Koleša* в немецкоязычных документах того времени писали бы *Kolescha*, а не *Colesia*, *Kolesa*, *Kollesia* и т.п., ср. запись 1515 г. *Platischa* фамилии *Platiša* [GZL 1968]. Хотя фамилия *Koleša* и засвидетельствована не так далеко от Любляны, название *Kolezija*, учитывая исторические записи, легче и разумнее выводить из собирательного существительного *kolésje* (< **kolesьje*). Для нас представляет интерес также чеш. топоним *Kolesa* (1299 *Collessi*, 1379 *villa Kolessa*, 1367 *Kolessow*, 1384 *Kolesye*), выводимый от антропонима *Koleso*, ср. чеш. фамилию *Koleso* [Profous 1949].

Можно предположить, что записи *Colesia*, *Colesy*, *Kholesy*, *Kollesia* отражают одну и ту же фамилию **Kolesje*, возникшую из названия одноименной мельницы.

Ahac Colesia (1490), лодочник *Tomaž Colesia* или *Colesy* (1508–1515) и *Jernej Kholesy* из района Водмат (до 1517 г.), скорее всего, были между собой в близком родстве, и вполне вероятно, что их первоначальным местом проживания была мельница, известная под названием *Kollesia* (**Kolesje*) или *Kolesa* (т.е. ‘Колёса’).

Сегодняшняя форма *Kolêzija*, возможно, возникла в результате озвончения *s* > *z*, засвидетельствованного в топонимах в кластерах вида «*s* + сонорный», и заимствованием немецко-итальянского суффикса *-ija*. Однако, не исключено также иррегулярное собственно словенское преобразование суффикса *-ьje* > *-ij*. На такую возможность мне указал акад. Александар Лома [e-mail 8.2.2018]. Во второй половине XIX в. появилась десемантизированная форма *Kolezija*, которая произносится с широким *ê*: *Kolêzija*, а не с узким *é*, как в слове *kolésje*. Аналогичная тенеденция *é* > *ê* наблюдается также в произношении топонимов *Dêbro* [SKI 1985] от апел. *Déber* (‘дебри’), *Komênda* [SKI] от апел. *Koménda* (‘комтурство’), *Vêvče* [SKI 1985] от гипокористики **Vélec*, выводимой от антропонима **Velimirъ*, в первой части которого основа глагола **veléti* [Топоров 1993].

В пользу такого толкования записей *Kollesia*, *Colesia*, *Colesy* говорят также другие немецкоязычные источники, датированные примерно 1500 г. По ним видно, что словенские топонимы в форме единственного числа с собирательным суффиксом *-je* нередко записывались через *-ia*, *-ya*, *-i* (форма местного падежа).

В словенских географических названиях можно обнаружить немало случаев замещения словенских суффиксов *-je* или *-j* (< **-ьjь*, **-jь*) иноязычным суффиксом *-ija*. Собирательный суффикс *-ija*, заимствованный из ср.-в.-нем. *-ie* и романского *-ia* [Bajec 1950], является в обиходном словенском языке весьма продуктивным. В Истрии не раз выступает в топонимах, например *Materíja, Opatíja* и т.д.

В число таких топонимов входят ойконимы *Drtíja* и *Medíja* в центральной части Словении. *Drtíja*, скорее всего, возникла из более древней формы *Drtja* или *Drtje* [Valvasor 1689, I, II]: *Drittey*, sonst *Dertya; Dritay*, Crainerisch *na Dértje*. Ойконим *Medíja* Вальвазор пишет *Mudia*, а Зизенчели в словенском тексте в той же книге пишет *is mudje* [Ibid., I].

В группу названий со вторичным суффиксом *-ija*, скорее всего, входят также микротопоним *Cemerija* (в Толминском районе), который можно выводить от **Čemerje* (← **čemer ‘чемерица’*), *Mostanija*, название квартала в местечке Церкно, которое выводится от **Mestánje* (в 1523 г. там засвидетельствован крестьянин *Peter Mestan*), ойконим *Komanija* вблизи Любляны, который выводится из **Komanje* (здесь в 1750 г. жили две семьи с фамилией *Kóman*). Из области литературной ономастики можно было бы сюда зачислить выдуманное русское название страны *Синегория* вместо подлинной русской формы *Синегорье*, а из реальной жизни название страны *Черногория*.

Не удивительно, что название *Slovenija* для страны, где живут словенцы, впервые появилось всего лишь в 1844 г. (тогда еще в форме *Slovenja*). До этого для того же десигната было известно название *Na Slovenjah, po Slovenjem*, его использовали потомки тирольских переселенцев в Толминском районе для обозначения окрестностей, где жили их словенские соседи. Название сохранилось также в австрийской Каринтии в ойкониме *Slovenje*, нем. *Slovenjach*, в 1728 г. *v Sloueniach* [Kotnik 2004]. Название стоит во множественном числе: *v Slovenjah*, *iz Slovenj* [Zdovc 2008]. Предполагать можно притяжательный суффикс *-jь* (**Slovenje zemlje*, в результате эллипсиса *Slovenje*) или собирательный суффикс *-ьje*. Чтобы лучше понять историю этого хоронима и этнонима, стоит ознакомиться с многочисленными записями в написанной на кайкавском хорватском литературном языке книге автора Врамца *Kronika vezda znovich zpravliena Kratka Szlouenzkim iezikom* (см. [Vramec 1578], а также [https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOCNYMNIJYD/?query=%27keywor s%3dantun+vramec%27&pageSize=25]): *na fzlouenieh* (1542, 1545), *na Zlouenieh* (1557), *na Szlouenie* (1564), *na Szlouenieh* (1570), ср. также *na Horuateh*, *na Niemczeh*, *na Cheheh*, *na Vogreh*, *na Polakeh*. Содержание книги ясно показывает, что под названием *na Szlouenieh* имеется в виду область *Славония*. Скок объясняет *Slovinje* (*Slovinska zemlja*, сегодня *Slavonija*) притяжательным суффиксом *-jь* [Skok 1973].

Резия

Название *Rézija* (по-русски *Резия*) относится к долине и речке в приграничной зоне Италии, где живут *резьяне*, говорящие на архаичном диалекте словенского языка. Долина по-резьянски называется *Rézija* или *Rézjä*; катойконим *резьянин* по-резьянски *Rozoján* или *Rozaján*, мн. ч. *Rozojánove*, прилагательная форма от *Rézija* звучит *rozojánski* или *rozajánski*, см. [Бодуэн де Куртенэ; Steenwijk 2005]. Катойконим и прилагательная форма образованы под влиянием фриульского языка. На фриульском *Rosean* обозначает как *резьянин* так и *резьянский* [Brecelj 2005]. В этимологической литературе это название объясняется в основном как романское заимствование: исходным пунктом якобы является латинский глагол *rĕsĕcāre* ‘пилить, резать’ [Bezlaj 1961; Frau 1978; Snoj 2009].

Однако, на базе вывода о вероятном преобразовании топонима **Kolésje* в *Kolêzija*, можно предположить, что и топоним *Rézija* (впервые зафиксированный в 1240 г. как *Resia*) образовался из формы **Résje* (от фитонима *vrés* или *résa*, по-русски *вереск*) преобразованием суффикса *-je* в *-ija* и озвончением *-s-* > *-z-*, возможно, под влиянием романской фонетики. Область Резии в исторических документах впервые упоминается в грамоте об основании монастыря Можница (Moggio Udinese) в 1084 г. словами «apud Uelach superius et inferius», причем имеются в виду *верхняя Бела*, сегодня *v Bili* (San Giorgio di Resia) и *нижняя Бела*, сегодня уже фриулизованная

Resiutta, по-резьянски *na Bili* [Kos 1954]. В описи 1240 г. дер. *Била* называется *Resia superiori* [Ibid.], а в 1459 г. всего лишь *Rexia* [Ibid.]. Итальянцы, вернее, фриульцы, речку *Бела* (*Bila*), таким образом, называли *Resia*, *Resie*, очевидно именем деревни, которую резьянские словенцы когда-то называли **Resje*, а фриульцы *Resie*. Фриульцы позже стали называть ее именем патронального святого св. Юрия, а сами резьяне именем речки Белой (*Bila*). Долина получила название *Резия* от фриульского названия речки Белой (*Bila*).

Орфографические словари словенского языка нормируют произношение *Rézija*, но в живой речи большинства словенцев преобладает произношение *Rêzija*. *Résje* или *résa*, лат. *Erica carnea*, рус. *вереск*, представляет собой растение, растущее на больших высотах и на неплодородной почве, а Резия как раз в значительной степени покрыта вереском. На известняковой доломитовой почве альпийских лугов, каковых в Резии очень много, весенний вереск встречается довольно часто [Gobbo, Poldini 2005].

Rézija к тому же – это еще и название двух поселков в деревнях Трново и Локовец в западнословенском районе Нова-Горица (в 1918 г. один из них зафиксирован в источниках как *Rezje*). Форма *Rezje*, скорее всего, произошла от первоначальной формы **Resje*, в то время как форма *Rezija* для указанных поселков, очевидно, является вторичной. Изменение *Rezje* < **Resje* можно объяснить озвончением *s* > *z*, встречающимся в топонимах на стыке звука *s* и сонорных, например *Kozmeríce* < *Kosmerice* (< **Gostmerica*), *Rzeník* < *Rsenik*, *Pórezen* < *Porzen* < **Porsno* и др. [Torkar 2010]. Название двух поселков *Rezija*, видимо, скорее произошло от апел. *resje* со вторичным сближением с хоронимом *Rezija*, а не трансонимизацией из хоронима *Rezija*, как думают местные жители.

Словенское диал. *résje* возникло от *vrésje* отпадением начального *v*-, ср. ойконимы *Rétje* ← **Vretje* [Bezlaj 1961; Куркина 1988; Аникин 2012], *Rénkovci* ← **Vrankovci* [Snoj 2009], *Rašíca* ←**Vranščica* [Bezlaj 1961]. *Vrésje* (итал. *erica*), согласно диалектологическим записям Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ] в резьянских говорах произносится как *ʷorésje* (в дер. Осояне) и *yörésje* (в дер. Нива). Стэнвейк [Steenwijk 2005] приводит эту лексему в словарной статье *orësjë*, а это вариант, который используется в дер. Солбица: Njiva *hurësjë* [*hurësjë*], Osojane *gorësjë* [*yorësjë*], Solbica *orësjë*. В этимологических словарях резьянские формы пока не привлекались к анализу.

Резьянское *gorësjë* наверняка произошло от **voresje*, а последнее возникло в результате диалектного полногласия от *vresje*, ср. *sarabot* вместо *srobot*, лат. *Clematis*, рус. *ломонос* (в дер. Осояне) [Бодуэн де Куртенэ]. *Oresje* возникло от **Goresje* в результате лениции взрывных в резьянском говоре дер. Солбица [Гринберг 2001]. Изменение *v* > *g* в словенских диалектах встречается как в апеллятивах, так и в онимической лексике, ср. *vrabec* > *grabec*, *varžet* > *garžet*, *iva* > *iga*, *Vrabče* > *Grabče*, *Vrulja* > *Grulja*, *Valantiči* > *Galantiči* [Pleteršnik 1894; Furlan 2013; Торкар 2015].

Примечание

Работа выполнена при поддержке гранта ARRS «Словенский язык в синхронном и диахронном развитии» (№ P6-0038).

Литература и источники

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь: 6 (вал I – вершóк IV). М.: Наука, 2012. 367 с.

Бодуэн де Куртенэ – *Бодуэн де Куртене И.А*. Резьянский словарь (рукописные материалы). Хранятся в Институте словенского языка им. Франа Рамовша (Словения).

Гринберг М. Расцвет и падение лениции взрывных в словенском языке // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 31–42.

Куркина Л.В. Словенские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1985–1987. М.: Наука, 1988. С. 263–265.

Топоров В.Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 3–118.

Торкар С. Варианты форм с переходом v > g и b > g в словенской топонимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. С. 279–282.

Bajec A. Besedotvorje slovenskega jezika I. Izpeljava samostalnikov. Ljubljana: SAZU, 1950. 135 s.

Bezlaj F. Slovenska vodna imena. D. I–II. Ljubljana: SAZU, 1956–1961. 365 s., 354 s.

Brecelj M. Furlansko-slovenski slovar. Nova Gorica: Goriška knjižnica Franceta Bevka, 2006. 892 s.

Cigale M. Deutſch-ſloveniſches Wörterbuch. I–II. Laibach: Joſeph Blasnik, 1860. 2012 s.

Demšar V. Mlin in žaga Kolezija v Ljubljani konec 16. Stoletja // Gradivo in razprave 8. Zgodovinski arhiv. Zbornik ob 90-letnici ARS. Ljubljana, 1988. S. 37–49.

Frau G. Dizionario toponomastico del Friuli – Venezia Giulia, Udine: Instituto per l'Enciclopedia del Friuli-Venezia Giulia, 1978. 129 s.

Furlan M. Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2013. 221 s.

Gobbo G., *Poldini L*. La diversità floristica del parco delle Prealpi Giulie. Atlante corologico. Trieste: Università degli Studi di Trieste, Dipartimento di Biologia, 2005. 364 s.

GZL 1963 – Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku. Zv. VIII: Register Krištofove bratovščine v Ljubljani 1489–1518. Ljubljana: Mestni arhiv, 1963. 50 s.

GZL 1968 – Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku. Zv. XII: Urbarji 1490–1527. Ljubljana: Mestni arhiv, 1968. 100 s.

Kos M. Urbarji Slovenskega Primorja. 1–2. Ljubljana: SAZU, 1948–1954. 410 s.

Kotnik B. Zgodovina hiš južne Koroške. 9 kn. Župniji Globasnica in Šteben. Celovec: Mohorjeva založba, 2004. 136 s.

Marko S. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana: Modrijan – Založba ZRC, 2009. 603 s.

Perušek R. O nekaterih imenih livad in krajev // Carniola II/4. 1911. S. 343–346.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. D. I–II. Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894–1895. 883 s., 978 s.

Profous A. Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny. D. II, Praha: Česká akademie věd a umění, 1949. 705 s.

SKI 1985 – Slovenska krajevna imena / Jakopin F. in dr. Ljubljana: Cankarjeva založba (Leksikoni Cankarjeve založbe), 1985. 357 s.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 3 (poni[2] – Ž). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973. 691 s.

Steenwijk H. Piccolo dizionario ortografico resiano. Mali bisidnik za tö jošt rozajanskë pïsanjë. Padova: CLEUP, 2005. 233 s.

Torkar S. Slovanski antroponimi v toponimiji Tolminske // Jezikoslovni zapiski. 16/1. 2010. S. 7–23.

Valvasor Johann Weikhard von. Die Ehre dess Hertzogthums Crain. I–IV. Laybach, 1689.

Vramec A. Kronika vezda znovich zpravliena Kratka Szlouenzkim iezikom. Lublana: Iuan Manlin (=Ivan Mandelc), 1578. 130 s.

Vrhovnik I. Od kod ime Kolezija? // Izvestja Muzejskega društva za Kranjsko. XV/5-6. 1905. S. 173–174.

Vrhovnik I. Slovenska imena ljubljanskih ulic pred 100 leti // Izvestja Muzejskega društva za Kranjsko. VI/4. 1896. S. 147–148.

Vrhovnik I. Trnovska župnija v Ljubljani. Ljubljana: Učiteljska tiskarna, 1933. 447 s.

Zdovc P. Slovenska krajevna imena na avstrijskem Koroškem (Die slowenischen Ortsnamen in Kärnten): pisava, izgovarjava in naglas, vezava in sklanjatev ter izpeljava slovenskih koroških krajevnih imen. Gradivo zbral, izbral in uredil Pavel Zdovc. Dunaj: Slovenski znanstveni inštitut v Celovcu, 1993. 347 s.

S. Torkar
(Ljubljana, Slovenia)

ON THE ETYMOLOGY OF THE TOPONYMS *KOLEZIJA* AND *REZIJA*

Kolezija is a quarter of Ljubljana that got its name after public baths and the mill. The name *Kolezija* is derived from the collective noun *kolésje* ‘wheels’ (< **kolesьje*). It is assumed that the choronym *Rézija* was also formed from the form **Résje* (from plant name *vrés* resp. *résa*) with the transformation of the suffix *-je* into *-ija* and with the voicing change *-s-* > *-z-*.

Key words: Slovenian, Slovenian toponyms, etymology, languages in contact, hybrid names, *Kolezija*, *Rezija*.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.268

Е.В. Цветкова
(Кострома, Россия)

КОСТРОМСКАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ, СВЯЗАННАЯ С ЖИВОТНОВОДСТВОМ (НАИМЕНОВАНИЯ ПАСТБИЩ)

В статье рассматривается микротопонимия Костромского края, которая связана с животноводством, – наименования пастбищ. Даётся их общая характеристика в соответствии с апеллятивами, на основе которых они образованы. Выявляются особенности данных микротопонимов в зависимости от отражаемых в них различных типов именуемых пастбищ и их своеобразия.

Ключевые слова: топоним, микротопоним, костромская микротопонимия, наименования пастбищ, говоры Костромского края.

Животноводство, как один из основных видов трудовой деятельности жителей Костромского края, не могло не найти широкого отражения в топонимии, представляющей интерес не только с лингвистической, но и с историко-этнографической стороны (см. об этом, например, [Матвеев 1970]). Особого внимания заслуживает система многочисленных, отличающихся разнообразием наименований мест для выпаса животных. Это практически только микротопонимы, образованные на основе различных, в том числе и местных, апеллятивных названий пастбищ (как однословные, так и составные, чаще двухсловные, каким-либо образом характеризующие именуемые места пастьбы). Обратим внимание на некоторые основные особенности исследуемых микротопонимов по отражению в них различных характеристик пастбищ.

Для обозначения пастбищ в костромских говорах используются такие слова, как ***па́стбище***, ***па́сево***, ***пастьба́***, ***пасту́шня***, ***вы́пас***, ***вы́пасок***, ***поско́тина***, ***вы́пуск***, ***вы́гон***, ***вы́гонка***, ***прого́н***, ***вы́городь***, ***вы́города***, ***нагу́л***, ***ухо́жа***, ***лава́да***, ***гуля́нка***, ***за́поле***, ***кули́га***, ***по́ле***, ***луг***, ***дол*** и др. Значительная часть данной лексики стала основой для образования микротопонимов – наименований пастбищ, а также и иных имеющих к ним отношение объектов. Например: *Коровок-то наших мы пасли на Пастбище… Так его и называли все – Пастбище* – д. Калинки Судисл.; *Сегодня за малиной за Пастьбу пойдём. Пастух говорил, много её поспело* – п. Полдневица Поназ.; *В Поскотине пасли* – д. Лямино (Заречье) Октябр.; *Выпуск-от огорожен у нас* – Межев.; *На Выгонке по предно* (по очереди) *мы скотину пасли* – п. Боровской Пыщуг.; *Пастбище Выгорода находится около реки Кохталка…* – д. Грудки Судисл.; *Прогон – место в лесу для пастьбы скота, так и называют Прогон* – с. Хомутово Остров.; *Беги скорей на Гулянку, что-то с коровой твоей неладно!* – Галич.; *Коров-то сегодня на Четвёртом поле пасут* – Вохом.; *Раньше, где ваш дом стоит, коз и овец пасли. Козий дол называлося* – с. Хомутово Остров. и мн. др.

Названия пастбищ являются в определённой степени их характеристикой: по местоположению – около реки, в лесу, в болоте и т.д. (*Коровы сегодня на Лы́ве* (заливной луг у реки) *пасутся* – с. Троица Вохом.; *Ко́зья деля́нка – лесная вырубка, на которой пасли коз и овец* – Чухлом.; *Коров этим летом на Бо́льшие пустыри́ почти и не гоняли* – д. Климово Остров.; *В Боло́то коров-то погнали* – Судисл.; *Коровы-то сегодня на Ела́ни* (поляна в лесу) *пасутся* – Парфен.; *Вырубá Рожнóські – для выпаса скота* – с. Берёзовец Галич.), рельефу местности – в низине, на ровной поверхности или на возвышенности (*Верхоти́ны – пастбища; высокое место на берегу реки Янга* – д. Рогово Мантур.; *В Ложби́не пасли сегодня, там трава хорошая* – Кологр.; *На Подго́рьице* (место около возвышенности, у подножья) *стадо пасётся* – д. Толтуново Галич.; *Коровы сегодня в Подуго́рье* (подножье горы, холма) *пасутся* – с. Щелыково Остров.); виду – чистые и, как называют в народе, ‘*закустаренные*’, ‘*закочкаренные*’ и т.п., сухие и заболоченные, огороженные и неогороженные и т. д., а также выделяющиеся размером, формой и т.п. (*Весной на Суковáтике коров пасли* – с. Михайловское Галич.; *На Кочка́рнике сегодня коровы пасутся* – д. Калинки Судисл.; *Пастбище Отводá – загороженное* – с. Петрилово Костр.; *Телята сегодня в Отго́нном* (пастбище, огороженное забором) *гуляют* – с. Солтаново Нейск.; *Сегодня на Кру́глице пасутся* – д. Пронино Галич.), возникновению – с естественно растущей или специально посаженной растительностью, на месте сожжённого леса и т. д. (*На Культурное пастбище погнали. Там трава-то лучше, сажали специально* – д. Луптюг Поназ.; *Пасли коров вчерась на Клевери́ще – так и скажут* – Буйск.; *Пастбище Га́ри – это на месте леса сгоревшего* – д. Луптюг Поназ.), виду пасущихся на них животных (*В Овча́рнике овцы пасутся* – п. Доброумово Павин.; *В Теля́тнике телята паслись* – Шарьин.; *Ове́чкино – пастбище за речкой Жерновки* – п. Шувалово Костр.; *Рогу́ша – место, где пасли крупнорогатый скот* – д. Ямково Костр.), выращиваемых до выпаса культур (*Сегодня коров на Овся́нище пасут* – Нерехт.; *Коров погоним на Ржани́ще пасти* – д. Маслово Мантур.; эти наименования существуют обычно только на период использования таких под пастбища), растительности (*На Плешени́хе лошади паслись, там травка махонькая* – с. Сандогора Костр.; *Ивушка – выгон, назван по зарослям ивы на пастбище* – п. Вохма) и др. Имеются и образные названия, например: *Пастбище Копе́йка находится возле деревни Старово. Назвали по небольшому размеру* – п. Коммунар Нейск.; *Лопа́ты – пастбище* – с. Георгий Чухлом.; *Лопа́ты – покос и пастбище* – д. Чертово Чухлом.

Наименование пастбища может быть образовано на основе слова, называющего и пастбище, и то, что с ним связано, а также и иные объекты: ***Прого́н*** ← *прогон* – огороженная с двух сторон дорога для прогона скота, пастбище, время утреннего выгона скота на пастбище, пространство между домами в селении; ***Ухо́жи*** ← *ухо́жа* – изгородь вокруг пастбища, пастбище; ***Перегоро́дь*** ← *перегоро́дь* – изгородь, огороженное пастбище и т.п.

Значительна связь названий пастбищ с другими видами топонимов, чаще с агронимами (обычно это названия полей, сенокосных угодий, которые используются и как пастбища) и дримонимами (животных пасли в лесных участках, на небольших полянках в лесах). Многие географические термины являются многозначными, зачастую являясь при этом в большей степени агрономическими – с преобладанием «оттенка хозяйственного значения», как пишет Н.И. Толстой в одной из своих работ, характеризуя слово ***луг***, имеющее несколько значений, в том числе и значение ‘пастбище’ [Толстой 2012: 110]. Названия многих объектов напоминают о пастбищах, например: *Воронко́во поле – место сенокоса. В старину здесь паслись колхозные лошади, в основном чёрной масти – вороные. Нынче на Воронковом поле трава стоит по пояс!* – д. Гуляевка Остров.; *Кобы́лино поле. На этом поле был выгон для лошадей. Лошади паслись на этом поле, и так пошёл народ говорить – Кобылино* – с. Татарское Нерехт. Такие слова, как ***по́ле***, ***кули́га*** и мн. др., используются для наименования пастбищ: *Нико́льское поле – поле, является одновременно и пастбищем, и покосом* – п. Курдюм Кадыйск.; *Теперь на Сту́пненском поле коров пасут, там уже всю траву вытоптали* – с. Завражье Кадыйск.; *Пастбище Кули́ги. Раньше так называли покосы. И кулиги были разные, например Антоновские кулиги. Сейчас только одно поле около Пастухова называют просто Кулиги* – д. Пастухово Мантур. Соответственно названия пастбищ становятся наименованиями объектов, в которых они находятся: *Вы́гон – лес за Бурдуковской фермой, там пасли скот* – г. Солигалич; *В Поско́тине грибов-то много было* – Вохом. (название леса) и т.п. Название пастбища после его исчезновения часто остаётся за появившимся на его месте объектом: *Кули́га – бывшее пастбище, пошло под распашку. Теперь поле Кулига так и зовут* – д. Лежнево Костр.; *Заго́н – сейчас луг, а раньше туда гоняли стада пастись* – с. Трифон Антроп. С пастбищем можно связать и названия некоторых поселений: *Деревня Коро́вино. На этом месте было пастбище для коров. Постепенно возникает строительство и возникает деревня с таким названием* – г. Мантурово; *Пастбище – заброшенная это деревня* – Макар.

Одно и то же название может иметь и пастбище, и всё то, что с ним каким-то образом связано, например: ***Исто́повский вы́гон*** – пастбище и лес, в котором оно находится (д. Екатеринкино Кадыйск.). Пастбище может называться так же, как и место, на котором оно находится, например: *Вы́ше пу́па – пастбище, возвышенность. Ни́же пу́па – пастбище, низина.* – д. Рогово Мантур.; *Пастбище Уса́дьба. Раньше тут были усадьбы помещиков.* – д. Васильевское Солиг.

Вторая часть двухсловных названий пастбищ обычно представляет собой определение, дающее какую-либо характеристику именуемому объекту. В этом случае мы наблюдаем все основные типы номинации: по связи с человеком – антропонимом, деятельностью и т.д. (*Зо́ина поля́на – это пастбище за Дамбой* – п. Медведки Сусан.;

Всё стадо на Ба́бушкином по́ле паслось – д. Нукша Костр.), по связи с другими объектами – чаще населёнными пунктами и водными объектами (*Алёхинское па́стбище. Недалеко от деревни Алёхино оно* – п. Судиславль; *Поско́тина Лу́птюжская здесь* – д. Луптюг Поназ.; *Во́лжские луга́ – пастбище. Милиативными землями считаются Волжские луга, считай вся левая сторона дамбы* – с. Саметь Костр.; *Нико́льское по́ле – у деревни Никольское* – п. Курдюм Кадыйск.; *Сту́пненское по́ле – поле для пастьбы скота около деревни Ступниково* – с. Завражье Кадыйск.), по каким-то признакам – размеру, форме, особенностям поверхности, растительности и мн. др. (*Большо́е Кони́щево и Ма́лое Кони́щво пастбища есть* – Красн.; *Корова с Нагу́льного-то пастбища много даёт, трава хорошая там* – Остров.) и т. д. Имеются названия, соответствующие не одному типу номинации, например: *Попо́вка или Попо́вы поля, так как земли монастыря, на территории Поповки, улицы Краснооктябрьская. Поповка – бывшие Поповские поля, поля и пастбища на юге Судиславля. Тут речка Поповка и деревня Поповка, которой давно нет, отсюда и названия – от речки да от деревни* – п. Судиславль.

Значительно количество наименований в виде предложно-падежных сочетаний: ***Поско́тина К Канюко́вке*** (Парфен.), ***На уго́ре*** (Ножкино Чухлом.), ***За Прилу́ком*** (Вохом.); ***За Ка́бельным*** (п. Кадый), ***Запру́дье*** (д. Петровское Чухлом.), ***Завра́жье*** (д. Степаново Галич.), ***У Ду́ба*** (с. Григорово Сусан.), ***За о́зером*** (д. Тепра Костр.), ***Под Лавро́вом*** (Нерехт.) и мн. др.

Система микротопонимов, именующих пастбища, велика по объёму, разнообразна по своему составу, является важным источником сведений о костромских говорах. Микротопонимические материалы могут быть использованы при составлении соответствующих по теме карт Лексического атласа русских народных говоров. Многие характерные для костромского края микротопонимы рассматриваемого вида имеют широкие ареалы распространения, о чём свидетельствуют материалы словарей и исследований лексической, в том числе и топонимической, системы говоров (см. [СРНГ; Толстой 2012; Šmilauer 1970] и др.). Нами дана лишь краткая, общая характеристика костромских названий пастбищ. Каждая группа названий, а также и отдельные наименования, заслуживают специального рассмотрения.

Литература и источники

Матвеев А.К. Термины земледелия и животноводства в субстратных прибалтийско-финских топонимах на территории севера Европейской части СССР // Вопросы топономастики. Сборник № 4. Свердловск, 1970. С. 89–92.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2018.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / Отв. ред. С.Б. Бернштейн. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 360 с.

Šmilauer V. Příručka slovanské toponomastiky. Handbuch der slawischen toponomastik. Praha: Academia, 1970. 215 s.

Сокращения в названиях районов Костромской области

Антроп. – Антроповский
Буйск. – Буйский
Вохом. – Вохомский
Галич. – Галичский
Кадыйск. – Кадыйский
Кологр. – Кологривский
Костр. – Костромской
Красн. – Красносельский
Макар. – Макарьевский
Мантур. – Мантуровский
Межев. – Межевской
Нейск. – Нейский
Нерехт. – Нерехтский
Октябр. – Октябрьский
Остров. – Островский
Павин. – Павинский
Парфен. – Парфеньевский
Поназ. – Поназыревский
Пыщуг. – Пыщугский
Солиг. – Солигаличский
Судисл. – Судиславский
Сусан. – Сусанинский
Чухлом. – Чухломский
Шарьин. – Шарьинский

Ye.V. Tsvetkova
(Kostroma, Russia)

KOSTROMA MICROTOPONYMY CONNECTED WITH LIVESTOCK PRODUCTION (NAMES OF PASTURES)

Microtoponymy of Kostroma region connected with livestock production – names of pastures – is considered in the article. Their general characteristic according to appealatives, on the basis of which they are formed, is given. Peculiarities of these microtoponyms depending on various types of the named pastures, are reflected in the latter, and their originality come to light.

Key words: toponym, microtoponym, Кострома microtoponymy, names of pastures, Kostroma region.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.273

В.А. Шклярик
(Минск, Беларусь)

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ТРАКТ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ПО ДАННЫМ МИКРОТОПОНИМИИ

Статья посвящена выяснению причин возникновения микротопонимов типа *Кацярынінскі Шлях* (рус. *Екатерининский Тракт*) в разных регионах Беларуси. Устанавливается степень правдивости утверждений о связи таких наименований с путешествиями российской императрицы Екатерины II во второй половине XVIII века.

Ключевые слова: микротопоним, Беларусь, Российская империя, XVIII век, Екатерина II.

Составные двухкомпонентные микротопонимы, первой частью которых выступает отантропонимное прилагательное, не являются редкостью ни для белорусского, ни для в целом восточнославянского микротопонимикона (*Ісáкава Нíва* поле, *Нáстин Хýтор* часть села, *Романíв Гай* лес и др.). В связи с этим выявленные на территории Беларуси 13 названий типа *Кацярынінскі Шлях* (белорусское многозначное *шлях* переводится как *большак, путь, тракт*) не представляют на первый взгляд особого научного интереса. Тем не менее эти наименования все же выделяются на общем фоне, поскольку называют, как правило, дороги, происхождение которых местные жители связывают с российской императрицей Екатериной.

Предположить, о какой именно Екатерине идет речь, позволяют приведенные к некоторым микротопонимам комментарии: «По нему [большаку], по свидетельству жителей, некогда проезжала Екатерина II» [Рагаўцоў, Кечык 2000: 32], «Дорога возле деревни, по которой когда-то проезжала Екатерина II» [Патапава 2012: 76]. И хотя российской истории известны две императрицы Екатерины, проехать по территории современной Беларуси было в некотором смысле проще именно Екатерине II (находилась у власти с 1762 по 1796 год). Дело в том, что с 1772 по 1795 год (то есть как раз во время правления императрицы) произошли три раздела Речи Посполитой, в результате которых Россия завладела всеми белорусскими землями. Кроме того, сохранилось письменное свидетельство о поездке Екатерины II в 1780 году по территории, занимаемой сегодня Беларусью, – книга «Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в белорусские наместничества». Маршрут этой поездки, пролегавший в пределах белорусской территории через города Полоцк, Сенно, Шклов, Могилев, Оршу, Дубровно [Топографическія примѣчанія: 129–130], объясняется в первую очередь тем, что в 1780 году дальше на запад начиналось уже другое государство – Речь Посполитая, то есть Екатерина II двигалась вдоль российской границы.

В 1787 году императрица совершила путешествие на юг Украины и в Крым, о чем также имеется письменное свидетельство – издание «Путешествие Ее Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году». И вновь маршрут поездки пролегал через территорию современной Беларуси – города Мстислав, Кричев, Чериков, Пропойск (сегодня Славгород), Чечерск [Путешествіе 1787: 140–141]. Эти факты позволяют констатировать, что возникновение микротопонимов, зафиксированных вблизи перечисленных населенных пунктов, действительно может быть связано с путешествиями Екатерины II во второй половине XVIII века: *Екацярынаўскі Шлях* большак (Глинь Чериковского р-на, Славгород) [Рагаўцоў, Кечык 2000: 32], *Кацяры́нінскі Шлях* дорога (Полесье Чечерского р-на) [Патапава 2012: 76].

Тем не менее большинство подобных названий зафиксировано все же в стороне от описанных выше маршрутов российской императрицы: *Екацеры́нінскі Шлях* дорога (Михалки Мозырского р-на, Стодоличи Лельчицкого р-на) [Иванова 2007: 70], *Екацяры́наўская Дарога* дорога (Скидель Гродненского р-на) [Ламака 2005: 120], *Екацярынінскі Шлях* поле (Лучицы Петриковского р-на) [Корсакава 1973: 64], *Кацярынінскі Шлях* дорога (Подлужье Глусского р-на) [Рагаўцоў, Кечык 2000: 43], *Кацяры́нін Шлях* дорога (Граничи Молодечненского р-на) [Усціновіч 2018: 145] и др. Причина возникновения этих наименований связана, скорее всего, с тем, что во времена правления Екатерины II «была создана система государственных почтовых трактов, построены почтовые станции, где можно было отдохнуть, поменять лошадей, отправить почту, налажена регулярная почтовая связь. В народе связывали такие дороги с именем императрицы. Поэтому в разных уголках бывшей Российской империи существуют „Екатерининские тракты“» [Ермалаеў 2014: 5].

Связь между появлением таких микротопонимов и созданием сети благоустроенных дорог безотносительно к маршрутам путешествий Екатерины II подтверждают также комментарии к некоторым наименованиям: «Она [дорога] была проложена согласно приказу Екатерины (по словам жителей)» [Рагаўцоў, Кечык 2000: 43], «Дорога / ***шлях*** / названа в честь русской императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, по указанию которой была построена» [Иванова 2007: 70]. Кроме того, о существовании «Екатерининских трактов» сообщается и в некоторых нелингвистических источниках, причем речь в них идет о центральной Беларуси, где Екатерина II, судя по письменным свидетельствам, не бывала: «55 лет тому назад (поскольку речь пойдет о 1905 годе) в небольшое местечко Романово, что лежит на старой (Екатерининской) дороге из Слуцка в Несвиж, на каникулы съезжалось около 130 учителей – сыновей и дочерей местных Романовских крестьян!» [Стары сусед 1960], «Изначально в здании располагался заезжий дом, который стоял у большой почтовой дороги, ведущей из Койданово в Минск, ее еще называли Екатерининским шляхом. <…> Здесь находилась

первая после Минска почтовая станция, расположенная в 16 верстах от города» [Корсак 2014].

Таким образом, зафиксированные в белорусских лингвистических источниках названия типа *Кацярынінскі Шлях*, происхождение которых связывается информантами с Екатериной II, к путешествиям российской императрицы отношения, как правило, не имеют. Основной причиной появления таких микротопонимов можно считать организацию во второй половине XVIII века на территории современной Беларуси благоустроенной дорожной сети. Нельзя также исключать проведения местными жителями аналогий между действительно построенными при Екатерине II дорогами и более поздними объектами аналогичного назначения, имевшими схожий масштаб. И хотя установить точное время возникновения микротопонимов типа *Кацярынінскі Шлях* в этом случае довольно сложно, тем не менее можно утверждать, что возникли такие наименования не раньше второй половины XVIII века.

Примечание

Материал подготовлен в рамках реализации проекта № Г19-078 от 02.05.2019 при поддержке БРФФИ.

Литература и источники

Ермалаеў С. «Кацярынінскі тракт», ці Па слядах імператрыцы // Грамадска-палітычная газета Шумілінскага раёна «Герой працы», № 7 ад 28.01.2014. С. 5.

Иванова А.А. Микротопонимия Мозырского Полесья. 2-е изд. Мозырь: МГПУ, 2007. 220 с.

Корсакава М.М. Састаўныя мікратапонімы Петрыкаўшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск: БДУ, 1973. Вып. 1. С. 62–72.

Корсак Д. Минчанин продает за $585 тыс. свое «родовое гнездо» – здание, принадлежавшее графу Чапскому // Режим доступа (свободный). URL: http://realt.onliner.by/2014/04/10/rodovoe-gnezdo/ [Дата обращения: 18.03.2019].

Ламака В.М., Сіплівеня Ж.С., Сцяцко П.У., Якубовіч Т.А. Анамастычны слоўнік Гродзеншчыны. У 2 ч. Ч. 1. Мікратапонімы / Пад рэд. П.У. Сцяцко. Гродна: ГрДУ, 2005. 347 с.

Патапава Н.Ф. З мясцовых найменняў ваколіц вёскі Палессе (Чачэрскі раён Гомельскай вобласці) // Беларуская дыялекталогія. Матэрыялы і даследаванні / Рэд.: В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч, Т.М. Трухан. Мінск: Беларуская навука, 2012. Вып. 2. С. 74–76.

Путешествіе 1787 – Путешествіе Ея Императорскаго Величества въ полуденный край Россіи, предпрїемлемое въ 1787 году. СПб., 1786. [2], 149 с.

Рагаўцоў В.І., Кечык С.Я. Анамастычны слоўнік Магілёўшчыны. Магілёў: МДУ, 2000. 168 с.

Стары сусед 1960 – Стары сусед з пад Рудзенска. Няма чым пахваліцца // Аб’еднаньне. 1960. № 2/85. С. 18.

Топографическія примѣчаніи – Топографическія примѣчаніи на знатнѣйшїя мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ бѣлорусскія намѣстничества. СПб., 1780. 133 с.

Усціновіч Ч.І. З мікратапаніміі Маладзечаншчыны // Беларуская дыялекталогія. Матэрыялы і даследаванні / Навук. рэд.: В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч. Мінск: Беларуская навука, 2018. Вып. 5. С. 144–146.

V.A. Shkliaryk
(Minsk, Belarus)

EKATERININSKIY TRAKT (CATHERINE ROAD) ON THE TERRITORY OF BELARUS ACCORDING TO MICROTOPONYMY

The article is devoted to finding out the causes of microtoponyms like *Kaciaryninski Šliach* (*Ekaterininskiy Trakt* in Russian, *Catherine Road* in English) in different regions of Belarus. The veracity of statements about the connection of such placenames with the travels of the Russian empress Catherine II in the second half of the 18th century is established.

Key words: microtoponym, Belarus, Russian Empire, 18th century, Catherine II.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.276

В.П. Шульгач
(Киев, Украина)

К ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА *ВЯЗЬМА*

Статья посвящена этимологии гидронима (и родственных онимов) *Вязьма*. Излагается краткий обзор существующих версий происхождения названия. По мнению автора, *Вязьма* – отапеллятивный гидроним, мотивированный в конечном счете глаголом **vęziti*. Приводится фактический материал, свидетельствующий о потенциальности этого каузатива.

Ключевые слова: *Вязьма*, этимология, гидроним, словообразовательная модель.

Вязьма – гидроним в Смоленской области, л. п. Днепра. Имеет параллели: *Вязьма* – а) л. п. Костри, п. п. Осмы, л. п. Днепра; б) л. п. Березовки, л. п. Сожи; в) л. п. Остра, л. п. Сожи [Топоров, Трубачев 1962: 217], а также *Вязьма* – название оврага в Нижегородской области [Климкова, 1: 236], *Связма* – гидроним в бассейне Упы (верхнее правобережное Поочье) [Смолицкая 1976: 81], *Вязьма* – ойконим в Смоленской области, известный с 1239 г. (название дано по реке *Вязьме*, в древнерусских летописях – под 1408 г.) [Никонов 1966: 92; Нерознак 1983: 55], *Вязма*, 1576 г. – название деревни в бывшей Шелонской пятине [НПК, V: 611], *Большая Связьма*, *Малая*

Связьма – названия населенных пунктов в Тульской области, блр. *Вязьма* – ойконим в Могилёвской области.

По утверждению исследователей, окончательное происхождение гидронима (и ойконима) не установлено. Существует несколько славянских и финно-угорских версий, которые изложены в публикациях М. Фасмера, В.П. Нерознака, Г.П. Смолицкой, А.К. Панфилова, М.А. Ююкина и др. (в основе гидронима – прилагательное *вязкий*, т.е. *Вязьма* – илистая река [Фасмер, I: 375]; гидроним мотивирован апеллятивом *вязь*, *вяз* ‘вязкое илистое болото, топь’, т.е. *Вязьма* – река с вязкими илистыми берегами или река, берущая начало из вязкого, илистого болота. Связь с дендронимом *вяз* признается наименее вероятной; в основе гидронима – глагол *вязать*, т.е. это река, связывающая волоки между Днепром, Верхней Волгой и Окой; название по племени *весь*, из апеллятива *vesi* ‘вода’ и *maa* ‘земля, почва’, см. [Смолицкая 1995: 108]; *Вязьма* – форма Тв. п. двойств. числа [Панфилов 1987: 44], хотя, по мнению Г.П. Смолицкой, это противоречит принципам номинации в русской гидронимии; квалификация *Вязьмы* как субстратного (финно-угорского) имени [Никонов 1966: 374; Нерознак 1953: 55; Аникин, 9: 247] или древнего дофинно-угорского компонента волго-окской гидронимии на *-ма* (Б.А. Серебренников), что в свое время критиковалось В.Н. Топоровым и О.Н. Трубачевым [Топоров, Трубачев 1962: 12].

Гидроним *Вязьма*, без сомнения, отапеллятивного происхождения. Ср., например, русск. диал. *вя́зьма* ‘болотистое место’ [ОСВГ, 12: 200] < **vęzьta*. Таким образом, этимология имени собственного *Вязьма* сводится практически к этимологии мотивирующего апеллятива.

Словообразовательная модель с суффиксом *-*ьта* малопродуктивна в славянских языках. Ф. Славский реконструировал отглагольные имена праслав. **kučьta*, **kъrčьta*, **vědьma* [SP, II: 16]. Фактический материал свидетельствует о потенциальности еще некоторых пралексем, например:

**kazьta*, мотивированное праслав. **kaziti* [ЭССЯ, 9: 171]. Ср. укр. диал. *ка́зьма* ‘кирка’ ~ *кази́ти* ‘ламать, портить’ [СБГ 2005: 182], ‘разрушать’ [Жегуц, Піпаш 2001: 67];

**kъrčьta*, ср. праслав. **kъrčiti* [ЭССЯ, 13: 209–212];

Ветьма – л. п. Десны, варианты *Ветма*, *Витьма* [VRG, I: 306] < **větьta* (**vitьma*) < **větiti* (**vititi*).

Жидьма – фамилия в Тульской области [КП Тул.] < **židьma* < **židiti*.

Кудьма – приток Волги [VRG, II: 587] в районе Нижнего Новгорода, известный под 1566 г. [АФЗХ 1983: 200] < **kudьma*, ср. праслав. **kuditi* [ЭССЯ, 13: 82–83].

Полагаем, что к числу отглагольных имен на *-ьма* следует отнести также гидронимы *Велетьма*, *Крутьма*, *Клязьма*, *Сотьма* (гидросистема Оки) и идентичные

по структуре потамонимы, собранные Б.А. Серебренниковым [Серебренников 1955; Серебренников 1959], заслуживающие специального анализа.

Праслав. **vęzьta* > **Vęzьta*, на наш взгляд, мотивировано каузативом **vęziti* > ст.-русск. *вязити* ‘увязать, застревать; погрязать’, ‘находиться в заключении, в плену’, ‘основываться’ [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 285], ст.-укр. *вязити* ‘сажать, заключать в тюрьму’ [Тимченко, 1: 167], ст.-блр. *вязити*, *везити* ‘держать под стражей, неволить’ [ГСБМ, 6: 229], ст.-пол. *więzić* ‘держать в заточении’, чеш. *věziti* (цит. по: [Boryś 2005: 690].

Косвенно о потенциальности глагола **vęziti* свидетельствуют также отглагольные производные: **vęzidlo* › русск. диал. *вязи́ло* ‘болото, вязкое место’ [СРНГ, 6: 74]; **vęzitъ* – part. passiv. praes. > укр. *В’язим* – антропоним [КПУ м. Київ, 1: 366]; **vęzivo* > русск. диал. *вя́зиво* ‘веревка, шнурок, завязка у мешка’, ‘свитая жгутом солома для связывания снопов’ [СРНГ, 6: 74]; **vęzьba* > ст.-русск. *вязьба* ‘наложение оков на преступника, беглого’ [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 287], русск. диал. *ве́зьба* ‘вышивка (на краях полотенца, простыни и т.п.)’ [СРНГ, 4: 98], *вя́зба* ‘узор, выметанный по ниткам основы полотна, из которого выдернуты предварительно нитки утка’ [СРНГ, 6: 73], ст.-укр. *вязьба* ‘рабство’ [СУМ XVI–XVII ст., 6: 176], укр. диал. *в’язба́* ‘заточение’ [ЕСУМ, 1: 442], ст.-блр. *вязба* ‘силки; петля’ [ГСБМ, 6: 228], болг. *везба́* ‘вишивка’ [Стоянов, Чмир 1988: 83], макед. *везба* ‘т. ж.’ [Гавриш 1969: 64], чеш. *vazba* ‘переплет; перевязка; арест; заключение под стражу’ [ЧРС, II: 514], ст.-слвц. *väzba* ‘путо’ [HSSJ, VI: 310], в.-луж. *wjazba* ‘вязка; связывание; сцепление; скрепление’, ‘обмотка’ [ВРС, 1974: 346]; **vęzьnь* > ст.-русск. *вязень* ‘пленник, узник’ [СлРЯ XI–XVII вв., 3: 284], русск. *вя́зень*, ст.-укр. *вязень* ‘узник, заключенный; арестант’ [Тимченко, 1: 167], укр. *в’я́зень*, ст.-блр. *вязень* ‘узник; пленник’ [ГСБМ, 6: 228], пол. *więzień*, чешск. *vězeň* ‘т. ж.’ (цит. по: [ЭСБМ, 2: 299]).

Таким образом, гидроним *Вязьма* по всем лингвистическим параметрам (ареал, словообразовательная модель, наличие мотивирующего апеллятива, префиксального *Связьма*) может быть отнесен к исконно славянскому проприальному фонду.

Литература и источники

Аникин – *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–12. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; ИРЯ РАН; Ин-т филологии СО РАН; Нестор-История, 2007–2018.

АФЗХ– Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л.И. Ивина. Л.: Наука, 1983. 352 с.

ВРС – Верхнелужицко-русский словарь / Сост. К.К. Трофимович. М.: “Русский язык”; Бауцен: “Домовина”, 1974. 584 с.

Гавриш К. Македонско-руски речник. Скопје: Просветно дело, 1969. 916 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Склад.: Т.І. Блізнюк, Р.С. Гамзовіч, А.П. Груца і інш. Рэд. А.М. Булыка. Вып. 1–37. Мінск: Навука і тэхніка (Беларуская навука), 1982–2017.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7 т. / За ред. О.С. Мельничука. Т. 1–6. К.: Наукова думка, 1982–2012.

Жеґуц І., *Піпаш Ю*. Словник гуцульського говору в Закарпатті. Мюнхен: Quickdruck, 2001. 180 с.

Климкова – *Климкова Л.А*. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье). Ч. 1–3. Арзамас: АГПИ, 2006.

КП Тул. – Книга памяти Тульской области. Т. 1–17. Тула, 1994–2002 // Режим доступа (свободный). URL: www.tunb.ru/tulskij-kraj/pamyat-pokolenij/tulskaja-oblastnaja-kniga-pamyati [Дата обращения: 05.03.2019].

КПУ м. Київ – Книга пам'яті України: Київ. Т. 1–3. К.: «Українська енциклопедія» ім. М.П. Бажана, 1994–1995.

Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 207 с.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.

НПК – Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою комиссиею. Т. I–VI и указатель. СПб.: Сенатская типография, 1859–1915.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. З.В. Сметаниной и др. Вып. 1–12. Киров: "Радуга-ПРЕСС", 1996–2018.

Панфилов А.К. Вязьма // Русская речь. 1987. № 4. С. 42–45.

СБГ – Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

Серебренников Б.А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 19–31.

Серебренников Б. Топонимические загадки Сибири // Onomastica. 1959. Rocz. V. Zesz. 1. С. 101–117.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Г.А. Богатова и др. Вып. 1–30. М.: Наука (Азбуковник), 1975–2015.

Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер) / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1976. 403 с.

Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России // Русская речь. 1995. № 1. С. 100–108.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л./СПБ.: Наука, 1965–2018.

Стоянов І.А., *Чмир О.Р*. Болгарсько-український словник. К.: Наукова думка, 1988. 789 с.

СУМ XVI–XVII ст. – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. / Відп. ред. Д.Г. Гринчишин. Вип. 1–16. Львів: "Львівська політехніка", 1994–2013.

Тимченко – *Тимченко Є*. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. / Підг. до вид. В.В. Німчук, Г.І. Лиса. Кн. 1–2. К.; Нью-Йорк: ВПЦ "Літопис–ХХ", 2002–2003.

Топоров В.Н., *Трубачев О.Н*. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Наука, 1962. 270 с.

Фасмер – *Фасмер М*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Изд. второе, стереотип. Т. I–IV. М.: "Прогресс", 1986–1987.

ЧРС – Чешско-русский словарь / Под ред. Л.В. Копецкого, Й. Филипца, О. Лешки. Изд. второе, стереотип. Т. I–II. М.: «Русский язык», 1976.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. Т. 1–14. Мінск: Навука і тэхніка (Беларуская навука), 1978–2017.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. Вып. 1–41. М.: Наука, 1974–2018.

Ююкин М.А. Древнерусская ойконимия IX–XIII вв. Воронеж: «Абрис», 2003. 216 с.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wyd-wo Literackie, 2005. 863 s.

HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka / Ved. red. M. Majtán. T. I–VII. Bratislava: VEDA, 1991–2008.

SP – Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII. Wrocław etc.: PAN, 1974–2001.

VRG – Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Bd I–V. Berlin; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961–1969.

V.P. Shulgach
(Kiev, Ukraine)

TO THE ETYMOLOGY OF THE HYDRONYM *VYAZ'MA*

The article is devoted to the etymology of the hydronym (and related onyms) *Вязьма*. A short survey of the existing versions of the origin of the name is presented. According to the author, *Вязьма* is an appellate hydronym, ultimately motivated by the verb **vęziti*. The factual material indicates the potentiality of this causative.

Key words: Vyaz'ma, etymology, hydronym, derivational model.

АНТРОПОНИМИКА

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.281

С.Н. Волкова
(Москва, Россия)

ПРОЗВИЩА В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье описываются предварительные результаты исследования функционирования прозвищ в современной речевой коммуникации. На основе анкетирования, проведённого среди студентов вуза, рассматриваются основные семантические группы неофициальных именований человека, анализируется мотивация при создании прозвищ, некоторые аспекты их употребления, а также отношение современной молодёжи к использованию прозвищ.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, неофициальное именование человека, прозвище, мотивирующий признак, студенческая речевая коммуникация.

В современной речевой коммуникации довольно популярным именованием человека является прозвище. В.И. Супрун пишет, что прозвища появляются прежде всего в территориально или социально ограниченной речи, функционируют в диалектной, сленговой и жаргонно-просторечной среде [Супрун 2000: 102]. Исследователи отмечают связь употребления прозвищ не только с социальными характеристиками [Никонов 1974: 22; Волкова 2011: 82], но и с возрастными особенностями коммуникантов. «Чаще прозвища бытуют в школьном, студенческом возрасте. Чем старше становится человек, тем реже он использует прозвища, ибо жизненный опыт показывает ему, что не всегда прямая, пусть даже позитивная оценка, заложенная в прозвище, помогает налаживать взаимоотношения с коммуникантами» [Королева 2006: 215].

Целью статьи является исследование прозвищных наименований, функционирующих в современной речевой коммуникации, а именно в студенческой среде. Материал для исследования собирался методом анкетирования и прямого интервьюирования; в опросе приняли участие 43 студента-филолога 2 курса. Собранный и проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что в студенческой

речевой коммуникации частотны и востребованы следующие семантические группы прозвищ:

1. Прозвища, образованные от фамилий, представляют одну из самых многочисленных групп. Подобные именования могут вернуться к тем именам или к тем прозвищам, от которых были образованы современные официальные фамилии, например: *Сазон* (Сазонов); *Соболь* (Соболев). Во многих случаях прозвища отталкиваются от лексического содержания основы фамилии. Они могут (частично) сохранить эту основу, оформляясь иначе, нежели было оформлено древнерусское имя, от которого в своё время образовалась фамилия: *Богат* (Богатиков), *Воробьиха* (Воробьёва), *Блинчик* (Блинова), *Кузнечик* (Кузнецов). Чаще всего в основе подобных прозвищ чисто внешнее созвучие фамилии и прозвища: *Сырок* (Сурков), *Пароходик* (Парахуда), *Шиповник* (Шибкова), *Сахара* (Сафарова). В современной коммуникации (особенно молодёжной) прозвище часто образуется путём сокращения фамилии: *Бу* (Букреева), *Бизо* (Бизяева), *Чек* (Чеканов), *Андр* (Андреюк), *Ромаш* (Романов), *Тима* (Тимчук). Прозвища могут быть образованы от синонимичной основы ассоциативным путём: *Скруджс* (Уточкин).

2. Прозвища, образованные от личных имён, также частотны в студенческой коммуникации: *Софа* (Софья), *Серый* (Серёжа), *Рус* (Руслан), *Аленёнок* (Алла), *Богатырь* (Богатырёва), *Лерчик* (Валерия), *Лисичка* (Алиса), *Ананас / Анасташка / Анастасий* (Анастасия), *Миша / Мышь* (Маша), *Смайлик* (Исмаил). Иногда прозвище появляется сугубо из-за фонетического созвучия с личным именем: *Пелёнка* (Алёнка), *Котлета* (Елизавета).

Исследователи не раз отмечали, что «чертой нашего времени является активное проникновение заимствований во все пласты лексики, что не может не оказывать влияния на речевую коммуникацию молодежной среды, чутко реагирующей на любые изменения, происходящие в языке» [Попова 2009: 13]. Именно этим объясняется такая яркая особенность именований студентов, как использование иностранных эквивалентов имен, которые по своей сути являются прозвищами: *Анастейша* (Анастасия), *Натали* (Наташа), *Хелен* (Лена) и их сокращенных форм *Дэн* (Денис).

3. Прозвища по внешним данным выделяют яркую, броскую черту внешности, а именно: **особенности телосложения:** *Тумбочка* (схожесть с тумбочкой по внешности), *Башня* (высокий рост и тучная фигура), *Гном* (низкий рост); **глаза:** *Пучеглазик / Нерпочка* («за очень большие пронзительные глаза»), *Китаец* (по разрезу глаз); **ноги:** *Кузнечик* (в детстве у девочки были длинные ноги); **зубы:** *Морковка* («в детстве я была похожа на зайца из-за двух передних зубов»), **кожа:** *Сметана* («у меня очень светлая кожа»); **волосы:** *Швабра* (по причёске); **подвижность:** *Мартышка / Обезьянка* (о гиперактивной девочке), *Улитка* (медлительная).

Отметим одну интересную деталь: заполняя анкету об употреблении прозвищ, большинство студентов, приводя примеры прозвищ по внешним данным, писали, что используют их в домашнем, интимном общении или использовали во время учёбы в школе. Нами было выявлено, что непосредственно в студенческой коммуникации прозвища по внешним данным используются нечасто. Возможно, это объясняется желанием студентов быть толерантными, политкорректными, ведь часто в основе таких прозвищ лежит какой-либо физический недостаток человека. Но, с другой стороны, возможно, такое положение дел объясняется недостаточно развитой наблюдательностью у поколения Z, ведь для того, чтобы такие прозвища появились, необходимы «острые умы и критические взгляды на вещи» [Суперанская 2003–2004: 485].

4. Прозвища по внутренним особенностям довольно распространены среди студентов, поскольку для них большую роль играют внутренние качества товарищей. Так, в прозвищах выявляются **черты характера,** коммуникативного поведения: *Жук* (за хитрость и изворотливость), *Петя* ← Петух ← (прозвище молодого человека по имени Саша, из-за характера). **Привычки, пристрастия** также отражаются в прозвищах: *Гитарист* (за игру на гитаре), *Рыбак* (очень любит рыбалку), *Хоккеист* (играл в хоккей), *Наушники* (ходил с наушниками). Мотивирующим фактором для прозвищ могут быть **особенности поведения, манеры** человека: *Чайка* (из-за смеха, похожего на крик чайки), *Псих* (по поведению), *Хоря* (из-за непоседливого характера, из-за повадок, как у хорька), *Путало* (девушка всё путает), *Мусоргский* («я не давала никому из друзей мусорить на улице»), *Катастрофа* («довольно часто что-то ломаю, падаю, спотыкаюсь»).

В диссертации Т.Т. Денисовой, посвящённой изучению анализируемого неофициального именования человека, отмечаются новые группы в семантической классификации прозвищ: 1) прозвища по случаю из жизни, 2) прозвища, данные за сходство с героями книг, мультфильмов, кино, историческими личностями [Денисова 2007: 12]. В нашем исследовании также были выделены подобные прозвища. Так, мы выявили прозвища, образованные **по случаю из жизни:** *Карась* (когда-то обещал пожарить рыбу и не сделал), *Тормоз* (в детстве дали парню кличку из-за случая, когда он ехал на велосипеде и не успел нажать на тормоз), *Пробка* (прозвище преподавательницы английского языка в школе из-за того, что она однажды сказала ученице: «Вылетишь отсюда, как пробка из бутылки!»), *Носки* (потерял носок на физкультуре). Были отмечены и **прозвища, данные за сходство с героями книг, мультфильмов, кино, историческими личностями**: *Седрик* (прозвище преподавателя, похожего на одноимённого персонажа мультсериала «Чародейки»), *Терминатор* (в начальной и средней школе девочка часто дралась), *Пэрис Хилтон* (из-за экстравагантного образа), *Эйнштейн* (в средней школе, за любовь к физике и естественным наукам), *Ревизор* (за неожиданный приезд). Безусловно, все эти примеры

новых групп в семантической классификации прозвищ свидетельствуют о расширении прозвищ в коммуникации, об укреплении этой антропонимической категории.

Необходимо отметить, что прозвища могут прочно закрепиться за носителем и существовать довольно продолжительное время. Об устойчивости прозвищ говорят такие примеры: *Толстый* («хоть он и похудел на 20 кг с момента его приобретения, прозвище прилепилось»); «один мой знакомый по молодости совершил глупый поступок (какой уже никто не помнит), за что его прозвали *Алёша* (дурак). Только недавно (а знакома я с ним 10 лет) я узнала, что его зовут Серёжа. Все его всегда называли Алёша».

Обратим внимание на особенности употребления прозвища *Алёша*. В «Словаре коннотативных собственных имён» Е.С. Отина оним *Алёша* представлен как коннотативный антропоним, одним из значений которого является ‘очень глупый человек’ [Отин 2006: 48]. Как видим, данная коннотация известна современному молодому поколению, более того нами зафиксирован случай использования прозвища *Алёша* и для лица женского пола («прозвище девушки Полины, так её называют подруги в каких-то неловких или нелепых ситуациях»).

С точки зрения структуры чаще всего прозвища состоят из одного слова, однако нами неоднократно отмечались и двусловные неофициальные именования, например: *Уважаемая Лена* («один из преподавателей обратился так ко мне в электронном письме и моих друзей это рассмешило»); *Завкафедрой языкознания* («один профессор сказал мне, что его подругу завкафедрой языкознания зовут так же, как и меня, поэтому мои друзья в шутку называют меня так»); *Gossip Girl* (девочка-сплетница; об одногруппнице, любящей посплетничать).

Исследование показало, что прозвища появляются ещё в школьные годы и активно используются в студенческой коммуникации. Молодые люди отмечают, что с удовольствием общаются при помощи прозвищ в неформальной коммуникации: семье, в быту, с друзьями, с одногруппниками в вузе. Студенты чаще всего относятся к прозвищам положительно, иногда нейтрально; считают, что существование прозвищ – это нормальное явление; некоторые даже гордятся своими прозвищами, относятся к ним с юмором.

В анкетах студенты сами рассуждают о функциях прозвищ: обращаясь по прозвищам, они стремятся «подчеркнуть свою близость к человеку, показать ему, что ты знаешь о нём больше других». По мнению анкетируемых, прозвища способствуют установлению контакта, укрепляют отношения, являются свидетельством того, что человек популярен в коллективе. Прозвища – это отражение индивидуальности; «прозвища нужны, благодаря прозвищу можно лучше понять носителя этого прозвища». Прозвища помогают социализации: «людям может быть комфортнее с прозвищем». Молодые люди обращают внимание на этичность употребления прозвищ:

«всё зависит от прозвища. Если оно не оскорбительно, то это вполне нормально. Если задевает чувства человека – нет». Анкетируемые убеждены, что «прозвище может употребляться, если оно не имеет отрицательной коннотации. Они должны быть исключительно положительными и не злыми; это ужасно, если человека расстроит его прозвище».

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод об активном функционировании в современной речевой (молодёжной) коммуникации такого неофициального именования человека как прозвище. В употреблении у студентов находятся прозвища, образованные от фамилий, личных имён; часто мотивирующим признаком являются внешние данные и внутренние особенности. Встречаются в молодёжной коммуникации прозвища по случаю из жизни; прозвища, данные за сходство с героями книг, мультфильмов, кино, историческими личностями. Давая прозвища, студенты проявляют наблюдательность, реализуют свой творческий потенциал, демонстрируют эрудицию и широкий кругозор. В то же время приятно отметить, что молодое поколение обращает внимание на этические моменты, стремятся своей креативностью не обидеть человека.

Литература и источники

Волкова С.Н. Социальные аспекты антропонимикона романа О.Н. Ермакова «Знак зверя» (к постановке проблемы) // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 3 (15). С. 75–84.

Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 22 с.

Королева И.А. Социальный аспект бытования современных прозвищ // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. Нижний Новгород: Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. С. 214–216.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.

Попова Е.И. Личное имя в коммуникативном аспекте (на материале обращений в студенческой среде): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009. 21 с.

Суперанская А.В. Современные русские прозвища // Folia Onomastica Croatica. 2003–2004. № 12–13. С. 485–498.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

S.N. Volkova
(Moscow, Russia)

NICKNAMES IN THE MODERN SPEECH COMMUNICATION

The article describes the preliminary results of studies on the nicknames' functioning in the mordern speech communication. Based on the survey conducted among University students the main semantic groups of informal names of a person are considered, motivation for creating nicknames and some aspects of their use as well as the attitude of today's youth to nicknames are analysed.

Key words: proper name, anthroponym, informal naming of a person, nickname, motivating sign, student speech communication.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.286

О.В. Врублевская
(Волгоград, Россия)

КОННОТАТИВНЫЕ АНТРОПОНИМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ)

На основе контекстуального анализа коннотативных имен на уровне нескольких синхронных срезов выявляется трансформация коннотативных значений антропонимов *Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев*.

Ключевые слова: коннотативный антропоним, политический дискурс, социальная оценка.

В современном российском обществе отмечаются заметные изменения в ценностном отношении носителей русского языка к событиям, реалиям, персоналиям нашей истории и современности. Это приводит к трансформации коннотативных значений широко известных имен собственных. Говоря о коннотативных именах собственных политического дискурса, имеем в виду имена политиков, политических партий и организаций, которые употребляются не только в денотативном значении, но и для эмоциональной характеристики и социальной оценки объектов и явлений современной действительности. В данной статье остановимся на исследовании активно употребляемых сегодня имен советских политических лидеров *Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев*.

Материал исследования послужили 4134 контекста употребления данных имен, взятых преимущественно из «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ].

На основе контекстуального анализа исследуемых антропонимов на уровне нескольких синхронных срезов (1990-е, 2000-е, начало 2010-х) выявляется динамика коннотативного потенциала данных имен, что отражает изменение социальных оценочных значений этих антропонимов.

Самое частотное упоминание антропонима *Ленин* связано с памятником Ленину (19%). Однако если в 1990-х это *бронзовый, чугунный, гипсовый (крашеный серебрянкой), металлический Ленин, маленький* или *большой Ленин,* а также *Главбюст страны,* то в 2000-х – *памятник*. Как показывает анализ контекстов, это можно объяснить апеллятивацией и плюрализацией антропонима *Ленин* в значении ‘памятник’ к концу 1990-х началу 2000-х. Например: *Сколько в Москве* ***ленинов****, не знает никто, даже Комитет по культуре* [Шерстенников 1997]. На втором месте по частотности в контекстах 1990-х – *великий Ленин* (15%), а также *Ленин – главный вождь, вождь мирового пролетариата, пролетарский вождь и учитель, вождь рабочих и крестьян* (10%), в то время как в контекстах 2000-х – *дедушка Ленин* (12%), а также *революционер, на броневике* (8%). Отмечается и то, что Ленин был образованным человеком (9%), но в контекстах 1990-х подчеркивается: *юрист, адвокат, хороший, первоклассный оратор;* кроме того, Ленина называют *гением, мудрым человеком.* В контекстах 2000-х, *Ленин – это хорошо, хороший.* Сравнительно небольшое количество контекстов создает внешний облик Ленина: в 1990-х – *маленький, лысый, картавый* (3%)*;* в 2000-х – *кепка, рыжий, узкие глаза* (5%). Анализ контекстов 2000-х – нач. 2010-х актуализировал отрицательную оценку личности Ленина (13,5%), его связывают с *преследованиями, беспощадным массовым террором,* называют *бандитом, жестоким, кровавым палачом.* И еще одно отличие в восприятии Ленина: в 1990-х – *Ленин* ***везде*** *(на деньгах, на печенье, библиотека им. Ленина, ледокол «Ленин» и т.д.)* (4%); в 2000-х – *Ленин* ***всегда живой****; живее всех живых; жил, жив и будет жить* (9%). Кроме того, из четырех анализируемых в данной статье антропонимов только у имени *Ленин* отмечается высокая прецедентная активность (38 контекстов). Анализ данных контекстов показал, что антропоним *Ленин* употребляется в следующих значениях: памятник; вождь; тот, кого не похоронили; единственный в своем роде; тот, кто постоянно в разъездах или тот, кто по тюрьмам, по ссылкам; символ перемен; картавый и др.

При анализе контекстов с антропонимом *Сталин* следует отметить тот факт, что в контекстах 2000-х положительная оценка его личности резко возрастает с 19% (в 1990-х) до 53% (в 2000-х). Если в контекстах 1990-х *Сталин – великий человек, великий стратег, великий вождь, гений, одержавший победу* (но при этом *злой гений), Бог* (но *не просто божество, а божество грозное и карающее),* то в контекстах

2000-х – это не просто *великий человек, величайший политический деятель, Великий Вождь и Мудрый учитель, вождь своего народа, отец родной, наш главный отец, Бог советского времени,* но и *великий вождь всех времен и народов, отец всех народов, самый могущественный властитель в русской истории, Бог прогрессивного человечества, Владыка Вселенной,* который *создал наше государство, сверхдержаву, мощнейшее военное государство, нашу великую армию; победил Гитлера, спас нашу страну от врагов; Сталин святой и Победа его святая.* И это несмотря на то, что отрицательная оценка его личности сохраняется и в 1990-х (34%) и в 2000-х (27%). Имя *Сталина* ассоциируется с *тоталитарным режимом, единоличной диктатурой, тиранией, жесткостью, репрессиями, пытками, расстрелами*, с тем, что он *уничтожал всех и вся (интеллигенцию, крестьянство, многих высокопоставленных военных; тех, кто был в плену* и др.), в контекстах 2000-х акцентируется внимание на его *жестокости и беспощадности по отношению к чеченцам и крымским татарам,* а также *евреям*. Интересен тот факт, что в контекстах 2000-х *Сталин* упоминается также в связи с тем, что он *был расположен к церкви (еще до войны); в 1943 разрешил выбрать Патриарха; сыграл роль в деле спасения православных храмов и сохранении жизни важным деятелям православной церкви*; в связи с организацией *Долгопрудного физико-технического института;* отмечается, что он *любил актрису Орлову и поэта Маяковского*. Кроме того создается внешний облик *Сталина*: *маленький, толстенький, коротышка; мундир, шинель, трубка, усы* (7%). Контексты прецедентного употребления антропонима *Сталин* (11) позволяют сделать вывод, что у данного антропонима сформировались следующие значения: человек, который держит всех в страхе; тот, кто может позволить себе всё, что угодно; политик, который длительной срок у власти; одетый в военное / полувоенное и др.

Образ *Хрущёва* в контекстах 1990-х связан в первую очередь с *кукурузоманией* (32,5%), его называют *кукурузным царем,* что факультативно уже для контекстов рубежа тысячелетий, где на первый план выходит тот факт, что Хрущёв *нивелировал роль архитектуры в строительстве*, и в контекстах 2000-х его имя чаще связано с *квартирами-хрущевками* (18%), чем с кукурузой (3%). Возможно, это объясняется тем, что в 1990-х в стране были проблемы с продовольствием, импортировалось много зерна и др., в 2000-х стал нарастать строительный бум. В контекстах 2000-х *Хрущёв* упоминается также как *разоблачитель культа личности Сталина, реабилитировавший многих осужденных* (13%), а время его правления характеризуется *общей культурной «оттепелью»* (5%). Однако анализ показывает, что большая часть контекстов 2000-х (в отличие от контекстов 1990-х) соотносится скорее с отрицательными оценками *Хрущёва* (38%). Так, его имя связывают с *крахом аграрных реформ,* вызванных стремлением *догнать и перегнать Америку,* с тем, что он *испортил отношения с Китаем* и *подарил Крым*; с *гонениями церкви*. В то время как анализ

контекстов 1990-х создает образ *Хрущёва* как человека *не очень образованного, но очень неглупого; простоватого, но хитрого; простодушного, щедрого,* но *вспыльчивого, раздражительного* (18%); а также человека, который *не понимает искусство (ни живописи, ни театра, ни кино, ни литературы)* (20%). В контекстах прецедентного использования антропонима *Хрущёв* (7) реализуются следующие значения: направление в архитектуре; тот, кто не понимает живопись; тот, кто ведет себя самонадеянно; любитель длинных речей и др.

Коннотативный ряд антропонима *Брежнев* также претерпевает изменения в 2000-х в сравнении с 1990-ми. Анализ контекстов 1990-х создает образ *Брежнева орденоносца (побил мировой рекорд в отношении наград: 260 орденов и медалей весом в 18 кг)* (31%)*, любителя поцелуев* (15%); человека *в маразме* (13%); того, кто всегда *читает по бумажке* (7%). В контекстах 2000-х на первый план выходит его беспомощность, *Брежнев* – это *добродушное нечто,* его имя связывают со *старостью, болезнью, слабостью* (22,5%), его называют *добрым, лояльным, покладистым* (13%). И актуализируется такая особенность его внешности как *брови* (10%). В анализируемом нами материале встретилось 7 контекстов прецедентного употребления антропонима *Брежнев* в значениях: беспомощность; читающий по бумажке; обладатель густых бровей и др.

Анализ показал, что коннотативный потенциал имен политического дискурса является основой для формирования разнообразных коннотативных значений исследуемых антропонимов. Употребление этих имен в переносном значении передают обобщенные оценочные представления о типичных чертах, особенностях кого-/чего-либо, что служит базой для развития прецедентности данных антропонимов.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00578.

Литература и источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // Режим доступа (свободный). URL: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html [Дата обращения: 23.03.2019].

Шерстенников С. Ленин, который живет на крыше // Столица: журнал, 10.01.1997.

O.V. Vrublevskaya
(Volgograd, Russia)

CONNOTATIVE ANTHROPONYMS OF POLITICAL DISCOURSE: DYNAMIC ASPECT (THE MATERIAL: NAMES OF THE SOVIET POLITICAL LEADER)

The transformation of connotative value of the anthroponyms *Lenin, Stalin, Khrushchev, Brezhnev* is revealed based on the contextual analysis of connotative names on the level of several synchronous slices.

Key words: connotative anthroponym, political discourse, social assessment.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.290

Г.Р. Галиуллина
(Казань, Россия)

НОВЫЕ ИМЕНА В АНТРОПОНИМИКОНЕ ТАТАР

В статье анализируются личные имена, которые появились в татарском антропонимиконе на современном этапе. Обзор материалов показывает, что в новейшем антропонимиконе наблюдается процесс обновления именника путем привлечения новых единиц из других языков, использования традиционных антропоформантов и заимствованных элементов в пределах одного антропонима, а также заметен частичный возврат к историческому антропонимикону.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, новые имена, татарский язык.

В современном быстро глобализирующемся мире языки и культуры претерпевают большие изменения, которые чаще наблюдаются в наиболее подверженных внешним воздействиям областях. Одним из таких областей является система личных имен, которая выполняет, кроме номинативной, идентифицирующей и дифференцирующей, еще и когнитивную, кумулятивную, социальную и ряд других пассивных функций [Подольская 1988: 145].

Антропонимическая система является связывающим звеном между поколениями, служит хранилищем и транслятором культуры народа. В то же время ее существование напрямую зависит от социальных факторов, которые могут оказать существенное влияние на дальнейшее развитие антропонимикона. Эта специфика наиболее ярко проявляется в именниках тюркоязычных народов.

Татарская антропонимия, которая стала более открытым в XX веке под

воздействием экстралингвистических факторов, постепенно стала развиваться в трех направлениях: во-первых, наполняясь новой семантической и функциональной нагрузкой, продолжается тюрко-татарская традиция, которая является основополагающей в развитии антропонимической системы; во-вторых, в новых направлениях развивается восточная традиция, пришедшая в татарское национальное пространство с принятием ислама; в-третьих, проникла русская и через нее европейская традиции, впоследствии синтезирующиеся с национальными традициями имянаречения [Галиуллина 2008: 267]. В настоящее время указанные лингвокультурные традиции определяют современное состояние и дальнейшие направления развития антропонимической системы татар. Одной из особенностей современного именника является то, что эти традиции не существуют параллельно, а все больше наблюдается их взаимопроникновение, слияние в пределах одного антропонима. В результате именник татар пополняется новыми единицами, которые ранее не были зафиксированы или же отличались малоупотребительностью.

Целью настоящей работы является анализ новых антропонимических единиц, ранее не выявленных в антропонимиконе татар и которые, по нашему мнению, являются показателями качественного изменения именника. Объектом изучения стали списки имен новорожденных, полученные из Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан за 2016–2019 гг. В них дается полный перечень имен, которые давались новорожденным в муниципальных районах и в городе Казань Республики Татарстан.

Необходимо отметить, что трансформационные процессы в антропонимиконе татар, затронувшие качественную сторону именника, начались еще в 20-е–30-е гг. XX века. Культурное познание новой действительности очень быстро зафиксировалось в антропонимической системе, пополняя антропонимикон татар именами из русского и европейских языков. Это был принципиально новый тип антропонимов, не имеющий традицию употребления. Постепенное их распространение среди татар привело к установлению в антропонимической системе европейской традиции, которая, наряду с тюрко-татарской и восточной традициями, имеет свои особенности функционирования и способствут качественному изменению именника.

Изучая новейший именник татар, выявили, что появление новых тенденций в современном антропонимиконе связано с социокультурными факторами, это, прежде всего, поликультурная среда и религиозный фактор. Под их воздействием в антропонимиконе татар наблюдается активизация процесса имятворчества и проникновение новых имен из антропонимиконов других этносов, а также интенсивное распространение религиозных имен. Попытаемся более подробно описать влияние каждого из вышеуказанных факторов на современный антропонимикон татар.

Одной из немаловажных причин, приведших к качественному изменению

именника является поликультурная среда, в которой проживает основная масса татарского народа. Заложенная еще в ранних стадиях формирования национального антропонимикона традиция имятворчества на современном этапе преобретает новые качества и возможности, тем самым обогащая именник новыми единицами, образованными в результате переплетения разных культур. Мы полагаем, что новые имена татар, появившиеся в современном антропонимиконе отражают специфику национального характера, который меняется, преобретая новые качества, обусловленные социокультурными условиями современного общества. Так, например, в сельских районах Республики Татарстан продолжается тенденция называть своих детей традиционными татарскими именами, в близких к городам районах и в столице республики детям даются все более оригинальные имена. Так, например, в 2017 году в отдаленных от городов сельских районах наиболее популярными мужскими именами оказались *Амир, Амирджан, Аяз, Булат, Ислам, Карим, Наиль, Самат, Самир, Султан, Рамин, Рамазан, Шамиль*, а в полиэтнических городах и районах варьируют имена *Амир, Марат, Радмир, Тимур*.

В целом, частотность употребления мужских имен в антропонимиконе татар за последние три года представлена в следующей таблице:

№	Мужские имена	2016	2017	2018
	Амир	733	734	757
	Тимур	791	728	660
	Карим	671	595	542
	Артур	333	349	315
	Данил	343	348	302
	Камиль	388	337	355
	Самир	368	303	272
	Данияр	321	279	204
	Адель	308	259	232
	Радмир	305	284	231

За исследуемый период в антропонимиконе татар наблюдается распространение тенденции употребления в пределах одного антропонима традиционных татарских имяобразующих компонентов и имен европейского происхождения или их отдельных частей.

Наиболее активным в имяобразовании является слово *ай* ‘луна’. Начиная с антропонимической системы древних тюрок, на последующих этапах развития национального антропонимикона личные имена с компонентом *ай* имели высокую частотность функционирования. В их семантике ярко прослеживалась национальная специфика мировидения, которая сформировалась еще в древнетюркский период. В современном антропонимиконе данный антропокомпонент активно участвует в образовании новых имен по традиционным моделям, например по Республике Татарстан

в 2018 году зафиксированы следующие имена (в скобках указана частотность употребления): *Айхан* (12), *Алтынай* (8), *Айбулат* (6), *Айзирә* (6), *Айкыз* (6), *Айдан* (6). В настоящее время *ай* стал активно использоваться и в составе новых личных имен, которые стали появляться в именнике во втором десятилетии XXI века, например, женские имена *Айлин* (135), *Айнель* (10), *Айлана* (7), *Айлина* (6), *Айдина* (3), *Айзалина* (1), *Аймина* (1), *Аймира* (1), *Айсен* (1) и др. Указанные имена, с одной стороны, сохраняют созвучность национальным антропонимам, с другой – они образованы по аналогии с европейскими или русскими именами.

Еще одной заметной тенденцией является употребление русских или европейских личных имен, которые подвергаются частичному изменению. Это явление наиболее распространено в женском именнике, например, *Асэлия, Алисия, Имелия, Лерия, Лерика, Милана, Мелиса, Радалина, Радалия, Радмила, Радмина, Софина, Эмелина, Эмилиана, Эвеллина* и др.

Новые тенденции имянаречения наблюдается и в межэтнических семьях, которые, согласно данным ЗАГС Республики Татарстан, за 2018 год составляют 19,2% от общего количества зарегистрированных браков, см. [http://zags.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1717270.doc]. Если ранее в межэтнических семьях преимущественно употреблялись европейские и русские имена, например, такие как *Тимур, Руслан, Радмир, Эмиль, Алина, Диана, Камилла, Карина, Рената* и другие, то в настоящее время наблюдается тенденция употребления двойных имен: *Карим-Кирилл*, *Изабелла-Рамиля, Лиана-Мира, Мия-Мадина, Диана-Дефне, Мадина-Хагигат* и др.

В настоящее время родители активно обращаются к историческому антропонимикону. Распространение религиозных ценностей в современом обществе способствовали пропаганде символов веры, одним из которых являются антропонимические единицы. Стремление подчеркнуть национальную и религиозную принадлежность, привлечение в процесс имянаречения религиозных деятелей являются основными факторами роста популярности мусульманских имен.

В качестве примера для сравнения приведем статистические данные, полученные за 2007 и 2018 гг.

Мужские имена	**Количество за 2007 год**	**Количество за 2018 год**
Ислам	3	218
Сулейман	2	100
Юсуф	3	62
Ибрагим / Ибрахим	1	38 / 29
Расул / Расуль	1	37 / 9
Ахмат / Ахмет	-	6 / 6
Мухаммад	1	2
Муса	2	37

Как видно из таблицы, активность имен религиозного содержания резко увеличилась, и это явление наблюдается по многим мужским именам, возвращенным в активное употребление в конце XX века. В женском именнике таких больших изменений не наблюдается, в группе наиболее частотных имен религиозного содержания, как и в 2007 году, остаются *Амина, Марьям, Гайша / Айша, Зайнап, Хадиджа / Хадича*.

Кроме увеличения частотности религиозных имен, чаще начали употребляться сложные по составу имена, которые состоят из двух и более компонентов, активно функционирующие с середины XIX в. до 20-хх гг. XX в.: *Мухаммадамин, Абдурахман / Габдурахман, Абдурахим, Абдулмалик, Абдулхай, Абдульхаким, Габдульхамид, Билалетдин, Баязитхан, Мухаммадамир, Нурмухаммад, Аль-Фатиха, Галиябану, Джамиляуша, Энжегуль* и многие другие. Среди них отдельную группу составляют новые имена, которые возникли в результате имятворчества родителей, например, *Мухаммадамир* (*Мухаммат* и *Дамир*), *Нафанаил* (*Нафа*? и *Наиль*), *Джамиляуша* (*Джамиль* и *Миляуша*), *Энжегуль* (*Энже* и имяобразующий компонент *гуль*).

Таким образом, обзор наиболее распространенных явлений в современном антропонимионе татар показывает, что наблюдается процесс обновления именника путем привлечения новых единиц из других языков, использования традиционных антропоформантов и заимствованных элементов в пределах одного антропонима, а также заметен частичный возврат к историческому антропонимикону.

Литература и источники

Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 349 с.

Отчет о государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2018 года // Режим доступа (свободный).URL: http://zags.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1717270.doc/ [Дата обращения: 15.03.2019].

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

G.R. Galiullina
(Kazan, Russia)

NEW NAMES IN ANTHROPONYMICON OF TATARS

The article is devoted to the analysisof the personal names which have The article is devoted to the analysisof the personal names which have appeared in the Tatar anthroponymicon at the present stage. Review of materials shows that the name update process by attracting new units from other languages, using of traditional anthropophormants and borrowed elements within a single

anthroponym is observed and also a partial return to historical anthroponimics is marked in the latest anthroponymicon.

Key words: onomastics, anthroponymy, new names, Tatar language.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.295

И.М. Ганжина, М.Ю. Черненок
(Тверь, Россия)

ТРАДИЦИИ ИМЕНОВАНИЯ В ДВОРЯНСКОМ РОДЕ БАКУНИНЫХ

Анализируется употребление антропонимов в XVIII–XIX вв. на материале известного дворянского рода Бакуниных (генеалогическое древо, эпистолярная и мемуарная литература, дневниковые записи и поэзия А.М. Бакунина). Рассматриваются причины выбора имени, базовые родовые имена, способы именования лиц членами семьи и их окружением.

Ключевые слова: антропоним, личное имя, квалитатив, антропонимическая норма, тезоименность.

Набор определенных личных имен и их форм в совокупности своей всегда отражает свое время и определенную социальную среду и нередко обусловлен сознанием именующего. Система антропонимических предпочтений, повторяемость онимов в пределах одного рода, их вариации отражают процесс языковой интерпретации окружающего мира в индивидуальном сознании членов одной большой семьи. Рассмотрим систему антропонимов, употреблявшихся на протяжении двух веков в роде Бакуниных, одном из известных дворянских родов России, представители которого на протяжении XVIII–XIX вв. играли видную роль в судьбе страны, а Михаил Бакунин – и в мировой истории; попробуем поглядеть на антропонимы того времени глазами образованного представителя дворянской интеллигенции.

Надежным источником материала послужили данные огромного генеалогического древа Бакуниных, дневниковые записи и эпистолярная литература, отражающие живую речь наиболее ярко и непосредственно, а также поэзия А.М. Бакунина, отразившая разговорную антропонимическую норму того времени [Бакунин 2001; 2006; Сысоев 2002; 2012].

Причины наречения именем в роде Бакуниных, к сожалению, неизвестны, и о них можно лишь догадываться. По-видимому, иногда это соответствовало дню памяти святого: так, двух сыновей, родившихся в первой половине XVIII в. у статского советника Василия Михайловича Бакунина (1700–1766), звали *Петрами* – по святцам; в историю они вошли как ***Петр*** *Васильевич Бакунин-Большой* и ***Петр*** *Васильевич*

Бакунин-Меньшой.

Однако, на наш взгляд, значительно перевешивал другой мотив. По-видимому, именно в семейном социуме сформировался главный коннотативный компонент личных имен рода Бакуниных: многие имена включают в свое содержание сему «в честь кого-то». Наблюдения показывают, что в подавляющем большинстве случаев личные имена давались в честь отца и матери, дяди и тети, дедушки и бабушки. Например, ***Екатерина*** *Павловна Бакунина*, лицейская любовь А.С. Пушкина, вышла замуж за ***Александра Александровича*** Полторацкого, и у них были дети ***Александр*** и ***Екатерина***. У ***Александра Михайловича*** Бакунина и его жены ***Варвары*** среди прочих детей также были сыновья ***Александр*** и ***Михаил*** и дочь ***Варвара***. У его сына ***Александра Александровича***, жену которого звали ***Елизавета***, были дети ***Александр*** и ***Елизавета***; имена почти всех детей А.М. Бакунина повторяются в именах внуков: например, он имел четырех внуков по имени ***Александр*** и трех – по имени ***Михаил*** – по-видимому, данному в честь знаменитого дяди, Михаила Александровича Бакунина. Об этом есть и прямое свидетельство. Так, известный исследователь рода Бакуниных В.И. Сысоев пишет о дочери А.М. Бакунина ***Александре***: «*В 1846 г. у них родился сын* ***Миша****, названный так в честь старшего брата»* [Сысоев 2002: 257] – при этом заметим, что другие ее дети: ***Варвара***, ***Александр***, ***Николай***, – вероятно, тоже были названы в честь братьев и сестры, а дочь ***Любовь***, по-видимому, получила имя в честь бабушки ***Любови*** *Петровны*. Кроме того, интересно, что мужа и внука ***Александры Александровны*** звали ***Гавриилами***.

Так семья становилась своеобразным хранителем имени. Ср. примеры многочисленной семейной тезоименности: *Иван Иванович*; *Александр Александрович*; *Александра Александровна*; *Михаил Михайлович*; *Николай Николаевич*; *Модест Модестович* и т.д.

Нередко имена отбирались по образцу династических – ср.: *Михаил Иванович – Иван Михайлович – Михаил Иванович; Евдоким Иванович – Иван Евдокимович; Николай Модестович – Модест Николаевич – Николай Модестович – Николай Николаевич; Николай Модестович – Модест Николаевич – Модест Модестович* и т.д.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что повторение одних и тех же имен символизировало родовую цельность и стабильность, тем самым запечатлевалось представление о преемственности внутри рода как о норме.

Наш материал показывает, что в роду Бакуниных сложился базовый список имен, чаще других выбираемых для наречения. Показательны подсчеты, проведенные на материале двухсотлетней истории рода, охватывающей XVIII–XIX вв. и включающей пять поколений. На 59 лиц мужского пола приходится 16 личных имен, при этом три самых частых имени: ***Александр*** (11), ***Михаил*** (11) и ***Николай*** (9) – носят 52,6% именуемых. Женские имена несколько более разнообразны (21 оним на

66 носительниц), однако процент тезоименности и здесь достаточно велик: первые шесть имен: ***Варвара*** (9), ***Татьяна*** (8), ***Екатерина*** (7), ***Анна*** (5), ***Мария*** и ***Наталья*** (по 4) – носят 56,1% представительниц рода.

Отмеченные в исследуемом материале квалитативные формы имен не отличаются большим разнообразием и образованы с помощью ограниченного числа суффиксов:

-иньк(а) / -еньк(а): ***Любинька***, ***Варинька***, ***Катенька***, ***Пашенька***, ***Васинька***;

-ш(а) / -аш(а) / -уш(а): ***Миша***, ***Параша***, ***Маша***, ***Танюша***, ***Саша*** (жен.), ***Дуняша***, ***Варюша***;

-ет(а) / -ут(а): ***Пашета***, ***Варюта***;

-я: ***Катя***.

Ср. типичное употребление антропонимов в записях А.М. Бакунина «Об отделке Прямухина и его окрестностей»: *Во время постройки непременно сберечь тополи, которые посадила сестра* ***Варвара Ивановна*** / жена брата Михаила Михайловича / *за себя и за брата*; ***Васинька*** / брат Василий Михайлович / ***Дуняша*** / сестра Евдокия Михайловна / ***Любинька*** *и* ***Варинька*** / сестры / *за себя; за* ***Парашу*** / сестра Прасковья Михайловна / *я посадил.*

По всей вероятности, большинство приведенных форм закрепилось в процессе семейного и дружеского общения в качестве «домашних» имен за конкретными носителями. Так, сестра А.М. Бакунина *Любовь* везде названа только ***Любинькой***, его же сестра *Прасковья* – ***Парашей***, а кузина *Прасковья* – ***Пашетой***. С помощью различных производных форм выходили из положения при большой тезоименности: ***Варвара Ивановна*** – жена брата А.М. Бакунина Михаила, ***Варинька*** – своя жена (А.М. Бакунин называет ее исключительно такой формой имени), ***Варюта*** – дочь (при этом Михаил Бакунин ей, своей сестре, пишет: *Да,* ***Варенька***), ***Варюша*** – родная сестра (которой Г.Р. Державин в 1798 г. посвятил стихотворение «*Портрет* ***Варюши***»).

В наших материалах почти не встретилось именований бакунинских крестьян, однако те примеры, что зафиксированы в поэме «Осуга», свидетельствуют о добром и участливом отношении к прислуге как к членам семьи: *В каморке* ***Аннушки****, за сеткой, Канарские певцы живут*…; ***Ульянушка*** *в сенях хлопочет*… ***Ульян-Андревна*** *воспитала Два поколения детей*…. При этом приведенные квалитативные формы отличаются от употребляемых в своей среде, а это позволяет говорить об их социальной маркированности.

Наряду с квалитативами, а нередко и параллельно с ними, А.М. Бакунин, как типичный представитель образованной дворянской интеллигенции, и в дневниковых записях, и в творчестве называет близких родственников полными именами безотносительно к возрасту именуемого. Ср.: *Семейку Бог мне дал ребят: и* ***Николай, Илья***

и ***Павел****, И* ***Александр****, и* ***Алексей***; *– Здорово,* ***Миша****! – Здорово, брат! Один иль с братом* ***Алексеем****?*; *душа в нам* ***Софьи*** *прилетела Утешить нас, развеселить*; *писал о брате* ***Николае*** и т.п.

Наряду с названными моделями именования, в дневниковых записях 1811–1812 гг., а также в дружеских письмах нередко находим обозначения даже самых близких родственников с помощью имени-отчества с добавлением слова, обозначающего родство: ***Сестра Татьяна Михайловна*** *приехала к нам в гости*; ***бабушка Катерина Александровна*** *прислала* ***Вариньке*** / жена / *перед отъездом нашим из деревни тысячу рублей;* ***Палагея Михайловна*** / сестра / *несколько раз начинала в дорогу укладываться*; ***дядюшка Дмитрий Михайлович*** *лишился ноги*; *что за чудное создание* ***Татьяна Александровна****!* (из письма В.Г. Белинского о Т.А. Бакуниной). Заметим, что таким же образом (возможно, для различения многочисленных тезок) создавались в усадьбе Прямухино и микротопонимы: *ключ* ***брата Ивана Михайловича***, *храмик* ***Ивана Михайловича***, *ручей* ***брата Ивана Михайловича*** и т.д.

В исследуемых материалах отразилась живая, характерная для культуры и традиций XVIII–XIX вв. норма в функционирования полных имен, различающих канонический и нейтральный варианты [Мкртычян 1995, Бабий 1996]: ***Катерина***, ***Михайла***, ***Ларион***.

Кроме того, наряду с традиционными русскими полными именами и квалитативами, в семье изредка употреблялись (как и в других дворянских семьях того времени) европеизированные формы личных имен: ***Александрина*** (так называет А.М. Бакунин свою дочь Александру), ***Евдоксия*** (*Eudoxie*), ***Габриэль***, ***Пашета*** (вероятно, через французский вариант *Pachette*), ***Мишель***. Последний оним принадлежит знаменитому анархисту М.А. Бакунину, и эта форма регулярно повторяется в документах, письмах, воспоминаниях. Так, в 1890–1891 гг. в семье издавался домашний журнал с участием детей и взрослых, где восьмилетняя племянница М.А. Бакунина Варя пишет: *дети пришли к выводу о необходимости освобождения* ***дяди Мишеля*** [Суворов 2004: 26]. Эта форма имени переходит из поколения в поколение и выступает как своеобразная информационная модель, символ человека, получившего образование в Европе, жившего в разных европейских странах и ставшего «человеком мира». Более того, так до сих пор продолжают уважительно называть его люди, близкие по духу и по убеждениям.

Исследованный материал показывает, что бытование имени в семейном социуме и – шире – в роду в целом отражает живую, характерную для того времени норму именования членов типичной образованной дворянской семьи того времени. На выборе имен и их форм очень заметно отражаются крепкие родовые связи, чувство причастности к роду, а также важность дружественных семейных уз, особое отношение к близким. О приоритете семейных ценностей писал в поэме «Осуга» создатель

«прямухинской гармонии» А.М. Бакунин; известно, что для хозяина поместья всегда на первом месте была его семья, что отразилось не только на антропонимических предпочтениях, но и на наименованиях усадебных объектов [Ганжина, Черненок 2017].

Литература и источники

Бабий С.Н. Реконструкция нормы в употреблении полных форм христианских личных имен в русском литературном языке карамзино-пушкинского периода: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 1996. 16 с.

Бакунин А.М. Поэмы и проза. Тверь: Золотая буква, 2006. 228 с.

Бакунин А.М. Собрание стихотворений. Тверь: Золотая буква, 2001. 208 с.

Ганжина И.М., Черненок М.Ю. Вербализация действительности в микротопонимии дворянской усадьбы Бакуниных // Ономастика Поволжья: Материалы XVI Международной научной конференции. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. Т. 1. С. 301–307.

Мкртычян С.В. Норма в употреблении полных форм христианских личных имен в русском литературном языке второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 1995. 16 с.

Суворов В.П. М.А. Бакунин и Тверской край // Бакунинский сборник. Вып. 1. Тверь: Славянский мир, 2004. С. 25–40.

Сысоев В.И. Сестра милосердия Екатерина Бакунина. СПб, Тверь: Золотая книга Санкт-Петербурга, 2012. 376 с.

Сысоев В.И. Бакунины. Тверь: Созвездие, 2002. 464 с.

I.M. Ganzhina, M.Y. Chernenok
(Tver, Russia)

NAMING TRADITIONS IN THE NOBLE FAMILY OF BAKUNIN

The use of anthroponyms in the XVIII–XIX centuries by the material of the famous noble family Bakunin (family tree, epistolary and memoir literature, diary entries and poetry of A.M. Bakunin) is analyzed. The reasons for choosing a name, basic generic names, methods of naming persons as family members and their environment are considered.

Key words: anthroponym, personal name, qualitative, anthroponymic norm, namesaking.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.300

Н.С. Ганцовская
(Кострома, Россия)

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ

В статье на материале полевых записей решаются вопросы о своеобразии формы и особенностей функционирования личных собственных имён в ономастическом пространстве костромской диалектной речи. Делается вывод о том, что в коммуникативном плане антропонимы, независимо от их структурного состава, одночленного или многочленного, вкупе с окружающим их контекстом, в первую очередь кореферентной лексикой, представляют собой компактный семантический блок, функционирующий как нераздельная кодовая единица.

Ключевые слова: костромские говоры, антропонимы, кореферентная лексика.

Каковы формы и особенности функционирования личных имён собственных и их кореферентных заместителей в костромских говорах конца XX – начала XXI вв. как части его диалектного пространства? Этот вопрос мы решали на материале полевых записей диалектной речи (более двухсот образцов) в книге [Ганцовская 2018, 1: 32–151]. В рассказах информантов старшей возрастной поры отражён наиболее архаический материал, в этом отношении значим и географический фактор: восточные костромские говоры обладают более объёмным и исторически сохранным именником, чем центральные говоры запада Костромской области (о внутреннем членении костромских говоров см. в [Ганцовская 2017; 2018, 1: 14–32]). Впрочем, ощутимый консерватизм в области антропонимов любой их формы существования – календарных имён как номинаций людей в одночленной, двучленной или трёхчленной форме, животных, или же топонимов и церковных праздников – в целом характеризует говоры всех двадцати четырёх районов Костромской области и до настоящего времени, а их обилие и разнообразие – номинативное, структурное, модально-предикативное, а отсюда функционально-стилистическое и в конечном итоге семантическое – позволяет сделать выводы о месте их в диалектной системе региона. Как оказалось, исходя из наших наблюдений и систематических исследований О.А. Образцовой антропонимов в костромских говорах [Образцова 2007; 2011; 2016], они могут в коммуникативном плане быть приравнены к диалектной нарицательной лексике, поскольку обладают такими же структурно-семантическими и ареальными характеристиками, как последние. Такой вывод можно сделать только в том случае, если их рассматривать не изолированно, а в живой речевой среде в тесной связи с другими компонентами диалектного пространства как особую свёрнутую кодовую систему, коммуникативную единицу, занимающую определённое место в этом пространстве.

Приведём примеры календарных имён людей (антропонимов), одночленных в разнообразных формах, кратких и полных, двучленных и трёхчленных, топоантропонимов и антропонимов в названиях церковных праздников в говорах разных районов Костромской области, иногда поданных с минимумом контекста: западных – Костромского (Костром.), Буйского (Буйск.), Красносельского (Красн.), Сусанинского (Сусан.), Судиславского (Судисл.), Островского (Остров.) и северо-восточных и восточных – Солигаличского (Солигалич.), Чухломского (Чухл.), Вохомского (Вохом.), Пыщугского (Пыщуг.), Павинского (Павин.), Поназыревского (Поназыр.), Шарьинского (Шарьин.), Межевского (Межев.), Макарьевского (Макар.), Кологривского (Кологрив.), Нейского (Нейск.), Антроповского (Антроп.), Кадыйского (Кадыйск.) районов.

Это следующие одночленные антропонимы, календарные имена и прозвища (приводятся чаще в контексте): *Матвеич* – Костром., *Коля сын, Нюра, с Михайлом-то, брат Колюха, Зоюха с Бую* – Буйск., *застань Милку* (корову) – Красн.; *Тоня, Ондрюшка* – Сусан., *Комороф* – Судисл., *Саня (с Санём), Радик* (бык), *Питер, питершышык* – Солиг., *Клава, Сашка брат* – Чухл., *Мойсевна, тётя Маня, бабушка Васелиса, сестра Аня, Петиха, Тонюшка, Катюшецька, Катя, Нюра, Егориха, Мироновна, Шурга, Палагия, Егорка, Тоня, Танькя, Милькя, Валькя* – Вохом., *Марфа* – Пыщуг., *Главдия, Глаша* – Павин., *Митька, Лёня* – Шарьин., *запрегём Карюху* – Межевск., *Павлик, Танькя* – Макар., *Аляксандр, Максим, Максимов-та, Василий, Нюрка, у Анюты (она-то от Антропова), Лёшшыком зван* (про прозвище Аркашки Рыжова), *Ефимов, Нюшка, Федот, Ефим, Самоха, Самойло, Домна, Пашка, Валька, Ванька, Колька, Юлька, Наташка, Главка, Манька, Окулина, (Мани) Митька, Митрий, Панька, Марьюшка, Аннушка, Августа, Нина (дали Ниной, а надо Овдотьей дак), Волкова вот с Глебова, Наташа (Наташ, принеси балалайку), Вася, Роза, Розочка* – Кологр., *Маня (Маньч, пожалуй, не ходи)*, *Самоня (про Самоню-коновала), Муза (Музу замуж выдавала), Петро выпивши* – Нейск. *Нина* – Антроп., *Юрша, Сано, Гриша, Григорей, Катеринки, Катеринкино, Екатеринки* – Кадыйск.

Многочленные имена: *Петров день* – Костром., *Сядов Аляксандра, Катя Кудряшова, Марь Евгенне* (дат. п.) *в Романцеве* – Буйск. *Мари Ваномна Смернова, Анна Андремна* – Судисл., *Коля-то Анатольич, день Симеона Столпника, Фелипов пост* – Остров., *Абрамьев день, Широков Иван* – Чухл., *Наталья Дорофиевна, Санька Изосиха, Валя Витиха, Нина Украинка, Анна Аркашиха, Вера Бригадириха, Санька Олина, Надя Олёшкина* – Вохом., *Ванькина грива* – Пыщуг., *Павла Павловна, Катя Таланова* – Поназыр., *Нюра Кононова (нашего табуна), Нина Перцева с Мещерихи* – Шарьин., *Ванька Рыжий, Наська Максимова, Шурка Мака, Юлькинова дедушка, зять Тараса с Панкратова, баушка Кузнечиха, Васька Немцов, Натолька да Аркашка Рыжовы, о Ефиме Васильевице, Михайлов день, Володька Ленин, кока Настасья, кока*

Леонит, Федька Кемляк из Углов, Манька Зорина, Лидка Иванова, Ванька да Колька Смирновы, Шурка Силякова, Ванька Афонькин с гармошкой, коло Кольки Сиротина (Афонькина), кока Дунька – Кологр., *тётка Марья, Самохина изба* – Нейск., *Григореськи места, Петров день, Ильин день* – Антроп., *про Гришу Мокрого, Игнатьево поле* (*по имени помещика Игнатия Петровича*), *Миленкинская тропа, Олёшина дорога, Ильин день, Миколаев день, Серьгов день* – Кадыйск.

Фонетический облик и грамматика вышеприведённых форм типичны для костромских окающих и акающих говоров: *Ондрюшка, с Михайлом-то, Васелиса, Катюшецька, Танькя, Милькя, Валькя, Шурга* (Шурка), *Аляксандр, Лёшшык, Митрий, Самойло, Главка, Окулина, Овдотья, Юрша, Сано, Григорей, Катеринки* (село Екатеринкино – Н.Г.), *Сядов Аляксандра, Марь Евгенне* (кому?), *Мари Ваномна Смернова, Анна Андремна, Надя Олёшкина, Наська, Натолька, о Ефиме Васильевице, кока Настасья, тётка Марья, Григореськи места, Олёшина дорога, Миколаев день, Серьгов день*.

Отметим и типичные для разговорных усечённых (кратких) календарных русских антропонимов суффиксы, в том числе и для костромских говоров, нередко создающие в отличие от разговорного литературного языка иной функционально-стилистический колорит имени: *-к-*: *Митька, Нюрка, Нюшка, Танькя, Шурга, Дунька, Милка* (корова), *Главка* и т.д.; *-ик*: *Павлик, Шурик, Лёшшык, Радик* (бык); *-ух(а)*: *Колюха, Зоюха, Карюха* (корова); *-ох (а)*: *Самоха; -он(я)*: *Самоня; -ушк-*: *Ондрюшка, Аннушка; -их(а)*: *Петиха, Егориха, Изосиха, Витиха, Аркашиха* и др.; *-ушечьк-, -очк-*: *Катюшечка, Розочка; -ш-*: *Глаша, Юрша; -ут-* : *Анюта.*

Наиболее продуктивный суффикс *-к-* в костромских говорах, по сравнению с безаффиксными формами типа *Сано*, *Маня* и с литературными разговорными формами типа *Митька* если и имеет грубоватый оттенок, то в самой незначительной степени. Подобные формы надо признать нейтральными, обычными для повседневного непринуждённого общения носителей диалекта. На этом фоне можно определять стилистические градации с разными эмоционально-экспрессивными оттенками высокого / сниженного для антропонимов с другими суффиксами. Однако при этом важно учитывать и ситуативную обусловленность употребления данных имён.

Полные формы антропонимов типа *Окулина, Овдотья, Григорей, Главдúя, Наталья* (ср. *Наталия*) и др. также далеки от канонических церковнославянских образцов, представленных в святцах, как и усечённые их формы. Всё это свидетельствует о том, что русские крестильные имена, самые массовые иноязычные заимствования в русских говорах, прошли длительный путь развития от своей исходной формы гебраизмов, опосредованных греческим, затем церковнославянским языком, и в настоящее время органически встроились в систему языковых средств костромских диалектов.

В живой диалектной речи антропонимы, бывшие гебраизмы, потеряли свою внутреннюю форму, претерпели значительные фонетико-структурные, категориально-грамматические, деривационные и функционально-стилистические преобразования; и даже в одном говоре функционируют в большом количестве стилистически разнообразных вариантов. Они стали использоваться для называния животных, и, развив новые деривационные качества, употребляются для обозначений местных географических названий и в составе номинаций церковных праздников.

В узком диалектном пространстве (одной деревни, например) антропонимы утрачивают исконно присущую им как именам собственным идентифицирующую роль и, включившись в систему текстообразующих средств народной речи, напитавшись соками ближайшего словесного окружения, получают возможность семантизироваться, став классифицирующей частью этого пространства.

Это происходит в первую очередь за счёт сопутствующей им кореферентной нарицательной лексики, например: *Коля сын, брат Колюха, бабушка Васелиса, сестра Аня, зять Тарас, кока Дунька, тётка Марья* и др. В условиях узости географического фактора и определённой ситуации общения антропоним приобретает то же значение, что и определяющее его слово-квалификатор, как бы приложение или своеобразный синоним. При этих обстоятельствах значение антропонима будет понятно и без кореферента.

Как кажется, подобную роль квалификатора имени собственного, приравнивающего его к нарицательной лексике, играют и различные уточнения его места в пространственно-временном континууме этой местности в виде отчеств, фамилий или прозвищ, а также указания на место жительства его или родителей (вспомним классическое: «Я – Труфальдино из Бергамо!»). Приведём примеры: *Сядов Аляксандра, Мари Ваномна Смернова, Анна Андремна, Коля-то Анатольич, Санька Изосиха, Анна Аркашиха, Вера Бригадириха, Санька Олина, Надя Олёшкина* и др.; *Марь Евгенне в Романцеве, Зоюха с Бую, у Анюты (она-то из Антропова), Волковы вон с Глебова, Шурик Груздев с Шаблова, Федька Кемляк из Углов, зять Тарас с Панкратова, Нина Перцева с Мещерих* и др.

Роль квалификаторов выполняют и иные синтагматические средства из ближайшего контекстного окружения, например глагольная лексика для определения адресной функции антропонима, называющего человека или животное: *застань Милку* (корову), *запрягём Карюху* (лошадь), *Наташ, принеси балалайку* (это та самая Наташа из д. Спирино Кологривского района, которая умеет играть на балалайке, и она одна такая: «*Как гармошки нет, так и: "Наташ, принеси балалайку!". Шурка Силякова говорит: "Наташ, как хорошо ты играешь, всё бы плесала". Поплесали девки-ти по моей игре»).*

В составных названиях церковных праздников, обычно годовых, имя святого выступает как конкретизатор сложного значения события, им обозначаемого,

теологически почитаемого, но в большей степени важного для цикла сельскохозяйственных работ. И здесь антропонимы нередко выступают в народно-разговорной форме: *Абрамьев день, Ильин день, Миколаев день, Михайлов день, день Симеона Столпника, Серьгов день, Фелипов пост*.

Семантизация дериватов личных имён в составе топоантропонимов происходит за счёт географических терминов, образуя в итоге синкретическое единство: *Григореськи места, Игнатьево поле, Миленкинская тропа, Олёшкина дорога, село Катеринки (Катеринкино, Екатеринкино)*.

Подобные примеры в записях костромской диалектной речи см. не только в указанной выше книге [Ганцовская 2018], но и в книге [Ганцовская 2007].

Исследование живой народной речи показало, что в коммуникативном плане все рассмотренные выше личные имена собственные, независимо от их структурного состава, одночленного или многочленного, вкупе с окружающим их контекстом, в первую очередь кореферентной лексикой, представляют собой компактный семантический блок, функционирующий как нераздельная кодовая единица. В этом блоке значительно нейтрализуются природные номинативные свойства антропонимов, призванные выделять предмет как единичный, но ощутимо активизируются классифицирующие качества текстовой лексической единицы, за счёт чего и происходит семантизация антропонимов.

Примечание

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края».

Литература и источники

Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. / отв. ред. Д. Неганова. Т. 1. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 32–151.

Ганцовская Н.С. Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения // Вестник КГУ. Специальный выпуск. 2017. Т. 23. С. 65–70.

Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007. 225 с.

Образцова О.А. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. Ч. II. // *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007. С. 90–112.

Образцова О.А. Стилистическое расслоение крестильных имен в поунженских говорах (на материале произведений Е.В. Честнякова и живых говоров) // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля. В 2 ч. Ч. 2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 282–288.

Образцова О.А. Личные имена крестьян поунженских деревень (на материале рукописных книг Е.В. Честнякова) // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 418–423.

N.S. Gantzovskaya
(Kostroma, Russia)

PERSONAL PROPER NAMES IN ONOMASTIC SPACE OF KOSTROMA DIALECTS

The article deals with the issues of originality of forms and functioning peculiarities of personal proper names in the onomastic area of Kostroma dialect speech on the material of field notes. It is concluded that anthroponyms regardless of their structural composition, monomial or polynomial, together with their surrounding context, first of all with coreferential lexis, are a compact semantic block functioning as an indivisible code unit.

Key words: Kostroma dialects, anthroponyms, coreferential lexis.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.305

А.Е. Деникина
(Самара, Россия)

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ ЛИЧНЫХ ИМЁН ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена проблеме адаптации личных имён иностранных студентов в русскоязычном дискурсе. Рассматривается фонетическая и морфологическая адаптация, производится сравнение разговорных форм имён, функционирующих на Родине студентов, с формами, которые образуются в русскоязычной среде. В статье описаны случаи антропонимической замены оригинального имени в процессе неофициальной коммуникации, отмечается трансформация в русскоязычной среде китайской антропонимической модели.

Ключевые слова: ономастика, личное имя, иноязычная среда, адаптация личных имён, производные формы, антропонимическая модель.

Личные имена служат для персональной речевой идентификации человека. Имя сопровождает человека в течение всей его жизни, а после смерти становится материальным носителем памяти о нем.

Современный русский именник сложился из византийско-греческих номинаций, которые пришли к нам вместе с православием. На протяжении веков шёл процесс приспособления заимствованных имён к системе русского языка. В результате этого многие имена вошли в употребление не в искусственных церковнославянских, а в народных формах.

В настоящее время в российские вузы приезжают учиться молодые люди из стран ближнего и дальнего зарубежья. Их имена попадают в русскоязычную среду, где они не могут оставаться неизменными. Личные имена иностранных студентов в той или иной степени приспосабливаются к системе русского языка.

Адаптация личных имён иностранных студентов в русскоязычном дискурсе является важной социолингвистической и лингвокультурологической проблемой. С одной стороны, адаптация имён обеспечивает удобство коммуникации, с другой стороны, этот процесс приводит к ослаблению связи иммигрантов с оригинальной этнокультурой.

С.И. Гарагуля, исследуя функционирование личных имен иммигрантов из России в англоязычной среде американского полиэтнического социума, рассматривает проблемы, связанные с антропонимическими трансформациями. Их можно свести к двум процессам:

1. Антропонимическая адаптация, которая приводит к созданию адаптированного имени, представляющего собой иноязычное имя, приспособленное к данному языку в соответствии с его фонетической, орфографической и морфологической системами, а также онимическими моделями.

2. Смена имени является результатом создания смененного имени, т. е. нового имени, заменившего имя индивида, данное ему при рождении [Гарагуля 2008: 33].

С целью исследования адаптации в русскоязычном дискурсе личных имён иностранных студентов мы провели анкетирование 60 молодых людей, которые учатся в Самарском университете, ВГСПУ и СПбГУ. Эти студенты приехали из Таджикистана, Индии, Перу, Эквадора, Сенегала, Нигерии, Камеруна, Китая и других стран. Респонденты отвечали на следующие вопросы:

Каким именем Вы представляетесь в России?

Какие варианты Вашего имени используются на Родине?

Какими вариантами имени Вас называют преподаватели, однокурсники?

В результате анкетирования обнаружены 23 производные формы (от 20 имён), которые употребляются на Родине студентов. Девять из них образовались с помощью конечного усечения основы: *Криш*, *Кришна* от *Кришнакумар*, *Алекс* от *Александер*, *Бинь* от *Биньбинь*, *Вик* от *Виктор*, *Крис* от *Кристиан*, *Дани* от *Даниэль*, *Пас* от *Паскаль*. Представлен также способ начального усечения основы: *Мфон* от *Эмфон*, *Хана* от *Охана*. Три формы образованы путём суффиксации: *Рензито* от *Рензо*,

Марксито от *Марк*, *Фатхулло* от *Фатхиддин*. Для китайской антропонимической системы актуален способ редупликации части имени: *Тунтун* от *Хаотун*, *Пэнпэн* от *Хаопэн*. Формы *Криш*, *Кришна*, *Алекс*, *Бинь* и *Тунтун* используются для номинации студентов в России. Эти формы образованы с помощью конечного усечения основы и редупликации. Показательно, что в России не используются производные формы, включающие в себя иноязычные суффиксы.

Анкетирование позволило обнаружить семь форм, которые образовались в русскоязычной среде с помощью следующих морфологических способов:

1. Конечное усечение основы: *Супу* от *Супуни*, *Самми* от *Саммит*.
2. Начальное усечение основы: *Кумар* от *Кришнакумар*.
3. Суффиксация без усечения основы: *Медерчик* от *Медер*.
4. Суффиксация с усечением основы: *Марюша* от *Марио*; *Саша* от *Александер* – традиционная русская гипокористика была соотнесена с созвучным колумбийским именем. Был зафиксирован диминутив, совпадающий с апеллятивом: *Ангелочек* от *Ангело*. А.В. Суперанская отмечает, что образование таких форм создает предельную унификацию нерусского по происхождению имени и его абсолютное утверждение в составе русского языка [Суперанская 2001: 86].

Следует отметить, что диминутивы *Медерчик* и *Марюша* образовались с помощью суффиксов, которые в настоящее время наиболее активно используются при образовании форм от новых личных имён, в том числе от восточных по происхождению национальных имён россиян (например, *Альфиюша* от *Альфия*, *Нурчик* от *Айнур*) [Деникина 2018: 49].

В результате анкетирования был зафиксирован случай фонетической адаптации: *Ангело* называют *Анжело*.

Десять имён иностранных студентов в неофициальном общении заменяются другими именами. В основном замене подвергаются китайские имена (семь из десяти): *Миша* вместо *Хао Цзелунь*, *Адам* вместо *Цзе*, *Слава* вместо *Сюй Юэлунь*, *Юра* вместо *Чзан Цзинтао*, *Марина* вместо *Ван Хэжу*, *Дуся* вместо *Дунь Синьхуа*, *Вера* вместо *Юнвэнь*. Используются также диминутивы, образованные от соответствующих русских имён: *Мариночка, Юрик*. Студента из Шри-Ланки называют *Ваней*, эта форма русского имени созвучна с его именем *Нуван*. Девушку из Бразилии с именем *Охана* в России называют *Оксана*. *Фатхиддина* из Таджикистана иногда называют английским уменьшительным именем *Тедди*. По мнению носителя, это имя окружающим запомнить легче, чем его родное имя.

Как отмечает Е.М. Спивакова, наиболее популярны у китайских студентов мужские имена *Павел, Юрий, Николай* [Спивакова 2017: 76]. Имя *Юрий* встретилось и в нашем материале. По наблюдениям Спиваковой, популярность «русского имени» у китайских студентов не зависит от того, насколько распространено имя в России.

Девушки особенно стремятся к индивидуализации имени [Там же]. В нашем материале была зафиксирована форма *Дуся*, образованная от редкого имени *Евдокия*, и имя *Вера*, которое находится за пределами двадцати наиболее популярных женских имён.

Современная антропонимическая модель китайцев включает два компонента: стоящую на первом месте фамилию, или наследственное имя (НИ), и следующее за ним индивидуальное имя (ИИ) [Системы 1989: 164]. Большинство китайских студентов в графе «Имя» записывали оба компонента модели. Знакомясь с русскими, они также называют и фамилию, и имя. Носителям русского языка сложно отличить их имя от фамилии, поэтому в русскоязычной среде для номинации китайцев используется три варианта антропонимической модели: НИ / ИИ / НИ и ИИ (*Люй / Цзюнцзы / Люй Цзюнцзы*)

Некоторые иностранные студенты имеют от трёх до семи имён. Для общения в русскоязычной среде они выбирают одно или два имени, о существовании остальных имён окружающие зачастую не знают. В основном используются имена, которые наиболее просты для произношения носителями русского языка: *Бадара, Хайро, Саммит, Антониу*.

Таким образом, личные имена иностранных студентов проходят фонетическую и морфологическую адаптацию в русскоязычном дискурсе. От имён образуются производные формы по русским антропонимическим моделям. Происходит также замена имён, но этот процесс затрагивает только сферу неофициальной коммуникации, русское имя полностью не вытесняет оригинальное имя. Для номинации китайских студентов в бытовых ситуациях используется как личное имя, так и фамилия. Иностранные студенты, имеющие более трёх имён, выбирают для общения в России одно или два имени.

Литература и источники

Гарагуля С.И. Имя личное в иноязычной среде // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. С. 33–38.

Деникина А.Е. Адаптация мусульманских имён в русскоязычной среде // Байкал 2018: сб. статей Международной научно-практической конференции. Иркутск: ИРНИТУ, 2018. С. 48–51.

Системы 1989 – Системы личных имён у народов мира / под редакцией Джарылгасиновой Р.Ш., Крюкова М.В. и др. М.: Наука, 1989. 383 с.

Спивакова Е.М. Личные имена иностранных студентов в аспекте межкультурной коммуникации // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2017. С. 74–81.

Суперанская А.В. Неофициальные формы русских личных имен // Русская речь, 2001. С. 85–89.

A.E. Denikina
(Samara, Russia)

THE PROBLEMS OF ADAPTATIONS OF FOREIGN STUDENTS'PERSONAL NAMES IN RUSSIAN-LANGUAGE DISCOURSE

The article is devoted to the problem of adaptations of foreign students' personal names in Russian-language discourse. The phonetic and morphological adaptation is considered, colloquial forms of names functioning in the students' homeland are compared with the variants formed in the Russian-speaking environment. The author describes the cases of replacing the original name in informal communication, notes the transformation of the Chinese anthroponymic model in Russian-speaking environment.

Key words: onomastics, personal name, foreign-language environment, personal name adaptation, derivatives forms, anthroponymic model.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.309

А.С. Кобыскан
(Уфа, Россия)

ПСЕВДОИМЕНА-АНТРОПОНИМЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ ФУТБОЛЬНЫХ И АВТОГОНОЧНЫХ ПРОЗВИЩ)

В статье изучаются процессы антропонимизации – возникновения псевдоимен на примере футбольных и автогоночных прозвищ, рассматриваются вопросы разграничения прозвищ как идентификаторов личности и имен собственных, приводится классификация прозвищ.

Ключевые слова: антропонимические категории, псевдоимена, прозвище, ономастика, номинация, коннотация, антропонимизация.

Одним из способов выделения отдельного человека в обществе являются антропонимические категории – официальные и неофициальные. Фамилия, имя и отчество относятся к официальной стороне антропонимии, используемой в как в официальном, так и неформальном общении. Однако для более точной, личностной, оценочной характеристики человека, для его выделения из коллектива могут использоваться дополнительные, неофициальные наименования человека, дополнительные идентификаторы личности – псевдоимена, или прозвища. По сути прозвища стоят

ближе к фамилиям, нежели к личным именам, и представляют собой процесс антропонимизации, происходящий спонтанно.

Вопрос разграничения имен и прозвищ поднимался еще в начале XX века, одним из основоположников русской послереволюционной ономастики В.К. Чичаговым, давшим классическое определение этого понятия. В.К. Чичагов определяет прозвища как «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному их свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [Чичагов 1959: 5].

Б.А. Успенский, в свою очередь, в своих исследованиях указывал: «Прозвище прямо вытекало из личных свойств, внешности, характера или жизни его носителя. В этом и есть смысл прозывания; если бы такие прозвища давались без причин и оснований, не характеризуя человека, они не могли бы существовать» [Успенский 1994: 210].

Согласно этому тезису, псевдоимена возникают на основании тех черт человека, которые на данный момент проявляются ярче всех. С другой стороны, черта человека, которая определила прозвище, может и не являться заметной в ином контексте.

Прозвище сохраняет предметность образа, поскольку в качестве абстрактного понятия обозначается конкретный, знакомый большинству, предмет. Таким образом, осуществляется переход от конкретного к абстрактному и обратно – к предметному. Поэтому семантика псевдоимен легко читаема и понятна членам определенного коллектива, поэтому прозвища обозначают и закрепляют особенности человека, делают их своеобразными метками в одном определенном коллективе, например, в среде болельщиков, в спортивной команде, в языке СМИ. За пределами подобного коллектива прозвища, как правило, уходят в пассив.

Прозвища могут выражать различные оценки объекта номинации:

- позитивные восхваление;
- переходные легкую иронию, насмешку;
- негативные уничижение, осмеяние, презрение, ругательство и др.

Чем больше индивидуальных особенностей у личности, чем она ярче, тем чаще человеческое восприятие замечает и ставит в фокус внимания те факты, на основании которых могут возникать псевдоимена. Этим объясняется тот факт, что у одного человека может быть несколько прозвищ. Очень часто подобное можно заметить в общественных сферах. Рассмотрим это на примере подъязыка спорта.

Так, в частности, пилот Формулы-1 Айртон Сенна получил своё наиболее известное прозвище – *Волшебник* – за свой талант пилотирования. Впоследствии он же за победы в дождевых гонках награждается еще одним прозвищем – *Человек дождя*. Другой пилот, Хуан-Мануэль Фанхио, за свой талант получил прозвище *Маэстро*, а вот за особенности внешности его называли *Кривоногим*. Михаэль Шумахер по

своей фамилии среди болельщиков более известен как *Шуми* (встречается также вариант *Шумми*). Однако после нескольких случаев неспортивного поведения, проявленных им на трассе, он получает прозвище *Schummel – мошенник*. В начале карьеры, после первых побед, молодого Шумахера называли *Солнечный мальчик* – из-за ярко-желтой формы гонщика и его ослепительной улыбки. Чуть позже журналисты придумали ему два новых прозвища: *Господин одна секунда* (за высокие профессиональные навыки) и *Керпенский орёл* (по названию г. Керпен в Германии, месту его рождения). С переходом в команду Ferrari гонщик получает прозвище *Красный барон* – по цвету формы и пилотируемого болида, а также в честь летчика-аса времен Первой мировой войны барона Манфреда фон Рихтгофена, который летал на самолете красного цвета.

В футбольной спортивной сфере здесь можно отметить Рикарду Куарежма, известного среди болельщиков как *Гарри Поттер*, *Q7*, *Мустанг* или *RQ7*; Криштиану Роналду, получившего прозвища *CR7*, *Ронни*, *Криш*, *Машина*; Диего Армандо Марадону, прозванного *Рука Бога*, *Десятка*, *Золотой мальчик*; Филиппа Лама с прозвищами *Маленький гигант*, *Могучий муравей*, *Стена*.

Большинство прозвищ эмоционально-экспрессивны – обладают эмоционально-оценочной функцией. По сути, объективная реальность при помощи прозвищ переходит в художественные образы, обладающие эмоционально-оценочной окраской. Так, например, итальянский гонщик Луиджи Фаджоли за свою неуступчивость и пререкания с руководством был прозван *Вором из Абруцци*, Джеймс Хант за свой неуступчивый характер и жесткое пилотирование на трассе получил прозвище Hunt The Shunt (*Хант-авария*), а за бурную личную жизнь – *Плейбой*.

В футболе в этом аспекте можно отметить прозвище *Король футбола* Пеле и *Король* Эрика Кантоны; *Рука Бога* Диего Марадоны – за гол, который был забит рукой на чемпионате мира, а также его же прозвища *Десятка* и *Золотой мальчик*; *Львиное сердце* Карлеса Пуйоля и *Храброе сердце* Дженнаро Гаттузо за смелость; *Стена* Филиппа Ламы, *Воин* Артуро Видаля – за смелость и неуступчивость, *Рони-волшебник* Рональдиньо – за поистине волшебные проходы и голы, *Золотой мальчик* Кака, *Матадор* Эдинсон Кавани, *Стрелок* Луиса Суареса – за точные пасы и удары по воротам, *Маленький принц* Антуана Гризманна – за красивую игру и потрясающий дриблинг. Кевин Киган и Майкл Оуэн за маленький рост и отважную игру были прозваны *Могучий Мышонок*.

Наиболее частотны в настоящее время псевдоимена, выделяющие яркую, броскую черту внешности, заметный физический недостаток. Так, автогонщик Витторио Брамбилла за коренастое телосложение был прозван *Гориллой из Монцы*, Найджел Мэнселл за свой высокий рост получил прозвище *Большой Найдж*, а Жак Вильнев, за свой невысокий рост, – *Маленький принц*; аргентинского гонщика Хосе Гонсалеса

за сутулый вид прозвали *Пампасский бык*, а Джека Брэбема за темные волосы и хмурый вид – *Черный Джек* (*Black Jack*).

Футболист Пол Скоулз получил прозвище *Рыжий принц* за рыжий цвет волос, Хавьер Эрнандес за свой невысокий рост и цвет глаз – *Чичарито* (*Маленький горошек*), Филипп Лам – *Маленький гигант* или *Маленький муравей*, легендарный Роналдо за свои болшие передние зубы был прозван *Зубастиком*, Антуан Гризманн – *Маленьким принцем*, Фрак Рибери получил из-за шрама прозвище *Лицо со шрамом*, Роберто Баджо из-за своей стрижки с хвостиком был прозван *Божественный хвостик*, рано полысевший Виталий Старухин, в сочетании со своей фамилией, получил прозвище *Бабуся*.

Распространены среди спортсменов и псевдоимена, связанные с определенной профессией, не относящейся к основному виду деятельности называемого: *Бухгалтер* – Эмерсон Фиттипальди, *Калькулятор* или *Профессор* – Ален Прост, *Арифмометр* или *Компьютер* – Ники Лауда. Все эти прозвища пилотам были даны за умения просчитывать стратегию гонки и математические навыки, позволяющие грамотно распределять топливо.

Среди футболистов в этом плане можно отметить прозвища *Архитектор, Профессор, Маэстро* (Андреа Пирло), *Профессор* (Тони Кроос), также данные болельщиками за способность рассчитать траекторию полета мяча и распределять силы и скорость во время матчей.

Высокую частотность имеют прозвища, которые носят ярко выраженный метафорический характер, через образ животного, например: *Крыса*, *Суперкрыса* или *Королевская крыса* – пилот Ники Лауда за внешние отличительные черты, *Носорог* или *Пит-Булль* – футболист Дженнаро Гаттузо за цепкость и борьбу, *Гусь* – Игорь Нетто, *Блоха* – Лионель Месси за способность быстро передвигаться по полю, *Лось* Тьерри Анри и *Мустанг* Рикарду Куарежма – за скорость, *Черный Паук* – Лев Яшин за черный свитер и броски.

Бытуют прозвища, указывающие на место проживания или на место рождения именуемого: *Британский Лев* – Найджел Мэнселл, *Мальчик из Джунглей* – Антонио Пиццония, *Пампасский Бык* – Хосе Гонсалес, *Поляк* –аргентинец Эрнан Креспо (по месту рождения бабушки футболиста).

В автоспорте и футболе также имеют место быть и псевдоимена, данные за сходство с героями книг, мультфильмов, кино, историческими личностями: *Флетчер* – пилот Джоди Шектер в честь героя повести Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»; в футболе: *Никулин* – Юрий Жирков и *Джастин Бибер* – Александр Кокорин за внешнее сходство с указанными лицами, *Тарзан* – Карлес Пуйоль за внешний вид и прическу, *Шрек* – Уэйн Руни, *Немо* – Месут Озил, *Гарри Поттер* – Рикарду Куарежма, *Бэтмен* – Джанлуиджи Буффон, *Бритни* – Нико Росберг (за белокурые локоны).

Особый интерес вызывают прозвища, данные за любимые слова, фразы, за какие-либо характерные поступки, действия: *Слышь, ты* – Мартин Донелли, за привычку начинать разговор именно с этой фразы; – прозвища по случаю из жизни: *Тефлонсо* – Фернандо Алонсо за способность избегать неприятности при громких скандалах.

В футболе частотными являются метафорические прозвища, указывающие сходство характера называемого с техническими средствами, в частности, *Польский пулемёт* – Роберт Левандовски, *Танк* – Сиед Колашинац, *Чешская ракета* или *Чешская пушка* – Павел Недвед, *Машина* – Криштиану Роналду, *Трактор* – Хавьер Дзанетти, *Аэропланчик* – Винченцо Монтелла. Чаще всего подобные прозвища даются футболистам за силу и выносливость во время матчей.

Конечно же, наряду с положительными и нейтральными прозвищами существуют и такие, в коннотации которых преобладает негатив, недоброжелательность. В частности, тренер сборной России Гус Хиддинк часто называл Романа Павлюченко *Спящий гигант* за его высокий рост и привычку не утруждать себя на поле; Антони Гойкоэчеа за грубую игру на поле был прозван *Мясником*, Оле-Гуннар Сульшер – *Убийцей с лицом ребенка* и Сантьяго Каньисарес – *Убийца с лицом убийцы* по той же причине. Прозвище *Псих* получили в свое время англичанин Пирс, уругваец Абреу, колумбиец Игита, аргентинский тренер Бьелса. В детстве Роналду был прозван *Плаксой*, поскольку ревел в случаях, когда напарники по команде не отдавали пас. Подобное же прозвище имел и бразильский футболист Бебето. Пола Гаскойна прозвали *Алкашом* из-за соответствующего образа жизни, Суарес получил прозвище *Каннибал* за неэтичные действия на футбольном поле, прозвище *Овощ* по своей фамилии получил Патрик Овие.

Рассмотренный языковой материал позволяет сделать вывод о том, что сегодня в ономастике прозвище, по сути, является вторым именем индивидуума, занимающее значимое место в языковой картине мира и широко распространенное в неформальной сфере коммуникации. Мотивированность псевдоимен определяется тем, что они зачастую непосредственно и прямо характеризуют личность.

Литература и источники

Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Б.А. Успенский, Избранные труды. Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. Т 2. 173 с.

Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 104 с.

A.S. Kobyskan
(Ufa, Russia)

PSEUDONAMES-ANTHROPONYMS IN THE COMMUNICATIVE AREA OF MODERN SPORTS (ON THE EXAMPLE OF FOOTBALL AND RACING NICKNAMES)

The article studies the processes of anthroponimization – the emergence of pseudonames on the example of football and auto racing nicknames, discusses the issues of distinguishing nicknames as identifiers of personality and proper names, provides a classification of nicknames.

Key words: anthroponymic categories, pseudonames, nickname, onomastic, nomination, connotation, anthroponimization.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.314

Т.И. Кошелева
(Великий Новгород, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ ВЕЛИКОГО ПОСТА)

Религиозный дискурс является источником огромного числа прецедентных имен, регулярно воспроизводимых в разных типах текстов. В настоящей статье рассматривается использование библейских прецедентных имен в само́м религиозном (православном) дискурсе, в частности в текстах служб Великого поста. Ассоциативные связи антропонима с прецедентной ситуацией позволяют актуализировать в сознании христиан ценностные характеристики библейских персонажей.

Ключевые слова: православный дискурс, прецедентные феномены, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентная ситуация.

Антропонимы – собственные личные имена – являются объектом внимания разных направлений лингвистического учения. Одно из них рассматривает имя как прецедентный феномен. Прецедентные феномены – это единицы, «хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (имеющие сверхличностный характер), актуальные в когнитивном… плане, обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Русское 2004: 16]. Среди прочих прецедентных феноменов (текстов, высказываний, ситуаций и т.п.) своё место занимает и прецедентное имя – «воплощённое имя собственное, связанное с широко

известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определённых качеств, способное регулярно употребляться интенсионально и экстенсионально» [Там же: 23].

Религиозный, в частности православный, дискурс, признаётся источником огромного числа прецедентных имен, регулярно воспроизводимых в разных типах текстов в виде использования как готовых языковых единиц, например фразеологизмов (*от Адама, Иудин поцелуй*), так и создаваемых в процессе речи аллюзий. При этом большинство исследований направлено на описание функционирования религиозных прецедентных имен в иных типах дискурса.

Однако сам православный дискурс отличается исключительной насыщенностью интертекстуальными вкраплениями, в том числе за счет использования прецедентных имён, порождённых им самим. Е.В. Бобырева называет такое явление внутренней прецедентностью [Бобырева 2007: 4].

Наибольшее количество прецедентных имен, воспроизведенных в исследуемых нами богослужебных текстах Великого поста (службах Постной Триоди), имеют источником текст Библии. Священное Писание служит «смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [Мечковская 1998: 148]. Надо сказать, что мы исключили из нашего исследования прецедентные имена *Иисус Христос и Мария* (Богородица) по причине их исключительной частотности в тексте любого христианского богослужения. Также нами не рассматривается с точки зрения использования прецедентных имен такой великопостный текст, как Великий Канон преподобного Андрея Критского, так как его сугубая интертекстуальность должна являться предметом отдельного исследования.

Обращение к именам библейских персонажей в великопостных текстах обусловлено значимостью для времени Великого поста связанных с данными именами ценностных характеристик. Так, наиболее частотным прецедентным именем в Постной Триоди выступает имя *Адам* (более 100 употреблений), чуть менее часто встречается имя *Ева.* Имена прародителей связаны с прецедентной ситуацией (далее ПС) первого грехопадения и изгнания человека из Рая: *Изгна́н бысть* ***Ада́м*** *от ра́йския сла́дости, сне́дию го́рькою в невоздержа́нии за́поведи не сохрани́ Влады́чни* (в Неделю Сыропустную); *Пе́рвее в* ***Е́вины*** *у́ши пошепта́вый ле́стно, и* ***Ада́ма*** *то́юже прельсти́вый ле́стно, той и ны́не яд зло́бы к ле́сти излия́* (в субботу Первой седмицы). Сложная цепочка ассоциативных связей соединяет эту ПС с великопостным богослужением: Великий пост в Православной Церкви призван подготовить верующих к празднованию Воскресения Христова → Воскресение Христа понимается как победа над грехом и смертью → грех и смерть вошли в человеческую природу с грехопадением первых людей. Прецедентное имя *Адам* упоминается не только в текстах богослужения, но и в одном из церковных названий последнего воскресного дня перед Великим постом: *Воспоминание Адамова изгнания*.

На втором месте по частоте употреблений имя *Иуда*, актуализирующее прецедентный евангельский текст о предательстве апостолом Иудой Искариотским Иисуса Христа: *Сребролю́бие рачи́тельствуяй преда́тель* ***Иу́да****, о истощи́вшемся ми́ре печа́шеся, про́чее же о прода́нии Влады́ки, к беззако́нным прише́д о цене́ согласова́ше* (в Великую Среду).

Ценностно значимыми оказываются в великопостных богослужебных текстах имена *Понтия Пилата,* царя *Ирода,* первосвященников *Анны и Каиафы,* праведного *Иосифа Аримафейского, Никодима* – евангельских персонажей, связанных в описанием последних дней земной жизни Иисуса Христа, Его крестных страстей (страданий) и смерти: *Ны́не собира́ется с* ***Пила́том И́род, А́нна****, вку́пе же и* ***Каиа́фа****, испыта́ти еди́наго долготерпели́ваго* (в Великий Вторник); *Тебе́ оде́ющагося све́том, я́ко ри́зою, снем* ***Ио́сиф*** *с дре́ва с* ***Никоди́мом*** (в Великий Пяток).

Прецедентное имя *Лазарь* связано с двумя библейскими персонажами. Оба оказываются значимыми для времени Великого поста: нищий Лазарь из евангельской притчи «О богаче и Лазаре» и Лазарь, которого Христос воскресил незадолго до Своих крестных страданий (*Лазарь Четверодневный)*. Имя первого выступает символом смирения и терпения, так необходимых для христианина. В богослужебных великопостных текстах рядом с *Лазарем* часто оказывается и *Иов* (ветхозаветный праведник, также известный своим терпением и смирением): «***И́ов*** *я́коже дре́вле во гно́ищи черве́й и ка́ле лежа́ше, та́коже и пред враты́ бога́таго* ***Ла́зарь*** *седя́ше, вопия́: оте́ц Бо́же благослове́н еси́* (в Неделю Пятую). Второму *Лазарю* и его чудесному воскрешению из мертвых посвящён целый богослужебный день Великого поста с суточным кругом служб – суббота Шестой седмицы, что обусловлено ценностью ПС, связанной с этим евангельским персонажем: воскрешением Лазаря на четвертый день после его смерти Христос предварил Свое Славное Воскресение, явив зримую победу над смертью.

Менее частотным, но занимающим важное место в текстах великопостного богослужения является имя апостола *Петра*. *Петр* вспоминается в Страстную седмицу в связи с двумя ПС – умовением Иисусом Христом ног Ученикам и отречением апостола Петра: *Востае́т с ве́чери, и ле́нтием препоясу́ется по чре́слом Христо́с во́лею, и преклоня́ет вы́ю,* ***Петру́*** *вопию́щу: никогда́же мои́ но́зе умы́еши, Тво́рче мой, но оба́че омы́й* (в Великий Четверток)*; Стра́ха ра́ди иуде́йскаго, друг Твой и бли́жний* ***Петр*** *отве́ржеся Тебе́, Го́споди, и рыдая си́це вопия́ше: слез мои́х не премолчи́…* (в Великий Четверток).

Использование библейских антропонимов в богослужебном тексте призвано актуализировать информацию о прецедентных ситуациях, связанных с этими образами, и интерпретировать ее применительно к контексту Великого поста. Имя в этом случае становится символом того или иного человеческого деяния: добродетельное

представляет пример для подражания, нечестивое – для предостережения. Прецедентные ситуации в новом тексте соотносятся с новыми условиями, представляются как актуальные в момент речи применительно к христианам, участвующим в богослужении. Потому так часто прецедентное имя в контексте великопостного богослужения используется в сравнительных конструкциях: *Ве́чери Твое́я Та́йныя днесь, Сы́не Бо́жий, причáстника мя прими́, не бо врагóм Твои́м та́йну пове́м, ни лобза́ния Ти дам* ***я́ко Иу́да***... (В Великий Четверток); *Оста́вил мя еси́ бога́тству сласте́й, веселя́щемуся на всяк день в сла́дости бога́тому, те́мже Тя молю́, Спа́се, огня́ мя* ***я́коже Ла́заря*** *изба́ви* (В Неделю пятую).

Нередкими являются примеры метафорического использования библейского имени: *Убо́гаго* ***мя Ла́заря****, Христе́, молю́ся,* ***соде́лай****, сласте́й возжеле́ния моя́ потребля́я, я́ко естество́м Бог* (В Неделю пятую); *Благослове́н еси́, Спа́се, в мир прише́дый, спасти́ Ада́ма от дре́вния кля́твы, духо́вно* ***быв****, Человеколю́бче,* ***Но́вый Ада́м****, я́коже благоволи́л еси́, вся, Сло́ве, к поле́зному устро́ивый, сла́ва Тебе́* (В Неделю цветоносия). В этих случаях прецедентное имя содержит в себе «свёрнутую» информацию, «разворачивающуюся» в контексте Великопостного богослужения благодаря своей символичности.

Богослужебные тексты – это церковная поэзия, которая наряду с поучениями святых отцов и учителей Церкви «является источником богопознания и углубления в истины православного богословия» [Архимандрит Киприан 1999: 9]. Несомненно, воспользоваться этим источником можно только при наличии знания содержания библейских текстов, в противном случае прецедентность православного ономастикона не будет востребована и скрытые смыслы библейского имени не будут раскрыты.

Литература и источники

Архимандрит Киприан (Керн). Литургика. Гимнография и эортология. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. 151 с.

Бобырева Е.В. Прецедентные высказывания религиозного дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2. Волгоград, 2007.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: ФАИР, 1998. 352 с.

Русское 2004 – Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М.: Гнозис, 2004.

T.I. Kosheleva
(Veliky Novgorod, Russia)

PRECEDENT NAMES IN ORTHODOX DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF CHURCH TEXTS OF THE GREAT POST)

Religious discourse is the source of a huge number of precedent names that are regularly reproduced in various types of texts. This article discusses the use of biblical precedent names in the religious (Orthodox) discourse, in particular in the texts of the church service of the Great Lent. The associative links of the anthroponym with the precedent situation make it possible to actualize the value characteristics of biblical characters in the minds of Christians.

Key words: Orthodox discourse, precedent phenomena, precedent name, precedent text, precedent situation.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.318

М. Мордань
(Белосток, Польша)

ОТЫМЕННЫЕ ФАМИЛИИ С СУФФИКСОМ *-УК/-ЧУК* НА ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В 1891–1900 гг. (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТРИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА В РАЙСКЕ)

В статье рассматриваются отыменные фамилии на *-ук/-чук*, засвидетельствованные в метрических записях в православном приходе в Райске в 1891–1900 гг. Анализ фамильных единиц проводится с учетом словообразовательных, этимологических и языковых особенностей.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, фамилии, имена, пограничье.

Исследования приграничных территорий приобретают в последние десятилетия все большую актуальность. При этом учитываются самые различные аспекты, влияющие на специфику этих регионов. Это связано с усиливающейся тенденцией к сохранению (в противовес глобализации) собственной национально-культурной идентичности [Максимчук 2018: 25].

К таким территориям принадлежит польско-белорусское этнокультурное пограничье. С незапамятных времен на эти земли прибывало как русское население – с северо- и юго-востока, так и польское – с запада. В меньшей степени мигрировали сюда литовцы с потомками ятвягов, немцы, татары и евреи [Wiśniewski

1980: 14–27]. Следовательно, историческое Подляшье было местом столкновения разных этносов. Среди них особое место принадлежит двум культурно-религиозным традициям: византийской и латинской. На фоне этой этнокультурной смеси образовалась на этой территории специфическая структура языковых отношений. Ее результатом стала местная ономастическая система, отличающаяся дифференциацией как с генетической точки зрения, так и формально-языковой [Citko 2001: 7–9]. Антропонимия Подляшья обусловлена также историко-политическими обстоятельствами, в частности, административной принадлежностью этой земли (в XIV–XVI вв. она принадлежала Великому Княжеству Литовскому, затем Королевству Польскому, с 1569 г.), Пруссии (1795–1807) и Российской империи (1807–1919). На вышесказанное накладывается и лингвистический фактор. Одним из официальных литературных языков в Великом Княжестве Литовском был развитый на базе письменности Древней Руси западнорусский язык, именуемый также *старобелорусским* языком, *рус(ь)кой* или *простой мовой*. С течением времени на исследуемой территории все более заметно влияние польского языка. Во время принадлежности этого региона к Российской империи употреблялся русский язык.

Антропонимы жителей этой территории, как уже отмечалось, сложились в итоге воздействия многих общественных и политических факторов. Следует отметить, что на локальную систему личных имен в значительной степени также оказала влияние Брестская уния 1596 г. [Tichoniuk 2000: 6]. В исследуемый период (конец XIX века) фамилии местного населения, разного происхождения с генетической и культурно-языковой точек зрения, записывались на русском языке, независимо от религиозной принадлежности их носителей.

В настоящей статье обратим внимание на отыменные фамилии, засвидетельствованные в метрических книгах (в части о новорожденных) в православном приходе в честь мч. Параскевы в Райске (ныне в Бельском повете Подляского воеводства). В 1891–1900 годах в приходе было окрещено 1549 детей. Количество неповторяющихся фамилий сравнительно небольшое (в источнике насчитывается 230 единиц), что обусловлено разными социально-культурными обстоятельствами. В исследуемом корпусе фамилии, образованные на базе личных имен, значительно преобладают над фамилиями другого происхождения, составляя 60% всего набора, причем подавляющее большинство – фамилии с суффиксом *-ук/-чук*.

Обзор научной литературы, посвященной анализу форм имен, послуживших основой рассматриваемых фамилий, включает работы польских, белорусских, российских и украинских ученых. Особенно пристальное внимание уделено трудам по ономастике польско-белорусского пограничья. Учитывая ограниченный объем статьи, ссылки на источники не приводятся.

I. Фамилии, образованные от полных форм личных имен:

1) официальных: ***Александрукъ*** < церк. *Александр*, польск. *Aleksander*; ***Алексіюкъ / Алексѣюкъ*** < церк. *Алексий*, русск. *Алексей*; ***Андреюкъ*** < церк. *Андрей*; ***Базылюкъ*** < бел. *Базыль* или от польск. *Bazyl(i)*; ***Иванюкъ*** < русск. *Иван*; ***Кондратюкъ*** < церк. *Кондрат*; ***Лукашукъ*** < бел. *Лукаш* или от польск. *Łukasz*; ***Людвичукъ*** < бел. (кат.) *Людвик* или от польск. *Ludwik*; ***Максимюкъ*** < церк. *Максим*; ***Матвеюкъ*** < церк. *Матфей*; ***Мацѣюкъ*** < польск. *Maciej*; ***Минюкъ*** < церк. *Мина*; ***Миронюкъ*** < церк. *Мирон*, польск. *Miron*; ***Несторукъ*** < церк. *Нестор*; ***Никитюкова*** < церк. *Никита*; ***Николаюкъ*** < церк. *Николай*; ***Романюкъ*** < церк. *Роман*, польск. *Roman*; ***Сергіюкъ*** < церк. *Сергий*; ***Якубюкъ*** < бел. *Якуб*, польск. *Jakub*.

В функции словообразовательных основ этого набора фамилий выступают главным образом церковные имена (*Андрей, Нестор, Никита, Николай* и др.). Реже встречаются ситуации, в которых мотивирующими являются польские и белорусские формы (они близки или тождественны по звучанию; различаются, обычно, только ударением, ср. *Лукаш – Łukasz, Якуб – Jakub*). Фамилии могли образоваться также от имени как в церковном, так и в польском вариантах (*Александр – Aleksander, Роман – Roman*). Единичными случаями представлены фамилии, возникшие с учетом русского эквивалента (*Иван*), польского (*Мацей / Maciej* – в белорусской антропонимии выступает под влиянием польского языка), русского или церковного (*Алексий – Алексей*). В последнем случае наличие двух толкований обусловлено вариативностью фамилии, которая, в свою очередь, вызвана различной записью данных одного и того же носителя в разные годы исследуемого десятилетия.

2) с усеченным «церковным» окончанием *-ий*: ***Артемюкъ*** < *Артем* < церк. *Артемий*, церк. *Артемон*; ***Василюкъ*** < *Василь* < церк. *Василий*; ***Григорукъ*** < *Григор, Grygor* < церк. *Григорий*; ***Дмитрукъ*** < *Дмитр* < церк. *Димитрий*; ***Игнатюкъ*** < *Игнат, Ihnat* < церк. *Игнатий*; ***Макарукъ*** < *Макар* < церк. *Макарий*; ***Тарасюкъ*** < *Тарас* < церк. *Тарасий*.

К полным формам личных имен, согласно польской ономастической литературе, относятся также имена с усеченным окончанием *-ий*. Стоит отметить, что некоторые из вышеуказанных производных форм имен выступают в современных восточнославянских языках как исходные (например *Макар, Тарас*; бел. *Васіль* и др.).

3) разговорных: ***Герасимюкъ*** < *Герасим* < церк. *Герасим*; ***Демьянюкъ / Демянюкъ*** < *Демьян*, *Демян* < церк. *Дамиан*; ***Емельянюкъ*** < *Емельян* < церк. *Емилиан*; ***Казмирукъ / Казмірукъ*** < бел. (кат.) *Казмир* или от польск. *Kazmir* < *Kazimir*; ***Лукіянюкъ*** < *Лукиян* < церк. *Лукиан*; ***Ничипорукъ*** < *Ничипор, Niczypor* < церк. *Никифор*; ***Омелянюкъ*** < *Омелян, Om(i)el(i)an* < церк. *Емилиан*; ***Онофріюкъ*** < *Onofryj* < церк. *Онуфрий*; ***Онхимюкъ*** < *Onchim* < церк. *Анфим*; ***Пилипюкъ*** < *Пилип* < церк. *Филипп*; ***Семенюкъ*** < *Семен*, *S(i)emien* < церк. *Симеон*; ***Степанюкъ*** < *Степан, St(i)epan* < церк. *Стефан*, польск. *Stefan*; ***Супрунюкъ*** < *Супрун* < церк. *Софроний*; ***Трохимюкъ*** <

Трохим < церк. *Трофим*; ***Юзефатюкъ*** < *Józefat* < польск. *Jozafat*; ***Ѳедорукъ*** < *Федор* < церк. *Феодор*.

Данную группу составляют фамилии, возникшие на базе разговорных вариантов личных имен, отличающихся от исходных форм наличием языковых процессов, в основном в области фонетики (чередованием звуков, дегеминацией, стяжением гласных и т.д.). В качестве словообразовательных основ выступили восточнославянские варианты личных имен (*Гарасим, Омелян, Трохим*), восходящие к именам церковного обихода. Имя *Супрун* отличается отсутствием окончания *-ий*. *Степан* – это форма типичная для восточнославянских языков, но одновременно производная от имени в польской языковой версии. В польском языке возникло имя *Kazmir* (производное от *Kazimir*, совр. *Kazimierz*), откуда пришло на белорусские земли. *Józefat* (см. *Юзефатюкъ*) – вариант польского имени *Jozafat*, появившийся вследствие адидеации к популярному имени *Józef*. Фамилии *Демьянюкъ* / *Демянюкъ*, *Казмирукъ* / *Казмірукъ* считаются вариантами одного антропонима по той же причине, что и фамилии *Алексіюкъ* / *Алексѣюкъ* (см. выше).

4) с другим окончанием (по отношению к исходной форме): ***Гаврилюкъ*** < *Гаврило, Hawryło* < церк. *Гавриил*; ***Самойлюкъ*** < *Самойла, Самойло* < церк. *Самуил*; ***Юзвюкъ*** < *Józwa, Juzwa* < польск. *Józef*; ***Яцентюкъ*** < *Jacenty* < польск. *Hiacynt*, церк. *Иакинф*.

Мужские имена, представляющие собой морфологический тип с финалью *-а, -о, -ы* также определяются как полные варианты личных имен.

5) смешанного типа: а) от официальных или разговорных вариантов: ***Филипюкъ*** < *Филип* < церк. *Филипп* или от польск. *Filip* или от бел. *Филип*; ***Мартинюкъ / Мартынюкъ*** < церк. *Мартин* или от *Martyn* < церк. *Мартин*; ***Томашукъ*** < польск. *Tomasz* или от бел. *Томаш* (ср. вариант бел. *Томаш*, выступающий в заглавии словарной статьи у Н.В. Бирилло [Бірыла 1966: 169], с бел. *Тамаш*); б) от формы официальной или формы с другой финалью: ***Павлюкъ*** < церк. *Павел*, польск. *Paweł*, укр. *Павло*; в) от формы с усеченным *-ий* или разговорной: ***Парѳенюкъ / Парѳинюкъ*** < *Парфен, Parfieni, Parfin* < церк. *Парфений*; г) от разговорных форм, сохраняющих изначальную парадигму или имеющих другую финаль: ***Данилюкъ*** < *Данил, Данила, Данило* < церк. *Даниил*.

Как вытекает из вышеизложенного, появление в основе данных фамилий разных, полных форм одного и того же имени вызвано либо влиянием нескольких языков, либо порождено процессами в пределах одного языка.

II. Фамилии, образованные от дериватов личных имен:

1) возникшие путем усечения основы: ***Вавринюкъ*** < *Ваврин* < церк. *Лаврентий*; ***Гапонюкъ*** < *Гапон* < церк. *Агафон*; ***Лавренюкъ / Лавринюкъ*** < *Лаврен, Лаврин* < церк. *Лаврентий*; ***Оксентюкъ*** < *Оксент, Oksenti, Oksenty* < церк. *Авксентий*;

Оксенюкъ < *Оксен, Oksień* < церк. *Авксентий*; ***Онопюкъ*** < *Опор* < церк. *Онуфрий*; ***Свиридюкъ*** < *Свирид* < церк. *Спиридон*; ***Себесюкъ*** < *Siebieś* < церк. *Севастиан*; ***Сидорукъ*** < *Сидор* < церк. *Исидор*.

Фамилии от сокращенных вариантов личных имен составляют в исследуемом материале сравнительно небольшую группу. Все имена, за исключением форм *Сидор, Лаврен*, в силу наличия ряда языковых изменений, отличаются разговорным характером. Указанные дериваты являются производными вариантами исключительно церковных имен. Форма *Ваврин* сложилась под влиянием имени в польской языковой версии (*Wawrzyniec*).

2) возникшие путем прибавления суффикса (к полной или усеченной основе): а) с согласным элементом *-к-*: ***Болтручукъ*** < *Болтрук* < церк. *Варфоломей*; ***Войщукъ*** < *Wojszek, Wojszka* < слав. *Wojsław, Budziwoj*; ***Захарчукъ*** < *Захарко* < церк. *Захария*; ***Зинчукъ*** < *Зинко* < церк. *Зина*, церк. *Зиновий*, церк. *Зинон*; ***Костючукъ*** < *Костюк* < церк. *Константин*; ***Левчукъ*** < *Левко* < церк. *Лев*, церк. *Левкий*, церк. *Леонт*, церк. *Леонтий*; ***Михальчукъ*** < *Михалка, Михалко, Michałek* < церк. *Михаил*, польск. *Michał*; ***Наумчукъ*** < *Наумка, Naumko* < церк. *Наум*; ***Онищукъ*** < *Онишко* < церк. *Онисий*, церк. *Онисим*; ***Остапчукъ*** < *Остапко* < церк. *Евстафий*; ***Павлючукъ*** < *Павлюк* < церк. *Павел*; ***Петручукъ*** < *Петрук* < церк. *Петр*, польск. *Piotr*; ***Савчукъ*** < *Савко, Савка* < церк. *Савва*; ***Самчукъ*** < *Samko, Samek* < церк. *Самсон*, церк. *Самуил*, польск. *Samson* или от *Samek* < слав. *Samosąd, Sambor*; ***Сидорчукъ*** < *Сідорка, Сидорко* < церк. *Исидор*; ***Трохимчукъ*** < *Trochimko* < церк. *Трофим*; ***Шимчукъ*** < *Шимко, Szymka, Szymek* < польск. *Szymon* или от бел. *Шимон*; б) с согласным элементом *-ш-*: ***Бартошукъ*** < *Бартош* < польск. *Bartłomiej*; ***Тимошукова*** < *Тимош* < церк. *Тимофей*; ***Тишукъ*** < *Тиш* < церк. *Тихон*, церк. *Феостих*, церк. *Феотих*; ***Ярошукъ*** < *Ярош* < церк. *Иеремия*, церк. *Иероним*, церк. *Иерофей* или от *Jarosz* < слав. *Jarosław, Jaromir, Jarostryj*; в) с согласным элементом *-с-,-с'-*: ***Стасюкъ*** < *Стась, Stas* < бел., русск. (слав.) *Станислав*, польск. *Stanisław*, церк. *Ефстафий*, церк. *Стахий*; ***Ясюкъ*** < *Ясь* < польск. *Jan*, бел. *Ян*; г) с согласным элементом *-ц-,-ц'-*: ***Ярмоцюкъ*** < *Jarmoc, Jarmoć* < церк. *Ермолай*.

Гораздо чаще встречаются в рассматриваемом корпусе фамилии, образованные от суффиксальных дериватов. Формы личных имен, мотивирующие фамилии этой группы, возникли в ходе присоединения суффиксов к полным или сокращенным основам. Самой высокой продуктивностью отличаются форманты с элементом *-к-* (*-ко, -ка, -ак, -ук, -'ук* и *-эк*, который свойственен польскому языку). Здесь надо отметить, что в создании некоторых фамилий на *-чук* могли участвовать, наряду с именами с вышеуказанными суффиксами, также дериваты типа *Сідарэц, Трохимец,* распространенные в белорусском языке. Другие суффиксы в анализируемом корпусе малоупотребительны. Формант с элементом *-ш-* засвидетельствован 4 раза (имена типа *Тиш* могли сложиться также путем только усечения основы с одновременной

палатализацией конечного звука [*x*]), остальные (*-с,-с',-ц,-ц'*) – крайне редки. Основами фамилий данной модели являются дериваты, восходящие к именам церковного обихода, иногда к именам в польской или белорусской языковых версиях. Некоторые из них – производные разных имен, ср. *Зинко, Левко, Онишко, Тиш, Стас*. Помимо имен христианского происхождения, встречаются дериваты двухосновных имен дохристианской эпохи: *Wojsław, Sambor, Jaromir* и др. (но ср. *Станислав*).

III. Фамилии, образованные от полных или производных форм личных имен.

Возможность различного толкования этимологии нескольких фамилий вызвана неодинаковым статусом мотивирующего имени по отношению к его исходной форме. Таким образом, фамилии могли быть образованы: а) от полных разговорных вариантов имени или от его суффиксальных дериватов: ***Ильяшукъ*** < *Ильяш, Iliasz, Ilijasz* < церк. *Илия*, польск. *Eliasz*; ***Савонюкъ*** < *Савон, Sawoń* < церк. *Савин*, церк. *Савва*; ***Хоманюкъ*** < *Choman* < церк. *Аммон* или церк. *Фома*; б) от полных разговорных вариантов или от усеченных основ: ***Мисеюкъ*** / ***Мисьюкъ*** < *Misiej* < церк. *Моисей*, церк. *Мисаил*; в) от дериватов, возникших в ходе усечения основы имени или же от дериватов, где усечение основы сопровождается суффиксацией: ***Мисюкъ*** < *Мись, Mis* < церк. *Мисаил*, церк. *Михаил*, польск. *Michał*.

Причина данной ситуации заключается, главным образом, в наличии двух разных имен в исходной (церковной) форме. Лишь в одном случае (см. *Ильяш*) имеем дело с языковым фактором, а указанная форма совмещает элементы польского и восточнославянских языков.

В заключение отметим, что фамилии, являющиеся объектом анализа в настоящей статье, представляют словообразовательную модель характерную польско-белорусскому (польско-восточнославянскому) языковому пограничью. Согласно польской ономастической литературе, их появление обусловлено прибавлением фамильного (в диахронном аспекте – патронимического) суффикса *-ук*. Однако, наличие в исследуемом регионе и на смежных территориях дериватов личных имен с финалью *-ук/-чук* позволяет рассматривать фамилии такого типа как образованные не только путем суффиксальной деривации, но и возникших вследствие трансонимизации этих имен. Приведем, к примеру, имена, зафиксированные в работе Н.В. Бирилло [Бірыла 1966]: *Захарчук, Минюк, Михальчук, Павлюк, Раманюк, Самайлюк, Сапранюк, Саўчук, Семянюк, Сідарук, Сідарчук, Стасюк, Сцепанюк, Тамашук, Трафімюк, Федарук, Цімашук, Цішук, Якубук, Ясюк* и др.

Литература и источники

Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск: Навука і тэхніка, 1966. 328 с.

Максимчук Н.А. Ономастические маркеры Смоленско-Витебского пограничья: способы выявления и описания // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Витебск: изд-во ВГУ, 2018. С. 25–27.

Citko L. Nazewnictwo osobowe północnego Podlasia w XVI w. Białystok: wyd. UwB, 2001. 190 s.

Tichoniuk B. Imiona i ich formy na pograniczu polsko-białoruskim od XVI wieku do roku 1839. Zielona Góra: wyd. WSP im. T. Kotarbińskiego, 2000. 207 s.

Wiśniewski J. Zarys dziejów osadnictwa na Białostocczyźnie // Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. T. I. Wrocław: ZN im. Ossolińskich, 1980. S. 14–27.

M. Mordan
(Bialystok, Poland)

SURNAMES WITH SUFFIX *-UK/-CZUK* ORIGINATING FROM FORENAMES ON POLISH-BELARUSIAN BORDERLAND IN THE YEARS 1891–1900 (BASED ON METRICAL RECORDS OF THE ORTHODOX PARISH IN RAJSK)

The paper presents surnames with suffix *-uk/-czuk* originating from forenames given in the metrical records of the Orthodox parish in Rajsk in the years 1891–1990. The surnames were analyzed taking into account word-formative, etymological and linguistic features.

Key words: onomastics, antroponymy, surnames, first names, borderland.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.324

А.И. Назаров
(Алматы, Казахстан)

ЖЕНСКИЙ ИМЕННИК ДЕТЕЙ ИЗ НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЕЙ С УЧАСТИЕМ ТАТАР (НА ПРИМЕРЕ АЛМАТЫ)

В статье рассматривается женский именник детей, родившихся в 2005–2006 гг., в национально-смешанных семьях. Выявлены его состав, частоты имён, параллели со словарем татарских имён, сходства и различия наиболее употребительных имен из именников славян и казахов Алматы, татар Казани.

Ключевые слова: татарские имена, татары Алматы, русские имена, казахские имена, антропонимика Казахстана, взаимодействие именников, именник национально-смешанных семей.

Данная статья – продолжение нашего исследования антропонимии татар Алматы [Назаров 2017]. Для антропонимики изучение выбора личных имён в национально-смешанных семьях (НСС) имеет большое значение, так как такие семьи – среда, в которой взаимодействие именников разных народов проявляется в наибольшей мере. Татары, живущие в Алматы, браки с представителями других этносов заключают почти на порядок чаще, чем с татарами. Поэтому в Алматы НСС являются более обширной средой функционирования татарских имён, чем моноэтнические семьи татар.

Как и в нашей статье по выбору имён в татарских семьях, мы будем анализировать данные за 2005–2006 гг., извлеченные методом сплошной выборки из актовых записей о рождении. В контексте нашей статьи НСС для удобства изложения означают только национально-смешанные семьи с участием татар.

Среди зарегистрированных в 2005–2006 гг. девочек из НСС больше всего родилось в татарско-русских (157), русско-татарских (116), казахско-татарских (79), татарско-казахских (73) семьях. Всего за эти два года в НСС родились 542 девочки. У них засвидетельствовано 214 документальных форм имён. С лингвистической точки зрения говорить о 214 женских именах не целесообразно, так как среди них есть варианты. Общепринятых критериев разграничения форм разных имён и объединения вариантов одного имени нет. Мы опирались на рекомендации для русского именника, которые могут быть в определенной мере применены и к именникам других народов [СЛИ 1987: 618–619; Суперанская 2003: 456–457].

После объединения вариантов мы получили 189 имён. В это число входят и имена двух девочек, которые получили два имени: *Мелиса Севим* и *Зулейха-Даурия*. Их имена мы посчитали как четыре имени. Поэтому количество имянаречений не равно количеству новорождённых (542), а на два больше – 544 (если у ребенка два имени, мы говорим о двух актах имянаречения).

Приведем весь список женских имён девочек из НСС. Варианты имён разделяются косой чертой. Каждое имя мы проверили на его наличие в словаре татарских имён [Саттар-Мулилле 1998]. Параллели с этим словарем отмечаются звёздочкой. Если соответствия менее очевидны, имена маркируются двумя звёздочками. При необходимости в скобках даются пояснения с приведением имён из словаря Г. Саттар-Мулилле или же наш комментарий. Мы осознаём, что установленные нами соответствия не всегда бесспорны. После имени – тире, за которым указывается число девочек, у которых это имя встречено. Если формы имён объединены как варианты, то частотность приводится для каждого из них – в той последовательности, в которой варианты перечислены.

*Аделина** – 3, *Аделия* – 1, *Адель*/*Адәли* – 3/1, *Адина* – 1, *Ажар*/*Ажара* – 1/1, *Айганым* – 1, *Аида** – 1, *Айдана*** (мужское имя *Айдан*) – 1, *Айжан* – 1, *Айзада** – 1,

*Айша** (также *Гайшә*) – 2, *Айшабибижан*** (*Гайшәбиби*) – 1, *Аклия** (*Әгълия*, русск. *Аглия*) – 1, *Ақерке* – 1, *Александра* – 5, *Алика* – 2, *Алина* – 27, *Алиса** – 3, *Алия*/*Әлия* (также *Галия*) – 2/1, *Алсу** – 3, *Алтынай*** (*Алтын*) – 1, *Альбина** – 4, *Альмира*/*Эльмира*/*Ильмира** – 3/2/1, *Альнура* – 1, *Альфия** – 2, *Амаль*** (мужское имя *Гамәл*) – 1, *Амелия* – 2, *Амина** – 13, *Анастасия* – 8, *Ангелина* – 2, *Анель*/*Анеля* – 6/1, *Анжелика* – 4, *Анжелина* – 1, *Анна* – 4, *Аружан* – 1, *Асель*/*Әсел** (*Әсәл* – вариант имени *Әсал*) – 1/1, *Асия** – 1, *Афина* – 1, *Аяулым* – 1, *Балия*** (*Хәнбәлия*) – 1, *Балнур* – 1, *Валерия* – 4, *Венера** – 1, *Вероника* – 7, *Виктория* – 9, *Вильдана* (мужское имя *Вилдан*) – 1, *Виолетта** – 2, *Галина* – 1, *Гауһар*** (*Җәүһәр*) – 1, *Гаятри* – 1, *Гулсим* (*Гөлсимә*) – 1, *Дайана*** (*Диана*) – 3, *Дамели*/*Дамеля* – 1/1, *Дамира** – 1, *Дана** – 2, *Данель*/*Даннеля* – 2/1, *Даниэла* – 2, *Дания** – 4, *Дарина* – 5, *Дарья*/*Дария*/*Дарьиё* – 10/1/1, *Даурия** – 1, *Делейн* – 1, *Деляфруз** (*Диляфруз*) – 1, *Дениза* – 1, *Джамиля** – 1, *Диана** – 14, *Диляна*** (*Диля*) – 1, *Диляра** – 2, *Доминика* – 1, *Дурия** (*Дөррия*, русск. *Дюррия*) – 1, *Ева* – 3, *Евгения* – 2, *Екатерина*/*Катерина* – 2/1, *Елена*/*Алена* – 1/1, *Елизавета* – 3, *Есфирь* – 1, *Жанель* – 1, *Жанерке* – 1, *Жанна** – 1, *Жасмин*** (*Ясминә*) – 1, *Зарина** (*Зәрринә*) – 2, *Злата* – 3, *Зулейха** – 1, *Зульфия** – 1, *Идилия*** (*Иделия*) – 1, *Илона* – 1, *Ильдана*/*Эльдана** – 2/2, *Ильнара** – 2, *Ильсия** – 1, *Индира** – 2, *Инжель*** (*Инджиля*) – 1, *Ирада** – 1, *Ирина*/*Арина* – 2/8, *Камелия*** (*Камалия*) – 1, *Камила** (*Камиля*) – 7, *Камилла*** (может быть и гиперкорректной форма имени *Камиля*) – 12, *Карина* – 32, *Кира* – 3, *Кристина* – 3, *Ксения* – 2, *Лада* – 1, *Лайло*** (*Ляйли*) – 1, *Лариса** – 1, *Латифа** – 1, *Лаура** – 2, *Лейла** (*Ляйли*) – 2, *Летта* – 1, *Лиана** – 1, *Лианелла* – 1, *Лидия** – 1, *Лилия*/*Лиля* – 4/1, *Линара*/*Линнара** (*Ленара*) – 2/1, *Лия** – 6, *Луиза** – 1, *Людмила* – 1, *Мадина*/*Медина* – 7/2, *Малика** – 3, *Маргарита** – 4, *Марико* – 1, *Марина** – 1, *Мария*** (*Марьям*) – 7, *Мариям** (*Марьям*) – 3, *Мелиса* – 1, *Меруерт* – 1, *Милана* – 16, *Мухаббат** (*Махаббат*) – 1, *Мухарима** (*Мукаррама*) – 1, *Надежда* – 1, *Надия** – 1, *Наиля** – 3, *Наргиз** (*Наркис*) – 2, *Нармина* – 1, *Неля*/*Нэля* – 1/1, *Низам** (скорее всего краткий вариант к *Низамия*) – 1, *Нинэль** – 1, *Нурия** – 1, *Олеся* – 1, *Парвина* – 1, *Полина* – 4, *Равиля** – 1, *Рамиля*/*Рамилям* – 1/1, *Рамина***/*Ромина*** (*Румина*) – 5/1, *Регина** – 3, *Рената*/*Рината* – 13/2, *Ризанна* – 1, *Римма** – 3, *Румина** – 1, *Руфина** – 2, *Руфия*** (*Руфина*) – 1, *Сабина* – 6, *Сабира** – 1, *Сабрина* – 1, *Салтанат** (*Солтанәт*) – 1, *Самира** – 1, *Сания** – 2, *Сапфира* – 1, *Сара** – 1, *Сафия** – 3, *Светлана** – 1, *Севим* – 1, *Селина* – 1, *Сербия** (*Сәрбия* – вариант к *Сәрби*) – 1, *Синара*** (*Зинира*, *Зиннура*, *Зунара*) – 1, *Ситора*** (*Ситара*) – 1, *София*/*Софья* – 17/5, *Таисия* – 3, *Тамила*** (*Тәмлия*) – 2, *Тансу** – 1, *Татьяна* – 3, *Тахмина*** (*Төхмилә*) – 1, *Теона* – 1, *Тереза* – 1, *Томирис* – 3, *Фаина** – 1, *Фариза** – 1, *Фатима** – 1, *Хадиша** (*Хәдичә*) – 1, *Эвелина** – 3, *Элина*/*Эллина* – 5/1, *Эльвина* – 1, *Эльвира** – 1, *Эльнура** (*Илнура*, русск. *Ильнура*) – 1, *Эмилия** – 2, *Эрика* – 2, *Эстель* – 1, *Этель* – 1, *Юлия** – 4, *Яна* – 2, *Ясмин*/*Ясмина** – 3/1

Покажем в таблице основные количественные параметры трёх групп имён в абсолютных числах и в процентах (проценты округлены до целых).

Параметры / Группы	Количество имён	Количество имянаречений
1. Имеют очевидные параллели в именнике татар	86 (46 %)	232 (43 %)
2. Имеют менее очевидные параллели в именнике татар	23 (12 %)	47 (8 %)
3. Не имеют параллелей в именнике татар	80 (42 %)	265 (49 %)
Всего	**189 (100 %)**	**544 (100 %)**

Из таблицы видно, что для наречения девочек из НСС в Алматы в 2005–2006 гг. используются не менее 46 % имён, которые татарская ономастика рассматривает как татарские имена. Хотя количественно 1-я группа немного больше 3-й, в функциональном плане (по количеству имянаречений) уступает ей.

Значительную часть среди имён девочек из НСС составляют имена, типичные у русских, украинцев, белорусов, а также других народов, чьи именники по составу мало отличаются от русского именника. Это объясняется большим числом новорождённых, у которых отец или мать принадлежат к этим этносам. Среди имён 1-й группы есть немало заимствований из русского языка или через русский язык из западноевропейских языков.

Заметны особенности казахского именника. Во-первых, по казахским написаниям некоторых имён, которые попали в актовые записи о рождении – *Әлия*, *Әсел*, *Гауһар*. Во-вторых, по именам, которые нередко дают в казахских семьях: *Ажар*, *Айганым*, *Аружан*, *Аяулым*, *Балнур*, *Томирис* и др.

Родители девочек, чьи имена мы рассматриваем в статье, принадлежат к двадцати национальностям. Плюс семь граждан других государств, чья национальность не всегда очевидна (Грузии, Индии, Ирана, России, Турции). Но из этого не следует, что исследуемый материал позволяет увидеть специфические особенности каждого из этих именников. И всё же в тех или иных случаях характерные особенности национальных именников в выбираемых имена заметны. Приведем пару примеров.

Дочери гражданина Индии и татарки дали имя *Гаятри*, связанное с индуизмом: так называется ведийская мантра. В.А. Никонов наличие окончания *-м* определил как яркую особенность имён уйгурок (означает принадлежность – «моя») [Никонов 1984: 193]. В наших материалах есть имя *Рамилям* девочки из уйгурско-татарской семьи.

Сравним список наиболее частотных имён девочек из НСС с аналогичным списком разных национальных групп Алматы, а также за пределами Алматы. В топ-10

женского именника НСС входят: *Карина* (32), *Алина* (27), *София*/*Софья* (22), *Рената*/*Рината* (16), *Милана* (16), *Диана* (14), *Амина* (13), *Камилла* (12), *Дарья*/*Дари*/*Дарьиё* (12), *Арина*/*Ирина* (10).

Больше всего сходств обнаруживается при сравнении с наиболее частыми именами детей из эндогамных семей татар Алматы, родившихся в те же годы. Совпадающие имена (здесь и далее перед именем указываем его позицию, которую оно занимает): 1–3. *Амина*, *Софья*/*София*; 4–7. *Диана*, *Карина*, *Милана*, *Рената*/*Рината*.

Неожиданно то, что мало совпадающих имён с топ-10 имён детей, родившихся в славянских семьях в Алматы в 2005 г. – всего три, несмотря на то, что в составе женского именника детей из НСС имена, характерные для славянского населения, составляют значительную группу. Вот эти совпадения: 2. *Дарья*/*Дария*; 5. *София*/*Софья*; 10. *Арина*.

Для выявления топ-10 имён девочек-казашек мы исследовали 988 фактов имянаречения в казахских семьях, зарегистрированных в ЗАГСе Алмалинского района города Алматы в 2005 г. С топ-10 именника девочек из НСС совпало только одно имя из топ-10 именника казашек – *Амина*.

Г.С. Хазиева-Демирбаш приводит топ-10 имен девочек из татарских семей, родившихся в Казани в 2005–2014 гг. Из них с топ-10 женского именника НСС Алматы совпадают лишь три: 2. *Камилла*; 7. *Милана*; 10. *Карина*.

Самый общий вывод, который можно сделать на основе этих сравнений, – по основным тенденциям развития женский именник детей из НСС наиболее близок именнику девочек из эндогамных татарских семей Алматы.

Литература и источники

Назаров А.И. О личных именах татар Алматы // Ономастика Поволжья. Т. 2. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. С. 108–115.

Никонов В.А. Личные имена современных уйгуров // Тюркская ономастика. Алма-Ата: Наука, 1984. С. 189–199.

Саттар-Мулилле Г. Татар исемнәре ни сөйли? (Татар исемнәренең тулы аңлатмалы сүзлеге) / Гомәр Саттар-Мулилле. Казан: Раннур, 1998. 487 б.

СЛИ – Справочник личных имен народов РСФСР. 3-е изд., испр. М.: Русский язык, 1987. 656 с.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2003. 544 с.

Хазиева-Демирбаш Г.С. Основные тенденции развития современных татарских личных имён в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Том 156. Кн. 5. Гуманитарные науки. 2014. С. 177–186.

A.I. Nazarov
(Almaty, Kazakhstan)

FEMALE PERSONAL NAMES OF CHILDREN FROM NATIONALLY MIXED FAMILIES WITH THE PARTICIPATION OF THE TATARS (ON THE EXAMPLE OF ALMATY)

This article is dedicated to the names of children born in nationally mixed families in Almaty. Its composition, frequency of names, parallels with the dictionary of Tatar names, similarities and differences of the most common names from the names of the Slavs and Kazakhs of Almaty, the Tatars of Kazan are revealed.

Key words: Tatar names, Russian names, Kazakh names, onomastics of Kazakhstan, interaction of names, national names of mixed families.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.329

Е.Р. Николаев
(Якутск, Россия)

ЯКУТСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В статье рассматриваются диалектные признаки в дохристианских якутских антропонимах. Автор обосновывает положение о том, что проприальная лексика является уникальным материалом для этимологических исследований, для выявления истоков якутского языка. Методом фронтальной выборки и фонетического анализа выявлены признаки акающего и окающего говоров якутского языка, фонетические вариации.

Ключевые слова: якутский язык, антропонимика, якутские антропонимы, якутская диалектология, говор.

Степень изученности якутских личных имен дохристианского времени (до 1632 г.) с учетом новообразований можно считать достаточным на данном этапе, так как проведена лексико-семантическая классификация, выявлены основные реалии, относящиеся к традиции имянаречения, проанализированы принципы номинации в лингвокультурологическом контексте [Николаев 2018]. Далее предстоит задача более углубленного изучения якутских антропонимов в лингвокультурологическом аспекте с учетом функциональных особенностей, выявить проблемы правописания и роль в становлении языковой картины мира у якутов, рассмотреть характерные диалектные признаки.

Основные моменты диалектных особенностей в словообразовании антропонимов отметил диалектолог С.А. Иванов еще в 80-х годах: «многочисленные

антропонимы древних якутов: *Аймак, Амудай, Багалдай, Баканай, Калагай, Магалай, Омогой, Сатага* (...), в какой-то мере напоминающие монгольские слова, а также этнонимы: *Өлүөтү, Сортуол, Тумат, Хоро*, видимо, свидетельствуют о том, что здесь (в Центральной Якутии) когда-то звучала монгольская речь» [Иванов 1980: 91, 96]. Позднее С.А. Иванов расширил свои изыскания, проанализировав аффиксы *-лдаан*, *-ча*. Он выявил признаки «уподобительного падежа» в аффиксе *-аайы,* с помощью которых образованы некоторые якутские антропонимы [Иванов 2014: 149–150, 86, 87].

Как определил историк, С.А. Токарев, полный каталог якутских личных имен, составленный на основе ясачных списков и иных официальных документов XVII в. [Указатель 1970], относится ко времени освоения северо-восточных территорий нынешней России, когда племенные объединения якутов с ярко выраженными диалектами начали консолидироваться. «Данный исторический период языкового развития составляет первый этап образования диалектов в якутском языке» [Воронкин 1999: 167], лексика которых также отразилась и в проприальной лексике.

С.А. Иванов указывает, что в словах монгольского и тюркского происхождения, заимствованных из якутского языка в эвенкийский (*катун, камуй, мангус*), *о* перед слогом с кратким *у* переходит в краткий *а*: что и свидетельствуют записи в именах *Амуй, Батур, Дабук, Камук, Сагуй, Чакур*, т.е. видим восстановление акающих вариантов [Иванов 1980: 141]. Древнетюркское гармоническое сочетание *а~у* сохранялось долго: *Камос Гуликанов* ‘хомуос’, *Самуро* ‘соҥуруо’, *Солюр* ‘солуур’, *Чорос* ‘чооруос’ [Иванов 1980: 149]. Таким образом, неогубленные варианты являются сохраненными в языке древними формами, а огубленные – инновации. В связи с этим, выявлены следующие наиболее типичные соответствия:

соответствие *ы~и*: *Сырай Мөгдьөөрөп*, *Куһаҕан Сырай Кусентеев, Хара Сирэй Дьоҕуудай,* где *сырай / сирэй* ‘лицо’.

соответствие *ө~о: Өнчөх* ‘спинка ножа, обух’. Окающий вариант *ончох* не был отмечен.

соответствие *а~о: Аччыгый Кураҕаччы, Оҕуруолаах ойуун, Чокуур Одукаайап, Саргы Будууйап.* Варианты *оччугуй, соргу, аҕырыа* не были отмечены.

соответствие *э~ө: Сэллик.* Диалектный вариант *сөллүк* [ДАЯЯ 2004: 12] не был отмечен.

соответствие *о~у: Сутуруо.* Другой вариант *сотуруо* не отмечен.

соответствие *ҕ~ҥ* в середине слова: *Моҕой.* Другой вариант *моҥой* не отмечен.

соответствие *б~м* в начале слова: *Бэргэн.* Другой вариант *мэргэн* не отмечен.

соответствие *г~дь~нь* в начале слова: *Чаалбаан Мохсойун* ‘жесть, жестяной’. Этот неназализованный вариант считается прерогативой северо-западной и

олекмо-вилюйской диалектных зон [ДАЯЯ 2004: 24], восходящий к тунгусо-маньчжурским языкам [Воронкин 1999: 92].

Соответствие *т~д* в начале слова: *Дархан (Даркан), Тархан, Дэли Дархан, Дэхси Дархан, Түһүлгэ Дархан, Күрсэн Дархан, Мэҥи Дархан, Дэги Дархан, Дэли Дархан, Дэри Дархан, Баҕадаһын Дархан, Үөлэн Дархан, Игидэй Дархан, Мунньан Дархан, Хомуйан Дархан*, *Тыгын Дархан, Тыгын Мунньан, Тыгын Тойон*. В современном именнике зафиксировано имя *Дыгын*. Сама семантика слов *дархан / тархан, дыгын / тыгын* раскрывается в именах реальных персонажей преданий и легенд, описывающих события, происходившие в центральных улусах, что соответствует превалирующему начальному *д*. По Н.Д. Дьячковскому, вариации *д~т* в начале слов можно объяснить «колебанием в употреблении этих согласных в монгольских источниках» [Дьячковский 1977: 106].

соответствие *рх~рк: Чаархаан:* литер. *чааркаан*.

соответствие *мдьу~мньу: Булумдьу*: литер. *булумньу* ‘находка’.

соответствие *хс~хх~х: Болотой Оххон/Болотой Орхон*. Удвоенный *хх* – звук ассимилятивного происхождения и характерное употребление его наблюдается только в говорах центральной диалектной зоны [ДАЯЯ 2004: 107–108], что соответствует географии преданий.

Геминация увулярного *х*: *Улаххан Кураҕаччы,* литер. *улахан* ‘большой; рослый’.

Также в антропонимических материалах мы выявили некоторые языковые факты, носящие характер диалекта. Например, лексема *бас / төбө* ‘голова’: *Дал Бас, Баҕа Бас*, *Көҥдөй Бас Долгуура*, *Сиикэй Бас*, *Таас Бас*, *Тый Бас*, *Тымтай Бас*, *Тайах Бас*, *Уһун Бас*, *Үрүҥ Бас Болтоҥо*, *Эт Бас* и т.д. Как представлено в диалектологическом атласе, современные носители якутского языка в речи мало употребляют *бас* [ДАЯЯ 2010: 63]. Таким образом, можно предположить, что в дохристианское время и до начала XIX в., в проприальной лексике наиболее активно употреблялось слово *бас* ‘голова’.

Түөһэлбэ. Слово широко употребляется во всех современных диалектных зонах, кроме северо-восточных, где ‘старческое слабоумие’ передается исключительно словами монгольского происхождения *алдьаас буолбут, алдьааһырбыт* [ДАЯЯ 2010: 64].

Баҕадьа: *баҕадьы* ‘большая рыболовная сеть, невод для коллективного рыболовства’; п.-монг. *bajaçi* ‘инструмент, орудие’; лесная засека для ловли лосей и оленей [ДСЯЯ 1976: 57]. Считается распространенным преимущественно в центральных говорах [ДАЯЯ 2010: 66].

Таас Бас: литер. *алыһар* ‘ёрш (рыба)’.

Көмөрөһүт Тахаянов: көмөр ‘почерневший остывший древесный уголь’; литер. *чох* ‘уголь’.

Күрдьүгэс Үнүкээйэп, *Муруку Марҕаакын.* Наиболее распространенные *моҕотой, дьирики* ‘бурундук’ [ДАЯЯ 2010: 70] в качестве антропонима пока не выявлены.

Далбарай Сандрин ‘птенец, только начавший летать; маленькая певчая птичка; ласкательное выражение’; в современном якутском языке ‘жаворонок’; литер. *күөрэгэй*.

Кыһыыдай (Кыһыытай) ‘красноглазка, сибирская плотва’ [ДСЯЯ 1976: 139].

Алчах Кутетеев, литер. *баҕа*. ‘лягушка’.

Сыланҥ – от диал. *сыыланҥ* ‘змея’; литер. *үөн*.

Аһыыка – от литер. *аһыҥа* ‘крупная кобылка; кузнечик’.

Күчүкта Өрөҥөөйөп ‘название растения, которое раньше привозили с речки Уды и лечили с его помощью разные болезни’.

Лэбин – от диал. *лэбэн-түөрэ* ‘лекарственная полевая травка, крестовник’.

Самыыр ‘дождь’, *Ардах Ыктыгаарап*, где *ардах* ‘дождь’.

Хотокоон – от *хотохоон* ‘охотничий нож, похожий на пальму, с более широким острием, длиной в две пяди’ и т. д.

Как видно, диалектный признак якутского антропонимикона совпадает с теми процессами, связанными с закреплением диалектных слов в разных диалектных зонах, хотя «границы между ними зыбки и непостоянны» [Воронкин 1999: 170]. Выразительные и многочисленные признаки аканья или оканья, а также других диалектных различий сложно выявить, так как в первоисточниках часто якутские личные имена искажаются в записях. Предстоит масштабное транскрибирование, что даст нам возможность для дальнейших исследований диалектной лексики и антропонимии якутского языка в русле языковой картины мира.

Литература и источники

Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. 197 с.

ДАЯЯ 2004 – Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Часть I. Фонетика / отв. ред. д.ф.н. И.Е. Алексеев; сост. С.А. Иванов. Якутск: Издательство ЯФ СО РАН, 2004. 124 с.

ДАЯЯ 2010 – Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Часть II. Морфология и лексика / сост. С.А. Иванов; отв. ред. П.А. Слепцов. Якутск: Издательство ЯФ СО РАН, 2010. 178 с.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка: Содержит свыше 8500 слов / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. М.: Наука, 1976. 392 с.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка / Отв. ред. проф. М.И. Матусевич. Ч. 2: Консонантизм. Якутск: Кн. изд-во, 1977. 255 с.

Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1980. 184 с.

Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2014. 248 с.

Николаев Е.Р. Якутские личные имена (лингвокультурологический аспект): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Якутск, 2018. 21 с.

Указатель 1970 – Указатель личных имен. А. Имена якутов, тунгусов и юкагиров // Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора): в 3 ч. / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. М.: Наука, 1970. Ч. III. С. 1117–1255.

Сокращения

диал. – диалект
литер. – литературный
п.-монг. – письменный монгольский язык

E.R. Nikolaev
(Yakutsk, Russia)

YAKUT ANTHROPONYMS IN THE CONTEXT OF DIALECTOLOGY

The article deals with dialect signs in pre-Christian Yakut anthroponyms. The author substantiates the proposition that proprial lexis is a unique material for etymological research, for identifying the origins of the Yakut language. The method of frontal sampling and phonetic analysis revealed traces of *akayuschego* and *okayuschey* dialects of the Yakut language, phonetic variations.

Key words: Yakut language, anthroponymics, Yakut anthroponyms, Yakut dialectology, dialect.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.333

Ф.Ш. Пашаева Юнус
(Карс, Турция)

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ» ФАМИЛИИ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Фамилии, образованные от названий профессий, имеются во всех языках. В некоторых из них они являются даже самыми распространенными. Нас заинтересовали заимствованные из тюрских языков в болгарский и русский языки фамилии. Эти фамилии были также связаны с профессией носителя и передавались из поколения в поколение.

Ключевые слова: «профессиональные» фамилии, заимствованные собственные имена, тюрские заимствования, русские фамилии, болгарские фамилии.

Фамилии, образованные от профессий, имеются во всех языках и сами по себе считаются антропонимической универсалией. У многих народов они находятся на первых местах по распространенности. Ярким примером является немецкий язык, в котором почти десять самых распространенных фамилий связаны с профессией: ***Müller*** (от нем. ‘мельник’), ***Schmid*** (от нем. ‘кузнец’), ***Schneider*** (от нем. ‘портной’), ***Fischer*** (от нем. ‘рыбак’), ***Meyer*** (от нем. ‘арендатор’), ***Weber*** (от нем. ‘ткач’), ***Schulz*** (от нем. ‘деревенский староста’), ***Wagner*** (от нем. ‘каретный мастер’), ***Baecker*** (от нем. ‘пекарь’), ***Koch*** (от нем. ‘повар’), ***Bauer*** (от нем. ‘крестьянин’), ***Schaefer*** (от нем. ‘пастух’). Фамилия ***Бауер*** (*Bauer* – ‘крестьянин’) использовалась так широко, что больше не могла служить для различения людей, приобретала скорее нарицательный характер и заменялась более конкретными оттопонимическими обозначениями.

Среди русских «профессиональных фамилий» такова фамилия *Кузнецов*, занимающая третье место по частотности. В турецком языке также много фамилий, обозначающих профессию, правда, они не так широко распространены, только на 40-ом месте появляется первая фамилия *Avcı* (от турецк. ‘охотник’).

Русские фамилии тюркского происхождения неоднократно становились предметом исследования многих ученых, при этом нельзя не упомянуть работы С.Б. Веселовского и Н.А. Баскакова. Среди фамилий мы хотели бы остановиться на «профессиональных фамилиях» тюркского происхождения. В русском языке эти фамилии связаны, за редким исключением, с военным делом или с титулами. Ниже даны некоторые из них.

Барашины – дворяне с XVI века [Веселовский 1974: 24], фамилия которых образована от тюрко-персидск. ‘слуга, уборщик’ [Баскаков 1979: 30].

Баскаков – «фамилия ведет свое происхождение от татарского баскака Амрагана, бывшего во второй половине XIII в. наместником во Владимире» [Баскаков 1979: 245]. *Баскак* – представитель монгольского хана в завоеванных землях, сборщик дани, надзиратель. Также фамилия ***Макшеев*** образована от тюрк. *бакши / макши* со значением ‘чиновник, надзиратель’ [Там же: 134]. Макшеевы были дворянами с 1653 года. Возможно, от Калемета и Асеметелима Макшеевых, крещёных татар, в 1568 году бывших слугами митрополитов и патриарха в Ярославле [Веселовский 1974: 191].

Беклешевы – фамилия образована от турецк. *беклеш* ‘сторож, начальник сторожевого поста’ [Баскаков 1979: 16].

Елгозины. Дворяне с XVII века. От Ивана Елгозина, упомянутого в качестве служилого татарина с имениями в округе Арзамаса под 1578 годом [Веселовский 1974: 107]. Фамилия возникла из тюркских слов: *ел / ил* ‘область, владение, племя’ и *гозя / ходжа / хужа* ‘господин, владелец’, т.е. ‘владелец страны, владелец племени’.

Ельчины – фамилия с 1609 года [Там же: 108], от тюрк. *елчы* ‘вестник, глашатай’. Вероятно того же корня фамилии ***Ельчанин*** и ***Ельчанинов*** [Баскаков 1979: 152].

Кончеевы – первые носители фамилии от Кончея из Большой Орды. Фамилия от тюрк. *кюнче* ‘кожевник’. Фамилия ***Сабанеевы***, по мнению Баскакова, происходит от тюрк. *сабанчи* – ‘пахарь’.

К фамилиям, образованным от титулов тюркского происхождения, можно отнести фамилии ***Меликов*** и ***Милюков***. Как сообщается в [Веселовский 1974: 196], «Семён Мелик, убит в 1380 году на Куликовом поле; от него – Меликовы, позже русифицированная фамилия Милюковых», среди которых встречаются и тюркские имена: *Мурза*, *Сабур* и др. Возможно, выходец из тюркоязычной кавказской среды, так как титул *мелик* (от араб. *малик* ‘царь’) был весьма характерен для азербайджанской и другой тюркоязычной знати в XШ–XIV вв. ***Салтанов или Султанов*** – фамилии, образованные от турецк. *султан* ‘правитель. ***Котлубеев*** также фамилия, связанная с титулом: от тюрк. *кутлу бей* ‘счастливый бек’. И еще хотелось бы остановиться на двух фамилиях, связанных с воинской деятельностью: *Черемесин* и *Чириков*. Фамилия ***Черемисин*** возникла из тюрк. *черю* ‘воин, военный человек’ [Баскаков 1979: 106], фамилия ***Чириков*** образована от тюрк. *черик* ‘войско’ [Там же: 117–118].

Среди «профессиональных фамилий» в болгарском языке можно встретить большое количество заимствованных из тюркских языков. В истории болгарской антропонимики XX века имело место следующее событие: в 1984–1985 годах болгарское правительство приняло указ о том, что живущее на протяжении веков тюркское мусульманское население, составляющее 2500000 человек, должны поменять свои имена и фамилии и заменить их славянскими (а точнее болгарскими) [Acaroglu 1999: 4]. Эта попытка не была успешной, хотя носила насильственный характер. Это происходило несмотря на то,что сами болгары на протяжении веков носили тюркские имена и фамилии. И понятным образом, сами не хотели менять имена и фамилии, полученные и передаваемые на протяжении многих веков. Самой распространенной моделью болгарских фамилий является модель «личное имя + суффикс *-ов, -ев, -ин*». Из турецкого языка в болгарский антропонимикон перешел суффикс *-oğlu, -olu*, который означает в тюркских языках ‘сын’ (***Денкоглу, Кудоглу, Дерменчиовлу***). Кстати, последняя фамилия обозначала профессию отца носителя – ‘сын кузнеца’. Среди современных болгарских фамилий из словаря Илчева, проанализированных Ачароглу, многие тюркского происхождения. Ачароглу также проанализировал все фамилии из телефонного справочника города Софии, обнаружив из 100000 фамилий около 3400 фамилий тюркского происхождения. Эти фамилии часто фонетически изменены и, на первый взгляд, трудно определить их тюркское происхождение. Во времена Османской империи в турецкий

язык огромным потоком влились арабо-фарсидские слова, а в болгарский вошло около 10000 тюркских слов.

Турки являются нацией, занимающейся преимущественно сельским хозяйством. Кроме этого, являясь наследниками самых древних мастеров деревянных дел и шахтеров, турки были хорошими купцами. Османские турки привнесли это в болгарскую культуру.

Это нашло отражение и в болгарских фамилиях, среди которых много таких, которые связаны с различными профессиями и ремеслами. Приведем некоторые примеры. К фамилиям, связанным с лесным ремеслом, сельским хозяйством и другими ремеслами, можно отнести следующие: ***Агачиев*** (от турецк. ‘дровосек, торговец дровами’), ***Одунчиев*** (то же значение, что и в фамилии *Агачиев*), ***Орманов***, ***Ормански***, ***Орманчиев*** (от турецк. ‘лесник’), ***Алмачыев*** (от турецк. ‘выращивающий яблоки или продавец яблок’), ***Балтачыев*** (от турецк. ‘продавец или изготовитель топора’), ***Балташев, Балтыйски, Балтыков*** (от турецк. ‘маленький топор’), ***Бахчиванов, Бахчиев, Бахчивански, Бахчовански*** (от турецк. ‘садовник’), ***Балыкчиев*** (от турецк. ‘рыбак’), ***Балчыев***, ***Балчыйски*** (от турецк. ‘изготовитель мёда или его продавец’), ***Кушчуев*** (от турецк. ‘птицелов, или имеющий птиц в хозяйстве’).

В болгарском языке имеется ряд фамилий, образованных от названий профессий, являющихся одновременно и топонимами. К таким можно отнести фамилию ***Дерменов*** и её варианты: ***Дермански***, ***Дерменчиев***, ***Дерменчийски***. Фамилия образована от слова ‘мельник, мельница’, и в Болгарии на данный момент имеется около десяти деревень с подобным названием, т.е. в основе фамилии носителей может лежать как обозначение профессии, так и название деревни [Acaroglu 1999: 4]. В Болгарии имеется также фамилия ***Балчыев*** и название пяти деревень с названием *Балчы* (‘изготовитель или продавец мёда’), т.е. фамилия носителя могла быть образована от обозначения профессии и от топонима.

Фамилии, образованные от обозначений титулов в турецком языке, представлены достаточно широко в болгарском языке. Титул *паша* – высокий титул в политической системе Османской империи, отсюда возможные варианты фамилий в болгарском языке: ***Пашалов, Пашаланов, Пашалиев, Пашалиски, Пашалийски, Пашамов*** и т.д. [Acaroglu 1999: 201]. К этой же группе относятся фамилии ***Юзбашев, Беков, Эфендиев, Эфендийски***. Фамилия ***Гаджиев*** имела много вариантов, состоящих из двух частей – турецкой и болгарской (***Гаджиангелов, Гаджиатанасов, Гаджирадонов*** [Там же: 99]). ***Златнотенджеров*** (‘изготовитель золотой кастрюли’) состоит из двух частей: *златно* – ‘золотой’ и *тенджере* – ‘кастрюля или её изготовитель’.

Интересным является тот факт, что в 1985 году, когда было принято решение исключить турецкие имена и фамилии из болгарского именника, были попытки

«переводить» значение фамилий, т.е., к примеру, ***Бакырчиев*** (от турецк. ‘медных дел мастер’) стал ***Медникаровым***, ***Саатчыев*** (от турецк. ‘часовщик’) получил фамилию ***Часовникаров, Терзиев*** (от турецк. ‘портной’) стал ***Шивачевым*** или ***Шиваровым***.

«Разгадывать» тайну происхождения фамилий – интереснейшее занятие, а если фамилия ещё и заимствованная, мы окунаемся в мир прошлого, пытаясь не только «растолковать» фамилию, но и раскрыть свои корни.

Литература и источники

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М: Наука, 1979. 280 с.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 586 с.

Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие на Руси. М., Наука, 1983. 608 с.

Гафуров А. Имя и история. М., Наука, 1987. 221 с.

Илчев С. Речник на личните и фамилните имена у българите. София: БАН, 1969. 628 с.

Acaroğlu M. T. Bulgarların aldığı Türkçe adlar ve soyadlar sözlüğü. T. C. Kültür Bakanlığı. Ankara, 1999. 274 с.

F.Sh. Pashayeva Yunus
(Kars, Turkey)

“PROFESSIONAL” SURNAMES OF TURKIC ORIGIN IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

The surnames of Turkic origin formed from names of professions are available in the Russian and Bulgarian languages. In some of them, they are even the most widespread. In this paper are investigated these loanwords in Slavic surnames on the example of the Russian and Bulgarian surnames. At the same time the pay attention to these surnames and their use by subsequent generations.

Key words: “professional” surnames, borrowed proper names, Turkish loan-words, Russian surnames, Bulgarian surnames.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.338

Р.А. Сулейманова
(Уфа, Россия)

БАШКИРСКИЕ ФАМИЛИИ, ОСНОВАННЫЕ НА АНИМИСТИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЯХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Вера в могущество природы, небесных тел, атмосферных и природных явлений заняла особое место в формировании общего именника башкир и послужила основной базой для дальнейшего развития башкирского антропонимикона. Исследование башкирских фамилий, основанных на анимистических верованиях и восходящих к именам, вышедшим из употребления и отсутствующим в башкирском именнике, определяет актуальность данной статьи.

Ключевые слова: ономастика, историческая антропонимия, фамилия, лингвокультурология, этимология.

Частью духовной культуры башкир является поклонение явлениям природы. Первые сведения о башкирах и их образе жизни, верованиях мы находим в письменных источниках IX–X вв. В начале X в. (921–922 гг.) посол багдадского халифа Ахмед Ибн-Фадлан, путешествуя к волжским булгарам, сообщает о территории, занятой башкирами, приводит ряд интересных данных об их верованиях. Он пишет: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господов: у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них» [Ковалевский 1956: 131]. Многие из названий этих господов нашли отражение и в башкирских именах.

Целью данной статьи является исследование происхождения и функционирования башкирских антропонимов на основе древнетюркских личных имен, восходящих к названиям небесных тел, атмосферных явлений и времен года. Следует отметить, что большинство из них сохранилось лишь в фамилиях, поэтому смеем предположить, что именно на основе изучения фамилий возможно осмысление древней антропонимической системы. Источником данного исследования послужили башкирские фамилии, зафиксированные в сборнике документов «Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы», вышедшем в двух книгах (2012, 2014 гг.), в которых опубликованы документы второй четверти XIX в., в первую очередь, формулярные списки чиновников Башкирско-мещерякского войска. Формулярные (послужные) списки – это форма систематического и регулярного учета российского военного и гражданского чиновничества, существовавшая с середины XVII в. до 1917 г. [ДМИБН: 924].

Как отмечает Т.Х. Кусимова, «названия небесных тел, атмосферных явлений и времена года: ай ‘месяц’, көн ‘солнце’, таң ‘заря’, ‘рассвет’, ҡояш ‘солнце’, төн ‘ночь’, кис ‘вечер’ образовали антропонимы, с одной стороны, как тотемы и, с другой – как показатели времени рождения ребенка. Который из этих факторов в образовании антропонимов выступал на первое место – сказать трудно» [Кусимова 1975: 15]. Мы предполагаем, что первичным фактором при образовании имен выступали древние верования башкир. Со временем же данные названия в именах стали употребляться в качестве показателя времени рождения младенца.

В историческом антропонимиконе башкир зафиксированы следующие имена: *Ҡыштыбай, Йәйсән, Ямғырсы, Елҡас, Елкәй, Елбулды, Төнөш, Төнәй, Яуымбай, Яуымбәт* и др. На сегодняшний день многие из этих имен бытуют лишь в фамилиях. В исследуемом источнике функционируют следующие фамилии с анимистической основой: *Буранаев, Буранбаев, Бурангулов, Буранов, Буранчин* – от ‘буран’, *Елкийдаров* – от *ел* ‘ветер’, *Яумбаев / Яунбаев, Яумбетов* – от *яуым* ‘осадок’, *Тунгунов, Тунлуков, Тунгильдин* – от *төн* ‘ночь’, *Ййлявов* – от *йәй* ‘летовка’ и т.д.

Более подробно остановимся на некоторых из них.

Верховным божеством башкиры считали *Тәңре* ‘небо’, ‘космос’, ‘небесные силы’, наименование которого нашло отражение в имянаречении. Несмотря на то, что имя верховного божества Тенгри отражает мужское начало и, казалось бы, должно даваться только мальчикам, в башкирском антропонимиконе функционирует женское имя: *Тәңребикә*. В нашем источнике зафиксирована фамилия *Тенгрибирдин* (*Тенгри* ‘Всевышний’ + *бирде* ‘дал’). В шежере башкир рода кальсер-табын племени табын отмечено личное имя *Тенгрибирде-бий* [БШ: 158]. В современной башкирской антропонимической системе *Аллабирҙе, Хоҙайбирҙе* являются синонимами данного имени.

В источнике нашего исследования трижды упоминается фамилия *Ямгурчин:* из 8-го башкирского кантона (Кармаскалинский район Республики Башкортостан). Необходимо отметить и единичный случай фиксации фамилии *Емгурчин*, возможно, также являющейся фонетическим вариантом фамилии *Ямгурчин*.

В «Башкирских шежере» упоминается имя *Ямғырсы* – от *ямғыр* ‘дождь’ «…Потомки **Ямгурчы-бия** назывались ямгурчы-кипчаками или ногай-кипчаками» [БШ, 1960: 95]. В башкирской мифологии существуют выражения: *ямғыр Тәңре, ямғыр Тәңреһе* ‘Божество дождя’, *ямғыр хужаһы, ямғыр эйәһе* ‘дух, хозяин дождя’, *Яуымбикә* ‘личное имя духа дождя, направленное на проецирование многодетности, плодовитости, хорошего урожая’ [Хисамитдинова 2011: 379, 382]. Как видно из примеров, для древних башкир дождь был объектом почитания и магического действия. Исходя из этого, можно истолковать, что оним *Ямғырсы → Ямғы(у)рчин* является доказательством былых анимистических верований башкир.

В книге «Башкирские шежере» отражены мужские имена*: Туман, Туманчи, Тумен-бий* [БШ: 52, 167, 156]. В нашем же источнике встречаются следующие фамилии с данной лексемой: *Туманов, Туманчин*. Данный антропоним встречается во многих тюркских языках. Это говорит о том, что на формирование и дальнейшее развитие антропонимической системы башкирского языка большое влияние оказали и культурные традиции древних тюрков. В «Родословной туркмен» Абу-л Гази можно найти интересную информацию по поводу происхождения данного онима: «Огузский иль сказал Ҡорҡоту: “Дай мальчику хорошее имя”. Ҡорҡут-ата сказал: “Пусть его имя будет Туманхан. Нет имени лучше этого. Этот мальчик родился во время тумана, и поэтому я дал ему имя Туман. И, во-вторых, от всего сердца желаю ему счастливой судьбы и потому даю имя Туман, ибо туман долго не держится, он скоро проходит. Туманный день станет солнечным…”» [Кононов 1958: 58].

В исследуемом источнике зафиксированы также фамилии с компонентом *көн*: *Кунсуяров, Кунчуваков, Кункасов, Кунрясов*. Лексема *көн* ‘солнце’ в башкирском языке является активным имяобразующим компонентом. Как отмечает Ф.Г. Хисамитдинова, *Ҡояш / Көн* ‘солнце’ «в башкирской народной культуре одно из самих мифологизированных и почитаемых небесных светил. Культ солнца глубоко проник в башкирские поверья, обряды и обычаи, запреты» [Хисамитдинова 2011: 264, 266].

Исследования древних пластов тюркских языков показывают, что в башкирском языке в значении солнце употреблялось слово *kön* – от пратюрк. **gün(el)* / **guńal* (1 солнце 2 день 3 солнечное место 4 солнечный жар) [Малов 1951: 553]. В тюркских языках *kün* в значении ‘солнце’ был первичнее, чем ‘день’. В.Г. Егоров предполагает, что само название солнца происходит от глагола *күй* ‘жечь’, ‘гореть’ [Егоров 1964: 117].

У башкир личные имена с компонентом *көн* отражали поклонение солнцу, которое должно было покровительствовать ребёнку.

Анализ башкирских шежере XVIII века показывает, что даже в период активизации мусульманских имён в башкирском именнике функционировали имена *Кунай, Кунтугмуш* [БШ: 62, 67].

В антропонимической системе башкир с компонентом *көн* функционируют такие женские имена, как *Кунбика, Куннур, Кунсылу, Куньямал* [Сулейманова 2013: 319]. Здесь можно говорить об утрате связи с древними верованиями. В большинстве случаев в таких именах лишь отмечается «фиксирование» времени появления (днем) младенца на свет, а также пожелания красоты и нежности.

Начиная с XIX века мужские имена с компонентом *көн* выходят из употребления. Вместо него, по нашим наблюдениям, начинает появляться личное имя *Ҡояш* (*Кояш / Куяш*). Например, в селе Кангирово Александровского района Оренбургской области был найден эпитафийный памятник, где было написано: «*1861 йыл.*

Нурғәле ***Ҡояш*** *улы 68 йәшендә вафат* (1861 год. Нургали сын Куяша скончался 68 лет от роду)» [Аккубеков 2016: 15]. В исследуемом источнике выявлена фамилия *Куяшев*. В источнике нашего исследования упомянуто 9 человек – носителей данной фамилии.

Также в настоящее время слово *ҡояш* встречается в названии речки на территории Республики Башкортостан. Не исключено, что данный гидроним образовался от мужского имени. В современном именнике башкир данный антропоним встречается в качестве женского имени, что, в свою очередь, доказывает двойственную сущность солнца.

В исследуемом источнике приводятся фамилии *Айсаков, Айсанов, Айчубаев, Айчуваков (Айсуаков)*, образованные от основы *ай* ‘месяц’. Нужно отметить, что первые три онима сохранились лишь в фамилиях. В башкирском именнике они отсутствуют.

В именнике башкир лексема *ай* как самостоятельный антропоним употребляется редко. Он функционирует в составе двухкомпонентных имен. Личные имена с компонентом *ай* активно функционировали и продолжают функционировать в антропонимиконе башкир. В «Башкирских шежере» зафиксированы следующие личные имена с данным компонентом: *Айзуак, Айле, Айсыуак, Айтуган* [БШ: 15, 174, 92, 151]. *Ай* в башкирских именах может также значить ‘родившийся в лунную ночь’ и ‘красивый’.

В современном башкирском именнике имеется 60 мужских и 44 женских имен с препозитивным компонентом *ай*, например: *Айнур, Айзат, Айдар, Айдис, Айгуль, Айзида, Айдан, Айсина, Айсылу, Айзила, Айназ* и др. [Сулейманова 2013: 14–21, 292–294]. Цифры показывают, что личные имена с компонентом *ай* в современном именнике башкир имеют высокую частотность функционирования и большинство из них являются новообразованиями.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что личные имена, восходящие к названиям небесных тел, атмосферных и природных явлений, являются древними, в настоящее время большинство из которых сохранилось лишь в фамилиях.

Примечание

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Роль русских письменных источников XVI–XX вв по Башкортостану в социально-культурной модернизации общества (на материале ономастики)», проект № 18-412-020031.

Литература и источники

Аккубеков Р.Ю. Эпитафийные памятники у башкир Оренбургский, Самарской и Саратовской областей. / Формирование и традиционная культура юго-западной этнографической группы башкир. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 15–18.

БШ – Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.

ДМИБН – Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842): Формулярные списки о службе чиновников Башкиро-мещерякского войска за 1836–1842 годы: В 2 кн. / Сост.: А.Я. Ильясова, З.Г. Гатиятуллин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 924 с.; 2014. 1072 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. С. 117.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана его путешествий на Волге в 921–922 гг. Харьков: Изд-во. Харьковского гос. университета им. А.М. Горького, 1956. 345 с.

Кононов А.Н. Родословная туркмен / Сочинение Абу-л-гази хана Хивинского. Л.: Ленинградское отделение издательства Академии наук СССР, 1958. С. 58.

Кусимова Т.Х. Древнебашкирские антропонимы: автореф. дис. …канд. наук. Уфа, 1975. 56 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

Сулейманова Р.А. Русско-башкирский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 364 с.

Хисамитдинва Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.

R.A. Suleymanova
(Ufa, Russia)

BASHKIR FAMILIES BASED ON ANIMISTIC VELATIONS: LINGUO-CULTUROLOGICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS

Belief in the power of nature, celestial bodies, atmospheric phenomena, and seasons took a special place in the formation of a common Bashkir nominal, consequently serving as the main basis for the further development of the Bashkir anthroponymic. The study of Bashkir surnames, based on animistic beliefs and dating back to names that are obsolete and absent in the Bashkir nominal, determines the relevance of this article.

Key words: onomastics, historical anthroponymy, surname, totem, linguoculturology, etymology.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.343

Г.С. Хазиева-Демирбаш
(Казань, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ТАТАРСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена системному изучению функционирования и развития личных имен в этнокультурном пространстве. В современном мире наблюдается явная недостаточность научных исследований этнокультурного пространства национальных языков народов, населяющих Российскую Федерацию, что предполагает насущную необходимость переориентации исследований с анализа отдельно взятых изолированных языковых единиц на реконструкцию языковой модели мира и комплексного изучения национальных языков и их антропонимических систем. В связи с этим настоятельно требуется комплексный междисциплинарный подход к исследованию этнокультурного пространства, которое детерминировало бы изучение антропонимической системы в во взаимосвязи этноса, языка и культуры.

Ключевые слова: татарские личные имена, этнокультурное пространстсво, современные личные имена, антропонимическая система.

Синхронное изучение личных имен позволяет определить системные связи структурных элементов (имен) и их функционирование в определенный период времени, выявить исторические тенденции развития личных имен путем сравнения синхронных срезов. Целью данной статьи является выявление тенденций развития современной татарской антропонимической системы. Методом исследования был выбран статистический и сравнительно-сопоставительный анализ. Материалом послужили Книги по учету прихода и расходов бланков свидетельств о государственной регистрации рождения Управления ЗАГС ИК МО г. Казани с 2008 по 2018 гг., в которых учитывались личные имена детей, рожденных в татарских семьях. Привлеченные к анализу Книги, являются ценными и надежными источниками антропонимической информации, наиболее ярко отражающими современные тенденции имянаречения. Десятилетний синхронный срез позволяет определить удельный и количественный состав, особенности изменения именного реестра, изучение которого исключает возможность попадания в него «случайных имен».

За десятилетний срок (2008–2018) было проанализировано 2750 записей о рождении детей. Из них 1425 – записи о рождении мальчиков, 1325 – записи о рождении девочек. За этот промежуток времени мальчикам было дано 160, девочкам 142 разных имен. Статистический анализ позволил выявить десять наиболее часто нарекаемых имен мальчиков и девочек: *Әмир (120), Тимур (111), Артур (101), Кәрим (98), Аяз (96), Эмиль (91), Камил (83), Рүзәл (79), Булат (72), Адель(68), Азат (65); Азалия*

(98), Камилла (92), Самира (90), Мәликә (86), Сабрина (81), Камиля (76), Милана (72), Ралина (70), Мәдинә (62), Карина (60).

Сопоставляя именник конца XX и начала XXI вв., следует отметить резкое упрощение количественного состава личных имен нового времени. Так, по материалам ЗАГСа 1930–1940 гг., на 1312 новорожденных мальчиков нами было выявлено 310 мужских личных имен. В 1990–2000 гг. рассмотрено 1378 актовых записей, обслуживающих 223 мужских личных имен. Методом сравнения были выделены «старые имена», которые входят в десятку частотных имен всех синхронных срезов (1930–1939 гг., 1990–1999 гг., 2008–2018 гг.): *Булат, Әмир, Азат*. В женском именнике «старые имена» не наблюдаются. Он практически полностью обновился.

Судя по исследованным источникам, сегодня преобладают традиционные имена арабо-персидского происхождения. Консервативность, традиционность является особенностью современных татарских мужских личных имен. Статистический анализ позволил выявить наиболее распространенные имена арабо-персидского происхождения: *Әмир* а. ‘цветущий, живущий’, *Кәрим* а. ‘великодушный, благородный, щедрый’, *Камил* а. ‘совершенный, полный, зрелый’, *Булат* п. ‘сталь’, *Адель* а. ‘справедливый’, *Азат* а. ‘свободный’, *Самира* а. ‘собеседница’, *Мәликә* а. ‘царица’, *Камилә* а. ‘совершенная’, *Мәдинә* а. ‘город’ и др.

Имя – это символ эпохи, героизма, влияние каких-либо исторических событий, оставивших значительный след в истории человечества. В современном антропонимиконе исследуемого синхронного отрезка с различной степенью интенсивности функционирует пласт имен, заключающих в своей семантике разные символы. Так, например, по материалам Книг 2008 года, новорожденных братьев именовали *Хабил* и *Габил*. Известно, что *Хабил* и *Габил* являются персонажами священных книг Евангелия и Корана. В Евангелие Каин и Авель – дети близнецы Адама и Евы. В Коране междуусобица Кабиля и Хабиля описывается более подробно. Так мифологические сюжеты из Корана вошли в антропонимическую систему татар и стали символом братьев-близнецов в мотивах имянаречения. Символом братьев являются также личные имена *Хасан* и *Хусейн*, которыми были наречены мальчики-близнецы, зафиксированные в Книгах. В материалах «Ревизских сказок» XIX века имена Хасан и Хусейн довольно часто встречаются. Этими именами нарекали братьев-близнецов или давали детям, которые рождались один за другим. Как известно, Хусейн и Хасан являются внуками пророка Мухаммеда. Также в 2009 году в материалах Книг зафиксировано имя девочки *Селена*. Это имя в древнегреческом языке является именем богини Луны.

В современном мужском именнике распространены имена библейских и коранических пророков: *Мухаммед, Сулейман, Йосыф, Ибрахим, Данил* и др. Распространённое имя *Данил* является ономавариантом имени *Даниель,* которое зафиксировано в древнееврейском языке. *Даниель* – это имя древнееврейского пророка, известного

как глава «тайноведцев и волхвов» при дворах царей Навуходоносора, Валтасара, Дария, Кира.

Традиционные имяобразующие антропоформанты и антропокомпоненты *ил*, *идел*, *ай*, *ал*, *нур* образуют личные имена с новым значением и формой. В данной работе под антропокомпонентом (АК) понимается оним, употребляющийся в качестве самостоятельного антропонима, а также выступающий в качестве детерминатива сложного имени. Антропокомпонент – активная часть антропонима, участвующая в образовании личных имен и встречающаяся во всех позициях в антропониме. Под антропоформантом (АФ) понимается антропонимический компонент, показатель личных имен, встречающийся только в ауслауте онимов. Особенно следует выделить компонент *ай*, который в начале XXI века является наиболее продуктивным имяобразующим АФ тюрко-татарского происхождения: *Айгиз, Айнур, Айгөл, Айзилә, Айрат, Айсылу, Айсинә, Айзат, Айбикә* и др. В современном антропониконе личное имя потеряло связь с апеллятивом *ай,* с которым связаны различные верования, традиции древних тюрков. Имя *Айсылу,* потеряв свое прежнее теофорное значение, в современном антропониконе преобретает дезидеративное значение. *Айсылу* образовано из двух компонентов т. *ай* + тат. *сылу* ‘красавица’. Первый компонент *ай* выступает как пожелание ребенку красоты и величия подобной лунному.

Анализ татарского именослова показывает, что в развитии современной именной системы определенную роль сыграли восточная и арабская религиозные культуры, которые с одной стороны значительно обогатили корпус татарских личных имен, с другой стороны, способствовали уменьшению употребления собственно тюркского пласта. Так, по сравнению с именословом 1990–1999 гг. в изучаемом синхронном срезе значительно уменьшился количественный состав тюркских личных имен. В основном тюркские АК и АФ участвуют как композиты двукомпонентных личных имен (*Тимерхан, Илсаф, Айнур, Әмирхан, Инсаф, Иделия, Ирхан, Алсу, Илназ*).

Следует выделить имена, ставшие модными только в начале XXI века: *Самир* а. ‘рассказчик, собеседник’, *Ясин* а. от названия суры в Коране*, Һади* а. ‘руководитель, предводитель’, *Севана* тур. ‘любящая’, *Самира* а. ‘рассказчица, собеседница’, *Шаһмира* п. *шаһ* ‘царь, правитель’ + а. *мир* от *әмир* ‘правитель, достопочтенный’ + *а* (показатель рода), *Сәгъдәнә* а. от слова *сагадат* ‘счастье’, *Сафина* а. ‘большая лодка, корабль’, *Рәйхана* а. ‘удовольствие, наслаждение, блаженство’, ‘базилик’, *Язгөлем* тат. *яз* + *гөлем* ‘мой весенний цветок’, *Арзу* тур. ‘желание’.

В данном синхронном срезе не отмечается зависимость употребляемости тех или иных имен от исторических событий. Определяющими в динамике имен являются внутренние закономерности движения моды. Характерными в этом отношении являются имена дважды пережившие расцвет в начале XXI века: *Әмирхан, Ихсан,*

Габделгазиз, Сабирҗан, Аллаһбирде, Нуретдин, Нөсрәтулла, Сәгыйдә, Газизә. Данные имена нами зафиксированы в конце XVIII века в материалах «Ревизских сказок».

Современная антропонимика обладает большим арсеналом специальных словообразовательных возможностей, которые являются принадлежностью односоставных имен. В отличие от производных личных имен, в разговорной речи в сложных именах один компонент или АК является основным, второй формант опускается. Так, традиционной формой современных татарских личных имен являются сложные имена, состоящие из основного компонента – АК, и АФ или АК, которые составляют национальную антропонимическую модель.

В структурном отношении в современных личных именах в основном выявляется тенденция упрощения. Наиболее заметна эта тенденция в современных татарских женских личных именах. В татарских мужских именах напротив прослеживается устойчивость традиционных антропонимических моделей, исходя из которых следует полагать, что в татарских мужских личных именах сохраняется традиционность мотивов имянаречения, национальная изюминка воззрений и взглядов татарского народа.

Таким образом, необходимо отметить, что основные измения структурного состава личных имен происходит под влиянием и языковых, и экстралингвистических факторов. В сравнении с женскими личными именами, татарские мужские личные имена подчиняются к традиционнным структурно-словообразовательным законам имянаречения татар. По данным нашего исследования, женские личные имена более подвергнуты к интернационализации.

Вторжение в ономастику экстралингвистических факторов, таких как этнокультурные взаимосвязи родственных и неродственных народов, идеологические и политические процессы, происходившие в истории общества, приводят к фронтальному заимствованию и усвоению иноязычных имен. В антропонимическом реестре 2008–2018 гг. наблюдается интенсивное проникновение имен западного и восточного типов.

Условные сокращения

а. – арабского происхождения, п. – персидского происхождения, т. – тюркского происхождения, тат. – татарского происхождения, тур. – турецкого происхождения

G.S. Khaziyeva-Demirbaš
(Kazan, Russia)

CONTEMPORARY TATAR PERSONAL NAMES IN THE ETHNO-CULTURAL SPACE

The article is devoted to the systematic study of the functioning and development of personal names in the ethno-cultural space. In the modern world, there is a clear lack of scientific research

of ethno-cultural space of national languages of the peoples living in the Russian Federation, which implies an urgent need to reorient research from the analysis of individual isolated linguistic units to the reconstruction of the language model of the world and the integrated study of national languages and their anthroponymic systems. In this regard, an integrated interdisciplinary approach to the study of ethno-cultural space is urgently required, which would determine the study of the anthroponymic system in the relationship of ethnicity, language and culture.

Key words: Tatar personal names, ethno-cultural space, modern personal names, anthroponymic system.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.347

А.В. Цепкова
(Новосибирск, Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОЗВИЩ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗВИЩ-АНТРОПОНИМОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена анализу метафорических моделей образования современных русских прозвищ-антропонимов, характеризующих внешность именуемого лица: «человек – неодушевленный предмет» (38,7%), «человек – животное» (29,3%), «человек – человек» (17,3%), «человек – антропоморфное существо» (14,7%). Выбор соответствующей модели отражает дискретность (фрагментарность) или недискретность (целостность) восприятия номинатором именуемого лица.

Ключевые слова: прозвища-антропонимы, метафорические прозвища, метафорическая модель, вторичная номинация, мотивация, характеристические прозвища.

Целью исследования является рассмотрение основных метафорических моделей образования современных русских прозвищ-антропонимов, мотивированных особенностями внешности именуемого. Материалом исследования послужили метафорические прозвища в количестве 191 единицы, отобранные из картотеки, включающей 1690 прозвищ и составленной нами на основе анкетирования учащихся средних общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведений г. Новосибирска и Новосибирской области, которое проводилось в период с 2014 по 2019 гг.

К метафорическим мы относим прозвища, образованные от апеллятивов или антропонимов на основе сходств первичного и вторичного носителя имени, приписываемых им номинатором. Таким образом, помимо собственно метафор нами рассматриваются также прозвища, представляющие собой случаю метафорической антономасии.

Рассмотрению явления прозвищной метафоризации посвящены исследования мотивационных моделей прозвищ [Стаханова 2011; Гузнова 2016], зооморфных прозвищ [Боброва 2015; Шпар 2018]. Ранее нами также проводилось исследование метафорических моделей англоязычных прозвищ [Цепкова 2017: 117–126], позволившее сделать вывод о том, что в случае неконвенциональных наименований метафора выступает одновременно как вид вторичной номинации, стилистический прием и когнитивный механизм, понимаемый как «способ постижения одной вещи в терминах другой» [Лакофф, Джонсон 2004: 62] и отражающий возможные алгоритмы поиска номинатором модели именования на основе реального (объективного) или мнимого (субъективного) сходства двух не связанных друг с другом объектов, при этом в соответствующих случаях наблюдается явление деперсонификации, анимализации и антропоморфизации человека и его свойств.

Механизм метафоры используется главным образом при образовании характеристических прозвищ. На данный момент группа метафорических характеристических прозвищ включает 416 номинативных единиц, что составляет 24,6% от общего количества прозвищ в нашей картотеке. Группа метафорических прозвищ, мотивированных внешними признаками именуемого, составляет 191 наименование (46% от всех метафорических прозвищ и 11,3% от всех прозвищ в нашей картотеке), являясь, таким образом, самой большой группой среди метафорических прозвищ. К наиболее частотным моделям метафорической прозвищной номинации на основе внешности относятся: «человек – предмет (материальный неодушевленный объект)», «человек – животное», «человек – человек», «человек – антропоморфное существо». Рассмотрим данные модели более подробно.

1. «Человек – предмет». Данная группа тематически неоднородна и составляет 38,7% (74 номинативные единицы, далее – НИ). Прозвища, составляющие данную группу, основаны на конкретных визуальных ассоциациях по форме, размеру и цвету: 1) полнота (22 НИ) репрезентируется чаще всего через гастрономическую метафору, основанную на сравнении со сдобными изделиями или изделиями из теста (*Пирог, Булочка, Батон, Беляш, Пельмень*), колбасными изделиями (*Максимилиановская Колбаска*), желеобразной массой (*Кисель*). Другие способы репрезентации данного свойства включают сравнение с предметами, имеющими форму шара (*Глобус, Мячик*), крупными объектами (*Бомба, Бочка),* в том числе, транспортными средствами (*Фура, Бульдозер, Дирижабль*); 2) высокий рост (9 НИ) сравнивается с предметами, воспринимаемыми в качестве эталона характеристик длины (*Шпала*), высоты (*Каланча*, *Стремянка*); 3) форма головы, лица (5 НИ) описывается через соотнесение с предметами, схожими по форме: *Яйцо, Тарелка, Шайба, Месяц, Луна*; 4) худоба (4 НИ) ассоциируется с плоскими (*Фанера, Доска*) и тонкими и вытянутыми предметами (*Арматура, Сосисочка*); 5) маленький рост, миниатюрное телосложение (4 НИ)

соотносятся с мелкими предметами (*Болтик, Зубик*), игрушками, моделирующими маленького ребенка (*Кукла, Пупс*); 6) прическа, тип волос (4 НИ) ассоциируются с разнородными предметами, схожими по форме: *Биг-бон* (волнистые волосы, напоминающие лапшу), *МКПП 4WD* («потому, что была с двумя завернутыми косичками»), *Пенёк* (прическа). Остальные прозвища (13 НИ) представляют единичные случаи метафоризации на основе сходства по форме (*Тумбочка* < небольшой рост и плотная фигура; *Вантус* < форма губ), цвету (*Майонез* < бледный; *Варёный* < смуглый). К рассматриваемой модели нами относятся также объекты растительного мира, включающие 13 НИ. Мы не выделяем данные номинации в отдельную модель в связи с тем, что ассоциации основаны на предметных, физических свойствах источника метафоризации (форма, цвет), в качестве которого преимущественно выступают плоды фруктов и овощей: 1) ассоциация по цвету: *Апельсин, Морковка, Персик, Баклажан* (соответствующий цвет волос); 2) ассоциация по форме прически (*Ананас, Брокколи*), форме головы (*Тыквач* (большая голова), тела (*Мандаринка* (пухлый). В данную подгруппу также входят случаи фитонимной метафоры, отражающие сходство по форме: *Кактус* (форма головы).

2. «Человек – животный мир» (29,3%, 56 НИ). В рамках данной модели происходит соотнесение характеристик внешности объекта номинации с внешними признаками представителей животного мира. Животные служат источником метафоризации следующих свойств человека: высокий рост (*Жираф, Цапля*), маленький рост (*Мышка, Суслик*), прическа (*Ёжик, Белочка*), полнота (*Кабан, Бегемот*), большие щеки (*Хомяк*), длинные ноги (*Страус*), длинная шея (*Гусь*), выпяченные губы (*Рыба*), крупное телосложение (*Конь*). Единичные случаи зооморфных прозвищ номинируют следующие свойства внешности: большие зубы (*Белка*), скобы на зубах (*Акула*), особенности макияжа (*Пандочка*), длинный нос (*Ворон*), форма лица (*Кобра*), цвет волос (*Лиса, Белка*), прическа и цвет волос (*Лёвушка*). Также в рамках данной группы выделяются прозвища, мотивированные внешним сходством человека с соответствующим животным: *Обезьяна, Мышка*, *Крысёныш*.

3. «Человек – человек» (17,3%, 33 НИ). Согласно данной модели образуются: 1) отпрецедентные прозвища [Стрельцова 2010: 18] (20 НИ), при этом имя используется как антономасия, отсылающая к типичной черте первичного носителя или мотивированная общим сходством. При этом первичный носитель является представителем реального или воображаемого миров, а именно: а) известной личностью (9 НИ): *Пушкин* (кудрявый), *Якубович* (усы), *Обама* (смуглый); *Гитлер, Бибер* (общее сходство); б) героем художественного фильма (7 НИ): *Профессор Снегг, Сабрина* (общее сходство); в) персонажами детской художественной литературы и комиксов (3 НИ), обладающими примечательной чертой внешности, способствующей их использованию в качестве прозвищ: *Дядя Стёпа* (высокий рост); г) персонажами

мультфильма (1 НИ): *Масяня* (прическа); 2) отапеллятивные прозвища, отражающие связь характеристик внешности объекта номинации с типичным объектом-эталоном, воплощающим стереотипные представления об этнических особенностях внешности (*Цыган* (смуглый), *Ариец* (блондин); свойствах внешности, ассоциирующиеся с определенным статусом или родом деятельности (*Босс* («маленький рост, пухлый»); *Кочегар* (смуглый)); свойствах внешности, типичных для определенной субкультуры (*Панк* (прическа)). Общее количество прозвищ данной группы – 13 НИ.

4. «Человек – вымышленный антропоморфный персонаж» (14,7%, 28 НИ). Данная модель порождает прозвища на основе общего сходства именуемого и первичного носителя или ассоциации с определенной примечательной чертой внешности последнего. Большинство прозвищ, образующихся по данной модели, являются отпрецедентными, при этом источником метафоризации выступает: 1) конкретный антропоморфный персонаж кинофильма, мультфильма, детской телепередачи, имя которого служит в качестве прозвища на основе общего сходства именуемого с созданным на экране образом (20 НИ): *Бильбо, Спанч Боб, Сквидвард, Вуди, Гуф, Бэмби, Шрек, Сид, Лунтик, Совунья*. Кроме того, в данную группу входят прозвища на основе имен персонажей, ассоциирующихся с конкретным качеством: *Свинка Пеппа, Пумба* (полнота), *Смурфетта, Кузя* (прическа); 2) персонажи детской художественной литературы (4 НИ): *Чебурашка* (большие уши; симпатичный), *Буратино* (невысокий, худой и с большим носом), *Колобок* (полнота). Отапеллятивные наименования этой группы (4 НИ) образуются на основе общности свойств именуемого и антропоморфного сказочного, фольклорного, мифологического существа: *Гном* (маленький рост), *Эльф* (большие уши), *Кикимора* (волосы зеленого цвета).

Таким образом, к качествам внешности человека, чаще всего подвергающимся метафорической номинации через прозвища, относятся: полнота (31 НИ), особенности прически (20 НИ), высокий рост (17 НИ). 138 прозвищ (72,3%) основаны на сходстве конкретной черты внешности с определенным объектом. При этом поиск объекта-эталона осуществляется главным образом согласно неантропоморфным моделям «человек-предмет» (70 НИ) и «человек-животное» (45 НИ). В группе прозвищ, основанных на нескольких признаках, модели распределены равномерно (4 НИ – 4 модели), но малочисленность группы не позволяет делать обоснованные выводы. 49 (25,7%) прозвищ образованы на основе общего сходства именуемого и источника номинации, при этом частотность выбираемых моделей обратна: «человек-человек» (22 НИ), «человек-антропоморфное существо» (14 НИ), «человек-животное» (10 НИ), «человек – предмет» (3 НИ). Выявленная закономерность связана с дискретным восприятием физических качеств человека как его неодушевленных атрибутов, а сравнение человека с человеком или антропоморфным существом основывается главным образом на недискретном, совокупном сходстве сравниваемых объектов.

Литература и источники

Боброва М.В. Современные пермские прозвища, мотивированные лексикой тематической группы «Животные» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 1. 2015. С. 136–140.

Гузнова А.В. Прозвищная номинация в арзамасских говорах (части нижегородских): дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2016. 291 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Стаханова И.С. Прагматика школьных прозвищ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 14 с.

Стрельцова М.Ю. Прозвищные именования в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010. 26 с.

Цепкова А.В. Прозвище как часть лингвокультуры (на материале английского языка). Изд. 2-е. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. 202 с.

Шпар Т.В. Зооморфные прозвища футболистов (на материале немецких СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 194–197.

A.V. Tsepkova
(Novosibirsk, Russia)

METAPHORICAL PATTERNS OF NICKNAMES, CHRACTERIZING APPEARANCE (BASED ON ANTHROPONYMIC NICKNAMES OF NOVOSIBIRSK REGION)

The article analyses metaphorical patterns of coining contemporary Russian anthroponymic nicknames, used to characterize the nominee's appearance: "man – lifeless thing" (38.7%), "man – animal" (29.3%), "man – man" (17.3%), "man – anthropomorphic creature" (14.7%). The choice of pattern reflects the name-giver's discreet vs integral perception of the name-bearer.

Key words: anthroponymic nicknames, metaphorical nicknames, metaphorical pattern, secondary nomination, motivation, characterizing nicknames.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.352

Е.П. Черногрудова
(Борисоглебск, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И ПРИНЦИПАХ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ

В настоящей статье характеризуются основные принципы именования древнерусских князей: принцип повтора имени предка и принцип варьирования родового имени. Также анализируется развитие системы имянаречения русских князей в период средневековья.

Ключевые слова: имянаречение, языческие имена, христианские имена, княжеский именослов.

Процесс наречения имен – один из интереснейших признаков человеческой культуры, а антропонимы – это уникальные символы культуры, которые могут многое рассказать об эпохе, в которую они существуют. Именно поэтому у каждого народа есть свои традиции имянаречения, которые могут определяться модой или строгими принципами, могут меняться со временем, а значит, – быть своеобразным культурным знаком эпохи. В качестве языкового материала в данной статье выбраны имена древнерусских князей – это династические имена, которые правители давали наследникам и членам своей семьи. Такой выбор объясняется тем, что имена русских князей прекрасно сохранились в источниках, по сравнению с именами обычных людей.

Вместе с христианством на Русь были привнесены христианские имена. Это были имена христианских святых, для распространения которых церковь прилагала немалые усилия. Сложилась ситуация, когда исконные языческие имена устанавливали связь человека с его родом, а значит – с прошлым, настоящим и будущим, а христианские имена, несмотря на лоббирование их со стороны церкви, долго для большинства людей оставались пустыми словами – без ассоциаций, аллюзий и дополнительных смыслов. Поэтому адаптация христианских имен на Руси поначалу не сопровождалась разрушением языческих традиций имянаречения. Как следствие – складывалась ситуация, при которой крестившимся правителям были необходимы и имена традиционные, языческие, и имена новые, христианские.

В результате на Руси складывается стратегия двуименности, т.е. человек имел и традиционное родовое, языческое имя, и христианское имя, которое давалось ему при крещении. Например, князь Владимир, крестивший Русь, получил уже взрослым христианское имя *Василий*. Его сын – Ярослав Мудрый – стал в крещении *Георгием*. Это противостояние старых языческих имен и новых христианских в княжеском именослове длилось долго и объяснялось тем, что имя наследника определяло его имя в роду и те властные привилегии, на которые он мог рассчитывать. Именослов

Рюриковичей очень консервативен, новых имен в него почти не проникало, наиболее распространенными были следующие мирские имена: *Владимир, Всеволод, Мстислав, Игорь, Олег, Святослав, Ярополк*. Преемственность имен олицетворяла преемственность наследственных прав на землю и княжение. Таким образом, древняя функция имени сильно отличается от современной: сейчас считается, что личное имя призвано отличать одного человека от другого, а раньше полагали, что имя обладает функцией отождествления людей. Давая ребенку имя, например, его прадеда, желали подчеркнуть, что этот ребенок унаследует его таланты, могущество, славу. Поэтому справедливо, если ему достанутся имущество и властные привилегии его старшего тезки.

Наследник рода должен был носить имя одного из своих славных предков, при этом происхождение этого имени было не важно. Так, в IX в. были Рюриковичи и со скандинавским именем *Игорь*, и со славянским – *Святослав*.

Выбор имени для отпрыска князя осуществлялся в соответствии с определенными принципами. Первый из них – это **наречение в честь умершего предка** (Ф.Б. Успенский). При наречении мальчика выбирали из имен его предков по мужской линии. Например, старшего сына князя Новгородского и Киевского Мстислава Великого назвали *Всеволодом* в честь его прадеда Всеволода Ярославича, так как на момент рождения этого ребенка его дед был еще жив. Второй сын Мстислава Великого получил имя *Изяслав* в честь его дяди, который тогда недавно погиб. То есть старший сын Мстислава получает имя наиболее почитаемого из умерших родичей, а следующие дети наделялись именами непрямых предков, чьи княжеские столы впоследствии они могли наследовать. Таким образом, выбор предка-прототипа для имя-наречения зависел от места в княжеской иерархии, отводившегося ребенку.

Имя ребенку выбирал старший из **живущих** родственников по мужской линии. При этом существовал строгий запрет на наречение их мирским (языческим) именем. Так создавалась система преемственности, в которой у всех членов рода была своя роль. Иногда ребенок мог получать имя из рода матери. Но для мальчика это чаще было дополнительное родовое имя. Например, князь Мстислав в европейских хрониках назван *Харальдом*. Сын Владимира Мономаха и правнук Ярослава Мудрого, он по материнской линии принадлежал к роду англо-саксонских королей и был сыном Гиды, которая после смерти своего отца оказалась в изгнании и стала женой Владимира Мономаха. Но на Руси старший сын Владимира Мономаха известен только как *Мстислав*, реже – как *Федор*, т.е. под своим крестильным именем. Таким образом, он имел три имени. Но основное имя княжича пришло из рода отца, а имя из рода матери было второстепенным. Он им пользовался в основном, находясь за границей. Еще пример: Юрий Долгорукий был женат на половецкой княжне, и его сын Андрей Боголюбский имел дополнительное имя *Китай*, взятое из половецкого рода матери.

Для рода Рюриковичей принцип наречения именем умершего предка приобрел особое значение. Совпадение имени молодого правителя с именем его умершего предка, когда-то княжившего на этой земле, означало законность его власти. Такое отношение к структуре княжеской власти надолго переживает древнюю буквальную веру в реинкарнацию и становится основой для выбора имени членам правящего рода.

Второй принцип имянаречения древнерусских князей – это **принцип варьирования родового имени** (Ф.Б. Успенский), в соответствии с которым имена детей повторяли отдельные элементы или основы имен родителей. Можно полагать, что у Рюриковичей этот принцип являлся заимствованным: на Руси рано появляются носители германских имен, у которых имя сына или дочери повторяет одну из основ имени отца. В имени Святополка Окаянного, предполагаемого убийцы святых Бориса и Глеба, воспроизводится не только первая основа имени деда (*Свято*), но и основа, входившая в имя Яро**полка** – старшего брата Владимира. Мать Святополка была сначала женой Яро**полка Свято**славича, затем ее взял в жены его младший брат Владимир, который не любил Святополка, так как не был уверен, что он его сын, а не сын брата. Но позже он все же усыновил мальчика, поскольку Святополк был единственным сыном Владимира Святого, и он получил имя с одной из основ имени Яро**полк**. Имя этого человека не воспроизводит буквально имя ни одного из возможных отцов, но оно явно актуализирует связь с одним из них. Наречение в честь дяди по отцу было обычным делом, а комбинирование с использованием одной из основ имени старшего родича (деда) отражает описанные сомнения Владимира.

Итак, на Руси существовал запрет на наречение именем живого прямого предка, так как это противоречило древним представлениям о реинкарнации (был *Мстислав Мстиславич*, но он родился после внезапной кончины отца). Когда родовое имя воспроизводилось частично, то и соблюдался запрет на наречение именем живого родственника, и поддерживалась преемственность родовых прав. Выбор имени для незаконных князей на Руси в особую подсистему не сложился. Иногда их наделяли отчеством, образованным от имени матери (Олег *Настасьич* – сын Ярослава Осмомысла).

В дополнение к названным у каждого правящего рода существовали дополнительные механизмы имянаречения. Однако всю систему нельзя описать, исходя только из связей от отца к сыну. Противостояние между дядьями и племянниками было очень распространено среди Рюриковичей, и эти распри могли как разобщать, так и сплачивать династию. Запрета на прижизненное использование имен более отдаленных предков не было. Дядя и племянник могли быть названы одним именем по двум причинам: 1) племянник в честь дяди – тогда это свидетельство дружбы; 2) оба – в

честь одного предка; тогда это желание оттеснить дядю от власти. То есть имянаречение – это попытка определить династическую судьбу ребенка.

К XV в. старые языческие (мирские) имена были вытеснены из княжеского именослова христианскими (братья *Василий* (*Владимир*), *Роман* (*Борис*), *Давыд* (*Глеб*) – сыновья Владимира Святого), которые встраиваются в систему по простой модели: сначала прославленный церковью князь носит имя в качестве второго крестильного имени (Владимир Святой – *Василий*), а затем его потомок получает его как единственное (*Василий* – сын Владимира Святого). Так отпадает необходимость соблюдать принцип двуименности. Затем появляются и другие единственные христианские имена князей, полученные ими в честь предков, не прославленных церковью. В таком случае это имена младших сыновей. Сыновья Владимира Мономаха имели такие имена: *Юрий* (в честь прадеда Ярослава Мудрого (Георгия), *Роман* (в честь двоюродного прадеда Бориса Святого), *Андрей* (в честь деда Всеволода Ярославича).

Таким образом, к XII в. христианское имя постепенно начинает совмещать в себе две функции: оно становится и крестильным, и родовым одновременно. После замены исконных языческих имен Рюриковичей христианскими, сын уже мог называться крестильным именем своего живого отца. Но основные принципы имянаречения остаются. Княжеские мирские имена могли носить только князья, а их христианские имена могли иметь все. Но не все христианские имена подходили князьям, поэтому те из них, которые им принадлежали, тоже становятся родовыми. Это были имена воинов, патрональных покровителей Рюриковичей: *Андрей, Федор, Георгий, Михаил*. Князь Василий Васильевич Темный был крещен в честь Василия Анкирского, а его отец Василий I – в честь Василия Великого, т.е. отец и сын были тезками (имели одно имя), что соответствовало правилам преемственности власти, но в то же время они как бы и не были тезками (так как были крещены в честь разных святых), что соответствовало духу родовой традиции. В распределении патрональных святых в XIV–XVI вв. не было случайностей. Христианское имя и святой покровитель княжича могли совпадать с этими же характеристиками его предка только в том случае, если последний уже умер. А два родных брата, живущие одновременно, могли иметь одно имя и одного небесного покровителя. То есть святые покровители детей-тезок должны были совпадать, а святые покровители сына и живущего отца обязательно различались.

В XV в. появляется обычай наречения по 8-му дню (дню крещения): брали имя святого, в день памяти которого крестили ребенка, но учет календаря не стал обязательным. Князь должен был получить родовое, теперь христианское, имя. Так, у русских князей появляются два христианских имени: одно родовое, а другое календарное, выпадавшее как бы случайно. Первое – главное, публичное, а второе – второстепенное, интимное (с ним человек причащался и исповедовался). Например, Иван

Грозный – *Тит*, его отец Василий III – *Гавриил*, его сын Дмитрий – *Оан*, другой сын его Иван – *Марк* и *Кирилл*).

Таким образом, двуименность поздних Рюриковичей отличалась от домонгольской двуименности древнерусских князей: раньше основными были мирские языческие имена, а потом христианские имена приобретают все большее значение, формируется круг княжеских христианских имен. Но двуименность не уходит, так как появляются христианские календарные имена.

Литература и источники

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.

Успенский Ф.Б. Язык династических имен в Домонгольской Руси // Режим доступа (свободный). URL.: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=3140 &id=4797&view=print [Дата обращения: 09.03.2019].

E.P. Chernogrudova
(Borisoglebsk, Russia)

ON SOME PECULIARITIES AND PRINCIPLES OF OLD RUSSIAN PRINCES' NAMING

This article deals with the basic principles of old Russian princes' naming: the principle of repetition of the ancestor's name and the principle of variation of the patrimonial name. The author also analyses the development of the Russian princes' naming system in medieval times.

Key words: naming, pagan names, Christian names, list of princes' names.

УРБАНОНИМИКА И ЭРГОНИМИКА

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.357

.В. Горлова
(Кострома, Россия)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОДОНИМОВ МАЛОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА НЕРЕХТА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье исследуется урбанонимикон Нерехты, типичного малого города центра России, расположенного менее чем в 300 км от Москвы. Объектом анализа стали годонимы, которые входят в ядро урбанонимического поля города и составляют 70% от всех официальных названий Нерехты. Рассмотренные структурные особенности официальных названий улиц позволяют сделать вывод о несомненном преобладании названий двух структурных типов.

Ключевые слова: урбанонимия, годоним, структурные особенности названий, Нерехта, ядро урбанонимического поля.

Система названий современного города складывается из проприальных имен различных объектов городского пространства. Названия улиц, площадей, проспектов, переулков, парков и других внутригородских объектов составляют урбанонимикон города. Сам термин *урбаноним* применительно к городским названиям возник относительно недавно, в научный оборот его ввела в 70-е гг. XX столетия Н.В. Подольская, и постепенно данный термин получил свое распространение в трудах многих исследователей топонимии [Мезенко 1991; Супрун, 2000; Разумов, 2015 и др.].

Урбанонимикон города Нерехта (районный центр Костромской области, в 40 километрах от Костромы) составляют названия различных топографических объектов внутригородского пространства. На настоящий момент выявлено более 350 официальных и неофициальных названий. Из них 250 – это официальные урбанонимы, остальные – неофициальные названия. Нередко «народные» имена функционируют наряду с существующими официальными наименованиями тех же объектов: магазин *Под котлованом* (неофиц.) = *«Три толстяка»; Кооперативный дом* (неофиц.)*, Фабричный дом* (неофиц.)*; Кисельная улица* (неофиц.) = *ул. Бебеля*; *Егорьева Гора*

(неофиц. название района города*); Волголага* (неофиц. название района города); *Глушишный мост* (неофиц.) = *Железнодорожный мост* (через р. Солоницу) и др.

Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун в статье «Система современной русской урбанонимической терминологии» определяют урбаноним как «название внутригородского объекта, способное выполнять адресную функцию» [Мадиева, Супрун 2017: 116]. Рассматривая урбанонимию города в системе, они выделяют ядро урбанонимического поля, куда входят годонимы и агоронимы; околоядерное поле, представленное ойкодомонимами и экклезионимами; дальнюю или крайнюю периферию названий, возникающую благодаря трансурбанонимическим переходам внутри урбанонимикона, ее составляют пилонимы и гефиронимы, а также официальные и неофициальные хоронимы и городские микротопонимы [Мадиева, Супрун 2017: 116–117].

Ядро урбанонимического поля Нерехты, включающее годонимы и агоронимы, представлено 173 официальными названиями, что составляет около 70% от всех установленных на настоящий момент официальных названий города. Подобная ситуация преобладания в системе официальных названий малых провинциальных городов ядерных урбанонимов является типичной для настоящего времени. Этой точки зрения придерживается Р.В. Разумов, например, он отмечает тот факт, что онимическая система малого провинциального города содержит в большей степени годонимы, реже – агоронимы, а периферийные названия в ней менее развиты [Разумов 2018: 135].

С точки зрения структуры современные годонимы Нерехты можно условно разделить на 3 группы.

1. Названия, образованные по типу «номенклатурный термин (улица, переулок, площадь и т.п.) + топооснова, выраженная субстантивом в род. п.»: *ул. Бебеля, ул. Белинского, ул. Пушкина, ул. Гагарина, ул. Мира, ул. Дружбы*. Это группа представлена 113 названиями (65% от всех годонимов). Отметим, что генитивные названия появились в официальной урбанонимии Нерехты относительно недавно – в послереволюционные годы (по имеющимся у нас сведениям до 1917 года в городе была лишь один случай, который соответствовал данному типу – *ул. Суворова*, однако встречается и вариант *Суворовская улица*).

Модель, где топооснова представлена существительным в род. п., является сейчас одной из самых продуктивных в официальной топонимии Нерехты (как правило, это названия, появившиеся в период после Октябрьской революции). Данная тенденция, по мнению ряда исследователей [Морозова 1967; Забелин 2007; Егорова 2012 и др.], присуща в целом всей городской топонимии России и объясняется «не только близостью значений родительного прииненного с именами прилагательными отсубстанивного происхождения, но и способностью слов в форме родительного падежа принимать метафорическое значение, подобно именам прилагательным» [Морозова

1967: 77]. Однако в речи горожан отмечается стремление преобразовать эту «новую» модель в исторически привычную форму (прилагательное + слово-термин), в результате чего благодаря сближению родительного прииименного с отсубстантивными прилагательными возникают аллонимы: *ул. Ленина – Ленинская улица; ул. Пушкина – Пушкинская улица; ул. Красной Армии – Красноармейская улица* (с недавнего времени последнее название встречается именно во 2-м варианте уже на официальных планах города).

Как правило, годонимы с родительным прииименным – это депроприативные названия, чаще всего искусственные мемоативы, призванные осуществлять идеологизацию политически несознательных провинциальных жителей в свете смены социальной формации. Стоит отметить, что появление подобных урбанонимов, вызванное отнюдь не необходимостью назвать объект (большинство объектов, получавших данные названия, уже имели исторически сложившиеся именования), а стремлением выполнить социально-политическую функцию, направленную на изменение сознания населения, отразилось в какой-то степени и в грамматических характеристиках: наблюдается утрата функции родительного падежа указывать на принадлежность, а на первый план выходит функция посвящения какому-либо лицу или событию. В городе насчитывается 93 названия-мемоатива, из них 36 образованы от фамилий революционных деятелей (*ул. Дзержинского, ул. Урицкого, пер. Луначарского*), 36 – от имен известных писателей, деятелей науки и искусства (*ул. Л. Толстого, ул. Маяковского, ул. Дарвина, ул. Мичурина, ул. Чайковского*), 21 – от имен героев войны, прославленных граждан страны (*ул. Гагарина, ул. Терешковой, ул. Осипенко, ул. Шагова*), мемоативов от имен выдающихся людей, связанных с местным краем, всего 9 единиц (*ул. Лобанова, ул. Смирнова, ул. Орехова* и др.).

2. Годонимы, образованные по типу «адъектив + слово-термин» (*Зеленая ул., Ивановская ул., Короткий переулок, Новинская ул., Нерехтская ул., Новая ул.*). Эта группа представлена 55 названиями, что составляет 32% от всех годонимов города. Наиболее распространенными являются образования от топооснов, выраженных отсубстантивными прилагательными с суффиксом *-ск-* (19 названий: *Нерехтская ул., Ярославская ул., Пролетарская ул., Советская ул., Хуторской переулок, Текстильная ул.* и др.) и относительными прилагательными с суффиксом *-н-* (18 названий: *Больничная ул., Восточная ул., Северная ул., Молодежная ул.* и др.). М.Н. Морозова, отмечая продуктивность суффиксов *-ск-, -н-* при образовании топонимов-прилагательных, объясняла это отвлеченным значением суффикса *-ск-,* а также его способностью, как и суффикса *-н-,* сочетаться с различными основами существительных, при этом различие в их употреблении зависит от характера образующих основ: *-ск-* образовывал прилагательные от основ существительных – имен лиц, собственных и нарицательных, и существительных с пространственным значением (названия рек,

городов и др.); *-н-* – от основ существительных разнообразной семантики [Морозова 1967: 72–74]. Гораздо реже встречаются адъективные названия с суффиксом *-ов-/-ев-* (6 годонимов: *Луговая ул., Луговой переул., Садовая ул., Садовый переул., Полевая ул., Полевой переул.*), при этом в качестве производных топооснов выступают всего 3 имени существительного (*сад*, *поле*, *луг*). Подобные названия, как и названные ими объекты, появились относительно недавно – в конце XX в., в процессе расширения города за счет застройки частным сектором, а территориями для новых городских улиц стали некогда рекреационные зоны, прилегавшие к границам города. Сюда же можно отнести и названия, где в качестве топоосновы используются непроизводные качественные прилагательные: *Зеленая улица, Новая улица, Светлая улица.*

В системе дореволюционных названий Нерехты модель «адъектив + слово-термин», занимала господствующее положение. И до сих пор в речи простых горожан отмечается стремление приспособить годонимы, образованные по схеме 1-го типа, к сочетанию прилагательного с географическим термином (*пройди по Димитрово, колодец на Пушкинской*). Однако, возможно, данное явление связано с речевой ситуацией: в разговорной речи происходит субстантивация прилагательных в составе топонимического сочетания со словом-термином, слово-термин опускается, так как из контекста речи не требуется уточнить, о каком именно географическом объекте идет речь, а прилагательное-топооснова вступает в синтаксические связи в качестве существительного (*Я на Глазовой теперь живу; мы туда с Хуторского переехали*).

3. Названия, образованные по типу «слово-термин + субстантив в им. п.», почти не представлены в урбанонимии Нерехты, их всего 4 названия: *ул. Хутор Сокольники, ул. Восход, ул. Тупицыно, ул. ПМК-1* (единственный годоним, образованный с использованием аббревиатуры). Сюда же примыкает и название *ул. Глазово*, однако все чаще, уже не только в речи, но и в официальном употреблении приходится сталкиваться с вариантом *ул. Глазова*. Исторически данное название происходит от комонима *Глазово*, но еще в XIX столетии деревня вошла в состав города, сохранив свое название. В XX в., когда получают распространение названия-меморативы по модели «улица + антропоним в род. п.», определенная близость топонима *Глазово* и фамилии *Глазов* провоцирует возникновение варианта *улица Глазова*. Для обывателя некоторые фамилии выдающихся людей, послужившие для образования топооснов годонимов Нерехты, не связывались в сознании с конкретными личностями. Некоторые информанты так и пытались объяснить происхождение названия *улицы Глазова(о)*: *«Так-от, большевик такой был – Глазов, вот улицу-та в честь нёво и назвали. Много у нас таких улиц-та. Вона черес дорогу – Орехова – это уже наш, нерехский, революционер был».*

Таким образом, для годонимов Нерехты продуктивными являются два основных словообразовательных типа: 1) номенклатурный термин (улица, переулок, площадь и т.п.) + топооснова, выраженная субстантивом в род. п.; 2) адъектив + слово-термин.

Примечание

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края».

Литература и источники

Егорова Л.В. Структурные типы годонимов Чувашской республики // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 231–235.

Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы: дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 202 с.

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.

Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии. Минск: Университетское изд-во, 1991. 165 с.

Морозова М.Н. Словообразовательные типы названий географических объектов Москвы (по данным справочника 1964 г. «Улицы Москвы») // Микротопонимия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 71–80.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.

Разумов Р.В. Социолингвистические аспекты исследования городского онимического пространства // Поливановские чтения. 2018. № 12. С. 133–138.

Разумов Р.В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 1994. 172 с.

T.V. Gorlova
(Kostroma, Russia)

STRUCTURAL PECULIARITIES OF CENTRAL RUSSIA PROVINCAL TOWN'S MODERN HODONYMS (IN TERMS OF THE TOWN OF NEREKHTA, KOSTROMA REGION)

The urbanonymicon of Nerekhta, a typical small town of Central Russia, located less than 300 km from Moscow, is examined in the article. Hodonyms included in the core of urbanonymical field and aggregating 70% of all official street names of Nerekhta has become the object of the analysis. The considered structural features of the official street names allow concluding that there were two structural types of street names which undoubtedly prevail.

Key words: urbanonymy, hodonym, street names' structural peculiarities, Nerekhta, core of urbanonymical field.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.362

С.О. Горяев
(Екатеринбург, Россия),
Бай Шаньшань
(Тунляо, Китай)

ДЕТСКАЯ ЭРГОУРБОНИМИЯ: РУССКО-КИТАЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Под детской эргоурбонимией понимаются названия учреждений и организаций, ориентированных на работу с детьми, в частности – детских садов, которые в последние десятилетия активно получают обозначения собственными именами. В настоящей статье рассматривается ряд схожих названий детских садов в Екатеринбурге и Пекине и отмечается, что, несмотря на существенную культурную разницу, одни и те же идеи могут мотивировать создание детского эргоурбонима и в русском и в китайском языке.

Ключевые слова: рекламное имя, эргонимия, урбанонимия, названия детских садов, русский язык, китайский язык.

Детский сад – неотъемлемая часть и китайской и русской культуры, начиная с XX века. Исследовательское любопытство ономатолога побуждает взглянуть на то, как эта сторона культуры отражается в ономастиконе.

Отметим, что для детского сада одной из принципиальных характеристик является географическое местоположение. К названиям детски садов, может быть, в большей степени, чем к другим разрядам собственных имен применимо понятие и термин «эргоурбоним», предложенные в работе [Козлов 2000].

Развитие же городского пространства в последнее время приводит к тому, что значимые в социальном плане объекты получают собственные имена. Это естественно для организаций и предприятий, вступающих в конкурентную игру, одним из условия выигрыша в которой является удачное рекламное имя (наверное, излишне напоминать, что этот термин прижился в русской ономастики с легкой руки И.В. Крюковой [2004]). Но даже муниципальные детские сады, исключенные из конкурентной борьбы, в ряде случаев получают собственные имена, что лежит в общем русле увеличения количества эргонимов (отмеченном, например, в [Романова 2009]).

Вышесказанное справедливо не только по отношению к русскому ономастикону. Выскажем в плане предположения – увеличение количества рекламных имен или увлечение общества рекламными именами является глобальным процессом. В частности, это можно проследить на примере Китая.

Официальное название китайских детских садов еще более «адресно», чем русских. Если русские дошкольные учреждения обычно имеют номер, то китайские детские сады часто официально называются по району

расположения, например, *Детский сад улицы Хуфан пекинского района Сичэн* (北京西城区虎坊路幼儿园), хотя возможен и другой вариант, например, по ведомственной принадлежности. Но и в китайском городском ономастиконе появляются детские эргоурбонимы. В определенной степени привычными в двух языках становятся названия, сочетающие официальную дескрипцию и «креативно продуманный компонент» (так Р. Ратмайр определяет ту часть названия, которая является несомненным собственным именем, правда для прагматонимов [Еда по-русски: 301], но для эргонимии это не менее справедливо). Это дает примеры типа *Детский сад №545 «Рябинка»* или *Детский сад «Воспитание дракона» пекинского района Хайдянь* (北京市海淀区育龙幼儿园). Конечно, иногда название китайского детского сада в буквальном переводе покажется носителю русского языка необычным. Однако в силу общности человеческой природы и единства объекта номинации «разноязычные» названия вполне могут иметь схожую номинативную мотивировку. Мы располагаем корпусом детских эргоурбонимов г. Екатеринбурга, включающим 93 собственных имени и корпусом детских эргоурбонимов г. Пекина, из 61 имени. В настоящей публикации мы хотим обратить внимание на 10 ономастических фактов более или менее полного совпадения русских и китайских названий.

1. По частотности (8 единиц, 4 в китайском и 4 в русском корпусе) на первом месте следуют названия, включающие или отсылающие к слову *ангел* (天使). Интересно отметить, что заимствованная из европейской культуры идея ангела дает четыре названия детских садов Пекина, типа *Детский сад «Счастливый ангел» пекинского района Чаоян* (北京市朝阳区幸福天使幼儿园). В русском же языке ориентированность объекта на работу с детьми подчеркивается уменьшительным суффиксом: *Ангелочек* (2 названия), *Ангелочек`К* (орфография оригинала сохранена), *Ангелок*.

2. Следующая по частотности группа названий (7 единиц) отсылает к идее *солнца* (阳光). Три однотипных китайских названия *Детский сад «Солнце»* (北京市世纪阳光幼儿园) соответствуют четырем русским муниципальным детским садам *«Солнышко»*. Русские названия представлены, как и в предыдущем случае, диминутивной формой.

Далее следуют группы названий, популярных в китайском корпусе, но представленных единичными фактами в русском или наоборот.

3. Семь эргоурбонимов обыгрывают идею *радуга* (彩虹). Из них только одно китайское название *Детский сад «Радуга» пекинского района Чаоян* (北京市朝阳区彩虹幼儿园) и шесть русских детских садов «*Радуга»* разных по типу и формам собственности.

4. Уже упомянутая идея *солнца* в китайском представлении связана с идеей *будущего* (未来). Последняя также дает 6 производных названий, из них 5 в

китайском корпусе, типа *Детский сад «Будущая звезда» пекинского района Хайдянь* (北京市海淀区未来之星幼儿园) и только одно в русском: *«Детский сад будущего»*. Отметим, что объективация идеи «будущего» носит принципиально разный характер. В русском примере, по нашему предположению, авторы названия имели ввиду инновационный характер применяемых методик познавательно-речевого развития, а в китайском – блестящее будущее выпускников дошкольного заведения.

5. Также в 6 единицах представлена идея *улыбки* (微笑). Одному названию из китайского корпуса *Детский сад «Детские улыбки» пекинского района Чаоян* (北京市朝阳区子乐幼儿园) соответствует пять русских названий: три садика разных форм собственности обозначены эргоурбонимом *«Улыбка»,* один, возможно, для отличия в этом ряду получил модифицированное название *«Улыбка и К»*, и еще один мини-садик номинирован словосочетанием *«Страна улыбок»*, интересно отметить, что в общем массиве эргоурбонимов города Екатеринбурга есть омонимичное название стоматологической клиники.

6. Следующую группу составляют 5 названий, мотивированных идеей *родничка* (幸福泉). Два примера типа *Детский сад «Счастливый родничок» пекинского района Сичэн* (北京市西城区幸福泉幼儿园) соответствуют трем русским типа *Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение – детский сад № 405 «Родничок».*

Прочие соответствия носят единичный характер, но не исключено, что по мере расширения корпуса исследования количественные показатели возрастут.

7. Отметим буквальное, насколько это возможно в двух рассматриваемых языках соответствие: *Детский сад «Золотое яблоко» пекинского района Чаоян* (北京市朝阳区金苹果幼儿园) – *Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение – детский сад № 239 «Золотое яблоко»*.

Далее следуют интересные случаи семантического соответствия производящих апеллятивов, в которых русское название создано на базе англоязычного заимствования.

8. *Детский сад «Веселые дети» пекинского района Чаоян* (北京市朝阳区童欣幼儿园) – *Частный детский садик Funny Baby (Фани Беби)*.

9. *Детский сад «Вишневый сад» пекинского района Сичэн* (北京市西城区樱桃园幼儿园) – *Частный детский садик Cherry-сад (Черри-сад)*

Для русских примеров сохранена орфография записей в интернет-каталогах. Отметим, что омонимия *(вишневый) сад – (детский) сад* сохраняется и в китайском языке, а в русском языке обращение к русскому прилагательному *вишневый* могло бы вызвать нежелательные ассоциации с одноименным произведением Чехова, отнюдь не детской направленности.

10. Последний пример соответствий мы включаем с некоторой долей условности: *Детский сад «Умный карапуз» пекинского района Чаоян* (北京市朝阳区聪明娃娃幼儿园) и частный *детский сад «Карапуз»* в Екатеринбурге. Строго говоря, китайское слово 娃娃 означает ‘кукла’, однако мы исходим из интуитивного представления одного из соавторов, носителя китайского языка, что это слово соответствует русскому карапуз в модусе обращения к ребенку.

Таким образом, несмотря на лингвистическую разницу, детские эргоурбонимы в русском и китайском ономастиконах вполне соотносимы по мотивировке, вплоть до буквальных соответствий.

Отметим, что названия детских садов пока не стали более или менее массовым объектом исследования, но отдельные «ласточки» уже начали появляться. В частности, фактический материал по городу Чебоксары приведен в [Семенова 2015], среди приведенных фактов есть эргоурбонимы *Солнышко, Родничок.* Интересно исследование краковской детской эргоурбонимии в [Żebrowska 2016], впрочем, согласно польской традиции автор считает этот класс названий разновидностью хрематонимии [Там же: 264]. Среди примеров находим *Słoneczko* ‘Солнышко’, *Kraina Uśmiechu* ‘Страна Улыбки’ и разнообразные воплощения идеи радуги: *Dolina Tęczy* ‘Долина Радуги’, *Kraina Tęczy* ‘Страна Радуги’ и *Na Tęczowym Wzgyrzu* ‘На радужном холме’, англицизм *Rainbow* ‘Радуга’, *Tęczowa Akademia* ‘Радужная Академия’ [Там же: 278–279].

Отметим в заключение, что наше небольшое исследование не решает, а ставит вопрос о своего рода номинативных универсалиях в эргонимии. Во-первых, обратим внимание на разительный контраст, особенно, в русском языке, между «креативно продуманным компонентом» названия детского сада и его «бюрократической» дескрипцией. По-видимому, в обществе назрело представление о том, что объекты, с которыми взаимодействуют люди в городской среде, должны иметь «человеческое» название, а не только индекс, номер или адрес. Во-вторых, сходство, вплоть до буквального, названий детских садов в разных языковых культурах, может показать, что не настолько эти языковые культуры являются разными. В силу сходства человеческой природы идея *ребенка*, *детства*, воплощается в близких по мотивировке номинациях, что также позволяет говорить о номинативных универсалиях в указанной сфере и формировании пока еще достаточно аморфного набора потенциальных имен для рассмотренных объектов.

Примечание

При финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 18-012-00586.

Литература и источники

Еда по-русски – Еда по-русски в зеркале языка / Н.Н. Розанова, М.В. Китайгородская, У. Долешаль, Д. Вайс и др. М.: РГГУ, РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2013. 586 с.

Козлов Р.И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 146 с.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.

Романова Т.П. Эволюция типов рекламных имен в истории русской эргонимии (XIX – начало XXI в.) // Вестник Самарского университета. 2009. № 3 (69). С. 174–180.

Семенова С.Ю. Эргонимия города Чебоксары (на примере названий дошкольных образовательных учреждений) // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 3 (5). С. 215–216.

Żebrowska B. W krainie dzieciństwa – nazwy krakowskich przedszkoli // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza. 2016. Vol. 23 (43). № 2. S. 263–281.

S.O. Goryaev
(Ekaterinburg, Russia),
Bai ShanShan
(Tongliao)

CHILDREN'S ERGOURBONYMY: RUSSIAN-CHINESE PARALLELS

The term children's ergourbonymy refers to the names of institutions and organizations focused on working with children, in particular to he kindergartens. In recent decades kindergartens have been actively designated by proper names and this process applies not only to the Russian language. This article discusses a number of similar names of kindergartens in Yekaterinburg (Russia) and Beijing (China), and notes that, despite the significant language and cultural difference, the same ideas can motivate the creation of children's ergourbonym in both Russian and Chinese.

Key words: commercial name, company name, urbanonymy, kindergarten, potential proper name, Russian, Chinese.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.366

Г.А. Донскова, Н.Т. Утарова
(Уральск, Казахстан)

ЭРГОНИМИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ Г. КАЗАНЬ РФ И Г. УРАЛЬСК РК)

В статье рассматриваются проблемы формирования эргонимов сферы туризма на материале названий гостиниц городов Казани и Уральска. Выявляются как общие языковые черты, так и специфика эргонимии этих городов.

Ключевые слова: антропоним, гидроним, ойконим, ойкодомоним, топоним, эргоним.

Предметом нашего исследования являются эргонимы сферы туризма – названия гостиниц городов Казани и Уральска.

Казань – столица Республики Татарстан, город с миллионным населением, богатой тысячелетней историей, где туризм – перспективное направление социально-экономического развития, влияющее на жизнь населения, его языковую картину мира, развитие культурного потенциала. По мнению ученых, это связано, «во-первых, с выгодными природно-климатическими ресурсами республики, включающими ландшафтные памятники, уникальную флору и фауну, судоходные реки. Во-вторых, богатство культурно-исторического потенциала служит туристской привлекательности республики в любое время года» [Вагапова, Тимофеева, Иминова 2017, 11: 85].

«По итогам 2014 года Республика Татарстан стала победителем национальной премии «Моя планета» как «Лучший регион для путешествий по России». Учитывая все вышеуказанные направления, республика имеет хорошие перспективы в продвижении туристической дестинации на внутреннем и международном туристических рынках», подчеркивают Бердникова О.А. и Иванов С.Е. [Бердникова, Иванов 2015, 6: 37].

Большую роль в сфере привлечения туристов играют гостиницы и хостелы. Как отмечают исследователи, «высокий уровень развития гостиничного сервиса по праву вывел республику на лидирующие позиции в федеральном округе. За последние годы в республике построено большое количество гостиниц разного уровня (от гостиниц класса «Пять звёзд» до бюджетных) с достаточным количеством мест для размещения туристов, внутри каждого объекта развивается своя дополнительная инфраструктура, открыты рестораны, имеются конференц-залы, переговорные комнаты – подобная дестинация, несомненно, говорит о качестве сооружений и привлекает туристов» [Вагапова, Тимофеева, Иминова 2017, 11: 90].

Среди более чем полусотни названий выявлено 35 типов обозначения объектов-ойкодомонимов, среди которых доминируют общепринятые обозначения объектов: 25% составляют гостиницы, 19% – гостиничные комплексы, 16% – отели, 14% – мини-отели, остальные ойкодомонимы, нетипичные, менее 5% (апарт-отель, бутик-отель, гостинично-транзитный комплекс, семейный отель, отель-ресторан и т.д.).

Наш интерес привлекло активное использование в эргонимии Казани исторической культурной информации, заключающейся в топонимах, антропонимах, гидронимах и других группах собственных имён.

Так, используются:

– антропонимы – имена известных людей, родившихся, живших или побывавших в Казани: *Шаляпин Palace Hotel, Шаляпин Палас Отель; гостинично-ресторанный комплекс Гагар-inn*;

– астионимы: Казань и производные: *Kazantel, Apartkazan Hotel, Казанское подворье, Хостел "VKazane", Казанский скворечник, NICE HOSTEL KAZAN, Citi Хостел Казань, Казанский Ахун, Kazan Palace by Tasıgo; Nice Hostel Казань у Кремля; Kazan guest house* (всего 16 эргонимов);

– древняя ойконимия: *Булгар Гостиничный Комплекс*, *гостинично-развлекательный комплекс Булгар, гостиница Yamskoy Posad*.

Часто обнаруживается двойная связь с годонимом, несущим адресную и культурно-историческую информацию: *Хостел Пушкин – ул. Пушкина; Казанский Ахун – ул. Гарифа Ахунова; Rooms On Akademika Lavrentyeva 8 – ул. Академика Лаврентьева.*

Адресная функция усиливается при использовании местных топонимов: *отель Булак – ул. Лево-Булачная; отель Сафьянъ – ул. Сафьян, хостел Утро на Чистопольской – Чистопольская ул.; Aparthotel "Lechebnaya" – Лечебная ул*. (всего таких эргонимов более 30).

Возможно обыгрывание антропонимов – имён известных личностей, в честь которых названа улица или гостиница: *Castro – ул. Интернациональная, Hostel Karamazov – ул. Достоевского*.

Интересно наличие системы местных эргонимов, которые узнаваемы горожанами и гостями Казани: *мини-отель Пять шишек* – как отсылка к другому объекту отдыха – *Постоялому двору Пять Шишек* на территории ФГУ Волжско-Камского государственного заповедника.

Иногда за эргонимом стоит целая история, как произошло с открытием *Kazan Palace by Tasıgo*, разместившемся в отреставрированном здании – усадьбе Тенишева. «Здание является образцом общественно-административного здания провинциальной архитектуры 19 века…Домовладение принадлежало родовым дворянам Тенишевым. Дата постройки главного дома – примерно 1820–1830-е гг. В настоящее время, здесь расположен комплекс заведений *'Усадьба Тенишева'*, который включает в себя *апарт-отель 'Ямской Посад'*, круглосуточное *кафе 'Каланча lounge'*» [Усадьба Тенишева].

Интересная история и у Шамовской больницы, которая после реконструкции станет первым в республике пятизвездочным *отелем Kazan Palace Hotel by Tasigo*. «Генеральный менеджер гостиницы Эргин Шарп (Ergin Sarp) в эксклюзивном интервью рассказывает о планах по открытию музея, посвященного истории здания, и проектах в Казани, в которые еще готов вложиться инвестор» [Горожанинова, Зиятдинова 2018].

Есть эргонимы, указывающие на роль Казани как духовного религиозного центра. Это *Хостел Зам-Зам* (по названию колодца в Мекке) и некоторые другие.

Несколько иная ономастическая картина предстаёт в г. Уральске – центре Западно-Казахстанской области, население которого около 200 тысяч жителей. Городу больше 400 лет, здесь множество памятников архитектуры и истории, музеев и театров, однако эргонимия исследуемой группы это почти не отражает. Из 44 названий гостиниц

только 5 связаны с географией страны и края: *гостиница Урал* (гидроним); *Park Hotel Uralsk* и *The Place Astana Hostel* (ойконимы); *автокемпинг Алатау* (ороним); *кемпинг Eurasia* (макротопоним). Только одно имя Пушкина используется из множества имён людей, прославивших край, посещавших город и отразивших это в своём творчестве. *Pushkin Hotel* является также последним среди эргонимов напоминанием о визите поэта. Туристический бизнес в лице 17 туристических агентств ориентирован на выезд горожан за пределы страны, внутренний туризм только начинает формироваться. Однако большое разнообразие типов эргонимов (апартаменты, гостиница, хостел, комплекс отдыха – всего 10 типов) внушает надежду на развитие этой сферы. Возможно, население еще не осознало культурной и исторической ценности всего того, что дарит город: неповторимого архитектурного ансамбля, литературной и научной истории края, связанной с именами Пушкина, Жуковского, Даля, Толстого, Короленко, Правдухина, Бианки, Шолохова, Д. и Х. Досмухамедовых и многих других.

Из сказанного выше можно сделать вывод о наличии как черт сходства (рост общего количества объектов номинации – гостиниц в больших и малых городах, разнообразие их апеллятивных и онимических частей, использование средств русского, английского, тюркских – татарского и казахского – языков; использование кириллицы и латиницы, частое дублирование названий в двух графиках), так и различия (культурный разрыв столицы и провинции, ориентир на активное использование национальной ценностной лексики в эргонимии Казани и слабая представленность этой группы имён в эргонимии Уральска). Всё это можно считать, с одной стороны, следствием действия сил инерции сохранения общих постсоветских тенденций в развитии наших экономик и языковых пространств, а с другой – усилением процессов дезинтеграции, которые возможно преодолеть через экономическое и культурное сотрудничество стран и регионов.

Литература и источники

Бердникова О.А., Иванов С.Е. Развитие туристкой отрасли в Республике Татарстан // Международный научно-исследовательский журнал. Экономические науки. Июль 2015 г. Выпуск № 6 (37), Ч. 3.

Вагапова Ф.Г., Тимофеева Е.Р., Иминова Г.Ш. Анализ развития культурно-познавательного туризма в Республике Татарстан // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. Вып. 6. С. 85–93.

Горожанинова М., Зиятдинова А. «Polimeks Group продолжит инвестирование, стоимость работ реставрации Шамовской не важна», 2018 // Режим доступа (свободный). URL: https://realnoevremya.ru/articles/111054-upravlyayuschiy-o-novom-otele-v-shamovskoy-bolnice-kazani [Дата обращения: 02.03.2019].

Усадьба Тенишева – Усадьба Тенишева [Электронный ресурс] // Режим доступа (свободный). URL: https://vk.com/usadbaten?w=page- [Дата обращения: 02.03.2019].

G.A. Donskova, N.T. Utarova
(Uralsk, Kazakhstan)

ERGONYMY OF THE TOURIST INDUSTRY (ON THE MATERIAL OF THE CITIES OF KAZAN RF AND URALSK RK)

The article deals with the problems of tourism ergonyms formation on the material of the names of hotels in the cities of Kazan and Uralsk. Both common language features and the specificity of ergonymy of these cities are revealed.

Key words: anthroponym, hydronym, oikonym, oikodomonym, toponym, ergonym.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.370

А.М. Емельянова
(Уфа, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ В НАЗВАНИЯХ ОРГАНИЗАЦИЙ ДОСУГА ИХ ТЕМАТИЧЕСКИХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ

Статья посвящена организации языкового пространства современного города. Предметом изучения являются официальные наименования культурных объектов городского пространства г. Уфы. Автор статьи исследует городские эргонимы, включающие в себя названия организаций досуга, и анализирует их согласно тематическим разновидностям.

Ключевые слова: названия коммерческих предприятий, ономастическое пространство, ономастика, русский язык, эргоним, язык города.

Базовый пункт для понимания значения языка в рамках определенной местности, его функций и способа воздействия его на условия, быта и образа жизни граждан – это, безусловно, определение языка современного города. И это не только звучащая речь, которую мы слышим на каждом шагу – на улицах города и его перекрестках, в магазинах и в учреждениях, в аудиториях вузов и в школьных классах, на рынках и автозаправках и т.д. Язык современного города – это еще и письменная речь, представленная в городе различными словесными указаниями, которые окружают человека со всех сторон – это многообразные вывески, инструкции, указатели, объявления, постеры. «Все эти тексты не только регулируют поведение людей, определяют каждый их шаг, не только информируют, запрещают, побуждают, предостерегают, просят, пугают, спасают, советуют и обнадеживают, но и определяют образ жизни, культуру, менталитет, национальный характер городских жителей, т.е.

формируют как определенный социальный мир, так и каждого как личность, представляющую этот мир» [Намитокова, Гриценко, Нефляшева 2006: 230]. Исходя из определения, можно сказать, что язык города помогает человеку вступать в коммуникативные отношения, поддерживать диалог с собеседником.

В рамках данной статьи рассматриваются наименования коммерческих предприятий города Уфы, связанные с организацией досуга. Как показывает исследование, данные наименования ограниченно информативны с точки зрения общего восприятия наименования и в то же время несут информационную нагрузку внутри тематической группы.

Следует отметить, что заявленные выше названия принято называть эргонимами. Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» даёт эргониму следующее определение: «Это разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия**,** общества, заведения, кружка (от греч. ἔργου ‘дело, труд; деятельность, функция’)» [Подольская 1988: 151].

Мы в свое исследование не включили весь состав объектов наименований, перечисленных Н.В. Подольской, и под «эргонимами понимаем лишь собственные имена предприятий различного функционального профиля: делового объединения людей (учебного, производственного учреждения), коммерческого предприятия (магазина, фирмы), объекта культуры (кинотеатра, клуба, развлекательного учреждения, театра), спортивного заведения (комплекса, стадиона), представляющие собой единицы ономастического пространства города» [Емельянова 2007: 16].

В пределах данной работы рассмотрены и распределены по типу деятельности эргонимы организаций досуга. В результате были проанализированы пять групп названий развлекательных учреждений г. Уфы: антикафе, организации квестов, парки культуры и отдыха, кинотеатры, торгово-развлекательные комплексы. Анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Антикафе – тип общественных заведений социальной направленности, основной характеристикой является оплата в первую очередь за проведённое время, в стоимость которого входят различные угощения, развлечения и мероприятия (основные функции антикафе: место проведения досуга в размеренной, игровой и расслабляющей обстановке): *Атмосфера*; *CHILLOUT* (англ. «отдых»); *Freedom* (англ. «свобода»); *GoodZone* (англ. «хорошее место, хорошая территория, зона»); *MagicPlace* (англ. «магическое место»); *NewYorkCoffee* (заимствование традиций, способов отдыха); *Papa'sClub* (место проведения своего отдыха отцов, женатых или же просто взрослых мужчин).

2. Квест – это один из основных жанров компьютерных игр, представляющий собой интерактивную историю с главным героем, управляемым игроком. В Уфе

активно развиваются организации, предлагающие квесты в реальности: *БЛЭКАУТ*; *Включи*; *Выход №3*; *Джунгли*; *Ловушка*; *Мегалэнд*; *Мышеловка*; *Острова Квест* (несколько площадок для прохождения игр на огромной площади – «острова»); *Я-гений*; *QuestGamer* (англ. «игрок в квесты»).

3. Парки культуры и отдыха: парк-сад *им. С.Т. Аксакова* (в честь русского писателя, чиновника и общественного деятеля, литературного и театрального критика); загородный клуб *Башкирская Рица*, парк отдыха *Волшебный мир*; *Демский* (в Дёмском районе Уфы); парк *Кашкадан* (по названию озера, находящегося в этом парке); парк *им. Лесоводов Башкирии*; парк отдыха *Лукоморье* (ассоциация с художественным произведением А.С. Пушкина), парк *Нефтехимиков* (в Орджоникидзевском районе города); парк отдыха *Первомайский* (в Калининском районе Уфы); парк *им. И. Якутова* (в честь революционера Ивана Якутова, на центральной аллее парка были похоронены рабочие-железнодорожники и красногвардейцы, погибшие в боях против белогвардейского атамана Дутова).

4. Кинотеатры: *Искра* (историческое наименование); *Киномакс*; *Мегаполис-Уфа*; *Мир Кино*; *Победа* (историческое наименование); *Простор*; *Родина* (историческое наименование); *Синема парк в Галерее-Арт*; *Синема парк*; *Синема 5*; *Смена*; *Cinemacar* (англ. автомобиль и кино, то есть просмотр фильмов, не выходя из автомобиля).

5. Торгово-развлекательные комплексы: *Александровский пассаж; Башкортостан; Галерея ART; Гостиный двор; Иремель* (одна из высоких гор Башкортостана); *Июнь; Мега; Мегаполис; Мир; Огни Уфы; Простор; Планета; Семья; Центральный*; *ЦУМ; Юрюзань*.

Как видим, эргонимы развлекательных учреждений в большинстве своём имеют смысловую соотнесенность с типами называемых ими объектов: в названиях антикафе мы ассоциативно чувствуем уют, приятную атмосферу; эргонимы квестов предлагают поиграть, найти выход; парки нередко определяют место своего нахождения, часто они названы в честь известных людей, либо людей, которые обустраивали парк; названия кинотеатров дают отсылку к кино, и интересен факт, что старые кинотеатры сохранили наименования советских времен; эргонимы торгово-развлекательных комплексов большинстве своем стремятся реализовать идею вселенности, всеобъёмности, намекая на широту предоставляемых товаров и услуг.

Литература и источники

Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): дис. …канд. филол. наук. Уфа, 2007. 170 с.

Намитокова Р. Ю., Гриценко Н. И., Нефляшева И. А. Язык современного города (презентация программы социодиалектологической практики студентов…) // Вестник

Адыгейского государственного университета. 2006. № 1 / Научная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс] // Режим доступа (свободный). URL: : http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sovremennogo-goroda [Дата обращения: 01.03.2019].

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988. 192 с.

A.M. Emelyanova
(Ufa, Russia)

IMPLEMENTATION IN THE NAMES OF LEISURE ORGANIZATIONS OF THEIR THEMATIC VARIETIES

The article is dedicated to the organization of language space of the modern city. The subject of the research is the official names of cultural objects of the city space. The author examines urban ergonomy, including names of leisure organizations, and analyzes them according to thematic varieties.

Key words: ergonym, names of commercial enterprises, onomastics, onomastic sphere, Russian language, town language.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.373

Ю.В. Железнова
(Ижевск, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭРГОНИМАХ

Настоящая статья посвящена анализу репрезентированности и лингвокультурной интерпретации отдельных социальных ценностей, актуализированных в составе эргонимических единиц регионального эргонимикона Удмуртии. Освещаются дискуссионные вопросы проблем определения социальных ценностей и эргонима. Вышеуказанные аспекты свидетельствуют об актуальности статьи. В результате делаются выводы о высокой репрезентированности социальных ценностей в региональном эргонимиконе.

Ключевые слова: ценности, социальные ценности, лингвосоциум, эргоним, региональный эргонимикон, коммерческое имя.

Ценности представляют собой основополагающие, опорные категории мировоззрения человека в философско-антропологическом понимании. Такое гносеологическое значение ценностей обуславливает широкий ряд научных дисциплин, затрагивающих вопросы их анализа – психологические науки, социологические науки,

правовые науки, экономические науки и пр. В области языковедческих наук изучение ценностных ориентиров для индивидуума и человеческого социума входит в междисциплинарную сферу научных интересов лингвокультурологии, лингвоконцептологии и аксиологической лингвистики. Внимание исследователей фокусируется на анализе языка как «средства формирования и выражения культурных ценностей», а объектом научного интереса становится «нерасторжимый комплекс "язык – сознание – общество – культура – человек"» [Павлов 2004]. Общечеловеческие ценности могут быть рассмотрены как категории культуры, поскольку они непосредственным образом отражаются в концептуальной картине мира.

Социальные ценности являются выразителями общественных постулатов, актуализирующими идеологические, культурные, политические и т.п. установки как человеческого сообщества в целом, так и отдельных национальных лингвосоциумов.

Целью настоящей статьи является попытка проанализировать степень репрезентированности социальных ценностей в эргонимических единицах, являющихся частью лингвистического ландшафта центральных городов Республики Удмуртия. Под эргонимом нами понимается имя собственное, используемое в качестве коммерческого обозначения деловых объединений, вне зависимости от их свободы или несвободы от административного контроля. Это позволяет рассматривать эргонимы не только предприятий малого бизнеса, но и таких видов юридических лиц как клиники, банки, учебные заведения и т.п.

Постоянно меняющаяся социально-политическая ситуация и развивающиеся социально-экономические условия, влияющие на культурно-ценностные сдвиги современной языковой личности и общества, определяют актуальность работы.

Материалом для работы послужили эргонимы, выявленные путем сплошной выборки с информационно-справочных порталов [Jsprav.ru, igis.ru]. В практический корпус вошли коммерческие наименования деловых объединений, локализованных в Ижевске, Воткинске, Сарапуле, Глазове, Можге, Камбарке и Агрызе за период май-август 2018 года. В дальнейшем конституенты выборки были подвергнуты систематизации, классификации, лингвокультурному анализу. При этом определенную трудность для анализа социальных ценностей вызвала дефиниционная размытость термина. Во многих социологических трудах авторы лишь намечают круг общественных явлений, относящихся к ценностным ориентирам, – «социальное положение, статус, трудолюбие, богатство, профессия, семья, терпимость, равенство полов и др.» [Ерасов 2000: 67]. Другие соотносят социальные ценности с общественными институтами, классификации которых отличаются достаточной вариативностью. Например, социальный институт церковь и социальный институт религия рассматриваются как отдельные формы общественной жизни, равно как и социальные институты экономика и финансы и т.п. Тем не менее, мы позволили себе сфокусировать наше

внимание на некоторых центральных, бесспорных социальных ценностях, отраженных в эргонимах.

1. Социальная ценность (СЦ) «Семья».

СЦ «Семья» репрезентирована в региональном эргонимиконе весьма широко. Наиболее частотными конституентами выборки становятся коммерческие имена включающие лексему семья, например: *Моя Семья* (магазин бытовой химии), *Фамилия* (сеть универмагов), *Семья* (магазин одежды), ФОЦ *Спорт Парк Семья*, *Для всей семьи* (магазин одежды и обуви), *Для всей семьи* (продуктовый магазин), *Династия* (ресторанный комплекс) и пр. Прилагательное семейный также часто присутствует в эргонимах – ***Семейный*** *доктор* (стоматология), ***Семейный*** *дом* (строительные компании), ***Семейный*** *капитал* (жилищный кооператив), *Семейная* (парикмахерская). Разумеется, сложно говорить о новаторстве и оригинальности подобных названий. Однако косвенно они подтверждают факт того, что семья в русской ментальности представляется безусловным компонентом счастливой благополучной жизни, а также рассматривается, как одна из самых важных витальных целей индивида. Так же СЦ «Семья» репрезентируется в эргонимах с компонентом *дом* или его производными. В русском лингвистическом этнокультурном пространстве дом символизирует родной кров, постоянное пространство, созданное для своих. Лексема *дом*, согласно используемым фактическим данным, является наиболее частотной единицей, благодаря семантической емкости и форме корневого слова. Она удобна в случае обозначения места и характера товара и услуг, предлагаемых фирмой, поэтому такие наименования частотны и связаны с различными бытовыми потребностями людей, например: магазины *Дом одежды, Дом и Дача, Милый дом* (оптово-розничный магазин), *Дом обуви, Джинсовый дом, Дом сумок, Ваш дом* (бытовая техника и электроника), *Вкусный дом* (продукты питания), *Домовёнок* (мебельная фирма), *Домосед* (магазин мебели) и т.п.

Другие названия комбинируют компонент *дом* с предлогом, например: *1000 мелочей* ***для*** *дома, Все* ***для*** *дома,* ***Для*** *Дома, Все* ***в*** *дом* и т.д. Популярностью пользуется прилагательное *домашний*, в качестве элемента наименования, например: ***Домашний*** *декоратор*, ***Домашний*** *доктор* (товары для красоты и здоровья), *Магазин* ***домашней*** *еды*, *Каскад* ***домашних*** *мелочей* (оптово-розничная компания), ***Домашние*** *сауны* (торговая компания) и т.п.

Как уже упоминалось выше, лексема *дом* представляет собой корневую морфему, что позволяет создавать неологические названия путем словосложения, например: магазины мебели *ДомаДом, Милдом, Домтекс* (домашний текстиль), *Домфорт* (производственно-монтажная компания). Вышеприведенные эргонимы подтверждают русскую культурологическую константу «нерасторжимой цельности человеческого коллектива и его хозяйства» [Колесов 1986:196].

2. СЦ «Здоровье».

Социальную ценность «Здоровье» можно определить, как «закономерную взаимозависимость здоровья индивида и здоровья социума, при которой в здоровом обществе здоровье отдельного индивида является высшей ценностью, а уровень здоровья индивидов формирует устойчивые характеристики здоровья общества» [Ларионова 2004]. В республиканском эргонимиконе СЦ «Здоровье» представлена следующими эргонимами, имеющими в составе лексему *здоровье – Мир здоровья* (аптека), *Мелодия здоровья* (аптека), *Аптека Тазалык* (удм. ‘здоровье’), *Сибирское здоровье* (магазин товаров), *Тазалык Фарм* (аптека), *Клиника Век здоровья* и пр.

Центральной фигурой, решающей проблемы со здоровьем выступает врач – *Аптека Табиб* (тат. ‘врач’), *Доктор плюс* (клиника)**,** *Стоматология Добрых Врачей, Клиника Личный доктор.*

3. СЦ «Богатство».

Традиционно социальная ценность «Богатство» в русской культуре порицалась или отрицалась. Жажда накопительства, стяжательство негативно оценивались христианской моралью, приравнивались к греху. В советский период истории идеологическая установка на равное распределение общего блага также нивелировала индивидуальные стремления граждан к повышению благосостояния. В настоящее время социальная роль денег в обществе растет, о чем свидетельствуют торговые имена следующих предприятий – *Благосостояние* (пенсионный фонд), *Ломбард Капитал, Капитал* (деловой центр), *ЛомбардЪ КапиталЪ, СК Капитал* (агентство недвижимости). Расширяя сектор кредитования населения, финансовые руководители культивируют и распространяют новое отношение к денежным средствам как к легкодоступному инструменту решения любых бытовых проблем. Примером могут послужить эргонимы компаний по микрофинансированию – *Деньги в руки, ЭкспрессДеньги, Деньги Быстро, Деньги Мигом, Быстроденьги, ООО ФинКом Деньги Всем.* В тоже время уровень доходов большей части граждан остается низким. На такой сегмент покупателей ориентированы эргонимы *Рубльшоп, Рублёвка, Народный ломбард, Выручка, Продукты Копеечка, Дешевизна, Экономный магазин, Дешевле Только Даром.*

Таким образом, на примере отдельных социальных ценностей релевантных для российской культуры можно сделать вывод об их высокой репрезентированности в региональных эргонимах. Лингвокультурный анализ показал, что некоторые СЦ, как, например, «Семья», «Здоровье» остаются стабильными в своем функционировании. Другие же, как СЦ «Богатство» трансформируются под влиянием экстралингвистической социальной ситуации. Социально-экономические изменения, происходящие в социуме, влияют на выбор адаптированного к культурно-ценностной среде эргонима.

Литература и источники

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. Издание третье, доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с. Режим доступа (свободный). URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/erasov-soc_cult-8l.pdf [Дата обращения: 25.03.2019].

Ларионова И.С. Здоровье как социальная ценность: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. философ. наук (09.00.11). Мос. гос. социальный университет. М., 2004. 38 с. Режим доступа (свободный). URL: https://www.dissercat.com/content/zdorove-kak-sotsialnaya-tsennost [Дата обращения: 20.02.2019].

Павлов С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научнометодический аспект // Вестник Мининского университета. 2013. № 2 Режим доступа (свободный). URL: http:// vestnik.mininuniver.ru/ jour/article/view/390/366 [Дата обращения: 20.03.2019].

Yu. V. Zheleznova
(Izhevsk, Russia)

REPRESENTATION OF SOCIAL VALUES IN ERGONYMS

This article is devoted to the analysis of the representation and linguacultural interpretation of several social values, which are part of the ergonyms of the Udmurt regional ergonymicon. The problems of the definition of social values and ergonyms are considered. The above aspects indicate the relevance of the article. As a result, conclusions about the high representation of social values in the regional ergonomicon are drawn.

Key words: values, social values, society, ergonym, regional ergonymicon, trade name.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.377

М.Л. Дорофеенко
(Витебск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В УРБАНОНИМИИ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

В данной статье исследуются отантропонимные урбанонимы Витебска (Беларусь) и Реймса (Франция), репрезентирующие национально-культурную и историческую информацию. Проанализированы названия, мотивированные фамилиями государственных деятелей и участников исторических событий, представителей литературы, искусства и науки. Определены номинативные особенности, свойственные белорусской и французской урбанонимным системам.

Ключевые слова: внутригородские названия, историческая память, меморативная функция, национально-культурное наследие, отантропонимные урбанонимы, урбаноним.

В системе окружающих нас имен собственных мир отражается с позиций его видения человеком, носителем конкретного языка. Соответственно, онимы репрезентируют национально-культурную и историческую информацию. В этом плане особо интересны урбанонимы (внутригородские названия) и виконимы (внутрисельские наименования), выполняющие меморативную функцию, то есть функцию сохранения памяти о важных для нации событиях и их участниках, ставших известными в какой-либо сфере представителях страны или края.

В данном случае можно говорить о том, что сами линейные объекты, населенные пункты, страны, в которых они находятся, становятся местами памяти. Важность мест памяти, или мнемонических мест, подчеркивал французский социолог М. Хальбвакс, основатель теории исторической памяти [Хальбвакс 2005]. Концепцию мест памяти продолжил историк П. Нора. Под его руководством создан одноименный коллективный труд «Les lieux de mémoire», в написании которого приняли участие более ста известных ученых. Книга «Франция-память» представляет собой первый перевод на русский язык основных текстов данного 7-томного издания [Франция-память 1999]. Места памяти вызывают воспоминания о прошлом. Однако эти воспоминания создаются в результате интеграции специфических образов, созданных в настоящем и отождествляющихся с прошлым.

В одной из своих публикаций П. Нора утверждает, что мы живем в эпоху всемирного торжества памяти. Изменение отношения к прошлому выразилось в проявлении повышенного интереса к культу корней, развитии генеалогических изысканий, увеличении числа музеев и т.д. [Нора 2005: 202].

Безусловно, все названия историчны, так как не только претерпевают трансформации в диахронии, но и накапливают сведения об основных исторических событиях. Кроме того, во всех наименованиях актуализируются различные культурные смыслы, формировавшиеся на протяжении длительного времени. В качестве объекта нашего исследования мы избрали один из пластов урбанонимной лексики, транслирующей национально-культурную информацию, – отантропонимные урбанонимы Витебска (Беларусь) и Реймса (Франция).

Любую онимную систему следует воспринимать как результат деятельности языковой личности носителя языка, который называет окружающие его объекты исходя из собственного восприятия окружающего мира. В этом ракурсе особую актуальность приобретает сравнительно-сопоставительное исследование ономастиконов разносистемных языков.

Витебские урбанонимы выступили объектом исследования А.М. Мезенко [Мезенка 2008], проанализировавшей номинативные и структурные особенности внутригородских названий.

Французские авторы представляют репертуар городских топонимов Реймса с интерпретацией названий, включающей и некоторые исторические сведения

(Ж.-К. Тюре [Thuret 2011] и др.). В наших статьях осуществляется сравнительно-сопоставительное исследование различных лексико-семантических групп урбанонимов и виконимов: отойконимных названий департамента Марна Большого восточного региона Франции [Дорофеенко 2019] и наименований, образованных от типов архитектурных объектов [Darafeyenka 2019].

Отантропонимные урбанонимы Витебска и Реймса можно разделить на две группы, включающие несколько подгрупп.

Первая группа объединяет внутригородские названия, мотивированные фамилиями ***государственных деятелей и участников исторических событий*.** В урбанонимии Витебска функционируют наименования, образованные от фамилий основоположников научного коммунизма (*ул. Карла Маркса, ул. Ленина*), государственных деятелей советской эпохи (*ул. Варейкиса, пр-т Куйбышева)*; в системе внутригородских названий Реймса зарегистрированы онимы, восходящие к фамилиям королей Франции (*rue Henri IV*), президентов (*avenue du Général de Gaulle, avenue Georges Pompidou*), государственных деятелей (*rue Gambetta, avenue Georges Clemenceau*).

Вторая подгруппа названий представлена урбанонимами, базой для формирования которых послужили фамилии ***участников исторических событий***.

В белорусской системе внутригородских названий находим онимы, образованные от фамилий революционеров (*ул. Бабушкина, ул. Баумана*), военачальников (*ул. Баграмяна),* участников Великой Отечественной войны (*ул. Бумагина*; среди которых подпольщики и партизаны – *ул. Виноградовой, ул. Заслонова, ул. Леонова*), воинов-интернационалистов (*ул. Белицкого*).

Во французской урбанонимии функционируют названия, сформированные на базе фамилий участников Первой мировой войны (маршалов – *boulevard Franchet d'Esperey, boulevard Foch, boulevard Joffre;* генералов – *rue Général Battesti, rue Général Mazillier*), Второй мировой войны (генералов – *avenue Général Eisenhower;* участников движения Сопротивления – *rue Estienne d'Orves, allée Georges Moneaux, rue Hélène Nautré).*

Вышеперечисленные подгруппы названий являются наиболее наполненными, то есть включают значительно большее в сравнении с другими количество онимных единиц. Несомненно, группа урбанонимов, мотивированных фамилиями ***государственных деятелей и участников исторических событий*,** в белорусской и во французской системах не ограничивается названными разновидностями имен собственных. Анализ материала, имеющегося в нашем распоряжении, позволяет выделить номинативные приоритеты в рамках данной группы онимов: для белорусской системы свойственно преобладание урбанонимов, образованных от фамилий участников Великой Отечественной войны, для французской – от фамилий участников Первой мировой войны.

Вторая подгруппа объединяет урбанонимы, восходящие к фамилиям ***представителей литературы, искусства и науки***: писателей и поэтов (*ул. Богдановича, ул. Гоголя, ул. Короткевича, ул. Лермонтова, ул. Е. Лось, ул. Максима Богдановича, ул. Максима Горького, ул. Михася Лынькова, ул. Маяковского; rue Francois Villon, allée Guy de Maupassant, rue Jacques Prévert, rue Jules Verne, rue Léon Tolstoï, rue Maxim Gorki*); художников (*ул. Марка Шагала*; *rue Edmond Chauvet, rue Eugène Delacroix, rue Gustave Pierre, rue Henri Matisse*); в урбанонимии Реймса следует отдельно выделить подгруппу названий, образованных от фамилий архитекторов, в том числе и тех, которые принимали участие в восстановлении города после Первой мировой войны (*rue Edmond Herbé, rue Henri Royer, rue Kalas*); актеров, режиссеров, драматургов (*ул Актёров Ерёменко, ул. Ильинского*; *rue Gérard Philipe*); музыкантов, композиторов (*ул. Богатырёва, ул. Глинки, ул. Марка Фрадкина, ул. Чайковского*; *rue Ernest Lefèvre, rue Étienne Robert, allée Georges Bizet, rue Hector Berlioz*); ученых (*ул. Академика Павлова, ул. Ломоносова, ул. Мичурина*; *rue Francois Legros, rue Joliot-Curie, rue Lavoisier)*.

Результаты анализа урбанонимиконов двух стран свидетельствуют о количественном преимуществе во многих подгруппах названий, данных в честь представителей страны или края. Однако при этом следует отметить, что французская система внутрисельских названий включает большее количество наименований, образованных от фамилий выдающихся представителей литературы, искусства и науки других стран.

Многие урбанонимы возникают как названия-посвящения, выполняя меморативную функцию, то есть функцию сохранения памяти о великих людях, участниках исторических событий, известных представителей страны. Выбор имени в качестве основы не является случайным. Учитываются меморативные интенции номинатора, базирующиеся на аксиологических характеристиках антропонимного образования, выступающего мотивирующей основой.

Таким образом, национально-культурное наследие сохраняется и в названиях улиц. В числе отантропонимных урбанонимов, выполняющих меморативную функцию, можно выделить наименования, восходящие к фамилиям государственных деятелей и участников исторических событий, представителей литературы, искусства и науки.

Ход истории находит отражение в урбанонимах, при этом в каждой системе внутригородских названий можно выделить свои номинативные приоритеты. Так, в белорусской урбанонимии более наполненной является группа названий, данных в честь участников Великой Отечественной войны, во французской – в честь участников Первой мировой войны.

Репертуару отантропонимных урбанонимов, мотивированных фамилиями деятелей литературы, искусства и науки, свойственно преимущественное использование в качестве основ номинации фамилий представителей страны и края, а в плане

функционирования названий, сформированных на базе иностранных имен, более разнообразным является французский урбанонимикон.

Кроме того, можно отметить, что в белорусской системе внутригородских названий преимущественно функционируют урбанонимы, образованные от фамилий деятелей XX века, в то время как французская отмечена бóльшим хронологическим разнообразием.

Литература и источники

Дорофеенко М.Л. Урбаноним vs виконим: общее и частное (на материале отойконимных названий департамента Марна Большого восточного региона Франции) // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIV (71) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 14 февраля 2019 г. : в 2 т. / Редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) и др. Т. 1. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. С. 104–106.

Мезенка Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2008. Ч. 1. 363 с. Ч. 2. 254 с.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 202–208.

Франция-пам'ять 1999 – Франция-память / П. Нора; СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 328 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

Darafeyenka M.L. Marqueurs architecturaux dans la toponymie urbaine et rurale de la France // Французский язык на перекрестке культур: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. ст. / Сост. : С.В. Николаенко и др. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. С. 12–15.

Thuret J.-C. Reims: rues et lieux. Éditions Alternatives, 2011. 421 p.

M.L. Darafeyenka
(Vitebsk, Belarus)

NATIONAL AND CULTURAL HERITAGE IN URBANONYMY OF BELARUS AND FRANCE

In this article urbanonyms of Vitebsk (Belarus) and Reims (France) derived from anthroponyms and representing national, cultural and historical information are researched. The names motivated by surnames of statesmen and participants of historical events, representatives of literature, art and science are analysed. The nominative features which peculiar to the Belarusian and French urbanonymy systems are defined.

Key words: intracity names, historical memory, function of memorizing, national and cultural heritage, urbanonyms derived from anthroponyms, urbanonym.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.382

В.В. Заонегина
(Торжок, Россия)

НАЗВАНИЯ ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ ТОРЖКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГОДОНИМИКЕ

Статья посвящена тематической проблеме в современной лингвистической науке – анализу топонимической системы малого города по названиям церквей и монастырей. Предпринята попытка систематизации агиотопонимов. Дан краткий культурно-исторический комментарий.

Ключевые слова: топонимическая система, агиотопонимы, культурно-исторический комментарий, православная русская культура.

Статья представляет собой исследование торжокских топонимов, связанных с названиями церквей и монастырей, выполненное в социолингвистическом и культурно-историческом аспектах. Принцип номинации улиц и переулков российских городов по церквям и монастырям был одним из ведущих до начала XX века. Не стал исключением и наш город.

Торжок XVII–XIX веков был известным старообрядческим центром и всегда отличался особой религиозностью, множеством храмов и монастырей.

До настоящего времени город сохранил здания дореволюционной городской среды – памятники церковной архитектуры, которые могут сделать его при определенных условиях духовным центром Верхневолжья.

Целью нашего исследования является выявление «церковной» топонимии Торжка, существовавшей когда-либо в городе, а также выявление аппелятивной (нарицательной) лексики, содержащейся в адресной, уточняющей части наименования храмов.

В своей работе мы опирались на систему топонимов, исследуемых в религиозно-культурном пространстве, которая отражена в научных трудах Е.Л. Березович, В.Я. Дерягина, Е.М. Поспелова, Т.Ф. Сапроновой, В.И. Супруна и других.

Была проведена номинационная классификация выявленных агиотопонимов (географических объектов, связанных со святостью):

- по именам святых;
- по названиям христианских праздников;
- по названиям особо почитаемых икон;
- по занятиям (ремеслам) жителей;
- по аналогии с уже существовавшими объектами.

Для лингвистического анализа агиотопонимов был дан необходимый культурно-исторический комментарий.

1. По именам святых.

Александровская улица, Новоалександровская улица (до 1919 г., ныне 1, 2 Пугачевы ул.). *Александровской* улица названа по церкви святого Александра Невского, что существовала при тюремном замке [Димитрий 1903: 100].

Богословская улица и *Богословский переулок* (до 1919 г., ныне Осташковская ул.). *Богословской* улица называлась по выходу ее за город к Иоанно-Богословскому монастырю, и позже – к кладбищу и церкви Ивана Богослова [Илиодор 1860: 135].

Васильевская улица (до 1912 года, ныне Мира ул.) называлась по церкви святого святителя Василия Великого, архиепископа Кесарийского [Димитрий 1903: 40].

Власьевская улица (до конца XIX века, ныне Пушкина ул.) – по выходу ее к церкви святого великомученика Власия. На Руси святой Власий издавна считался покровителем домашних животных [Там же: 42].

Георгиевская улица (до 1919 г., ныне Гражданская ул.), *Георгиевский переулок* (до 1919 г., ныне Пушкина пл.) названы по церкви в честь святого великомученика Георгия (Егория) Победоносца [Там же: 50].

Дмитровская улица (до 1919 г., ныне Садовая ул.), *Новодмитровская улица* (до 1919 г., ныне Пушкина ул.). Дмитровская и Новодмитровская улицы назывались по церкви во имя святого великомученика Димитрия Солунского [Илиодор 1860: 134].

Ивановская улица (до 1919 г., ныне Кирова ул.) названа по церкви в честь святого пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна [Димитрий 1903: 66].

Ильинский съезд (до 1919 г., ныне Красная Гора ул.), *Ильинская площадь* названы по церкви во имя святого Пророка Илии [Добровольский 1901: 29].

Климентовская улица (до 1919 г., ныне Луначарского ул.), *Новоклиментовская улица* (начало XIX века, до 1957 г. Болотная ул., ныне Радищева ул.) – улицы названы по церкви во имя священномученика Климента, папы Римского [Илиодор 1860: 130].

Козьмодемьянская улица (до 1919 г., ныне Белинского ул.), названа по церкви в честь святых Космы и Дамиана [Там же: 129]. На Руси их называли Кузьма и Демьян.

Михайловская улица (до 1919 г., ныне Ржевская ул.), *Новомихайловская улица*, (до 1919 г., ныне Республиканский пер.), *Маломихайловский переулок*, (до 1919 г., ныне Республиканская ул.) были названы по церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Ныне действующая церковь более известна по приделу во имя святого архистратига (полководца) Михаила [Салимов 2002: 16].

Никитская улица (до 1880 г., ныне Больничная ул.) именовалась по мужскому монастырю в честь святого великомученика Никиты. *Никитская Гора* (до 1919 г., ныне Некрасова ул.). В середине XVIII века монастырь был упразднен и обращен в приходскую Никитскую церковь. В 1823 г. на ее месте была построена Покровская единоверческая церковь [Илиодор 1860: 139].

Никольская улица (в 20-х годах XX века, ныне Демьяна Бедного ул.), *Никольская*

набережная (в 20-х годах XX века, ныне Тверецкая набережная) названы по церкви во имя святого Николая [Там же: 135].

Пятницкая улица (до 1919 г., ныне Бакунина ул.), *Пятницкий переулок* (до 1919 г., ныне Бакунина 1-й пер.), *Пятницкая дорога* (до 1957 г., ныне Спартака ул.) названы по церкви во имя святой мученицы Параскевы [Димитрий 1903: 62]. «Пятница» по-гречески «Параскева».

Филипповская улица (до 1957 г., ныне Шевченко ул.) названа по церкви святого апостола Филиппа, одного из двенадцати учеников Иисуса Христа [Илиодор 1860: 125]. «Филипповки» на Руси праздновались широко перед долгим постом.

2. По названиям христианских праздников.

Богоявленская улица и *Богоявленский переулок* (до 1913 г., ныне Осташковская ул.) именовались по расположенной рядом Богоявленской церкви. Церковь названа в честь Богоявления Господня. Богоявление Господне еще называют Крещением. В древности здесь был Хутынский монастырь, а затем приходская церковь [Илиодор 1860: 124].

Воздвиженская площадь, Воздвиженская улица (до 1913 г., ныне Карла Маркса ул.) назывались по церкви в честь Воздвижения Честного Креста. Главный престольный праздник Крестовоздвиженской церкви – Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня [Там же: 132].

Дальняя Троица улица (до 1972 года была деревней) названа по Троицкому мужскому монастырю. После его закрытия (во второй половине XVIII в.) была приходская кладбищенская церковь. Эта церковь так стала называться потому, что в городе была еще одна Троицкая церковь, которую жители называли Ближней Троицей. Храм освящен в честь дня Святой Пятидесятницы [Димитрий 1903: 70].

Знаменская улица (до 1919 г., ныне аллея сада) названа по церкви Знамения Честного Креста – явлению на небе креста в Иерусалиме, состоявшего из света, распростертого от Голгофы до места Его вознесения на небо [Илиодор 1860: 126].

Мироносицкая улица (до 1919 г., ныне Мобилизационная наб.) названа в честь церкви Жён-Мироносиц, [Там же: 57] женщин, последовавших за Спасителем в Его земной жизни и не оставивших Его после смерти. День Жен-Мироносиц празднуется в третье воскресенье после Пасхи. На Руси это считается православным женским днем, прославляющим женскую доброту, самоотверженность, бесстрашие, любовь.

Покровская улица (до 1919 г., ныне Некрасова ул.), *Покровский переулок* (до 1919 г., ныне Кирова 4-й пер.) названы по Покровской церкви [Димитрий 1903: 57]. Церковь названа в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. В 1823 году на месте древнего Никитского монастыря была построена единоверческая Покровская церковь. При реквизиции икон из закрывающихся храмов Торжка в 1931 г. из Покровской единоверческой церкви 4 иконы были отобраны для Третьяковской картинной галереи и ныне находятся в ее собрании.

Сретенская улица (до 1919 г., ныне Белинского ул.) названа по празднику Сретения Господня – это встреча Ветхого и Нового Заветов [Там же: 73]. В народе Сретение является границей между зимой и весной.

Троицкая улица (до начала 20-х годов XX века, ныне Вольная ул.), *Троицкая площадь* (до начала 20-х годов XX века, ныне Пионерский пер. (1962 г.)), *Троицкая набережная* (до 1919 г., ныне Мобилизационная наб.), *Троицкий переулок* (до начала 20-х годов XX века, ныне Пионерский пер. (1962 г.)) назывались по церкви Ближняя Троица [Илиодор 1860: 131].

Успенская улица (с 1919 г. часть стала Володарского ул., часть с 1947 г. – Ананьина пл.), *Новоуспенская улица* (до 1957 г., ныне Свердлова пер.) названы по Успенской церкви. Церковь названа в честь Успения Пресвятой Богородицы [Там же: 127].

3. По названиям особо почитаемых икон.

Грузинская улица по выезду из города в село Грузины. Названа в честь иконы Грузинской Божией Матери [Долгова 1958: 5].

4. По занятиям (ремеслам) жителей.

Богомазный переулок (конец XVIII века). Проходил между Водопойной и Дмитровской (ныне Садовая ул.). Здесь жили и работали иконописцы – «богомазы» [ГАТО, л. 27].

Поповый переулок (до 1880 г., ныне Новая ул.) назывался по домам, принадлежащим в разное время попам единоверческой церкви [Лопатина 2002: 48].

5. По аналогии с уже существовавшими объектами.

Монастырская Гора (до 1919 г., ныне Старицкая ул.), *Монастырская улица* (до 1919 г., ныне Старицкая ул.), *Монастырский переулок* (в 1880 г. пер. вдоль южной стены Борисоглебского монастыря, ныне без названия) были названы по располагавшемуся на ней Борисоглебскому монастырю, основанному Киевским боярином Ефремом в первой половине XI века [Илиодор 1860: 106].

Соборный Вал в 1919 г. был переименован в *Городской Вал* – ныне не существует. Так она называлась по Спасо-Преображенскому собору [Там же: 115].

Трехцерковная улица (до 1919 г., ныне Степана Разина ул.). На её оси на перекрестках с другими улицами стояли три церкви: Никольская, Дмитровская, Воздвиженская [Лопатина 2002: 75].

Часовенный переулок (до 1880 г., ныне без названия) именовался по выходу его к старообрядческой часовне, располагавшейся на Болотной улице (ныне Радищева ул.) [Там же: 81].

Таким образом, названия старых улиц древнего русского города – такие же памятники истории культуры, как и архитектурные сооружения, заповедные места, произведения искусства. Культурно-исторический комментарий помогает нам понять, как формировалась православная русская культура в условиях малого города на протяжении веков.

Литература и источники

ГАТО – Государственный архив Тверской области. Ф. 172. Оп. 2. Д. 456. Л. 27.

Димитрий (Самбикин Д.И.), архиепископ. Монастыри и приходские церкви города Торжка. Тверь: Типография губернского правления, 1903. 103 с.

Добровольский И.В. Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1901. 567 с.

Долгова С.Р. Старинные документы о селе Грузины. Рукопись // Архитектурное наследство, № 9. 1958.

Илиодор, иеромонах. Историко-статистическое описание города Торжка, составленное Новоторжского Борисоглебского монастыря иеромонахом Илиодором. Тверь, 1860. 154 с.

Лопатина Н.В. История города Торжка в названиях улиц. Изд. 2 испр. Тверь: Лилия Принт, 2002. 93 с.

Салимов А.М. Храмовая архитектура Тверской епархии // Очерк истории. Тверь, 2002. С. 16–22.

Сапронова Т.Ф. Православные монастыри в топонимии Москвы // Русская речь. 1996. № 1. С. 85–91.

V.V. Zaonegina
(Torzhok, Russia)

NAMES OF CHURCHES AND MONASTERIES OF TORZHOK IN HISTORICAL HODONYMICS

The article is devoted to a thematic problem in modern linguistic science – the analysis of the toponymic system of a small city by the names of churches and monasteries. An attempt has been made to systematize agiotoponyms. A brief cultural and historical commentary is given.

Key words: toponymic system, agiotoponyms, cultural and historical commentary, Orthodox Russian culture.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.386

Е.А. Казнина
(Ярославль, Россия)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ УЛИЦ МАЛОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ УГЛИЧА)

В статье представлена мотивировочная классификация современных годонимов малого города Углича. Анализ подобных имен собственных дает возможность выявить основные принципы номинации улиц малого города.

Ключевые слова: имя собственное, ономастическая система, ономастикон, ономасиологический анализ, урбаноним, годоним, урбанонимическое пространство, город Углич.

Изучение имен собственных внутригородских объектов получает все более широкое распространение в отечественной ономастике. Лингвисты видят необходимость в разработке типологии урбанонимов, которая отразит основные принципы номинации внутригородских объектов. Однако чтобы создать единую классификацию, необходимо обратиться к рассмотрению ономастического пространства разны типов городов.

В настоящей статье нами будут рассмотрены линейные урбанонимы города Углича – небольшого города Ярославской области с населением 36 тысяч человек. По данным Федерального адресного реестра онимическая система города состоит из 114 годонимов. При анализе названий нами использовались туристические путеводители, печатные и интернет-карты.

Урбанонимы представляют собой класс названий, который «является наиболее мотивированным, что определяет его уникальность в отражении лингвокультурологической информации» [Давлеткулова 2013: 83]. В наименованиях внутригородских объектов отражается социальные и политические изменения, а также история страны и города.

В основу нашего анализа положена классификация Ю.А. Качалковой [Качалкова 2013]. Стоит отметить, что Екатеринбург – главный город Свердловской области, город-миллионник, в котором существует разветвленная система улиц и площадей, поэтому не все упомянутые автором принципы номинации будут представлены в ономастической системе города Углича. Это подтверждает наблюдения, ранее сделанные Р.В. Разумовым [Разумов 2016].

Ю.А. Качалкова в урбанонимии Екатеринбурга выделяет три макромодели названий: мемориальные номинации, дескриптивные номинации и условно-символические номинации [Качалкова 2013: 89]. Все выделенные макромодели обнаруживаются и в урбанонимии Углича, главное отличие заключается в отсутствии некоторых подгрупп, которые были выделены в годонимии Екатеринбурга.

Мемориальные номинации (названия-посвящения) составляют 39% от общего числа урбанонимов города (45 наименований). Подобные топонимы появляются в Угличе только в XX веке после революции 1917 года. Они дают возможность понять, насколько те или иные исторические события, личности, организации были важны для данного населенного пункта в определенный отрезок истории.

Отантропонимические названия составляют ядро этой группы (30 онимов) и делятся на следующие подгруппы: посвящения деятелям культуры (ул. *Лермонтова*, ул. *Некрасова* и др.); посвящения деятелям революционного движения, партийным и

государственным лидерам (ул. *Зины Золотовой,* ул. *Крупской* и др.); посвящения героям Великой Отечественной войны (ул. *Голубева*, ул. *Романенко* и др.); посвящения деятелям науки (ул. *Академика Опарина*, ул. *Нариманова* и др.). В процессе анализа было выделено два онима, увековечивающих руководителей местных предприятий: ул. *Никонова*, получившая свое название в честь первого директора завода точных технических камней, директора часового завода (1942–1961), и ул. *Старостина* (1982), названная в честь директора Угличского часового завода «Чайка».

Следующие подгруппы увековечивают социальные группы и институты: в городе созданы посвящения в честь представителей различных профессий (ул. *Делегатская*, ул. *Механизаторов*); социальных групп и организаций (ул. *Комсомольская, Пионерский* переулок); социально-возрастных групп (ул. *Молодежная*). Подгруппа посвящений областям человеческой деятельности состоит из трех наименований: ул. *Кузнечная*, ул. *Спортивная,* ул. *Малая Рыбацкая*.

Появились в городе и мемориативы в честь памятных дат и вех отечественной истории (ул. *12 Декабря,* ул. *9 Января*, ул. *Октябрьская,* ул. *Победы*), а также посвящения праздникам (ул. *Первомайская,* ул. *Февральская*).

Собственно дескриптивные названия отражают свойства и качества объекта, они составляют 53% от общего количества урбанонимов (63 наименование). Заметим, что этот тип названий превосходит по своему количеству мемориативные годонимы.

Самая крупная подгруппа в этой макромодели – годонимы, описывающие относительное расположение. Такой тип наименований является самым необходимым в жизни горожан, об этом говорит количество единиц, вошедших в подгруппу (43 онима). Их удобство обусловлено тем, что они показывают местоположение внутригородского объекта. Урбанонимы могли указывать на расположение улицы относительно смежного антропогенного топообъекта: промышленного предприятия (ул. *Заводская, Промкомбинаторский* проезд); торгового объекта (*Базарный* проезд); городских служб (ул. *1-я Высоковольтная*); железнодорожной станции (ул. *Вокзальная,* ул. *Железнодорожная*) и др. Годонимы устанавливали связь с другими географическими объектами: деревнями (*Камышевское* шоссе) и городами (ул. *Ярославская, Ростовский* проезд, *Рыбинское* шоссе). Расположение объекта может описываться с помощью указания на смежный природный объект (ул. *Боровая*, ул. *Сосновая*) или гидрообъект (ул. *Селивановский Ручей,* ул. *Волжская*). Названия относительно сторон света – еще один удобный способ определить расположение линейного внутригородского объекта. Из четырех сторон света в урбанонимии города представлены всего три: ул. *Северная*, ул. *Южная* и ул. *Восточная*.

Ориентироваться в городском пространстве помогают годонимы, описывающие качества и свойства объекта: тип почвы (ул. *Неглинная,* ул. *Песочная*); особенности

рельефа (ул. *Камневая*), форму объекта (ул. *Кольцевая*, ул. *Садово-Кольцевая*) и очередность застройки (*1-я линия Камышевского шоссе, Новый* проезд).

Третья макромодель объединяет **условно-символические названия** и состоит из 10 годонимов (9% от общего количества названий). В Угличе представлена всего одна из выделенных Ю.А. Качалковой подгрупп – наименования, образованные от идеологем советской эпохи: ул. *Гражданская,* ул. *Социализма*, ул. *Пролетарская* и др. Представленные лексические единицы особенно ярко показывают, как политические идеи внедрялись в жизнь людей через включение их в ономастическое пространство города. Почти все урбанонимы этой группы заменили дореволюционные годонимы, образованные от экклезионимов. Здесь мы сталкиваемся с таким явлением, как правка языка [Кронгауз 2005: 92]. Политика, проводившаяся советскими властями, была настроена против церкви, поэтому все связанное с этим социальным институтом искоренялось.

Итак, самый большой пласт урбанонимов составляют наименования-меморативы (ул. *Гоголя*, ул. *Луначарского*, ул. *Чкалова* и др.), названия, описывающие относительно расположение объекта (ул. *Заводская, Вокзальный* проезд*,* ул. *Озерная*), и названия, увековечивающие идеологемы советской эпохи (ул. *Социализма*, ул. *Свободы* и др.). На примере Углича можно увидеть, как много составляющих имеет ономастическая система современного малого города, чем она отличается от аналогичных систем больших населенных пунктов. Создание подобных классификаций помогает выявить основные принципы номинации, узнать о культуре и истории города и страны в целом, так как все изменения, происходящие в обществе, отражаются в годонимии.

Литература и источники

Давлеткулова Л.Н. Лингвокультурологический компонент топонимов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №31. С. 82–85.

Качалкова Ю.А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопросы ономастики. 2013. № 1. С. 88–104.

Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е. изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

Лиуконен Е.А. Улицы старого Углича. Углич: ООО «Издательский дом «Углич», 2017. 470 с.

Разумов Р.В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 4. С. 121–125.

E.A. Kaznina
(Yaroslavl, Russia)

BASIC PRINCIPLES OF STREET NOMINATION OF SMALL TOWN (ON THE EXAMPLE OF UGLICH)

The article provides information on the motivational classification of modern streets of small town Uglich. It gives a detailed analysis of proper names and the main purpose of the article is to identify the basic principles of the nomination of streets of small town.

Key words: proper name, onomastic system, onomasticon, onomasiological analysis, urbanonim, street name, urbanonimic space, town Uglich.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.390

В.С. Картавенко
(Смоленск, Россия)

УРБАНОНИМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ: ОФИЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛУОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ

В статье рассматривается топонимический ландшафт современного Смоленска. Обращается внимание на то, что среди городских названий выделяются не только официальные названия, но также неофициальные. Представляют интерес также полуофициальные названия, многие из которых отражены в памятниках письменности и широко употребительны в настоящее время.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, название, официальный, летопись, памятники письменности.

Топонимикон любого города весьма обширен. Он включает в себя как официальную топонимию (совокупность названий улиц, площадей, районов города, зданий, учебных заведений и т.д.), так и неофициальную. Официальная топонимия Смоленска нами уже рассматривалась в ряде работ [Картавенко 2004; 2001]. Как правило, официальными являются те названия географических объектов, которые закреплены в документах, актах, государственных и иных деловых бумагах. «Официальный – 1. Правительственный или должностной. 2. С соблюдением всех правил, формальностей» [Ожегов 1985: 417]. Это названия городов, сел, деревень, хуторов; в городской топонимике это названия улиц, площадей, зданий и т.д.: *Вологда*, *Санкт-Петербург*, *Печерск*, *Катынь*, улица *Красный Ручей*, площадь *Победы*, *Дом творчества детей и молодежи*.

Неофициальные топонимы до сих пор специальному изучению не подвергались. А между тем они и в количественном, и в качественном отношении представляют собой довольно обширную интересную группу.

Это такие названия, которые мы не встретим в официальных документах, планах города и т.п. Неофициальные топонимы – это топонимы, которые возникают в узких, ограниченных группах населения (чаще всего среди молодежи) для именования объектов. Неофициальные названия объектов – это, можно сказать, народные их наименования, очень часто они представляют собою яркие, эмоционально-экспрессивные слова и выражения.

Многие неофициальные топонимы настолько прочно закрепились в речи жителей, что вытеснили собою официальные названия тех или иных объектов. Часто это происходит по причине того, что официальное наименование может быть достаточно длинным, протяженным, может состоять из нескольких слов, и потому в разговорной речи оно сокращается тем или иным способом, упрощается, или объекту дается совсем другое название, отличное от официального.

Рассмотрим проявление этого процесса на примере неофициальных топонимов города Смоленска. Так, например, *Ленинкой* смоляне называли областную научную универсальную библиотеку им. В.И. Ленина. Интересно, что библиотека уже несколько лет носит имя А.Т. Твардовского, а её по-прежнему продолжают называть *Ленинкой*. Название, действительно, краткое, ёмкое, узнаваемое, может быть, еще и потому, что Российскую государственную библиотеку в Москве тоже до сих пор называют *Ленинкой*.

Одна из самых значительных достопримечательностей города Смоленска – *Мономахов собор* (официальное его название – Кафедральный собор в честь Успения Пресвятой Богородицы). Из летописных сведений известно, что Владимир Мономах после смерти отца, получив Смоленск, стал строить в городе храм (кстати, первый каменный храм в городе), который и стали называть *Мономахов* в честь основателя. Также его называют еще *Успенский собор* или просто *Собор*.

Приведем еще один удачный, на наш взгляд, неофициальный топоним – *Памятник с орлами*. Официальное название памятника – Памятник героям Отечественной войны 1812 года. Памятник представляет собой скалу с гнездом на вершине, гнездо охраняют два орла, один из которых, раскинув мощные крылья, держит за руку галла, другой – прикрывает гнездо, но готов броситься на врага с тыла. Орлы символизируют две русские армии, соединившиеся в Смоленске. Кроме того, на гербе России, помещенном на памятнике, также двуглавый орел. Вполне понятно поэтому, что памятник называют *Памятником с орлами*.

Наряду с официальными и неофициальными топонимами существует также группа топонимов, которые нельзя отнести ни к официальным, ни к неофициальным.

Полагаем, что их можно назвать полуофициальными. Под полуофициальными топонимами мы понимаем названия районов города (существовавших ранее и имеющихся сейчас). Эти названия, как и неофициальные, нигде не зафиксированы, но их знают все (в отличие от неофициальных, которые известны узким группам населения), они используются в устной речи всеми жителями города. Так, например, в Смоленске официальными названиями районов города являются только три: *Ленинский*, *Промышленный* и *Заднепровский*. Полуофициальных топонимов достаточно много: *Киселевка*, *Кловка*, *Покровка*, *Поповка*, *Рачевка*, *Реадовка*, *Садки*, *Ситники*, *Смядынь* и др. Подобные топонимы – это названия городских объектов, а для названий внутригородских объектов существует термин урбаноним. Но этот термин включает в себя и агоронимы, и годонимы, и городские хоронимы, и экклезионимы, и ойкодомонимы. Из указанных терминов для называния районов города мог бы подойти термин хороним (городской): «Вид хоронима и вид урбанонима. Собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка. Пр.: *Кремль*, *Зарядье*, *Лужники*, *Сокольники*, *Измайловский парк*; *Петроградская сторона*, *Васильевский остров*, *Петропавловская крепость*» [Подольская 1988: 146]. Однако, как видим, этим термином обозначаются официальные названия частей города. Мы же исследуем полуофициальные названия бывших и настоящих районов города, одни из которых существовали очень давно и, к сожалению, не сохранились, другие дошли до настоящего времени, третьи возникли сравнительно недавно.

Рассмотрим названные три группы полуофициальных топонимов. К первой группе относим названия древнейших районов города Смоленска. Это названия, которые возникли и существовали очень давно и в настоящее время в живой речи смолян почти не встречаются. Они известны по летописным источникам, по упоминаниям в отдельных памятниках письменности: *Княжеская местность, Свирская слобода, Смядынь*.

Названия второй выделенной нами группы – это названия, существовавшие достаточно давно и дожившие до настоящего времени.

Одно из самых известных таких названий – это *Покровка*. *Покровская гора* известна с XV века, она упоминается в письменных памятниках 1441 года. Когда-то на горе был выстроен храм *Покрова Пресвятой Богородицы*, и с тех пор гора и получила название *Покровская*. «Храм этот существовал еще в 1609 г., ибо в «Отписке» смольнян он перечислен, как уцелевший в то время от пожаров» [Мурзакевич 1804: 180–181]. По имени горы одна из улиц получила название *Покровской Горы* (в советское время была переименована в улицу Фрунзе). А позже стал называться *Покровкой* целый большой район города, прилегающий к этой улице. В настоящее время название является очень употребительным в устной речи горожан. Образовано оно стяжением с суффиксацией, такой способ образования является достаточно

продуктивным для подобных названий и в целом для разговорных слов.

Сюда же относятся названия *Печерская Гора, Садки, Реадовка*. Это топонимы, часто встречающиеся в памятниках письменности и широко известные сейчас.

Названия третьей группы являются сравнительно молодыми по отношению к названиям, рассмотренным нами ранее. Это, например, следующие наименования современных районов города: *Киселевка*, *Поповка*, *Королевка* и др. Рассмотрим некоторые из них. Название нового жилого и промышленного района в юго-восточной части Смоленска, сформировавшегося в 60–70-е годы XX века, – *Поповка* – возникло благодаря названию бывшей здесь ранее деревни *Поповки*, расположенной к востоку от знаменитого *Чертова оврага*.

Еще один из новых районов города Смоленска получил название *Киселевка*, так как возник он на месте деревни *Киселевки*, несколько домов которой еще напоминают о ней. Название деревни, в свою очередь, отыменное (отпрозвищное), данное по имени (прозвищу) ее основателя или владельца.

Итак, проанализированные топонимы, которые мы назвали полуофициальными, наряду с официальными названиями, отражают различные периоды жизни города, его далекое прошлое и современное настоящее. Среди них выделяем названия самые древние, более поздние и названия, появившиеся сравнительно недавно. Все они, начиная от древнейших и заканчивая самыми новыми, отражают историю города, историю его жителей, свидетельствуют о состоянии ландшафта, говорят об особенностях быта, рассказывают о мировоззрении людей.

Литература и источники

Картавенко В.С. Прошлое и настоящее в топонимах (неофициальные названия городских районов) // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Ч. 2. Смоленск, 2001. С. 164–170.

Картавенко В.С. Ономастикон современного города // Культура и письменность славянского мира. Сборник материалов научной конференции 24 мая 2003 года. Том 3. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 215–218.

Мурзакевич Д.Н. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Смоленск: При губернском правлении, 1804. 307 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 190 с.

V.S. Kartavenko
(Smolensk, Russia)

URBANOMICS LANDSCAPE: OFFICIAL, SEMIOFFICIAL AND INFORMAL NAMES

The article deals with the toponymic landscape of modern Smolensk. Attention is drawn to the fact that among the city names there are not only official names, but also unofficial ones. Also of interest are semi-official names, many of which are represented in written records and are widely used today.

Key words: toponym, urbanonym, name, official, chronicle, written records.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.394

С.С. Полежаева
(Тирасполь, Молдова, Приднестровье)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПОЛИЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УРБАНОНИМОВ ГОРОДА ТИРАСПОЛЬ)

В статье рассматриваются особенности наименований внутригородских объектов в многонациональном государстве; представлены классификации по разным основаниям номинаций, восходящих к разным языкам, улиц и переулков города Тирасполь; делается вывод о положительном характере взаимоотношений народов, разговаривающих на разных языках в аспекте использования ими номинаций внутригородских объектов.

Ключевые слова: топонимика, улица, переулок, русский, молдавский, украинский.

Исследование имени собственного в топонимах, функционирующих в узусе многонационального государства, представляет интерес как для лингвистов, так и для историков. Тем более если в этом государстве проживают люди более 30 национальностей, говорящих, помимо русского языка, на других языках. Речь идет о непризнанном юридически, но существующем фактически уже более четверти века небольшом по величине государстве – Приднестровская Молдавская Республика. Здесь функционируют три официальных языка (русский, молдавский и украинский) и множество других языков, на которых люди общаются между собой: белорусский, болгарский, немецкий, гагаузский, армянский и др. Такое «смешение» языков обусловлено историческими причинами: на нынешней территории издавна проживали

люди разных национальностей, это была географическая точка, в которой пересекались и экономические, и политические, и культурные интересы разных этносов. Столицей Приднестровья сегодня является город Тирасполь.

Объяснить происхождение различных географических названий на территории, которая сегодня называется Приднестровье, пытались молдавские летописцы еще в XVII в. Наиболее глубокое изучение топонимов, по свидетельству В.М. Кишлярука, провел А.И. Еремия, который указывал: «В основе топонимии Приднестровья лежат географические названия молдавского (30%), славянского (50%) и тюркского (3%) происхождения. Однако в пределах Приднестровья не соблюдается характерное для всей территории Молдавии доминирование географических названий молдавского происхождения. Отличием топонимии левобережья р. Днестр является отсутствие характерной для Молдавии в целом закономерности уменьшения числа населенных пунктов славянского происхождения с севера на юг» [Кишлярук 1999: 82], см.: [Еремия 1990].

Опишем некоторые особенности урбанонимии Тирасполя, представляющей этот город как многонациональный и полилингвистический регион.

Анализ наименований городских объектов привел к разработке **классификации языковых единиц с точки зрения происхождения слов, входящих в эти названия**.

1. Общеславянские слова: «*Минск*», «*Север*» (названия магазинов), «*Сокол*» (название торгового комплекса), «*Охотник*» (название ресторана), «*Колкотовый*» (название рынка).

2. Иноязычные слова:

– старославянские: «*Юность*» (название кинотеатра), «*Вещевой*» (название рынка), «*Дружба*» (название гостиницы);

– молдавские: «*Приетения*», «*Ла плэчинте*», *«Ла токанэ»* (названия ресторанов), «*Вара*», «*Ауреола*», «*Тимп*» (названия магазинов);

– из других иностранных языков: «*Орион*», «*Орфей*» (названия молодежных клубов), «*Галион*» (название культурно-досугового центра), «*Альвис*», «*Орхидея*», «*Атлантика*» (названия торговых комплексов), «*Шериф*» (название спортивного комплекса); «*Прогресс*», «*Фаворит*», «*Максимум*», «*Капрал*» (названия магазинов), «*Тирас*» (название Дома быта) и др.

Характерно, что некоторые названия переданы не кириллической, а латинской графикой, например, *«Color Fit»* (фитнес-центр), *«Geneva»* (ювелирный салон), *«Craft»* (гастропаб), *«CityClub»* (отель) и др., а также параллельными графическими формами, ср.: ресторан *«Ла плэчинте» – «La Placinte»*.

Происхождение слов, обусловивших появление данных названий внутригородских объектов, было выявлено по этимологическим словарям А.Г. Преображенского

[Преображенский 1959] и Н.М. Шанского [Шанский 1971], а также по словарю иностранных слов И.В. Лехина [Словарь 1979]. Осветим подробнее лишь один из аспектов происхождения слов, образовавших изучаемые топонимы, – молдавские по происхождению слова. Ср.:

Приетения – в переводе на русский язык – ‘дружба’, ‘дружелюбие’;

Вара – в переводе на русский язык – ‘лето’;

Ауреола (*ауреол / э*) – в переводе на русский язык – ‘ореол’, ‘сияние’;

Тимп – в переводе на русский язык – ‘время’.

Из приведенных языковых фактов видно, что молдавские названия отражают такие реалии, которые вызывают у людей положительное восприятие. Отдельного комментария заслуживают номинации *плэчинте* и *токана*. Ср.:

Плэчинте («*Ла плэчинте*») – это вид пирога в виде плоской лепешки круглой или, реже, квадратной формы в молдавской, румынской и украинской кухнях [Плацинда]. Изготавливаются *плэчинте* (в другой, более распространенной в Приднестровье огласовке – *плацинды*) из различного вида теста (дрожжевого, вытяжного, слоеного) с многообразными начинками (творогом и зеленью, сладким творогом, картофелем, капустой, брынзой, яблоками, тыквой и др.). Эта выпечка национальной молдавской кухни сегодня очень распространена на приднестровской земле, ее готовят люди разных национальностей.

Токана («*Ла токанэ*») – мясное (реже – овощное) блюдо молдавской кухни, которое традиционно подается с мамалыгой. В ресторане «Ла токанэ» посетителям также предложат вкусные и сытные национальные блюда: *мититеи, кырнацеи, вертуты* и др.

Таким образом, топонимические номинации на молдавском языке в многонациональном обществе отражают положительное мировосприятие людей и связаны с такими понятиями, как «дружелюбие», «свет, сияние», «еда» и др. В целом же классификация топонимов с точки зрения происхождения свидетельствует о значительном количестве языков, из которых пришли названия, ставшие номинациями городских объектов приднестровского г. Тирасполь.

Следующая классификация отражает **«пространственную» семантику топонимов Тирасполя**. Здесь выделяются две группы:

1) топонимы, отражающие ***географическое пространство России (и в целом бывшего Советского Союза)***. К ним относятся:

– названия улиц: *Советская, Украинская, Одесская, Оргеевская*;

– названия ресторанов и кафе: *«Тернополь»*;

– названия магазинов: *«Минск», «Криково», «Причерноморье»*.

2) топонимы, в семантике которых отражается ***географическое пространство мира.*** Сюда входят:

– названия улиц и переулков: *улица Мира; переулок Сербский*;

– названия ресторанов и кафе: *«Европа», «Айленбург»*.

Как видим, географическое пространство России (и бывшего Советского Союза), отраженное в номинациях, охватывает понятия «советский», «украинский» (города Одесса, Тернополь), «белорусский» (город Минск), «молдавский» (города Криково, Оргеев), а также исторически сложившуюся территорию России XVIII–XIX веков – Причерноморье.

Географическое пространство мира отражено в названиях, связанных с понятиями «мир» (улица *Мира*), «часть света» (ресторан *«Европа»*), «страна»: «Германия» (ресторан по названию города *«Айленбург»*), «Сербия» (переулок *Сербский*).

Еще одна классификация разработана **на основании отнесенности фамилий, послуживших названиями улиц и переулков г. Тирасполя, к определенным языкам**. Ср.:

1) ***русские*** фамилии: (улицы) *Быкова, Ватутина, Калинина, Кирова, Куйбышева* и др.;

2) ***украинские*** фамилии: (улицы) *Ткаченко, Шевченко, Макаренко, Черниенко, Щербинко* и др.;

3) ***молдавские*** фамилии: (улицы) *Сакриера, Солтыса, Фрунзе* и др.;

4) ***болгарские*** фамилии: (улица) *Христо Ботева*;

5) ***немецкие*** фамилии: (улицы) *Карла Либкнехта, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Розы Люксембург* и др.;

6) ***польские*** фамилии: (улица) *Дзержинского*;

7) ***грузинские*** фамилии: (улица) *Орджоникидзе*.

Таким образом, названия улиц и переулков города Тирасполя, содержащие фамилии людей, отражают богатую палитру языков, с которыми эти фамилии соотносятся.

В заключение отметим следующее. Приведенные в работе лингвистические факты представляют «национальную» специфику географических названий внутригородских объектов столицы Приднестровья – города Тирасполя. Названия географических объектов, восходящие к разным языкам – молдавскому, славянским, другим иностранным языкам, – являются ярким свидетельством того, что на территории Приднестровья проживали и проживают люди разных национальностей. «Породненные исторической судьбой народы, веками проживающие вместе и сохраняющие в процессе политических, социальных и иных трансформаций свою этнокультурную самобытность, стремятся в любых условиях сберечь главное – толерантность межэтнического общения и взаимодействия» [Погорелая 2005: 68]. Приведенное мнение Е.А. Погорелой в полной мере подтверждается языковыми фактами номинации топонимического пространства многонационального и

полилингвистического сообщества, каким является Приднестровье. Здесь терпимость народов, разговаривающих на разных языках, и взаимодействие языков признается исключительно важной нравственной ценностью.

Литература и источники

Еремия А.И. Географические названия рассказывают. Кишинев: Штиинца, 1990. 197 с.

Кишлярук В.М. Происхождение названий населенных пунктов Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья: Научно-популярный иллюстрированный сборник Республиканского управления культуры. Тирасполь, 1999. С. 81–82.

Плацинда – *Плацинда* // Режим доступа (свободный). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B0 [Дата обращения: 08.04.2019].

Погорелая Е.А. Социокультурные координаты лингвориторического идеала в постсоветских государствах // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тирасполь, 2005. № 1. С. 67–79.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. В 2-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1959. 1284 с.

Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина. М., 1979. 805 с.

Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1971. 542 с.

S.S. Polezhaeva
(Tiraspol, Moldova, Transnistria)

PROPER NAME IN THE POLYLINGUISTIC COMMUNITY

The article deals with the features of the names of intracity objects in a multinational state; presents the classification on different grounds nominations, Dating back to different languages, streets and alleys of the city of Tiraspol; concludes on the positive nature of the relationship of peoples speaking different languages in terms of their use of nominations intracity objects.

Key words: place names, street, lane, Russian, Moldovan, Ukrainian.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.399

Р.В. Разумов
(Ярославль, Россия)

НАЗВАНИЯ-ОРИЕНТИРЫ В ГОРОДСКОМ ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена рассмотрению особенностей названий-ориентиров Ярославля. Цель статьи – выявить, какие объекты Ярославля служат ориентирами для горожан, и классифицировать их. Материалом для исследования послужили устные и письменные тексты, собранные и зафиксированные студентами ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

Ключевые слова: социоономастика, городское онимическое пространство, система урбанонимов, урбаноним, ориентир.

Правильно установить своё местоположение в пространстве, определить верное направление движения нам помогают различные ориентиры. Как отмечает Т.В. Шмелёва, «когда мы говорим “ориентиры”, то имеются в виду одновременно две вещи: сам городской объект, служащий ориентиром в городе, и именующая его лексема» [Язык города: 4]. Одним из самых распространенных средств ориентации в городской черте являются различные имена собственные, активно используемые не только в письменной, но и в устной речи. По этой причине их всестороннее изучение и описание является важной задачей современной городской ономастики, оно поможет в разработке ментальных карт городов – нового перспективного направления ономастических исследований [Győrffy 2015; Reszegi 2013].

Целью настоящей статьи является описание особенностей функционирования названий-ориентиров в городской среде Ярославля. Материал для анализа был собран во время социолингвистической и научно-исследовательской практик студентов факультета русской филологии и культуры ЯГПУ имени К.Д. Ушинского. В настоящее время на кафедре русского языка хранятся записи устных монологов жителей и гостей города, а также зафиксированные письменные тексты (аншлаги общественного транспорта, объявления, рекламные тексты), дающие представление о функционировании названий-ориентиров в городской среде.

Названия-ориентиры – это область языка города, практически не изученная в современной лингвистике. Впервые данное направление исследований было разработано Т.В. Шмелевой, которая и предложила первую типологию ориентиров [Язык города: 5–9]. К сожалению, изучение функционирования ориентиров в городской среде не было продолжено, хотя их роль в письменной и устной коммуникации горожан очень важна.

Прежде всего следует отметить различия устных и письменных ориентиров. В **устной речи** преобладают неофициальные варианты названий (*Пед* вместо

Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Молодежка вместо *Молодежная поликлиника* и др.). Среди годонимов преобладает сокращение урбанонимического термина, т.е. сохраняется только урбаноним: «*рынок // я не знаю / как он правильно называется // рынок / который* ***на Калинина*** *// ой* ***на Доронина*** *// либо центральный рынок / который на площади Богоявления*» (Мария, 27 лет). В **письменной речи** чаще употребляются официальные названия: *Дзержинский район, Московский проспект,* однако и в них возможно использование неофициальных вариантов онимов. Например, на аншлагах маршруток Ярославля часто можно встретить следующие неофициальные наименования объектов: *Заволга* (Заволжский район), *Гигант* (площадь Карла Маркса), *Кресты* (остановка Крестобогородская улица), *Ашан* или *Вернисаж* (ТЦ «Ярославский вернисаж»).

Все ориентиры могут быть разделены на макроориентиры (например, *Кировский район, Нефтестрой, Московский проспект, река Волга*), мезоориентиры (например, *Ярославский цирк, ТЦ «Яркий», Автовокзал*) и микроориентиры (например, «*Дикси», светофоры, перекрестки*).

Макроориентиры – это названия районов и микрорайонов, имена главных улиц (как правило, проспектов и шоссе), крупных водоёмов (рек и озёр), парков, скверов, промышленных предприятий и вокзалов. Именно с наименования макроориентира, как правило, начинается привязка объекта к территории города: «*Я живу в* ***Брагино*** *на Колесова // Это прямо при въезде в* ***Брагино*** *и находится… //* ***Брагино*** *это такой район спальный / он от* ***Центра*** *далеко*» (Сергей, 49 лет); «***Нефтяга*** *//* ***район Крестов*** *вниз по дороге вдоль РИО // потом по правую руку будет школа*» (Андрей, 19 лет); «*Только 14 октября с 10.00 до 17.00 куплю волосы от 30 см, окрашенные, седые от 40 см от 5000 руб. до 7500 руб./кг стрижку от 40 см – оплачиваем и часы в желтых корпусах Адрес:* ***Московский пр-т*** *94 рыночный комплекс (остановка «****Кресты****»)»* (реклама парикмахерской). Вероятно, к макроориентирам следует отнести и названия торговых центров, хорошо известных жителям города: «*ну вот парк Победы / место отдыха всех брагинцев // торговый центр большой /* ***Альтаир***» (Вероника, 66 лет).

Мезоориентиры – это названия улиц, площадей, мостов, учебных заведений, коммерческих и социальных объектов, учреждений культуры и транспортной инфраструктуры: «*Лучше ехать на 87 маршрутке // быстро и по цене одинаково / как и на автобусе // также ходит 19к из Центра // на остановке выходить в зависимости от того / в какую часть района нужно выйти // можно выйти* ***на Кольце*** */ или она же* ***Комсомольская площадь*** */ на Краснoперекопской / у 8 школы /* ***у Гудовашки*** */ она же* ***улица Гудованцева / на Закгейма*** */ у техникума /* ***на Маланова***» (Анна, 22 года).

Микроориентиры – ориентиры, занимающие незначительную площадь (в сравнении с двумя предыдущими) и известные горожанам, как правило, проживающим

в непосредственной близости от описываемого места. Многие подобные объекты (перекрестки, светофоры) не имеют официальных названий, поэтому происходит их стихийная онимизация в рамках произнесенного контекста: «*Нужно сесть на первый троллейбус / выйти* ***на остановке с шаурмой*** *// Потом пойти по проспекту Толбухина до магазина Перекресток //* ***на следующем светофоре*** *у кафе Мельник стоит мой дом*» (Ольга, 20 лет); «*дальше по дороге прямо / по правой стороне будет арена //* ***на перекрестке*** *направо и сразу налево // по правой стороне будет медколледж и девятиэтажные дома / прямо до 28 дома*» (Татьяна, 21 год). Микроориентирами являются и названия магазинов, входящих в крупные торговые сети, поскольку их различительные возможности ограниченны, им требуются дополнительные конкретизаторы: «*в сторонке в деревах будет находиться* ***магазин Магнит****»* (Андрей, 67 лет).

Среди ориентиров выделяются названия природных объектов (рек, озер, форм рельефа) и наименования антропогенных объектов. Первые являются более долговечными, они употребляются на протяжении длительных периодов истории, вторые – могут сменить свое наименование из-за исчезновения официального названия.

Основным **природным ориентиром** в Ярославле являются реки – *Волга* и *Которосль,* которые разбивают пространство города на несколько частей, поэтому их названия служат хорошим ориентиром: «*Я живу в Речном Порту // это не очень далеко от центра /* ***рядом с Волгой*** */ можно доехать на речном трамвайчике от Речного вокзала*» (Наталья, 32 года); «*Живу на противоположном берегу* ***реки Которосль*** *// Просто так не объяснить*» (Алена, 23 года). В Ярославле рельеф преимущественно равнинный, поэтому возвышенности (*Липовая Гора*, *Тугова Гора*) являются хорошим ориентиром в городской среде: «*Я живу недалеко от кладбища на* ***Туговой Горе*** *// нужно идти от ДК Магистрали / мимо Воскресной приходской школы / дальше поднимаешься на горку // это и есть* ***Тугова Гора*** */ на ней церковь*» (Анастасия, 20 лет).

Антропогенные ориентиры – это объекты, сооружения, созданные человеком. Данный тип названий очень обширен и разнообразен. Среди них могут быть выделены:

точечные ориентиры – названия площадей, зданий, храмов, памятников, учреждений культуры, рынков, перекрёстков: «*нужно вот что //* ***памятник Ленина*** *показывает на аллею // идешь по ней до* ***театра Волкова***» (Александр, 28 лет); «*Центр города / площадь Богоявления /* ***памятник медведю***» (Алексей, 40 лет); «*выходим на Свободу и идем в сторону* ***Ярославля Главного*** *// пешочком ровно три минутки /* ***до рынка****»* (Алексей, 40 лет);

линейные ориентиры – названия улиц, проспектов, шоссе, переулков: «*Мануфактура на Некрасова // я туда обычно пешком* ***по Победе*** *// а* ***на проспекте*** *направо и до Градостроительного / или как там его*» (Андрей, 21 год); «*прямо пешком и*

доберетесь // Идете ***по улице Кирова*** *до перекрестка с улицей Андропова и налево*» (Ирина, 50 лет);

хоронимические ориентиры – названия районов и микрорайонов города: «*Я живу в* ***микрорайоне Сокол*** */ который находится в десяти минутах езды от Московского вокзала / который на Московском проспекте*» // (Ольга, 38 лет); «*я живу* ***на Пятерке*** *// есть у нас в городе такой район //* ***район-то*** *вообще-то* ***Ленинский*** */ находится недалеко от* ***Центра*** *// в общем хороший район / старый*» (Алексей, 21 год).

Дальнейшее исследование пространственных городских ориентиров может помочь администрациям населенных пунктов в выработке стратегии развития онимических систем городов, подборе наименований для остановочных комплексов, имеющих важное значение для успешной коммуникации в населенном пункте.

Литература и источники

Язык города – Язык города. Пространственные ориентиры: метод. разработка к практике студентов филол. фак. / сост. Т.В. Шмелева. Красноярск, 1990. 20 с.

Győrffy E. The role of the mental map in socio-onomastic research // Name and naming. Proceedings of the Third International Conference on Onomastics "Name and Naming". Conventional / Unconventional in Onomastics (Baia Mare, September 1–3, 2015) / ed. by O. Felecan. Cluj-Napoca: Editura Mega, Editura Argonaut, 2015. P. 504–511.

Reszegi K. Cognitive approaches to Hungarian toponymy. 2013 // Режим доступа (свободный). URL: http://mnynk.unideb.hu/esemenyek/reszegi_katalin_eloadas201310.pdf [Дата обращения: 25.09.2018].

R.V. Razymov
(Yaroslavl, Russia)

NAME-LANDMARKS IN CITY ONYMIC SPACE

The article considers specific name-landmarks in Yaroslavl. The key idea is to reveal which of the objects in Yaroslavl are used as a landmarks and to classify them. The material for the research is oral and written texts, collected by YSPU students.

Key words: socioonomastics, city onymic space, system of urbanonyms, urbanonym, landmarks.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.403

А.П. Рассадин, В.Н. Ильин
(Ульяновск, Россия)

НЕОБОСНОВАННЫЕ УРБАНОНИМЫ (НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТЫ УЛЬЯНОВСКА)

На материале топонимики современного Ульяновска проведен анализ образования и функционирования официальных уличных названий в связи с проблемой их не всегда ясной или недостаточной мотивации.

Ключевые слова: урбаноним, типология, норма, тенденция, мотивация, вид, выбор, инфраструктура, написание.

Проблема не всегда ясной или недостаточной мотивации в выборе имени для обозначения того или иного городского объекта возникла не сейчас. Некоторые названия дореволюционного Симбирска до сих пор вызывают споры. Например, утраченный оним нынешней улицы Радищева – *Мартыновская* (*Мартынова, Мартыновая*) некоторые исследователи связывают с летавшими над этим районом волжскими чайками, называемыми *мартынами*, *мартышками*, другие – с неким Мартыновым (Мартыновыми), возможно, имевшим дом (лавку) и земельный участок на этой улице. [Симбирские улицы: 53]. Между тем, в словаре В.И. Даля [Даль, 2: 120], приводятся и другие, диалектные значения этого слова: так, в Самаре, *мартышками* называли чернорабочих артельщиков для ссыпки купленной пшеницы в амбары. Они шли, как отмечает автор словаря, к купцу бесплатно, устраивали крытые лубьями и рогожами амбары, принимали, меряли и ссыпали пшеницу на свой ответ, и всей артелью жили воровством и обмером, кражей хлеба. В этом контексте, *мартышничать* означало промышлять мошенническим занятием мартышки, то есть воровать.

Кстати, проходившая параллельно улице Мартыновой улица *Шаталинская* (*Шаталина, Шатальная,* сейчас – *Корюкина*), тоже, по преданию, появилась на месте, где шатались гулящие люди. Но подобная вариативность, впрочем, не такая уж частая, вполне объясняется стихийностью возникновения старых названий. Их типология уже давно была разработана Никоновым: по слободам, дорогам, церквям, домовладельцам и т.д. [Никонов 1969: 226–234].

Начиная с XX века, имена улицам стала давать власть. Тогда же, особенно в первые послереволюционные годы, произошла глобальная трансформация названий элементов городской инфраструктуры в зависимости от социального строя и политической конъюнктуры (улицы *Бебеля, Либкнехта, Энгельса,* площадь *III Интернационала* и др.). К примеру, одна из старейших улиц города – *Глазовая* (с 1866 г. – *Комиссариатская*, так как с начала XIX в. здесь размещались склады комиссариатских комиссий: принимавших в казну сукно от симбирских фабрикантов) была

переименована в улицу *Льва Троцкого*, с 1928 г. она стала улицей *Гая*, а с 1936 г. стала носить имя пограничника Ивана Кузнецова. Революция раскрепостила массы, в том числе инициаторов переименований и авторов новых названий улиц и площадей, но одновременно определила и рамки допустимого, см. подробнее [Ильин 2017: 392–399]. Стихийность мотивировок сменилась их жесткой регламентацией, определяющей из которых стала агитационно-пропагандистская.

Казалось бы, при таком подходе, всякий элемент случайности исключался по своему определению, так как любая номинация теперь закреплялась в соответствующих административных документах. Вместе с тем идеологическая мотивировка на первых порах не была достаточной, ибо вступала в противоречие со сложившимися нормами наименований, когда, к примеру, форма прилагательного в именных урбанонимах (на *-ская*, *-ский* или *-ов*) стала вытесняться существительными в родительном падеже. Новое содержание здесь вступало в конфликт со старой формой, когда официально предписанное название бытовало наравне с повседневным, наиболее привычным: улицы *Адлеровская (Адлера), Будённовская (Будённого), Ворошиловская (Ворошилова)* и т.д.

Естественно, подобная практика не могла способствовать укреплению новой идеологии и разрушала ее вербальную составляющую. Да и с чисто практической стороны, если брать во внимание почтовые отправления, была неудобной и приводила к ошибкам не только в них, но и в персональных документах, что не могло, видимо, не волновать и самих жителей. В итоге проблема была снята самими горожанами, возможно, во избежание путаницы, отдававших предпочтение существительным в родительном падеже как официальным.

Впрочем, и сама власть сделала немало, чтобы устранить «двоевластие» названий. Раньше улицу или площадь именовали просто по фамилии. Даже в дореволюционном Симбирске, в 1913 году, в связи с 300-летием царствующего Дома Романовых улица *Мартыновская* была переименована без всяких затей в улицу *Романовскую*. В советское же время в названия стало внедряться существительное «имени», в обычной речи, как правило, не употребляемое. По документам так именовался 21 объект: *имени Крупской, имени Марата, имени Мичурина* и т.д. Это помимо названий-геортонимов: *имени 8 марта, 5 Декабря, 12 Декабря, 9 января, XIX партсъезда, 50-летия ВЛКСМ.*

Время показало, что подобная реконструкция ничего не дала населению, а только усложнила и без того несовершенную систему мотивировок. Иначе и не объяснить, почему совсем недавно в городе появились улицы *имени генерала Маргелова* и *авиаконструктора Ильюшина.* К сегодняшнему времени с топонимической карты практически были «стерты» все именные названия в форме прилагательных. Сейчас их осталось только четыре – улицы *Карамзинская* (с 1900 г.), *Пушкинская* (с 1902 г.),

Ульяновская (с 1933 г.) и переулок *Ульяновский* (с 1935 г.). Кроме того, в 2000 году в Заволжском районе возникло *Тулайковское* шоссе, но исключение, как говорят, подтверждает правило. При этом следует сказать, что названия с окончаниями *-ская, -ский* продолжают существовать при образовании неименных урбанонимов в тех случаях, когда привычное написание оказалось сильнее идеологической мотивировки или за ее видимым отсутствием (*Камышинская* улица*, Московское* шоссе и т.д.).

Неясности или недостаточной обоснованности названий способствует много факторов, не замыкающихся только на лингвистике, а часто вызванных слабой подготовкой специалистов, осуществляющих номинацию. К числу распространённых ошибок можно отнести незнание типов городской инфраструктуры, приводящее к их смешению. Количество существовавших и существующих ныне типов городской инфраструктуры Симбирска-Ульяновска, начиная с XVII века, на данный момент равняется шестнадцати. Это *аллея, бульвар, взвоз, дорога, набережная, переулок, площадь, проезд, проспект, спуск, съезд, тракт, трасса, тупик, улица, шоссе.* В широком смысле они обозначают одно и то же и отличаются лишь конкретизацией использования, расположением или своей геометрией. Незнание или игнорирование первоначального смысла слов приводит к их неправильному применению, на что мало кто обращает внимание (как чиновники, так и рядовые жители города). Хотя дело не такое уж сложное. Прежде чем что-то именовать, нелишне заглянуть в общедоступные словари русского языка, чтобы удостовериться в том, *что* именуется. Чем, например, отличается набережная от улицы, а улица от шоссе.

На дореволюционных планах Симбирска, имеющего в границах городской черты три реки, отмечались, а также применялись официально и в повседневной жизни названия: *Набережная Чувича* (или *Набережная Чувичинского затона), Набережная пруда Маришки, Набережная реки Свияги, Набережная реки Симбирки.* или сокращенно – *Набережная Верхняя или Набережная Нижняя.* Возникает вопрос, насколько обоснованы в официальном «Реестре наименований улиц, переулков и площадей города Ульяновска», и как следствие на городских уличных аншлагах, современные словосочетания «*улица Набережная реки Свияги*», «*улица Набережная реки Симбирки*», «*улица Набережная Университетская*»? Получается, что мало кто вдумывается в смысл и правильность написания названий. А тем более, насколько предлагаемый тип (площадь, переулок, проезд и пр.) соответствует определениям словарей.

К числу проблемных, в связи с разрастанием новых жилых и промышленных районов Ульяновска, можно отнести и появление неоправданно большого количества так называемых номерных урбанонимов. Касается это прежде всего переулков. Причем, если до революции подобные названия возникали опять-таки стихийно и единственно вразумительной причиной их появления было соседство с одноименной

улицей, в советское время власть не утруждала себя даже этой мотивировкой. В документах мы нигде не найдем, почему в городе появились четыре переулка *Будённого,* четыре переулка *Карла Маркса,* три переулка *Кольцова,* по два переулка *Володарского, Гоголя, Робеспьера, Фрунзе* и т.д.

Непропорциональное, по отношению к другим типам урбанонимов, количество именных названий, появившихся в советское время, привело к тому, что на топонимической карте города, с благословления власти, стали появляться топонимы с символической, как правило, нейтральной семантической окраской: *Абрикосовые, Виноградные, Декоративные, Жасминные, Кедровые* улицы и сопутствующие им одноименные переулки и т.п. Все эти названия мало соответствуют внешнему виду называемых объектов и никак не объясняются. Они не объясняются даже в тех редких случаях, когда с инициативой наименования выступают сами жители. Здесь доходит чуть ли не до курьезов. Так один из усадебных поселков в Заволжье была назван в среднем роде – *Индовое*. На вопрос, почему, инициаторы так и не смогли ответить. Просто им понравилось, по их мнению, красивое слово, которое они сами же образовали от просторечного союза *индо*.

Вместе с этим может быть замечена и другая тенденция – возвращение на карту города урбанонимов религиозного содержания. Тенденция по нынешним временам вполне объяснимая, но опять-таки не до конца продуманная и бессистемная. До революции такие наименования возникали по названиям близлежащих церквей и монастырей. Была, к примеру, улица *Владимирская*, на которой располагалась церковь во имя *Владимирской иконы Божией Матери*). В 2009 году в Засвияжском районе появилась новая улица с аналогичным названием, но без всякого внятного объяснения. Можно только предположить, что инициаторы могли ориентироваться на популярное, уже ставшее медийным, имя князя Владимира-крестителя.

В 2011 году в рамках возвращения исторических названий улица *Советская* была переименована в улицу *Спасскую*, что могло и не быть предметом сразу же разгоревшихся среди горожан дискуссий, если бы этот процесс затронул и многие другие линейные обьекты. Например, улице *Бебеля* было бы возвращено историческое имя – *Чебоксаровская*, а *Энгельса – Покровская*. Вместе с тем, этого не произошло, более того, верхняя часть улицы *Энгельса* получила имя «небесного заступника Симбирска» блаженного *Андрея Огородникова*, а нижняя часть так и осталось закреплённой за именем *Энгельса*, человека, мягко говоря, далёкого от религии.

В таких несистемных, и отчасти конъюнктурных, наименованиях не учитывается и ещё один важный момент. Для горожан некоторые «советские» урбанонимы сами по себе уже давно прибрели статус исторических и символических. Например, центральная площадь *Ленина*, которой было возвращено название *Соборная*. Сделано это было опять-таки без достаточной мотивировки, которая, если и не поставила

бы окончательную точку, но могла хотя бы внести ясность в это далеко небесспорное решение. При изучении истории городских улиц одной из постоянных проблем является наличие одноимённых улиц, возникших в разное время и в разных районах населённого пункта. В большинстве таких случаев в документах отсутствуют сведения о мотивации выбора того или иного названия.

Особенно печальная ситуация возникает при исследовании названий-антропонимов с распространёнными фамилиями. В документах инициаторы забывают указать не только имя и отчество или хотя бы инициалы человека, но и не удосуживаются привести какие-либо личные его данные: профессию, отношение к городу и т.д. До сих пор нет ясности, в честь кого названа улица *Жуковского* на Верхней Террасе – выдающегося русского поэта или известного русского механика, основоположника гидро и аэродинамики? Аналогичная путаница возникает с улицей *Ефремова* в Засвияжском районе. В Ульяновске память о себе оставили как минимум двое Ефремовых: министр станкостроения СССР Александр Илларионович Ефремов, внёсший большой вклад в строительство завода тяжелых и уникальных станков и генерал Герой Советского Союза Михаил Григорьевич Ефремов, который до войны жил в Ульяновске, а в 1930-е гг. был избран депутатом от Ульяновска в Верховный Совет СССР. Возможны оба варианта истолкования, потому что нет документов. До сих пор непонятно отсутствие на родине Ульянова-Ленина однозначных данных по улицам с его родовой фамилией (шесть улиц и переулков). Только в одном наименовании 1940 года точно названо имя вождя, а по остальным приходится гадать и выбирать между Володей Ульяновым и членами его семьи.

Как известно, советское время породило огромное количество аббревиатур. Новые институции требовали и новых кратких названий. Совершенно естественно было появление на топонимической карте города и так называемых аббревиатурных урбанонимов. В 1920-х гг., село Винновка, находившееся в южной части города, входило в состав колхоза *имени ОГПУ* (Объединённое государственное политическое управление). Тогда же там возник и одноименный переулок. С таким названием *(ГПУ)* он просуществовал до 1977 года, хотя само *ОГПУ* было ликвидировано ещё до второй мировой войны и мало кто мог расшифровать смысл аббревиатуры. Практика аббревиатурных наименований ушла в прошлое и была прочно забыта. Но неожиданно возродилась в 2015 году, когда *17-й Инженерный* проезд в промышленной зоне Заволжского района Ульяновска был переименован в улицу *ДМГ МОРИ*. Таким своеобразным способом была отдана честь расположенной здесь немецко-японской станкостроительной компании *ДМГ Мори Сейки (DMG Mori Seiki)*. Инициатива, судя по документам, принадлежала администрации Ульяновской области, и единственным утешением для горожан может быть то, что на этой улице нет жилых домов.

В заключение несколько предложений, которые могут поправить ситуацию с необоснованными наименованиями, и не только в Ульяновске. Как нам кажется, в первую очередь необходимо изменить состав и статус соответствующих административных комиссий по переименованию при городских мэриях. Правом решающего голоса в них должны иметь специалисты (историки, лингвисты, ученые-урбанисты и т.д.), а не чиновники. При возникновении устремления изменить название, должна быть изложена мотивация этого устремления, с обязательным предварительным освещением вопроса в средствах массовой информации и последующим анализом полученных отзывов. Вопрос «зачем?» является риторическим, особенно тогда, когда речь идет о названиях-антропонимах. Ибо это не простая смена фамилий, а нередко замена вчерашних героев, увековеченных на карте города, другими. Может ли она быть механической? Такая спонтанная замена обесценивает предшествующие имена и наносит вред исторической памяти жителей.

Во избежание ошибок в процессе переименования следует выделять два варианта смены существующего названия: появление нового названия, отобранного по определённым критериям, и возвращение старого названия. Во втором случае следует внимательно рассматривать все предшествующие названия – какому из них следует отдать предпочтение: последнему перед 1918 годом, более привычному или более благозвучному? Необходимо исключить практику присвоения названий улиц или их переименования в угоду сиюминутной идеологической конъюнктуре, субъективным желаниям власти или отдельных жителей.

Литература и источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 2. М.: Русский язык, 1981–1982.

Ильин В.Н., Рассадин А.П. Урбанонимы Симбирска-Ульяновска (к проблеме идеологизации уличных названий) // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В.А. Никонова. В 2-х т. Т.1. Ульяновск: ФБГОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова» 2017. С. 392–399.

Никонов В.А. Названия улиц в Симбирске-Ульяновске // Ономастика Поволжья: материалы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 226–234.

Симбирские улицы – Симбирские улицы. Топонимический лексикон / Под общей редакцией А.П. Рассадина. Ульяновск, 2002. 115 с.

A.P. Rassadin, V.N. Ilyin
(Ulyanovsk, Russia)

UNREASONABLE URBAN NAMES (ON THE EXAMPLE OF THE TOPONYMIC MAP OF ULYANOVSK)

The toponymy of modern Ulyanovsk is analyzed on the basis of the formation and functioning of official street names in connection with the problem of their not always clear or insufficient motivation.

Key words: urban name, typology, norm, trend, motivation, type, choice, infrastructure, writing.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.410

А.В. Антонов
(Ярославль, Россия)

ЗНАКИ АДРЕСАТА В НАЗВАНИЯХ КИНОФИЛЬМОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена анализу знаков адресата в названиях кинофильмов для детей и подростков, вышедших на советские экраны в 1965–1982 гг. Автором выделяется две группы фильмонимов: названия детских фильмов и названия фильмов для подростков. Каждая группа подразделяется на несколько подгрупп в зависимости от смысла, заключенного в каждом конкретном названии.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, фильмоним, название кинофильма, фильмы для детей, фильмы для подростков.

Названия кинофильмов призваны привлекать в кинотеатры потенциального зрителя. Регулятивная функция – функция привлечения внимания – особенно важна в детском и подростковом кинематографе: юный зритель обращается к ярким и интересным для него фильмонимам. Понять, о чём будет та или иная кинокартина, человеку помогают знаки, сообщающие адресату о примерном её содержании.

Целью настоящей статьи является анализ знаков адресата, которые встречаются в названиях кинофильмов для детей и подростков, выпущенных на советские экраны в 1965–1982 гг. Материал для анализа собирался в книге Ф.И. Раззакова [Раззаков 2017] и на сайте «Кино-театр.ру» [Кино-театр.ру].

В собранном онимическом материале мы выделили две группы фильмонимов: названия детских фильмов и названия фильмов для подростков.

Первую группу составляют **названия кинокартин для детей**. В ней мы выделили 4 подгруппы.

Первая подгруппа содержит литературно-сказочные фильмонимы (25 наименований): «*Морозко*», «*Три толстяка*», «*Волшебный халат*», «*Снежная королева*», «*Волшебная лампа Аладдина*», «*Маленький принц*», «*Цветик-семицветик*», «*Варвара-Краса, длинная коса*», «*У Лукоморья*», «*Денискины рассказы*», «*Остров*

сокровищ», «*Малыш и Карлсон*», «*Золотые рога*», «*Чиполлино*», «*Приключения Буратино*», «*Русалочка*», «*Принцесса на горошине*», «*Про Красную Шапочку*», «*Новые приключения капитана Врунгеля*», «*Удивительные приключения Дениски Кораблёва*», «*Чёрная курица, или Подземные жители*», «*Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна*», «*Там, на неведомых дорожках*», «*В тридевятом царстве*», «*Лада из страны Берендеев*».

Все названия, представленные в данной подгруппе, являются экранизациями или созданы по мотивам произведений, адресованных детям. Ребенок, вероятно, уже знаком либо с книгой-первоисточником, либо с персонажами, которые могут быть героями произведений, и в его сознании сформировались определённые представления, привлекающие внимание к фильму. По этой причине в фильмонимах часто встречаются имена собственные (*Чиполлино*, *Карлсон*, *Красная Шапочка*, *Буратино*, *Дениска Кораблёв*, *Том Сойер*, *Гекльберри Финн* и др.). Некоторые наименования отсылают нас к различным магическим предметам («*Волшебная лампа Аладдина*» или «*Волшебный халат*»), возбуждая детский интерес. Часть фильмонимов этой подгруппы обращаются к сказочной географии: «*Лада из страны Берендеев*», «*У Лукоморья*», «*Там, на неведомых дорожках*», «*В тридевятом царстве*».

Следующая подгруппа – географические фильмонимы – содержит 6 названий: «*Остров Колдун*», «*Тайна пещеры Каниюта*», «*В деревне Загадкино*», «*Неоткрытые острова*», «*Тайна горного подземелья*», «*Тайна поющего острова*». В ней представлены различные локации (пещера, остров, подземелье), связанные с чем-то таинственным, необычным, а значит, и интересным маленькому зрителю. Особо отметим наличие лексемы *тайна*, которая представлена в большинстве фильмонимов этой подгруппы.

Третья подгруппа – магические фильмонимы – содержит 4 названия: «*Весёлое волшебство*», «*Полчаса на чудеса*», «*Два дня чудес*», «*Чародеи*». Каждое название отсылает к чуду, волшебству, чарам, что само по себе является маркером, сообщающим о каких-либо необычных, захватывающих событиях, которые обещают произойти на экране.

Наконец, в последнюю подгруппу – временны́е фильмонимы – мы поместили 3 названия, которые непосредственно связаны с самим периодом детства: «*Огненное детство*», «*Жили-были в первом классе*», «*Казаки-разбойники*». Первый и второй фильмонимы имеют непосредственное отношение к интересующему нас периоду жизни человека, а третий указывает на одну из наиболее распространённых игр советских детей.

Теперь перейдём к описанию второй группы **фильмонимов, адресованных подросткам**. Подобные картины, как мы полагаем, находятся на границе между детским и взрослым кино, и потому иногда их достаточно трудно обособить. С одной

стороны, в фильмах для подростков часто поднимаются темы, не свойственные детскому возрасту, а с другой, советский кинематограф обращался к серьёзным темам и в детских картинах, воспитывая учащихся.

Первая подгруппа – названия кинофильмов о послереволюционных событиях в СССР – включает 6 названий: «*Кортик*», «*Бронзовая птица*», «*Неуловимые мстители*», «*Новые приключения неуловимых*», «*Корона Российской Империи, или Снова неуловимые*», «*Достояние республики*». Действие всех перечисленных фильмов происходит в первые годы после революции, во времена Гражданской войны и после ее окончания. Каждая из этих картин поднимает темы верности долгу, дружбе, показывает подростков в экстремальных ситуациях.

Вторая подгруппа – романтические фильмонимы – включает 8 наименований: «*Семь маленьких рассказов о первой любви*», «*Не будь этой девчонки*», «*Хочу, чтобы он пришёл*», «*В моей смерти прошу винить Клаву К.*», «*Цветы для Оли*», «*Первое признание*», «*Красавица*», «*Я вас любил*». Переходный возраст – пора первой влюблённости, счастливой или безответной. Для человека, переживающего данный период жизни, эта тема является одной из определяющих. Отсюда – частое использование в названиях слова *любовь* и уменьшительных форм женских имён, отсылающих к девочкам, в которых влюблены герои фильма.

Последняя подгруппа – временны́е фильмонимы – включает 8 названий: «*Переходный возраст*», «*Последние каникулы*», «*Берег юности*», «*Пятнадцатое лето*», «*Возраст тревог*», «*Сто дней после детства*», «*Пятнадцатая весна*», «*Остров юности*». Подростки стремятся осмыслить свое место в окружающем мире, найти ответы на имеющиеся у них вопросы, поэтому им интересен опыт других людей, прошедших аналогичный путь. Каждое из названий соответствует рассматриваемому нами этапу жизни подростков, которые являются главными героями всех перечисленных кинокартин. Фильмонимы «*Переходный возраст*» и «*Возраст тревог*» прямо указывают на психологически непростой период для подростка, «*Последние каникулы*» и «*Сто дней после детства*» акцентируют внимание на грустном прощании с беззаботностью и детским, наивным взглядом на мир, «*Пятнадцатое лето*» и «*Пятнадцатая весна*» намекают на возраст персонажа, а «*Берег юности*» и «*Остров юности*», прибегая к метафоре, сообщают о том, что промежуточный, подростковый этап неизменно ведёт к другому, юношескому.

Таким образом, создатели кинолент, адресованных детям и подросткам, активно использовали различные знаки адресации, чтобы привлечь потенциального зрителя. Отметим, что детских наименований гораздо больше. Это можно объяснить тем, что дети мыслят более яркими образами, чем подростки, ведь их мечты и фантазии ещё не успели столкнуться с недружелюбной реальной жизнью. По этой причине маркеров, сообщающих маленьким любителям кино о волшебстве, происходящем на экранах кинотеатров, встречается больше.

Литература и источники

Кино-театр.ру – Портал о кино и театре [Электронный ресурс] // Режим доступа (свободный). URL: http://www.kino-teatr.ru [Дата обращения: 10.01.2019].

Раззаков Ф.И. Наше лучшее детство. М.: Алгоритм, 2017. 352 с.

A.V. Antonov
(Yaroslavl, Russia)

THE RECIPIENT MARKERS IN THE FILM NAMES FOR CHILDREN AND TEENAGERS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the recipient markers in the film names for children and teenagers, released on Soviet screens in 1965-1982. The author highlights two groups of filmonyms: the names, representing children's films and the names, designating movies for teenagers. Each group is divided into several subgroups depending on the meaning contained in each specific name.

Key words: onomastics, a proper name, a filmonym, a film name, the films for children, the films for teenagers.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.413

М.В. Ахметова
(Москва, Россия)

КАТОЙКОНИМЫ В СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТНОЙ РИТОРИКЕ 1918–1960-х ГОДОВ

Приводятся и комментируются результаты статистического обследования газет Петрограда / Ленинграда, Твери / Калинина и Тамбова за избранные даты 1918–1950, 1955, 1960 и 1965 гг. Изменения частотности катойконимов в языке газет обусловлены изменениями советского дискурса и риторических стратегий, диктуемых идеологией.

Ключевые слова: названия жителей, катойконимы, советская риторика, советский дискурс, язык СМИ, идеология.

В исследованиях по восточнославянской ономастике часто отмечаются увеличение числа оттопонимных дериватов и расширение сферы их употребления в советский период. Это связывают с увеличением количества административно-территориальных единиц, с появлением большого числа эргонимов, использующих оттопонимные прилагательные, и с официальным стимулированием образования этих

прилагательных (влияющего и на возникновение названий жителей); с повышением уровня грамотности населения и развитием печати. Влиянием СМИ объясняют и появление новых номинаций, а СМИ могут характеризоваться как сфера, в которой по преимуществу функционируют катойконимы как социальные термины.

Тезис о росте употребимости катойконимов после революции 1917 г. может подкрепляться и статистическими данными. Так, В.А. Горпинич сравнил материалы двух газет с одинаковыми форматом и периодичностью – (первые 10 номеров за сентябрь 1881 г. и первые 10 номеров за сентябрь 1971 г.) и обнаружил в дореволюционной газете за указанный период всего одну номинацию (во мн. ч.), а в советской – 31 номинацию во мн. ч., 16 в м. р. ед. ч. и 12 в ж. р. Комментируя полученные данные, Горпинич отмечает влияние социальных процессов: увеличение количества форм во мн. ч. он связывает с «интересом к коллективности» а номинаций в ж. р. – с тем, что «в послеоктябрьский период женщина вышла на широкую арену политической, государственной и культурной жизни» [Горпинич 1973: 30–33].

Эти данные показательны, но достаточны лишь для самых общих выводов. Язык газет не был единообразным на протяжении всего периода с 1917 по 1991 г.; происходили изменения и в тематике публикаций, и в их структуре, и в стилистике, и в выборе лексических средств.

Мною была предпринята попытка повторить опыт статистического обследования газет за более узкий период и проанализировать полученные данные с учетом риторических стратегий, характерных для дискурса советской эпохи. Анализировались газеты, издававшиеся в трех областных городах: «Ленинградская правда» (до января 1924 – «Петроградская правда»), «Тамбовская правда» (с 1922 г., до этого названия менялись) и «Калининская правда» (до февраля 1931 г. «Тверская правда», до этого названия менялись). Произведен сплошной поиск катойконимов в номерах за 1918–1950 гг., а также по отдельности за 1955, 1960 и 1965 гг., приуроченных к избранным праздничным датам, когда, исходя из современной практики, ожидалось бы их использование в обращениях или в репортажах: к 1 января (либо первый номер года), к 23 февраля, к 8 марта к 1 мая (как правило, номера за 1 и 4 мая), к 9 мая (с 1945 г.; как правило, за 9 и 10 мая), к 7 ноября (как правило, за 7 и 9 ноября) и к 31 декабря (либо последний номер года). Отдельно считались названия жителей 1) города, в котором выходила газета, 2) прочих населенных пунктов административной единицы в которую на данный момент входило место издания, и 3) прочих населенных пунктов СССР.

Было, в частности, выявлено, что до середины 1930-х годов названия жителей места издания газеты занимали маргинальное положение и почти не использовались в обращениях. Рост их числа отмечается во второй половине 1930-х годов; в 1940-е их число достигает пика и далее остается высоким.

Так, в газете **Петрограда / Ленинграда** номинации *петроградцы* (*-ец*); *ленинградцы* (*-ец*), *ленинградка* за соответствующие даты 1918–1935 гг. обнаружено 22 номинации, за 1936–1940 гг. 16 номинаций, за 1941–1945 гг. 266 номинаций, за 1946–1950 гг. 142 номинации, за 1955 г. 34 номинации, за 1960 г. 32 номинации, за 1965 г. 36 номинаций.

Ср. данные для других городов.

Тамбов (*тамбовцы* (*-ец*); *тамбовчане* (*-чанин*), *тамбовчанка*). 1918–1935: 10 номинаций, 1936–1940: 12 номинаций, 1941–1945: 37 номинаций, 1946–1950: 36 номинаций, 1955: 3 номинации, 1960: 10 номинаций, 1965: 13 номинаций.

Тверь / Калинин (*тверяки* (*-як*); *калининцы* (*-ец*)). 1918–1935: 10 номинаций, 1936–1940: 15 номинаций, 1941–1945: 24 номинации, 1946–1950: 67 номинаций, 1955: 4 номинации, 1960: 16 номинаций, 1965: 12 номинаций.

Как представляется, эти тенденции обусловлены изменением советских риторических стратегий, отражаемых газетным языком.

Малое число катойконимов, относящихся к месту издания газеты, до середины 1930-х связано, вероятно, с малой актуальностью территориальной идентификации жителей в сравнении с идентификацией классовой, вышедшей в раннесоветский период на первый план. В послереволюционные десятилетия наиболее частотным способом именования жителей были описательные модели, содержащие указание на классовую принадлежность. Особенное распространение получили две синтаксические конструкции.

1. [Классовая номинация] + (Gen. город [ойконим / его перифраз]) (+ и) (Gen. [адм. единица]): *...призываем всех* ***рабочих Петербурга*** *не поддаваться гнусной провокации* (Петроградская правда, 1.01.1919); ***Трудящиеся города Ленина и Ленинградской области*** *сегодня встречают XVII годовщину великой социалистической революции* (Ленинградская правда, 7.11.1934); ***Рабочие, крестьяне, красноармейцы и все честные труженики Тамбовской губернии*** *– привет вам и поздравление…* (Тамбовская правда, 7.11.1922) и т.д.

2. [Отойконимное прилагательное] + [классовая номинация]: ***Ленинградские рабочие и работницы*** ‹…› *идут в передовых рядах…* (Ленинградская правда, 7.11.1934); *...****Тверские рабочие, работницы, красноармейцы и граждане*** *– на улицу!* (Тверская правда, 7.11.1922).

Уместна аналогия с представлением в газетах антропонимов. В сталинский период сложился канон, согласно которому имя героя производственной заметки использовалось с упоминанием должности, партийной принадлежности, звания и т.д.: «герой-производственник» «должен был быть "рекомендован" соответствующими инстанциями» [Васильева 2014: 178–179]. Вероятно, схожими установками диктовалось и соответствующее представление жителей города: недостаточно быть

ленинградцами, нужно быть в первую очередь *трудящимися*.

Причины увеличения катойконимов во второй половине 1930-х годов, пикового употребления таких номинаций в 1940-е и их утверждения в языке газет в дальнейшем следует видеть в изменениях, происходивших в общественном дискурсе. До середины 1930-х работала «риторическая машина интернациональной солидарности»; с середины 1930-х реабилитировалась риторика Родины, «кульминация этого процесса – конец войны и послевоенные годы»; хрущевские же времена «ознаменовались появлением риторики малой родины, что сигнализировало вступление на идеологическую арену локализма…» [Сандомирская 2001: 20–21].

Уже в конце 1930-х годов в газетах увеличивается число публикаций, содержащих акцент на локальной идентичности и подразумевающих использование катойконимов (материалы о «знатных земляках» и земляках, проходящих службу в рядах Красной армии, а также письма от известных земляков или от земляков-красноармейцев).

В годы войны *трудящиеся* и прочие классовые номинации в газетах были значительно потеснены катойконимами. Увеличивается доля локально ориентированных и локально адресованных текстов, в частности, призывающих к обороне и защите не только страны, но и родного города.

Названия жителей звучат, во-первых, в обращениях (***Ленинградцы****! Днем и ночью мужественно выполняйте свой воинский долг, будьте часовыми на своих постах!* – Ленинградская правда, 1.10.1941; *Товарищи земляки, дорогие* ***тамбовчане****!* – Тамбовская правда, 23.02.1944); во-вторых, в повествовательных текстах, рассказывающих о фронте и о труде в тылу (*Участвуя в боях и работая в дивизионном ансамбле, многие* ***тамбовчанки*** *проявили мужество и отвагу* – Тамбовская правда, 7.03.1945); в-третьих, в высказываниях от лица жителей города (*Мы,* ***калининцы****, всегда гордившиеся опрятностью и чистотой своего города, ужаснулись, увидев, как испакостили немцы наш город* – Пролетарская правда (Калинин), 1.01.1942).

Представляется важным появление большого количества использующих катойконимы текстов, в которых артикулируется локальная общность, в частности, между жителями города / области, оставшимися в тылу, и их воюющими земляками (корреспонденция с фронтов, полевая почта). Принадлежность к локальной общности часто специально подчеркивается (в том числе при помощи катойконимов), а сам факт принадлежности к этой общности служит основанием для гордости за боевые или трудовые подвиги ее представителей, ср. письмо с фронта: *…личный состав части в основном состоит из* ***тамбовчан****.* ‹*…*› *А вот примеры храбрости, мужества и самоотверженности* ***тамбовчан****…* (Тамбовская правда, 23.02.1942).

Наконец, в «Ленинградской правде» катойконимы используются в текстах, конструирующих образ героического жителя города (разумеется, случай Ленинграда

неординарен, поскольку уже с первых лет советской власти начинает создаваться своего рода петроградский / ленинградский миф, основанный на исторической роли «города трех революций»): *Но враг забыл, что мы – **ленинградцы-питерцы**, сыны и дочери города трех революций. Нас так просто не возьмешь на испуг!* – 7.11.1941; *Совесть русской женщины, **ленинградки**, не позволит ей уйти с поста в тяжелое для родного города время*» – 7.03.1943).

Указанные тенденции продолжаются и в послевоенные годы. Катойконимы прочно обосновываются в газетных текстах на общем фоне развития локалистских тенденций, о которых пишет Ирина Сандомирская [2001: 21]. Выработанные в довоенный период способы именования жителей при помощи классовых терминов (*трудящиеся* [*города*] и т.д.) не исчерпали себя, и такого рода именование оставалось актуальным вплоть до завершения советской эпохи, однако в послевоенный период катойконимы составляли им существенную конкуренцию. Контекстом, в рамках которого разворачивались тенденции локализма и создавались тексты, использующие катойконимы (при этом последние зачастую наделялись положительными коннотациями, ср., например, клише *доброе имя москвича*), стали расцвет краеведения в 1960-е годы (и, как следствие, появление множества публикаций о малой родине), коллекционирование фигур знаменитых земляков в краеведческом контексте, а также создание корпуса «песен о городе».

Изложенное во многом объясняет следующие вопросы.

1. Почему названия жителей стали широко обсуждаться в рамках дискуссий о культуре речи именно с 1950-х годов (вначале в печати, а затем на «низовом» уровне).

2. Почему обсуждение вариантных катойконимов внутри локальных сообществ приобрело соответствующий характер, в частности, почему одним из аспектов рефлексии по этому поводу стало приписываемое признаваемым релевантными названиям коннотаций, связываемых с гордостью (к примеру, за историческое прошлое локуса).

Литература и источники

Васильева В.В. «Высокие технологии» советской производственной новости // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2014. Вып. 4. С. 175–181.

Горпинич В.О. Теоретичні питання відтопонімного словотвору східнослов'янських мов. Київ: Наукова думка, 1973. 168 с.

Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 282 с.

M.V. Akhmetova
(Moscow, Russia)

KATOIKONYMS IN SOVIET NEWSPAPER RHETORICS FROM 1918 TO THE 1960s

The paper demonstrates and discusses the results of the statistic study (selected issues of local newspapers, published in Petrograd/Leningrad, Tver/Kalinin and Tambov, from the years of 1918–1950, 1955, 1960 and 1965). Changes in katoikonyms' frequency in media in many respects are caused with the changes in Soviet discourse and rhetoric strategies, under the influence of ideology.

Key words: names of inhabitants of cities, katoikonyms, Soviet rhetoric, Soviet discourse, language of media, ideology.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.418

Б. Болеста-Врона, Я. Врона
(Белосток, Польша)

КТЕМАТОНИМ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЧАСОВ РОССИЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА)

В работе рассмотрено употребление ктематонимов в текстах, рекламирующих часы российского производства. Проанализированы функции ктематонимов в заголовке и слогане – наиболее информативных элементах рекламного текста. Охарактеризовано место ктематонима в реализуемых моделях заголовка и слогана.

Ключевые слова: наименования часов, ктематоним, рекламный текст, заголовок, слоган, бренд.

Междисциплинарное понятия **рекламный текст** рассматривается с различных точек зрения: лингвистической, семиотической, психологической, экономической и др. В маркетинге он определяется как «сложное семиотическое целое, представляющее собой свободную – как линейную, так и нелинейную – последовательность знаковых единиц, максимально приспособленную для выполнения главной задачи – продвижения на рынок рекламируемого продукта [Котлер 1996: 24].

В сфере внимания лингвистов – вербальный аспект рекламного текста, в котором сочетаются несколько свойств: заинтересованное обращение к потребителю, предоставление ему определенной информации, убеждение в достоверности этой информации и необходимости произвести некоторое активное действие – приобрести предмет рекламы [Кафтанджиев 1995: 15].

Важнейшим содержательным элементом рекламного текста является **товарный знак**, в частности его словесный компонент. Единства по поводу термина, обозначающего это понятие, не существует. Как отмечает польский лингвист А. Галковский, в разработках российских ономастов существует понятие **ктематоним** (от греч. *ktema* ‘имущество’ и *onima* ‘имя’), в польских, чешских и словацких исследованиях употребляется термин **хрематоним**, во французских ономастических исследованиях – **фирменные, торговые** или **маркетинговые названия** [Gałkowski 2011: 42–50].

Для нашей работы удобно использование понятие, обозначенное термином **ктематоним**. В определении А.Л. Василевского: «Ктематонимы – имена товаров, отдельных предприятий и имена самих предприятий, производящих товар или оказывающих услуги» [Василевский 1971: 240].

Часы, как и иные товары, разнообразно именуются, и хотя часы являются консервативным типом товаров длительного пользования, новые ктематонимы постоянно пополняют одну из изменяющихся подсистем ономастического пространства русского языка. Исходной базой для создания наименований часов служат различные собственные имена, а также разного рода апеллятивы. Так, ктематонимы *Атташе, Штурман, Спорт* связаны с хобби или профессией потенциального потребителя. Топонимы обычно ориентированы на актуальность связи называемого в исходном топониме пространства с интересами покупателя: *Кама, Нева, Балтика, Бостон, Валенсия, Севастополь*. Распространенная группа исходных имен – антропонимы. Это имена божеств: *Юнона, Венера, Посейдон*, имена известных людей: *Аммадей, Нестеров, Кармен, Петр Великий*, *Алла* (Пугачева), *Юрий* (Гагарин), персонажей *Аннабель* (фильм «Проклятие Аннабель») и так называемые «общие», не связанные с определенной персоной (*Адриана, Анжелика*).

В работе рассмотрены особенности употребления ктематонимов – наименований часов – в текстах, рекламирующих этот товар. Исследование проведено на материале более 100 рекламных текстов.

Рекламный текст выстроен по определенному шаблону, в котором предусмотрены в качестве обязательных элементов заголовок и слоган. Именно в этих композиционных элементах непременно присутствуют ктематонимы.

Как полагают исследователи, заголовки выполняют назывную, информативную, экспрессивную и рекламную функции, причем выдвижение на первый план той или иной функции определяется жанром и стилем текста, а также самой формой и содержанием заголовка.

В проанализированном материале четвертая часть заголовков – однословные, они состоят из собственно ктематонима: *Амелия*, *Снежана, Илона, Моника, Флагман, Посейдон, Урал, Рандеву.* В этом типе заголовков очевидна высокая частотность женских имен, это антропонимы преимущественно иноязычного происхождения.

Почти 15% заголовков состоят из двух слов, где ктематоним сочетается со словом *коллекция*, называющим совокупность как целостность: *Коллекция Нэнси, коллекция Россия*. В наименованиях коллекций нет преобладания антропонимов: *коллекция Эстет, коллекция РЖД, Коллекция «Осенняя пора»*. Такого типа заголовок более информативен, в нем термин ***коллекция*** повышает значимость денотата (как представляющего художественный, исторический интерес), а также говорит о возможности выбора из вариантов хронометров.

В развернутом варианте такого типа заголовка присутствуют слова ***коллекция*** и ***часы***: *Коллекция часов Рио*, *Часы из коллекции Николь*. Здесь повышение информативной функции граничит с избыточностью.

В незначительном количестве заголовков (около 10%) кроме ктематонима, называющего модель часов, указывается бренд. То есть заголовок содержит два ктематонима: *Коллекция* ***Венеция*** *часы* ***Платинор***, *Коллекция часов* ***Саманта*** *бренда* ***Платинор***. Наличие в заголовке другого ктематонима (бренда) более общего значения отсылает к иным продуктам, тем самым усиливая информативную функцию заголовка.

Большинство заголовков рассмотренных текстов – развернутые. В них для усиления информативной функции наряду с ктематонимами используются различные конкретизаторы: *Коллекция* ***мужских*** *часов «Фрегат»*, *Коллекция* ***круглых*** *часов Шанс*, *Коллекция* ***женских*** *часов «Сьюзен»*.

Конкретизатором указывается форма часов: *Коллекция круглых часов Шанс*, их размер: *Коллекция Александра – маленькие женские часы*, стоимость, материал изготовления: *Коллекция Аврора из женских серебряных часов*, пол потенциального покупателя: *Коллекция женских часов «Галатея»*, *Коллекция Атлант – мужские часы* и др. В заголовках конкретизаторы разнообразно сочетаются: *Коллекция Пушкин –* ***дорогие мужские золотые*** *часы*, *Коллекция Дебора –* ***маленькие женские золотые*** *часы,* ***Мужские наручные*** *часы из коллекции Енисей*.

Кроме слов, называющих конкретные, существенные для покупателя признаки (материал, форма, стоимость), в заголовках используются также оценочные слова: *Коллекция Марлен – это* ***красивые*** *часы с браслетом*. Иногда конкретизатор указывает на новизну: ***Новая*** *модель часов Platinor – коллекция Гольфстрим*, или интригует потребителя рекламы: *Коллекция Дженнифер* ***необычных*** *золотых часов*. Такие элементы непосредственно обеспечивают реализацию экспрессивной функции.

Функциональность заголовка связана с тем, что он занимает так называемую сильную позицию текста (начало), другой сильной позицией текста считается конец текста. Эту позицию занимает **слоган** – короткий лозунг (девиз), представляющий рекламу товара. Слоган – сжатая, ясная и легко воспринимаемая формулировка рекламной идеи [Комлев 1995: 104].

В слоганах преобладает двухчастная модель (как и в заголовках с конкретизаторами). Первую часть слогана составляет ктематоним в сочетании со словом *часы* и иногда с конкретизатором: ***Часы*** *Аманда – роскошь, изящество, стиль;* ***Ювелирные часы*** *Вихрь – образец лаконичности и элегантности;* ***Золотые часы-хронограф*** *Арктика: совершенство стиля*.

Вторая часть отграничена от первой двоеточием или тире. Эти знаки выражают различные синтаксические отношения: простого предложения (тире между подлежащим и сказуемым) или сложного бессоюзного предложения. Надо отметить, что двоеточие – менее распространенный знак в слогане.

Во второй части слогана содержатся разного рода сведения о покупателе и/или товаре: *Элитная коллекция Пушкин – для ценителей роскошных аксессуаров; Часы Дженнифер: стиль, изящество, оригинальность*. Эта комментирующая часть выражена обычно сочинительным или подчинительным распространенным словосочетанием, реже – предложением: *Часы Авиатор – солидный аксессуар для преуспевающих мужчин; Часы Анжелина – для тех, кто любит шик и оригинальность.*

В исследованном нами материале находятся также слоганы, первая часть которых включает два ктематонима: названия модели часов и названия производителя (10% всех слоганов), например: *Часы Аврора Платинор – оригинальный и нарядный аксессуар; Часы Platinor Атлант: сочетание классики и современности*. В том случае, если в слогане употреблен один ктематоним – бренд, мы имеем дело с так называемым корпоративным слоганом, в котором ктематоним относится одновременно и к конкретному товару, и к компании: *Наручные часы Nika: достоинств не счесть*.

Около 80% рассмотренных слоганов, реализуют рассмотренную двухчастную модель. Слоган, выраженный простым распространенным предложением, например *Часы Галатея Платинор воплощают стиль и элегантность*, – явление редкое. Незначительный процент слоганов, не имеющих двухчастной структуры, как правило, не имеет в своем составе ктематонима (менее 10% слоганов). Составитель рассчитывает на то, что сведения о товаре, полученные из заголовка и самого рекламного текста, не требуют повтора ктематонима: *Качество без компромиссов*; *Стильная деталь твоего «Я»*. Тем не менее и в таких слоганах есть либо упоминание о времени: ***Традиции****, воплощенные* ***во времени***, о месте производства: *Время по* ***Угличу****,* либо непосредственная связь с ктематонимом: *Над* ***реальностью*** (реклама часов «Авиатор», «Буран»).

Слоганы, в отличие от заголовков, функционально более существенные компоненты текста. Первая часть слогана, как и заголовок, обеспечивает реализацию информативной функции, и здесь главным содержательным элементом является ктематоним. Вторая часть слогана, реализующая экспрессивную и апеллятивную функции, – это в широком смысле предицируемый объекту, названному ктематонимом,

признак, связывающий объект с потенциальным покупателем. Именно ктематоним (повторяющийся в заголовке и слогане) является средством, обеспечивающим риторическое обрамление, он связывает информацию двух сильных позиций текста.

Литература и источники

Василевский А.Л. Некоторые вопросы ктематонимии // Этнография имен. М., 1971. С. 240–245.

Кафтанджиев Х. Тексты в печатной рекламе. М.: Смысл, 1995. 73 с.

Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов. М.: Изд-во МГУ, 1995. 144 с.

Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс 1996. 654 с.

Gałkowski A. Chrematonimy w funkcji kulturowo-użytkowej // Onomastyczne studium porównawcze na materiale polskim, włoskim, francuskim. Łódź, 2011. S. 42–50.

B. Bolesta-Wrona, J. Wrona
(Bialystok, Poland)

KTEMATONYM IN ADVERTISING TEXT (ON THE MATERIAL OF NAMES OF WATCHES PRODUCED IN RUSSIA)

The paper deals with the use of ktematonyms in texts that advertise Russian-made watches. The functions of ktematonyms in the title and the slogan – the most informative elements of the advertising test are analyzed. The place of the ktematonym in the implemented models of the title and the slogan is characterized.

Key words: watch names, ktematonym, advertising text, title, slogan, brand.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.422

Е.Н. Варникова
(Вологда, Россия)

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОЙ ЗООНИМИИ

В статье рассматриваются исторические изменения в зоонимии русского языка: смена репертуара антропозоонимов в старорусский период (христианские личные имена, вытеснившие к концу XVII в. древнерусские антропонимы, уже в XVI–XVII вв. проникают в зоонимию, то есть вслед за сменой именника в антропонимии такая смена происходит и в зоонимии), изменение видового состава сельской зоонимии в XIX–XX вв. (утрата приоритета и переход в пассивную зону кличек лошадей, уменьшение количества и снижение активности кличек коров), постоянно меняющаяся производящая база зоонимии, образованной как

на основе ономастической, так и апеллятивной лексики (изменение «моды» на те или иные имена зеркально отражается в зоонимии, в качестве кличек животных используется лексика, актуальная для конкретного времени) и др. Однако при всей изменчивости зоонимия не утрачивает своей самобытности и ономастической «автономности»: в каждом виде зоонимов сохраняется исторически сформировавшаяся ядерная часть, действуют традиционные семантико-словообразовательные модели, по которым создаются новые клички животных.

Ключевые слова: русская зоонимия, антропозоонимы, производящая база зоонимообразования, диахронические изменения в русской зоонимии.

В процессе развития языка под воздействием социально-исторических факторов в ономастике, как и в апеллятивной лексике, постоянно происходят изменения: появляются новые классы имен собственных, меняется лексический состав разных ономастических разрядов, формируются и развиваются структурно-семантические модели онимов отдельных классов и пр.

Эти изменения наблюдаются как в ядерной, так и в периферийной зонах ономастикона, но степень изученности их различна. В большей мере исследованы трансформации в сфере антропонимии, занимающей центральное положение в русском ономастическом поле [Супрун 2000: 6]. Стал общеизвестным факт смены древнерусского именника заимствованным христианским, см. [Тупиков; Чичагов 1958; Селищев 1968; Зинин 1972; Веселовский 1974; Суперанская 1998 и др.]. Изучено появление отчеств и фамилий [Суперанская, Суслова 1981; Никонов 1988; Унбегаун 1989; Зинин 1994 и др.]. На региональном материале описаны исторические преобразования личных именований: изменение частотности имен, эволюция антропонимических моделей и др. [Чайкина 1994; 2004; Кюршунова 1994; 2017; Смольников 1996; 2005; Полякова 2002; 2005; Комлева 2004 и др.]. В поле внимания ученых находится новый вид антропонимов – никонимы (никнеймы, ник-неймы, персонимы) [Асмус 2005; Голованова 2009; Горяев, Пестерева 2009 и др.].

Диахронические изменения в сфере зоонимии, имеющей «антропонимоподобный характер» (В.И. Супрун), еще не становились предметом специального рассмотрения. Между тем этот ономастический разряд не менее динамичен в сравнении с антропонимией и другими классами онома.

Прежде всего отметим изменение видового состава кличек животных, в большей мере затронувшее сельскую зоонимию. До середины XX в. на многих территориях севера и центра России основными видами сельских зоонимов были клички лошадей и коров (причем в дореволюционный период – клички лошадей, в советский – клички коров [Поротников 1972: 249]). Начиная с семидесятых годов XX в. из активного употребления вышли клички лошадей по причине постепенной ликвидации этого вида животных в совхозах и колхозах. В девяностые и двухтысячные годы менее активными стали клички коров в связи с резким сокращением поголовья крупного

рогатого скота в частных и общественных хозяйствах. Основными видами зоонимов в деревне, как и в городе, на многих территориях севера и центра России становятся клички собак и кошек, см. об этом подробнее в [Варникова, Зимичева 2017].

Изменения происходят также внутри отдельных видов зоонимов. Эти изменения могут иметь региональный характер. Так, например, в вологодской кинонимии на протяжении XX в. наблюдается постепенное сближение по лексико-семантическим признакам кличек гончих, легавых и борзых. Одной из причин такого сближения может быть сокращение в Вологодской области численности собак этих пород, в настоящее время большую часть охотничьих собак здесь составляют лайки, об этом подробнее в [Варникова 2018].

Постоянно меняется производящая база зоонимии, образованной как на основе имен собственных, так и нарицательных. Наиболее показательны в этом отношении антропозоонимы. Изучение старорусской гиппонимии позволяет утверждать, что по своему лексическому составу она была очень близка древнерусским именам (дефакто это один лексический массив). Однако уже в источниках XVI–XVII вв. в роли кличек животных начинают появляться христианские личные имена, т.е. смена именника произошла не только в антропонимии, но и в зоонимии. Обращение к архивной зоонимии XX в. свидетельствует о зависимости состава антропозоонимов от частотности тех или иных личных имен в разное время (изменение «моды» на конкретные имена зеркально отражается в зоонимии, показательны в этом отношении и так называемые прецедентные имена) [Варникова 2013: 339–400]. Довольно изменчива и нарицательная база зоонимии. При этом нужно говорить не только о «расширении круга апеллятивной лексики, которая стала вовлекаться в круг имен собственных» [Рядченко 1994: 81], но и об использовании в качестве кличек животных слов, актуальных для конкретной эпохи [Варникова 2013: 406].

Однако при всей изменчивости зоонимия не утрачивает своей самобытности и ономастической «автономности»: в каждом виде зоонимов сохраняется исторически сформировавшаяся ядерная часть, действуют традиционные семантико-словообразовательные модели, по которым создаются новые клички животных.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

Литература и источники

Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 265 с.

Варникова Е Н., Зимичева Н.Н. Зоонимикон современной деревни (на материале кличек животных с. Горицы Вологодской области) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 2 (5). С. 73–77.

Варникова Е.Н. Из истории вологодской кинонимии (клички русских гончих) // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, 10–11 апреля 2018 г.) / сост. и отв. ред. О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. С. 280–286.

Варникова Е.Н. Изменение состава кличек коров как отражение социокультурных процессов в русской деревне (начало XX в. – начало XXI в.) // Русское слово и костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 397–406.

Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 384 с.

Голованова Е.И. Имя пользователя персональным компьютером как объект полипарадигмального анализа // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / под ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 60–62.

Горяев С.О., Пестерева Е.Д. «Внеалфавитные» графические средства в современной русской ономастике (на материале ник-неймов и рекламных имен) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / под ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 66–67.

Зинин С.И. Введение в русскую антропонимию: пособие для студентов-заочников / отв. ред. О.М. Ким. Ташкент, 1972. 277 с.

Зинин С.И. Русские отчества // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 186–196.

Комлева Н.В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Вологда, 2004. 22 с.

Кюршунова И.А. Славянская антропонимия Карелии XV–XVII вв: в связи с реконструкцией лексики донационального периода: дис. … канд. филол. наук. Вологда, 1994. 248 с.

Кюршунова И.А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: дис. … докт. филол. наук. Петрозаводск, 2017. 451 с.

Никонов В.А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.

Полякова Е.Н. Изменения в пермской антропонимии XVI–XVIII веков // Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: избр. тр. Пермь, 2002. С. 266–272.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 462 с.

Поротников П.Т. Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1972. С. 210–250.

Рядченко Н.Г. Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 77–84.

Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды / А.М. Селищев. М.: Просвещение, 1968. С. 97–129.

Тупиков – Словарь древнерусских личных собственных имен / Труд Н.М. Тупикова. СПб., Тип. И.Н. Скороходова 1903. Записки Рус. отд-ния имп. Рус. археол. о-ва. Т. 6. С. 57–915.

Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 256 с.

Смольников С.Н. Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVII в. (на материале памятников местной деловой письменности): автореф. дис. … канд. филол. наук. Вологда, 1996. 22 с.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 528 с.

Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. 176 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград, 2000. 172 с.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии: пер. с англ. / общ. ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

Чайкина Ю.И. Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 77–84.

Чайкина Ю.И. Именования мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 33–39.

Чичагов В.К. Из истории русских имен, прозвищ и фамилий // Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М., 1959. 128 с.

E.N. Varnikova
(Vologda, Russia)

DIACHRONIC CHANGES IN THE RUSSIAN ZOONYMY

This paper examines some historical changes in the zoonymy of the Russian language such as the changes in the range of antroponymic zoonyms in Ancient Russian times (Christian personal names that replaced Old Russian antroponyms at the end of the XVII century and penetrated into zoonymy in the XVI–XVII centuries), the change in the generic structure of rural zoonymy in the XIX–XX centuries (horses' nicknames lost their priority and made a transition to some passive forms; cows' nicknames reduced in number and stopped being actively used), constantly changing productive base of zoonymy which was formed based on onomastic and appellative vocabulary (certain names became more fashionable depending on the vocabulary relevant to a certain time period) and etc. However, despite these changes, zoonymy remains original and independent with regard to its onomastic character. It means that every type of zoonyms keeps a historically created core part, maintains traditional semantic word formation models based on which new animals' nicknames are created.

Key words: Russian zoonymy, antroponymic zoonyms, productive base of forming zoonyms, diachronic changes in Russian zoonymy.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.427

Е.В. Генералова
(Санкт-Петербург, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается функционирование библейских имен собственных в русском языке (в виде культурных символов, в составе фразеологизмов, а также с переносной семантикой); подчеркивается символическое интернациональное осмысление библейских антропонимов и топонимов и их яркая национальная специфика, проявляющаяся в развитии определенных вторичных значений, коннотаций, специфической стилистической окраски.

Ключевые слова: имена собственные, ономастика, библеизмы, семантика, современный русский язык, лексикология, фразеология.

Обладающие выделительно-назывной индивидуализирующей функцией имена собственные в ряде случаев становятся культурными символами, развивают вторичную семантику, актуализируют отдельные смыслы в конкретные исторические эпохи. В этом отношении вечным источником символов и образности является Библия, и имена собственные библейского происхождения обладают двуплановостью, выступают источником интернациональной образности, центром ряда фразеологизмов, наконец, развивают вторичную семантику.

Предметом настоящего исследования послужило актуальное функционирование в русском языке библейских имен собственных.

Имена собственные библейского происхождения в языке существуют в следующем виде.

Во-первых, имена собственные-библеизмы активно функционируют в виде культурных символов. Лингвистическими свидетельствами этого является использование этих единиц:

– в сравнениях: Один мой сын погиб в Сербии, другой живет в Петербурге и забыл меня. В старости я одинок, как Иов. Это справедливо*? (Ю.В. Трифонов «Нетерпение»)* [НКРЯ] (образ Иова многострадального как человека, стойко переносящего невзгоды и удары судьбы, в контексте актуализируются потенциальные семы одиночества и множественности страданий, а также глубины переживаний);

– в уподоблениях: *Мы все в этом мире путники на Дамасской Дороге,* ***Савлы*** *глухосердечные, духовно незрячие. ... Покуда не впустим в себя Глас Господень и не переродимся фундаментально. Савлы в Павлов. (Г.Я. Горбовский «Книжная пыль»)* [НКРЯ] (образ Савла (первоначальное имя Павла), отличающегося жестокостью в преследовании первых христиан), обратившегося в апостола Павла, как

образ человека, коренным образом изменившего свои убеждения на противоположные);

– в поэтических реминисценциях: Но Блок, слава Богу, иная, Иная, по счастью, статья. Он к нам не спускался с Синая, Нас не принимал в сыновья. *(Б.Л.* Пастернак) [НКРЯ] (образ Синая – горы в Аравийской пустыне, на вершине которой Бог передал Моисею скрижали с десятью заповедями – как места, с которого пророк, учитель идет к людям);

– в заглавиях произведений: см. В.К. Кюхельбеккер «*Агасвер*» (поэма), Вс.В. Иванов «*Агасфер*» (роман), С.И. Гусев-Оренбургский «*Агасфер*» (рассказ), М.А. Булгаков «*Адам и Ева*» (пьеса), М.М. Пришвин «*Адам и Ева*» (повесть), Д.С. Мережковский «*Христос и Антихрист*», М.А. Алданов «*Армагеддон*», М.А. Волошин «*Армагеддон*» (стихотворение), А.Ф. Писемский «*Ваал*», М.В. Авдеев «*Магдалина*», Е.И. Парнов «*Трон Люцифера*» и др.

Во-вторых, имена собственные библейского происхождения могут развивать переносную семантику. Следует сказать, что при обилии онимов в текстах Ветхого и Нового завета (около 2800) лишь немногие из них развивают переносную семантику, когда культурное значение закрепляется средствами языка как полноценный лингвистический смысл. При этом имена собственные становятся апеллятивами, а в основе развития переносных значений лежит явление метафоризации.

Антропонимы с вторичной семантикой обозначают типичного носителя определенного качества. Так, толковыми словарями русского языка фиксируются следующие значения: *каин* ‘о предателе, убийце’ [МАС, 2: 3], *иуда* ‘о предателе, изменнике‘ [Там же, 1: 695]) (Н.В. Титаренко отмечает, что в русском языке слово *иуда* используется и со значением ‘об очень жадном человеке‘ [Титаренко 2018: 174]), *ирод* ‘мучитель изверг’ [МАС, 1: 675]), *хам* ‘грубый, наглый человек’ [Там же, 4: 591]. Иногда имеет место существенный семантический переход, и при апеллятивизации имя меняет свои существенные категориальные характеристики: так, в современном языке лексема *голиаф* развивает и переносную семантику ‘громоздкий предмет’ (Все знают дом Жолтовского с изящной лукавой башенкой напротив серого высотного Голиафа *(А. Вознесенский «На виртуальном ветру»)* [НКРЯ]), т.е. одушевленное имя собственное становится неодушевленным нарицательным (возможно, такой путь образования переносных значений отчасти связан с наблюдающейся в настоящее время «некой десакрализацией библейских слов и понятий» [Кузьмина 2014: 161]).

Топонимы приобретают семантику обобщенной отсылки к каким-либо событиям: см. *голгофа* ‘место тяжелых испытаний, страданий’ [Ефремова], *содом и гоморра* ‘о месте, обычно крупном городе, полном безнравственности, пороков, беззакония’, *вавилон* (также *новый вавилон*) ‘как символ большого города с его суетой, соблазнами и пороками’ [Там же], *палестины* ‘местность, край’ [МАС, III: 13]. У ряда топонимов возможно и дальнейшее семантическое развитие, когда они

теряют локативную семантику и приобретают вторичную семантику указания на какое-л. абстрактное качество, событие (изначально связанное или ассоциирующееся с обозначаемым им библейским географическим пунктом): см. *голгофа* ‘тяжелые испытания, страдания’, *вавилон* ‘шум, гам, суета’ (*Разводить сплетни, из-за тряпки поднять целый* ***вавилон*** *или так, зря наврать, намутить – это сколько угодно! (Г. Успенский «Скучающая публика»)* [НКРЯ]), *содом* ‘безнравственность, распущенность’ (*В* ***содоме*** *всеобщего помешательства он сумел сохранить в себе всё, чем щедро его одарила природа: тонкость и великодушие, прямоту и мужество, бескорыстие и душевную целомудренность (В. Максимов «Заглянуть в бездну»)* [НКРЯ]), также ‘шум, гвалт’ (*поднять содом*), *армагеддон* ‘уничтожительная война, мировая катастрофа’. При апеллятивизации имени собственного возможна лексикализация в какой-то определенной форме. См. слово *вавилоны* (устаревающее для современого языка), которое, приобретая переносную семантику и становясь нарицательным, закрепляется в форме множественного числа (*вавилоны* ‘извилины, вычурный узор’), а также *палестины* ‘край, местность’, *родные палестины* ‘родина, родные края’.

Естественно, фиксация в словаре – не бесспорный критерий образования нового значения, это «текучий» процесс, постояно идущий в языке. Можно выделить ряд контекстов, предрасполагающих к образованию переносной семантики и апеллятивизации онимов. Это, в частности, свидетельствующее о начале процесса стереотипизации использование имени собственного в форме множественного числа: *Это проклятие рода человеческого гораздо сложней и серьёзней, чем это кажется таким* ***Фомам Неверным****, как ты. (Г. Климов «Князь мира сего»); Хорошо, что Блок пишет плохие статьи и не умеет вести интеллигентных бесед. Великому поэту надлежит быть косноязычным. Аароны это потом, это честные популяризаторы, строчащие комментарии к "Двенадцати" в двенадцати толстых журналах (И.Г. Эренбург «Портреты современных поэтов»)* [НКРЯ]; с прилагательным-определением (*новый* ***Агасфер,*** *автомобильный* ***армагеддон***); с зависимым словом в родительном падеже: *Кончен Армагеддон войны, а теперь на человечество надвинулся Армагеддон Культуры* (*Н.К. Рерих «Листы дневника»)* [НКРЯ].

Возможны и вторичные образования нарицательных с переносной семантикой на базе имен собственных библейского происхождения: *иеремиада* ‘слезная горькая жалоба’ (по имени ветхозаветного пророка Иеремии, который считается автором библейской книги «Плач Иеремии», где оплакивается падение Иерусалима и бедствия народа, на который обрушился гнев Господень), *содомия* ‘различные формы сексуального поведения, оцениваемого как девиантное’ (от названия древнего города вблизи Мертвого моря, который был до основания разрушены Богом за грехи и беззакония жителей), *онанизм* (по имени Онана – сына Иуды, который, согласно закону,

должен был вступить в брак с женой умершего брата, но не желая зачать с ней ребенка, изливал семя на землю, за что был умерщвлен Богом).

Наконец, в русском языке имена собственные библейского происхождения активно используются во фразеологии. Это, во-первых, фразеологизмы непосредственно библейского происхождения, например, *казни египетские* ‘тяжелые испытания, тяжкие бедствия’ (выражение возникло на основе библейского повествования о десяти суровых наказаниях, которым Бог подверг египтян за отказ фараона освободить евреев из плена), *валаамова ослица* ‘о молчаливом, покорном человеке, который неожиданно высказал свое мнение (обычно против чего-л.)’ (выражение восходит к ветхозаветной легенде об ослице пророка Валаама, которая неожиданно человеческим голосом стала протестовать против побоев), *иерихонская труба* ‘об очень громком голосе’ (выражение связано с библейским рассказом о том, как оглушительные звуки труб, с которыми евреи обходили крепость Иерихон, стены которой отличались необыкновенной прочностью, потрясли и разрушили эти стены), *мафусаилов век* ‘о преклонном возрасте, ветхости кого-л.’ (от имени ветхозаветного патриарха Мафусаила, который, прожил 969 лет) и, во-вторых, фразеологизмы не прямо взятые из текста Библии, а основанные на библейских сюжетах (*в костюме Адама* ‘нагишом’, *адамово яблоко* ‘кадык’, *Евина дочь* ‘женщина’).

С одной стороны, символы, заключенные в тексте Нового и Ветхого Завета, обнаруживают свой интернациональный характер, с другой стороны, их интерпретация и вторичная семантика библеизмов могут различаться в разных языках. В.М. Мокиенко подчеркивает, что с точки зрения сравнительного изучения литературных языков, значимы те расхождения, которые наблюдаются именно в области лексико-семантических явлений, восходящих к общему источнику – тексту Священного писания. Эти расхождения во многом определяют специфику национальной адаптации библеизмов и фразеологизацию и паремиологизацию в отдельных языковых системах [Мокиенко 2018: 34].

Национальная специфика функционирования библейских имен собственных в языке, как представляется, проявляется в следующем.

1). Образование специфических переносных значений. Так, только в русском языке слово *голиаф* используется как неодушевленное существительное, обозначая громоздкий предмет, большую фирму, в то время как, например, в испанском языке есть сленговое значение слова *Judas* ‘глазок в камере или телевизионная система контроля, управляемая служителями с целью наблюдения за заключенными’ [Сингаевская 2014: 182]. Специфические переносные значения могут возникать в отдельное время в определенных языках и быть прикреплены к конкретной исторической ситуации, что подтверждает известное положение А.В. Суперанской о том, что «имена собственные – самая восприимчивая часть языка, они реагируют на все исторические

и культурные события быстрее, чем любой другой его элемент» [Суперанская 1973: 40–41]. Например, название *русской Голгофы* получило место на канале Грибоедова в Санкт-Петербурге, где террористами был смертельно ранен Александр II, далее выражение приобрело расширительное значение, обозначая вообще место убиения царственных особ (о Николае II и его семье), впоследствии митрополитом Алексием *русской Голгофой* был назван Бутовский полигон (одно из мест массовых казней и захоронений жертв сталинских репрессий).

2). Национально специфическая семантика фразеологизмов, включающих библейские имена собственные. Например, фразеологизм *валтасаров пир* имеет в русском языке значение ‘пир, веселье накануне неминуемой беды’, а значение испанского библеизма – ‘обильное угощение, пиршество’ [Буевич 2014: 55].

3). Специфические коннотации. Так, при том, что в русском языке образ Адама часто связывается с указанием на наготу, «совсем другой образ данного персонажа в испанской картине мира. С испанским именем Adán связаны следующие коннотации: грязный, неопрятный, неряшливый человек» [Сингаевская 2014: 182; Титаренко 2018: 174]. Разные коннотации в русском и испанском языках и у образа Марии Магдалины: если в русском языковом сознании Магдалина связывается с грехом и раскаянием в грехе, то «в испанском языке сравнение с Магдалиной употребляется по отношению к тому, кто очень сильно плачет и основано на другой евангельской ситуации, когда Мария Магдалина оплакивала Иисуса после снятия его с креста» [Сингаевская 2014: 183].

4). Разница в употреблении и стилистической окраске. Только в русском языке слово *каин*, приобретая семантику ‘предатель’, употребляется еще и как бранное слово. Е.И. Яковлева, осуществившая сравнительный анализ русских и французских библеизмов, подчеркивает, что также слово *хам* «стало одним из самых выразительных апеллятивов русского языка и не развило подобных коннотаций во французском языке» [Яковлева 2014: 121].

Таким образом, имена собственные используются в русском языке как культурные символы (в сравнениях, уподоблениях, поэтических реминисценциях, заглавиях художественных произведений), а также развивают переносную семантику и существуют в составе фразеологизмов. Изучение функционирования в языке библеизмов-имен собственных демонстрирует и их символическое интернациональном осмысление, и их яркую национальную специфику, проявляющуюся в развитии определенных вторичных значений, коннотаций, специфической стилистической окраски.

Примечание

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-512-00005 «Воздействие языкового наследия Библии на фразеологические подсистемы русского и белорусского языков (историко-этимологический, структурный, функциональный, сопоставительный аспекты)».

Литература и источники

Буевич А.А. Библейские имена собственные во фразеологизмах русского и испанского языков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 2. С. 52–59.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный // Режим доступа (свободный). URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/efr/ [Дата обращения: 31.03.2019].

Кузьмина Н.А. Библеизмы с именами собственными в публицистическом дискурсе // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах: материалы междунар. науч.- практ. конф. (г. Кострома, 18–23 марта 2016 года) / под науч. ред. И.Ю. Третьяковой. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. С. 160–162.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х тт. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1981.

Мокиенко В.М. Русские библеизмы в европейском контексте // Językoznawstwo. 2018. № 1(12). С. 33–47.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // Режим доступа (свободный). URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/efr/ [Дата обращения: 31.03.2019].

Сингаевская А.В. Национально-культурное своеобразие испанских фразеологизмов с компонентом-антропонимом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). С. 178–184.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

Титаренко Н.В. К вопросу о национально-культурной специфике межъязыковых фразеологических параллелей (на примере русских и испанских единиц с библейским именем собственным) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 10 (133). С. 172–176.

Яковлева Э.Н. Эволюция значений ветхозаветных библейских антропонимов в современном французском и русском языках // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 2. № 2. С. 120–123.

E.V. Generalova
(Saint-Petersburg, Russia)

FUNCTIONING OF PROPER NAMES OF BIBLE ORIGIN IN MODERN RUSSIAN

The article deals with the functioning of bible proper names in Russian (in the form of cultural symbols, as a part of phraseological units and also with figurative semantics); the symbolical international sence of bible antroponyms and toponyms and their expressive national specifics (in development of certain secondary values, connotations, specific stylistic coloring). are shown.

Key words: proper names, onomastics, bibleizm, semantics, modern Russian, lexicology, phraseology.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.433

С.А. Залужанская, О.С. Попцова, Т.В. Шеремета
(Пермь, Россия)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗООНИМОВ В СЛУЖЕБНОЙ КИНОЛОГИИ

В статье приведены данные анализа присвоения кличек щенкам и служебным собакам в кинологических подразделениях уголовно-исполнительной системы. Авторы статьи выявили принципы присвоения кличек служебным собакам, определили одиннадцать основных категорий, а также редкие и наиболее распространенные клички. Авторы статьи пришли к выводу, что собственные имена, присвоенные щенкам и служебным собакам, оформились как особый класс зоонимии.

Ключевые слова: кличка, ономастика, зоонимика, кинонимы, служебные собаки.

Ономастика делится на огромное количество разделов, одним из которых является зоонимика, занимающаяся изучением кличек животных. Это довольно молодая наука, так как развитие ее началось лишь с 1930 года, после проведения во Франции I Международного ономастического конгресса. Зоонимы еще очень мало изучены, и это во многом связано с тем, что владельцы животных не всегда фиксируют в документах присвоенные их питомцам клички, которые исчезают сразу после смерти животного.

В силовых структурах выбор клички имеет большое значение для кинолога, работающего в паре с собакой, которая является не только преданным другом, но и напарником, партнером, от которого зачастую зависит качество выполнения служебных задач и жизнь людей. Называя собаку тем или иным именем, человек отражает главные качества служебных собак – злобность к врагам, силу, уравновешенность, высокую отдачу и безоговорочную преданность кинологу, отдавая тем самым дань уважения этим животным. Однако специфика присвоения кличек служебным собакам в настоящее время изучена недостаточно, поэтому тема исследования является актуальной.

Настоящая статья нацелена на изучение особенностей присвоения кличек служебным собакам в кинологии. Для этого необходимо: 1) провести анализ кличек служебных собак; 2) выявить принципы присвоения и наиболее распространенные клички служебных собак. Объектом исследования являются клички щенков и собак служебных пород, содержащихся в кинологических подразделениях, а предметом исследования – принципы присвоения кличек служебным животным.

С древних времен жизнь человека неразрывно связана с собаками. Чтобы упростить общение с ними, были придуманы клички. При выборе клички хозяин опирался на окрас шерстного покрова, характер, привычки и особенности поведения животного.

Развитие науки зоотехнии позволило выработать правила присвоения кличек и систематизировать этот процесс. С появлением питомников собаководства клички стали состоять из нескольких слов, включая названия питомников (заводская приставка) и собственное имя животного. В этих случаях выбиралась и еще одна кличка, для «домашнего» использования, короткая и удобная. Например, собаку по кличке *Авантюра*, выращенную в питомнике с зарегистрированным названием *Драстик*, в официальных документах указывают как *Драстик Авантюра*, а в повседневной деятельности зовут *Айка* или *Ава*.

В кинологии, в том числе служебной, также придерживаются определенных требований к кличкам. В первую очередь это краткость и удобство произношения для подачи команд.

За период с 2016 по 2018 год нами проанализированы 800 кличек, присвоенных щенкам и собакам в 20 племенных питомниках территориальных органов ГУФСИН (УФСИН) России по Республикам Коми, Мордовия и Татарстан, по Приморскому, Красноярскому и Хабаровскому краям, по Архангельской, Воронежской, Иркутской, Калининградской, Кемеровской, Московской, Омской, Саратовской, Свердловской, Тульской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской областям и в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России [РКФ]. Племенная работа в питомниках ведется с собаками служебных пород: немецкая овчарка, восточноевропейская овчарка, кавказская овчарка, бельгийская овчарка (малинуа), лабрадор-ретривер [Приказ ФСИН].

На данный момент племенные питомники служебного собаководства ФСИН России не зарегистрированы в Российской кинологической федерации (РКФ) и не имеют зарегистрированных названий питомников и заводских приставок, но присвоение кличек щенкам проводится в соответствии с положением о племенной работе РКФ.

Основные критерии присвоения кличек следующие: кличка присваивается щенку в возрасте 10–14 дней и указывается в метрике щенка, которая оформляется на каждого щенка в помете; клички щенков-однопометников должны начинаться с одной буквы; в кличках щенков не должны быть указаны цифры, знаки препинания, не допускается повторение слов; одна и та же кличка в сочетании с названием питомника (заводской приставкой) может повториться только через 10 лет; максимальное количество знаков в кличке (включая название питомника, заводской приставки и пробелы) – сорок символов [РКФ].

Мы условно распределили категории и разделили клички, присвоенные в питомниках по распространенности (редкие и наиболее часто встречающиеся). Данные (кличка и количество повторов) содержатся в таблице.

Таблица. Категории происхождения и распространенность кличек у служебных собак

№ п/п	Категория происхождения, обозначение	Кличка, распространенность (шт.)
	Имена реальных людей, исторических личностей	Алекса (1), Алисия (1), Альма (6), Анабель (2), Анита (6), Байрон (6), Барри (9), Брут (2), Белла (18), Боня (3), Ванесса (3), Виола (5), Вольф (4), Вульф (10), Дик (17), Джина (6), Долли (6), Ермак (2), Жан (2), Жерар (4), Зита (8), Зидан (1), Злата (15), Ирма (6), Колчак (3), Лада (23), Линкольн (3), Макс (12), Марго (4), Мэри (4), Мюгер (1), Оскар (1), Пеле (1), Рокси (6), Рональд (2), Рональдо (4), Рекс (24), Ричард (10), Рэм (8), Стелла (5), Тайсон (9), Чара (12), Чермен (7), Черчилль (1), Шакира (2), Шейла (4), Шелли (3), Элвин (3), Эшли (14), Юта (2).
	Имена литературных персонажей и героев кинофильмов, мультфильмов	Арамис (6), Арчибальд (7), Атос (15), Багира (6), Бадди (1), Балто (6), Батлер (2), Велес (2), Вжик (5), Воланд (7), Гарри (2), Гелла (4), Герда (6), Живаго (2), Каспер (4), Лео (3), Шерхан (11), Жизель (5), Пират (3), Санта (4), Юстас (1).
	Мифология	Веста (9), Демон (1), Гера (9), Геракл (4), Гермес (7), Дея (1), Зевс (5), Локи (4), Фея (2).
	Военная терминология	Барк (24), Вальтер (2), Гильза (2), Зенитка (1), Кольт (4), Диспозиция (3), Дукалис (2), Жандарм (1), Пуля (1), Ракета (1), Рота (1), Торпеда (1).
	Растения	Анчар (7), Астра (10), Верба (1), Лаванда (3), Мята (1), Мандаринка (2), Пальма (3), Сакура (1).
	Природные Явления	Аргус (6), Буран (4), Гроза (4), Гром (4), Вулкан (5), Зенит (6), Заря (3), Мираж (1), Пурга (1), Тайфун (4), Ураган (1), Цунами (1).
	Географические названия	Аляска (4), Ардена (4), Амур (8), Алтай (4), Арланда (5), Африка (7), Байкал (14), Евфрат (2), Енисей (3), Кавказ (14), Казбек (4), Кама (3), Мальта (5), Мексика (3), Нева (2), Невада (1), Оксфорд (1), Онега (8), Эллада (7), Этна (4).
	Положение человека в обществе	Босс (1), Граф (9), Император (3), Князь (2), Лорд (9), Леди (3), Хан (3), Цезарь (3), Шахиня (3), Шейх (4).
	Название известных торговых брендов, марок, фирм	Амкар (2), Гарант (2), Королла (4), Ларгус (6), Лексус (3), Найк (3), Орбит (3), Прада (2), Редмонд (1), Сэла (2), Тиффани (5).
	Название животных и птиц	Барс (9), Орлан (1), Пантера (6), Пума (8), Тигр (2).
	Популярные клички	Авантюра (6), Азарт (2), Блэк (Блэки, Блэйк) (12), Бест (5), Вита (2), Дарк (5), Ингус (3).

В результате анализа имен собак, используемых в племенных питомниках ФСИН России, мы выделили 11 основных групп кличек. Установлено, что самая большая группа кличек (307) – это антропонимы, из них наиболее часто встречаются: *Белла* (18), *Дик* (17), *Злата* (15), *Лада* (23), *Макс* (12), *Рекс* (24), *Эшли* (14). В практической деятельности, как правило, они «очеловечиваются» кинологами: *Арчибальд (Арчи), Алисия (Аля), Анабель (Бэль), Гермес (Гера)*. Самая распространенная в кинологических подразделениях УИС кличка у сук – *Лада* (23), а у кобелей – *Рекс* (24) и *Барк* (24).

Также в выборе клички для собаки большую роль играют культурные и исторические нормы отдельного региона. Во время сбора данных в Омской области, нами отмечено, что только в Сибири злобных собак черного окраса называют *Колчак* (3). Кличка *Ингус* присвоена трем щенкам породы восточноевропейская овчарка из питомников Хабаровского и Приморского краев, так звали собаку этой же породы, с которой на Дальнем Востоке служил знаменитый кинолог-пограничник Никита Федорович Карацупа.

Анализ данных таблицы указывает, что клички, используемые в служебном собаководстве, отличаются тем, что они довольно точно характеризуют отличительные качества собаки, удобны для кинолога и не сливаются с кличками обычных домашних собак. Учитывая, что для племенного разведения используются только чистопородные животные, щенкам не присваивают традиционные «народные» клички, такие как *Дружок, Барсик, Шарик*.

Вторая по численности группа (103) – это топонимы, например: *Аляска* (1), *Ардена* (4), *Амур* (8), *Байкал* (14), *Кавказ* (14), *Казбек* (4), *Кама* (3), *Эллада* (7). Отметим, что географическое расположение питомников не влияет на частоту распространения кличек. Например, кличка *Байкал и Кама* используется не только в Иркутской области и Пермском крае, но и в других регионах. Реже используются мифонимы (42), в частности *Гера* (9), *Зевс* (5), *Веста* (9).

В служебной кинологии собак часто называют в честь военачальников и героев сражений, используют военную терминологию (41): *Барк* (24), *Гильза* (2), *Зенитка* (1), *Культ* (6), *Диспозиция* (3), *Пуля* (1), *Ракета* (1), *Рота* (1).

Стоит отметить, что в кличках отражается темперамент служебного животного, так, собакам породы бельгийская овчарка, обладающих холерическим типом высшей нервной деятельности, присваиваются клички звучные и короткие: *Гильза* (2), *Пуля* (1), *Вжик* (5), *Каспер* (4). Собакам из категории караульных, выполняющим охранные функции, чаще дают клички, характеризующие породу кавказская овчарка как неприступную, крупную и крепкую, например, *Кавказ* (14) и *Казбек* (4).

Выбор клички зависит не только от породы, но и от окраса животного: *Злата*, *Орбит* и *Бэлла*, (палевый окрас у лабрадоров), *Блэк, Африка, Пантера, Багира, Пума*

(собаки различных пород черного окраса), *Мандаринка* (яркий черно-рыжий окрас у немецких овчарок).

В кличках отражаются также влияние современных тенденций, например, *Гарант* (2), *Найк* (3), *Орбит* (3), *Редмонд* (1).

Анализ кличек служебных собак, приобретенных у частных заводчиков из питомников, имеющих заводские приставки, а также состоящих из нескольких слов, нами не проводился ввиду сложности отнесения их к какой-либо категории. Например, клички *Солнечная Дубрава Жесть* или *Серебряная Луна Живанши* однозначно классифицировать невозможно.

Подводя итоги, можно сказать, что собственные имена, присвоенные щенкам и служебным собакам в племенных питомниках ФСИН России, достаточно четко оформились как отдельный класс зоонимии и заслуживают дальнейшего изучения.

Литература и источники

Приказ ФСИН – Об утверждении Наставления по организации кинологической службы Федеральной службы исполнения наказаний: приказ ФСИН РФ от 29.04.2005. № 336 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // URL: https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/prikaz-fsin-rf-ot-29042005-n-336/ [Дата обращения: 17.05.2019].

РКФ – Российская кинологическая федерация. Положение РКФ о племенной работе // Режим доступа (свободный). URL: http://rkf.org.ru/ [Дата обращения: 17.04.2019].

S.A. Zaluzhanskaya, O.S. Poptsova, T.V. Sheremeta
(Perm, Russia)

APPLICATION OF ZOONYMS IN SERVICE CYNOLOGY

The article presents data on the analysis of the assignment of nicknames to puppies and service dogs in canine units of the penitentiary system. The authors of the article revealed the principles of assigning nicknames to service dogs, identified eleven main categories, as well as rare and most common nicknames. The authors of the article concluded that proper names assigned to puppies and service dogs took shape as a special class of zoonyms.

Key words: nickname, onomastics, zoonymics, cynonyms, service dogs.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.438

С.С. Калинин
(Кемерово, Россия)

О СЕМАНТИКЕ ЭТНОНИМОВ *ХАЙДИНЦЫ* И *ЮГИ*

В работе приводится семантический анализ этнонимов *хайдинцы* и *юги* – наименований двух енисейских народностей Восточной Сибири. Рассматривается вопрос о происхождении этих наименований, анализируется также их связь с мифологическими представлениями енисейских народов.

Ключевые слова: енисейские народы, енисейская мифология, этнонимы, кеты, юги, хайдинцы.

Данное исследование посвящено изучению вопроса о происхождении названия и самоназвания *югов* и *хайдинцев* (*кайдынцев*) – одних из представителей енисейских народов Восточной Сибири. Вопросы, связанные с этимологией и семантикой данных этнонимов, не являются окончательно решенными, как, собственно, и не являются окончательно решенными вопросы о происхождении енисейских народов вообще и югов, и хайдинцев, в частности.

В кетской мифологии отображается противостояние между собственно кетами и югами: последние в ней предстают как иной, не-енисейский («не остяцкий») по происхождению народ [Вернер 1997а: 172]. Кроме того, как пишет Е.А. Алексеенко, это отражается и в ряде фольклорных сюжетов, в качестве примера ей приводится сюжет о елогуйском шамане *Dohe* и его сыне [Алексеенко 1973: 160–161]. Как замечает эта же исследовательница, словом *юги* в качестве самоназвания по-видимому ни пользовалось ни одно из племен [Там же: 161]. Так, этноним *juɣyn/juɣen'* употреблялся исключительно кетами по отношению к югам [Вернер 1997б: 188]. Самоназванием югов же была лексема *kʌnd'eŋ* [Там же], к структурному и этимологическому анализу которой мы вернемся чуть позже.

Интересно, что в зафиксированных преданиях, как сообщает Е.А. Алексеенко [1973: 163], встречаются упоминания о «настоящих» югах, имевших, по-видимому, неенисейское происхождение, и енисейском народе, позднее получившим название *юги*. Е.А. Алексеенко, со ссылкой на дневник В.И. Анучина, так сообщает о происхождении этого названия: «Часть остяков (Верхне-Имбатского участка) переселилась на р. Сым. Там жили люди (не остяки) под именем *juh* (мн.ч. *juhan*)» (цит. по [Там же: 162]. Таким образом, Е.А. Алексеенко предполагает, что в югах следует видеть аборигенное до-енисейское население Сыма, «жителей речных побережий, рыболовов и охотников» [Там же]. Вероятно, в какой-то из моментов своей истории кеты, мигрировавшие на Сым, смешались с югами и переняли их самоназвание [Там же].

Интересно упоминание о т. н. *«песчаных людях»* в кетском фольклоре, возможно, первоначально относившееся к югам и впоследствии перешедшее на один из кетско-югских родов (род Латиковых), выходцев с Елогуя, переселившихся на Сым [Алексеенко 1973: 161–162]. Возможно, в таком наименовании находят отражение далекие мифологические представления о югах как о речных, прибрежных жителях. Примечательно в этом отношении предание, записанное В.И. Анучиным: «Поселившись у *juh*, остяки научились их языку <…> Мы все смеемся, зачем свой язык потеряли и зовем их за это *juh*. Настоящие же *juh* давно все померли <…> давно никого нету» (цит. по [Там же: 162]). В этом рассказе находит отражение, первое, факт о том, что «когда-то» давно существовали «настоящие» юги, не родственные остякам-кетам, и, второе, что произошло смешение кетов (остяков) с «настоящими» югами. «Настоящие» юги исчезли, ассимилировались («давно все померли»), а данный этноним был перенесен на енисейскоязычный народ [Там же].

Другая ситуация – с этносом *хайдинцев* (или *кайдынцев*, как они именуются в работе [Боргояков 1973]). Предполагается, что род *Кайденг* (в частности, об этом сообщается М. Кастреном, см. [Там же]) был кетского [Боргояков 1973: 177], т.е., по-видимому, енисейского происхождения. Однако, как сообщает М.И. Боргояков, уже в XVIII в. кайдынцы-хайдинцы были тюркоязычными, причем, их язык был, по-видимому, либо близок к хакасскому языку, либо же являлся и вовсе одним из диалектов хакасского [Там же]. Так, автор сравнивает ряд фонетических особенностей кайдынского языка с качинским, кызыльским, сагайским и бельтирским диалектами хакасского языка [Там же]. Кроме того, как указывается М.И. Боргояковым [Боргояков 1973: 178], по некоторым признакам кайдынский / хайдинский тюркский язык был близок к языкам кыпчакской группы, а также к языку чулымских татар. Следует отметить, что для эволюции енисейских языков это вообще довольно характерный процесс, когда население, прежде использовавшее в общении какой-либо из енисейских языков, позднее переходит на тюркские языки (см. по этому поводу замечание В.Н. Топорова в статье о енисейских языках [Топоров 1990: 150]). М.И. Боргояков сообщает, что, по-видимому, кайдынцы были ассимилированы до XVIII в. [Боргояков 1973: 177]. В монографической работе, посвященной истории Хакасии [Кызласов 1993: 4], хайдинцы (именно в таком написании этнонима!) указываются в перечне ассимилированных исчезнувших народов Сибири.

Несмотря на то, что кайдынцы-хайдинцы сменили язык с енисейского на тюркский, за ними сохранился енисейскоязычный по происхождению этноним – название рода *Кайденг*, происходящее, по-видимому, от кетского *Qaj-de:ŋ*. Этимологизируется это название достаточно прозрачно: *qaj* ‘лось’ и *de:ŋ* ‘люди’ (см. о значениях лексем [ОССЭКГ]; *de:ŋ* – это форма множественного числа от *ke:ɤt* ‘человек’). Таким образом, буквальное значение этнонима *Qaj-de:ŋ* – это ‘люди лося, народ

лося’. Название отражает довольно распространенную и довольно типичную для енисейских языков словообразовательную модель – композицию из двух самостоятельных именных основ [Поляков 1987: 35]. Такая модель (образование сложных слов), по замечанию В.А. Полякова [Там же: 38; 44], имеет широкое распространение в енисейских языках и являтся основным способом создания формально новых номинативных единиц. Большое количество сложных слов, по мысли того же автора [Там же: 38], указывает на древность этого способа словообразования в енисейских языках. Вероятно, именно по этой причине – большая древность данной словообразовательной модели – он был использован для образования родовых наименований енисейцев.

Интересно проанализировать, почему данный енисейский народ получил именно такой этноним. Вполне возможно, что это связано с мифологическими представлениями древних енисейцев. Как пишет Н.А. Киндря, в языческой древности существовал культур животных, животные считались божествами как добра, так и зла, нередко выступали в образе божеств и героев, а божества сами выступали в образе животных [Киндря 2015: 13; 15; 148]. Хотя исследовательница делает выводы на основе анализа древнего индоевропейского материала, эти выводы могут быть применимы и к енисейскому материалу, поскольку мифологическое мышление является одной из универсальных «символических форм» человечества [Кассирер 2011: 37–38]. Это подтверждается и кетским этнографическим материалом: в кетской традиционной религии велика доля зооморфных образов, имеющих тотемическое происхождение [Алексеенко 1967: 172]. Так, например, *Тоиуыт* умеет превращаться в птицу, *Кайгусь* – сын медведя и женщины, *Койотбыл’* – сын мужчины и медведицы, имеются мифологические сюжеты о связи женщины и медведя, мужчины и соболя и т.п. [Там же]. Образ лося также играет немаловажную роль в кетской мифологии. Лось, наряду с медведем и диким оленем, был связан с кетским промысловым культом: существовало представление о последующм возрождении данных промысловых животных после их убийства и поедания [Алексеенко 1967: 175]. Практиковалось коллективное поедание добытых животных (в том числе, и лосей), оставшиеся кости запрещалось выбрасывать или разбрасывать: их особым образом собирали, относили в лес, где помещали в дупло кедра на восточную сторону или зарывали в землю [Там же]. Изображался лось и на обтяжке шаманского бубна, наряду с изображениями солнца и луны, а также самого шамана [Там же: 186]. Сходные же рисунки с изображением животного (лося) имелись и на шаманской парке и нагруднике [Там же]. На спинке ручных нарт изображалось шаманское древо в окружении стилизованных животных, подобных лосям и(или) оленям [Там же: 187–188].

Таким образом, из вышеприведенного краткого обзора мы можем видеть, что образ лося имел существенное значение в кетской мифологии и в кетской

лингвокультуре, в частности, в промысловом культе и в шаманской практике. В этом отношении интересно сравнить образ лося в кетской мифологии и многочисленные петроглифы Томской писаницы, изображающие лосей. В связи с этим А.И. Мартынов пишет: «У многих сибирских народов лось и медведь были наиболее почитаемыми персонажами в мифологии» [Мартынов 1988: 24]. Значительная группа изображений Томской писаницы посвящена сценам размножения животных и участия в нем духов-покровителей рода [Там же: 26]. Для сознания древнего человека этот процесс являлся сакральным, поскольку от плодородия промысловых животных, от их численности зависело само его существование. Многие сцены Томской писаницы посвящены охоте на лося [Там же: 29–30] – одного из сакральных животных енисейцев, как мы это уже показывали выше. Семантики части более поздних (эпохи бронзы) изображений связана с изображением лосей и оленей, представляемых в виде прародителей рода [Там же: 32]. Данная семантика и фиксируется в этнониме *Qajde:ŋ*. Часть таких изображений бронзового века связана с представлениями человека о строении вселенной (например, изображениями солярных оленей), а также представлениями о происхождении человека, что также можно сопоставить с семантикой анализируемого этнонима [Там же].

Перейдем теперь к анализу самоназвания югов – этнонима *kʌnd'eŋ*. Данный этноним также представляет по структуре композит *kʌn* ‘лиса’ + *d'eŋ* ‘люди’ (см. значения в [ОССЭКГ]). Образование формы множественного числа *d'eŋ* во всем аналогично образованию соответствующей кетской формы. Буквальное значение этнонима – ‘род лисы»’ или ‘люди лисы’. Здесь также проявляется идея тотемизма, идея первопредка, которым, вероятно, для данного енисейского этноса в его мифологической картине мира выступала лисица. Несмотря на меньшую значимость образа лисы в кетской лингвокультуре, он все-таки имеет некоторое значение в промысловой мифологии: кожу с носа лисы кеты сохраняли определенным образом или же помещали в дупло [Алексеенко 1967: 175]. Кроме того, зафиксирована сказка [Сказки кетского народа: 11–14], где лиса, по сути, выступает в образе трикстера, обманывая медведя – одного из наиболее важных животных кетского бестиария – что, в конечном итоге приводит медведя к гибели.

Таким образом, в рамках данного исследования мы попытались охарактеризовать происхождение и семантику наименований двух енисейских этносов – югов и хайдинцев/кайдынцев, а также связь данных наименований с енисейской (кетской) мифологией и лингвокультурой. Дальнейшие исследования енисейской ономастики требуют привлечения большего этнографического материала, а также более глубокой лингвистической реконструкции кетской мифологии и лексических систем енисейских языков.

Литература и источники

Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1967. 265 с.

Алексеенко Е.А. К вопросу о доенисейском компоненте в составе кетов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы всесоюзной конференции 14-16 июня 1973 года. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. С. 160–163.

Боргояков М.И. О кайдынцах и их языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы всесоюзной конференции 14-16 июня 1973 года. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. С. 176–178.

Вернер Г.К. Енисейские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 169–177.

Вернер Г.К. Югский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 187–195.

Кассирер Э. Философия символических форм. Том II: Мифологическое мышление. Пер. с нем. М.: Академический проект, 2011. 279 с.

Киндря Н.А. Названия животных в индоевропейских языках: лингвоонтология. Изд. стер. М.: Ленанд, 2015. 200 с.

Кызласов Л.Р. Введение // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: «Наука», Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 3–7.

Мартынов А.И. Писаница на Томи. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1988. 56 с.

ОССЭКГ – Озвученные словари селькупских, эвенкийских и кетских говоров: кетский язык // Режим доступа (свободный). URL: http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/slovar?field_lang_filter_tid=44&field_rfrns_place_tid=All&field_rfrns_dictor_nid=All [Дата обращения: 12.06.2019].

Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1987. 120 с.

Сказки кетского народа – Сказки кетского народа. Девушка и месяц. Сост. и обр. Р.В. Николаев. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1982. 24 с.

Топоров В.Н. Енисейские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 150–151.

S.S. Kalinin
(Kemerovo, Russia)

ON THE SEMANTICS OF THE ETHNONYMS OF *KHAIDIN* AND *YUG* PEOPLES

The paper presents a semantic analysis of the ethnonyms *Khaidin* and *Yug* – the names of two Yeniseian peoples of Eastern Siberia. The question of the origin of these names is considered, their connection with the mythological beliefs, hunting and shamanic rites of the Yeniseian peoples is also analyzed.

Key words: Yeniseian people, Yeniseian mythology, ethnonyms, Ket people, Yug people, Khaidin people.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.443

О.А. Лукина
(Могилев, Беларусь)

СВОЕОБРАЗИЕ ЭККЛЕЗИОНИМОВ КАК ОСОБЫХ ОНИМНЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕЛАРУСИ)

Наименования религиозных объектов, получившие терминологическое определение *экклезионимы*, представляют собой специфический вид онимов с поликомпонентной структурой, характеризующихся вариативностью оформления, наличием религиозной лексики в их составе, особой стилистической окрашенностью, своими особыми принципами номинации.

Ключевые слова: оним, экклезионим, урбаноним, номинация, поликомпонентность структуры, вариативность.

В настоящее время значительное внимание уделяется религиозной жизни общества. На фоне восстановления старых и строительства новых церквей, костелов, часовен и других религиозных объектов возрастает интерес к их названиям, получившим терминологическое определение *экклезионимы*. Наименования русских православных культовых сооружений рассмотрены в кандидатской диссертации Е.П. Арининой [Аринина 2008]. Цель нашего исследования – выявить особенности экклезионимов как особых онимных единиц на материале названий религиозных объектов Беларуси, так как на данной территории мирно сосуществуют различные религии. Следовательно, имеется богатый экклезионимный материал нескольких конфессий: православия, католичества, протестантизма, иудаизма, ислама, что позволяет сделать выводы более обоснованными.

«Ввиду комплексности обозначаемого объекта» [Суперанская 2009: 196], экклезионимы представляют собой специфический вид онимных единиц со следующими особенностями.

1. Экклезионимы – особый вид внутригородских / внутрисельских названий. Вместе с Е.П. Арининой мы относим названия культовых сооружений к периферийным разрядам ономастики. Исходя из этого в ономастической науке существуют различные точки зрения на определение статуса экклезионимов. Н.В. Подольская относит их к топонимам, А.М. Мезенко – к урбанонимам [Мезенко 1991], И.В. Бугаева – к агионимам.

2. В структурном отношении экклезионимы представляют собой поликомпонентные образования с материально выраженным географическим апеллятивом – церковь, храм, мечеть и т.п. Географический апеллятив может находиться в препозиции или постпозиции к проприальной части. Первый вариант характерен для официальных названий (*синагога в Быхове* (г. Быхов, Могилевская область)), *церковь Трех Святителей* (г. Могилев)). Второй является особенностью разговорного стиля (*Быховская синагога*, *Варваринский костел* (г. Витебск)).

Между проприальной частью и географическим апеллятивом устанавливаются разные отношения, основными из которых являются генитивные: географический апеллятив + имя существительное в родительном падеже. В экклезионимии, в отличие от урбанонимии и виконимии, превалирует сложный генитивный тип, при котором в проприальную часть входят имена прилагательные, другие имена существительные, имена числительные, местоимения: *храм во имя Святого Симеона* (г. Каменец, Брестская область), *храм в честь Сретения Господня* (г. Дрогичин, Брестская область), *часовня в честь Всех Святых* (д. Залюбичи, Брестская область).

Отсутствие лингвистических словарей экклезионимов приводит к вариативности их оформления, в том числе и орфографического: *храм во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца* (г. Несвиж, Минская область) – *храм в честь Святого Великомученика Георгия Победоносца – Храм во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца – храм во имя святого великомученика Георгия Победоносца – Георгиевский храм* и т.д.

Итак, христианская экклезионимия характеризуется многокомпонентностью, многочленностью наименований. В языковой системе представлены названия – сложные словосочетания с разными видами отношений между словами. Особенно это характерно для православной экклезионимии, в меньшей степени – для старообрядческой, греко-католической, католической. Наименования религиозных сооружений Беларуси отличает вариативность их оформления. Различаются официальные и неофициальные названия, имеющие свои особенности, типы, модели. В языковой системе преобладающим является сложный генитивный тип (до 90% названий) [Лукина 2014].

3. Семантическое своеобразие экклезионимов является следствием специфики семантики имен собственных в целом. Существуют различные точки зрения на соотношение имени собственного с понятием и значением: от отказа именам собственным в значении вообще (имена собственные – метки, служащие для отличия одного предмета от другого (Дж. Милль, К. Тогебю и др.)) до наличия у онимов значения, состоящего из двух частей: общего и индивидуального (В.А. Никонов, Ю.А. Карпенко, В.Д. Бондалетов).

Семантически экклезионимы представляют собой единство лингвистического содержания (понятия) и культурно-исторического фона. В состав лингвистической части значения наименований культовых сооружений входят мотивы наименования, специфика существования экклезионима в языке, его современное восприятие, история, этимология. Экстралингвистическая информация включает условия существования имени в обществе, культурно-исторические ассоциации, связанные с ним, степень известности объекта и его названия.

4. Важной функцией экклезионимной лексики является кумулятивная: наименования религиозных объектов выступают своеобразным хранилищем культуры народа. Значительное количество в православной экклезионимии Беларуси названий во имя Георгия Победоносца дает исследователю информацию об особой роли данных святых в жизни людей на упомянутой территории. Григорий Победоносец – покровитель земледельцев, а земледелие долгое время было основным занятием белорусов.

Особая роль Девы Марии в католическом вероучении нашла отражение в многочисленных наименованиях костелов в ее честь (*костел Рождества Марии Божией* (г. Пинск, Брестская область)), *костел Наисвятейшей Девы Марии Ружанцевой* (д. Пески, Гродненская область)).

5. Наименования религиозных объектов разных конфессий помимо общих черт имеют специфические особенности. Православная экклезионимия наиболее изучена. Официальные названия носят развернутый характер, многословны, что обусловлено их социальной функцией прославления святых, сохранения памяти о них и событиях религиозной жизни через наименования объектов культового назначения. Основными мотивами номинации православных культовых сооружений Беларуси являются следующие: посвящение святому, прославление праздника, выражение уважения иконе.

Католичество в Беларусь шло в основном через Польшу, поэтому экклезионимы – названия костелов – представляют собой зачастую перевод с польского, сохраняя особенности данного языка. Структурно католические экклезионимы также поликомпонентны, но проприальная часть содержит гораздо меньшее число элементов. На экклезионимной карте Беларуси представлены названия во имя святых, в честь Девы Марии, наименования в честь праздников и наименования в честь монашеских орденов: *костел Святого Михаила Архангела*, *костел Внебовзятия Пресвятой Девы Марии*, *костел иезуитов*.

Протестантские наименования характеризуются поликомпонентностью географического апеллятива, служащей для различения одного религиозного направления от другого: *церковь христиан полного евангелия*, *церковь евангельских христиан-баптистов*, *церковь христиан веры евангельской*. Проприальная часть представляет собой онимизированный апеллятив, взятый в кавычки: *«Возрождение»*, *«Восстановление»*.

Синагоги и мечети в экклезионимном пространстве Беларуси представлены адресными моделями: географический апеллятив + имя существительное в предложном падеже либо имя прилагательное + географический апеллятив (*мечеть в Слониме – Слонимская мечеть*).

6. Экклезионимы как наименования церковных объектов в содержательном аспекте включаются в сферу «религия», что находит выражение в лексическом составе имени. Практически все христианские экклезионимы характеризуются наличием слов религиозной семантики и религиозной сферы употребления – религионимов.

Географическое распространение экклезионимов Беларуси представлено в следующей таблице.

Экклезионимы, %	Бр. обл.	Вт. обл.	Гм. обл.	Гр. обл.	Мн. обл.	Мг. обл.
Православные	31	15	11	18	19	6
Старообрядческие	0	58	6	3	12	21
Католические	15	22	2	38	21	2
Греко-католические	21	21	7	15	29	7
Баптистские	28	15	10	8	26	13
Христиан веры евангельской	31	10	14	7	31	7
Христиан полного Евангелия	15	9	21	11	40	4
Иудаистские	17	17	17	3	22	20
Мусульманские	0	12	0	50	38	0
Всего	27	15	10	18	23	7

Концентрация наименований культовых сооружений преимущественно в западной Беларуси (две трети названий) объясняется экстралингвистическими факторами: современное общество характеризуется открытостью границ, в том числе и религиозных, что способствует проникновению огромного количества различных течений из Европы и Америки [Лукина 2014: 89].

Таким образом, экклезионимы – особый вид внутригородских / внутрисельских названий, имеющий структурное и семантическое своеобразие, выделяющие данный класс онимов в особый класс онимных единиц со своим объектов изучения, методологией.

Литература и источники

Аринина Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2008. 19 с.

Лукина О.А. Экклезионимное пространство Беларуси: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. 110 с.

Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии. Минск: Университетское, 1991. 167 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А.А. Реформатский. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 368 с.

O.A. Lukina
(Mogilev, Belarus)

SPECIFICITY OF ECCLESIONYMS AS SPECIAL ONYMIC UNITS (ON THE MATERIAL OF NAMES OF CULTURAL CONSTRUCTIONS OF BELARUS)

Names of religious objects that have received a terminological definition of ecclesionyms represent a specific type of onyms with a multicomponent structure, characterized by variability of design, the presence of religious vocabulary in their composition, special stylistic coloring, their special principles of nomination.

Key words: onym, ecclesionym, urbanonym, nomination, polycomponent structure, variability.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.447 ***Н.М. Мухаметгареева, Е.А Яковлева***
(Уфа, Россия)

«ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ИМЕНИ СОБСТВЕННОМ»: НАЗВАНИЕ КАРТИНЫ С ТОПОНИМИЧЕСКИМ ЭЛЕМЕНТОМ

В данной статье на материале артионимов (названий полотен французских импрессионистов) рассматриваются сложные по форме словесные конструкции, содержащие в своем составе ойконимы, топонимы, урбанонимы и другие имена собственные. В рамках лингвокультурологии данный факт является весьма значимым и позволяет задействовать подобные языковые единицы в учебном процессе, в частности, при преподавании страноведения Франции: ее языка, географии, истории и культуры.

Ключевые слова: французский язык, перевод, артионим, топоним, ойконим, урбаноним, гидроним, страноведение, лингвокультурология.

Как известно, одним из отличительных признаков имени собственного является отсутствие у него лексического значения, ибо имена собственные «называют индивидуальные предметы, входящие в класс однородных, однако сами по себе не несут какого-либо специального указания на этот класс» [Русская грамматика 1980, I: 460], т.е. они соотносятся с референтом, а не с денотатом.

Общая теория имен собственных в русском языкознании сформировалась научными усилиями В.А. Никонова, А.В. Суперанской, В.И. Супруна и др. В то же время специальных исследований, посвященных артионимам, пока еще недостаточно. По

определению Н.В. Подольской, артионим – это «имя собственное (название) произведения изобразительного искусства (живописи, графики, пластики)» [Подольская 1988: 38].

Являясь элементами языковой системы, артионимы часто представляют собой сложное «непереводимое» единство: *Pierre-Auguste Renoir, Giverny, Sainte-Adresse, le pont de Trinquetaille*, которое является «носителем информации высокой ценности» [Лотман 1992: 15].

В настоящей статье мы обратились к анализу группы названий картин французских импрессионистов, которые включают в свой состав еще одно имя собственное, обозначающее географический объект (гидроним, ойконим, ороним, спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, агроним, дримоним) [Подольская 1988: 135].

В принципе в истории науки прослеживается связь географии и искусства. А описаниями дальних стран публика зачитывалась как лучшими художественными произведениями. Н.В. Гоголь в «Мыслях о географии» (1829 г.) призывал географов более умело извлекать материал из описания путешествий так, чтобы он не обременял память читателя, а представлялся ему светло нарисованной картиной. К таким картинам можно, к примеру, отнести «*В Крымских горах*» Исаака Левитана, «*Гималаи (Голубые горы)*» Николая Рериха, «*Север*» Аполлинария Васнецова.

В этом плане показательны картины импрессионистов, полотна которых, особенно пейзажная живопись, знакомят с географией Франции и учат понимать красоту. Помимо пейзажей, на картинах художники часто изображали городские достопримечательности, театры, парки, соборы и дворцы, уютные уголки поместий и т.п., связанные с ее историей, географией и культурой: *«Заснеженный сад в Лувесьене» – «Le jardin* à *Louveciennes dans la neige»* (А. Сислей), *«Мост в Море» – «Le pont de Moret»* (А. Сислей), *«Наводнение в Пор-Марли» – «L'inondation à Port-Marly»* (А. Сислей), *«Сбор урожая в Провансе» – «La récolte en Provence»* (В. Ван Гог), *«Главная дорога в Живерни» – «L'avenue de Giverny»* (К. Моне). Таким образом, названия подобных картин оказались своеобразными «метками» географической карты, которая может дать зрителю очень много в плане его знакомства с географией, историей и культурой Франции.

Однако здесь следует отметить, что при переводах подобных артионимов возникают определенные сложности. Возьмем для примера название известной картины Левитана «*Владимирка*». На ней изображен не просто Владимирский тракт. Это дорога, по которой отправляли в Сибирь сосланных на каторгу заключённых. Владимирка, как его называли в просторечии, в прошлом ассоциировалась у людей с длительной разлукой, со страданиями, болью и даже смертью. В данном случае артионим выполняет не просто номинативную функцию реального объекта (дороги, тракта), а называет предмет искусства, посредством которого художник выразил

свое видение мира, эмоции и переживания. Явно, что простая транслитерация на другие языки не смогла бы передать подтекст гениального творения мастера. Здесь требуется привлечения лингвокультурной составляющей, с помощью которой только и можно сформировать глубинный смысл шедевра.

Рассуждая о выбранных нами артионимах импрессионистов, отметим, что топонимикон Франции очень многообразен по своему составу, так как на территории этой страны уживаются географические названия различного происхождения (французского, галльского, романского, германского). Имена населенных пунктов – ойконимы – являются одним их важнейших и наиболее употребляемых разрядов именований объектов топонимического пространства.

Мы обратили внимание, что самое большое количество артионимических конструкций содержат ойконимы («собственное имя любого поселения» [Подольская 1988: 93]): *«Зимняя дорога в Лувесьене» – «La route à Louveciennes», «Наводнение в Пор-Марли» – «L'inondation à Port-Marly», «Мост Тринктай» – «Le pont de Trinquetaille», «Аржантёй» – «Argenteuil», «Деревья в цвету. Памяти Мауве» – «Pêchers en fleurs. "Souvenir de Mauve"», «Терраса в Сент-Адресс» – «Terrasse à Sainte-Adresse», «Сена в Аржантёе» – «La Seine à Argenteuil», «Осень. Берег Сены вблизи Буживаля» – «L'automne, bord de Seine près de Bougival», «Дорога из Версаля» – «Le chemin de Versailles», «Дорога в Шантильи» – «Avenue à Chantilly»* и пр.

Ойконимы являются самыми употребляемыми единицами и в составе артионимических конструкций, и это логично, так как художники-импрессионисты изображали городскую и сельскую жизнь французов XIX века, отражающую национальные особенности. Но именно эти особенности и сближают, заинтересовывают людей других национальностей, а не изымают из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе.

Вторым по количеству топонимов в составе артионима являются урбанонимы – «названия любого внутригородского топографического объекта» [Подольская 1988: 139]: *«Бал в Мулен де ля Галет» – «Le Moulin de la Galette»* (О. Ренуар), *«Мост Ватерлоо. Эффект тумана» – «Le pont de Waterloo. Effet de brouillard»* (К. Моне), *«Бар в Фоли-Бержер» –* «*Un bar aux Folies-Bergère»* (Э. Мане), «Площадь Сен-Жорж» – «La place Saint-Georges» (Э. Мане), «Площадь Клиши» – «La place Clichy» (Э. Мане), *«Терраса в Сент-Адресс» – «Terrasse à Sainte-Adresse»* (К. Моне), *«Площадь Сен-Марко, Венеция» – «La Place Saint-Marc, Venise»* (Э. Мане), *«Всадники в Булонском лесу» – «Allée cavalière au bois de Boulogne»* (О. Ренуар), «La gare Saint-Lazare» – «Вокзал Сен-Лазар» (К. Моне), *«В Люксембургском саду» – «Au jardin du Luxembourg»* (О. Ренуар) и пр.

Город, динамика его жизни, общественные заведения – являются главной темой в работах импрессионистов, этот интерес, конечно же, отразился и на полотнах, и

в названиях картин великих художников. Так как ономастическое пространство и его наполнение в разных языковых картинах мира свое, как мы уже говорили, при переводе название картины проходит сложный круг как культурной, так и языковой адаптации и может отличаться от предложенного начального варианта.

Как аналог Левитановой «*Владимирки*» приведем в пример артионим известной картины Э. Дега *«L'orchestre de l'Opéra».* В русских искусствоведческих каталогах, книгах и интернет-сайтах мы встретили три названия данного художественного полотна: *«Оркестр Оперы»*, *«Оркестранты оперы», «Оркестр парижской оперы»*

Если обратиться к французскому названию данной картины, то дословно ее можно перевести следующим образом: *l'orchestre* – ‘оркестр’; *l'opéra* – ‘опера, оперный театр, музыкальный театр’ [Мультитран: онлайн] *«Оркестр в Опере»*. Но следует заметить, что существительное *l'Opéra* начинается с заглавной буквы, из этого сделаем вывод, что перед нами урбаноним *Опера,* который сокращенно называет Парижскую национальную оперу (Opéra de Paris).

Русские номинации данной работы вызвали у нас особый интерес. Подробно проанализируем каждое название – *«Оркестр Оперы»* – буквальный перевод артионима, где урбаноним *Опера* употреблен с большой буквы, это означает, что переводчик был очень внимательным и прекрасно знал и понимал, что речь идет о знаменитом парижском театре.

Второе название картины *«Оркестранты оперы»,* где *оркестрант* – это «музыкант, играющий в оркестре» [Ожегов: онлайн]. Существительное женского рода *опера* обозначает: 3) оперный театр [Ефремова: онлайн]. Анализируемый артионим можно истолковать как «*музыканты в оперном театре».* И действительно, на картине изображены музыканты во время спектакля, играющие на своих инструментах. Следует сделать вывод, что данное название было переведено исходя из личных впечатлений переводчика, который не обратил внимания на имя собственное в составе артионима.

Наконец, обращает на себя внимание полное название парижского театра в номинации *«Оркестр Парижской оперы*», поэтому можно предположить, что данный артионим был образован для искусствоведческих каталогов. Таким образом, задача переводчика заключается в том, чтобы довести до реципиента не только языковые и фоновые знания, но и передать информацию о чужой культуре, уникальное видение мира, посредством языка, поэтому зачастую при неточном переводе определенный компонент может потерять свое истинное значение, как в нашем случае.

Художники-импрессионисты часто изображали на своих полотнах также реки и водоемы (гидронимы «собственное имя любого водного объекта, природного или созданного человеком» [Подольская 1988: 46]), которые являются самой неизменяемой и консервативной группой топонимов [Schmid 1981: 3]. Именно поэтому гидронимы,

эти «ранние свидетели истории человечества» [Krahe 1954: 46], вызывают интерес не только с искусствоведческой, но и с лингвистической и географической стороны. Правда, отметим, что в названиях импрессионистов нам встретился небольшой перечень таковых: *«Сена в Аржантее» – «La Seine à Argenteuil»* (О. Ренуар), *«Сена в Аржантее» – «La Seine à Argenteuil»* (А. Сислей)*, «В лодке на Сене» – «La yole, bord de Seine»* (О. Ренуар), *«Залив Эстак» – «L'Estaque»* (П. Сезанн), *«Осень. Берег Сены вблизи Буживаля» – «L'automne, bord de Seine près de Bougival»* (А. Сислей) и пр.

Итак, художник субъективен, географ – объективен, а лингвист любопытен. Но цель ученых – «выжать» как можно больше информации из произведения искусства, которое представляет ценность не только как таковое, но и с позиции историка, географа, культуролога, лингвиста.

Литература и источники

Ефремова: онлайн – *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь // Режим доступа (свободный). URL: https://gufo.me/dict/efremova [Дата обращения: 17.06.2017].

Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн: Александра, 1992. 478 с.

Мультитран: онлайн – Мультитран: словарь [Электронный ресурс] // Режим доступа (свободный). URL: www.multitran.ru [Дата обращения: 17.06.2017].

Николаева Т.М. Имена собственные в русской культуре и литературе (к вопросу об эволюции культурных коннотаций) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: в 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 34–38.

Ожегов: онлайн – *Ожегов С.И.* Толковый словарь // Режим доступа (свободный). URL: https://gufo.me/dict/ozhegov [Дата обращения: 17.06.2017].

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. Ин-т языкознания АН СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика / Н.Ю. Шведова. В 2-х т. Т. I. М.: Наука, 1980. 789 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.

Krahe H. Unsere ältesten Flußnamen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1964. 123 s.

Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Berlin: Volk und Wesen, 1972. 344 s.

N.M. Mukhametgareeva*, *E.A. Yakovleva
(Ufa, Russia)

“THE PROPER NAME WITHIN THE PROPER NAME”: THE TITLE OF A PICTURE WITH A TOPONYMIC ELEMENT

In this article, artionyms (names of French impressionists’ paintings) as the complex verbal constructions containing oikonyms, toponyms, urbanonyms, and other proper names are analyzed. Within the framework of linguoculturology, this fact is very significant and allows the use such

linguistic units in the educational process of teaching French country studies: its language, geography, history and culture.

Key words: artionym, toponym, oikonym, urbanonym, hydronym, linguoculturology.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.452

Т.П. Романова
(Самара, Россия)

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ САМАРСКИХ ИВЕНТОНИМОВ

В статье анализируются рекламные собственные имена специальных событий (ивентов) на территории Самарской области как прагматически маркированные тексты, в которых выявляются семантические компоненты, оказывающие целенаправленное воздействие на сознание целевой аудитории, в том числе бренд-идентификаторы территории.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, ивентоним, аттрактивные компоненты, бренд-идентификаторы территории.

К числу периферийных разрядов российской ономастики, получивших в последние десятилетия статус наиболее востребованных и в связи с этим активно развивающихся, относятся собственные имена массовых мероприятий и специальных событий (ивентов): *Молодежный форум «iВолга»; Проект SNOWKITERUSSIA фестиваль активного отдыха «Жигулевское море – 2018»; Этно-исторический фестиваль «Битва Тимура и Тохтамыша»; Танцевальный флешмоб «Я танцую по Самаре.*

Для обозначения собственного имени ивента целесообразно использовать специальный термин – ***ивентоним***, созданный по аналогии с термином ***эвентоним*** (от лат. *eventus* ‘событие’, ‘случай’ и греч. *onyma, onoma* ‘имя’), предложенным П.Н. Донцом для собственных имен событий в широком смысле слова [Donec 2002: 36–38]. Ивентоним как собственное имя специального события выделяется в пространстве эвентонимического поля – собственных имен различных событий: исторических, политических, спортивных, экономических, культурных, военных и др.

Ивентоним, выполняющий функцию репрезентации конкретного мероприятия, отличает прагматическая направленность на продвижение его как услуги определенной целевой аудитории. Рекламную функцию ивентонимы выполняют за счет информативных, аттрактивных и суггестивных компонентов, экспрессивности и эмоциональности стилистической окраски. Они имеют специфическую структуру, характерную также для других периферийных ономастических разрядов. Их прозрачная

внутренняя форма используется для точного описания характеристик продвигаемого события и эмоционально яркого выражения его концепции: *Открытый всероссийский фестиваль документальных фильмов «Соль земли».*

Большая часть ивентонимов представляет собой крайне насыщенные информацией развернутые описательные конструкции, либо включают объемный дескриптор, подробно описывающий тип мероприятия, его статус, место и время проведения, целевую аудиторию и ее ценности: *Международный фестиваль национальных кукольных театров; Международный фестиваль самопознания и гармонии «Протока» на фестивальной Грушинской поляне.* На выполнении рекламной функции специализируется эмоционально-образный идентификатор, который выполняет ее за счет строго отобранной информации и креативной формы, позволяющей создавать определенное настроение и привлекать адресата: *«JAZZ-весна в Самаре-2017»; «Волга. Возвращение к истокам», «Именины Жигулевских гор»*; *«Котмонавт»* (гик-фестиваль косплея), *«Научный пикник», «Snow Dogs 2017»* (мотослет), *«Театромагия», «Мишка в стране чудес – 2018», «Звезды будущего».*

Яркой особенностью ивентонимов является их связь с языком рекламы. Они подвержены глобальному влиянию маркетингового дискурса. Ивентонимы не только включаются в рекламные контексты, но и являются ключевыми словами в составе публицистических материалов. От эффективности их коммуникативных характеристик зависит успех кампании и приращение коммуникационного капитала бренда.

В связи с этим интересно проанализировать семантику ивентонимов в аспекте заключенного в них коммерческого послания – актуальной для адресата информации.

Основу семантической структуры коммерческого послания составляет **денотативный компонент**, обеспечивающий связь с конкретным объектом номинации. Стержневым словом является видовое обозначение типа мероприятия, которое также играет роль аттрактора: *биеннале, воркшоп, выставка, конкурс, конференция, марафон, мотослет, проект, спартакиада, фестиваль, фестиваль-конкурс, шоу-программа, флешмоб, форум, ярмарка* и т.д. К нему присоединяются разные уточняющие характеристики.

Обозначение статуса ивента служит показателем уровня престижности: *международный, всероссийский, межрегиональный, муниципальный, межмуниципальный, областной, губернский, городской, региональный* и т.д.

Обозначение места проведения также играет не чисто информативную роль, но и работает на привлечение внимания адресата: *Межмуниципальный фестиваль рок-музыки “**Рок над степью**”»; Межмуниципальный «Фестиваль сыра в **Рождествено**»; Межрегиональный фестиваль набережных «**ВолгаФест**».*

Указание на время проведения существенно для характеристики рабочих качеств мероприятия и привлекает определенного адресата: *IV **осенний** фестиваль*

активного отдыха и спорта с ездовыми собаками «TOGLIATTI DRYLAND FEST»; ***Летний*** *фестиваль ветра, парусов и свободы "Жигулёвское море. Лето – 2018";* ***Весенний*** *фестиваль оперного искусства.*

Регулярность проведения события демонстрирует его высокий уровень и отмечается включением временных или порядковых показателей: ***Ежегодный*** *международный фестиваль электронной музыки и экстремального спорта «GES Fest»; Гастрономический фестиваль «Жигулевская вишня –* ***2018****»;* ***XVII Традиционный*** *международный тольяттинский Фестиваль Друзей Битлз; Выставка лауреатов и дипломантов* ***XXIII*** *Всероссийского конкурса молодых дарований по изобразительному искусству «Жигулевская палитра».* Серийный номер мероприятия не только служит для идентификации ивентов с общим названием, но также способствует формированию положительного имиджа мероприятия, успешно пребывающего на рынке потребительских услуг длительное время. Чем больше цифра, тем солиднее ивент.

Слова, обозначающие тематику мероприятия, являются ценностными ориентирами потребителя: ***Гастрономический*** *фестиваль «****Рыба-раки****»;* ***Экологический*** *марафон «Самарская Лука»;* ***Экстремальный*** *марафон «Хрящевка* ***Challenge****»;* ***Архитектурно-театральный*** *фестиваль «****Арх****-гастроли»; Межмуниципальный* ***игровой этнографический*** *фестиваль «Волжские забавы»;* ***Историко-патриотический*** *фестиваль «Ожившие страницы истории», посвященный 98-й годовщине КОМУЧа.*

Роль аттракторов играют слова, называющие демографические параметры адресата: *XIII Межрегиональный фестиваль-конкурс* ***детского и юношеского*** *творчества «Маэстро марш»; Городской фестиваль* ***семейного*** *музицирования «Мама, папа, я – музыкальная семья»;*

– профессию: *Фестиваль* ***фотохудожников*** *«Остановись, мгновенье»; Межрегиональный фестиваль* ***виноградарей-любителей*** *«Степная лоза»; Воркшоп по бесконфликной реновации городской среды* ***для архитекторов, социологов, юристов и экономистов*** *«Самара – открытый город»;*

– интересы и ценностные ориентиры: *Всероссийский* ***театральный*** *фестиваль «По-Мост: Провинциальные театры России»; выставка* ***яхт и катеров*** *«Жигулевский водный базар»; ежегодное мероприятие «Фестиваль* ***цветов****»; фестиваль «Самарская* ***литературная*** *биеннале»; фестиваль* ***поэзии*** *«Жигулевская весна»;* ***Книжный*** *фестиваль «Волга****Бук****Фест»; фестиваль* ***фантастики и фэнтези*** *«Толкон»; Самарский фестиваль* ***языков****; Международный фестиваль* ***искусств*** *«Самарская осень – 2018»; Региональный фестиваль* ***авиационных, технических и военно-прикладных видов спорта****.*

Кроме конкретных характеристик события, ивентонимы содержат **коннотативный региональный компонент**, который косвенно работает на процесс геобрендинга. Его обеспечивают включенные в ивентонимы бренд-идентификаторы территории

(БИТ): *Экспедиция «**Жигулевская** кругосветка на собачьих упряжках **Volga** Quest»*. В рассмотренном материале мы обнаружили следующие типы БИТ-компонентов:

– топонимы самарского края (48): *Волга, волжский, поволжский, Поволжье (17); Самара, самарский (8); Самарская Лука (2); Жигулевский (8); Тольятти, толяттинский (4) Ставрополь, ставропольский (2); Рождествено, Троицкий; Сызранский; Хрящевка, Чапаевский, Ширяевкий,* например: *Международный фестиваль духовых оркестров «Серебряные трубы **Поволжья**»; Фестиваль моды и театрального костюма «**Поволжские** сезоны Александра Васильева»; Международный фестиваль современного искусства «**Ширяевская** биеннале»;*

– мемориальные антропонимы (10): *Всероссийский фестиваль авторской песни имени **Валерия Грушина**; Фестиваль классического балета имени **Аллы Шелест**; Межрегиональный фестиваль имени **А.Н. Толстого** «Время театра»; Фестиваль песен **Владимира Высоцкого** «Волга песни слышала...»;*

– знаковые символы (14), в том числе природные: *Спортивный фестиваль **«Золотые пески»**; гастрономический фестиваль «**Рыба моя**»; Городской фестиваль воздушных змеев **«Повелители ветра»**;*

– производственные: *Фестиваль внедорожников «**NIVA**FEST – 2017»; Детский фестиваль гандбола и карнавальное шествие, посвященные **50-летию АВТОВАЗА и выпуску первого автомобиля***;

– культурные: *Самарский проект «**Модерн** в облаках»; Международный музыкальный фестиваль «Мир **бардов** 2017»;*

– исторические: *Фестиваль духовых оркестров «**На сопках Манчжурии**»*.

Функцию геобрендирования выполняют также названия широко известных культурных мероприятий, проведение которых тесно связано с нашим городом: *Международный фестиваль уличного театра и современного искусства «Пластилиновый дождь»; Международный конкурс-фестиваль «Виват, Баян!», Фестиваль-лаборатория театров для детей «Золотая репка».* Необычный *фестиваль восстановления городской среды «Том Сойер Фест»,* зародившийся в Самаре, уже вышел далеко за её пределы.

Особо стоит отметить номинацию *Губернский фестиваль самодеятельного народного творчества «Рожденные в сердце России»*, в которой отражается символический образ, представленный также в туристическом логотипе Самарской области: зеленое сердце Жигулей, разделенное голубой излучины Волги. Этот образ возник как визуальная метафора на основании переосмысления картографических очертаний Самарской области.

Анализ самарской ивентонимии (около 150 единиц) показал, что 54,9% номинаций содержат БИТ-компоненты, которые выполняют функцию эмоционально-экспрессивных аттракторов адресата и одновременно рисуют привлекательный образ

Самарского края. Коммуникативные возможности таких ивентонимов можно эффективно использовать в процессе геобрендинговой коммуникации и целенаправленно создавать подобные номинации, которые становясь носителями имиджевых характеристик региона, вносят определенный вклад в формирование бренда территории.

Литература и источники

Donec P.N. Zum Begriff des Eventonyms // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch der GUS, 2002. P. 35–41.

T.P. Romanova
(Samara, Russia)

COMMUNICATIVE POTENTIAL OF THE SAMARA EVENT NAMES

The article analyzes proper names advertising special events on the territory of the Samara region, as a pragmatically marked texts in which the identified semantic components that have a meaningful impact on the minds of the target audience, including brand identifiers of the territory.

Key words: advertising communication, event name, attractive components, brand identifiers of the territory.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.461

Т.П. Соколова
(Москва, Россия)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ГОРОДСКИХ ВЫВЕСОК

На основе анализа регламентации информационных конструкций в рамках дизайн-кода города обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к исследованию современных городских вывесок как мультимодальных медиасообщений, подчеркивается необходимость лингвистического анализа вывесок как поликодовых урбанонимов.

Ключевые слова: дизайн-код, поликодовый урбаноним, креолизованный урбаноним, нейминговая экспертиза.

Начало активному изучению городских вывесок в отечественной лингвистике положила статья Б.З. Букчиной и Г.А. Золотовой «Слово на вывеске», опубликованная в 1968 г. в журнале «Русская речь». Само понятие *вывеска* не изменилось: это по-прежнему «посредник между учреждением и человеком» [Букчина, Золотова 1968: 49],

однако как речевой феномен вывеска включается современными учеными в разные парадигмы (текстоцентричную, коммуникативную, культурологическую, когнитивную, дискурсивную, семиотическую и др.) и, соответственно, интерпретируется как особый жанр текста, как речевой акт, как реализация культурного кода, как аксиологическая структура, как городская номинативная единица, как рекламное имя, как семиотический комплекс и пр., в результате вывеска описывается в русле заданных определенным подходом параметров.

Однако современная городская вывеска представляет собой мультимодальное медиасообщение, в котором сочетаются разные коды: словесный, шрифтовой, рисуночный, колористический, геометрический, гештальт-код (которые часто поясняются или обыгрываются в метаязыковом высказывании на сайте предприятия). Поэтому вывеска рассматривается нами как структурообразующий элемент урбанистического дизайна [Sokolova 2018], а исследование вывесок в прикладном аспекте урбанистики требует междисциплинарного подхода.

Задача современного дизайна – структурировать городское пространство так, чтобы оно было адаптировано к интересам человека [Смолицкая 2012], отвечало требованиям гуманности и гармоничности, креативности и коммуникативности [Бауэр, Шабатура 2013]. К выделенным Т.В. Митрохиной [2014] технологическому, экологическому, эргономическому и философскому аспектам изучения дизайна городской среды необходимо добавить ещё три важнейших для дизайна городских вывесок аспекта – лингвистический, юридический и эстетический.

Лингвистический аспект представлен исследованиями М.В. Голомидовой, Т.В. Шмелевой, И.В. Крюковой, О.В. Врублевской, Р.В. Разумова, О.С. Иссерс, Е.Н. Ремчуковой, Л.Р. Замалетдиновой, Н.В. Михайлюковой [2018] и др. Подчеркнем, что мы в лингвистическом аспекте рассматриваем вывеску как креолизованный или поликодовый урбаноним, в котором вербальный компонент уточняется, проясняется, корректируется невербальными, в то время как архитекторы и дизайнеры ограничиваются анализом графической (в том числе графемной) составляющей вывески как городской информационной структуры. Например, В.Ф. Ерошкин [2008], исследуя роль пиктографики в визуальном пространстве современного города, определяет основные средства художественного и графического языка пиктограмм, но не производит интегративного анализа поликодовости городского дизайна.

Критика дизайна городской среды связана прежде всего с нарушением исторического облика города, когда большие яркие и часто безвкусные вывески перекрывают элементы архитектурного декора; кроме того, во многих городах отмечается визуальная перегруженность фасадов домов: большое количество разноцветных, разноформатных, разностилевых вывесок и рекламных щитов становится не аттрактивным, а сбивающим фактором. Всё это привело специалистов к необходимости

разработки дизайн-кода, который представляет собой систему правил, требований и ограничений для формирования, поддержания и развития целостной архитектурно-художественной городской среды, включая внешние поверхности зданий, строений и сооружений, городской ландшафт, элементы благоустройства, навигации, информации и рекламы. Такие нормы, разработанные для Москвы, Саратова, Ижевска, Калининграда, Владивостока и других городов, не затрагивают содержательную сторону вывесок, нередко противоречат законодательству РФ, ограничивают права предпринимателей, наносят ущерб их бизнесу. Для создания гармоничной городской среды и преодоления конфликтных ситуаций, на наш взгляд, целесообразно выделить в дизайн-коде города *дизайн-код вывесок*, регламентирующий не только их размеры, расположение, цветовое решение, но и содержание. Дисгармонию в городскую среду вносят не только аляповатые, уродующие исторические фасады зданий щиты и баннеры, но и многочисленные стилистически сниженные наименования («*Черт Побери!», «Бухни!», «Кайф», «Пивняшка», «Базара нет», «В стельку!», «МАМ Я В ХЛАМ», «ёмаё»*), уродливые неологизмы *(«Бухенхауз», «Маникюрня»)* и графодериваты (*«БарDuck», «BARak O'MAMA»*).

В соответствии с правилами, утвержденными региональными нормативными правовыми актами, владелец предприятия представляет проект вывески – информационной конструкции – вписанной в городской ландшафт. Мониторинг деятельности комиссий, дающих разрешение на размещение вывесок, в разных городах РФ показывает, что в их составе есть архитекторы, дизайнеры, градостроители, представители городской администрации, рекламных агентств, экономисты, маркетологи, однако нет лингвистов, ибо лингвистические аспекты если и затрагиваются в дизайн-коде, то только в отношении размера и вида букв на вывеске, в то время как содержание названия и соответствие языковой норме никак не регламентируется. Поэтому на вывесках появляются конфликтогенные названия, что приводит к судебным и внесудебным разбирательствам ввиду нарушения норм гуманности и морали, оскорбления чувств верующих, нарушения антимонопольного законодательства и пр. В таких случаях проводится нейминговая экспертиза – процессуально регламентированное лингвистическое исследование наименования как речевого продукта, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний [Соколова, 2016: 32].

Например, дизайн-код Калининграда [2018] рекомендует образец вывески «*I WIN»*, где слова разделены эмотиконом-жестом Yes (Да), однако оправданно ли использование латиницы? Насколько такая вывеска соответствует эстетическим критериям? Вместе с тем вывеска «*Coyote Ugly*» позиционируется как недопустимая, в то время как это официально зарегистрированный товарный знак, а значит, и начертание букв, и цветовое оформление наименования охраняется законом. Последний пример показывает, что в комиссию должны входить эксперты в области

нейминговой экспертизы, обладающие специальными знаниями как в лингвистике (в том числе в ономастике), так и в юриспруденции (в том числе в патентном праве и судебной экспертологии).

Правила благоустройства территорий Владивостокского округа [Правила 2017] направлены на сохранение самобытности исторического облика города, однако и в этом документе не уделяется внимания содержательной составляющей вывесок. Хотя в пункте 2.6.2. сформулированы требования соответствия эстетических характеристик вывесок стилистике объекта, на котором они размещаются, но эстетическая составляющая относится только к внешнему облику вывески. Между тем эстетика слова не менее важна, чем эстетика архитектуры, графики и колористики, о чем свидетельствуют примеры спорных урбанонимов Владивостока: «*КартоFUN*» (бистро), «*Экстраваганza*» (салон красоты), *«О@зис», «Iзют»*, «*Matrëshka*» (кафе), *«ЭттиДетти», «Одежрель», «Русская потата», «Тканиссимо»* (магазины), «*Тюнингоф*» (автосалон). Вместе с тем чрезмерное ужесточение графического регламента вывесок (запрет на фотографии, графические изображения людей, животных, техники, одежды и др.) ущемляет права предпринимателей, так как исключает возможность использования поликодовых вывесок. Не удивительно, что данный запрет повсеместно нарушается, например, рисунки сопровождает словесный элемент на вывесках анти-кафе «*Третье место*», чайхоны «*ХЛОПО*К», бара «*DUBLIN IRISH PUB*» (на вывеске изображены рыцарские щиты в орнаменте клеверных трилистников и волынка), ресторана «*Восточная жемчужина*» (рисунок жемчужины в восточном орнаменте) и мн. др. Креативное сочетание изобразительного и буквенного кодов на вывеске обеспечивает индивидуализацию коммерческого урбанонима, что может обосновать нейминговая экспертиза на стадии утверждения проекта вывески.

Таким образом, для гармонизации урбанистического пространства необходимо включить в дизайн-код вывесок лингвистические параметры номинации городских объектов, а также ввести экспертов-лингвистов в комиссии по проверке дизайн-проектов вывесок предприятий и учреждений.

Литература и источники

Бауэр Н.В., Шабатура Л.Н. Культура формирования устойчивой городской среды // Международный научно-исследовательский журнал. Выпуск Август 2013 // Режим доступа (свободный). URL: https://research-journal.org/ category/2013/august2013/) [Дата обращения: 11.12.2018].

Букчина Б.З., Золотова Г.А. Слово на вывеске // Русская речь. 1968. № 3. С. 49–56.

Дизайн-код Калининграда. Общие правила размещения и оформления вывесок. Версия от 11.04.2018. Официальный сайт администрации городского округа «Город Калининград» // Режим доступа (свободный). URL: https://www.klgd.ru/construction1/architecture/dizayn_kod.php [Дата обращения: 15.03.2019].

Ерошкин В.Ф. Изобразительные и выразительные средства графики. Омск: ОГИС, 2008. 208 с.

Митрохина Т.В. Дизайн в социокультурном пространстве города // Территория новых возможностей. 2014. №2 (25) // Режим доступа (свободный). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dizayn-v-sotsiokulturnom-prostranstve-goroda [Дата обращения: 11.12.2018].

Михайлюкова Н.В. Малые письменные жанры в городской коммуникации как отражение лингвокреативности горожан // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. Вып. 6. С. 102–108.

Правила 2017 – Правила благоустройства территорий Владивостокского и Артемовского городских округов, поселений, входящих в состав Надеждинского и Шкотовского муниципальных районов Приморского края (с изменениями на 31 октября 2017 года) // Режим доступа (свободный). URL: http://docs.cntd.ru/document/438963773 [Дата обращения: 11.12.2018].

Смолицкая Т.А., Король Т.О., Голубева Е.И. Городской культурный ландшафт: Традиции и современные тенденции развития / Под ред. Т.А. Смолицкой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 272 с.

Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

Sokolova T. Urban Signage Design: Problems and Prospects // 2018 IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 463 042002 // Режим доступа (свободный). URL: https://doi.org/10.1088/1757-899X/463/4/042002 [Дата обращения: 01.02.2019].

T.P. Sokolova
(Moscow, Russia)

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO RESEARCH OF URBAN SIGNS

Based on the analysis of the regulation of information structures within the city design code, the need for an interdisciplinary approach to the study of modern urban signs as multimodal media messages is substantiated. The necessity of linguistic analysis of signs as polycode urban names is shown.

Key words: city design code, polycode urban name, creolized urbanonym, naming examination.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.461

В.И. Семенова
(*Иркутск, Россия*)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БУРЯТСКИХ ГЕНОНИМОВ

В статье говорится о генонимах бурят, проживающих в Иркутской области. Западные буряты были и остаются приверженцами шаманизма, поэтому знание своей родовой принадлежности, знание родословной для них актуально и сегодня. Изучение онимической лексики этого разряда позволяет выявить этноисторическую, этнокультурную информацию о прошлом бурятского народа, определить национальные ценности, ориентиры, символы, связанные с данным онимическим полем.

Ключевые слова: генонимы в ономастическом пространстве бурят, лингвокультурная информативность генонимов

Родовые названия бурят являются уникальным ономастическим материалом. По словам Р.Г. Жамсарановой «презентация этнокультурной информации, заключенной в семантическом поле онима, способствует извлечению и этноисторической информации, <...> может служить своего рода языковым кодом, дешифровка которого явится ключом для проникновения в ментальное пространство кочевника, … позволит выявить основные мотивы и принципы номинации свода этнонимно-генонимных имен» [Жамсаранова 2011: 4]. В языке не просто отражается мир и культура человека. Важнейшая функция языка заключается в том, чтобы хранить и передавать культуру из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет значительную роль в формировании личности и национального характера, этнической общности Языковая картина мира непременно содержит национальное восприятие действительности, зафиксированное в языке. Национальный характер подразумевает «обобщение типичных черт в масштабе целого народа» [Тер-Минасова 2000: 136–147]. Следовательно, выделение общеязыковой, национальной, и индивидуально-авторской картин мира, обусловленных особенностями национального менталитета и индивидуальными личностными особенностями носителя культуры и языка, вполне оправдано.

Исторически сложившаяся родовая форма жизни бурят обусловила значимость понятия «род» и реальность противопоставленности понятий «мой род – чужой род». В основе ее лежат межгрупповые отношения, особенности которых первоначально находятся в зависимости от ряда этногенетических, природных и социально-психологических факторов, объединяющих людей по виду их совместной деятельности. Б.Э. Петри писал: «Каждый род живет совершенно отдельно в своем собственном улусе и кочует самостоятельно, каждый род имеет своего «старшего в роде»,

отдельную религиозную касту, своих собственных богов-покровителей, которые не почитаются их территориальными родственниками. Тайлага каждый род справляет самостоятельно» [Петри 1924: 18–19]. Родовые и межродовые отношения затрагивали и религиозные, и семейно-брачные взаимоотношения.

Исконная территория расселения бурят, расположенная на стыке сибирской тайги и центрально-азиатских степей, с давних пор находилась в центре важных этнических и политических событий в регионе. Она постоянно входила в составы последовательно сменяющихся государственных образований хунну, сяньби, жужаней, орхонских тюрков, уйгуров, енисейских киргызов, киданей, монголов. Данные топонимии региона также свидетельствуют о наличии географических названий различного языкового происхождения: палеоазиатского, эвенкийского, самодийского, тюркского, монгольского, бурятского и русского [Мельхеев 1995: 9–61; Шулунова 1995: 56–60]. В данной статье будут рассмотрены родовые названия одного из четырех бурятских племенных объединений – эхиритов.

Вопрос об этнической принадлежности древних икиресов / икирасов, упоминаемых в древнем памятнике монгольской истории «Сокровенное сказание монголов», предков современных эхиритов, еще не получил своего окончательного решения. Проблемой этногенеза бурят занимаются давно, но многие стороны этой проблемы до сих пор разработаны недостаточно [Вяткина 1969: 13–15; Долгих 1953: 42–44; Румянцев 1962: 53; Цыдендамбаев 1972: 287]. Анализ существующей научной литературы позволяет заключить, что начало становления монголоязычного ядра эхиритов относится к эпохе Киданьского и Монгольского государств. Отмечается, что в составе эхиритов преобладали тюркские по происхождению родовые группы. По мнению Б.О. Долгих, эхириты еще в XVI в. говорили на тюркском языке [Долгих 1953: 45]. Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что эхиритцы с давних пор, не говоря уже о XVII в., являлись двуязычными [Цыдендамбаев 1972: 291].

Этноним *эхирэд*, у Рашид-ад-Дина [Рашид-ад-Дин, I, кн. 1: 75, 78] *икирас,* в «Сокровенном сказании монголов» [Козин 1941: § 129, 202] *ikires*, в «Алтан тобчи» [Балданжапов 1970: 148] *икэр* – образован от др.-тюрк. *ekiz', ikkiz* ‘двойня, близнец’, которое в свою очередь восходит к др.-тюрк. числительному *eki*, *iki* (*ikki*) ‘два’. Бурятское *эхир* ‘близнец, близнецы’, ст.-монг. *ikire* ‘двойня, близнецы’ имеет тюркское происхождение. Если в тюркских языках числительное *eki / iki* образует целое словообразовательное гнездо: др.-тюрк. *ekigun* ‘оба, вдвоем’, *ekinti*, *ikilinč* ‘второй’, *ikidinki* ‘находящийся по обе стороны, относящийся к двум’, *ikigü*, *ikilä* ‘оба, двое’, *ikiläjü* ‘во второй раз, снова’, *ikinč*, *ikinci*, *ikindi* ‘второй, другой’, *ikirär* ‘по два’ [ДС: 167–168, 206–207], то в монгольских языках соотносительная основа отсутствует. Это подтверждает гипотезу о ранней тюркоязычности эхиритов [Цыдендамбаев 1972: 287–288; Санжеев 1983: 50–51].

Этнонимы *икирес* и *икирас*, образованы от др.-тюрк. *ekiz / ikiz* по одной из наиболее распространенных этнонимических моделей в алтайских языках: *ekiz + ec / ikiz + ac*. Ср. *чор-ос*, *ор-ас*, *ог-уз*, *тел-ес*, *гага-ис*, *гор-ал-ос*, *шор-ос* и др. [Цаплин 1975: 94]. Изменение *ekiz / ikiz* в *эхир* объясняется законом ротацизма – следствием озвончения [*s/z*] в специфических условиях максимального ослабления артикуляции. Вторичность [*r*] подтверждается позиционной особенностью соответствия [*s/z*] > [*r*]. Как известно, оно наблюдается в конце слов – позиции, способствующей значительной качественной модификации согласных в соответствии с принципом «восходящей звучности»: сильное начало, ослабленный конец: др.-тюрк. *boz* – бур. *боро* ‘серый’, др.-тюрк. *öküz* – бур. *үхэр* ‘бык’, др.-тюрк. *qobuz* – бур. *хүүр* ‘смычный музыкальный инструмент’ [Щербак 1997: 33, 43–47].

Разнобой гласных в окончаниях этнонимов *икирес / икирас* возможно объяснить сингармоническими вариантами первичного общего гласного слога в слове на основе закона сингармонизма: *ekiz + ec / ikiz + ac*.

Изменение же этнонимического форманта *-с* на *-д* (*икирес / икирас* > *эхирэд*), по мнению А.Г. Митрошкиной, произошло в связи с обобщением этих форм, при котором *-д* получил распространение вместо *-с* [Митрошкина 1995: 258]. Это могло быть обусловлено тем, что *-д* является наиболее частотным, тогда как *-с* присоединяется только к основам с краткими гласными и дифтонгами, причем после краткого гласного мог быть, кроме *-с*, и формант *-нууд* [Санжеев 1964: 59–60; Рассадин 1982: 74]. Возможно, определенную роль сыграло и чередование [*д*] // [*с*], регулярное в монгольских языках: ст.-монг. *dadu / dasu*, монг. *дада-*, бур. *дада(ха)* ‘привыкать’; монг. *улас*, бур. *улас / улад* ‘люди, народ; государство’; монг. *бос-*, бур. *бодо(хо)* ‘вставать’.

Традиционно к эхиритам относят несколько крупных родовых групп: *Ользон*, *Баяндай*, *Шоно*, *Абзай*, *hэнгэлдэр*. Геноним *Олзон* восходит к бурятскому *олзо* ‘находка’ + антропоформант *-н*. *Баяндай* – от бур. *баян*, тюрк. *baj* ‘богатый’ + суффикс *-дай*. Геноним *Шоно* образован от бур. *шоно*, монг. *чоно(н)*, стп.-м. *čino* ‘волк’. У бурят волк является тотемным животным, его изображали на родовых знаменах, волчьи хвосты нашивали на головные уборы. Генонимы с подобным значением известны и у других народов. Геноним *Абзай* Ц.Б. Цыдендамбаев сравнивает этот геноним «с тюрко-татарским словом *абзый* со значением обращения к старшему брату и к старшему мужчине, но оно могло некогда употребляться и со значением обращения к старшему вообще, в частности и к женщине, тем более, если она стояла во главе рода» [Цыдендамбаев 1972: 289]. А.Г. Митрошкина, сопоставляя *Абзай* с туркменским *Овез*, азербайджанским *Эйваз*, узбекским *Авез*, персидским *Аваз*, объясняет звуковые изменения: «Губно-зубной [в] закономерно перешел в губно-губной [б], поскольку в бурятском языке нет звука [в]; перед суффиксом -ай выпал [а] <…> Происходит это имя от арабского слова авад (в персидском произношении аваз) – ‘замена’. Так называли сына,

родившегося после смерти предыдущего ребенка» [1987: 143]. Название еще одного эхиритского рода *һэнгэлдэр* этимологизируют по-разному, но в том, что геноним образован посредством тюркского суффикса множественности *-дэр*, мнения ученых совпадают [Долгих 1953: 44; Цыдендамбаев 1972: 89]. Б.З. Нанзатов расчленяет геноним на корень *һэнгэл* и окончание множественного числа тюркских языков *-дэр*. «Прафармой *һэнгэл*, очевидно, является древнетюркское слово *siŋil*, имеющее следующие значения: 1) младшая сестра мужа; 2) младшие родственницы» [Нанзатов 2018: 61–62]. Известно, что бурятский *-h* развился из монгольского *-s*, и этот процесс характерен только для бурятского языка, у других монгольских народов не наблюдается.

Крупные родовые объединения делились на более мелкие группы. До настоящего времени еще нет полных данных о количестве бурятских родов и их названий. Насчитывается около 30 родовых групп, относящихся к эхиритскому племени. Цифра эта условная, как условна граница между родом и подродом, между подродом и более мелкими (патронимическими) родовыми ответвлениями. Бурятская генеалогическая терминология не дает четкого определения понятиям «племя», «род», «подрод», «патронимические группы» [Семенова 2005: 16]. Рассмотрим этимологию некоторых малых родов.

Айхай – др.-тюрк. *aj* ‘месяц, луна’; *Алаан Балтай* – тюрк. *алан* ‘глупый’, кроме того, *аланы* – предки осетинов, состоявшие на службе у монголов; *Ахуурга* – др.-тюрк. *aq* ‘белый’; *Баахай* – *баа* ‘маленький’; *Боохолдой* – бур. *боохолдой* ‘дух, домовой’, бран. ‘черт’; *Буура* – бур. *буура*, монг. *бур*, стп.-м. *buura*, *buγur*, др.-тюрк. *bura* ‘верблюд-самец’; *Сондой* – др.-уйг. *sondi* ‘последний, поздний’; *Хамнагадай* – бур. *хамнига(н)* + аффикс родительного падежа *-дай*: ‘принадлежащий эвенкам, тунгусам’; *Эдэгэ* – др.-тюрк. *ïδuq*/*ïduq*, *ïduqluγ* ‘священный’, якут. *ïtïq* ‘жертвенный, священный’ или др.-тюрк. *otaγ* ‘шатер, жилище’, *ota* ‘разводить огонь’, тув. *одаг* ‘очаг, костер; охотничий стан, бивак’, кир. *отоо* ‘походная юрта, юрта новобрачных’, хак. *отах* ‘шалаш’, якут. *отуу* ‘шалаш, становище, костер в поле’, туркм. *отаг*, тур. *oda* ‘комната’, уйг. *отак* ‘юрта, охотничья сторожка’, стп.-м. *otuγ* ‘род, поколение’, бур. *отог* / *γтэг* ‘балаган, шалаш на покосе’, ‘род, клан’; *Молоо* – др.-тюрк. *mul* ‘одно из 28 созвездий лунного зодиака’; *Онгой* – др.-тюрк. *on* ‘десять’, *oŋ* ‘удел, доля’, ср. также *Оŋγaj* ‘Юпитер’.

Каждый род имел свою территорию, культовые места, шаманов, родовые тамги и метки, родовые кличи, знамена и многое другое. Необходимость знания своей родословной было обусловлено запретом бракосочетания внутри рода. Брак у бурят в прошлом регулировался строгими экзогамными ограничениями. В круг лиц, на которых распространялся экзогамный запрет, входила группа людей, имеющая происхождение от общего предка. Явление экзогамии отражено и в древних летописях: «Это племя (курлаут) с племенами кунгират, элджигин и баргут близки и соединены друг с другом, их тамга у

всех одна, они выполняют требования родства и сохраняют между собой (взятие) зятьев и невесток» [Рашид-ад-Дин, 1952: 117]. Брак внутри отцовского рода расценивался как недопустимое нарушение обычая. Однако брак с представителем материнского рода считался нормальным явлением, так как по отношению к отцовскому роду он был чужим. М.Н. Хангалов сообщает: «По обычаю бурят, невесту нельзя сватать из своего рода, а непременно из другого; родство принимается в расчет только по мужской линии (до девятого колена), родство же по женской линии не может служить препятствием для заключения брака; так, например, брат может для своего сына высватать дочь своей родной сестры, выданной замуж за бурята из другого рода, или сестра может для своего сына высватать дочь родного брата» [Хангалов 1958: т. I, 197]. После семи – девяти поколений от общего предка – родоначальника, когда род разрастался, объединяя большое количество своих членов, происходило его разделение. Образовывалось два самостоятельных рода, которые уже могли совершать между собой брачные союзы [Басаева 1991: 92–93]. С.П. Балдаев рассказывает о разделении одного рода: «В 1890 году богатый и влиятельный бурят П. Балыков влюбился в одну девушку из своего VIII хонгодорского рода. Жениться ему на ней было нельзя, так как у бурят тогда брак был строго экзогамный. Тогда он составил приговор от имени общества, заставил родовичей подписаться и подал иркутскому губернатору. Последний через Иркутское губернское управление выделил из VIII хонгодорского рода самостоятельный IX хонгодорский род и приписал его к Куйтинской инородной управе» [Балдаев 1970: 18].

Строгий закон брачной экзогамии вызвал необходимость знать свою родословную, различать родовые группы, что, в свою очередь, повлияло на сложение развитой системы генонимов – собственных имен родовых группировок.

Литература и источники

Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ, 1970. 363 с.

Балданжапов П.Б. Altan tobči. Монгольская летопись XYIII в. Улан-Удэ, 1970. 415 с.

Басаева К.Д. Брак и семья у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.

Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969. 218 с.

Долгих Б.О. Некоторые вопросы древней истории западных бурят // Советская этнография. 1953. № 1. С. 38–53.

ДС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Жамсаранова Р.Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2011. 50 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.

Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск: ИГУ, 1995. 316 с.

Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 221 с.

Митрошкина А.Г. Личные имена бурят. Иркутск, 1995. 376 с.

Нанзатов Б.З. Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение / отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.

Петри Б.Э. Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина. Вып. 11. Иркутск, 1924.

Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 198 с.

Рашид-ад-Дин – *Рашид-ад-Дин.* Сборник Летописей: В 3 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946–1960.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Иркутск, 1962. 22 с.

Санжеев Г.Д. Некоторые вопросы этнонимики и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 47–69.

Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 91 с.

Семенова В.И. Личные имена эхиритских бурят. Иркутск: ИГУ, 2005. 190 с.

Тер-Минасов С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 1 / Под ред. Г.Н. Румянцева. Улан-Удэ: АН СССР. Сиб. отд-ние БКНИИ, 1958. 551 с.

Цаплин Ф.С. Этнонимия в алтаистике // Проблемы алтаистики и монголоведения. Матлы Вс. конф. (Элиста, 17–19 мая 1972 г.). М.: Наука, 1975. С. 92–106.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.

Шулунова Л.В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995. 204 с.

Щербак А.М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. 292 с.

Принятые сокращения наименований языков

бур. – бурятский, тув. – тувинский, тюрк. – тюркский, стп.-м. – старописьменный монгольский, др.-уйг. – древне-уйгурский, уйг. – уйгурский, туркм. – туркменский, кир. – киргизский, др.-тюрк. – древне-тюркский

V.I. Semenova
(Irkutsk, Russia)

LINGUOCULTURAL ASPECT OF BURYAT GENONYMS

The article deals with the genonyms of the Buryats living in Irkutsk region. Western Buryats have been worshipping shamanism; therefore, the knowledge of their tribal affiliation, the knowledge of their ancestry is relevant for them today. The study of the onymic vocabulary of this category makes it possible to identify ethnohistorical and ethnocultural information about the past of the Buryats, to determine national values, landmarks, and symbols associated with this onymic field.

Key words: genonyms in the onomastic space of the Buryats, the linguocultural informativeness of genonyms.

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.467

А.В. Батулина
(Великий Новгород, Россия)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В статье рассматривается вопрос о соотносительности содержания метаязыковых комментариев к именам собственным с таким признаками массовой литературы, как установка на развлечение читателя, тиражируемость приемов и конструкций, эстетическая простота. На материале отечественных детективных романов выявляются содержательные особенности метаязыковых контекстов коммуникативного и концептуального типа.

Ключевые слова: массовая литература, метаязыковая рефлексия, коммуникативный комментарий, концептуальный комментарий, автор, читатель.

Современное литературное пространство является многоуровневым: в нем, наряду с «высокой», «элитарной» литературой и беллетристикой существует литература «низовая», или массовая. Существуют различные точки зрения на художественный статус массовых текстов и характер их влияния на литературный процесс. Однако сам факт такого влияния не подвергается сомнению: «низовая литература», являясь «своеобразной альтернативой авангарду и гранича с беллетристикой, непосредственно влияет на развитие – в том числе и «высокого» – искусства» [Купина], «… выполняет функцию транслятора культурных символов» [В.Д. Черняк, М.А. Черняк 2015: 84].

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются метаязыковые комментарии к именам собственным в текстах отечественных женских детективов.

Метаязыковые контексты неоднородны в функциональном отношении. И.Т. Вепрева выделяет две функциональные разновидности рефлексивов: 1) коммуникативные, эксплицирующие семантические и прагматические свойства слова;

2) концептуальные, отражающие ценностные установки языковой личности [Вепрева 2005: 103–104]. На наш взгляд, включение высказываний о функционально-стилистических признаках слова в группу коммуникативных рефлексивов делает нечетким противопоставление двух указанных функциональных разновидностей. Поэтому, сохраняя противопоставление коммуникативных и концептуальных комментариев, коммуникативными мы называем комментарии, служащие для преодоления несовпадения языковых кодов собеседников (обычно – семантизация языковой единицы). Комментарии по поводу функционально-прагматических признаков факта языка относим к концептуальным.

1. Коммуникативные комментарии. Одной из основных характеристик имени собственного является идентифицирующая функция, связь с единичным объектом. В то же время, имя собственное «… может быть, действительно лишено лексического понятия, но его лексический фон оказывается обширным и качественно сложным» [Верещагин, Костомаров 1980: 170]. Поэтому онимы могут стать объектом коммуникативной рефлексии. Коммуникативным комментарием сопровождаются вышедшие из активного употребления русские и иноязычные имена собственные, экзотические географические названия, иноязычные имена: *– Что такое Малый Диомид? – вспомнив газету «Крайний Север», перебила его Лиля… Губернатор удивился: / –* ***Малый Диомид – это остров*** [Устинова 2017: 153].

Регулярно сопровождаются коммуникативными комментариями прецедентные имена (*Кабаниха, Айболит, Артемон*, *Эдмон Дантес* и др.), например: *Он увлекается поэзией Серебряного века, сам составляет вирши, которые никому не показывает, и ничегошеньки не смыслит в физике-математике-химии* [Донцова 2014: 58]. К ониму *Серебряный век* дается сноска: *Серебряный век – период расцвета русской поэзии с 1880 по 1920 г., характеризуется появлением большого количества поэтов и поэтических течений* [Там же].

Посредством комментариев коммуникативного типа к онимам, неизвестным или малоизвестным широкому читателю, осуществляется просветительская функция массовой литературы. Вместе с тем через включение в текст метаязыковых высказываний о популярных брендах, центральных улицах европейских городов реализуется установка «низовой литературы» на развлечение, соответствие внутренним потребностям читателей в эскапизме.

2. Концептуальные комментарии. Большинство онимов не нуждается в коммуникативном комментарии, поскольку однозначно соотносится с определенным типом денотата (названия, включающие в свой состав имена нарицательные, общеизвестные имена). Однако в тексте детектива они могут сопровождаться концептуальным, или оценочным, комментарием, например историко-социального плана: *Я поступила иначе: открыла Интернет и начала искать вузы, которые с удовольствием примут*

любого, кто принесет в зубах заявление. Выбор пал на ***педагогический институт имени Олеся Иванко. Кто бы мне объяснил, кто он такой, этот Иванко! Думаю, даже наш ректор не в курсе. Учебное заведение получило название еще в советские годы и с той поры является пристанищем для тех, кто не попал в приличные места*** [Донцова. Развесистая клюква Голливуда].

В данном примере объект рефлексии является выдумкой автора. Правдоподобность мистификации обеспечивается упоминанием о советской эпохе и социальными коннотациями антропонима.

К регулярно воспроизводимым в массовой литературе мотивам концептуального комментария можно отнести: а) присвоение имени, прозвища, названия, б) соответствие / несоответствие онима его означаемому, в) реакция персонажа на необычное имя, г) обыгрывание внутренней формы имени.

Многие авторы массовой литературы наделяют своих персонажей необычными именами. Так, главных персонажей нескольких серий романов Дарьи Донцовой зовут Евлампия Романова, Степанида Козлова, Виола Тараканова, Иван Подушкин. В первом романе каждой серии объясняется, почему герой или героиня получили такие нетипичные имена: *Простите, забыла представиться.* ***Мои родители невесть почему дали мне имя Виола. Если учесть, что фамилия папеньки Тараканов, станет понятна реакция людей, с которыми я знакомилась официально. Виола Тараканова! Каково звучит?!*** [Донцова. Черт из табакерки].

Приводимые в метаязыковом комментарии причины, по которым ребенку дали такое странное имя, также клишированны: назвали в честь бабушки, имя нравилось родителям. Воспроизводится и замена необычного официального имени на неофициальное, реакция персонажей на необычное имя: *Меня зовут* ***Степанида Козлова****, я студентка четвертого курса и живу вместе со своей бабушкой. <...>* ***В школе ко мне с первого дня приклеилось несколько прозвищ****. <...>* ***В конце концов пришлось смириться, потому что даже моя бабушка, которую, к слову сказать, все зовут Белкой, называла меня исключительно Степашей*** [Донцова. Развесистая клюква Голливуда].

Обсуждения уместности / неуместности имени собственного преимущественно сводится к комментариям о несоответствии означающего означаемому, снабжается характеристиками *странное, малооригинальное, не самое подходящее, идиотское*: *Выйдя из метро, я наткнулась на большой супермаркет, над главным входом которого горела вывеска «****Кураре, 24 часа». Увидев пару дней назад впервые название торговой точки, я вздрогнула и подумала, что кураре не самое подходящее название для места, в котором продают продукты. Но, несмотря на идиотскую вывеску****, ассортимент в супермаркете оказался очень хорошим, а цены сразу не отпугивали* [Донцова 2003: 104].

Авторы анализируемых произведений весьма точно подмечают актуальные тенденции в наименовании учреждений, предприятий, обществ, марок изделий: свободу в выборе названия, моду на иностранные слова, отсутствие логической связи между онимом и означаемым, языковые ошибки, совершаемые в погоне за нестандартностью имени: *Костя взял у матери тару, потом поманил меня. Я приблизилась к нему и увидела этикетку «М**о**слиновое масло. Сделано из крупных м**о**слин. Село Холодное, Хабаровский край»* [Донцова 2012: 274].

Ономастикон произведений массовой литературы помимо узуальных, включает в себя выдуманные имена, поэтому к текстам «низовой литературы» вполне применимо следующее наблюдение: «метаязыковая рефлексия в художественном тексте носит характер не только «отражающий» (комментирование реально существующих фактов языка / речи), но и креативный, «творящий» (создание новой языковой реальности, формирование языковой ткани, языкового мира произведения) [Шумарина 2011: 200]. Д. Донцова и Г. Куликова наделяют своих персонажей – людей и животных – самыми необычными именами: братья-близнецы, носящие одинаковое имя Константин, бабушка по имени Милиция, кот Фолодя, собака Виктор, крыса Фима пятая, кот Рудольф Иванович и др. Большая часть этих имен сопровождается метаязыковым комментарием: *– Вы знаете, что у вашей девочки крыса? / – Конечно, ответила я, – это* ***Фима Пятая. / – По-почему пятая? – только и смогла вымолвить ошеломленная девушка. / – Видите ли, – спокойно протянул Аркадий, – крысы долго не живут… Два-три года, и все. А мы каждую новую крысу называем Фимой. Эта уже пятая*** [Донцова. Крутые наследнички].

Регулярно становятся объектами рефлексии онимы с живой внутренней формой (город Отрепьевск, поселок Собачаевка, село Гадюкино, фамилии Табуреткина, Молчанова, Преображенцев, Кошечкин, Хазе и др.), например: *– Как ты верно заметила, похищения – не мой конек. Поэтому знакомься,* ***Семен Собачкин. Несмотря на предстоящий серьезный разговор, я не смогла удержаться от смешка. /– Как – Собачкин? Чудная фамилия. Вы, наверное, любите животных***? [Донцова. Тормоза для блудного мужа].

Таким образом, все жанрообразующие особенности массовой литературы: стереотипность, установка на развлечение, трансляция социальных норм – проявляются и на уровне метатекста. При этом функциональная нагрузка коммуникативных и концептуальных комментариев различна. Коммуникативные комментарии прежде всего обеспечивают интеллектуальный комфорт массовому читателю, концептуальные – занимательность. Стандартных смысловые схемы, воплощенные в концептуальных комментариях, – одно из проявлений клишированности текстов отечественных детективных романов.

Литература и источники

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Донцова Д.А. Пальцы китайским веером. М.: Эксмо, 2014. 352 с.

Донцова Д.А. Бенефис мартовской кошки. М.: Эксмо, 2003. 384 с.

Донцова Д. Крутые наследнички // Режим доступа (свободный). URL: https://e-libra.ru/read/154394-krutye-naslednichki.html [Дата обращения: 01.05.2019].

Донцова Д. Развесистая клюква // Режим доступа (свободный). URL: https://e-libra.ru/read/335283-razvesistaya-klyukva-gollivuda.html [Дата обращения: 02.05.2019].

Донцова Д. Тормоза для блудного мужа // Режим доступа (свободный). URL: https://e-libra.ru/read/254119-tormoza-dlya-bludnogo-muzha.html [Дата обращения: 01.05.2019].

Донцова Д. Черт из табакерки // Режим доступа (свободный). URL: https://e-libra.ru/read/146962-chert-iz-tabakerki.html [Дата обращения: 01.05.2019].

Донцова Д.А. Фанатка голого короля. М.: Эксмо, 2012. 352 с.

Купина Н.А., Николина Н.А., Литовская М.А. Массовая литература сегодня. Учебное пособие // Режим доступа (свободный). URL: http://thelib.ru/books/m_a_litovskaya/massovaya_literatura_segodnya-read.html [Дата обращения: 01.05.2019].

Устинова Т.В. Где-то на краю света. М.: Издательство «Э», 2016. 352 с.

Черняк В.Д., Черняк М.А., Массовая литература в понятиях и терминах. Учебный словарь-справочник. М.: Наука: Флинта, 2015. 193 с.

Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

A.V. Batulina
(Veliky Novgorod, Russia)

PROPER NAME AS AN OBJECT OF THE METALANGUAGE REFLECTION (ON THE MATERIAL OF MASS LITERATURE)

The article deals with the question of the correlation of the content of metalanguage comments to proper names with such signs of mass literature as the installation on the reader's entertainment, the replicability of the techniques and designs, aesthetic simplicity. The material of domestic detective novels reveals the substantive features of metalanguage contexts of the communicative and conceptual type.

Key words: mass literature, metalinguistic reflection, communicative commentary, conceptual commentary, author, reader.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.472

М.Р. Валиева
(Уфа, Россия)

БАШКИРСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА

В данной статье анализируется башкирская ономастика, зафиксированная в фольклорных текстах «Башкирское народное творчество» в 18-ти томах. Систематизированный и представленный в настоящей статье языковой материал относится к 1–4 томам «Сказки» и к «Словарям башкирской мифологии» Ф.Г. Хисамитдиновой. Исследование сказочных антропонимов, реальных и ирреальных топонимов раскрывает характерный быт, культуру и представляет собой оригинальный идейно-эстетический феномен традиционной духовной культуры народа.

Ключевые слова: башкирский, этнокультура, фольклор, сказка, мифотопоним, мифоантропоним.

Устное народное творчество является уникальной историко-культурной памятью народа, представляющее этнокультурную систему мировоззрения башкир о мироздании. В фольклорных текстах содержится три основных вида собственных имен – это мифоантропонимы, характеризующие самого героя, мифотопонимы, описывающие рельеф по его специфике, цвету, величине или по происходящим событиям и названия небесных тел. Данная тема довольно обширная, поэтому мы решили анализировать лишь сказочную ономастику.

Сказочная география может быть вымышленной и действительной. Подавляющее большинство географических названий в башкирских народных сказках относится к реальным топонимам Южного Урала, Зауралья и Оренбургской степи, что указывает на давность и автохтонность башкирского населения в этих местах. Например, в сказке «Урал һыуы» (Уральская вода) дэв уносит охотника и мастера на все руки *Туземгула* с Урала за горы Каф, чтобы заставить служить себе. Животворная уральская вода (из реки Яик) помогает батыру выжить на чужой земле. Некоторые фольклористы мифические горы Каф *Кафтау* отождествляют с Кавказом.

События сказки «Ирандык» разворачиваются среди Уральских гор, где мы наблюдаем реальные оронимы *Ирандык и Каятау,* на вершине которых хранится несметное богатство золота и драгоценных камней.

Исследование топонимов народных сказок показывает, что многие богатырские и волшебные сказки начинаются традиционными зачинами – *на отрогах седого* ***Урала*** *был один башкирский аул* или *в давние-стародавние времена на берегу* ***Агидели*** *жили, говорят, старик со старухой.* В то же время в текстах сказок существует много реальных географических названий, которые носят сугубо местный характер, обусловленный либо своеобразием природных условий, либо рельефными признаками

объекта. Например, часто наблюдаем географический термин *ҡарурман* или *ҡара урман* ‘темный (дремучий) лес’, с одной стороны, он присущ горнолесному массиву в реальности, с другой, *ҡарурман* является страшным, таинственным и закалдованным местом в сказках.

В сказочных текстах наблюдаются реальные географические названия, находящиеся далеко за пределами современного традиционного местообитания башкир. Например, кобыла, чтобы жеребиться, каждый год убегает и ныряет в Аральское море, после выходит из дна моря со своим жеребенком *Алтынҡойроҡ-көмөшъял* ‘Златохвостый-серебряногривый’. Другое сказочное море (это ирреальное пространство) названется *Ҡаман диңгеҙе* ‘Каманское море’, откуда выходит семиглавый дракон и пожирает девушек, приносенных ему в жертву. А на неведомом острове Каманского моря водится сильный вороной жеребец, богатырский конь. Также в сказках говорится о таких далеких таинственных местах как ***Ҡаф тау арты*** ‘за Кавказом’ или ***Урал арты*** ‘за Уралом’.

Исследование языка и стиля сказки обнаруживает в сказочных текстах большое количество идиоматических выражений, символизирующее ирреальное пространство ***ете диңгеҙ аръяғы*** ‘за семью морями’***, Һөт йылғаһы*** ‘Молочная река’, ***Бәхет күле*** ‘Озеро счастья’, ***Йәншишмә*** ‘животворный родник; родник с живой водой’, ***тере һыу*** ‘живоя вода’*,* ***үле һыу*** ‘мертвая вода’, ***ете ҡат ер аҫты*** ‘семислойное подземное царство’***, ер аяғы – ер башы ерҙә ята*** ‘очень далекое место’ (досл. ‘находиться то ли в **ногах земли**, то ли **на голове земли**’). По древним представлениям башкир, земля имеет ноги, голову и др. части, а вода имеет исцеляющие, оживляющие или умиротворяющие свойства. Подобные ирреальные пространства присущи и казахским сказкам, которые усиливают таинственность и приключенческий характер волшебных сказок. Например, традиционное сказочное место *Барса килмес* ‘если пойдет, не вернется’, *Соркудук* ‘соленый колодец’, вечно зеленая цветущая долина, которую не настигает *джут* – мор и т.п.

Символический рубеж двух миров выражает синтагма *ер тишеге* досл. ‘дыра земли’, через этот длинный проход батыры попадают в подземное царство. Сказочное пространство и вымышленные топонимы маркируют потусторонний мир в мировоззрении народа.

Образное видение башкир иногда порождало целые системы топонимов, связанные с метафорой, анимизмом, аутентичными поверьями. Так, многие реальные названия рек, озер появились на основе мифологических представлений и особого отношения, связанные с почитанием и сакрализацией водоема. Например, *Йылҡысыҡҡан күл* в Бурзянском районе Башкирии ‘озеро, откуда появились табуны (лошадь) и бесчисленные стады домашних парнокопытных животных’. По представлениям башкир, озеро *Боғаҙаҡ* в Верхнеуральском районе Челябинской области также

является святым источником, откуда появляются на землю из подводного царства резвые светлогривые тулпары.

В целом, названия реальных и ирреальных географических объектов в сказках прозрачны и понятны по семантике носителям башкирского языка, не требуют глубоких лингвистических (этимологических) исследований. В общем, язык сказок и стиль их изложения – это архаика народно-разговорного языка с художественно-поэтическими образами и идиоматическими выражениями.

Многие фольклорные тексты, в том числе и сказки содержат топонимы, посвященные объяснению модели мироздания, появления небесных тел. Ряд сказок имеет мотив объяснения названий звезд и созвездий. Так, название Галактики Млечный путь по-башкирски звучит как *Ҡош юлы* досл. ‘дорога птиц’, *Ҡаҙ юлы* ‘дорога гусей’, *Күс юлы* ‘дорога кочевников’ и т.п. В «Словаре башкирской мифологии» Ф.Г. Хисамитдиновой написано: «Когда журавли (есть вариант дикие гуси) летели на юг, поднялся сильный ураган. Этот ураган разметал журавлиную стаю. Многие журавли, особенно молодые, отстали, сбились с пути. Тогда, чтобы указать молодым журавлям путь, взрослые журавли по небу рассыпали свои перья, которые превратились в звезды. Молодые журавли по этим звездам нашли путь в теплые края. С той поры эту часть Галактики башкиры называли *Ҡош юлы*» [Хисамитдинова 2011: 264]. По другому башкирскому сюжету это созвездие называется *Күс юлы* ‘дорога кочевников’ и согласно этому сюжету звезды происходят от поднявшейся пыли копытных животных во время переселения кочевников. Вариант, связанный с дорогой птиц, существует у чувашей, татар, киргизов, казахов. У тюркоязычных народов Сибири Млечный путь появился как путь охотника-лыжника.

Следует заметить, что многие легенды о мироздании и небесных телах рассказываются детям как сказки. Существует много сказочных сюжетов о девушке-сироте *Зухре* или *Сулпан* ‘звезда Венера’, *Алтын ҡаҙыҡ* ‘Полярная звезда’, досл. ‘Золотой кол’, *Тимер ҡаҙыҡ* ‘Полярная звезда’, досл. ‘Железный кол’, *Ай* ‘луна, месяц’, *Етегән, Сүмесбаш* ‘Большая медведица’ и др. Последнее созвездие имеет много различных легедарных и сказочных сюжетов. По одной версии *Сүмесбаш* ‘Большая медведица’ – это золотой ковш великана *Алпа*. По другому сюжету созвездие *Етегән* – это семь сестр-красавиц, убегающие от дэва *Дейеү*.

Героем сказки становятся такие батыры, которые имеют необычную внешность или рождены чудесным образом. На основе мотива чудесного рождения сказочные батыры получили следующие имена: *Аҡъял батыр* имеет седые волосы, *Алтын сәсле егет* родился златовласым, *Ҡамыр батыр, Икмәкбай, Ьумас батыр* – рожденные из теста и пластичные, как тесто, *Айыуҡолаҡ* досл. ‘Медвежье ухо’ – сын медведя, *Буҙансы батыр* рожден от серой кобылы, *Таҙ* – плешивый, находчивый и имеет сверхсообразительный и неординарный ум. Обычно младший сын *Кинйә* ‘самый

младший’ или *Етегән* ‘седьмой (сын)’ символизирует умелых, находчивых и добрых людей. Многие батыры имеют необычную силу и являются чудесными искусниками: *Тау батыр* ‘Горокат’, *Сосҡолаҡ батыр, Ертыңлар батыр* ‘батыр с острым слухом, всеслышащий издалека’, *Уғатар батыр* ‘Стрелок-батыр’, *Елғыуар батыр* ‘Батыр Ветрогон’, *Күлуртлар батыр* ‘Батыр Озероглотатель’, *Йүгерек батыр* ‘Батыр-бегун на одной ноге’ и мн. др.

Сравнение башкирских сказочных батыров с другими батырами тюркоязычных народов обнаруживает большое сходство с казахскими. Так, вышеназванные необычные сказочные батыры встречаются в казахских народных сказках: *Ер-Тостик* ‘чудеснорожденный батыр из куска конины’, *Вор батыр* символизирует ловкость и быстроту, *Ветроног* – символ высокой скорости, *Чуткое ухо* – символ чуткости, *Горокат* – символ силы и могущества, *Озероглотатель* – символ обжорства, *Всевидящий глаз* – символ всезнания и т.п.

Имена сказочных девушек носят общетюркский характер: *Зөһрә, Сулпан* ‘Венера’, *Гөлтамсы* ‘Цветочная капля’, *Гөлбикә* ‘госпожа цветок’, *Миңлебикә* ‘госпожа родинка’, *Айһылыу* ‘Луна, лунная красавица’ и т.п. Часто девушки в сказках представлены без имени или указывается социальное происхождение ее отца: *батша ҡыҙы* ‘царская дочь’, *хан ҡыҙы* ‘ханская дочь’, *сауҙәгәр ҡыҙы* ‘купеческая дочь’, *итексе ҡыҙы* ‘дочь сапожника’, *көтөүсе ҡыҙы* ‘дочь пастуха’, *балыҡсы ҡыҙы* ‘дочь рыбака’, *ярлы ҡыҙы* ‘дочь бедняка’, *етем ҡыҙ* ‘сирота’, *ут ҡыҙы* ‘дочь огня’ и т.п. Самые архаичные женские имена *Ҡыҙбатыр, Батырҡыҙ* ‘девушка богатырша’, *Ирҡыҙ* ‘девушка воин’, *Һунарсы ҡыҙ* ‘девушка охотник’, *Ханша* ‘Царица, ханша’, возможно, восходят к временам матриархата.

Своеобразны имена сказочных ведьм и злых духов. Обычно в составе их имен отражена их неказистая внешность: *Уткүҙ* ‘Огненноглазая’, *Ялмауыҙ* ‘Большой рот’, *Безморон* ‘Шилонос’, *берғарыш, иргәйел* ‘пигмей, карлик’, *мәскәй, убыр* ‘обжора’ и т.п.

В заключение отметим, что изучение башкирской фольклорной ономастики, в частности сказочной, помогает выявлять специфику традиций именования, связанную с мировоззрением и культурно-эстетическими ценностями народа. Анализ фольклорной ономастики способствует глубже исследовать соотношение мышления с языком, понятия со словом, объекта с названием.

Литература и источники

Башкирское народное творчество. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1959. 282 с. (на башк. яз.).

Башкирское народное творчество. Сказки. Первая книга. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1976. 373 с. (на башк. яз.).

Башкирское народное творчество. Сказки. Третья книга. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1978. 350 с. (на башк. яз.).

Казахские народные сказки. Москва, 1952. 313 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с.

Хусаинова Г.Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2017. 46 с.

M.R. Valieva
(Ufa, Russia)

BASHKIR FOLK ONOMASTICS

This article analyzes the Bashkir onomastics, recorded in the folklore texts collection *Bashkir Folk Art* in 18 volumes. Systematically presented in this article the language material refers to volumes 1–4 of "Tales" and to *Dictionaries of Bashkir mythology* by F.G. Khisamitdinova. The study of fabulous anthroponyms, real and surreal toponyms reveals the characteristic life, culture and represents the original ideological and aesthetic phenomena of the traditional spiritual culture of the people.

Key words: Bashkir, ethnoculture, folklore, fairy tale, mythotoponym, mythoantroponym.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.476

А.Н. Верещагина
(Ярославль, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ЛИРИКЕ Г. ИВАНОВА

В статье рассматриваются особенности функционирования имён собственных в сборнике произведений Г. Иванова «Лампада». Выявляются поэтонимы, составляющие структуру ономастического пространства сборника.

Ключевые слова: ономастическое пространство, поэтонимы, антропонимы, топонимы, теонимы.

Антропоцентрическая направленность современного языкознания находит отражение в том, что всё большее место в современных исследованиях занимают вопросы отражения как национальной, так и индивидуально-авторской картины мира. Особую роль в репрезентации мировидения художников слова играют имена собственные. Исследование поэтонимастического пространства представляет собой один из способов изучения индивидуально-авторской картины мира поэта.

Предметом нашего исследования являются поэтонимы, представленные в сборнике Г. Иванова «Лампада». Ономастическое пространство сборника включает в себя 105 поэтонимов и может быть классифицировано на несколько групп, таких как антропонимы, топонимы, гидронимы, мифонимы, теонимы, геортонимы, библионимы, наименования учреждений. Ядро ономастического пространства входящих в сборник «Лампада» художественных текстов составляют антропонимы, топонимы и теонимы. Значительную часть употребляемых в произведениях антропонимов составляют прецедентные имена. Это в первую очередь имена исторических деятелей (*Пётр, Елизавета*), употребляющиеся, как правило, при обращении лирического героя к прошлому и позволяющие поэту воссоздать определённую культурно-историческую эпоху. Персоналии, олицетворяющие прошлое России, в сознании лирического героя становятся частью реальности. Взаимопроникновение временных пластов позволяет лирическому субъекту быть не только сторонним наблюдателем, но и участником исторических событий (*И, постепенно оживая / Былое посещает сад // Своей дубинкой суковатой / Стуча, проходит Пётр, и вслед / В туманной мгле зеленоватой / С придворными – Елисавет* [Иванов 1993: 111]). Воспоминания об императорской России обретают для лирических героев ценность, поскольку позволяют им вновь пережить наиболее яркие моменты их жизни (*За жизнью ослабевшими очами / Не уследить старухе-генеральше // Да и зачем? Не более ли пышно / Прошедшее? – Там двор Екатерины<…> По вечерам – сама Императрица / В регалиях и в шепчущем атласе / Является старухе-генеральше* [Иванов 1993: 103]). Обращение Г. Иванова к историческому прошлому страны, возможно, говорит о неприятии поэтом окружающей реальности, желании дистанцироваться от неё, стремлении стать сопричастным к той эпохе, которая воспринималась как время, наиболее благоприятное для развития России. Предположительно также, что обращение к прошлому обусловлено тем, что поэт исключал возможность благополучного будущего. Антропонимы, обозначающие действительно существовавших исторических деятелей, становятся базой для создания адъективов, причём данные прилагательные предполагают воссоздание в сознании образов, характерных для стиля жизни или произведений того или иного человека (*Екатерининская зала* [Иванов 1993: 108]).

Группа имён собственных, называющих представителей русского и зарубежного искусства (*Пуччини, Тёрнер, Верлен, Генсборо, Пушкин*), ставших своего рода культурными знаками, символами определённых качеств, эксплицирует эстетические предпочтения поэта. Использование фамилий поэтов и художников обусловлено обращением Г. Иванова к живописи и произведениям русского и зарубежного искусства на начальном этапе творческого пути. Отдельные лексемы участвуют в создании метонимических конструкций (*Всю жизнь свою провел бы я / За Пушкиным и чашкой чая* [Иванов 1993: 107]; *Пуччини буйная волна* [Иванов 1993: 116]), сравнений, апеллирующих к фоновым знаниям читателя (*Луна взошла совсем как у Верлена* [Иванов 1993: 83).

К прецедентным именам, используемым в произведениях сборника, относятся также имена комических персонажей итальянского и французского старинного театров (*Коломбина, Пьеро, Арлекин, Паяц*). В контексте стихотворения актуализируется их денотативное значение, позволяющее наиболее полно и ярко воссоздать атмосферу балагана, ярмарки, сопутствующих им веселья, беззаботной жизни.

К группе антропонимов, используемых поэтом в «Лампаде», относятся и имена различных литературных персонажей (*Ромео, Ленора*), упоминание которых представляет собой отсылку как к самому образу, так и к определённому литературному сюжету. Так, например, антропонимы *Ромео* и *Ленора* ассоциируются с известными произведениями У. Шекспира и В.А. Жуковского, при этом оба литературных персонажа символизируют всепоглощающую любовь, приведшую к гибели главных героев, но существующую вне времени и пространства (*Но наша любовь увидит другие леса и горы / И те же слова желанья прозвучат на другом языке // Уже я твердил когда-то безнадёжное имя Леноры / И ты, ломая руки, Ромео звала в тоске* [Иванов 1993: 48]). В контексте произведения Г. Иванова актуализируются ассоциативные связи, позволяющие воссоздать в сознании читателя образ сильных, преодолевающих препятствия любовных отношений. В свою очередь сама прецедентная ситуация также может влиять на семантику имени собственного. Так, в «Песне о пирате Оле» воссоздаётся сюжет о «Летучем Голландце», при этом антропоним обогащается коннотативными эмоционально-оценочными смыслами за счёт соположения с прилагательными *окровавлен*, *страшен* и становится неотъемлемым атрибутом образа капитана легендарного корабля.

В ядро ономастического пространства сборника входят также топонимы. Как правило, это наименования городов и стран (*Флоренция, Павловск, Париж, Италия, Шотландия*). В поэтических произведениях, входящих в сборник, они выполняют в первую очередь эстетическую функцию, поскольку служат для воссоздания соответствующего культурно-исторического контекста, событий, происходивших в обозначаемом месте. Например, вынесенный в заглавие одного из произведений топоним *Павловск* становится «сюжетообразующим» и определяет содержание всего лирического текста, наполненного ассоциациями с известным дворцово-парковым комплексом, балами, миром придворных. Топонимы в произведениях Г. Иванова обозначают также места, в которых лирический субъект стремится обрести гармонию и покой, обрести себя, удалиться от мирской суеты. Это стремление в контексте произведений поддерживается за счёт использования топонимов, имеющих в своей семантике религиозные коннотации, таких как *Валаам* и *Приволжье* (*Но с каждым днём сильней душа томится / Об острове зелёном Валааме / О церкви из олонецкого камня / О ветре, соснах и волне морской* [Иванов 1993: 43]; *Но увы! Дорогой зимней / Для молитвы и труда / Не уйти мне, не уйти мне / В Приволжье никогда* [Иванов 1993: 93]).

Употребление именно этих наименований не случайно, так, например, остров Валаам считается святым местом, посещаемым многочисленными паломниками с целью приобщения к Богу, духовного самоочищения.

Единственный реально существующий гидроним, встречающийся в текстах стихотворений сборника, – *Нева*. Значимость этого объекта в картине мира поэта актуализируется и за счёт того, что название *Санкт-Петербург* в произведениях заменяется перифрастическим выражением «Невская столица» (*Прекрасна Невская столица* [Иванов 1993: 113]; *И снова жизнь, шумна и весела / Овладевает Невскою столицей* [Иванов 1993: 114]). Санкт-Петербург, являясь местом, в котором прошла юность Г. Иванова и в котором началось его становление как художника слова, занимает особое место в картине мира поэта. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено употребление в поэтических текстах сборника урбанонимов, относящихся в первую очередь к Санкт-Петербургу и обозначающих, как правило, культурно-исторические объекты города, такие, например, как Летний сад, Таврический сад, Адмиралтейство, Зимний сад, Дворцовая площадь и т.д., что подчёркивает интерес поэта к историческому прошлому родины.

В структуру ономастического пространства произведений, включённых в «Лампаду», входят также мифонимы, это, как правило, наименования персонажей древнеримской и древнегреческой мифологии. Так, например, наиболее частотным является использование лексем *Купидон*, *Амур*. Семантика данных слов актуализируется в контексте произведений, связанных с любовными переживаниями (*Перед ним? Не трудно проказливого узнать Купидона милого <…> Оба – любовью отуманены* [Иванов 1993: 66]; *Амуру, что стрелою ранил / Испуганного пастушка* [Иванов 1993: 100]). Мифонимы в поэтических текстах являются номинациями реально существующих объектов, соотносимых в римской мифологии с тем или иным персонажем. Так, наименование *Диана*, обозначающее богиню Луны, растительности, покровительницу рожениц, употребляется для обозначения спутника Земли (*Когда Диана станет матовою / И сумрак утренне глубок* [Иванов 1993: 121]). Мифонимы в контексте произведений Г. Иванова употребляются наряду с именами собственными, относящимися к христианской религии, соединяя различные культуры и временные пласты. Так в произведении «Здесь волн Коцитовых холодный ропот глуше» (*Здесь волн Коцитовых холодный ропот глуше<…>Сплелися грешников истерзанные души<…>Раскрылася стена, и лёгкою стопой // Вошёл в неё Христос в одежде золотой* [Иванов 1993: 62]) мифоним, обозначающий в греческой мифологии реку мёртвых, и теоним создают единую картину спасения и прощения грешных душ.

Теонимы в произведениях Г. Иванова приобретают особую значимость. Такие имена собственные, как *Бог, Господи, Богородица, Христова, Божья Матерь, Христос, Божий*, а также их контекстуальные синонимы (*Спаситель, Вестник, Царь*)

обозначают высшую силу, способную указать лирическому герою путь к гармонии, душевному спасению, символизируют всепрощение. Значимость церковной тематики подчёркивается и посредством использования геортонимов, таких как *Пасха* и *Великий Пост*. При этом первое наименование в контексте стихотворения не только обозначает праздник, посвящённый воскресению Христа, но и вызывает в сознании лирического героя ассоциации с обновлением жизни (*И в ней нам обещание / Что Пасха вновь придёт / Что сбудутся все чаянья / Растает крепкий лёд* [Иванов 1993: 92]). Великий Пост в представлении лирического субъекта становится обозначением всего времени его пребывания в стенах священной обители, его временные границы в произведении расширяются. Осознание собственной греховности, стремление посвящать всё время покаянию, надежда на получение божественного благословения, прощения наполняют жизнь человека (*Много в пламени кромешных / Неотмоленных ночей // Дышим мы на ладан росный / Помним вечно про погост / День скоромный или постный / Вечно нам Великий пост* [Иванов 1993: 89]).

В заключение ещё раз подчеркнём, что в ономастическое пространство художественных произведений сборника «Лампада» входят различные группы онимов, при этом ядро его составляют антропонимы, топонимы и теонимы, приобретающие наряду с их денотативным значением различные коннотации, позволяющие эксплицировать особенности мировосприятия поэта.

Литература и источники

Джандар Б.М., Лоова А.Д. К проблеме функционирования личных имен в художественном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2012. № 3 (105). С. 97–105.

Иванов Г. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения. М.: «Согласие», 1993. 656 с.

Худайбердина М.У. К проблеме структурирования ономастического пространства художественного текста (на материале поэтического сборника И.А. Бродского «Урания») // Вестник Пермского государственного технического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. № 4. С. 134–146.

A.N. Vereshchagina
(Yaroslavl, Russia)

THE FUNCTIONING OF PROPER NAMES IN THE LYRICS OF G. IVANOV

The article considers the peculiarities of proper names functioning in the collection of G. Ivanov's works "Lampada". Poetonyms that make up the structure of the onomastic space of the collection, are revealed.

Key words: onomastic space, poetonyms, anthroponyms, toponyms, theonyms.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.481

О.Н. Верещагина
(Ярославль, Россия)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Статья посвящена анализу особенностей функционирования имен собственных в лирических произведениях М.Ю. Лермонтова. Дается классификация онимов, выделяются группы имен собственных, относящиеся к ядру ономастического пространства.

Ключевые слова: лирические произведения, топоним, антропоним, ономастическое пространство.

Интерес к человеку как таковому, стремление глубже познать его находит отражение в различных областях науки: психологии, истории, социологии и т. д. Антропоцентрический подход применяется и во многих лингвистических исследованиях, в том числе в исследованиях, посвященных особенностям идиостиля поэтов, писателей. В нашей статье мы обратились к анализу ономастического пространства лирических произведений М.Ю. Лермонтова. В проанализированных нами текстах выделяются следующие группы имен собственных (209 слов общим количеством употреблений 340): антропонимы, теонимы, культоним, библионимы, мифонимы, астронимы, наименования священных книг, литературных произведений, обозначения абстрактных понятий, праздников, обращения, топонимы.

Употребляемые поэтом теонимы относятся к религиям, являющимся частью двух важных для М.Ю. Лермонтова культур: христианство (*Спаситель*) и мусульманство (*Алла* / *Аллах*). С указанными религиями связаны и культоним *Магомет* и библионимы *Иуда*, *святой Августин*, *Моисей*.

Разнообразны встречающиеся в текстах мифонимы, обозначающие образы христианской религии (причем используются как непосредственно имя собственное (*Асмодей*), так и контекстуальный синоним – нарицательное, ставшее собственным (*Враг*)), древнегреческой (*Эрот*, *Феб*, *Вакх*, *Пан*, *Пегас*), древнеримской (*Купидон* / *Амур*, *Диана*) мифологии, славянских (*Лель*), северноевропейских (*Мефистофель*) языческих верований. Интересно, что мифоним *Диана* становится синонимом лексемы «Луна»: «*И влагу дремлющих валов / С могилой тихою Диана осребрила*» [Лермонтов 1979: 43], что позволяет поэту передать особую атмосферу ночи, чувства, которые испытывает герой стихотворения – певец-мечтатель. Смешение различных мифологий говорит о том, что поэт не отдает предпочтение ни одной из них, интерес для него представляют только два названных выше религиозных направления.

Ряд имен собственных образуют немногочисленные по составу группы, входящие в их состав онимы встречаются в текстах один раз. К таковым относятся астронимы *Марс*, *Венера*, наименования религиозных праздников (*Масленица*),

наименования священных книг, литературных произведений, обозначаемые или посредством указания их заглавия (*Коран*, *Талисман*), или описательно (*Павлово посланье*).

В качестве имен собственных выделены такие абстрактные понятия, как *Свобода* (1), *Гений* (2), *Слава* (1). Небольшое количество словоупотреблений передает, с нашей точки зрения, важность обозначаемых понятий не для творчества поэта в целом, а для конкретной описываемой ситуации.

Большую группу имен собственных в лирических произведениях М.Ю. Лермонтова составляют топонимы, посредством которых обозначаются 64 географических объекта, 2 названия стороны света общим количеством употреблений 158. В анализируемых стихотворениях встречаются следующие топонимы: *Россия* (9), *Русь* (3), *степи Козлова* (1), *Москва* (15), *Днепр* (2), *Казань* (1), *Волга* (1), *Клязьма* (1), *Кремль* (1), *Нева* (1), *Чесма* (1), *Бородино* (4), *Новгород* (2), *Волхов* (2), *Чатырдаг* (1), *Каспий* (3), *Черное море* (3), *Большой театр* (1), *Урал* (1), *Саратов* (1), *Кавказ* (14), *Терек* (9), *Азовские берега* (1), *Казбек* (9), *Дарьял* (4), *Чечня* (2), *Авария* (1), *Гихи* (1), *Ичкерия* (1), *Валерик* (1), *Шат-гора* / *Шат* (3), *Дагестан* (2), *Израиль* (1), *Сион* (1), *Солим* / *Ерусалим* (3), *Иордан* (1), *Греция* (1), *Парнас* (1), *Лета* (1), *Гельвеция* (1), *Италия* (2), *Рим* (5), *Тибр* (2), *Венеция* (2), *Франция* (5), *Париж* (2), *Святая Елена* (1), *Бастилия* (1), *Шотландия* (1), *Рымник* (2), *Украйна* (2), *Полтава* (2), *Литва* (1), *Дунай* (2), *Палестина* (3), *Ливан* (1), *Цареград* (1), *Эльба* (1), *Вена* (1), *Тегеран* (1), *Нил* (1), *Грузия* (1), *Тифлис* (1), *Кура* (1), *Восток* (3), *Север* (1). Среди включенных в тексты топонимов два мифонима (*Лета*, *Парнас*), два урбанонима (в эпиграммах: *Большой театр*, *Бастилия*). Думается, что употребление наименований преимущественно реальных географических объектов указывает на важность для автора соответствия изображаемого действительности. Отсутствие описаний внутригородских объектов (за исключением двух эпиграмм) показывает сосредоточенность поэта на отдельных городах, странах, воспринимаемых им как нечто целое. Посредством топонимов создается особое пространство: часть территории России, европейские страны и страны, в представлении М.Ю. Лермонтова ассоциирующиеся с Востоком.

Особое значение в биографии поэта имеет Кавказ. Не случайно поэтому «география» данного региона описана наиболее подробно. По количеству словоупотреблений преобладают наименования *Россия* / *Русь*, *Москва*, *Кавказ*, *Терек*, *Казбек*. Интересно, что, несмотря на значимость для автора образа родины, лексема *Россия* может сочетаться со словами, передающими негативную оценку (*Прощай, немытая Россия* [Лермонтов 1979: 472]), лексема, называющая не менее важный образ, *Кавказ* обладает положительными коннотациями. Представляется, что Россия оценивается автором объективно, он видит ее положительные и отрицательные стороны, тогда как Кавказ воспринимается только как источник положительных эмоций. В качестве имени собственного используются названия сторон света, например, при создании образа богини (*Жена* ***Севера***) или при обозначении целого региона (*Восток*).

При анализе антропонимикона (113 слов с общим количеством употреблений 144) были исключены имена собственные, указанные в эпиграфах или пояснениях к стихотворениям (*Гейне*, *Зейдлиц*, *Шиллер*, *Байрон* / *Byron*, *A. Barbier*). Однако неоднократное употребление сочетаний *из Шиллера*, *из Байрона* указывает на интерес поэта к творчеству этих авторов, подчеркивает оказанное ими влияние. Интересно, что при этом лексема *Байрон* встречается не только в пояснении, но и в заглавии, и в самих текстах, что, возможно, указывает на близость настроений английского автора М.Ю. Лермонтову.

Антропонимы в лирических произведениях М.Ю. Лермонтова являются частью различных лингвокультур и соотносятся с описываемыми поэтом странами: Франция – *Парни*, *Андрей Шенье*, *Наполеон*; Шотландия – *Оссиан*; Израиль – *Сара*, *Моисей*; Италия – *Рафаэль*, *Тиверий*, *Виргиния*, *Фабриций*; Россия – *Ермолов*, *Суворов*, *Евгений*, *Нина* и др.; Кавказ – *Тамара*, *Галуб*, *Ахмет Ибрагим*; Греция – *Мелина*. В стихотворениях встречаются именования реальных людей: деятелей культуры (художников *Рафаэль*, *Рембрандт*, поэтов *Андрей Шенье*, *Парни*, *Гете*, *Байрон*, *Оссиан*, книгопечатника *Фауст*), политических деятелей, полководцев (*Паткуль*, *Наполеон*, *Ермолов*, *Суворов*), исторических личностей, чьи имена связаны с легендами (*Тамара*, *Кунигунда*). Создавая персонажей своих произведений, М.Ю. Лермонтов использует имена из реального именника той или иной страны (*Сара*, *Клариса*, *Ахмет Ибрагим* и др.). Указанные выше особенности антропонимикона лирических текстов, с одной стороны, говорят о том, что поэт фиксирует в своих произведениях наиболее интересных, важных для него персонажей, с другой, – «типичность» имен помогает создать ощущение реалистичности изображаемого.

Единичны случаи обозначения в текстах лица латинскими буквами (Alexandrine) или с помощью первой буквы фамилии (Ч…).

Антропоним служит для обозначения принадлежности (*закон Моисея*, *Павлово писанье*, *Алехин глас*), при этом в двух случаях от имени образовано притяжательное прилагательное: одно при обозначении священной книги (***Павлово*** *писанье*), другое – при указании на обладателя голоса (***Алехин*** *глас*).

Среди проанализированных текстов у 71 есть посвящение, причем адресаты указаны по-разному: предлог к + имя / фамилия / инициал / инициал + фамилия (*К Д...ву*); без предлога (фамилия / фамилия + принятое обращение или титул (*графине*, *господину*) / фамилия + инициалы / инициалы (*К кн. Л. Г-ой*, Г<-ну> Павлову)), с пояснениями (*в альбом* + инициалы + фамилия, *памяти* + инициалы + фамилия (*В альбом Н.Ф. Ивановой*)). Адресат может быть не обозначен (23 текста) или иметь обозначение N.N. (6 текстов). Большинство стихотворений, имеющих адресата, – эпиграммы, т. е. в текстах отражаются наиболее характерные черты лица, к которому обращается поэт, или передается отношение автора к этому человеку.

Как было сказано выше, в названиях стихотворений фамилия может сопровождаться словами, обозначающими титул или используемыми в качестве традиционного обращения (***Графине*** *Ростопчиной*, ***кн***. *Л. Г-ой*, ***г-ну*** *П*). Специальное обращение к старшему по званию встречается и в самих текстах, причем без называния имени или фамилии лица, о котором идет речь (*Ага*). В данном случае употребление обусловлено необходимостью передать определенные культурные традиции. Интересно, что одно и то же слово, используемое в качестве обращения, в разных стихотворениях может встречаться как имя собственное и как нарицательное и в разном графическом оформлении (*Мадам* и *madame*).

В качестве имени собственного М.Ю. Лермонтов использует нарицательные существительные при создании ключевых образов произведений (*Скелет*), а также для метонимического наименования народов (*Финн*, *Мавр*). В одном из произведений употребляется антропоним, перешедший в разряд нарицательных (*ванька* ‘извозчик’), однако подобное использование являлось общепринятым во времена поэта и не несет дополнительной смысловой нагрузки.

Проведенный анализ показывает, что в ономастическом пространстве лирических произведений М.Ю. Лермонтова выделяется несколько групп, при этом ядром являются топонимы и антропонимы. Преобладание среди имен собственных, относящихся к данным группам, номинаций реальных географических объектов, реальных людей отражает стремление поэта создать наиболее важные для него образы, быть как можно более точным при описании событий прошлого и современного ему настоящего, создать ощущение реалистичности изображаемого.

Литература и источники

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах: Т. 1. Стихотворения 1828–1841 годы. Л.: Наука, 1979. 655 с.

O.N. Vereshchagina
(Yaroslavl, Russia)

PROPER NAMES IN CREATIVITY BY M.Y. LERMONTOV

The article is devoted to the analysis of functions of proper names in lyric works by M. Y. Lermontov. In this article the classification of onyms, groups of proper names belonging to the core of the onomastic space are distinguished.

Key words: lyric works, toponym, anthroponym, onomastic space.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.485

Н.Н. Вихрова
(Великий Новгород, Россия)

ПСЕВДОНИМЫ И.С. АКСАКОВА В ГАЗЕТЕ «ДЕНЬ» (1861–1865)

В статье дается описание псевдонимов, принадлежащих И.С. Аксакову, которые он использовал в публицистике периода издания газеты «День» (1861–1865). Рассматриваются источники мотивации выбора им псевдонимов. Поскольку славянофильская газета имела ярко выраженную идеологическую окраску, главный редактор, выбирая для себя псевдонимы, руководствовался в первую очередь тем, чтобы они соответствовали не только стилистике публикации, но и направлению газеты. Впервые атрибутируется И. Аксакову псевдоним «Не-Петербуржец», который имеет ярко выраженную идеологическую коннотацию. Утверждается, что возникновение данного псевдонима связано со славянофильской идеей о противопоставлении Санкт-Петербурга и Москвы.

Ключевые слова: псевдонимы, И.С. Аксаков, газета «День», славянофильство, публицистика, атрибуция.

Еженедельная литературно-общественная газета «День», редактируемая известным старшим славянофилом И.С. Аксаковым в 1861–1865 гг., представляла собой издание, в котором все материалы должны были соответствовать духу и направлению славянофильского учения. Вожди направления, старшие славянофилы – И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков – к началу 1860-х гг. один за другим ушли из жизни, а Иван Аксаков и по общественным убеждениям, и по личным, чуть ли не по семейным, мотивам чувствовал необходимость посильно продолжать завещанное старшими славянофилами дело.

В этих условиях Аксаков предпринимает издание еженедельной газеты, первый номер которой вышел в октябре 1861 г. Формат газеты, больше напоминающий формат журнала, предполагал наличие разделов: внутреннее и областное обозрение, общий, литературный, критический, экономический, славянский отделы, смесь. Формально не разрешено было иметь политического отдела, однако Аксаков находил возможность высказать свою точку зрения по поводу самых злободневных политических вопросов современности: польский мятеж, крестьянское дело, вопросы земства и выборов, общественного воспитания и церковно-государственного взаимодействия – во внутренней жизни, славянской борьбы за освобождение от турецкого и германского владычества, противостояние России и Европы – в области внешней политики. Сам И. Аксаков, приступая к изданию газеты, был воодушевлен мыслью, что это будет его «личный» печатный орган, а уже заканчивая ее издание в 1865 г., писал невесте, что «”День” выезжает решительно на одних передовых статьях: они имеют резонанс, окрашивают газету личностью редактора» [РГАЛИ, л.

186]. Соответственно, публика знала, что все передовые статьи принадлежат исключительно главному редактору, как зачастую (кроме оговоренных случаев) и пометки *Ред.*, *Редактор*, комментирующие отдельные положения чужих статей. Некоторые неподписанные материалы публикой также воспринимались как аксаковские, во всяком случае, как не противоречащие позиции главного редактора. Когда в 1862 г. Аксаков вынужден был временно передать редакторство Ю.Ф. Самарину, передовые он стал подписывать полным именем: *Иван Аксаков*, другие материалы помечались узнаваемым криптонимом: *И.А.* Принципиальная позиция главного редактора по множеству вопросов зачастую приходила в такие столкновения с цензурой, что приходилось снимать передовые статьи (демонстративно оставляя название передовой на своем месте) или вообще приостанавливать издание газеты. В некоторых случаях приходилось обходить цензуру, используя псевдоним. Так, в своей статье от 27 апреля 1863 г. «Из Финляндии» он подписывается псевдонимом *Финн*, в этом же году и позднее, в 1864 и 1865 гг., стал использовать псевдоним *Касьянов*. О том, что за этими именами скрывается сам Аксаков, мы узнаем из его письма Ю.Ф. Самарину от 5 мая 1863 г.: «Ты, конечно, догадался, что Касьянов – это я, но держи это в секрете. Я же написал и письмо финна, от которого здешние финляндцы в восторге и признают его вполне выражением финского созерцания общественного и политического. Что же делать! Вы никто не пишите, и приходится писать разными перьями» [Переписка: 176]. Если мотивация использования псевдонима *Финн* вполне очевидна, так как соответствует содержанию помещаемой статьи, то выбор псевдонима *Касьянов* имеет затемненную мотивацию, которая может объясняться исследователями лишь предположительно. Мотивирующей базой для псевдонима является народное имя *Касьян*, вариант церковного *Кассиан*. Возможно, Аксаков отсылает к святому Иоанну Кассиану Римлянину, день которого (*Касьянов день*) празднуется православными 29 февраля. Таким образом, можно предположить выбор псевдонима и созвучием имен (*Иоанн Кассиан* ≈ *Иван Аксаков*), и народным представлением об этом святом как о неуживчивом, вздорном, недоброжелательном божестве.

То, что под некоторыми статьями, не подписанными напрямую редактором, стоит Аксаков, догадывались современники. Однако ввиду того, что Аксаков стремился, чтобы все материалы его газеты соответствовали общему славянофильскому духу, даже те, которые хорошо знали стилистику главного редактора, могли ошибаться в авторстве статей. Так, например, А.Ф. Тютчева была уверена, что статья «Исключительно для г-на Григория Наличного», опубликованная в № 12 «Дня» за 1865 г., принадлежит Аксакову: «Не могу удержаться от того, чтобы не сказать Вам, как я была горда двумя Вашими статьями в № 12 «Дня», ведь письмо для Наличного тоже Ваше, не правда ли? Папá говорит, что они великолепны» [ЛН: 371]. На самом деле, эта статья принадлежала перу Н.М. Павлова, который, как единомышленник И. Аксакова

и его ближайший помощник, отличался исключительной способностью работать по заказу главного редактора и точно передавать его мысли, подстраиваясь даже под его стилистику.

Свою деятельность Аксаков мыслил как оппозиционную: исходя из соображения, что в послепетровское время государство окончательно отделилось от народа, славянофилы принципиально противостояли всем инициативам государства в области общественных и духовных дел. Вслед за Хомяковым и К. Аксаковым, идеологические основы российской власти И. Аксаков считал подражательно-западническими, чуждыми естественной органической жизни России, а значит исторически ошибочными. Емким символом этой власти был Петербург, город с «немецким» именем, в котором сидит «немецкое» правительство.

Тема Петербурга поднимается во многих публикациях И.С. Аксакова, в том числе и в статье, напечатанной в газете «День» 15 декабря 1862 г., – «Новое явление петербургского прогресса (письмо из Санкт-Петербурга)». Статья подписана псевдонимом *Не-петербуржец*. Поводом для ее написания послужил бульварный листок «Петербургская клубничка», содержащий материалы фривольного содержания. Больше всего Аксакова возмутил тот факт, что упомянутая газетка имела одобрение цензуры и, следовательно, «с официальной точки зрения признана не противной благочинию» [День: 1]. И. Аксаков не ограничивается в этой статье моральным осуждением падения нравов петербургской публики, но рассматривает появление подобных изданий с учетом широкого общественно-политического контекста современности. Логика рассуждений Аксакова такова. Появление подобного рода безнравственных, грязных вещей вполне объяснимо в Европе, например, в Австрии, где действует «отвлеченный принцип государственности», общество не живет, а управляется, а правители выступают в роли учителей нравственности. В этом случае умные правители предлагают своим гражданам дозированные порции разврата для предотвращения политических увлечений. Предположить подобного рода цинизм со стороны российского правительства по отношению к своему народу Аксаков не решается, но в терпимом отношении к таким вещам видит «страсть подражания», которая выражается даже в «щегольстве общественным развратом» («Мы тоже европейцы!» и значит модные вещи, типа Ригольбоши, канканы и др. и наши европейские ценности, да еще поддержанные доводами литературы и науки) [Там же].

Но в том, что со стороны правительства такие непристойные издания, как «Петербургская клубничка», не запрещены, как ни странно, имеется положительная сторона, так как в результате правительство самоустраняется, но дает простор общественным силам, способным противостоять в честной борьбе всякому оправданию разврата. Таким образом, Аксаков изящно выходит к проблеме свободы слова, разрешение которой представляется Аксакову жизненно важной и для России, и для себя

лично, как редактора славянофильского издания, отчаянно борющегося с цензурой. Актуальность необходимости широкой свободы слова на фоне терпимого отношения к падению нравов связана и с отношением к современным политическим течениям. В связи с этим И. Аксаков утверждает, что «всякие политические увлечения в тысячу раз безопаснее для общества и государства», чем «растление сил физических и нравственных», так как это «душегубство» [Там же: 3].

Данная статья осталась неизвестной, она не включена в посмертное собрание сочинений И.С. Аксакова, хотя ее атрибуция не вызывает никаких сомнений. В ней имеются прямые переклички (в том числе текстуальные) с целым рядом передовых статей, опубликованных в «Дне», а также текстовые сближения, обнаруживаемые в переписке с А.Д. Блудовой, Ю.Ф. Самариным, Н.С. Соханской, А.Ф. Тютчевой, позднее – с Ф.М. Достоевским и др. Так, в этой статье Аксаков, говоря о «щегольстве общественным развратом», восклицает: «Что ваша Москва! Куда ей до нашего Санкт-Петербурга! Он, как и вы сами признали, передовой человек во всех отношениях» [День: 2]. Та же формулировка и при таком же противопоставлении Москвы и Петербурга дана в передовой, опубликованной в «Дне» от 29 сентября 1862 г.: «Действительно, внешняя история совершается теперь вся в Петербурге: это его время; он, действительно, носитель исторической идеи Петра, как переворота, во всем случайном, временном характере этого явления; он, действительно, стоит впереди, он, так сказать, передовой человек внешнего движения, данного Петром России, передовой человек лжи, сопровождающей наше духовное и умственное развитие». Кроме этого, есть и прямое самоцитирование в передовой статье от 17 ноября 1862 г., которая не была пропущена цензурой: «Мы сказали однажды, что Петербург есть передовой человек лжи, присущей нашему общественному развитию». Ср. также в письме А.Д. Блудовой от 1862, 9/10 марта, где Аксаков раскрывает ту же зависимость между репрессиями правительства и сочувствием к гонимым в общественном мнении: «Но удивительный город Петербург. Носитель петровской идеи, он есть передовой человек лжи – правительственной и общественной, и в этом отношении за ним Москве не угнаться» [Аксаков 2004: 403].

Таким образом, псевдоним *Не-петербуржец* имеет два плана номинации: первый – деривационный, мотивированный топонимом, второй – семантический, мотивированный идеологической семантикой, обнаруживаемой в славянофильском направлении, которого придерживается автор. Пожалуй, этот псевдоним, как и другие, используемые Аксаковым, укладывается в схему определения, предложенного О.Р. Демидовой в рамках категориальной оппозиции «кажимость – сущность»: «Псевдоним – не ложное имя, а лишь одно из возможных для индивида истинных имен, осознаваемых как допустимо свое» [Демидова 2017: 135].

Примечание

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 18-012-00419 «Письма А.Ф. Тютчевой (Аксаковой) И.С. Аксакову (1865-1886): подготовка комментированного издания переписки».

Литература и источники

Аксаков 2004 – И.С. Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., комм. и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: в 3 т. Т. II. Письма 1849–1857 / сост., подг. текста, примеч. Т.Ф. Прокоповича. М.: Русская книга, 2004. 576 с.

Демидова О.Р. Литературный псевдоним как феномен культуры // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2017. № 26. С. 122–136.

День – *Не-петербуржец* [Аксаков И.С.]. Новое явление петербургского прогресса (письмо из Санкт-Петербурга) // День. 1862. 15 декабря. № 50. С. 1–3.

ЛН – Литературное наследство. Том 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 2 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; отв. ред. С.А. Макашин, К.В. Пигарев, Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1989. 711 с.

Переписка – Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / подг. изд. Т.Ф. Пирожковой, О.Л. Фетисенко и В.Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 712 с.

РГАЛИ – *Аксаков И.С.* Письма к А.Ф. Аксаковой (Тютчевой) // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236.

N.N. Vikhrova
(Veliky Novgorod, Russia)

PSEUDONYMS OF I.S. AKSAKOV IN THE NEWSPAPER “DYEN” (1861–1865)

The article describes the pseudonyms belonging to I.S. Aksakov, which he used in the journalism of the period of publication of the newspaper “Dyen” (1861-1865). The sources of pseudonyms motivation is discussed. It is assumed that since slavophils newspaper had strong ideological overtones, editor in Chief, choosing for himself the pseudonyms was guided by the fact that they not only conform to the style of the publication, but also direction of the newspaper. For the first time pseudonym ‘’Ne-Peterburzhec’’ (“Non-Peterburger”) which has a clear ideological connotations, is attributed to I.S. Aksakov. It is argued that the emergence of this pseudonym is associated with the slavophil idea of St. Petersburg and Moscow opposition.

Key words: pseudonyms, I.S. Aksakov, newspaper “Dyen”, slavophilism, publicism, attribution.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.490

Г.Н. Гиржева, В.И. Заика
(Великий Новгород, Россия)

АНТРОПОНИМ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ Ю. БУЙДЫ «ПРУССКАЯ НЕВЕСТА»)

В статье представлен результат анализа более трехсот антропонимов, встречающихся в текстах цикла рассказов Юрия Буйды «Прусская Невеста». Определена роль антропонима в структуре образа персонажа с учетом значимости события наименования в сюжете рассказа. Приведена типология антропонимов, описаны особенности мотивировки и подчеркиваемые в прозвище признаки персонажа.

Ключевые слова: антропоним, прозвище, мотивировка прозвища, художественный образ, событие наименования.

В цикле рассказов «Прусская невеста», как отмечает М.А. Дмитровская, одном из лучших созданий Юрия Буйды, «в причудливой форме отразилась жизнь городка его детства» [Дмитровская 2004: 145]. В 47 рассказах в событиях участвуют многочисленные персонажи, значительная часть которых являются сквозными – выступают в разных рассказах как эпизодические, как второстепенные или как главные. В этих случаях имя персонажа является заглавием рассказа: «Синдбад Мореход», «Колька Урблюд», «Вилипут из Вилипутии», «Чудо о Буянихе», «Маленькая и Масенькая», «Вита Маленькая Головка», «По Имени Лев» и др. Далее упоминание рассказов и персонажей, а также цитирование дается по источнику [Буйда].

Номинация персонажа считается важным средством его характеристики, изображения индивидуальных особенностей и в целом выражения замысла художественного текста. Образ персонажа (план содержания текста, обеспечивающий создание наглядного представления этого персонажа) складывается из разного рода описаний и, конечно, имени персонажа, которым он представлен в художественном мире. Когда такие элементы образа, как описания внешности, поступков, биографии и т.д. в тексте незначительны, становится более существенной номинация персонажа. Особенно это касается единожды упоминаемых эпизодических персонажей.

Наличие в образе персонажа только общей номинации (*девочка, подростки, клиент, учительница, сержант, парень, старушки, повариха, бабы*) – явление не характерное для рассказов цикла. Персонаж обычно имеет имя (*Машенька, Афиноген, Руфь*), имя и отчество (*Рита Евгеньевна, Магния Михайловна*), фамилию (*Курганов, Марков*), имя и фамилию (*Иван Студенцов, Аркаша Стратонов.*), имя, отчество и фамилию (*Клавдия Лейбовна Цитриняк,*), прозвище (*Кувалда, Чёрная Борода, Гуляй Нога, Кацо, Говнила, Зойка-с-мясокомбината*).

В двух рассказах имя персонажа изображено описательно: [незнакомец], *чьё имя избытком согласных напоминало обглоданный костяк хищной рыбы* (Черт и Аптекарь), и [флейтист], *чьё имя не могли повторить даже отъявленные матерщинники* (Синие губы). Такое подробное описание артикуляционных неудобств при отсутствии в тексте самого наименования свидетельствует о существенности наименования как такового для жителя изображенного городка.

Большая часть персонажей в различных эпизодах или описаниях представлена сочетанием антропонима с общей номинацией (нарицательным именем, называющим возраст, национальность, внешний вид, род занятий, социальное положение и др.): *цыганка Оля, паромщик Пердила, доктор Шеберстов, лесхозовский бухгалтер Глаз Петрович, учитель рисования Иван Козуб, директор музыкальной школы по прозвищу д'Артаньян, алкоголик Митроха, старуха дворничиха Кильманда* и др.

В случае неоднократного упоминания персонаж, как правило, представлен вариативной номинацией *Кацнельсон Адольф Иванович / Кальсоныч* (Ванда-Банда), *Светлана / Селёдочка* (Бедный Крестьянин). Таких персонажей почти четверть в списке действующих лиц «Прусской невесты», причем вариантов наименования может быть несколько: *Веселая Гертруда, столетняя старуха / Веселая Гертруда, столетняя сумасшедшая / Веселая Гертруда, безумная старуха*. Тот или иной вариант обусловлен связью упоминания персонажа с описываемой ситуацией.

Наиболее значимым антропонимом с точки зрения его роли в образе является прозвище.

Как считает В. Курбатов, прозвища персонажей Ю. Буйды – это «удостоверения подлинности, это знак принадлежности к мифу и житию» [Курбатов 1999: 162]. Анализ ситуаций употребления в узком контексте прозвища и официального имени подтверждает связь прозвища с мифологическим планом на границах с иными пространствами и мирами. Например, при появлении персонажа на корабле – ином относительно городка пространстве – указывается официальное (мирское) имя персонажа: *Сняв сапоги и портянки, **Кальсоныч** поднялся по ковровой дорожке на борт судна, держа перед собой на вытянутых руках хлеб-соль на полотенце с черным больничным штампом и служебное удостоверение на имя **Кацнельсона Адольфа Ивановича** в развернутом виде* (Отдых на пути в Индию). Таким же пограничным является место перехода в мир иной: *На памятнике начертано: «**По Имени Лев**. **Лев Исаакович Регельсон**. Парикмахер*» (По Имени Лев). В приведенных примерах имеет место и пограничье дискурсов: житийного (описания мира городка с прозвищем данным в этом городке) и официально-делового (формулировки удостоверения для предъявления в других местах и/или чужим людям), в надписи только сочетание имен без каких бы то ни было подробностей тоже является отсылает к мифу (так его звали в городке) и миру (так он значился в официальных документах).

В художественном мире, создаваемом Буйдой, семиотично уже само наличие или отсутствие прозвища. Наличие любого прозвища – норма, отсутствие прозвища – это способ изображения негативного отношения к персонажу: *Даже прозвище – Утопленник – ему дали нехотя: такой человек заслуживал лишь того имени, что значилось в его паспорте* (Что-то оранжевое). Прозвищем (независимо от того, какую характерную черту персонажа он подчеркивает) отмечается «свой» человек, принятый в мир персонажей этого городка. Например, в начале рассказа «Чудо о Буянихе» безымянный персонаж *пилот штурмовика*, прилетевший на похороны Буянихи, изображен буквально двумя деталями внешности (*приволакивая левую ногу* и *смахнул что-то с ресниц*) и репликой (*–Чиримэ... шени чиримэ...*). В конце повествования этот пилот, идущий в похоронной процессии, упоминается как …***уже получивший*** *прозвище Чиримэ.*

Комментарий к антропонимам может быть своего рода антропонимической справкой: *Домоправительница госпожа Ребуль (ее предки были французскими гугенотами, обретшими землю обетованную в Пруссии…)* (Синие губы) Такими справками сопровождаются редкие имена, не являющиеся прозвищами.

При сочетании антропонима с общей номинацией становится очевидным различие их семантических связей. Семантика антропонима соотносится только с персонажем, а семантика общей номинации соотносится как с персонажем, так и с сюжетом рассказа. Семантика прозвища наиболее сложная: она соотносится с персонажем, подчеркивая тот или иной признак, соотносится с сюжетом, так как «говорит» об отношении называющих к называемому: кличку дают жители городка, выражая свое небезразличие к тем или иным признакам персонажа.

Прозвища персонажей «Прусской невесты» мотивируются по-разному: апеллятивами (*Граммофониха, Кувалда, Матрас*), прецедентными именами (*д'Артаньян, Сусик (от Исусик), Тарзаниха, Синдбад Мореход*), собственно антропонимами (*По Имени Лев, Вэ Пэ, Тамарища, Макариха*), в том числе прозвищами (*Чекушонок* – сын *Чекушки), Лизетта* – дочь *Общей Лизы, Молодой Лебезьян* – сын *старого Лебезьяна*). Составные прозвища иногда включают в качестве компонента «паспортные» имена или отчества персонажей: *Андрей Фотограф, Рафаил Голубятник, Зойка-с-мясокомбината, Глаз Петрович, Машка Геббельс.*

Признаки, которые положены в основу прозвища, разнообразны. Это особенности внешности (*Вита Маленькая Головка, Лапа, Красавица Му, Мороз Морозыч, Вилипут, Жопсик, Тетя Лошадь, Петр Рыжий*), особенности поведения, в том числе и речевого (*Пердила, Гуляй Нога, Буяниха, Общая Лиза, Тетя Злоба*), род занятий: *Фокусник, Зойка-с-мясокомбината*. Если прозвище подчеркивает визуальный признак, то его семантика обычно ясна и вне контекста. Прозвища же, которые подчеркивают особенности поведения, являются говорящими только с учетом пояснений:

Моржиха (в морге служила), *Машка Геббельс* (грозила уничтожить евреев), *старуха дворничиха Кильманда* (использовала фразу на татарском).

Введение прозвища в образ персонажа обычно сопровождается указанием на наименование: ***по прозвищу*** *Мясо* (Седьмой холм), *немая Тарзаниха,…* ***получившая прозвище*** (Ванда-Банада), ***прозвали*** *Фуфырь* (Рита Шмидт кто угодно), ***прозвище ему дали*** – *Самурай* (Сон Самурая), ***ласково звал*** *Селедочкой* (Бедный Крестьянин) и др.

Важность самого процесса наименования подчеркивает также глагол ***нарекать*** в описании персонажа Буянихи – женщины не просто неукротимой энергии и бесстрашия, но созидающей этой энергией мир вокруг себя:

Нет, она никому не давала прозвища – она ***нарекала*** *телефонистку Анастасию Миленькой, горбатенькую Марию – Масенькой, Ивана Андреевича с его ватной шевелюрой и ватной бородой – Морозом Морозычем, а вздорную и болтливую старуху Граматько – Граммофонихой, и с той минуты никому и в голову не приходило, что у этих людей были когда-то другие имена, а события можно толковать не так, как их толкует Буяниха. Это был мир, который она сотворила, — точнее, перевоссоздала по своей воле и разумению* (Чудо о Буянихе).

Здесь глагол ***нарекать*** отсылает к тексту Библии, а посредством оппозиции *нарекать* / *не давать прозвища* и ближайшего контекста (*Это был мир, который она сотворила, — точнее, перевоссоздала по своей воле и разумению*) у глагола ***нарекать*** «наводится» семантика ‘творить, вдыхать жизнь’.

Номинация персонажа прозвищем может не предваряться указанием на именование: *…Единственной бабой, которая его ненадолго пригрела, была* ***Машка Геббельс****. После третьего стакана самогона с куриным пометом она обычно призывала тотчас повесить всех городских евреев – директора школы, слесаря-сантехника и врача-рентгенолога…* (Бедный Крестьянин). Однако факт прозвания здесь понятен из последующего описания поведения персонажа. И здесь весьма существенно наречие *обычно*, которое является оправданием прозвища.

Независимо от наличия или отсутствия указания на именование большинство прозвищ персонажа сопровождаются прямым или косвенным описанием мотивировки. (Прозвища, которые не поясняются в антропонимиконе «Прусской невесты» единичны: Ирус, *Медведица*, *Чеснок*, *Матрас, Плюшка, Фантик, Боб, Дуля, Фролик, Эвдокия, Яшка Бой* и некоторые другие).

Наличие прямого описания мотивировки прозвища в образе персонажа не связано со статусом этого персонажа (главный / второстепенный / эпизодический). Впрочем, прозвище часто встречающегося персонажа Кольки Урблюда сопровождается описанием причин наречения именно в рассказе с одноименным заголовком: *Годам к тринадцати-четырнадцати он кое-как освоил чтение, письмо и счет на пальцах, а когда на*

уроке зоологии он назвал верблюда – урблюдом, все тотчас поняли: лучшего прозвища для этого придурка – умри, не придумать. ***Урблюд*** *– и есть урблюд* (Колька Урблюд). В остальных рассказах персонаж фигурирует с различными подробностями, но без упоминания мотивов наименования, например: *весельчак и пьяница Колька Урблюд* (Маленькая и Масенькая); *Колька Урблюд с красной повязкой на правой ноге, каковой ему запрещалось бить пенальти — во избежание гибели вратарей* (По Имени Лев).

Прямое пояснение в тексте рассказа может оформляться скобками или двоеточием: *...****Фигура*** *(обязанная прозвищем своей совершенно кубической фигуре с кубической грудью и кубическими же ногами, а также тому, что переводила магазинные овощи, картошку да морковь, вырезая из них забавные фигурки, которые выставлялись в витрине) – иногда делилась с Капитаном Лешей* (Фарфоровые ноги); *Чекисты, – шепотом объяснила фельдшерица Анна Павловна, которую взрослые между собою звали* ***Мартовской Бабой****: при виде мужчин она таяла, как снеговик весной. – Щит и меч революции. Мущины* (Фашист).

Косвенное описание мотивировки прозвища становится понятным из описания в тексте особенностей персонажа: его речи, привычек, поведения, внешности. Такая мотивировка может оформляться причастным оборотом, придаточным предложением, продолжением после точки. Прозвище ***Алимент*** поясняется несобственно-прямой речью персонажа: *…Алимент, «алиментарно» забивавший в каждом матче по голу благодаря бутсе с секретным гвоздём в подмётке* (По Имени Лев); прозвище ***Ахтунг*** *поясняется посредством* описанием ситуации употребления слова: *…В детстве я боялся слова «ахтунг». Часовщика это забавляло. Ни с того ни с сего он кричал: «Ахтунг!» — и хохотал, наблюдая за мечущимся еврейчиком, норовящим забиться в уголок потемнее* (Рита Шмидт Кто Угодно); прозвище ***Граммофониха –*** указанием на ее болтливость: *Известная склонностью к словесному недержанию Граммофониха* (Аллес); *болтливейшая старуха Граммофониха* (Буйда); *она нарекала вздорную и болтливую старуху Граматько – Граммофонихой* (Чудо о Буянихе); ***Бедный Крестьянин*** – произносимой неоднократно пословицей: *Никто никогда не называл Алексея Иринархова по имени. Чаще – Бедным Крестьянином, как он сам о себе любил говорить: «Нам, бедным крестьянам, лимонады не нады, — нам водочки подавай...»* (Бедный Крестьянин); прозвище ***Кальсоныч*** косвенно поясняется фамилией *Кацнельсон,* являющейся аттрактаном прозвища: *Председатель поссовета Адольф Иванович Кацнельсон, по прозвищу Кальсоныч, отмалчивался<…>* (Ванда Банда); прозвище ***Кувалда*** поясняется посредством описания внешности персонажа: *пожилая уборщица Кувалда, женщина одинокая, грубая, усатая, с огромными костлявыми кулаками* (Живем всего два раза).

Косвенное или прямое пояснение (описание мотивировки) прозвища является более существенным в образе второстепенного или эпизодического персонажа. Если образ главного персонажа составляют, кроме собственного имени, также разного

рода описания: внешности, действий, состояний, в том числе и пояснения оснований наименования. Эти пояснения процесса наименования в ближайшем к нему контексте этого процесса – это не просто подсказка для понимания говорящего имени, это поступок, событие наименования.

О. Славникова отмечает, что в каждом уникальном по происхождению прозвище буйдовских эпизодических персонажей «зашифрован туго свёрнутый сюжет» [Славникова 1999: 214]. В расшифровке этого сюжета коротким пояснением именования характеризуется не только называемый персонаж, но и те участники описываемого события, которые давали имя: *Катерина Ивановна… каждый день проделывала многокилометровые походы, возвращаясь поздно вечером с богатой добычей, вся в горячем поту и с запавшими глазами. …* ***За свои бутылочные походы и получила Катерина Ивановна прозвище Синдбад Мореход*** (Синдбад Мореход). Фабульная незначительность эпизодического персонажа компенсируется этой свернутой в прозвище историей, которая характеризует всю ситуацию наименования. Неглавные персонажи «Прусской невесты», «наделенные» историей напоминают персонажей полотен Питера Брейгеля старшего «Фламандские пословицы», «Игры детей», «Битва масленицы и поста» и др.

Антропоним в силу описанных признаков становится в изображении художественного мира важнейшим элементом краткого, но необыкновенно емкого образа неглавного персонажа.

Литература и источники

Дмитровская М.А. Об отношении искусства и действительности, или Почему майор Лавренов убил Элизу Прево: рассказ Юрия Буйды «Чужая кость» // Балтийский филологический курьер: Науч. журн. / Ред. кол.: В. Грешных и др. Калининград: изд-во КГУ, 2004. № 4. С. 145–178.

Буйда – *Буйда Ю.* Прусская невеста // Официальный сайт Юрия Буйды [Электронный ресурс]. Режим доступа: (11.03.2019).

Курбатов В. Дорога в объезд. Связка рецензий // Дружба народов. 1999. № 9. С. 156–164.

Славникова О. Обитаемый остров // Новый мир. 1999. № 9. С. 212–216.

G.N. Girzheva, V.I. Zaika
(Veliky Novgorod, Russia)

ANTHROPONYM AS AN ELEMENT OF A CHARACTER'S IMAGE (BASED ON THE MATERIAL OF YURY BUIDA SHORT STORY COLLECTION "THE PRUSSIAN BRIDE")

The article presents the result of the analysis of more than three hundred anthroponyms found in the texts of Yury Buida short story collection "The Prussian Bride". The role of the anthroponym in the structure of the character's image is determined, considering the importance of the naming

event in the storyline. The typology of anthroponyms is given, the peculiarities of motivation and the character's features emphasized in the nickname are described.

Key words: anthroponym, nickname, nickname motivation, artistic image, naming event.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.496

Н.В. Комлева
(Вологда, Россия)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА В.И. БЕЛОВА «КАНУНЫ»

Имена собственные в художественном произведении являются компонентом системы средств художественной выразительности, образуя своё ономастическое пространство в тексте, они определяют специфику авторской модели мира и участвуют в построении основных текстовых категорий, особенно в создании такой категории, как субъектная организация текста.

Ключевые слова: имя собственное в художественном тексте, субъектная организация, формы повествования.

Трилогия В.И. Белова «Час шестый» – это роман-хроника о временах коллективизации на территории Русского Севера. Типы повествования в прозе В.И. Белова различны, но в то же время они образуют композиционное единство, которое организовано «определённой точкой зрения (автора, рассказчика, персонажа)» [Гаврилова 2002: 8]. Соотнесенность отрывков текста с соответствующими им субъектами (носителями) речи и сознания представляет субъектную организацию романа. Регулярно повторяющимися элементами текста всегда являются имена собственные, которые приобретают мотивированность в структуре целого.

Главные антагонисты в романе «Кануны» [Белов 2011] – двое молодых мужчин, вступающих в серьёзную взрослую пору своей жизни, оказывающихся перед выбором дальнейшего пути. Становлению личности *Павла Рогова* и *Игнахи Сопронова* отводится ключевое место в субъектной организации первого романа трилогии. Имена обоих обладают в тексте наибольшей частотностью по сравнению с именами других персонажей романа, и варьирование моделей именования позволяет рассмотреть их в составе длинного номинативного ряда, компоненты которого, представляя собой номинации одного и того же персонажа в разных структурно-семантических отрезках текста, несут в себе различные точки зрения на данного персонажа.

Номинативные ряды, отражающие употребление вариантов имен двух персонажей, на первый взгляд имеют схожий состав компонентов.

Пашка (в речи односельчан, родных и близких, но в основном только в первой главе романа) – *Паша (Пашенька)* (в речи жены) – *Пашка Пачин* – ***Павел*** *(Павло)* – *Павел (Павло) Данилович – Данилович* – ***Павел Рогов*** – ***Рогов***.

Игнашка (в речи отца и некоторых односельчан) – *Игнаша* (в речи жены) – *Игнатий (Игнатей)* – ***Игнаха*** – *Игнатий (Игнат) Сопронов – Игнатий Павлович* – ***Игнаха Сопронов*** – ***Сопронов***.

Формальное сходство вполне объяснимо, они земляки: один родом из деревни Шибанихи (Игнаха), другой – из соседней деревни Ольховицы (Павел). В модели именования включаются типичные для деревенского ономастикона данного исторического времени фонетические варианты полного имени, диминутивные и квалитативные формы. Неотъемлемой чертой именника вологодской деревни являются прозвища, и в романе «Кануны» их имеют многие персонажи, односельчане Павла и Игнахи, ср.: *Кривой Носопырь*, старик *Новожил*, *Тонька-пигалица*; *Северьян Брусков, по прозвищу Жук.*

Прозвища есть и у рассматриваемых персонажей, но только их статус в номинативных рядах различен. *Павел* имеет настоящую фамилию по отцу *Пачин*, но по ней он назван в романе всего один раз в речи односельчан, возмущённых несправедливым отношением к Пачиным: *– Товарищи! – Сопронов резко повернулся к толпе. / – Отымание излишков есть крутая мера по прижатию кулацкого алимента! / – Это* ***Пашка-то Пачин*** *кулак? Нашел кого прижимать!*

Женившись на Вере Роговой, *Павел* стал «приёмышем» в семье Роговых и получил новую фамилию-прозвище. Для Роговых это фамилия, а для Павла антропоним становится практически отражением сформировавшегося цельного и твёрдого характера – «упёрся рогом». *Роговым* называют его все: и односельчане, и представители новой власти, называют и «в глаза, и за глаза».

Игнат Сопронов тоже имеет прозвище, относящееся и к нему, и к его младшему брату *Сельке* (Селиверсту), которое «пристало» к ним ещё с детства: *Евграф рассказывал, как вчера собиралась у Палашки беседа. Селька, младший брат Игнахи Сопронова, пришел к девкам с какой-то книгой. / – Толстущая, толще Библии, называется капитальная, – объяснял Евграф. – Кладите, говорит, девки, свои прялки, проведем политграмоту. Тут Тонька-пигалица и спрашивает: «Что это ты, Селя, где эку взял?» А* ***соплюн-то*** *как на её взвился: «Не Селя, а Селиверст Павлович!» Меня, говорит, и в Ольховице зовут по отчеству.*

Соплюнами братьев Сопроновых народ называет «за глаза», но оба они знают о своих обидных прозвищах. Игнаха Сопронов назначен на должность уездного уполномоченного РИКа, и уж, конечно, никто не рискнёт в разговоре с ним назвать его столь унизительно. Но выбранная в речи других персонажей при обращении к нему вроде бы уважительная модель именования несёт в себе совсем иную коннотацию, чем та же модель в отношении Павла. Сравните:

– По какому добру? – Отец Николай собрал в кулак всё своё терпенье, чтобы не вышибить гостя коленом под зад. – По какому добру? Нам с вами не о чем говорить, Игнатий, э-э…

– Павлович.

– Вам тут нечего делать!

Когда по имени и отчеству обращаются к Павлу, эта модель подчёркивает признание его заслуг всеми: *– С кем литки-то, Павло Данилович? – заоглядывались покупатели. / – Не с Владимир Сергеевичем?*

Как известно, обращение по одному отчеству на селе является уважительной этикетной формулой по отношению к старшему поколению. Так *Павла* окликает один из старожилов села, Савватей Климов, тем самым выражая точку зрения старшего поколения на Павла:

– Куда с топором-то, а, Данилович?

В рассматриваемых номинативных рядах ключевыми являются следующие компоненты: *Рогов – Сопронов* – оппозиция подчёркивает противостояние двух характеров и судеб; *Павел – Игнаха*: антитеза заложена и на уровне личного имени. После венчания (которое описано в первой главе романа) преобладающая номинация в авторской речи *Павел*. *Игнаха* же остаётся *Игнахой* в собственно-авторской речи на протяжении всего текста романа, хотя персонажи примерно одного возраста, да и жена у *Игнахи* тоже имеется. Павел даже на уровне моделей именования в тексте имеет развитие, что является, безусловно, отражением личностного роста человека. Игнат такого развития лишён, он внутренне остаётся таким же, каким был в детстве, о чём позволяет говорить употребление диминутива *Игнаха* в несобственно-прямой речи персонажа: *Да, Колчака он, **Игнаха**, и впрямь не нюхал. Зато он нюхнул много другого. Много кое-чего нюхал **Игнаха**, не перечесть всего, да и считать не Митьке Паранинцу… Он не забыл, как еще в пятнадцатом году лежал в борозде, боялся идти домой. Как заряд соли, пущенный в него сторожем прозоровского сада, разъедал спину и ягодицы, как ходил босиком по осенним шипякам, как его, **Игнаху**, били все подряд. Все, начиная с отца и кончая тем же Паранинцем. Ему, **Игнахе**, вовек не забыть и другие обиды: как жил в бурлаках и как свои же девки не ходили с ним ко столбушке. Это тогда он поклялся никогда не приезжать больше в Шибаниху. Но он приехал. Он доказал всем, кто он такой, и докажет еще тысячу раз. Он готов на смерть за пролетарское дело. Они узнают еще, кто такой **Игнаха Сопронов**, теперь он нашел свою дорогу.*

Для понимания роли моделей именования этого персонажа в субъектной организации романа особенно показателен следующий фрагмент: *Смертельный страх прокатился по всему его телу <…> Лодка оседала с каждой секундой. <…> Весло обронилось и поплыло за бортом. Новая волна ужаса окатила его, и вдруг **Игнатий***

Сопронов *вспомнил Бога, начал униженно шептать полузабытые слова из «Отче наш», путая их со словами других молитв… «Господи! Спаси меня, Боже, Господи, не оставь ты меня, Господи, Господи…» Лодка хлебнула из озера всем левым бортом и начала погружаться в воду вместе с* ***Игнахой****… Он закричал в отчаянии. Этот животный рев и трепет всего его тела слились воедино.* Как и в предыдущем фрагменте, ракурс повествователя по отношению к персонажу максимально близкий, практически в душе и голове персонажа помещается рассказчик, понимая все его мысли и чувства. Перед лицом Господа в минуту смертельной опасности *Игнаха* на мгновение становится *Игнатием*, но побеждает всё-таки животный страх, а не раскаяние человеческой души, и поэтому он снова *Игнаха*.

Как видим, информативность имён собственных в субъектной организации художественного текста проявляется через систему оппозиций. Оппозиции могут быть обнаружены как на уровне противопоставления имён двух отдельно взятых персонажей, так и моделей именования целых групп персонажей.

Модели именования шибановских и ольховских мужиков в целом противопоставлены моделям именования приезжих представителей власти. Именованию «своих» персонажей характерна многочленность номинативного ряда в целом, а также использование компонентов ряда в различных типах авторского повествования. В движении сюжета повествовательные формы меняются, на стыке оказываются сказовые формы повествования и авторское повествование от третьего лица: *Вдруг на середину избы выскочил, тоже подвыпивший, Акиндин Судейкин, он хлопнул себя по тощим ляжкам: <…> Я вас пришел поглядеть, сам себя показать, здравствуйте, господа-сенаторы, из какой вы конторы? Я из нижней, межевой, я человек не швецкой, не турецкой, а тот же совецкой, Вологодской губернии, деревни Шибанихи Акиндин Судейкин*. «Персонажное» и авторское повествование: *Акиндину Судейкину стало неинтересно, он подсел к Савватею Климову. <…> Отец Николай притворился, что не расслышал. Продолжая игру, он обернулся к Судейкину. / – Киньдя, будь добр, погляди-ко мою кобылу.* Авторское и несобственно-авторское повествование: *Они сбились об заклад, и руки разбил им Ванюха Нечаев при многих свидетелях. Павел в случае проигрыша был должен не только истолочь Судейкину две ступы овса, но и смолоть три пуда свежей ржи, если же ветер подует и в новолунье, то Киндя Судейкин с первым большим заморозком пригонил бы ему самолучшего барана. (Хотя всем было известно, что баран у Судейкина всего один, не считая, конечно, двух ярок. Киндя завел овец после того, как вылегчил Ундера.).*

Персонажи, представляющие в романе «чужих», приехавших в село представителей новой власти, имеют иные модели именования: *Другую лошадь, тоже под седлом, привязывал замнач. ОГПУ Скачков. <…> – Понятно, товарищ Скачков. <…> – Товарищ Ерохин здесь?* Номинативные ряды включают, как правило, только

фамилию и указание на занимаемую должность. Члены этих рядов употребляются только в собственно-авторском повествовании и в прямой речи персонажей, что делает их «чужими», такие имена нередко вводятся в текст романа в виде другого текста, отражающего реалии отображаемого времени – различные официальные бумаги: *Председателю Шибановского сельсовета тов. Микулину. Срочно. <…> Зам. зав. АПО Захарьевского укома ВКП(б) Меерсон*».

Таким образом, изучение роли антропонимических оппозиций в субъектной организации художественного произведения, является одним из действенных приёмов постижения замысла писателя в целом. Целостное восприятие каждого персонажа складывается у читателя через многоголосицу разных точек зрения, маркерами которых служат имена собственные.

Литература и источники

Белов В.И. Кануны. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Повесть. Роман. М.: РИЦ «Классика», 2011. 512 с.

Гаврилова Н.А. Романы В.И. Белова «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый» как художественная целостность: автореф. дис. …канд. филол. наук. Череповец, 2002. 18 с.

N.V. Komleva
(Vologda, Russia)

THE PROPER NAMES IN THE SUBJECT ORGANIZATION OF *THE EVES* (*KANUNY*) NOVEL BY V.I. BELOV

The proper names used in the text belong to the system of the means of artistic expression. While constructing onomastic area of the text, the novel's proper names determine the specifics of the author's model of the world and participate in the creating of the main textual categories, especially the category of the subject organization of the text.

Key words: proper name, subject organization of the text, narrative forms.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.500

Н.В. Летаева
(Одинцово, Россия)

ПОЭТОНИМЫ В РАССКАЗЕ Е. БАКУНИНОЙ «ШТОРМ»

В статье анализируется ономастикон рассказа «Шторм» Е. Бакуниной, прозаика младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции. Отмечается роль поэтонимов в

выявлении авторской позиции осмысления сложных историко-философских вопросов, формировании культуроцентризма как стратегии повествования.

Ключевые слова: русское зарубежье, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, Е. Бакунина, проза, рассказ, «Шторм», поэтика, оним.

Литературная ономастика привлекает внимание литературоведов как один из способов исследования поэтики художественного дискурса. Целостное осмысление художественного текста, по всей видимости, должно опираться в том числе и на интерпретацию поэтонимов, которые могут представлять собой своеобразный текстопорождающий механизм, способствующий выявлению интенции автора, организующий систему художественных образов и деталей, формирующий концептуальную основу текста. Представляется, что поэтоним в художественном тексте не только выполняет номинативную, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции [Подольская 1988: 108], но может формировать «коммуникативное событие социокультурного взаимодействия» [Дейк 1989: 122] с другим текстом, продуцировать потенциальные смыслы, активируемые воспринимающим сознанием. В таком случае поэтоним становится источником перевода смыслов, заложенных автором в тексте, при этом, разумеется, не исключены риски обеднения или приращения авторского замысла, поскольку поэтоним может порождать открытый ряд рецепций, определяемых сознанием и пониманием адресата относительно и гипотетически.

Такова роль поэтонимов в прозе Екатерины Бакуниной, представляющей младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, в частности в рассказе «Шторм», опубликованном в литературных сборниках «Числа» в 1934 году. Сюжет рассказа прост: Марианна бежит из Петербурга в Нью-Йорк, спасаясь от тоски, скуки, отчаяния; её сопровождает влюблённый в неё Бек; пересекая океан, они попадают в шторм. Достигая берегов Америки, герои оказываются перед непростым выбором дальнейшего пути. Открытый финал не претендующего на оригинальность сюжета рассказа может обрести значимость во многом благодаря поэтонимам.

Марианна представляет собой сложный культурологический антропоэтоним. На поверхности очевидна контаминация онимов *Мария* и *Анна*, отсылающих в том числе к библейскому дискурсу, который поддерживается в рассказе мифологемой воды. Образ воды заполняет всё художественное пространство текста и связывается и с антропоэтонимом *Марианна*, если усмотреть в ониме латинский корень *marin* ‘морской’, и с гидропоэтонимами *Нева*, *Венеция*, *Ниагара*. Тяготение Марианны к водной стихии подчёркивается автором на протяжении всего повествования: она любит осенние наводнения в Петербурге, любит кататься на буере (однажды возле Кронштадта угодила в полынью); во время шторма Марианна чувствует «себя царящей над тысячью тысяч взбесившихся Ниагар» [Бакунина 2003: 160]. Даже отчаянье заливает её как вода. В рассказе центром этой мифологемы становится океан,

определяемый как «начало всех начал», «как бы творимая, но ещё не сотворённая земля» [Там же], а значит, аллюзивно связываемый со временем сотворения мира. Шторм в таком случае может трактоваться как Всемирный потоп, а «судёнышко», на котором герои бегут из России в Америку, как Ноев ковчег. В итоге автором, возможно, предложена художественная интерпретация вынужденной эмиграции граждан Российской империи и чудесного их спасения во время шторма-революции.

Марианна, с другой стороны, может толковаться как производное от *Marianus* ‘из рода Мария’, мужского имени *Marius* ‘посвящённый Марсу (богу)’. Это толкование возможно на основе характеристики образа героини, жаждущей абсолютной свободы и независимости, борьбы и бунтарства. Антропоэтоним *Марианна* формирует и своеобразную парадигму интертекстуальности, отсылающую к мировой литературе. В русской литературе этот оним встречается довольно редко. Отметим, например, роман И. Тургенева «Новь» и рассказ А. Куприна «Марианна». Близость рассказа Е. Бакуниной рассказу А. Куприна определяется творческим диалогом писателей о поре молодости (ср.: «<...> как глупа бывает иногда зелёная юность» [Куприн 1971: 66] и «Юность кипит впустую и бродит ощупью» [Бакунина 2003: 155]), приключениях, гендерной игре во взаимоотношениях, художественным пространством Петербурга. В западной литературе известен французский роман Пьера де Мариво «Жизнь Марианны, или Приключения графини де...», раскрывающий заглавный образ как развитие образов героинь испанского плутовского романа, романов Лесажа, Дефо. Марианна Мариво достаточно рассудительна, умеет принимать правильные, нередко трудные для неё решения, возбуждать симпатии у встречаемых ею людей, что свойственно и бакунинской Марианне. Марианна также является заглавной героиней в романе итальянской писательницы Г. Деледды «Марианна Сирка», персонажем комедии итальянского драматурга К. Гольдони «Забавный случай». Марианна, наконец, есть символ Французской республики [ЭЛГ]. Таким образом, антропоэтоним *Марианна* вбирает комплекс библейско-культурных и литературных коннотаций, соединяющий древнееврейскую культуру с западной цивилизацией, переносимые вкупе на русскую почву.

Антропоэтоним *Бек* представляет собой восточную культуру. В странах Ближнего и Среднего Востока, а также у тюркских народов Средней Азии и Закавказья это «титул родоплеменной и феодальной знати, должностных лиц (правителей областей, военачальников и т. п.); лицо, имеющее этот титул» [БТС: 1988]. В русской литературе оним встречается чаще в составе сложных имён персонажей. Например, Аммалат-бек в одноимённой повести А. Бесстужева-Марлинского, Бек-Агамалов в «Поединке» А. Куприна. Можем предположить, следовательно, что Е. Бакунина соединяет не просто персонажей в художественном пространстве своего рассказа, но культуры: древнееврейскую, восточную и западную. В таком случае в рассказе развитие сюжета, думается, становится второстепенным, а на первый

план выходят сложные взаимоотношения героев и их устремления, за которыми скрываются взаимоотношения западного (техногенного) и восточного (традиционного) типа цивилизации и их состояние в современном автору мире. Марианна и Бек представлены как разные, зависимые друг от друга персонажи, в отношениях которых доминирует то одна, то другая сторона. Автором подчёркнута в том числе и их совместная эмиграция с востока на запад и далее на другой континент, а в целом веками продолжающееся переселение народов.

Такая трактовка идеи поддерживается топонимическим корпусом поэтонимов (*Петербург*, *Венеция*, *Америка*, *Нью-Йорк*, *Эллис Айленд*), каждый из которых представляет в рассказе сложную культурно-историческую мифологему, необходимую автору для осмысления происходящего в России в первой трети XX века. Как известно, Петербург есть результат уникального взаимодействия двух цивилизаций. В рассказе Е. Бакунина помещает в один контекст топопоэтонимы *Петербург* и *Венеция*, поддерживая известный перифраз «северная Венеция» по отношению к Петербургу: «Внизу темнел канал: Венеция!.. Вода чуть дрожала и искрилась лунным отражением, и она была чернильно-блестящая. Как невская» [Бакунина 2003: 154]. Как и Венеция, Петербург связывал Западную Европу с Востоком.

Изображая Петербург, Е. Бакунина расширяет и поддерживает петербургский гипертекст, сложившийся в русской литературе. В рассказе Петербург сырой, мглистый, холодный, призрачный, нагоняющий тоску. Описание одиноких блужданий героини «по прямым петербургским улицам от фонаря до фонаря и опять до фонаря», жёлтого пламени фонарей на перекрёстках, теней «в сырой серой мгле» [Там же: 154, 155] включает рассказ Е. Бакуниной в пространство русской литературы от Пушкина до Блока. Образ бездушного города как символа империи, символа новой культуры, символа двойственности раскрыт в многочисленных научных историко-литературоведческих работах. И именно от этого образа, спасаясь, бежит Марианна в Америку, в Нью-Йорк.

Новый Йорк, как и град Петра, ещё один город, созданный как новый символ новой культуры, отталкивающийся от культуры Старого Света, от сложившихся и устоявшихся манер Европы. Примечательно, что автор акцентирует внимание на Эллис Айленде, главном центре по приёму иммигрантов в Америке, называемом ими островом слёз. Этот топопоэтоним озвучивает доктор Флинт, имя которого означает кремень [CD]. Новая культура, в которой ищут спасение, свободы, по сути, не предлагает ничего нового человеку, не делает его жизнь проще, гармоничнее, радостнее. Именно поэтому статуя Свободы, расположенная автором между морем и береговыми огнями Нью-Йорка, выглядит неуклюже, громоздко и банально, как примелькавшаяся «картинка на туалетном мыле» [Там же: 166]. Отметим, что художественное пространство рассказа венчает Млечный Путь как сложный поэтоним, имеющий в

разных культурах неоднозначную символику: от символа недосягаемой мечты до символа пути умерших в загробный мир.

Сложная семантика поэтонимов в рассказе «Шторм», таким образом, расширяет художественное пространство текста, образует новые дискурсы, насыщенные культурологическим подтекстом, раскрывает инвариантность авторского замысла, возможно, с приращением смыслов. Вписывая «Шторм» в широкий культурный контекст, Е. Бакунина придаёт повествованию в рассказе культуроцентристский характер, определяя культуроцентризм как стратегию повествования. Сложное наложение литературных и культурологических аллюзий трансформирует «каноническую семантику “готового” сюжета», становится «средством эстетизации прозы, способом литературного самоопределения» [Хатямова 2008: 19], опирающимся на диалогический язык искусства как способ рождения новых смыслов, создания инвариантов саморефлексии литературы.

Литература и источники

Бакунина Е.В. Шторм // Мы. Женская проза русской эмиграции / Сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 151–166.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 // Режим доступа (свободный). URL: http://gramota.ru/slovari/dic/ [Дата обращения: 31.03.2019].

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / составление В.В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М: Прогресс. 1989. 310 с.

Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1971. С. 66–70. // Режим доступа (свободный). URL: http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_ 1370.shtml [Дата обращения: 31.03.2019].

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР; Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.

Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / Науч. ред. В.А. Суханов. М.: Языки славянской культуры, 2008. 326 с.

ЭЛГ – Энциклопедия литературных героев // Режим доступа (свободный). URL: https://gufo.me/dict/litheroes/ [Дата обращения: 31.03.2019].

CD – Cambridge Dictionary – Кембриджский англо-русский словарь // Режим доступа (свободный). URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/ english-russian/flint [Дата обращения: 31.03.2019].

N.V. Letaeva
(Odintsovo, Russia)

POETONYMS IN THE E. BAKUNINA'S STORY "STORM"

The article analyzes onomasticon in E. Bakunina's story "Storm", the writer of the younger generation of Russian writers of the first wave of emigration. The role of onyms in revealing of the author's position in understanding of complex historical and philosophical issues, formation of cultural-centrism as a strategy of narration is noted.

Key words: Russian Diaspora, younger generation of Russian writers of the first wave of emigration, E. Bakunina, prose, story, poetics, "Storm", onym.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.505

М.Р. Милуд
(г. Алжир, Алжир)

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА «ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ» И.А. БУНИНА

Статья посвящена ономастическому анализу рассказа «Тёмные аллеи» И.А. Бунина. Целью статьи является определение возможностей использования имён собственных как источника отражения реальных событий и средства лингволитературоведческой интерпретации художественных произведений. В исследовании проведён анализ имён собственных в рассказе «Тёмные аллеи» и выявлена их специфическая роль. Доказано, что при помощи определённого ономастического материала автору удалось параллельно раскрыть другую реальную историю.

Ключевые слова: оним, ономастика, рассказ, «Темные аллеи», ономастический анализ, И.А. Бунин.

Иван Алексеевич Бунин является первым русским лауреатом Нобелевской премии по литературе и одним из самых известных русских писателей. Цикл рассказов «Темные аллеи» считается одним из самых лучших и популярных художественных произведений автора. Рассказ «Темные аллеи» дал название всему сборнику сочинений. Данный рассказ был написан в 1938 году в эмиграции, где автор провёл долгие годы.

На первый взгляд, сюжет рассказа кажется простым: Николай Алексеевич встречает на почтовой станции женщину, с которой тридцать лет назад был бурный роман. Пожилой генерал не узнает своей бывшей возлюбленной Надежды. Генерал начал оправдываться перед ней, утверждая, что всё уходит и молодость и любовь.

Надежда винит его за то, что, он её оставил одну. Рассказав о своей семье, Николай Алексеевич признаёт, что жизнь уже наказала его, ведь жена «*изменила, бросила*», а сын вырос наглецом *«без сердца, без чести, без совести»* [Бунин 1988: 8].

Данный рассказ был написан автором в тяжёлое для него время после трагической разлуки с возлюбленной. Бунин сам писал *«ужасные мысли о ней. Если буду жив, вдруг могу остаться совсем один в мире»* [Бунин 1990: 150]. Бунин долго страдал от этого, поэтому он изложил в данном рассказе свою печальную историю.

Данная статья является попыткой определить возможности использования литературных онимов в качестве источника отражения реальных событий и уточнения специфической роли имён собственных как средства лингволитературоведческой интерпретации художественных произведений.

В числе актуальных направлений ономастических исследований одно из ведущих мест принадлежит изучению литературной ономастики, так как «изучение особенностей функционирования собственных имён позволяет глубже понять художественный мир автора» [Милуд 2018: 178].

Литературные онимы, как выразительные средства любого языка, участвуют в построении текстов художественных произведений, в выражении писательских смыслов и миропонимания. Они как правило оказывают воздействие на воображение читателей, вызывая у них определённые эмоции.

Выбирая определённые онимы как маркированное средство языка для отражения писательского мировоззрения, автор тем самым кодируют важные детали, характеризующие персонажей. Наше мнение подтверждается высказыванием Н.В. Меркуловой при определении эстетических онимов, которые «являются вербальным средством воплощения авторских интенций и художественной идеи произведения за счёт способности кодировать значительный объем художественной информации и выступать доминантными единицами текста» [Меркулова 2015: 144].

Продолжая свою мысль, Н.В. Меркулова утверждает, что «наряду со способностью передавать значимую для реципиента информацию, эстетические онимы обладают свойством делать ту же информацию закрытой для «непосвящённых» или инокультурных восприемников» [Там же].

Мастерство И.А. Бунина проявилось и в выборе онимов для своих персонажей (Николай Алексеевич, Надежда и Клим). Р. Барт утверждает, что «с именами собственными» имеются некого рода «загадочные отношения, которые касаются значимости (значения), желания (воли) и даже наслаждения», что позволяет с позиции психоанализа определить имя собственное в произведении как «главную направляющую сюжета и плана» [Барт 1995: 321].

Важно отметить, что «любой персонаж литературного произведения может быть, как реальным, так и вымышленным. Это зависит от автора и идейно-смыслового фона произведения» [Яблонская 2014: 101].

В ходе анализа рассказа «Тёмные аллеи», нами было обнаружено, что И.А. Бунин совместил в своём рассказе современность и историю. Личность Александра II весьма интересует автора. Он осознавал, что Александровская эпоха – важный поворот в истории России, ведь Александр II (1818–1881) является старшим сыном Николая I и российским императором с 1855 г. За время своего царствования он отменил крепостное право в 1861 году и участвовал в русско-турецкой войне (1877–1878) для помощи освободительному движению славянских народов. В официальной литературе именовался *Освободителем* [Эл. ресурс: Goldendict].

Кроме того, включая имя Александра II в рассказ, И.А. Бунин пытался тем самым освободить себя от столь мучительной любви. Имя *Надежда* является нарицательным и потому отличается своей живой внутренней формой. Оно считается исконно русским именем, хотя оно было заимствовано из старославянского языка, «где появилось как калька с греч. elpis → надежда. Др.-русск» [Эл. ресурс: Goldendict].

И.А. Бунин наделяет Надежду благородством, непосредственностью и исключительной душевной цельностью. Она ведёт себя просто и естественно, а к любви относится серьёзно и самоотверженно. Думается, что имя *Надежда* было выбрано автором, чтобы проиллюстрировать свою безысходность и своего главного героя.

Анализ вышеупомянутых онимов показывает, что имя *Николай Алексеевич* было выбрано писателем в честь русского офицера — Николая Алексеевича Киреева (1841–1876), который является крестником российского императора Николая I и младшим сыном тульского помещика Алексея Николаевича Киреева. Н.А. Киреев вместе с братом Александром окончили учёбу в 1860 году.

Говоря о русско-турецкой войне, нельзя не упомянуть имя Николая Алексеевича Киреева – героя русско-турецкой войны, который организовал отправку добровольцев на русско-турецкую войну и одержал ряд побед над турками в 1876 году. Он был убит в Болгарии в том же году [Эл. ресурс: Goldendict]. В рассказе «Тёмные аллеи» была упомянута родина этого офицера – *Тула*: «*на одной из больших тульских дорог*» [Бунин 1988: 5].

Как видно, отношение автора к своим героям проявляется и выборе соответствующих онимов. Николай Алексеевич носит то же самое отчество, что и Бунин. Автор вспоминает прожитые годы, важнейшие события своей жизни через своего героя и потому лишает его счастья, так как любовь, по Бунину, трагична сама по себе.

Автор сравнивает своего героя с Александром II, что можно вывести из этого, что имя *Александр II* служит доказательством родства с Николаем Алексеевичем. Использование имени константинопольского патриарха не только усиливает духовную связь между Николаем Алексеевичем и Александром II, но и укрепляет родственные отношения.

Клим является константинопольским патриархом, занявшим вселенский престол лишь на несколько дней в 1667 году. «Это назначение последовало без соборного

избрания, архиереи подали жалобу на неправильные действия великого визиря султану Махмеду IV, который признал назначение неправильным. К. должен был оставить патриарший престол, на котором пробыл несколько дней и который занял Мефодий III, и удалился на иконийскую митрополичью кафедру, которую занимал до своего назначения патриархом» [Эл. ресурс: Goldendict]. Имя *Клим*, по всей видимости, отражает для автора преходящую любовь с её страданиями.

Обратим внимание на данное выражение, цитированное Буниным из Библии: «*Как это сказано в книге Иова? «как о воде протёкшей будешь вспоминать»*» [Бунин 1988: 9] (Данное предложение было прямо цитировано из Библии): «*Тогда забудешь горе: как о воде протёкшей, будешь вспоминать о нем*» (Библия | Иов. 11:16). Иов («*Айуб*») считается образцом терпения и веры и в христианстве, и в исламе. В книге Иова поднимается экзистенциальный вопрос: «*Можно ли считать,* что несчастье человека происходит от наказания Бога?». В Библии трое друзей утверждали, что несчастье является божественным наказанием. Иов вместе со своей женой верили в то, что несчастье не наказание, а ещё одно доказательство деяния Бога по простой прихоти. В Коране история Айуба (*мир ему*), начинается с испытания Аллахом своего пророка, который лишил его здоровья и семьи. Однако Айуб (*мир ему*) проявил невероятное терпение, оставаясь уверенным, что Аллах вылечит его. Все, что он потерял, было ему возвращено: «*Мы даровали ему его семью и ещё столько же вместе с ними по Нашей милости и как напоминание для обладающих разумом*» (Священный Коран | Сура Сад. аят 43). В рассказе приводится имя Иова как образец веры и терпения из-за несчастий автора ради своей прихоти.

Таким образом, центральным событием рассказа является смерть Николая Алексеевича в сражении с турками ради спасения других земель. В конце рассказа герой вспоминает свою жену. Можно вывести из этого, что имя *Надежда* обозначает славянские земли, а его жена – родину. Итак, душевное состояние И.А. Бунина – чувство одиночества, безысходности, страдания – воплотилось и в онимах героев рассказа «Тёмные аллеи».

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что онимы рассказа играют специфическую роль, так как, выбирая определённый ряд имён собственных, автор смог, во-первых, выразить идейно-эмоциональные стороны своего рассказа и, во-вторых, раскрыть читателям другую реальную историю.

Примечание

Данная статья была подготовлена исключительно с использованием свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом.

Литература и источники

Бунин И.А. Лишь слову жизнь дана... М.: Советская Россия, 1990. 288 с.

Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1988. 639 с.

Меркулова Н.В. Эстетическая ономастика и её функции в художественном тексте и интертексте (на материале произведений французской литературы) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. Вып. 4 (18). С. 143–148.

Милуд М. Р. Полиаспектный лингвистический анализ рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника» // Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2018. Вып. 2 (38). С. 173–180.

Эл. ресурс: Goldendict – Goldendict Gnu-Linux Убунту версия электронный словарь // Режим доступа (свободный). URL: https://packages.ubuntu.com/bionic/goldendict [Дата обращения: 14.02.2019].

Яблонская Л.В. Система кодовых переходов в интерпретации образа личности персонажа художественного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 4 (149). С. 97–102.

Barthes R. Noms de personne (Vingt mots-clés pour Roland Barthes – Interview – Le Magazine Littéraire, février 1975) // Œuvres Complètes (1974–1980). Paris: Éditions du Seuil, 1995. 1376 p.

M. R. Miloud
(Algeria, Algiers)

ONOMASTIC ANALYSIS OF THE SHORT STORY "DARK AVENUES" BY I.A. BUNIN

The article is devoted to the onomastic analysis of the short story "Dark Avenues" by I.A. Bunin. The purpose of the article is to determine the possibility of using proper names as a source of reflection of real events and a means of linguistic and literary interpretation of works of art. In this paper, the proper names of the short story "Dark Avenues" are analyzed and identified their specific role. It is proved that, with the help of a certain onomastic material, the author managed to reveal another real story in parallel.

Key words: onim, onomastics, short story, "Dark Avenues", onomastic analysis, I.A. Bunin.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.509

М.М. Репенкова
(Москва, Россия)

ФУНКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В РОМАНЕ ЗЮЛЬФЮ ЛИВАНЕЛИ «ТРЕВОЖНОСТЬ» (2017)

В статье исследуются топонимы романа З. Ливанели «Тревожность» с точки зрения их историко-культурной составляющей. Доказывается, что ближневосточные топонимы связаны

религиозным фактором – приоритетным для жизни данного региона. Две группы топонимов, турецкие и иракские, представлены названиями городов (Мардин, Синджар), священными для езидов горами Синджар, а также христианскими (Шафрановый монастырь) и езидскими (Лалеш) храмовыми комплексами

Ключевые слова: Зюльфю Ливанели, роман «Тревожность», Мардин, Синджар, Лалеш, езиды.

Роман современного турецкого беллетриста З. Ливанели «Тревожность» [Livaneli 2017] с трудом поддается жанровому определению [Аврутина 2017: 12, 15]. Он построен в форме репортажа, который ведет главный герой Ибрагим – известный стамбульский журналист, приехавший в родной город Мардин для выяснения причин гибели друга детства Хюсейна. Расследование Ибрагима погружает его в гущу политических событий не только Турции, но и всего Ближнего Востока (борьба международного сообщества с ИГИЛ в Ираке и Сирии; истребление боевиками ИГИЛ курдов-езидов на севере Ирака; беженцы-езиды и рост ксенофобских настроений среди местного населения в приграничных турецких провинциях и т.п.).

Реальные политические факты переплетаются у З. Ливанели с художественным вымыслом, с историей жизни и гибели врача Хюсейна, который влюбился в беженку-езидку Мелекназ и решил на ней жениться. Решение Хюсейна вызвало резкое неприятие среди его родственников и знакомых, а кроме того, привело к тому, что на него напали на улице местные сторонники ИГИЛ и тяжело ранили. Чтобы спастись от радикалов-исламистов, Хюсейну приходится уехать в США к старшим братьям, где он гибнет от рук фашистов-исламофобов. Тело убитого братья перевозят в Мардин.

Форма журналистского репортажа позволяет соединять художественное действо с обширными историческими и географическими комментариями. Они расширяют представление читателя о тех местах, где разворачиваются романные события, помогают глубже проникнуться в описываемые проблемы. Основные события происходят в городе Мардине, находящемся на юго-востоке Турции, на границе с Сирией. Этот город известен своими архитектурными памятниками в арабском стиле, расположением на скалистой местности с видами на северные равнины Сирии и тесной связью с христианской религией, о чем неоднократно упоминается в повествовании как самого Ибрагима, так и других персонажей, с которыми он беседует (сестра Хюсейна Айсель, школьный друг Ибрагима и Хюсейна Мехмет, отец Мехмеда Фуат-амджа, беженка-езидка Зилан, Сирийский монах Габриэль и др.). Таким образом, устами героев З. Ливанели приводит многотысячелетнюю историю города, возникшего на землях древней Месопотамии.

Первоначально это был небольшой поселок на горе *Изалла* (другие варианты названия *Азалзи*, *Азалли*), входивший в состав государства хурритов, а затем Ассирийской империи. С падением ассирийцев в римский период город получил название

Марида (*Мерида*), которое переводится с арамейского как ‘крепость’. Между 150 г. до н.э. и 250 г. н.э. город был частью нео-ассирийского Осроенского царства, а потом в конце III в. персидский шах Шапур завоевал Мардин и всю Осроену, сделав регион частью сассанидской провинции Асуристан.

Византийскую Изаллу в XI в. завоевали сельджукиды. Артукиды – одна из влиятельных сельджукских династий – избрала город в качестве своей резиденции, украшая его улицы мечетями, медресе, дворцами, караван-сараями. Пав под ударами монголов в XIII в., Артукиды сохранили власть над Мардином. Позднее город переходит под контроль федерации тюркских племен Ак-Куюнлу. В 1517 г. Мардин был захвачен турками-османами и до установления республики управлялся султанскими наместниками.

Поскольку в период средневековья Мардин, большая часть населения которого оставалась ассирийцами и армянами, служил местом пребывания епископских кафедр христианских церквей – Армянской Апостольской Церкви, Ассирийской Церкви Востока, Армяно-Католической и Сиро-Католической Церквей, Сиро-Православной (Яковитской) Церкви, в городе сохранилось много церквей и монастырей. Наиболее известный из них – монастырь Святого Анании (Дейр-уль-Зафаран / Шафрановый монастырь). Он принадлежит Сиро-Православной Церкви, основан в 493 г., являясь одним из старейших христианских монастырей на территории современной Турции, действующим по настоящее время. В Шафрановом монастыре располагалась резиденция яковитского патриарха. Более двух тысяч лет назад на месте монастыря находился храм солнцепоклонников.

В романе З. Ливанели об истории монастыря рассказывает сирийский монах Габриэль, с которым беседует Ибрагим, собирая сведения о пропавшей возлюбленной Хюсейна, езидке Мелекназ: *Да, вы совершенно правы. Когда строилось монастырское здание, в цемент добавляли шафран, растущий в изобилие в этом районе. Поэтому и появился монастырь цвета желтого шафрана. И вопрос ваш справедливый, я понимаю журналистский интерес: как же так вышло, что древний сирийский монастырь, имеющий отношение к самым глубинам христианской веры, построен над языческим храмом? Думаю, что причина в следующем: Храм Солнца был построен очень давно, он уже потерял свое значение. А мы – новое строение. Монастырю 1600 лет, а Храму Солнца – 4000 лет. Не смейтесь, я серьезно говорю, для этих мест 1600 лет считается вчерашним днем* [Livaneli 2017: 56].

Рассказы очевидцев, вплетенные в репортаж Ибрагима, нацелены на то, чтобы показать необычность топонима *Мардин* для Турции. Эта необычность связана, с одной стороны, с его географическим положением, а с другой, с его исторической толерантностью к людям разных национальностей и разных религий. На протяжении веков в Мардине мирно сосуществовали мечети и церкви, синагоги и языческие храмы.

Но в нынешние времена все изменилось. Население города стало нетерпимо ко всему инаковому, ко всему тому, что выходит за рамки ортодоксального ислама. Журналист Ибрагим, пытаясь разобраться в произошедших изменениях с жителями города (например, почему они готовы убить человека лишь за желание жениться на немусульманке), узнает много об истории и культуре езидов, проникается идеями их религии, ужасается кровавой трагедией (по сути, геноцидом езидов), которая произошла в августе 2014 г. в городе Синджар (Шенгал / Шангал), расположенном в Иракском Курдистане.

Иракский город *Синджар*, горы *Синджар* и храмовый комплекс *Лалеш* (*Лалш, Лалиш, Лалыш*) – главная святыня езидов, расположенный в Ираке в 60 км к северо-западу от Мосула – это те топонимы, которые связаны в романе с езидизмом и возлюбленной Хюсейна Мелекназ. Девушка родилась и выросла в деревне близ города Синджар. Когда в августе 2014 г. город захватили боевики ИГИЛ, устроив массовую расправу над езидами, Мелекназ спасалась от убийц-террористов в горах Синджар и храме Лалеш до тех пор, пока не попала в их руки и не оказалась проданной в рабство. Ее избивали, насиловали, множество раз перепродавали, но ей удалось бежать. Бойцы курдского ополчения пешмерга перевели ее через горные перевалы Синджара, и она оказалась в лагере беженцев на территории Турции.

Езидизм – монотеистическая религия, в основе которой лежат зороастризм, христианство и ислам. Относясь к группе синкретических верований, он уходит истоками в доисламский период. Распространена преимущественно среди курдов. Езиды верят в единого Бога-Творца, который создал мир, и в семь его ангелов. Центральной фигурой в езидской космогонии является Ангел-Павлин (Малак-Тавус), который был создан Богом еще до сотворения мира, поставлен во главе других ангелов, потом за ослушание низвергнут с небес, но после искупления вины возвращен к Богу. Малак-Тавус представляет и свет, и тьму. Многие сравнивают его с дьяволом, поэтому тот тоже был изгнан из рая. Отсюда и повелось считать езидов дьяволопоклонниками. Между тем, езиды считают, что все в мироздании имеет свою противоположность. Поэтому, чтобы постичь сущность чего-либо, надо познать и его обратную сторону. Езиды верят в загробную жизнь, в рай и ад, переселение душ, в конец света и воскресение мертвых, в пришествие Спасителя (Шарфадина).

Главным вероучителем у езидов является средневековый ученый-мистик Шейх Ади ибн Мусафир (XI–XII вв.). Придя в Лалеш, он сплотил вокруг себя разрозненные езидские племена и вернул им храм, ранее отнятый иноверцами. Считается, что именно он привнес в езидскую религию многое из суфизма (почитание некоторых суфийских святых). В годы его учительства были написаны особым письмом (тайнописью) две священные езидские книги – «Ктеба Джелва» («Книга Откровения») и «Масхафа раш» («Черная книга»), которые до наших дней не сохранились. Шейх похоронен в храмовом комплексе Лалеш.

Лалеш – центральный храм езидов, находится он в одноименной долине в окрестностях городов Мосул и Духок. В езидских священных текстах говорилось, что изначально мир представлял собой бесконечное море. Но Бог приказал ангелам создать твердь, те спустились на воду и создали «закваску» в море, и оно загустело. Так была создана суша. Место, куда спустились ангелы, и есть долина Лалеш. Купола (кубба) храмового комплекса представляют собой вытянутые заостренные конусы со множеством граней. Эти купола символизируют лучи солнца, сходящие с небес на землю. В Лалеше таких куполов шесть. Над центральным зданием храма возвышаются три купола – Шех Ади (под ним покоятся мощи Шейха Ади), справа от него – Малак Шехсин, слева самый маленький – Шех Мусе Анзали.

Вот что рассказывает журналисту об езидах и их вере известный богослов Мардина, отец одного из школьных друзей Ибрагима Фуат-амджа: *Езиды – хорошие люди, но поскольку считается, что они поклоняются дьяволу, на протяжении истории они подвергаются гнету и насилию, род их уменьшается. Эти несчастные – сломанная ветвь человеческого древа. По сути, они и сами так говорят. А уж после того, как пришел ИГИЛ, начались новые массовые убийства. На их деревни нападали, их мужчин убивали, отрезали головы, сжигали; девушек и молодых женщин делали рабынями, насиловали; детей воспитывали в ненависти к езидизму. Много было, сынок, насилия, много. Те, кто смог убежать, прятались в священных горах Шенгала, а потом, перейдя через границу, попадали в Турцию. Они все оставались в разных лагерях. Бедные, бедные люди! Посмотришь, что они пережили, сердце кровью обливается* [Livaneli 2017: 48].

Таким образом, топонимы в романе З. Ливанели «Тревожность» разделены на две группы – турецкие и иракские. Обе группы подчеркивают первостепенность религиозного фактора для жизни людей на современном Ближнем Востоке. Географические и историко-этнографические зарисовки, используемые автором, помогают читателю не только представить в подробностях священные для мусульман, христиан и езидов места поклонения и проживания, но и глубже проникнуться актуальной политической проблематикой романа.

Литература и источники

Аврутина А.С. Роман Зюльфю Ливанели «Беспокойство» (“Huzursuzluk”) как отражение политической ситуации в современной Турции //Актуальные вопросы тюркологических исследований: Международная научная конференция XIX Ивановские чтения, 19 мая 2017 г. Материалы конференции. СПб.: Центр содействия образованию, 2017. С. 10–15.

Livaneli Ö.Z. Huzursuzlık. İstanbul: Doğan Kitap, 2017. 155 s.

M.M. Repenkova
(Moscow, Russia)

THE FUNCTION OF GEOGRAPHIC TITLES IN THE NOVEL "ANXIETY" (2017) BY ZÜLFÜ LIVANELI

This article examines the toponyms from Z. Livaneli's novel “Anxiety” from the point of view of their historical and cultural elements. It has been shown that Middle Eastern toponyms are connected through a religious aspect - a priority for life in that region. Two groups of toponyms, Turkish and Iraqi, are represented by the names of cities (Mardin, Sinjar), the sacred Yazidi mountains of Sinjar, and the Christian (Saffron monastery) and Yezidi (Lalesh) temple complexes.

Key words: Zülfü Livaneli, the novel “Anxiety”, Mardin, Sinjar, Lalesh, Yezidis.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.514

А.Р. Садокова
(Москва, Россия)

«ЛИЧНЫЕ ИМЕНА» КАМНЕЙ И СКАЛ В ЯПОНСКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ

В статье на примере народных преданий полуострова Идзу рассматривается проблема присвоения «личных имен» камням и скалам. Отмечается, что такая персонификация камней восходит к древней синтоистской традиции обожествления камня. Присвоение имени является показателем значимости тех исторических лиц, которым приписываются события, повлекшие за собой получение камнем «личного имени». Для полуострова Идзу таким героем-созидателем стал видный исторический деятель Минамото Ёритомо.

Ключевые слова: обожествление камня, имена камней, японские народные предания, Минамото Ёритомо, полуостров Идзу.

В повествовательном фольклоре Японии особое место занимают народные предания, которые вместе с другим жанром – легендами – принято обозначать единым термином *дэнсэцу*. К жанру *дэнсэцу* относятся повествования о великанах, о синтоистских и буддийских божествах, о великих монахах и святых, о храмах и сокровищах. В произведениях этого жанра также подробно рассматриваются природные объекты, которые традиционно выделяют в отдельные группы: повествования о воде (о реках, прудах, непроточных водах), о горячих источниках и их чудодейственной силе, о камнях (в том числе об утесах и скалах). При этом тексты о горах и склонах никак не связаны с группой «Камни». Традиционно горы для японцев понимались как лес, а не как каменистое пространство.

В разных районах Японии в системе локального повествовательного фольклора корпус текстов о камнях всегда был одним из самых крупных. Это связано, прежде всего, с тем, что в традиционной японской религии синтоизме камню придавалось особое значение, и он почитался как божество. Особенно когда речь шла о больших камнях или о камнях причудливой формы. Нередко камни являли собой материализацию того или иного божества синтоистского пантеона. Именно поэтому и сегодня в Японии можно встретить немало камней, на которых написаны имена богов. Это означает, что данный камень и есть сам бог. С течением времени отношение к камню как к божеству привело к тому, что многие камни в Японии имеют свои собственные имена и это не только имена богов. Любой «прославленный» камень может обрести «личное имя». При этом прославиться он может разными способами. Например, помочь кому-то, спасти от беды или просто оказаться объектом деяний известного исторического лица или святого.

В современной Японии изучать имена камней можно практически в любом районе страны. И потому выбранный нами в рамках данной статьи полуостров Идзу, обращенный к Тихому океану, лишь один из примеров. Это живописный полуостров, который находится недалеко от современного Токио и воспринимается сегодня японцами как курортное место. Там много небольших морских бухт и необыкновенно красивая горная природа.

Однако таким восприятие полуострова Идзу было далеко не всегда. На протяжении многих веков Идзу был местом ссылки. Именно благодаря горному рельефу, крутым перевалам, ветрам, дующим со всех сторон, полуостров считался идеальным местом для содержания преступников – оттуда ссыльные практически не могли выбраться. Для многих из сосланных в эти места жизнь делилась на «до» и «после», и они возвращались с Идзу больными и потерявшими интерес к жизни людьми. Японская культура и литература знают тому немало примеров. Однако такое случалось не со всеми. Когда-то одним из самых знаменитых «пленников» полуострова Идзу, еще будучи юношей, был будущий правитель средневековой Японии, выдающийся политический и военный деятель Минамото Ёритомо (1147–1199). Проведя на Идзу почти двадцать лет, Ёритомо собрал войско, вернулся в столицу и разгромил давних врагов своего клана – род Тайра. В этой борьбе погиб малолетний император, и тогда Ёритомо провозгласи себя *сёгуном* – военным правителем Японии, и тем самым установил в стране на следующие семь веков военное самурайское правление.

Японский фольклор свидетельствует, что народные симпатии никогда не были на стороне Ёритомо, и потому локальные предания полуострова Идзу приобретают особую ценность. Практически это единственный цикл об этом герое, вообще сохранившийся в японской народной повествовательной традиции. Один из исследователей фольклора полуострова Идзу, составитель сборника легенд и преданий этого

края Ёсикава Юко, отмечала, что на полуострове записано 49 текстов, которые можно отнести к разделу «Камни, скалы, пещеры». Из них больше половины повествуют о Минамото Ёритомо, о его деяниях в те годы, когда он был сослан на Идзу [Ёсикава 2001: 9]. Как показало наше исследование, практически все эти тексты рассказывают не просто о деяниях Ёритомо, а приписывают ему создание большинства известных на Идзу камней и скал, а также повествуют о присвоении этим камням «личного имени».

При этом следует отметить, что предания типа «камень – Ёритомо» различались не только по району бытования и тематике, но и по глубине «привлечения» самого образа Ёритомо. То есть в одних случаях Ёритомо сам нарекал камень, в других – камню давали «личное имя» после событий, связанных с Ёритомо.

В целом предания о камнях, связанных с именем Минамото Ёритомо, можно разделить на две неравные группы. Тексты первой, меньшей по количеству преданий, группы демонстрируют непосредственную связь с реальными историческими событиями и как бы напрямую связаны с противостоянием родов Тайра и Минамото. Лейтмотивом является страстное желание молодого Ёритомо разгромить род Тайра.

Примером такого предания может служить история о неком камне, который местные жители прозвали *Кириси* – ‘разрубленный камень’. Рассказывают, что однажды Ёритомо с двумя воинами поднялся на вершину перевала Дои и обнаружил там огромный камень необычной продолговатой формы. Он спешился и приказал спутникам подождать его. Сам же наклонился над камнем и произнес: «Если смогу разрубить этот камень, род Минамото будет процветать и вернет себе былое величие, не смогу разрубить – род Тайра будет процветать вечно». И едва он ударил мечом по камню, тот разломился на две части. Ёритомо засмеялся и в добром расположении духа отправился дальше [Идзу-но дэнсэцу 2001: 62–63]. Так камень стал предсказателем удачи для рода Минамото.

Все другие предания о камнях при кажущемся разнообразии однотипны: это рассказ о том, что на этот камень ступала нога великого человека или его коня. При этом совершенно очевидно, что при других обстоятельствах имя Ёритомо могло быть без ущерба для основной фабулы заменено на имя другого исторического лица. Даже в отличие от предания о разрубленном камне здесь нет привязки к личности Ёритомо и событиям, с ним связанным. Например, в деревне Накамура (Западный Идзу) сохранился обычай приносить к одной из скал сандалии-*дзори*. Эту скалу называют *«Ёритомо аси»* (букв. ‘нога Ёритомо’). На этой небольшой скале заметна выемка. Считается, что это след ноги Ёритомо, который, скрываясь от врагов, с такой силой наступил на этот камень-скалу, что оставил свой след. Со временем скала стала местом поклонения, а приносимые сандалии – своего рода дар великому человеку [Там же: 64]. Попутно заметим, что сандалии-*дзори* в Японии обычно приносят богам,

которые, как считается, помогают в лечении болезней ног. В данном случае отношения к Ёритомо как к целителю нами выявлено не было, однако это не означает, что такая функция ему на определенном этапе не приписывалась.

Несколько камней получили свои личные имена благодаря тому, что Ёритомо присел на них отдохнуть. Так, например, известен камень с именем *Косикакэ-иси*, что буквально означает ‘Камень-поясница’, но понимается как ‘Камень-скамья’. Местом его былого расположения считаются окрестности синтоистского храма Мисима-дзиндзя, куда Ёритомо тайно и только по ночам приходил помолиться о победе рода Минамото [Ёсимото, 2014: 49]. Но приходил он за годы своего изгнания часто и подолгу сидел на камне, отчего камень, как считают, и приобрел совершенно плоскую форму, а затем и свое имя [Идзу-но дэнсэцу 2001: 61]. В японских народных преданиях запечатлелись и другие события из жизни Минамото Ёритомо, которые в свою очередь дали камням «личные имена». Так, известен камень *Убуки-иси* (букв. «Камень-пеленка») [Там же: 63] – на нем развешивали пеленки первенца Ёритомо, *Го-иси* («Камень для игры в шашки-го»), на котором Ёритомо любил играть в шашки [Там же: 62], *Хатарицу-иси* («Камень поднятого флага») – с этого камня Ёритомо приказал подавать сигналы приближающемуся подкреплению [Там же: 64].

С «сидением» Минамото Ёритомо на камнях связаны на Идзу объяснения самых разных явлений. Так, например, на тракте Ито у реки Хиэгаа находится огромный камень-валун (3 х 17 м), известный под именем *Ёритомо-иси* (‘Камень Ёритомо’). Вокруг этого камня растут дикие груши. Как гласит народное предание, Ёритомо, любил гулять и отдыхать около этого огромного камня. Однажды он случайно на одежде принес сюда семечко дикой груши, которое проросло и дало обильное потомство, образовав небольшой грушевый сад. При этом одна груша неизменно растет в расщелине камня [Там же: 58].

Следует заметить, что предания подобного рода широко распространены во всех районах Японии. Появление каких-либо растений в данной местности приписывается деяниям разных исторических личностей, которые случайно кинули семя, воткнули в землю деревянные палочки для еды или привезенную издалека веточку дерева. С «сидением» же разных исторических лиц на камнях связывали в японской традиции и появление новых имен у этих камней. Предания о Ёритомо лишь одно, но показательное звено в этой длинной цепи. Так, у деревни Накаоми на середине дороги Оми лежал камень, который не раз упоминался в других преданиях полуострова Идзу. Вероятно, он служил ориентиром, знаком и обозначал половину пройденного пути. Однако со временем он получил имя *Тэцубин-иси* (‘Камень-чайник’) [Идзу-но дэнсэцу 2001: 58], благодаря тому, что однажды Ёритомо присел на него отдохнуть и захотел попить чаю. Вот тогда-то на камень и поставили котелок с горячей водой.

Однако помимо камней, связанных, согласно народным преданиям, с деяниями самого Ёритомо, на Идзу всегда почитались и камни, на которых остался след копыта

его лошади. Именно поэтому в тех краях можно встретить немало камней разного размера и формы, которые называют *Адзумэ-иси* (‘Камень с копытом лошади’) [Там же: 60, 63]. Обычно на таких камнях явно или не очень видна выемка, напоминающая след от копыта. Ее появление объясняется тем, что лошадь Ёритомо как-то особенно резко ступила на этот камень.

Как видно, японские народные предания о камнях и присвоении им «личных имен» представляют собой особый ономастический источник, который важен при изучении локальной истории, фольклора этнографии разных районов Японии.

Литература и источники

Ёсикава Юко. Кайсэцу (Предисловие) // Идзу-но дэнсэцу (Легенды [полуострова] Идзу). Из-во: Хогоромо. Сидзуока, 2001. С. 3–12.

Ёсимото Сёдзи. Нихон синва дэнсэцу-о аруку (Прогулки по японским мифам и преданиям). Из-во: Бэнсэй. Токио, 2014. 491 с.

Идзу-но дэнсэцу (Легенды [полуострова] Идзу). Из-во: Хогоромо. Сидзуока, 2001. 275 с.

A.R. Sadokova
(Moscow, Russia)

PERSONAL NAMES OF STONES AND CLIFFS IN JAPANESE FOLK TALES

This article considers the tradition of giving “personal names” to stones and cliffs in folk tales of the Izu Peninsula. It is noted that the personification of stones dates back to the ancient Shinto tradition of stone deification. A stone received a personal name after certain events attributed to significant historical figures. On the Izu Peninsula, such creator hero was Minamoto no Yoritomo, a prominent figure in Japanese history.

Key words: deification of stones, stone names, Japanese folk tales, Minamoto no Yoritomo, Izu Peninsula.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.518

К.С. Федотова
(Донецк, ДНР)

ОНИМНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

В статье кратко охарактеризовано онимное пространство произведений Н. Гумилева. Описано восемь семантических полей, среди которых наиболее репрезентативным является

поле антропонимикона. Приведены примеры употребления некоторых собственных имен, названы некоторые особенности поэтонимии Н. Гумилева.

Ключевые слова: поэтоним, онимное пространство, семантическое поле, собственное имя, поэтонимия.

В статье представлены некоторые результаты описания онимного пространства 513 произведений, вошедших в наиболее полное в настоящее время собрание сочинений Н. Гумилева. В процессе работы над материалом мы выделили более тысячи поэтонимов, которые разделили на восемь семантических зон: антропоэтонимикон (именования людей и мифологических существ), топопоэтонимикон (названия объектов земного пространства), «духовная культура», «материальная культура», «космос», «время», «животные», «природа».

Наиболее репрезентативным является семантическое поле антропоэтонимикона (656 единиц), что в целом характерно для всех произведений словесного искусства («антропонимическая лексика (антропонимикон) входит в ядро ономастической номинации любого художественного текста» [Фонякова 1990: 40]). В этом поле встречаются:

1) имена героев и персонажей других литературных произведений: *Дамаянти, Дафнис, Гамлет, Гулливер, Дездемона, дон Жуан, Кухулин, Лепорелло, Маргарита, Маркиз де Карабас, Марта, Отелло* и др.;

2) имена знакомых и родственников поэта: *Вера Алексеевна, Левин, Лери, Мочульский, Неведомский, Фидлер*;

3) имена исторических деятелей, военачальников и первооткрывателей: *Авто-Георгис, Александр* (и *Искандер*) *Батурин, Ганнон, Тасама, Феодора, Чака, Юстиниан*;

4) имена легендарных исторических деятелей: *Кадм, Ричард, Рем, Рюрик, Шуддодана*;

5) имена литераторов и деятелей искусства: *Аполлинер, Вольфганг Гете, Лев Толстой, Лист, Карсавина, Страдивариус*;

6) имена философов и основателей религий: *Будда, Галилей, Зороастр, Конфуций, Коперник, Магомет, Христос*;

7) имена персонажей ветхозаветной истории: *Адам, Ева, Иона, Каин, Олоферн, Савская, Саломея, Соломон, Юдифь*;

8) имена персонажей греческой, еврейской, египетской, исламской, римской мифологий: *Актеон, Амур, Андромеда, Геба, Гектор, Ио, Паллада, Астарот, Тот, Изида, Азраил, Хизр, Эль-Анка, Диана, Марс, Нептун, Улисс, Эрот* (и *Эрос*).

Индивидуально-авторские антропоэтонимы в произведениях Н.С. Гумилева чаще всего именуют персонажей, живших в доисторическое время: *Аха, Акка, Гар, Гарайя, Дик, Лин, Линойя, Мик, Мика, Нан, Урр, Эгаим, Элаи, Элу*. В поэме «Звездный

ужас», драме «Охота на носорога», рассказе «Гибели обреченные» поэту важно было найти или придумать имена, которые отсутствуют в современном ономастиконе и обладают простотой звучания и морфологической структуры, что подчеркивает их принадлежность к древнему, «простому», миру.

Топопоэтонимное пространство произведений Н.С. Гумилева (361 единица) представлено названиями географических территорий и стран (*Гоби, Левант, Русь*), населенных пунктов (*Багдад, Константинополь, Стамбул*), водных (*Нил, Нигер*), внутригородских объектов (*Летний Сад, Тарпейская скала*), мифических и легендарных местностей (*Блаженный Поля, Вальгалла, Дом Христа, Дом Нежного Отца, Новый Иерусалим, Эдем, Эреб*; *Атлантида, Индия Духа, Эльдорадо*; *Елизабет, Лета, Эльзебил*). Встречаются также имена-символы и именами-аллегориями (*Индия Духа, Остров Любви*).

Следует сказать, что к выбору топопоэтонимов Н.С. Гумилев относился очень серьезно. Многие произведения поэта отличаются географической точностью, которую можно объяснить стремлением поэта следовать правде жизни, воспевать в слове красоту внешнего мира. Например, в стихотворении «Нигер» употреблены названия трех городов – *Бусса, Гомба, Тимбукту*, звучание которых создает ощущение стука барабанов: *бу-сса, гом-ба, тип-бук-ту*: «А вокруг города, точно горсть виноградин, / Это – *Бусса*, и *Гомба*, и царь *Тимбукту*, / Самый *звук* этих слов мне, как солнце, отраден, / Точно *бой барабанов*, он будит мечту» [Гумилев, 4: 48]. В начале XX в. все три упомянутые города существовали и располагались по течению р. Нигер, которая и описана в стихотворении.

Важную роль в поэтонимии Н.С. Гумилева выполняют названия предметов и явлений духовной культуры (86 единиц). В это семантическое поле названия произведений искусства: *«Бона-королевич», «Взятие Плевны». «Страшный Суд»* (лубочные картины), *"La p'tite Tonkinoise"* (песня), *Самофракийская Победа* (скульптура); названия книг, журналов, литературных и религиозно-философских произведений: *Апокалипсис, «Знанье»*, *«Колчан», Коран, Откровение, «Цветочки»*; названия храмов и священных предметов: *Казанский собор, Исакий, Пантеон, Notre-Dame, Айя-София, Фьезоле*; названия праздников: *Рождество, Христово Воскресенье*; названия объединений людей: *Куртина, Петросоюз, Совнархоз, Фианна*.

В семантическое поле «материальная культура» (16 имен) мы отнесли названия транспортных средств: *Бенц, Буйвол* (пароход), *Дукс, Сильный* (пароход); торговых марок и вывесок: «*Зеленная*», *торговый дом Галебов, Шапшал* (табачная фабрика и метонимическое наименование сигарет); названия орденов: *Георгиевский крест*, «*Почетный легион*» и др.

В семантическом поле «космос» (14 имен) выделены названия скоплений звезд: *Большая Медведица, Млечный Путь, Скорпион, Стрелец, Южный Крест*; и названия единичных объектов небесного свода: *Венера, Солнце, Альдебаран*.

Последний поэтоним (рассказ «Золотой рыцарь») употреблен в контексте, описывающем появление перед умирающими крестоносцами Иисуса Христа: «Нахмурились гордые брови молящихся, и их души, уже сдружившиеся с мягким сумраком смерти, омрачились ненужной помехой, а на повороте ущелья появился неизвестный рыцарь, тонкий и стройный, красиво-могучий в плечах, с опущенным забралом и в латах чистого золота, ярких, как блеск звезды *Альдебаран*» [Гумилев, 6: 29]. Альдебаран – главная звезда в созвездии Тельца, одна из самых ярких звезд в Северном полушарии. Лучше всего Альдебаран видно зимой и весной. Возможно, появление «неизвестного рыцаря» в золотых латах (Христа) сопоставлено со звездой *Альдебаран* еще и потому, что мистическая роль Христа связана с предвосхищением новой жизни, «светом» падшего мира и надеждой на его возрождение. Кроме того, название Альдебаран дали звезде арабы, и поскольку крестовые походы короля Ричарда проводились на захваченных арабами землях, введение названия звезды характеризует пространство произведения как чужеродное для героев рассказа – крестоносцев, сбившихся с пути и погибающих от голода, зноя и жажды.

Немногочисленны (11 единиц) названия исторических и библейских событий, временных периодов: *битва при Челонко, Иванова ночь, Сочельник*; *Судный День, Страшный Суд, Нетленный День*.

Животные являются главными действующими лицами ряда произведений Н. Гумилева (*Змея, Лев, павиан, Свинья*), упоминаются в лирических описаниях (*Бегемот-Гумаре, Ауарис-носорог*). В стихотворениях «Открытье летнего сезона», «Опять прогулка» употреблены имена лошадей, принадлежащих семье Неведомских: *Голубка, Колибра, Силач*. Встречаются также именования сверхъестественных животных: *Дракон, Единорог, Пегас, Рок* (в национальном языке чаще употребляется форма Рух); чудовищ: *Медуза, Симла, Фенрир*; имена-символы и имена-аллегории: *Змей, орел Сафо, Павлин*. Всего в этом поле выделено 24 единицы.

В семантическое поле «природа» (всего 4 единицы) вошли названия природных явлений (*Фата-Моргана, огни святого Эльма*) и названия-символы мифических растений: *Игдразиль, Древо Познания*.

Описание онимного пространства произведений поэта позволило представить авторскую поэтонимию как сложную систему, каждый компонент которой связан с другими компонентами не только в пределах одного текста или цикла, где выбор онимных единиц обусловлен замыслом конкретных произведений, но и на уровне языка писателя как органичного, завершенного и замкнутого целого.

Литература и источники

Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 тт. М.: Воскресенье, 1998–2007. 8 т.
Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.

K.S. Fedotova
(Donetsk, DPR)

PROPER NAMES' SPACE IN WORKS OF ART BY NIKOLAI GUMILIOV

Proper names' space in works of art by Russian poet Nikolai Gumiliov has been shortly characterized in this paper. Eight semantic zones with the most representative zone of antropoetonyms have been described. Some examples of proper name usage have been done, and some specific features of author's poetonymia (proper name space) have been mentioned.

Key words: proper names' sphere, poetonym, semantic zone, proper name, poetonymia.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.522

Т.В. Хвесько, С.Ю. Третьякова
(Тюмень, Россия)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается прагматический аспект антропонимов в художественном тексте как один из значимых факторов в прагматике литературного произведения. Имена некоторых персонажей Дж. К. Роулинг позволяют говорить о том, что номинация литературных персонажей мотивирована авторским замыслом и носит креативный характер.

Ключевые слова: антропоним, семантика, прагматика, мотивированное имя, речевой акт, адресат.

Из трех традиционных разделов науки о знаках – синтактики, семантики и прагматики – последний является самым молодым. Следуя идеям Ч. Пирса, Ч. Моррис разделил семиотику на семантику – учение об отношении знаков к объектам действительности, синтактику – учение об отношениях между знаками и прагматику – учение об отношении знаков к их интерпретаторам, т.е. к тем, кто пользуется знаковыми системами. Прагматика, таким образом, изучает «поведение знаков в реальных процессах коммуникации» [Арутюнова, Падучева 1985: 3]. Р.С. Столнейкер определяет прагматику как науку, изучающую язык в «отношении к тем, кто его использует» [Столнейкер 1985: 420]. Т. ван Дейк считает, что «основной задачей прагматики является спецификация так называемых "условий пригодности" (appropriateness conditions), т.е. тех условий, при которых конкретное высказывание функционирует

(или рассматривается) как пригодный для (некоторого контекста) речевой акт» [Дейк 1978: 260].

Контекст – как в широком смысле слова (все факторы вербальной коммуникации), так и в узком понимании (лингвистический контекст) – является одной из основных категорий прагматики. «В речи мы нередко употребляем одно предложение, чтобы выразить смысл, соответствующий другому. Например, если герцог Барделло говорит своему дворецкому: *Здесь холодно*, он, скорее всего, имеет в виду распоряжение *закрыть окно*. Это вовсе не означает, что предложение *Здесь холодно* совпадает по смыслу с предложением *Закройте окно*. Это означает лишь то, что при определенных условиях высказывание одного содержания влечет выражение другого» [Гордон, Лакофф 1985: 276].

Задача прагматики – исследование высказывания в ситуации, поскольку контекст и речевая ситуация обладают большей коннотативной силой, чем слово. Можно ли, в таком случае, вообще говорить о прагматике слова, каковым является антропоним? Нам это представляется вполне возможным, когда речь идет об антропонимах в художественном произведении.

В речевом акте участвуют говорящий и адресат, выступающие как носители определенных согласованных между собой ролей (функций). Участники речевого акта обладают фондом речевых навыков (речевая компетенция), а также фондом общих знаний и представлений о мире (фоновые знания). По мнению Н.Д. Арутюновой, между речевым актом и прозаическим художественным текстом существует определенный параллелизм. «Литературной коммуникации, как и повседневному общению, присущи такие параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)» [Арутюнова 1981: 363]. Исходя из этого, используем возможность рассмотрения прозаического произведения как единого речевого акта, где в роли говорящего выступает автор, в роли адресата – читатель.

Специфической для художественной речи является семантическая емкость антропонима; с его помощью писатель лаконично раскрывает место и значение действующего лица. «Наименование персонажа – весьма экономичное средство как непосредственной, так и косвенной характеристики, которая проявляется либо в контексте, либо в этимологической семантике антропонима» [Фролов 1994: 161].

Однако, смысл этимологии антропонимов могут уловить лишь немногие из читателей, тогда как ассоциации, вызванные фонетическим и графическим образом слова, читатель легко распознает и включает в образ персонажа. Мы имеем в виду мотивированные «говорящие имена», к которым относятся имена и фамилии, в синхронной семантике которых присутствует та или иная характеристика персонажа, которая может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, поэтому восприятие закодированной в них информации иногда зависит не только от понимания

их семантики, но и от экстралингвистических знаний читателя [Хвесько 2016: 697]. Попытаемся проанализировать прагматический аспект имен и фамилий, которые относятся к данной категории, на примерах персонажей цикла романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень».

Weasley – фамилия принадлежит семи персонажам романа – членам семьи ближайшего школьного друга Гарри. *To weasel* – 'evade an obligation, duty or the like' [RHWUD], что напоминает о склонности всех Уизли к пренебрежению установленными правилами.

Severus Snape – *Severus* – (лат.) 'жестокий' [ЛРС]; *severe* – 'causing discomfort or distress by extreme character or conditions; unpleasantly violent' [RHWUD]. Имя в [САЛИ] не зафиксировано и, безусловно, является «говорящим»: персонаж вполне ему соответствует. Фамилия зафиксирована в [САФ]. *Snape* напоминает, с одной стороны, слово *snake* (профессор Snape возглавляет колледж Slytherin, символом которого является змея); с другой стороны, оно напоминает слово *snap* – 'to utter a quick, sharp sentence or speech, esp. a command, reproof, retort etc.' [RHWUD], что также может быть расценено как характеристика персонажа, который всегда очень резко и зло реагирует на главного героя.

Sprout – фамилия принадлежит учителю гербологии, следовательно, является характеристикой: *sprout* – 'a new growth from a geminating seed, or from a rootstock' [RHWUD].

Madam Hooch*: Hooch* – '*(slang)* alcoholic liquor illicitly distilled or distributed' [RHWUD]. Слово *hooch* на американском сленге времен сухого закона означало самогон или любой другой нелегальный крепкий напиток. Возможно, такая фамилия намекает на тайные пристрастия мадам Хуч.

Binns: *Bin* – 'a box or enclosed place for storing grain, coal or the like' [RHWUD]. Данная фамилия в романе принадлежит преподавателю истории магии, который сам является «вместилищем» разнообразной информации.

Waffling: фамилия принадлежит автору учебника по теории волшебства. *To waffle* – 'to speak or write equivocally' [RHWUD]; возможно, намек на то, что учебник весьма пространный и не очень понятный ученикам.

Longbottom: фамилия принадлежит медлительному и рассеянному однокласснику Гарри. *Long* – 'having considerable linear extent in space; having considerable duration in time' [RHWUD]; *bottom* – '*(informal)* buttocks, rump' [Ibid.].

Peevs: Полтергейст, который вечно всем не доволен и с грохотом разбрасывает все предметы. *Peeve* – 'to render peevish; annoy' [RHWUD].

Bane: *Bane* – 'that which causes death or destroys life' [RHWUD]. Имя кентавра, который предвещает смерть Гарри (и делает все от него зависящее, чтобы предсказание сбылось).

Malkin: Малкин – уменьшительно-ласкательное от Матильда [САЛИ]. *Malkin* или *Grimalkin* – распространенное имя для кошки (от кельтского *grimalkin* – кот-оборотень). *Malkin* – 'a scarecrow, ragged puppet' [RHWUD] – весьма оригинальное имя для хозяйки магазина одежды.

Trimble: автор учебника по защите от темных сил «The Dark Forces: A Guide to Self-Protection». *Trimble* напоминает английское *tremble* – 'to shake involuntarily with quick, short movements' [RHWUD]; кроме того, это слово имеет переносное значение 'to be troubled with fear or apprehension' [Ibid.]. Очевидно несоответствие между темой книги (самозащита) и фамилией автора (человек, дрожащий от страха).

Bullstrode: фамилия очень крупной и напористой девочки, неприятельницы главного героя. *Bull* – 'a large, solidly built person' [RHWUD]; *strode* – '(pt. stride) to walk with long steps' [Ibid.].

Switch: фамилия автора учебника по превращениям «Beginners' Guide to Transfiguration». *To switch* – 'to turn, shift or divert' [RHWUD] – прямая связь с темой учебника.

Newt Scamander: автор учебника «Fantastic Beasts and Where to Find Them». *Newt* – 'any of various brilliantly coloured salamanders' [RHWUD]. В английском фольклоре тритон (newt) может выступать в роли сказочного персонажа – обитателя морского дна, полурыбы-получеловека (тоже, что и русалка (mermaid), только мужского пола). Фамилия очень напоминает слово *salamander* – 'a mythical being, esp. a lizard or other reptile, thought to be able to live in fire' [Ibid.]. Таким образом, в имени и фамилии данного персонажа присутствует информация о двух фантастических тварях. Кроме того, *scam* – 'a confidence game or another fraudulent scheme, esp. for making a quick profit; swindle' [Ibid.].

Представленные выше примеры демонстрируют прагматический аспект антропонимов в художественном тексте, который представляет собой эксплицитно или имплицитно выраженную авторскую характеристику персонажа. Данные примеры позволяют сделать вывод о том, что прагматика антропонима тесно связана с его семантикой: только при условии прозрачности синхронного лексического значения имени персонажа, его прагматический аспект (авторская характеристика и дополнительная информация) будут релевантны для прагматического потенциала текста.

Литература и источники

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. № 16. С. 3–43.

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР, серия ЛиЯ, 1981. № 4. С. 360–366.

Ван Дейк Т. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. № 14. С. 259–336.

Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. № 16. С. 276–303.

ЛРС – *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. М.: Русские словари, 1994. 810 с.
САЛИ – *Рыбакин А.И.* Словарь английских личных имен. М.: Русский язык, 1989. 244 с.
САФ – *Рыбакин А.И.* Словарь английских фамилий. М.: Русский язык, 1986. 576 с.
Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. С. 419–439.
Фролов Н.К. Функции антропонимов в художественном тексте // Духовная культура Сибири. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 1994. С. 156–172.
Хвесько Т В. Имя в сознании человека. Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 696–704.
RHWUD – Random House Webster Unabridged Dictiobary: Random House Inc., 1999.
Rowling J. K. Harry Potter ahd the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury Publishing Plc, 1997. 225 p.

T.V. Khvesko, S.Y. Tretyakova
(Tyumen, Russia)

PRAGMATICAL ASPECT OF ANTHROPONYMS IN LITERARY TEXT

The article studies pragmatical aspect of anthroponyms in literary text as an important component of literary writing. Names of some J.K. Rouling's characters enable us to assume that nomination of literary characters is motivated by the author's intention and that it is of creative manner.

Key words: anthroponym, semantics, pragmatics, charactonym, speech act, locutionary target.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.526

А.П. Шустова
(Москва, Россия)

АНАЛИЗ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА РОМАНА «БЕСЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье приводится метод семантического анализа антропонимического репертуара в художественном произведении на примере романа «Бесы» Ф.М. Достоевского. Метод семантического анализа заключается в этимологической реконструкции значения имен и поиске устойчивых коннотаций и культурно значимых ассоциаций.

Ключевые слова: анализ художественного текста, Достоевский, антропонимика, семантика.

Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» является одним из краеугольных камней русской культуры, именно это произведение вызвало большой резонанс при своем

появлении, имело огромный успех на Западе и до сих пор по праву считается одним из важнейших произведений русской классики. Однако весьма редко раскрывается внутренняя форма имен героев «Бесов», которая крайне важна при интерпретации творчества Достоевского и понимании замысла других его произведений. В предлагаемой статье приводится вариант анализа семантики антропонимов в романе Достоевского, основанный на этимологическом исследовании, который облегчает понимание замысла произведения.

1) Николай Всеволодович Ставрогин.

Николай Всеволодович Ставрогин – один из центральных персонажей романа «Бесы» и всего творчества Достоевского. Фамилия *Ставрогин* этимологически восходит к греч. σταυρός, что в переводе значит ‘крест’ [Белов 1976: 30]. Возможная интерпретация фамилии заключается в том, что одним из главных вопросов романа является идейная оппозиция Богочеловека (Иисус Христос) и Человекобога (образ Человекобога сопоставим с ницшеанским Сверхчеловеком). Ставрогин пошел по пути Человекобожества, поэтому «крест» в данном контексте – это библейский образ, который связывает Ставрогина с описанной идеей, восходящей к христианской традиции, что выстраивает триаду Богочеловек – Ставрогин – Человекобог. Также возможно предположить, что «крест» имеет коннотации, связанные со смертью и убийством, в любом случае предполагается трагическая ситуация. С самого начала романа вводится трагический мотив («кровомщение»). Достоевский вводит эту трагическую ноту во второй главе романа, готовя читателя к «кровавой» развязке романа (Иван Шатов, Хромоножка, Федька Каторжный убиты, Лизавета Тушина растерзана толпой, Кириллов и Ставрогин покончили с собой). Мотив убийства и самоубийства является одним из самых частотных у Достоевского.

Неслучайно Достоевский выбирает отчество для своего героя – *Всеволодович* (др.-русск. *вьсь* – ‘весь’ + др.-русск. *володѣти* – ‘владеть’). В отчестве акцентируется та же идея, что в первом имени Ставрогина (Νικόλαος от νικαο – ‘побеждать’ + λαός – ‘народ’) [Суперанская 2005: 176] – идея обладания, победоносности и доминирования. Отчество выбрано славянского происхождения, что подчеркивает «русскость» Ставрогина. Семантика имени и отчества усиливается за счет дублирования. Возможно, подобный выбор имени и отчества также связан с аристократическим происхождением Ставрогина, что в целом нехарактерно для творчества Достоевского: большинство героев в его произведениях – разночинного происхождения. Заметим, что три элемента, составляющие антропонимическую парадигму Ставрогина, принадлежат к разным культурам: *Николай* – греческая, *Всеволодович* – русская, *Ставрогин* – греческая + латинская (*stauros*) + русская. Это подчеркивает космополитический характер Николая Всеволодовича: он долго жил в Европе, прекрасно знает

европейские языки, а также часто называется «гражданином кантона Ури», куда он хотел сбежать с Дарьей Шатовой.

2) Петр Степанович Верховенский.

Петр Степанович – глава революционной «пятерки», одна из основных движущих сил романа. Имя героя греческого происхождения (Πέτρος) буквально переводится как ‘камень’ [Суперанская 2005: 177]. Действительно, Верховенского-младшего отличает твердость, несгибаемость характера. Можно предположить, что в этом использовании антропонима *Петр* прослеживаются отрицательные коннотации, поскольку твердость может быть не только хорошим, но и плохим качеством. Отчество восходит к др.-греч. Στέφανος – ‘венок, венец, корона, диадема’ [Суперанская 2005: 206]. Фамилия образована по одной из распространенных русских моделей и имеет прозрачную семантику: ‘верх + венец’. Любопытно, что отчество, фамилия и отчасти имя имеют общий семантический признак – ‘власть’. Венок, венец, корона – все это атрибут высокородной и облеченной властью особы, а твердость является одним из основных свойств правителя. Семантический элемент ‘власть’ повторяется целых четыре раза: один раз косвенно в имени, один раз в отчестве, третий и четвертый раз в фамилии. Это вполне согласуется с жаждой власти этого персонажа: он руководит «пятеркой», хочет стать лидером, вызвать революционный бунт в России, чтобы встать во главе масс черни.

3) Лизавета Николаевна Тушина.

Имя героини происходит из др.-еврейск. «אֱלִישֶׁבַע» (*Элише́ва*), что буквально переводится как ‘Бог мой – клятва’, ‘почитающая Бога’, ‘заклинающая Богом’ [Суперанская 2005: 285]. Обратим внимание на то, что имя Елизавета у Достоевского встречается только в форме *Лизавета* так же, как Екатерина обычно представлено в форме *Катерина*. Необходимо обратить внимание на то, что героини с этим именем в творчестве Достоевского имеют трагическую судьбу: беременную Лизавету в «Преступлении и наказании» убивает Раскольников, в «Записках из подполья» трагична судьба проститутки Лизы, Лизавета Смердящая в «Братьях Карамазовых» умирает во время родов, а Лизавета Тушина растерзана толпой после убийства Хромоножки.

Отчество Лизаветы образовано от др.-греч. Νικόλαος: νικαο – ‘побеждать’ и λαός – ‘народ’ [Суперанская 2005: 176]. Подобное отчество при номинации этой героини отсылает читателя к Николаю Всеволодовичу Ставрогину, таким образом актуализируется их связь, которая имела место как в продолжение романа, так и до начала действия. Фамилия образована по одной из продуктивных русских моделей, семантика фамилии понятна: она образована либо от глагола *тушить*, либо от существительного *туша*. На данный момент мы затрудняемся с интерпретацией такого выбора фамилии для героини.

4) Иван Павлович Шатов.

Имя убиенного Шатова имеет древнееврейские корни: ивр. «יוחנן» (*Йоханан*) – ‘Бог милует’ [Суперанская 2005: 115]. Как и во многих именах еврейского происхождения, в нем актуализируется связь с богом. Примечательно, что Иван Шатов не верит в бога, но от всего сердца хочет быть верующим и видит в вере ту силу, которая преобразит народ и мир, и даже обещает Ставрогину, что однажды обязательно уверует.

Отчество восходит к латинск. *Paulus*, т.е. ‘малый’, ‘маленький’ [Суперанская 2005: 172], что говорит о его равном и даже приниженным положении по сравнению с людьми революционной пятерки. Присутствует также идея уничтожения и метафора «мало = плохо». Шатова в конце романа убивают, потому что он «маленький» и не может противостоять всей пятерке в одиночку.

Фамилия образована по русской продуктивной модели и восходит к старославянскому *шататися*. Отгадку для интерпретации этой фамилии мы находим в тексте: «*Шатов бормотал бессвязно, чадно и восторженно. Как будто что-то шаталось в его голове и само собою, без воли его, выливалось из души*» (описан момент после приезда его жены, «Бесы», ч. 3, гл. 5). Глагол *шататися* подчеркивает такие семантические признаки: ‘неустойчивость’, ‘неконтролируемость’ (‘без воли его’, ‘само собою’), ‘нестабильность’ (в эмоциональной и в социальной сферах).

5) Мария Тимофеевна Лебядкина и **Игнатий Тимофеевич Лебядкин.**

Имя героини восходит к древнееврейскому имени *Мариам*: ивр. «מרים», греч. Μαρια. Этимология этого имени не ясна. Однако возможно предположить, что выбор имени обусловлен библейскими коннотациями. Если рассматривать Ставрогина как дихотомию с Иисусом, то Мария Лебядкина может в системе библейских персонажей занимать место его матери Девы Марии. Несмотря на то, что они сочетались законным браком, их союз не был консуммирован. Заметим, что в «Бесах» вообще много библейских имен: *Петр*, *Иван* (*Иоанн*), *Мария*.

Отчество героини – древнегреческого происхождения: Τιμόθεος – ‘почитающий Бога’: от др.греч. τῑμάω – ‘почитать’ + др.-греч. θεός – ‘Бог’ [Суперанская 2005: 211]. Это вполне соотносится с глубокой религиозностью Марии Лебядкиной. Фамилия образована по продуктивной русской модели и имеет понятную семантику: фамилия образуется от слов *лебедь* или *лебедка*. В основе лежит номинация по названию животного, что характерно для творчества Достоевского: *Мышкин*, *Барашкова*, *Иволгины* и т.д. Нет единой традиции при толковании символа «лебедь», который, безусловно, является очень значимым для европейской культуры. Одновременно это символ преображения, смерти, поэзии, красоты (скорее женской, чем мужской), а в иконографии лебедь часто ассоциируется с потусторонними аспектами духовной жизни [Тессидер 1999]. Все это органически сочетается с образом Марии Тимофеевны, однако элемент «поэзия» относится скорее к ее брату – капитану Лебядкину, который носит ту же фамилию. Вспомним, что он

поэт, в романе цитируется несколько его произведений, и он выступает на вечере в пользу гувернанток.

Таким образом, приведенный семантический анализ антропонимического репертуара романа «Бесы» демонстрирует неслучайность имен персонажей, напротив, они явились результатом осознанного выбора Достоевского, а значит, заключают в себе важное идейное содержание. Так, антропонимы в произведениях Достоевского отражают значимые черты, заложенные в основу образа героев, а также социально-политический контекст эпохи написания романов. Толкование значения имен собственных (как топонимов, так и антропонимов) в художественном произведении занимает одно из важнейших мест при интерпретации замысла автора, поэтому необходимо учитывать их семантику при анализе произведения.

Литература и источники

Белов С. В. Имена и фамилии у Достоевского // Русская речь. 1976. № 5. С. 30–31.

Суперанская А.В. Современный словарь личных имен. М.: Айрис-Пресс, 2005. 376 с.

Тессидер Дж. Словарь Символов. М.: 1999 // Режим доступа (свободный). URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/292.php [Дата обращения: 01.03.2019].

A.P. Shustova
(Moscow, Russia)

THE ANTHROPONOMICAL REPERTOIRE ANALYSIS OF NOVEL “POSSESSED” BY F. DOSTOEVSKY

The article presents the semantic analysis of anthroponomical repertoire in fiction using the example of the novel “Possessed” by F. Dostoevsky. The method of semantic analysis is to etymological reconstruction of the names meaning and the search for constant cultural associations.

Key words: analysis of fiction, Dostoevsky, anthroponymics, semantics.

ОНОМАСТИКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.531

Н. Гезайли
(г. Алжир, Алжир)

РОЛЬ ОНОМАСТИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В АЛЖИРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В предлагаемой статье поднимается вопрос о важности включения ономастического материала в преподавание русского языка как иностранного в Алжирском университете. В данном исследовании анализируется природа имени собственного, затем выявлены способы работы с ономастическим материалом. В статье показано, что ономастический материал не только развивает лингвистические знания алжирских учащихся, но и расширяет их кругозор о культуре изучаемого языка, что способствует формированию у них лингвострановедческой компетенции. Полноценное овладение русским языком учащимися-алжирцами предполагает усвоение ими не только лексического, но и ономастического материала изучаемого языка.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, оним, обучение, сопоставление, лингвострановедческий комментарий, алжирский учащийся.

Известно, что ономастика занимается исследованием имен собственных. Состав ономастики не определен до конца, а природа имени собственного довольно загадочна и вызывает у ученых немало споров об определении его статуса в языке.

Согласно определению Г.П. Макушкиной, «Имя собственное – такой словесный знак, значение которого (понятийное в своей основе) категориально абстрактно с точки зрения принадлежности его к определенному разряду имен и индивидуально-конкретно в плане предметной отнесенности» (цит. по: [Бенкендорф, 1991: 18]).

Главная функция имени собственного – называть, индивидуализировать объект. А.Н. Беляев выделяет «несколько степеней индивидуализации: имена, обозначающие строго один объект; имена, обозначающие группы объектов (групповые ИС); имена, вовсе не имеющие денотатов (рекомендательные списки), индивидуализирующие лишь потенциально» [Беляев 2002: 43].

Язык в лингвистическом описании служит для наименования экстралингвистической реальности, отражаемой в сознании говорящих. Отметим вслед за В.Г. Гаком, необходимость исследования трёх «уровней», задействованных в функционировании языка: уровня действительности, уровня мышления «план содержания» и уровня языка «план выражения» [Гак 1998: 274].

Следовательно, культурно значимые явления действительности, отражающиеся в мышлении носителей данной культуры, фиксируются в языковых формах, а именно в структуре и семантике языковых единиц, в особенностях их синтагматики.

Преподавание русского языка в алжирской аудитории с каждым годом получает всё бóльшую практическую направленность. Опыт показывает, что работа на занятиях с ономастическим материалом не только повышает заинтересованность учащихся, но и способствует формированию речевой, мыслительной, творческой деятельности, столь необходимой для овладения языком как инструментом общения.

В работе Е.М. Верещагина и В.Г Костомарова отмечено, что «для имени собственного характерен национально-культурный компонент, так как он обладает лексическим фоном, который может придавать конкретному имени собственному неповторимый облик и индивидуализировать его» [Верещагин, Костомаров 1982: 56].

Таким образом, в содержании имени собственного присутствует так называемый культурный компонент, тот «сгусток культуры», та информация, которая относится к специфике географических и природных условий жизни народа – носителя языка, его истории, экономике, искусству, быту, общественному устройству, национальной психологии и другим национальным особенностям.

Культурный компонент имеют имена собственные с коннотативным наполнением, которые не только сообщают информацию, но и оказывают эмоциональное воздействие. Например, фамилия *Медведев* распространена у русских. Медведь является символом русской культуры. Существует немало устойчивых сравнений, связанных с образом медведя: сильный, здоровый как медведь; сила как у медведя. Медведь в русском языковом сознании вызывает также ассоциации с неуклюжестью, отсюда сравнение: неуклюжий, неповоротливый как медведь. Существует множество фразеологизмов и афоризмов, в состав которых входит слово *медведь* и его производные: *медведь на ухо наступил; делить шкуру неубитого медведя; медвежий угол; Медведи – плохие соседи; Два медведя в одной берлоге не уживутся; Медведь корове не брат* и др. Образ медведя также распространён в русских сказках, баснях.

Для алжирской культуры особенно значим образ льва, который мы находим также в фамилиях алжирцев, вызывающих определённые ассоциации. Лев является к тому же священным животным. Последний лев в Алжире был убит в 1908 году. Изображение льва можно увидеть на пачках кофе. Кроме того, скульптурное изображение льва украшает вход многих государственных учреждений. Лев вызывает

устойчивые ассоциации с мощью, властью и с неприступностью. Известный фразеологизм *львиная доля,* т.е. самая большая и лучшая часть, восходит к арабской сказке.

Наконец, культурный компонент содержат имена собственные с фоновым наполнением, выражающие совокупность знаний, сопряжённых со словом, и эта совокупность называется фоном. Например, фамилия *Иванов* производная от имени *Иван*, имя обобщенное, называющее именно русского человека, «хотя происхождение его и не русское, а древнееврейское, где оно имело форму *Иоханан*. Через религию имя *Иоханан* попало во многие другие языки мира, в том числе и арабский *Юханна*. Имя пришло на Русь в связи с введением христианства. Когда при крещении крестили ребёнка, священник давал ему имя в соответствии с церковным календарём, а *Иван* бывали именинниками 62 дня в году, намного чаще всех остальных. Дети, по христианским понятиям, считались даром Господа, а имя, превратившееся в русском произношении в "Иван", означало в древнееврейском языке "Бог смилостивился" или "Благодать Господня". Священник, крестивший младенца и, возможно, знавший перевод этого имени, охотно называл многих таким именем» [Горбаневский 1987: 23–24]. Фамилия *Иванов* начала употребляться в переносно-обобщающем значении некий типичный человек из русского народа.

Таким образом, имя собственное обладает семантикой, т.е. внутренней формой, на основе которой оно получает национально-культурную значимость. Вслед за Н.Ф. Алефиренко, внутренняя форма имени собственного понимается нами как компонент её семантической структуры, который отражает тот денотативный признак, по которому «был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности <...> существенная роль в осмыслении внутренней формы принадлежит культурно-историческому фону образования той / иной фраземы» [Алефиренко 2002: 277].

Как видно, имена собственные являются источниками лингвострановедческой информации, которая играет существенную роль в обучении русскому языку как иностранному в Алжирском университете.

В этом отношении Л.В. Щерба верно подчёркивал: «Поскольку системы понятий в разных языках не совпадают <...> постольку при изучении иностранного языка приходится усваивать не только новую звуковую форму слов, но и новую систему понятий, лежащую в их основе» [Щерба 1947: 67].

Итак, имена собственные обладают кумулятивной функцией. Однако факты действительности приобретают культурно-ценностное значение только в процессе их осмысления учащимися. Данная информация не должна вводиться лишь на одном занятии или в пределах только одного этапа обучения. Её следует включать в процесс с помощью приёма концентризма: отдельные языковые единицы выступают в качестве учебных единиц и вводятся постепенно, причём с возвращением к ним на последующих этапах обучения. Каждому этапу обучения соответствует свой уровень завершённости информации.

Языковые средства, в частности, имена собственные, в известной мере связаны с национальной культурой, спецификой народа – носителя языка. Именно в зеркале сопоставления могут быть выявлены сходства и различия русской и арабской ономастики. К тому же такое сопоставление обогатит фоновые и страноведческие знания учащихся, активизирует их познавательную деятельность с начального этапа обучения.

Сопоставления, по верному высказыванию О.Д. Митрофановой и В.Г. Костомарова, следует вести «не только в лингвистическом плане, оно должно выйти за пределы языкознания – в теорию речевой деятельности, в теорию усвоения, в психологию общения, в социолингвистику <...> Очевидно, что следует вовлечь в обучение результаты сопоставления на уровне текстов, стилистики и семантики, что делается, к сожалению, до сих пор недостаточно. Именно такое сопоставление необходимо для развития коммуникативной, а не только языковой компетенции» [Костомаров, Митрофанова 1985: 47].

Выявление сходств и различий в системах разных языков важно для создания основы эффективной межкультурной коммуникации. Напомним, что коммуникативная компетенция иностранного учащегося должна по мере возможности включать лингвострановедческую и страноведческую на уровне, близком (или равном) уровню коммуникативной компетенции носителя языка.

Как было отмечено, имена собственные (как знаки вторичной номинации) обладают особым культурно-ценностным потенциалом. В них ярко выражены различные концепты. Напомним, что концепт, являясь одним из основных понятий лингвокультурологии, признаётся «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43], состоящим из понятий эмотивно-оценочного блока, сжатой истории и этимологии. Концепт, по мнению Г.В. Токарева, объективен и исторически детерминирован [Токарев 2003: 12]. Совокупность основных, базовых концептов культуры формирует национальную картину мира.

Наиболее традиционным, получившим широкое распространение, приёмом подачи ономастического материала является лингвострановедческий комментарий, целью которого является не только постижение самих онимов, но и изъяснение содержащих в них внеязыковых явлений.

Итак, одной из функций языка является кумулятивная, овладение языком всегда сопряжено с процессом овладения культурным фондом народа носителя данного языка. В частности, полноценное овладение русским языком учащимися-алжирцами предполагает усвоение ими не только лексического, но и ономастического материала изучаемого языка.

Литература и источники

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 391 с.

Беляев А.Н. Семантика и структура немецких гидронимов: дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2001. 192 с.

Бенкендорф Г.Д. Имена собственные как терминоэлементы в статическом и динамическом аспектах (по материалам немецкого языка): дис. ...канд. филол. наук. Киев, 1991. 166 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Русский язык, 1983. 269 с.

Гак В.К. К проблеме семантической синтагматики // *Гак В.К.* Язык преобразования. М.: «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Горбаневский М. Иван да Марья. Рассказы о русских именах, отчествах, фамилиях, прозвищах, псевдонимах. М.: Русский язык, 1987. 260 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Акад. проект, 2001. 991 с.

Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 213 с.

Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.; Л: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. 95 [1] с.

N. Ghezaili
(Algeria, Algiers)

THE ROLE OF ONOMASTICS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN AN ALGERIAN UNIVERSITY

The article raises the question of the importance of the inclusion of onomastic material in the teaching of Russian as a foreign language at the University of Algeria. In this paper, the nature of the proper name is analyzed, then the ways of working with onomastic material are revealed. The article shows that the onomastic material not only develops linguistic knowledge of Algerian students, but also expands their horizons about the culture of the studied language, which contributes to the formation of their linguistic competence. Full mastery of the Russian language by Algerian students involves the assimilation of not only lexical, but also onomastic material of the studied language.

Key words: onomastics, proper name, onim, training, comparison, linguistic and cultural commentary, Algerian student.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.535

Л.С. Головина
(Псков, Россия)

ОНИМЫ В СИСТЕМЕ ПРЕДВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В статье описан механизм отбора социокультурно значимой для адаптации иностранцев в регионе лексики, а также представлен опыт работы преподавателей русского языка как

иностранного с учебными текстами, представляющими лингвокультурное описание ряда урбанонимов Пскова.

Ключевые слова: урбаноним, РКИ, инофон, социокультурная адаптация, лингвокультурология.

В Псковском государственном университете на протяжении 5 лет работы подготовительного отделения для иностранных граждан ведется работа не только по основной образовательной программе, целью которой является достижение инофонами необходимого уровня владения языком (В1) в рамках соответствующего регламента поступления в вуз, но и по специально разработанным материалам на базе региональной лексики.

Согласно Государственному стандарту по русскому языку как иностранному (РКИ) [Государственный стандарт 1999], иностранцы должны уметь реализовать коммуникативные потребности в разных сферах, включая тему «Город, ориентация в городе». Но учебники, с опорой на которые ведется обучение, в большей степени отражают реалии Москвы и Санкт-Петербурга. Как адаптировать иностранного реципиента к жизни в Пскове или другом небольшом городе?

Необходимость работы над региональным компонентом коммуникативной компетенции, представляющей, по мнению А.А. Насырова, образ ближайшего пространства обучающегося и отражающий его субъективный опыт познания окружающего мира, в том числе – опыт соприкосновения с новой для него языковой реальностью и адаптации к ней, не вызывает сомнений [Насыров 2013]. Исследователи данной проблемы, в частности Т.Н. Доминова, давно говорят о необходимости формирования у иностранцев лингвокраеведческой компетенции, в состав которой входят региональные фоновые знания, лексика с регионально-культурной семантикой и лингвокраеведческие навыки и умения, что несомненно отвечает интересам и потребностям иностранных студентов и способствует их успешной адаптации в новой лингвокультурной среде [Доминова 2012].

Псковская область – регион огромного культурного наследия: архитектурные памятники, шедевры древнерусской иконописи, оборонное зодчество, народные промыслы и, конечно, диалектный фонд. Но целесообразно ли знакомить инофонов с достаточно узкими лингвокультурными явлениями, учитывая, что в дальнейшем часть из них отправляется на обучение в другие регионы страны? Ознакомительно в ходе экскурсий, да. Но для отбора местного материала к аудиторному занятию мы руководствуемся принципом универсальности. И здесь особая роль отводится урбанонимам – языковым единицам именования городских объектов, которые, с одной стороны, позволяют познакомить студентов с окружающим их пространством и тем самым способствовать успешной адаптации; с другой – представить информацию о русских реалиях, знание которых культурологически важно и необходимо вне

зависимости от региона.

Исходя из представленных выше условий, отбор лексических единиц, с которыми ведется работа, проходил с помощью анализа потенциально активного городского пространства инофона – территории, где сосредоточена их учебная и внеаудиторная жизнь: общежитие, корпуса университетов, популярные развлекательные заведения, магазины и кафе. После определения ряда онимов (15 ед.), знакомство с которыми, на наш взгляд, способствует социальной и лингвокультурной адаптации иностранных реципиентов, мы проанализировали его с позиции ядерно-периферических отношений: наиболее коммуникативно важные и/или словообразовательно активные (слова, имеющие высокую словообразовательную способность, служащие для создания потенциального словаря) онимы рассматриваются уже на элементарном уровне владения языком (А1) и составляют ядро полевой модели – 6 ед. (*Псков, Кремль, площадь Ленина, река Великая, княгиня Ольга, улица Л.Н. Толстого*).

Работа на занятии выстраивается с опорой на специально разработанный учебный текст, который представляет лингвокультурогическое описание онима: раскрывает ядерные компоненты семантики, отражающие дифференцирующие признаки единичного объекта номинации, и содержание прагматической зоны – эмотивно-оценочные коннотации, коммуникативно-ситуативные особенности употребления онима, историко-культурные сведения, связанные с происхождением наименования и бытованием объекта номинации. Рассмотрим один из шести текстов:

Вы знаете, что в Москве есть Кремль. Это очень красивый архитектурный памятник. Но кремль есть и в других русских городах, например, в Пскове.

Псковский Кремль – исторический центр города. Он находится около реки Великой и реки Псковы. Псковичи построили кремль 1000 лет назад, чтобы он защищал их во время войны. В Кремле находится главный символ Пскова – Троицкий собор.

Жители и гости Пскова очень любят гулять в Кремле. Здесь можно увидеть старинные дома и музеи, купить сувениры и спокойно отдохнуть. Иногда в разговоре псковичи говорят не Кремль, а Кром. В России есть много кремлей, а Кром – один!

Сложность разработки таких текстов заключается в ограниченности лексики и грамматических конструкций требованиями к уровню владением языком: в лексический минимум элементарного уровня входят слова, являющиеся для языка «базовыми», отражающие фундаментальные понятия [Лексический минимум 1999]. Также, например, невозможно употребить значительную часть сложноподчиненных конструкций, а предлог, как правило, выражает только одно отношение: *из Пскова* (направление движения) – можно, *из камня* (указание на материал) – нельзя.

На втором уровне, базовом, материал лексического минимума для изучающих русский язык закономерно расширен, поэтому «качество» текстов и точность передачи информации заметно увеличивается. При этом инофоны уже читают тексты,

раскрывающие национально-культурный компонент семантики онимов, входящих в ближнюю периферию – 6 ед.: *Завеличье, Финский парк, А.С. Пушкин, А. Невский, Рижский проспект, Октябрьский проспект*. Представим один из таких текстов.

Завеличье – самый большой микрорайон Пскова. Здесь живёт половина населения города. На Завеличье находятся самые крупные торговые и развлекательные центры («Аквaполис», «Империал», «Лента»), памятники культуры (Мирожский монастырь, часовня святой Ольги, храм Александра Невского), больницы, корпуса университета.

Почему этот район так называется? Главная историческая часть города (Кремль) находится на правом берегу реки Великой. А микрорайон Завеличье – за Великой. Поэтому часть города на левом берегу и стали называть ЗаВеличье. Эту часть города псковичи стали строить в 14 веке. А сейчас это самый современный район.

Центральная улица Завеличья – Рижский проспект, который открывает дорогу в Европу: Ригу – столицу Латвии и Таллин – столицу Эстонии. А с исторической частью Пскова Завеличье соединяют три моста – Ольгинский, мост Александра Невский и мост имени 50-летия Октября (Октябрьской революции 1917 года).

Псковичи любят гулять и в маленьких парках Завеличья. Самый красивый парк, конечно, Мирожский. Он находится около Мирожского монастыря. Здесь в тёплую погоду можно устроить пикник, почитать книгу или покормить птиц, которые живут на прудах.

Из текста становится очевидно, руководствуясь принципом частотности, что современная жизнь псковичей действительно окружена именами собственными, связанными в большей степени с *княгиней Ольгой, А. Невским, Кремлем*, что подчеркивает актуальность их включения в образовательный процесс иностранных реципиентов, живущих в городе.

На уровне изучения РКИ В1 иностранным студентам предлагается всего 3 текста, раскрывающих семантику онимов дальней периферии – *Поганкины палаты, Ольгинский мост, Троицкий собор.* Работа предполагает самостоятельное изучение: выполнение предтекстовых заданий, аудирование, самостоятельное повторное чтение и выполнение послетекстовых заданий тестового характера.

Может показаться, что 15 единиц онимов, с которыми ведется дополнительная работа в рамках обучения иностранцев на подготовительном отделении ПсковГУ, не такая масштабная и достаточная: количество имен собственных, с которыми инофоны сталкиваются почти за год обучения гораздо более значительное. Однако наша задача, как было отмечено выше, заключается в дополнении и систематизации их представлений о Пскове только необходимыми для успешной коммуникации и адаптации знаниями. Можно ли вообще не читать такие учебные тексты, довольствуясь

материалами учебника, в которых раскрывается национально-культурный компонент семантики широко известных онимов и местными экскурсиями, наглядно представляющие реалии Пскова? На наш взгляд, нет. Специально сконструированные тексты, раскрывающие семантику именуемых онимами объектов, дает не только дополнительную возможность лингвистического роста студента, но и позволяет создавать ситуацию успеха – причастности к жизни окружающих людей и знаниям, которыми они обладают.

Литература и источники

Государственный стандарт 1999 – Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение /Андрюшина Н.П. и др. М.; СПб.: «Златоуст», 1999. 36 с.

Доминова Т.Н. Лингвокраеведческая компетенция иностранных студентов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 3. С. 51–55.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. М.: ЦМО МГУ; СПб.: «Златоуст», 2004. 116 с.

Насырова А.А. Формирование регионально-ориентированной коммуникативной компетенции бакалавра лингвистики: автореф. дис. … канд. пед. наук. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2013. 24 с.

L.S. Golovina
(Pskov, Russia)

ONYMS IN THE SYSTEM OF PRE-UNIVERSITY EDUCATION OF FOREIGN STUDENTS

The article shows the experience of teachers of Russian as a foreign language on the basis of special texts with onyms. These texts represent linguistic and cultural description of the urbanity of Pskov, with the aim of socio-cultural adaptation of foreign students in the region.

Key words: urbanonym, foreign students, socio-cultural adaptation, linguistic and cultural education.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.541

Е.И. Рогалёва
(Псков, Россия)

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ КАК ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

В статье обосновывается эффективность использования лингвокраеведческих словарных материалов в экспериментальных методических проектах бакалавров профиля «Начальное образование». Представлены виды студенческих проектов, ориентированных на начальную школу, рассмотрена их тематика.

Ключевые слова: вузовская педагогика, лингвокраеведческий словарь, городская топонимия, экспериментальные проекты.

Реализация лингвокраеведческой составляющей в процессе обучения топонимике младших школьников требует специальной подготовки студентов – будущих учителей. Одним из эффективных способов такой подготовки является разработка студентами учебных лингвокраеведческих проектов словарей и словарных пособий. «О чем рассказывают городские названия» [ОЧРГН 2012] – одно из таких пособий масштабного проекта «Топонимия Псковского региона в лингвокраеведческих словарях» Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ.

Тематическая классификация наименований псковских улиц в данном лексикографическом пособии построена по лингвокультурологическому принципу и отражает сферу происхождения наименований. Так, названия улиц Пушкина, Бродского, Софьи Ковалевской, Гагарина помещены в раздел «Культура, наука», в разделе «Великая Отечественная война» лексикографически разработаны названия: *улица 128-й Стрелковой Дивизии, улица Олега Кошевого, улица Рокоссовского, площадь Победы, улица Красных Партизан.* Наименования улиц Гдовской, Дновской, Печорской, Московской, Великолукской и т.п. рассмотрены под рубрикой «Географическая карта», а улицы Александра Невского, Петровской, Кутузова, Декабристов объединяет заголовок «История России (XIII–XIX в.)». Таким образом, словарные материалы составляют единый лингвокультурологически ценный текст – культурно-познавательный и лингвистически ориентированный.

В рамках спецкурса «Лингвокраеведческие аспекты обучения русскому языку младших школьников» в качестве формы итогового контроля бакалаврам профиля «Начальное образование» предлагается выполнить различные учебные проекты с использованием материалов данного словаря.

Эти работы студентов представлены двумя основными группами: проекты, связанные с конструированием статей детских словарей псковской топонимии, и

проекты, связанные с разработкой дидактических материалов для младших школьников с использованием лингвокраеведческих словарных материалов.

Так, работая над проектами первой группы, студенты адаптируют тексты словарных статей к новым условиям учебной коммуникации. При этом они используют интерпретационные приемы репрезентации ономастического материала младшим школьникам и принципы структурирования словарной статьи, разработанные в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ [Рогалёва, Никитина 2017; Никитина 2018].

Результатом работы студентов стали такие учебные лексикографические проекты, как «Имена новых псковских улиц», «Имена героев Великой Отечественной войны на карте города Порхова», «Словарик названий улиц города Гдова», «Имена исторических личностей в названиях улиц Пскова» и др.

Приведем пример словарной статьи из проекта для первоклассников «Имена писателей в названиях улиц нашего города» студентки К. Степановой:

Улица Максима Горького

Привет, ребята! Я воробьишко Пудик. Чик-чирик! (Рисунок воробья).

Я люблю полетать да попрыгать. Я люблю приключения. Главное – держаться подальше от кошек!

Вот сижу я сегодня на ветке и думаю, а где это я? Куда прилетел? Оказывается, я в Пскове! На улице Максима Горького! Представляете? А если бы не Максим Горький, то не было бы меня. Ведь я – герой его произведения, которое так и называется, «Воробьишко»! Чик-чирик! А я ведь много чего знаю, ребята! И про эту улицу могу много интересного рассказать! (Фотография с видом улицы Максима Горького).

А вы знаете, ребята, кто такой Максим Горький? Наверное, даже если и не знали, то уже догадались, что это русский писатель. Он известен во всем мире. Его собрание сочинений составляет 30 томов. (Портрет М. Горького).

Писал Максим Горький и для детей. Он был редактором детского журнала «Северное сияние», встречался с ребятами, отвечал на все их письма, советовал, что читать. Вот так-то, ребята! Чик-чирик!

Максим Горький – псевдоним (придуманное имя) писателя, настоящее его имя – Алексей Максимович Пешков. Бедный мальчик, Алеша рано потерял родителей и воспитывался в доме деда, Василия Васильевича Каширина, который в молодости был ***бурлаком***.

Бурла́ки *– так больше ста лет назад называли наёмных рабочих, которые, идя по берегу, тянули при помощи бечевы речное судно против течения. Труд бурлака был очень тяжёлым.*

(Иллюстрация: картина И.Е. Репина ***«Бурлаки на Волге»***).

Улица Максима Горького в Пскове находится на Завеличье. Она начинается от Комсомольской площади и упирается Ольгинскую набережную (Иллюстрация: фрагмент карты города).

*Улица сменила не одно название. Самое старое из них – **Продольная** (по расположению улицы относительно реки Великой).*

Ну что же, ребята, мне было очень приятно провести с вами время! Надеюсь, моя история была полезной для вас! А сейчас мне пора лететь домой! Пока-пока! Чик-чирик!

Ещё один пример словарной статьи из учебного проекта «Имена великолукских улиц» студентки Д. Мишановой:

Площадь Матро́сова

Сейчас мы с тобой находимся на площади, которая получила свое название в честь Александра Матросова – героя Великой Отечественной войны (1941–1945). 23 февраля 1943 г. рядовой **Александр Матвеевич Матросов** во время боя у деревни Чернушки Локнянского района Псковской области прорвался к вражескому дзоту* и своим телом закрыл амбразуру*, Так он спас отряд от обстрела со стороны врага* (Фотоиллюстрация – портрет А.М. Матросова).

* ***Рядовой*** *– воинское звание в армии.*

* ***Дзот*** *– укрепленная оборонительная огневая точка (сокращение по начальным буквам: дерево-земляная огневая точка).* (Фотография дзота).

* ***Амбразу́ра*** *– отверстие в укреплении для стрельбы из пушек.* (Фотография амбразуры).

До революции это место называлось Покровской площадью. Здесь стояла церковь Покрова Пресвятой Богородицы XVIII века, находились здание Земской управы, Первое городское училище. На площадь выходил Большой мост через реку Ловать. До настоящего времени эти сооружения не сохранились.

(Фотография площади начала 20-го века: на первом плане – церковь Покрова Пресвятой Богородицы).

(Фотография конца 19-века: Большой мост через реку Ловать).

Площадь Александра Матросова расположена в центре города Великие Луки на живописном месте по левому берегу Ловати, у подножия древнего городища. Найди на карте площадь Матросова и «прокатись» по ней с карандашом.

(Даётся фрагмент карты города).

На площади расположен мемориальный комплекс Александра Матросова. (Фотография комплекса).

В центре мемориала стоит бронзовый памятник Александру Матросову над его могилой. Бронзовый Саша Матросов, совершающий бросок в бессмертие, стал символом Великих Лук.*

** **Мемориал** – это сооружение, напоминающее о каком-либо событии, человеке. За памятником находится краеведческий музей, рядом – фонтан «Три поколения». Фонтан символизирует мудрую старость, зрелость и радостную юность. Перед памятником горит Вечный огонь.*

(Фотографии: фонтан «Три поколения», Вечный огонь, Краеведческий музей).

На площади Матросова проводятся торжественные городские мероприятия, в том числе школьный праздник «Бригантина». Городской парк, раскинувшийся по левому берегу Ловати, был заложен великолучанами после Великой Отечественной войны.

Проекты второй группы различаются тематическим разнообразием. В качестве сопроводительных дидактических материалов студентами были разработаны «50 увлекательных заданий для младших школьников: По улицам города Пскова», «Названия улицы Гдова в ребусах и кроссвордах» и др.

Раскрыть культурно-исторический фон городских топонимов и представить читателю их современное социокультурное содержание позволяет использование интерактивных этимологизирующих и текстообразующих приемов построения словарной статьи, разработанных и реализованных нами в ряде детских учебных словарей [Рогалёва 2015]. Эти приемы используют и студенты в своих ономастических лексикографических проектах.

Так, в «Занимательном путеводителе для детей по улицам города Пскова» (автор – И. Стигина), в каждом рабочем листе-экскурсии диалог с младшими школьникам ведут вымышленные персонажи – экскурсовод Барсик (ср.: символом города Пскова является барс) и его казахский друг Ирбис, приехавший «для обмена опытом» (ирбис – снежный барс – символ Казахстана). Герои сопровождают младших школьников на протяжении всех представленных в детском путеводителе экскурсий и знакомят юных читателей с псковскими топографическими объектами и их наименованиями, а также с особенностями экскурсионной речи, в которой представлено живое функционирование топонимов.

Экспертный анализ учебных проектов, выполненных студентами, показал их владение навыками разработки дидактических материалов и конструирования словарных статей на ономастическом материале. В ходе педагогической практики все проекты были апробированы в школах Пскова и Псковской области, в русских школах Эстонии и Латвии, и получили высокую оценку руководителей практики – учителей русского языка.

Литература и источники

Никитина Т.Г. Топонимическое пространство города: "культурные слои" в лексикографическом отображении // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 180–193.

ОЧРГН – О чем рассказывают городские названия. Учебный лингвокультурологический словарь / Сост. М.П. Варламова, Г.В. Галактионова, Л.С. Головина и др. Псков: Логос, 2012. 144 с.

Рогалёва Е.И. Приемы этимологического декодирования фразеологических оксюморонов в учебном словаре (на лингвокраеведческом материале) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2015. № 5 (100) С. 178–183.

Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г. Словарь региональной ономастики как ресурс формирования лингвокраеведческих знаний у младших школьников / Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. Volume II, May 26th–27th, 2017. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 2017. P. 173–186.

E.I. Rogaleva
(Pskov, Russia)

EDUCATIONAL CITY TOPONYMS DICTIONARIES AS LINGUISTIC AND METHODICAL RESOURCE OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS' TRAINING

The report substantiates the effectiveness of using the materials of the linguistic and regional dictionary in experimental and methodological projects of bachelors of Primary Education. It presents some types and topics of students' projects aimed at primary school.

Key words: pedagogy of higher education, linguistic and regional dictionary, experimental projects.

https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.544

Е.О. Орлова
(Великий Новгород, Россия)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ СО СТУДЕНТАМИ-ПЕДАГОГАМИ

К культурологическим началам изучения ономастики можно отнести организацию аксиологического осмысления содержания, восприятие урбанонимов как элементов особого городского текста, введение учащихся в активную субъектную позицию при взаимодействии с топонимическим пространством. Выделение принципов номинации со студентами-педагогами и разработка на их основе занятий для учащихся раскрываются как способ формирования топонимической грамотности.

Ключевые слова: ценности в содержании ономастики, принципы номинации, топонимическая грамотность.

Культурология образования позволяет определить ряд начал в организации педагогического процесса, в том числе и в изучении ономастики. Во-первых, это понимание культуры как мира ценностей. По мнению Г.П. Выжлецова, ядром культуры выступает ценность и сама культура – это осуществление ценностей в делах и отношениях людей [Выжлецов 1996: 79]. Культурологический подход позволяет отметить, что имена собственные (онимы) отражают ценностные ориентиры общества.

Примером может выступить этап активного имятворчества в постреволюционный период. Сама смена корпуса имён была вызвана желанием заявить новые идеалы и многие имена буквально выражали ту или иную ценность, например, *Новомир* или *Любистина*. Топонимика вслед за антропонимикой демонстрирует аксиологическое содержание. По нашему мнению, в названиях улиц, площадей и других городских объектов проявляется картина мира, свойственная обществу на разных этапах его развития. Картина мира понимается нами как совокупность представлений о значимых для человека и общества явлениях и ценностях, развивающаяся в условиях определённой культуры: труд и творчество, болезнь и смерть, богатство и бедность и т.д. [Орлова 2001: 60–61]. Важное суждение высказывает А.Я. Гуревич: «всякий, кто принадлежит к данному обществу, не может не разделять этот взгляд на мир и не интериоризировать <…> сетку культурных координат» [Гуревич 1993: 25].

В топонимическом пространстве мы можем наблюдать либо смену картин мира, либо одновременное присутствие нескольких таких картин. Так, улица *Большая Покровская* в Нижнем Новгороде в советское время носила имя Якова Свердлова, в настоящее время ей возвращено историческое название. Можно говорить, что изначально имя улицы отражало ведущую ценность общества – веру, храм как маяк географического и культурного пространства. Имя одного из лидеров революции в названии улицы указывало на значимость, с одной стороны, ценностей нового советского строя – свобода, равенство и т.д., а, с другой стороны, подчёркивало ценность сопричастности города революционному движению – Свердлов родился на этой улице. Одной из достопримечательностей улицы и в настоящее время выступает музей в здании гравёрной мастерской М.И. Свердлова – отца коммунистического деятеля. Возвращение первого названия в постперестроечное время вызвано, в том числе, и актуализацией ценности исторической памяти. Существование на карте Нижнего Новгорода улиц *Интернациональной, Совнаркомовской,* площади *Ленина* и улиц *Большой Покровской, Рождественской, Ильинской* говорит, что в топонимическом пространстве находят выражение несколько картин мира.

Таким образом, одним из культурологических начал в понимании и изучении ономастики выступает аксиологическое осмысление её содержания.

Другим культурологическим началом становится осмысление текста как формы существования культуры. При этом текст будет рассматриваться в семиотическом

понимании как набор знаков, несущих смысл, отражающий идею-ценность. Тогда названия улиц на карте города выступают в качестве текста, адресованного горожанам. Исследователи в толковании городского текста и горожанина как его читателя выделяют и разные каналы для восприятия (визуальные, тактильные и др.), и формы фиксации текста (статичные и в движении), и богатство текстового репертуара (вывески, реклама, граффити и т.д.) [Шмелёва 2012]. Среди развивающегося текстового пространства современного города важнейшим его выразителем остаются названия улиц и городских объектов, так называемая «языковая одежда» улиц. Известно, что процесс чтения текста предполагает активное участие читателя. «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух авторов. <…> Это – встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» [Бахтин 1997: 310]. Приведённые рассуждения позволяют обратиться к ещё одному положению культурологии образования, рассматривающему культуру как диалог-сотворчество. Культура ожидает субъектной позиции человека в своём пространстве. По отношению к восприятию топонимов как своеобразного городского текста, создающего образ места, можно говорить о топонимической грамотности.

Итак, к культурологическим началам изучения ономастики со студентами-педагогами мы относим: организацию аксиологического осмысления ономастического содержания, восприятие урбанонимов как элементов особого городского текста, чтение которого требует специальной подготовки, введение учащихся в активную субъектную позицию при взаимодействии с топонимическим пространством, в котором человек понимается ответственным его участником – наследником и создателем.

Способ осуществления обозначенных культурологических начал – это выделение принципов номинации со студентами-педагогами и разработка на их основе занятий для учащихся.

Работа происходит с использованием карты города в минигруппах. Студентам предлагается найти несколько улиц и попытаться дать им объяснения. Топонимы подбираются так, чтобы их состав отражал разные принципы номинации. Приведём пример по городу Нижний Новгород:

- *ул. Пожарского, ул. Дружбы, Московское шоссе, ул. Рождественская, ул. Ветеринарная;*
- *ул. Максима Горького, ул. Свободы, Казанское шоссе, Ильинская ул, проспект Кораблестроителей;*
- *ул. космонавта Комарова, бульвар Мира, Южное шоссе, пл. Театральная, ул. Малая Ямская.*

Затем группы по очереди представляют объяснения одного из топонимов своего списка, другие включаются в обсуждение, находя в своих списках улицы, получившие

названия похожим способом, тем самым происходит выделение принципов номинации. При этом происходит и обозначение ценностей, которые определяют топонимическое пространство города. По нашему мнению, можно обратиться к следующим принципам номинации:

- по именам (фамилиям) выдающихся людей – ценность служения Отечеству;
- по значимым для общества категориям – ценности дружбы, свободы, мира и другие;
- географический принцип номинации городских улиц – ценность взаимодействия и единения регионов;
- по объектам, расположенным на улице или поблизости от неё. Характер объектов определяет ценность: если это храмы, то ценность веры, если театр, то ценность творчества;
- по профессиям – ценность труда и мастерства.

Описанная организация занятия, таким образом, позволит создать ситуацию осмысления аксиологических начал городских топонимов.

Разработка вместе со студентами – будущими педагогами занятий для школьников по топонимике, включающих, например, краеведческие исследования, может способствовать развитию и у студентов, и у учеников субъектной позиции активного горожанина. Темой может выступить «языковая одежда». Обсуждение с учащимися вопросов – «Кто может придумывать названия кафе, магазинов, салонов красоты и т.д.?», «Есть ли правила для сочинения таких названий?» – будет пробуждать интерес к теме городской топонимики. Следом можно организовать исследовательскую работу по сбору информации о микротопонимах. Анализ собранных краеведческих материалов позволит провести выделение принципов номинации городских объектов, оценить их ценностные основания. Например, принцип заимствования иностранных слов и использования латиницы для написания русских слов вызван желанием привлечь потребителя. Так, на ул. *Большая Покровская*, что выступает одной из центральных туристических улиц Нижнего Новгорода, можно встретить такие названия *La Terrasse, Bubble Cafe, Travtitr's Coffe, BerËzka, Molokoleto*. Такая позиция допускает, что ценностью в данном случае выступает преклонение перед западной цивилизацией. Отметим, что мы не призываем к применению исключительно российских слов-образов для микротопонимов (*Ёж*, *Волга*, *Тарелкин* на той же улице), возможно обращение к образам мировой культуры на родном языке – *Марк Твен*, *Хачапурия*, *Сан Ремо* соседствуют с вышеназванными топонимами. Дальнейшая логика изучения темы «Языковой одежды» предполагают разработку проектов новых названий. Важно, чтобы учащийся в ходе создания проектов осмыслял себя как горожанина, не просто проживающего в этом месте, но человеком, который отвечает за жизнь города,

её активным участником, которому есть, что предложить своим соотечественникам для украшения улиц города и его топонимического пространства.

Итак, изучение со студентами-педагогами ономастики на культурологических началах открывает возможности воспитания у подрастающего поколения топонимической грамотности, которая будет включать в себя ориентацию не только в географическом пространстве (где и какая улица расположена), но и в культурном (смыслы и ценности, заключённые в топонимах). Результатом становится формирование позиции активного горожанина, способного оценить городские топонимы и ответственно отнестись к созданию новых.

Литература и источники.

Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: «Русские словари», 1997. С. 306–326.

Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 152 с.

Гуревич А.Я. От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном. М., 1993. С. 16–29.

Орлова Е.О. Принципы номинации улиц Великого Новгорода в контексте культурологии // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Междунар. науч. конф. «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13-15 ноября 2001 г. / Отв. ред. В.Л. Васильев; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. С. 59–64.

Шмелёва Т.В. Горожанин как читатель // Филологический дискурс: Вестник Института гуманитарных наук ТюмГУ. Вып. 10. Город как культурное пространство. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 7–11.

E.O. Orlova
(Veliky Novgorod, Russia)

CULTUROLOGICAL STUDY OF ONOMASTICS WITH TEACHER'S INSTITUTE STUDENTS

The culturological basis of the study of onomastics includes: the organization of axiological understanding of the content, the perception of urbanonyms as elements of a special urban text, the introduction of students to an active subjective position in interaction with the toponymic space. Distinguishing of the nomination principles with teacher's institute students and development of classes for students on their basis are revealed as a way of forming toponymic literacy.

Key words: values in the content of onomastics, nomination principles, toponymic literacy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анкудинов Игорь Юрьевич, старший научный сотрудник; Государственный архив Новгородской области; г. Великий Новгород, Россия; ankudinovu@mail.ru.

Антонов Антон Викторович, аспирант; Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Институт филологии и культуры; г. Ярославль, Россия; antonjan93@mail.ru.

Афанасьева Анастасия Алексеевна, аспирант; Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории; г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; anastasia20085@mail.ru.

Ахметова Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник: 1) Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2) Московская высшая школа социальных и экономических наук; г. Москва, Россия; malinxi@rambler.ru.

Бай ШаньШань, магистрант; Уральский федеральный университет; г. Екатеринбург, Россия, г. Тун Ляо, Китай; 14747582724@163.com.

Бакутов Владимир Александрович, учитель географии; Большепаратская средняя общеобразовательная школа; с. Новые Параты, Республика Марий Эл, Россия; vladimirbakutov@yandex.ru.

Батулина Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; b.av@bk.ru.

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор; Оренбургский государственный педагогический университет; г. Оренбург, Россия; bekasova@mail.ru.

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент; Самарский государственный социально-педагогический университет; г. Самара, Россия; belenov82@gmail.com.

Богатырёв Арсений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент; Поволжский православный институт; г. Тольятти, Россия; sob1676@yandex.ru.

Болеста-Врона Божена, магистрант / аспирантка филологического факультета Университета в Белостоке; г. Белосток, Польша; b.bolesta.wrona@gmail.com.

Бубнова Нина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент; Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской

Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского; г. Смоленск, Россия; 85ninochka67@mail.ru.

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник; Институт лингвистических исследований РАН; г. Санкт-Петербург, Россия; albury@mail.ru.

Валиева Мадина Раилевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник; Институт истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра РАН; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; valieva_1979@list.ru.

Варникова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; фрилансер; г. Вологда, Россия; e-varnikova@yandex.ru.

Васильев Валерий Леонидович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; vihnn@mail.ru.

Васильева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник; Институт языкознания РАН; г. Москва, Россия; vasileva-natalia@yandex.ru.

Верещагина Анна Николаевна, преподаватель; Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны; г. Ярославль, Россия; anyutaver@hotmail.com.

Верещагина Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны; г. Ярославль, Россия; olgavereshchagina@mail.ru.

Верховых Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Воронежский государственный университет, Борисоглебский филиал; г. Борисоглебск, Россия; lverhovyh@mail.ru.

Вихрова Нина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; vihnn@mail.ru.

Волкова Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; г. Москва, Россия; svet-volkova@yandex.ru.

Врона Януш, инженер, сотрудник Центра исследований и разработок предприятия SaMash; г. Белосток, Польша; b.bolesta.wrona@gmail.com.

Врублевская Оксана Валентиновна, доктор филологических наук, доцент; Волгоградский государственный социально-педагогический университет; г. Волгоград, Россия; gesse-wolf2009@yandex.ru.

Гайдамашко Роман Валентинович, кандидат филологических наук, научный сотрудник; Институт лингвистических исследователей РАН; г. Санкт-Петербург, Россия; gaidamashko@gmail.com.

Галиуллина Гульшат Раисовна, доктор филологических наук, профессор; Казанский (Приволжский) федеральный университет; г. Казань, Республика Татарстан, Россия; caliullina@list.ru.

Гальцова Дарья Николаевна, студент; Воронежский государственный университет; г. Воронеж, Россия; darij98@yandex.ru.

Ганжина Ирина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент; Тверской государственный университет; г. Тверь, Россия; emmaus1962@yandex.ru.

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник; Костромской государственный университет; г. Кострома, Россия; gantsovsky_n@mail.ru.

Гезайли Надя, доктор филологических наук, доцент; Университет Алжир 2 им. Абу Эль Касем Саад Аллах; г. Алжир, Алжир; pawug2007@mail.ru.

Генералова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет; г. Санкт-Петербург, Россия; elena-generalova@yandex.ru.

Гиржева Галина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; girzhevagalina@yandex.ru.

Головина Любовь Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент; Псковский государственный университет; г. Псков, Россия; golovinapsk@yandex.ru.

Голомидова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор; Уральский федеральный университет; г. Екатеринбург, Россия; marinagolomidova@urfu.ru.

Гордова Юлиана Юрьевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник; Институт языкознания РАН; г. Москва, Россия; onyma-ryazan@yandex.ru.

Горлова Татьяна Владимировна, начальник отдела сопровождения публикационной деятельности; Костромской государственный университет; г. Кострома, Россия; tat4060@yandex.ru.

Горяев Сергей Олегович, кандидат филологических наук, доцент; 1) Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2) Миссионерский институт; Екатеринбург, Россия; Gorajev@yandex.ru.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, доктор филологических наук, профессор; Дагестанский государственный университет; г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия; garun48@mail.ru.

Дамбуев Игорь Александрович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН; г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия; igor_dambuev@mail.ru.

Деникина Анна Евгеньевна, магистрант; Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; г. Самара, Россия; anna.denikina@mail.ru.

Джафаров Эдгар Микаил оглу, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник; Институт информационных технологий Национальной академии наук Азербайджана; г. Баку, Азербайджан; yedgar@yandex.ru.

Донскова Галина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент; Западно-Казахстанский государственный университет им. Махамбета Утемисова; г. Уральск, Казахстан; galina_anatolievna0404@mail.ru.

Дорофеенко Марина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент; Витебский государственный университет им. П.М. Машерова; г. Витебск, Беларусь; mari008@mail.ru.

Егорова Анна Семёновна, кандидат филологических наук, доцент; Чувашский республиканский институт образования; г. Чебоксары, Чувашская Республика, Россия; annaerenar@mail.ru.

Емельянова Аксана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент; Уфимский юридический институт МВД России; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; aksme@yandex.ru.

Ефименко Ирина Вадимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Институт украинского языка Национальной академии наук; г. Киев, Украина; i.yefimenko@mail.ru.

Железнова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент; Удмуртский государственный университет; г. Ижевск, Республика Удмуртия, Россия; youliageleznova@gmail.com.

Заика Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; w.i.zaika@gmail.com.

Залужанская Светлана Александровна, курсант; Пермский институт ФСИН России; г. Пермь, Россия.

Заонегина Валентина Викторовна, аспирант; Торжокский политехнический колледж; г. Торжок, Тверская область, Россия; zaoneginavv@mail.ru.

Захарова Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник; Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории; г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; katja.zaharova@mail.ru.

Иваненко Александр Владимирович, кандидат филологических наук, научный сотрудник; Институт украинского языка Национальной академии наук; г. Киев, Украина; skifetym@gmail.com.

Ильин Вячеслав Николаевич, ведущий инженер; Ульяновское конструкторское бюро приборостроения; г. Ульяновск, Россия.

Исаев Юрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, ректор Чувашского республиканского института образования; г. Чебоксары, Чувашская Республика, Россия; chrio@cap.ru.

Казнина Елена Андреевна, магистрант; Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; г. Ярославль, Россия; kaznina.elena@mail.ru.

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова; г. Абакан, Республика Хакасия; adkaksin@yandex.ru.

Калинин Степан Сергеевич, аспирант; Кемеровский государственный университет; г. Кемерово, Россия; rage_of_gods@inbox.ru.

Калинкин Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка; Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького; г. Донецк, Донецкая Народная Республика; kalinkin.valeriy@mail.ru.

Картавенко Вера Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка; Смоленский государственный университет; г. Смоленск, Россия; vera-kartavenko@yandex.ru.

Климкова Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал; г. Арзамас, Нижегородская область, Россия; dialekt_arz@mail.ru.

Кобыскан Александр Степанович, кандидат филологических наук, доцент; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; sgtpepper1989@yandex.ru.

Ковалев Геннадий Филиппович, доктор филологических наук, профессор; Воронежский государственный университет; г. Воронеж, Россия; kovalev@phil.vsu.ru.

Комлева Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент; Вологодский государственный университет; г. Вологда, Россия; k.nati@mail.ru.

Копач Олег Игоревич, кандидат филологических наук, доцент; Белорусский государственный университет; г. Минск, Беларусь; aleh@bk.ru.

Копылов Игорь Леонович, кандидат филологических наук, директор Института языкознания им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси; г. Минск, Беларусь; iharkap@gmail.com.

Королева Инна Александровна, доктор филологических наук, профессор; Смоленский государственный университет; г. Смоленск, Россия; innakor@mail.ru.

Кошелева Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; tatkosh68@mail.ru.

Крюкова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет; г. Волгоград, Россия; kryukova-irina@yandex.ru.

Кузнецов Александр Васильевич, сельский учитель, краевед; г. Тотьма, Вологодская область, Россия; kuznetsovustpech@yandex.ru.

Кюршунова Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, доцент; 1) Петрозаводский государственный университет; 2) ведущий научный сотрудник Института языка, литературы, истории Карельского научного центра РАН; г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; kiam24@mail.ru.

Левушкина Ружица, доктор филологических наук, научный сотрудник; Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств; г. Белград, Сербия; ruzica9352@hotmail.com.

Лесников Сергей Владимирович, кандидат филологических наук; программист Отдела лексикографии Института лингвистических исследований РАН; г. Санкт-Петербург, Россия; serg@lsw.ru.

Летаева Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент; Одинцовский филиал Московского государственного института (университета) международных отношений МИД РФ; г. Москва, Россия; letaewa.n@yandex.ru.

Лукина Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент; Могилёвский институт МВД Республики Беларусь; г. Могилёв, Беларусь; ydacha-ola@mail.ru.

Макарова Анна Андреевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Уральский федеральный университет; г. Екатеринбург, Россия; toponimist@yandex.ru.

Мезенко Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор; Витебский государственный университет им. П.М. Машерова; г. Витебск, Беларусь; mezenka1@yandex.ru.

Милуд Мохамед Рашид, доктор филологических наук, доцент; Университет Алжир 2 им. Абу Эль Касем Саад Аллах; г. Алжир, Алжир; medrachid.miloud@univ-alger2.dz.

Михайлова Любовь Петровна, кандидат филологических наук, доцент; Петрозаводский государственный университет; г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; posnm87@bk.ru.

Мордань Михал, кандидат филологических наук, научно-дидактический сотрудник; Институт восточнославянской филологии; Университет в Белостоке; г. Белосток, Польша; michal1437@gmail.com.

Муллонен Ирма Ивановна, доктор филологических наук, профессор; Институт языка, литературы, истории Карельского научного центра РАН; г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; mullonen@krc.karelia.ru.

Мухаметгареева Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель; Башкирский государственный университет; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия.

Мызников Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН; главный научный сотрудник; 1) Институт лингвистических исследований РАН; 2) Институт славяноведения РАН; г. Санкт-Петербург, г. Москва, Россия; myznikovs@rambler.ru.

Назаров Алоис Ильич, главный редактор Веб-проекта «Планета имен и фамилий»; г. Алматы, Казахстан; ld212@yandex.ru.

Неганова Галина Дмитриевна, кандидат культурологии; Костромской государственный университет; г. Кострома, Россия; cultland@yandex.ru.

Никитина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор; Псковский государственный университет; г. Псков, Россия; cambala2007@yandex.ru.

Николаев Егор Револьевич, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН; Россия, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия; 1953307@mail.ru.

Орлова Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; oeo55555@mail.ru.

Пашаева Юнус Фирангиз Шахмуровна, доктор филологии, профессор; Кавказский университет; г. Карс, Турция; firanqiz@mail.ru.

Полежаева Светлана Серафимовна, кандидат филологических наук, доцент; Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; г. Тирасполь, Молдова, Приднестровье; svetlanapolejaeva1506@mail.ru.

Попов Сергей Александрович, кандидат филологических наук; Воронежский государственный университет; г. Воронеж, Россия; spo@bk.ru.

Попцова Ольга Сергеевна, кандидат сельскохозяйственных наук, старший преподаватель; Пермский институт ФСИН России; г. Пермь, Россия.

Приображенский Андрей Владимирович, кандидат филологических наук; Петрозаводский государственный университет; г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия; primlp47@list.ru.

Разумов Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент; Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; г. Ярославль, Россия; rvrazumov@list.ru.

Рассадин Александр Павлович, кандидат филологических наук, доцент; Центр стратегических исследований Ульяновской области; г. Ульяновск, Россия; volgar@bk.ru.

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, доцент; Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; г. Москва, Россия; mmrepenkova@rambler.ru.

Рогалёва Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор; Псковский государственный университет; г. Псков, Россия; cambala2007@yandex.ru.

Романова Татьяна Павловна; кандидат филологических наук, доцент; Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева; г. Самара, Россия; romanovatp@mail.ru.

Русанова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент; Удмуртский государственный университет; г. Ижевск, Россия; rusanovaiy@gmail.com.

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор; Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; г. Москва, Россия; sadokova@list.ru.

Семёнова Виктория Ильинична, кандидат филологических наук, доцент; Иркутский государственный университет; г. Иркутск, Россия; semenova1963@mail.ru.

Сироткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, доцент; Сургутский государственный педагогический университет; г. Сургут, Тюменская область, Россия; sirotkina71@mail.ru.

Соколова Татьяна Петровна, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры судебных экспертиз; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина; г. Москва, Россия; tsokolova58@mail.ru.

Сулейманова Резида Ахметьяновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Институт истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра РАН; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; suleimanova-r@mail.ru.

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет; г. Волгоград, Россия; suprun@vspu.ru.

Теуш Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент; Уральский федеральный университет; г. Екатеринбург, Россия; olga.teush@yandex.ru.

Торкар Сильво, научный сотрудник; Научно-исследовательский центр Словенской Академии наук и искусств, Институт словенского языка им. Франа Рамовша, этимолого-ономастический сектор; г. Любляна, Словения; silvot@zrc-sazu.si.

Третьякова Светлана Юрьевна, аспирант; Тюменский государственный университет; г. Тюмень, Россия.

Утарова Нургуль Таскалиевна, магистр; Западно-Казахстанский государственный университет им. Махамбета Утемисова; г. Уральск, Казахстан; nurgul_utarova@mail.ru.

Федотова Ксения Сергеевна, кандидат филологических наук; фрилансер; г. Донецк, Донецкая Народная Республика; ks-weiss@mail.ru.

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан; г. Казань, Республика Татарстан, Россия; guzhaz@mail.ru.

Хвесько Тамара Владимировна; доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры; Тюменский государственный университет; г. Тюмень, Россия; khvesko@inbox.ru.

Цветкова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент; Костромской государственный университет; г. Кострома, Россия; elv15@list.ru.

Цепкова Анна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент; Новосибирский государственный педагогический университет; г. Новосибирск, Россия; a_tsepkova@mail.ru.

Черненок Марина Юрьевна, учитель русского языка и литературы, главный хранитель Музея дворянского рода Бакуниных; Прямухинская средняя общеобразовательная школа; с. Прямухино, Тверская область, Россия; marinachernenok@yandex.ru.

Черногрудова Елена Петровна, кандидат филологических наук, доцент; Воронежский государственный университет, Борисоглебский филиал; г. Борисоглебск, Воронежская область, Россия; chernogrudova@rambler.ru.

Шапошников Александр Константинович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Отдел этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; г. Москва, Россия; possidima@gmail.com.

Шеремета Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры кинологии; Пермский институт ФСИН России; г. Пермь, Россия.

Шклярик Вадим Александрович, кандидат филологических наук, научный сотрудник; филиал «Институт языкознания им. Якуба Коласа» Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси; г. Минск, Беларусь; vsh@philology.by.

Шмелева Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; г. Великий Новгород, Россия; szmiel@mail.ru.

Шульгач Виктор Петрович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; Институт украинского языка Национальной академии наук Украины; г. Киев, Украина; victor.shulgach@ukr.net.

Шустова Анна Павловна, магистрант; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; г. Москва, Россия; annsh@list.ru.

Яковлева Евгения Андреевна, доктор филологических наук, профессор; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; e_yakov@mail.ru.

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

Материалы XVII Международной научной конференции
Великий Новгород,
17–20 сентября 2019 года

Научное издание

На обложке – панорама истока Волги.
Фото: В.Л. Васильев

Верстка, технический редактор, корректор: Н.Н. Вихрова

Подписано в печать 30.07.2019 г.
Печ. л. 35. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в ООО «ТПК «Печатный Двор»
г. Великий Новгород, ул. Нехинская, д.61,
производственный корпус 3.
тел. 8(816-2) 502-233